ГРАКХ БАБЕФ

СОЧИНЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПАРТИЙНЫЙ АРХИВ
ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

СОЧИНЕНИЯ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1977

ГРАКХ БАБЕФ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ТРЕТИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1977

В третьем томе сочинений Гракха Бабефа публикуются произведения и письма за 1794—1795 гг. — за первый год после переворота 9 термидора. В томе впервые публикуется на русском языке знаменитая газета Бабефа «Трибун народа». Проявив некоторые колебания в первые недели после переворота, Бабеф вступает затем в решительную борьбу против термидорианского Конвента. Он одним из первых готовит «мирное восстание» парижских предместий. Арестованный за свои революционные призывы, Бабеф в аррасской тюрьме закладывает первые камни движения во имя равенства. Во время контрреволюционного мятежа 13 вандемьера Бабеф организует выступление политических заключенных в защиту Республики. Освобожденный после подавления мятежа, Бабеф переходит к открытой коммунистической пропаганде.

Редакционная коллегия:

В. М. ДАЛИН (ответственный редактор),
А. З. МАНФРЕД, О. К. СЕНЕКИНА, А. СОБУЛЬ,
Г. С. ЧЕРТКОВА

Перевод Е. В. РУБИНИНА

Б $\frac{10603\text{-}232}{042\ (02)\text{-}77}$ Подписное издание

БАБЕФ В АРРАССКОЙ ТЮРЬМЕ

Гравюра Майара

(Архив департамента Па-де-Кале. Коллекция Барбье)

БАБЕФ В 1794—1795 ГГ. ФАКТЫ И ИДЕИ

В отличие от первых двух томов, каждый из которых содержит сочинения Г. Бабефа за несколько лет, настоящий, третий, том охватывает гораздо более короткий период — всего лишь около 15 месяцев, от 9 термидора до конца деятельности термидорианского Конвента, до публикации в 35-м номере «Трибуна народа» знаменитого «Манифеста плебеев» Бабефа. В его жизни эти месяцы имеют исключительное значение: Бабеф выступает уже не в качестве локального деятеля, «Марата Пикардии», он становится одним из лидеров демократической Франции, ее Трибуном народа, а к концу 1795 г. впервые открыто выступает под коммунистическим знаменем.

К концу мессидора II года (июль 1794 г.) Бабеф находился еще в Лане, где пересматривался приговор по его судебному делу, по лживому обвинению в «подлоге». 30 мессидора (18 июля) он был наконец, после почти 8-месячного заключения, освобожден «под залог», но задержался в Лане из-за болезни своего старшего сына, Робера (Эмиля). В первых числах термидора он вместе с выздоровевшим сыном направился в Париж. Часть пути он проделал пешком. Был ли он уже там 9 термидора, в день падения Робеспьера? Ромен Роллан в своей драме «Робеспьер» включает Бабефа в число действующих лиц в день переворота. Но это, по-видимому, художественный вымысел. Судя по всему, Бабеф очутился в Париже только накануне или сейчас же после переворота. О том, что он делал в первые полтора месяца своего пребывания в Париже, до начала сентября 1794 г., мы знаем очень немного. Бабеф, по его словам, вновь получил работу в центральной продовольственной администрации, где служил до своего ареста поздней осенью 1793 г. Но его неудержимо влекла политическая деятельность. Через пять недель после термидорианского переворота, 17 фрюктидора (3 сентября 1794 г.), он выпускает 1-й номер своей «Газеты свободы печати». Впервые после 1790 г., после «Пикардийского корреспондента», он осуществляет свою давнюю мечту — редактирует собственную газету, обращается ко всему Парижу, ко всей Франции.

Однако далеко не сразу Бабефу удалось заговорить в полный голос, изложить те идеи, которые ему были дороги еще с середины 80-х годов. Из тюрьмы небольшого провинциального городка он сразу попал в накаленную политическую обстановку столицы, где только что произошел переворот и развернулась острейшая борьба за дальнейшее направление политики страны, где все еще было неопределенно и стороны еще не отваживались выступать с открытым забралом. Сразу разобраться в обстановке и в людях было далеко не просто. К тому же Бабеф, как и во все годы революции, был материально совершенно необеспеченным человеком. Для издания газеты нужны были средства. Ими Бабефа снабдил Гюффруа, депутат Конвента от Арраса. В первые годы революции Гюффруа был верным последователем своего земляка Максимилиана Робеспьера, и ему был обязан своим политическим продвижением. Но хитрый, гибкий и отнюдь не «добродетельный» человек, Гюффруа вызвал недоверие Робеспьера и летом 1794 г. оказался одним из его злейших противников [1] и участников термидорианского заговора. Став издателем газеты, Гюффруа, несомненно, стремился навязать редактору свои антиробеспьеристские взгляды и симпатии. Немногим больше чем через месяц между редактором и издателем произойдет самый решительный разрыв. Но в течение этого первого месяца на газете сказывались и влияние Гюффруа, и вся неистовая антиробеспьеристская кампания, которая велась в Париже сразу же после казни Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона.

Бабеф начал издание своей газеты в сложной политической обстановке. Большинство членов комитетов общественного спасения и общественной безопасности, содействовавшие свержению Робеспьера, не собирались, однако, решительно менять курс своей политики, они рассчитывали продолжать политику «робеспьеризма, но без Робеспьера». Правое же крыло термидорианского блока стремилось к совершенно противоположному: оно добивалось полного изменения всего курса политики, особенно социальной. Относительное единение царило поэтому только в первые дни и недели после переворота. Ровно через месяц, 9 фрюктидора (26 августа 1794 г.), появился изданный в той же типографии Гюффруа ядовитый памфлет Меэ де ла Туша «Охвостье Робеспьера, или Об опасности свободы печати». Меэ-младший, выступивший под псевдонимом-анаграммой Фельэмези, был хорошо известен как ближайший сотрудник Тальена, одного из руководителей правого крыла термидорианцев.

---

[1] Александр Дарте, будущий сподвижник Бабефа, казненный вместе с ним в Вандоме, писал 29 вантоза II года (19 марта 1794 г.) Робеспьеру из Арраса: «Гюффруа восстановил против себя всех патриотов: он должен быть исключен из общества (якобинцев. — *В. Д.*). Последние номера его газеты и его письмо к Дюбуа отвратительны. . .» (ЦПА ИМЛ, ф. 320, д. 301 Д-У).

Три дня спустя в Конвенте выступил Лоран Лекуантр, депутат от Версаля, с обвинительным актом, в котором требовал немедленного отстранения и преследования «робеспьеристского охвостья», в первую очередь виднейших членов правительственных комитетов — Барера, Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Вадье, Амара и др. Правое крыло термидорианцев добивалось тем самым полного устранения вслед за Робеспьером всех, кто руководил революционным правительством II года. Якобинское крыло Конвента пыталось этому воспротивиться. Предложение Лекуантра было решительно отклонено. Так как всем было ясно, что за спиной Меэ и Лекуантра стояли Тальен и другой лидер правых термидорианцев, бывший маратист, Фрерон, то 17 фрюктидора (3 сентября) по предложению Каррье из состава Якобинского клуба, закрытого было 10 термидора, но вновь возобновившего свою деятельность через несколько дней, были исключены Тальен, Фрерон и Лекуантр. Через десять дней после этого останки Марата были перенесены в Пантеон. Казалось, что якобинцы удерживают свои позиции. «Нужно проявить силу и энергию, иначе охвостье Робеспьера отрежет нам голову», — с опаской писал в те дни один из наиболее решительных лидеров правого крыла термидорианцев, бывший маркиз Ровер[2].

Но правые термидорианцы не могли еще открыто выступить под своим флагом. Они ограничились пока лозунгом полной свободы печати, которая им была необходима для антиробеспьеристской, а по существу для антиякобинской, пропаганды. Тальен в одной из своих речей заявляет: «Свобода печати или смерть». 9 фрюктидора (26 августа), в день появления памфлета Меэ, Фрерон в Конвенте утверждает: «Свободы печати не существует, если она не является неограниченной».

В этой сложной обстановке, когда правое крыло термидорианцев выступило под лозунгом свободы печати, увидел свет 1-й номер «Газеты свободы печати», эпиграфом к которой Бабеф взял слова именно из этого выступления Фрерона. Это как будто бы и определяло направление газеты.

В первых номерах — в настоящем томе публикуются все номера газеты — Бабеф сочувственно упоминает и памфлет Фельэмези, и выступление Лекуантра. Он приветствует возобновление Фрероном (25 фрюктидора) издания своей газеты «Оратор народа» и Тальеном (в сотрудничестве с Меэ) «Друга граждан» (с 1 вандемьера). Он называет их своими союзниками («coathlètes»), готов причислить их к партии «защитников прав человека». Он охотно принимает звание «Атиллы робеспьеризма». Он выступает против «наследников Робеспьера» и за полную ликвидацию «революционного правительства». Он высказывается против пети-

---

[2] См. *A. Mathiez.* La réaction thermidorienne. Paris, 1929. Книга А. Матьеза до сих пор остается лучшим сводным очерком истории термидорианской реакции. См. также: *G. Lefebvre.* Les Thermidoriens. Paris, 1937; *К. П. Добролюбский.* Термидор. Одесса, 1949.

ции дижонских якобинцев, ставшей на время как бы платформой для всей якобинской Франции, и против выдвинутых в ней требований: сохранения в силе законов против подозрительных, отстранения от общественных должностей всех бывших дворян и священников, ограничения свободы печати и т. д. Все это дало основание Альберу Матьезу рассматривать Бабефа как союзника Фрерона и Тальена и даже как «одного из первых руководителей золотой молодежи»[3].

Этот вывод, однако, совершенно неправилен. Несомненно, в первые месяцы термидорианской реакции Бабеф допустил ошибки в оценке и революционного правительства, и подлинной роли тех термидорианцев, которые его свергли, а после переворота продолжали борьбу за полную ликвидацию всех политических и социальных завоеваний якобинской диктатуры. Бабеф — как мы сейчас это увидим — очень скоро понял свою ошибку и впоследствии искренне и с горечью писал, что «зол на себя» за то, что так жестоко и несправедливо осуждал Робеспьера и революционное правительство.

Но дело не только в этих позднейших признаниях и не в том, что даже в самый разгар травли Робеспьера в 1-м же номере своей газеты Бабеф имел мужество напомнить, что для него существуют «два Робеспьера» и что, по его мнению, до середины 1793 г. Робеспьер оставался «апостолом свободы», принципиальным, «подлинным патриотом». Как раз в эти первые недели термидорианской реакции Бабеф тщательно конспектировал (одновременно с «Цепями рабства» Марата) «Письма к избирателям» Максимилиана Робеспьера (эти заметки, сохранившиеся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС, публикуются в Приложениях к настоящему тому) и ссылался на них даже в самых антиробеспьеристских номерах своей газеты.

Не это, однако, главное. А. Матьез не заметил или не оценил в должной мере того факта, что с самого начала своего возвращения к политической деятельности Бабеф занял совершенно отчетливо *самостоятельную* позицию на самом крайнем, подлинно демократическом фланге тех революционных сил, которые сохранились еще в Париже и во Франции. Сейчас же после 9 термидора уцелевшие деятели Парижской коммуны и секций, «недобитые» секционные деятели, эбертисты и «бешеные» сделали попытку объединиться и восстановили так называемый Электоральный клуб — демократическое общество, собиравшееся в здании бывшего Епископства. В годы революции в нем заседали парижские выборщики (électeurs), и потому-то клуб получил название Электорального. Бабеф, который уже летом 1793 г. установил связи с парижским демократическим движением и был активным деятелем секционного движения в августе 93 года[4] (предшество-

---

[3] *A. Mathiez*. Op. cit., p. 96.
[4] См. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2. М., 1976.

вавшего известному сентябрьскому движению, приведшему к введению всеобщего максимума), сейчас же после своего возвращения в Париж примыкает к электоральцам. Их связывают общие взгляды: с самого начала революции Бабеф был сторонником чистой, неограниченной «прямой демократии». В своих выступлениях Бабеф многократно цитировал Руссо и вполне разделял его недоверчивое отношение к «представительному правлению». В парижских дистриктах и секциях Бабеф еще в 1790 г. видел идеальное воплощение прямой, непосредственной, а не представительной демократии. Идея революционной диктатуры была ему тогда совершенно чужда. Естественно, что и в 1793—1794 гг. установление неограниченной, диктаторской власти Конвента, а тем более назначение, а не выборы местных органов власти представлялись ему недопустимым ограничением суверенитета народа. Вот почему нападки на режим «революционного правительства» казались ему совершенно обоснованными. Бабеф добивался немедленного восстановления народного суверенитета, всемерного укрепления парижских секций, Народных обществ, неограниченной свободы печати и петиций для действенного контроля над Конвентом и всеми органами администрации. Вот почему именно Электоральный клуб, секция Музея, возглавляемая Легрэ (подвергавшимся преследованиям накануне 9 термидора и освобожденным только после переворота), были подлинными союзниками Бабефа, к которым он немедленно примкнул.

Заседания Электорального клуба он посещал еще до выпуска своей газеты. Когда вышел ее 1-й номер, он немедленно отправился с ним к электоральцам. Мы впервые публикуем в томе проект его речи, сохранившийся в архиве ИМЛ, которую он предполагал произнести в клубе в связи с выходом газеты. Еще раньше Бабеф обратился к клубу, доказывая необходимость издания органа, который защищал бы принципы, отстаиваемые клубом. Его письмо было встречено с некоторым недоверием. Теперь, после появления 1-го номера, Бабеф просил «несколько минут внимания для зачтения номера моей газеты не ради того, чтобы подтвердить перед вами мои принципы, а ради того, чтобы вы услышали голос мужества, столь необходимого сегодня...»

Несколько номеров своей газеты (в частности 7-й, 13-й, 22-й) Бабеф почти целиком посвятил публикации петиций клуба в Конвент, их защите от нападок руководителей Конвента, в том числе и Бийо-Варенна, обвинявшего электоральцев в том, что они продолжают «интриги» Эбера. Бабеф решительно поддерживал оба основных требования клуба — о неограниченной свободе печати и, самое главное, о немедленном восстановлении выборного парижского муниципалитета. Характерно, однако, что, когда Электоральный клуб в своей петиции от 7 вандемьера (оглашенной в Конвенте 10 вандемьера — 1 октября 1794 г.) выдвинул требование свободы торговли, т. е. отмены максимума, Бабеф сразу же отмежевался от этого требования. В первых 22 номерах газеты (с 23-го

номера он дал ей уже новое наименование — «Трибун народа, или Защитник прав человека», знаменитое название, с которым эта газета навсегда вошла в историю коммунистической мысли [5]) Бабеф как бы намеренно уклонялся от освещения столь обычных для него социальных проблем и ограничивался обсуждением только политических вопросов. В этом, возможно, состоял один из пунктов его фактического компромисса с Гюффруа, обеспечившего возможность выхода газеты. Однако принципиальность Бабефа немедленно проявилась тогда, когда был затронут один из устоев прогрессивной социальной политики II года. В этих вопросах он не шел ни на какие компромиссы даже со своими ближайшими союзниками, «электоральцами» [6].

Защита Электорального клуба и привела очень скоро — почти через месяц со дня выхода 1-го номера газеты — к объявлению Бабефом войны Фрерону. Термидорианцы всех оттенков — в этом отношении они в первое время были едины — не забывали о существовании угрозы режиму слева, со стороны парижских санкюлотов, парижских секций. 31 мая—2 июня были еще у всех в памяти, и термидорианский Конвент с полным основанием — это показали события весны 1795 г. — боялся новых выступлений парижских предместий. Вот почему всякая агитация слева, всякая попытка возродить Народные общества, всякая критика Конвента со стороны деятелей парижского демократического движения встречались в штыки. Бийо-Варенн, который сам вскоре пригрозил, что «лев еще не умер, а только дремлет», не случайно напоминал об Эбере, выступая против первой же петиции Электорального клуба и предложив передать дело о ней в Комитет общественной безопасности. Автор петиции — бывший эбертист и будущий бабувист — Жозеф Бодсон был немедленно подвергнут Комитетом аресту.

Так же решительно 10 вандемьера (1 октября) отверг петицию клуба Андре Дюмон, давний противник Бабефа в деп. Сомма еще в первые годы революции, бывший в те дни очередным президентом Конвента: «Революционное правительство, — заявил он, — выступает против ваших требований. Долг патриотов — подчиниться законам. Конвент сумеет спасти народ, ударив по тем, кто хочет спровоцировать волнения». Это вызвало негодование Ба-

---

[5] Переименовывая газету, Бабеф окончательно принял и новое имя Гракха в честь римского защитника «аграрного закона». В первые годы революции Франсуа-Ноэль Бабеф стал называть себя Камиллом. В 23-м номере «Трибуна народа» он объяснил причины отказа от этого имени. Но уже и в 1793 г. Бабеф иногда называл себя Гракхом.

[6] «Мы безоговорочно одобряем, — писал он в 22-м номере своей газеты, — лишь ту часть этого обращения, которая относится к требованию суверенных прав. Вопрос о торговле нуждается в более углубленном рассмотрении: можно многое сказать по поводу скупки и спекуляции, и еще долго будут нужны законы против стяжательства. Все дело, быть может, в том, чтобы обеспечить их исполнение. Мы еще вернемся к этому вопросу».

бефа. Но еще больше его возмутило молчание Фрерона: «Он никогда ни словом не упомянул об Электоральном клубе»[7]. «Я еще не обвиняю Фрерона, — писал он в 26-м номере «Трибуна народа» 19 вандемьера (10 октября), — его дух и сердце кажутся мне еще чистыми, но он начал заблуждаться и может принести величайшее зло тому святому делу, твердым сторонником которого он сперва казался». Бабеф, сторонник неограниченного народного суверенитета, никак не мог простить Фрерону его фразы, что Конвент является в «миниатюре» воплощением народного суверенитета. За этой фразой скрывалась полная солидаризация Фрерона с теми, кто противился каким бы то ни было попыткам Народных обществ оказать давление на политику Конвента. Но Бабефа возмущало не только поведение Фрерона. Все большее его негодование обусловливалось поведением всего большинства термидорианского Конвента.

Первые номера газеты Бабефа были направлены против «робеспьеристского охвостья» и Якобинского клуба. Но очень скоро его главные удары стали направляться против Конвента. Чашу терпения переполнил адрес, внесенный на утверждение Конвента Камбасересом, будущим наполеоновским консулом, направленный на всемерные ограничения народного суверенитета. В Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС сохранился первый набросок плана ответного адреса, который Бабеф собирался предложить Электоральному клубу. Любопытно, что этот набросок сделан на правой стороне листа, на левой стороне которого Бабефом были сделаны записи из маратовских «Цепей рабства»[8]. Бабефу становилось совершенно очевидным, что термидорианский Конвент накладывает на революционную Францию новые «цепи рабства». Он составил этот свой адрес — его текст не так давно обнаружил Робер Легран в Исторической библиотеке[9] Парижа, и мы приводим его в нашем томе.

Но над Электоральным клубом и над Бабефом нависла угроза. 19 вандемьера (10 октября) был арестован председатель клуба Легрэ, а 22 вандемьера (13 октября) Комитет общественной безопасности принял решение об аресте самого Бабефа. Правда, Бабеф сумел спастись от ареста — и через четыре дня Комитет отменил свое постановление[10]. Но в опасности оказалась газета Бабефа.

Критика Фрерона и всей политики термидорианского большинства вызвала немедленный отпор Гюффруа. Он захватил весь тираж 26-го номера газеты и отказался дальше ее издавать. Рукопись 27-го номера Бабеф 22 вандемьера (13 октября) передал

---

[7] «Le Tribun de Peuple», N 27.
[8] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 449; см. также д. 451 и 452.
[9] *R. Legrand.* Les manuscrits de Babeuf conservés à la bibliothèque historique de la ville de Paris. — Annales Historiques de la Révolution française (далее — AHRF), 1973, N 4.
[10] См. Archives Nationales, F^7 4276/1, 4278/35-a, 4278/33.

Электоральному клубу, который и постановил его издать. «Я пока еще вовсе не обвиняю Фрерона, — писал Бабеф, — но я подозреваю его вплоть до того, что даже склонен считать его главной опорой узурпаторов народного суверенитета» [11]. Это была уже открытая война. «Этот человек, — писал Бабеф о Фрероне в начале января 1795 г., в 29-м номере «Трибуна народа», — меня возмущает, и в конце концов я не знаю более законченного контрреволюционера, чем он».

Матьез, таким образом, ошибался. У Бабефа были, действительно, иллюзии в отношении Фрерона и Тальена, но они длились всего лишь месяц. Но и в это время, ошибаясь политически, он занимал свою самостоятельную позицию на крайнем левом демократическом фланге, вместе со сторонниками Электорального клуба. Менее всего Бабеф был вожаком «золотой молодежи». В эти первые недели термидорианской реакции при всех своих заблуждениях он оставался решительным и крайне левым демократом.

* * *

Издание 27-го номера «Трибуна народа» вызвало новые репрессии против Бабефа. В полицейских делах сохранилось письмо члена Конвента Калона к одному из виднейших правых термидорианцев, члену Комитета общественной безопасности, Мерлену из Тионвилля. Калон требовал «наказать этого отвратительного человека (Бабефа. — *В. Д.*), который осмелился кощунствовать против Национального Конвента» [12].

3 брюмера (24 октября), после издания 27-го номера «Трибуна», Комитет снова отдал приказ об аресте Бабефа, о чем Мерлен из Тионвилля и сделал сообщение на заседании Конвента. Но осуществить этот приказ вновь не удалось. Те биографы, которые предполагали, что Бабеф был арестован, ошибались. Правда, Бабеф после этого перешел окончательно на полулегальное положение: 27-й номер «Трибуна» вышел 22 вандемьера (13 октября), фактически же несколько позднее, — а 28-й только 28 фримера (18 декабря 1794 г.). Эти два месяца, когда газета не выходила, были важнейшими, переломными месяцами для Парижа и всей Франции. Они были заполнены ожесточеннейшей борьбой против якобинцев, — и в этой борьбе правым термидорианцам удалось добиться решающих успехов, вплоть до закрытия (23 брюмера) Якобинского клуба и предоставления вандейцам первой амнистии.

Какова была позиция Бабефа в эти два месяца? Газета его не выходила, но он издал за это время четыре брошюры, которые и вошли в настоящий том. Уцелела и очень интересная рукопись от 12 брюмера (2 ноября) «Мнение гражданина с трибун бывшего Электорального клуба о необходимости и способах организации

---

[11] См. стр. 176 настоящего тома.
[12] Archives Nationales, F^7 4278/31.

подлинного Народного общества»[13]. Эта рукопись свидетельствует о том, что Бабеф сохранил свои связи с Электоральным клубом, скитавшимся тогда по разным помещениям, но все же продолжавшим свое существование. Бабеф настаивал на необходимости демократизировать клуб: уничтожить в нем членские взносы, дать возможность выступать с трибуны клуба всем, а не только действительным членам, допустить в него женщин. Вся рукопись пронизана стремлением во что бы то ни стало сохранить Народные общества. Однако то общество, вокруг сохранения которого шла основная борьба в эти месяцы, «общество-мать» — центральный Якобинский клуб по-прежнему не пользовался поддержкой Бабефа. У него все еще не было понимания, что это — ключевая позиция, со взятием которой буржуазная реакция одержит новую, важнейшую победу.

Об этом свидетельствует содержание всех четырех брошюр. Одна из них, «Путешествие якобинцев во все четыре части света», высмеивает попытку якобинских комиссаров привлечь на свою сторону Народное общество Кенз-Вен в Сент-Антуанском предместье. Другая брошюра, «Битые платят штраф», также иронически описывает последние дни Якобинского клуба, когда он начал подвергаться нападениям «золотой молодежи». Обе брошюры написаны ко времени решения Конвента от 23 брюмера (13 ноября) о закрытии клуба. Две другие брошюры посвящены Каррье, члену Конвента, бывшему в миссии в Нанте.

За превышение власти Каррье был отозван еще робеспьеровским Комитетом общественного спасения в Париж, где он стал участником термидорианского переворота. Однако после 9 термидора Каррье решительно воспротивился правым термидорианцам. Именно по его предложению Фрерон, Тальен и Лекуантр были исключены из Якобинского клуба. Вот почему в вандемьере и брюмере именно на Каррье обрушился весь антиякобинский лагерь. Как раз в конце фрюктидора в Париже происходил запоздалый процесс 94 нантских федералистов — процесс, который готовился еще при Робеспьере. Все обвиненные были триумфально оправданы, и их место занял Нантский революционный комитет, который в свое время их арестовал и переслал в парижский трибунал. Правые термидорианцы стали требовать предания суду и главного организатора террора в Нанте, Каррье, пользовавшегося, однако, депутатской неприкосновенностью, восстановленной после 9 термидора.

Якобинские депутаты Конвента отдавали себе отчет в том, что, жертвуя Каррье, они рискуют открыть плотину и вызвать новую волну уже не красного, а белого террора, жертвой которого станет не один Каррье, а многие депутаты и деятели якобинской дик-

---

[13] Эта рукопись была впервые издана в 1885 г. (см. *G. Lecocq*. Un manifeste de Gracchus Babeuf. Paris, 1885). Мы публикуем это обращение по рукописи Бабефа, сохранившейся в ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 1, д. 455).

татуры, уцелевшие и даже сохранившие свои посты после 9 термидора. Отсюда их колебания и нерешительность в вопросе о лишении Каррье депутатской неприкосновенности. Но отсюда же и усиленная кампания за предание Каррье суду, тем более выгодная для правых термидорианцев, что он действительно превышал свои полномочия при проведении политики террора. Недаром его отзыва еще в 1793 г. требовал Марк-Антуан Жюльен, эмиссар Комитета общественного спасения, лично очень близкий к Робеспьеру, который и добился этого отзыва. «Пробуждение народа против террористов» — так был назван гимн Гаво, созданный именно в эти месяцы и распевавшийся «золотой молодежью». Самой выгодной мишенью в этом буржуазно-революционном походе против «кровопийц» оказался Каррье, которому приписывалась организация пресловутых «потоплений» (noyades) на баржах жертв террора в реке Луаре, хотя сам Каррье категорически отрицал это обвинение.

Бабеф, который вообще критически относился к террору — достаточно вспомнить его письмо из Парижа в июле 1789 г. после уличного самосуда над Бертье де Совиньи, приведшее в такой восторг Жана Жореса [14], — не понял всего политического значения этой травли. Он, в свою очередь, выступил с брошюрой «Хотят спасти Каррье. Хотят осудить Революционный трибунал. Народ, берегись!»

Каррье и его процессу посвящена и четвертая, самая обширная брошюра «О системе уничтожения населения, или Жизнь и преступления Каррье», изданная уже позже, в нивозе III года, после вынесения обвинительного приговора Каррье (26 фримера III года — 16 декабря 1794 г.). На первый взгляд, она представляется наиболее резкой из всех антиякобинских брошюр Бабефа: он выдвигает против Робеспьера и его единомышленников чудовищное обвинение в том, что они проводили план уничтожения части населения. «Преступления Каррье», весь беспощадный террор в Нанте были только началом осуществления этого плана. Но эта брошюра, безусловно, имеет «двойное дно». Ключ к ее прочтению дал позднее сам Бабеф, когда он возобновил издание «Трибуна народа». В 28-м номере (28 фримера III года — 18 декабря 1794 г.) он писал: «Некогда я уступил вкрадчивым внушениям так называемого благоразумия, и ради того, чтобы украдкой напомнить о принципах, решил воспользоваться в нескольких маленьких произведениях оружием хитрости и окольными путями добиться возможности сказать несколько слов правды. Но такое вооружение и такой способ фехтования не по мне; из-за них меня едва не сочли человеком с сомнительными намерениями. Теперь я снова становлюсь самим собой... Я отвергаю всякую тактику лицемерия... словом, я опять говорю своим подлинным голосом...»

---

[14] См. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 1. М., 1975, стр. 232, 375—376.

В свете этого признания легче понять смысл брошюры. Прежде всего брошюра эта писалась не одновременно, и последняя ее глава, написанная в новой политической обстановке, резко расходилась и по тону, и по содержанию с первыми главами, написанными, вероятно, до процесса или в самом его начале [15]. А с другой стороны, как нам представляется, «контрабандная» цель Бабефа состояла в том, чтобы взять под защиту социальную политику Робеспьера и изложить некоторые собственные социальные идеи, для чего приходилось избирать «дальний обходный путь». Внимательный читатель найдет в этом на первый взгляд ядовитом антиякобинском памфлете «контрабандно» протащенные и тщательно замаскированные основные, самые дорогие для Бабефа идеи, которые мы встречали в его июньском письме 1786 г. к Дюбуа де Фоссе, и во «Вступительной речи» в «Постоянном кадастре», в письмах к Купе и проекте «Совершенного равенства» 1793 г.

После вынужденного восьмимесячного перерыва, вызванного тюремными скитаниями, Бабеф вновь напоминает свой излюбленный принцип, почерпнутый у Ж.-Ж. Руссо: «Для того чтобы иметь совершенное правительство, нужно, чтобы все граждане имели достаток и чтобы никто из них не имел избытка». И вслед за этим в памфлете, изданном в обстановке ожесточеннейшей травли Робеспьера, Бабеф осмеливается утверждать: «Если именно так полагал Робеспьер, то он в этом отношении был подлинным законодателем». Напомнив основные социальные мероприятия Робеспьера, Бабеф мужественно писал: «Я заявляю, что нисколько не намерен порицать эту часть политического плана Робеспьера». Правда, сейчас же после этого он («лицемерно»!) снова напоминает о пресловутой «системе уничтожения населения», но его иронично звучащие слова: «Не каждому дано быть на высоте Максимилиана Робеспьера», — можно понять по-разному. Читателям сочинений Бабефа хорошо известно, с каким огромным и искренним уважением он писал о социальных идеях Робеспьера и в 1791 г. в письмах к Купе, и в 1793 г. в «Совершенном равенстве».

В памфлете, посвященном «преступлениям Каррье», Бабеф в заключительной главе защищал те мероприятия, которые осуществлял Каррье против «негоциантизма», против всех «скупщиков и перекупщиков предметов первой необходимости», нарушителей максимума: «...эти факты ... не только не могут быть поставлены в вину Каррье, но по своей природе способны снискать ему лавры среди республиканцев».

В конце брошюры Бабеф поддерживает приговор Революционного трибунала, оправдавший всех членов нантского комитета (кроме Каррье и двух его ближайших сотрудников). Он характе-

[15] См. об этом, в частности: *Г. С. Черткова.* Гракх Бабеф после 9 термидора (август 1794—март 1795). — Французский Ежегодник 1971. М., 1973, стр. 298—303.

ризует их как монтаньяров и честных демократов, хотя в то же время и как людей подозрительных, горячих, недостаточно опытных, среди которых затесалось несколько человек испорченных и жестоких. «Когда надо было сражаться с католической армией, любовь к родине воодушевляла всех жителей Нанта, и они умирали на поле битвы или возвращались победителями». Нельзя не заметить тут явного одобрения!

«О системе уничтожения населения» — последний и как будто бы самый резкий из антиякобинских памфлетов Бабефа. Но внимательное чтение этого памфлета показывает, что Бабеф уже не разделял своих ошибок и иллюзий первых недель после 9 термидора. К середине фримера III года (декабрь 1794 г.) они были им уже преодолены. Об этом совершенно ясно свидетельствует 28-й номер «Трибуна народа», вышедший после двухмесячного перерыва. Здесь он, действительно, отбрасывает всю «тактику лицемерия». Это подлинный Бабеф, с его настоящим голосом («mon vrai ton»), Трибун народа, который снова овладел «молнией истины».

* * *

Во фрюктидоре II года (сентябрь 1794 г.) в первых номерах своей газеты Бабеф приветствовал «революцию 9—10 термидора», надеясь, что она принесет с собой полное восстановление народного суверенитета. Когда спустя четыре месяца (28 фримера III года—18 декабря 1794 г.) ему удается наконец возобновить издание газеты (через семь недель он будет арестован и успеет за это время выпустить всего лишь пять номеров газеты), у него нет уже никаких иллюзий относительно того, что случилось 9 термидора. «Когда, — писал он в 28-м номере своей газеты, — одним из первых я страстно выступал против чудовищной системы Робеспьера, я был далек от мысли, что способствовал возведению сооружения, которое, хотя и в совершенно противоположном смысле, будет не менее пагубно. Я отнюдь не предвидел, требуя снисходительности... и самой полной свободы письменного и устного выражения мнений, что все это используют для того, чтобы подорвать Республику в самых ее основаниях». Теперь для него 9 термидора — это только «неудавшаяся революция» (une révolution manquée). Позднее, уже к концу осени 1795 г., он скажет прямо: «Осмелимся сказать, что, несмотря на все препятствия и сопротивление, революция шла вперед до 9 термидора и что с тех пор она стала отступать» [16].

С поразительной ясностью Бабеф дает классовую характеристику сил, которые борются в стране и в самом Конвенте: «Сейчас богатые ведут войну против бедных...» [17]

Уже в заголовке 29-го номера Бабеф пишет: «Разделение сенаторов на плебейскую и патрицианскую партии; первая партия хо-

---

[16] «Le Tribun du Peuple», N 34.
[17] «Le Tribun du Peuple», N 29.

чет, чтобы Республика была народной и демократической, а другая, — чтобы она была буржуазной и аристократической. Эти две партии существуют со времени учреждения Конвента. Причины, в силу которых преобладание получает то одна, то другая. Какими средствами народная партия может вернуть себе преобладание и сохранить его. Изложение всех демократических и благодетельных законов, которых плебейская партия сумела добиться. Это — ее завоевание. Это — достояние всего народа».

В эту «народную партию» Бабеф включает, конечно, якобинцев. Он возвращается к той оценке, которую давал им на протяжении всей революции. Когда все настойчивее ставился вопрос о возвращении в Конвент не только тех, кто возражал после 31 мая против ареста жирондистов, но и тех, кто был объявлеп «вне закона» и возглавил «федералистский мятеж», Бабеф самым решительным образом против этого восстал: «Дрожишь от ужаса, когда думаешь, к каким результатам это приведет».

В декабре 1794 г. Бабеф пишет брошюру «Опровержение всех сочинений, направленных против 31 мая»[18]. К сожалению, единственным читателем этой брошюры был Жозеф Фуше — в тот момент близкий политический друг Бабефа. Брошюру до сих пор не удалось разыскать (рукопись не видел даже В. Адвиелль). В московском архиве сохранилось только несколько листков, в которых Бабеф конспективно изложил ход борьбы между якобинцами и жирондистами. Все симпатии Бабефа целиком и полностью на стороне якобинцев. «Битые платят штраф», «Путешествие якобинцев во все четыре части света» — трудно представить себе, что всего несколько недель назад именно Бабеф писал эти брошюры и даже в какой-то мере солидаризовался с теми, кто забрасывал камнями здание на улице Сент-Оноре, последнее прибежище тех, кто создавал в Париже революционную диктатуру.

Подчеркивая значение завоеваний «народной администрации» во II году, Бабеф в полном соответствии с теми идеями, которые он всегда отстаивал, выдвигал на первое место — он это сделал и в «Системе уничтожения населения» — социальную политику Конвента. «Плебейская партия» в Конвенте — интересно, что в этих последних номерах газеты он назвал и имена двух рабочих, членов Конвента, Ноэля Пуанта и Армонвилля — и теперь добивается, по его мнению, «не только равенства в правах, т. е. равенства на бумаге (dans les livres), но и честного достатка (honnête aisance), гарантированного законом удовлетворения всех материальных потребностей, предоставления всех социальных преимуществ как справедливого и обязательного возмещения за долю труда, которую каждый привносит в общее дело». Эта последняя фраза особенно интересна. Она характеризует не столько социаль-

---

[18] «Réfutation de tous les écrits dirigés contre le 31 mai». В 28-м номере Бабеф сообщает: «...эта работа скоро появится».

ную программу даже самой демократической части Конвента, сколько самого Бабефа.

В посвященной Бабефу литературе до сих пор ведется спор о том, какие социальные группы он представлял. Очень распространена точка зрения, что социальная база бабувистского движения — это те же «санкюлоты II года», в основном ремесленнические, мелкособственнические, демократические элементы, «плебеи», но не пролетарии[19]. Нельзя не сопоставить с этим тот напряженный интерес, то исключительное внимание, которое проявляет Бабеф в последних номерах своей газеты, когда он «становится самим собой», к рабочим, к «рабочему классу» («la classe ouvrière»), по его собственному выражению. Этот интерес мы уже прослеживали во всех работах Бабефа, начиная с 80-х годов: и в его записи о стачках парижских рабочих весной 1791 г., и в его речи на аббевилльском собрании выборщиков департамента Сомма в Конвент 1792 г., и в его «бюлльской петиции». Во всех случаях внимание Бабефа привлекали не просто рабочие — этот термин мог еще широко применяться к различным категориям в XVIII в., но рабочие, получающие заработную плату («rétribution»), как и в только что приведенных нами его словах.

Резкое ухудшение материального положения парижских народных масс, обострение продовольственной нужды — все это Бабеф и его семья непосредственно испытывали и на себе. Уже в своем проекте 12 брюмера (2 ноября) о создании подлинно демократического общества он указывал: «Часто народ двумя словами выразит больше, чем самая великолепная речь. Если народ скажет: «Свободы; хлеба, и хорошего хлеба; всех предметов первой необходимости хорошего качества и в изобилии», — то много ли еще понадобится слов, чтобы правильно понять его». Но в декабре (во фримере III года) вопрос все чаще ставился уже не о «хорошем хлебе», а просто о хлебе насущном и об его цене. Бабефа все больше мучил вопрос о нарастающей нужде и притом больше всего среди рабочих, живущих заработной платой: «Огромная дороговизна заставляет стонать и умирать от голода бедного рабочего, получающего 4 ливра, или 100 су, в день. Угроза прекращения работ в общественных мастерских с наступлением трудного времени года вселяет страх перед надвигающимся еще более тяжелым будущим. Отмена максимума... окончательно задушит голодом класс санкюлотов»[20].

Это предвидение Бабефа, как известно, сбылось: 4 нивоза (25 декабря 1794 г.) максимум был уничтожен; началась подлинная экономическая катастрофа для народных масс Парижа — ин-

---

[19] См. *Claude Mazauric*. Sur la Révolution française. Paris, 1969. См. также *C. Willard*. Le socialisme de la Renaissance à nos jours. Paris, 1971, p. 30—35.

[20] «Le Tribun du Peuple», N 28. На все эти высказывания Бабефа обратил внимание К. П. Добролюбский, тщательно изучивший газету Бабефа (см. *К. П. Добролюбский*. Указ. соч., стр. 123—137).

фляция, падение ценности ассигнатов, страшная дороговизна не только на хлеб, но и на все предметы первой необходимости, резкое сокращение подвоза продовольствия, голод, рост безработицы. Все это отразилось прежде всего на рабочих. Бабефа все это чрезвычайно волновало. Достаточно просмотреть заголовки того же 29-го номера, вышедшего 19 нивоза (9 января 1795 г.): «Огромное повышение цен на продовольственные товары. Приостановка работ. Изгнание рабочих из Парижа. Прекращение производства оружия и одежды... Вывоз звонкой монеты. Подрыв доверия к ассигнатам. Отвратительная выгода, извлекаемая из отмены максимума... Пагубная свобода действий, предоставляемая ненасытной жадности касты торговцев... Подсчет в ливрах, су и денье, подтверждающий, что рабочий народ более не может существовать». Каждый раз, описывая все возрастающую нужду, этот «ужасающий голод», Бабеф подчеркивал тяготы для рабочих: «Никто не может отрицать, — писал он в 31-м номере 9 плювиоза III года (28 января 1795 г.), — что ужасающая нищета рабочего класса, т. е. основной массы народа, сейчас во сто крат выше той, на которую его обрекли 14 столетий рабства» [21].

Но Бабеф отнюдь не довольствовался констатацией невероятной экономической нужды. Он был человеком дела, огромного революционного темперамента и энергии [22]. Иногда сравнивают Бабефа с другими утопическими коммунистами того времени — Ретиф де ла Бретоном, Буасселем и т. д. Но все они являлись, действительно, только коммунистами-утопистами, отвлеченными мыслителями или людьми, лишенными подлинного политического и революционного темперамента. В отличие от них Бабеф был не только убежденным коммунистом, но и политическим борцом. Ареалом его деятельности в первые годы революции была только Пикардия, и всего лишь на протяжении нескольких недель летом 1793 г. — Париж. Но и в этих первых — пока локальных — столкновениях Бабеф проявил все свои качества бойца: так было в 1790 г. во время борьбы против косвенных налогов, в 1791—1792 гг. во время аграрных движений, в августе 1793 г. в борьбе против министра Гара. Сейчас, на исходе зимы 1794/95 г. в Париже Бабеф должен был проявить не только эти свои качества борца, но и руководителя. Ему предстояло дать правильный «лозунг борьбы». От него требовалось не только мужество, решительность, но и способности политического лидера.

Свое мужество Бабеф уже доказывал неоднократно. Сейчас, в январе 1795 г., он прекрасно понимал, что рискует головой, и это нисколько его не останавливало. «Только тот солдат хорош, который умирает с оружием в руках, — писал он в 30-м номере

---

[21] Сравнивая с положением в 1793 г., Бабеф подчеркивает, что тогда «работу было легко найти и каждый рабочий хорошо зарабатывал».

[22] См. *M. Dommanget*. Sur Babeuf et la conjuration des Egaux. Paris, 1970.

«Трибуна», 4 плювиоза (23 января 1795 г.). — Я клянусь, что если родине суждено погибнуть, то и в последний ее день я буду сражаться за нее... Если же злодеям удастся захватить меня раньше, и они с величайшим злорадством предадут меня славной смерти на эшафоте, я готовлюсь к такой роли и такому поведению, какого не видели еще со времен создания Республики. И если даже свобода будет уничтожена, одной лишь памяти об обстоятельствах моей гибели будет достаточно, чтобы во все времена напомнить о свободе и воскресить ее». Думал ли Бабеф тогда о том кинжале, которым он попытается покончить с собой в Вандоме в момент объявления ему смертного приговора? Во всяком случае эти его слова не были пустой фразой, и все его поведение и раньше и позже свидетельствовало о его полном бесстрашии.

Но сейчас от Бабефа требовалось не только личное мужество. Имели ли парижские предместья в его лице человека, который способен был дать им программу действий и повести в бой? То немногое, что мы знаем, говорит именно об этом.

В трех последних (перед очередным арестом) номерах «Трибуна» (31-м, 32-м, 33-м) Бабеф дал такую программу: он выдвинул лозунг восстания. Призыв к тому, что было сделано парижанами в жерминале и прериале III года, одним из первых, — а по нашему глубокому убеждению, первым — бросил Бабеф.

Тридцать первый номер «Трибуна» (9 плювиоза III года — 28 января 1795 г.) вышел под следующим заголовком: «Великий вопрос, откровенно поставленный Трибуном народа: нарушаются ли ныне права народа? Тот ли это случай и то ли это время, когда необходимо выполнять самый священный долг?.. План мирного *восстания*».

На все эти вопросы, поставленные в заголовке газеты, Бабеф дал подробный и точный ответ. «Должен ли народ совершить восстание? В этом нет никакого сомнения... Может ли народ совершить это восстание? Кто может ему в этом помешать?.. Как народу надлежит совершить это восстание? Мирным путем. Даже еще более мирным, чем 31 мая». Перед нами как раз та программа демонстрации с целью заставить Конвент принять требования народных масс, которую парижские предместья и попытались осуществить 12 жерминаля и 1 прериаля III года (1 апреля и 20 мая 1795 г.)

В литературе, посвященной этим последним выступлениям парижских предместий, много места уделялось вопросу об организаторах этих восстаний. П. П. Щеголев в связи с прериальским восстанием назвал имя Брута Манье. Но сам Манье в своих показаниях заявил, что его план был лишь разработкой предложения о «мирном восстании», которое он почерпнул в одной брошюре патриота», чье имя Манье отказывался называть. Новейший биограф Бабефа К. Г. Бергман с полным основанием утверждает, что имя этого патриота — Бабеф, а брошюра, на которую

ссылался Манье, — 31-й номер «Трибуна народа», где впервые открыто был изложен этот план «мирного восстания» [23].

Но руководители термидорианского Конвента — мы это уже отмечали — больше всего боялись именно повторения 31 мая. Нет ничего удивительного в том, что уже 10 плювиоза (29 января), на следующий же день после выхода 31-го номера «Трибуна народа», содержащего призыв к «мирному восстанию», в Конвенте выступил Тальен и потребовал немедленных репрессий не только против Бабефа, но и против Фуше, считая, что именно Фуше является вдохновителем Бабефа. Фуше удалось оправдаться: он-де читал только брошюру Бабефа по поводу 31 мая, он совершенно незнаком с 31-м номером. Несомненно, что Фуше стоял гораздо ближе к Бабефу, чем он пытался это изобразить. Характерен, однако, сам факт, что такой умный, гибкий, осмотрительный и осторожный политик, как Фуше, делал одно время ставку на Бабефа. Это показывает, какой политический вес успел приобрести в Париже «Трибун народа».

Одиннадцатого плювиоза был отдан приказ об аресте Бабефа. Три раза после 9 термидора — в вандемьере, брюмере и нивозе — ему удавалось избежать преследований. На этот раз Бабефа искали целую неделю. Нашли сперва владельца типографии, где печатался «Трибун народа», установили внешние приметы Бабефа, даже цвет его плаща. В конце концов слежка увенчалась успехом. 19 плювиоза III года (7 февраля 1795 г.) Бабеф был арестован. Оказавшись в тюрьме, он в первую же декаду пишет два обращения — к Комитету общественной безопасности и к члену Конвента, термидорианцу Бентаболю, как раз в эти дни выступившему в Конвенте против Фрерона. Бабеф предполагал издать оба эти документа отдельной брошюрой. Они были, однако, перехвачены тюремной администрацией и погребены в одном из архивных картонов полицейского управления и сейчас только впервые публикуются в нашем томе. Но они свидетельствуют, что, даже очутившись в тюрьме, Бабеф всячески стремился сохранить свои связи с парижскими санкюлотами и давать им свои политические советы.

Тринадцатого марта Бабеф был отправлен в аррасскую тюрьму. Две недели спустя произошло жерминальское выступление. Но его вдохновителя — или, во всяком случае, одного из вдохновителей — уже не было в Париже. Можно не сомневаться, что, если бы к этому времени Бабеф был еще на свободе, 12 жерминаля он оказался бы в первых рядах участников выступления.

Бабеф напряженно ждал известий из Парижа, уверенный в том, что выступление парижских предместий произойдет обязательно. Об этом можно судить по его воззванию «Гракх Бабеф Антуанскому предместью, санкюлотам Парижа и всей Респуб-

---

[23] См. *Karl Hans Bergmann*. Babeuf. Gleich und Ungleich. Köln und Opladen, 1965, S. 215—216; *П. П. Щеголев*. Брут Манье. — Проблемы марксизма. Л., 1930, № 2; см. также *К. Добролюбский*. Указ. соч., стр. 147—150.

лики», написанному, очевидно, в тот момент, когда Бабеф получил в тюрьме известие о выступлении 12 жерминаля: «Что я вижу! Что я узнал! Какие успокаивающие звуки проникли в логовище, куда я заключен? Люди 14 июля, 6 октября, 10 августа и 31 мая еще раз нашли друг друга! Бессмертный Париж! Ты снова взял себя в руки, снова развернул свою первоначальную, мощную энергию! Ты снова ознаменовал себя таким же величественным поведением, благодаря которому народ выходил победителем из всех кризисов! О, моя темница! Как ты прекрасна, когда через мрачное слуховое окно в нее проникают светлые лучи снова засверкавшей общественной свободы»[24]. К сожалению, из всего обращения сохранились только эти несколько строк, опубликованных в каталоге известного коллекционера и антиквара Шараве[25]. Ясно, что Бабеф писал их, еще не зная о печальном исходе жерминальского выступления.

Но и узнав об этом, он не потерял своей революционной энергии. 19 жерминаля (8 апреля) он пишет из аррасской тюрьмы Фуше, и это письмо, публикуемое в нашем томе, кстати, свидетельствует, что отношения между Фуше и Бабефом были гораздо более близкими, чем это пытался представить в ответе Тальену будущий министр полиции и герцог Отрантский. В своем письме Бабеф сообщает о тревоге, которая его охватила при чтении «одной из газет, внушившей нам опасение, что Фуше лично оказался под ударом», и вследствие слухов, циркулировавших несколько дней в тюрьме, о том, что 57 якобинским депутатам предъявлен обвинительный акт, — «я свободно вздохнул лишь тогда, когда этот слух был опровергнут».

Бабеф сообщает Фуше, что он подготовил обращение к Антуанскому предместью и ко всем парижским санкюлотам (мы только что приводили отрывок из этого обращения): «В него придется внести большие изменения в связи с катастрофой 12 жерминаля. Но это вовсе не значит, что я от него отказываюсь и что я выхожу из игры». И дальше следуют изумительные строки, свидетельствующие о замечательных качествах Бабефа как революционного вождя, которого не могут сломить поражения: мы должны, пишет он, «обменяться с тобой мыслями относительно недавно проигранного нами крупного сражения. Это бедствие может оказаться непоправимым. И ты, и я, да и все патриоты не должны закрывать глаза на то, что нам следует опасаться его последствий. Значит ли это, что мы должны впасть в уныние? Нет! Именно перед лицом великих опасностей раскрываются гений и мужество... Время меняет ход событий: из изгнания возвращаются, причем возвращаются победно и со славой. Перед нами примеры Цицерона и Павла Эмилия».

---

[24] См. Fichier Charavay, v. X, p. 20. (*V. Daline, A. Saitta, A. Soboul.* Inventaire des manuscrits et imprimés de Babeuf. Paris, 1966, p. 109.)
[25] Ibidem.

Поведение Бабефа в аррасской тюрьме показало, что жерминальская «катастрофа» его не сломила. В ЦПА ИМЛ сохранился по этому поводу любопытный документ — письмо из Парижа к Бабефу в Аррас г-жи Шометт (вероятно, жены или сестры знаменитого прокурора Парижской коммуны) от 5 флореаля III года (24 апреля 1795 г.) — т. е. за три примерно недели до второго выступления парижских санкюлотов, последовавшего 1 прериаля[26]. Из этого письма выясняется, что жена Бабефа собиралась распространять только что цитированное нами письмо к Фуше (его, значит, удалось благополучно переправить из аррасской тюрьмы в Париж, в надежные руки), но «верные друзья отсоветовали ей это делать», потому что Фуше стал «перебежчиком к одной из клик („transfuge avec une faction“)». Но г-жа Шометт настроена оптимистически: «Наш заговор („notre conspiration“) победит все клики». Она только просит Бабефа выполнить свое обещание «почаще присылать свои обращения („vos lettres“), делать их более краткими; мы их будем печатать».

Таким образом, и в тюрьме, вдали от столицы, Бабеф сохранял самые непосредственные связи со своими политическими единомышленниками. Г-жа Шометт присылает ему сведения о судьбе якобинских депутатов, арестованных после прериаля, — Дюэма, Шаля, Леонара Бурдона, Лорана Лекуантра. Уже тогда, оказывается, установилась непосредственная связь между левыми якобинцами и будущими бабувистами — один из руководителей «Вершины», Дюэм, после ареста Бабефа, вплоть до своего собственного тюремного заключения после жерминаля, помогал семье Бабефа материально[27].

* * *

В аррасской тюрьме Боде Бабефу пришлось провести немногим более полугода, с марта по сентябрь 1795 г. Этот период еще недостаточно изучен, собраны далеко не все документы[28], но нет ни малейшего сомнения в том, что Бабеф ни на минуту не складывал оружия. Он связался с демократами Па-де-Кале, находившимися в тюрьмах и на свободе: с женой члена Конвента Лебона Э. Леба, с Таффуро, Коше, Фонтене, которые почти все были затем обвиняемыми на Вандомском процессе[29]. Он принял самое

---

[26] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, д. 303.

[27] Там же.

[28] Об аррасском периоде жизни Бабефа см.: *V. Advielle*. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme, d'après de nombreux documents inédits, v. 1—2. Paris, 1884; *M. Dommanget*. Sur Babeuf et la conjuration des Egaux (особенно статья «Un leader babouviste méconnu: Charles Germain», p. 303—323); *В. Далин*. К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в аррасской тюрьме. — В сб.: История социалистических учений. Памяти В. П. Волгина. М., 1964; *Г. С. Черткова*. Письмо Бабефа к Тибодо из аррасской тюрьмы. — Французский Ежегодник 1970. М., 1972.

[29] *L. Jacob*. Correspondance avec Babeuf, emprisonné à Arras. — «AHRF», 1934, N 63, p. 253—259.

непосредственное участие в борьбе против «золотой молодежи» Арраса, ответил на памфлет некоего Санлюка, защитника этой молодежи, обратился с письмами к аррасским демократам — «террористам», как презрительно называли их противники, давал им политические советы, подверг в ответ на их запрос беспощадной критике только что принятую Конвентом Конституцию 1795 года. Он поддерживал, как мы только что видели, связи с Парижем, со своими политическими единомышленниками, со своим другом Тибодо, с которым он вместе работал в продовольственной администрации в Париже. С Тибодо он делился своим «макиавеллистическим» планом обращения к виднейшим депутатам термидорианского Конвента, в том числе к Тальену и Гюффруа, с которым он так резко порвал в вандемьере III года (октябрь 1794 г.), с целью использовать сдвиг в политике «влево» после неудачной попытки высадки монархистов летом 1795 г. в Кибероне и вырваться опять на свободу [30].

Но наибольшее значение аррасский период жизни Бабефа имел для его теоретической деятельности. Он напряженно работал над тем, что он называл «священным манифестом», новой «Нагорной проповедью», скрижалями нового «Кодекса природы». Он вел интенсивную переписку («correspondance de l'Egalité») с другим узником аррасской тюрьмы, Шарлем Жерменом, ставшим вскоре одним из руководителей движения «равных». К сожалению, сохранились только письма Жермена [31] и всего лишь одно, поразительно интересное письмо Гракха Бабефа, в котором он наиболее подробно развивал и отстаивал коммунистические принципы. Бабеф торопился, как он объяснял Жермену, прежде чем придется отдать все силы «великому делу», отчетливо сформулировать свою теоретическую программу. Ему удалось наконец написать в основном то, что позднее, через несколько месяцев после своего освобождения, он опубликовал в 35-м номере «Трибуна народа» под названием «Манифеста плебеев». Получив этот документ, Шарль Жермен в восторге писал: «Твой план — это кодекс, который сами Гракхи провозгласили бы, если бы подлые Аппии, которыми в наши дни являются богатые собственники, их не задушили. Это — итог всего того, о чем в отдельных случаях говорили подлинные друзья человечества, настоящие философы, которые в то время, когда они писали, не решались еще затронуть этот замечательный сюжет во всей его глубине» [32]. Практичный Жермен придал этой платформе Бабефа удобочитаемую

---

[30] Письмо Бабефа к Гюффруа было опубликовано еще в 1885 г. Шараве («La Révolution française», t. VIII, p. 733—736).

[31] Эти письма (всего 49) в копиях В. Адвиелля сохранились в богатой личной коллекции Мориса Домманже. Они были использованы в ст. «Un leader babouviste méconnu: Charles Germain» (см. *M. Dommanget*. Op. cit.). Покойный историк любезно переслал копии этих писем в распоряжение советских историков бабувизма.

[32] См. *M. Dommanget*. Op. cit., p. 313—315.

форму: он разделил этот документ на 35 пунктов (о чем и сообщил Бабефу в письме от 5 термидора — 23 июля). В таком виде он распространялся в аррасской и других тюрьмах.

Счастливый случай помог автору этих строк в 1958 г. обнаружить в личном фонде Марка Антуана Жюльена, хранящемся в Москве, в Институте марксизма-ленинизма, эти «35 пунктов» — будущую платформу «Заговора во имя равенства», озаглавленную Жюльеном «Notes ou questions qu'on pourrait traiter d'agrairiennes» [33]. Жюльен получил их, вероятно, в парижской тюрьме Плесси, где он находился после 9 термидора и где лично познакомился с Бабефом и Жерменом, когда те в конце фрюктидора были вновь переброшены из аррасских тюрем в парижскую.

В документе поставлен основной вопрос, над которым Бабеф упорно думал начиная с 1785 г. Цель общества — «общее благоденствие». Но как его добиться? Особенно показателен заключительный пункт: «Единственный способ достижения этого состоит в том, чтобы... уничтожить частную собственность, прикрепить каждого человека, соответственно его дарованию, к мастерству, которое он знает, обязать сдавать в натуре все его изделия на общий склад, создать администрацию распределения, администрацию продовольствия, которая будет вести списки всех сограждан и всей продукции и станет распределять их на основе самого строгого равенства и доставлять в жилище каждого гражданина. Осуществимость этого доказана опытом, поскольку находит применение в отношении 1 млн. 200 тыс. человек в наших армиях». Никогда раньше Бабефу не приходилось давать такого законченного плана будущего коммунистического общества!

Восторженному Жермену казалось, что осуществление этого плана не встретит почти никакого сопротивления: «Ничего почти не потребуется для того, чтобы убедить, и очень немногое для того, чтобы победить. Наш крестовый поход, по крайней мере я на это надеюсь, закончится быстро». Жермен мечтал даже о том, чтобы весь общественный переворот свершился в течение одного дня [34].

В том ответе, который Бабеф дал 10 термидора III года (28 июля 1795 года) Жермену, еще раз сказался его трезвый ум, так удивительно сочетавшийся с глубочайшей убежденностью, страстностью и подчас даже экзальтированностью. Бабеф иронически и добродушно посмеивается над надеждой Жермена, что проповедники равенства чуть ли не в «одну ночь, в один час» осуществят «внезапное возрождение»: «Ты был бы задержан на первых же шагах теми, кто ныне располагает властью... Твоих надежных исполнителей приняли бы за разбойников и с ними

---

[33] ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, д. 767; см. также: *В. М. Далин*. К истории «Манифеста плебеев». Бабеф в аррасской тюрьме. — «История социалистических учений». М., 1964.

[34] См. *M. Dommanget*. Op. cit., p. 313—315.

расправились бы попросту как с поджигателями ... Наш священный манифест... вовсе не стали бы читать, все умы были бы охвачены ужасом». Непросвещенная толпа, «слишком чуждая новым идеям Реформации, особенно такой необычной, как наша... всецело пошла бы на поводу у врагов равенства».

В противоположность этому Бабеф выдвигает совершенно иной план, в котором как раз проявился его — мы решились бы сказать — тактический талант, во всяком случае искусство немедленно извлекать уроки из событий, протекавших на его глазах. В этом своем письме Бабеф предлагал создание «плебейской Вандеи». «...Я предлагаю, — писал он Жермену, — поднять на восстание сперва только какой-нибудь небольшой район нашей страны... Так, постепенно, я надеюсь, что наша Вандея будет распространяться ... со всей желательной скоростью... и мы будем располагать сроком, необходимым для создания временной администрации равенства». Бабеф учел опыт поражения движения в Париже в жерминале и прериале, с одной стороны, и успехи тактики вандейцев — с другой. Так родился у него план «плебейской Вандеи», который, судя по архиву Жюльена, довольно оживленно обсуждали множество «террористов», находящихся в тюрьмах в период термидорианской реакции.

Это свое тактическое дарование, умение «в 24 часа» изменять политическую линию, не теряя в то же время общей революционной политической перспективы, Бабеф снова проявил несколько недель спустя.

Бабеф находился в Аррасе до 24 фрюктидора III года (10 сентября 1795 г.). 23 фрюктидора Жермен сообщил ему: «Я собирался тебе писать, как обещал утром, но явился наш надзиратель и сообщил, что завтра мы едем в Париж и что ты тоже назначен на этап. Мы поговорим в пути». Бабеф действительно вместе с Жерменом очутился в Париже, в тюрьме Плесси. Он встретил там десятки активнейших «патриотов» — робеспьеристов, деятелей якобинской диктатуры в Париже и провинции, таких людей, как Буонарроти, Дебон, Буэн, Клод Фике, Бертран — мэр Лиона, Фонтенель, Марк Антуан Жюльен и др. Та работа, которую Бабеф начал в аррасской тюрьме по собиранию, говоря словами Жермена, «рыцарей ордена равных», усиленно продолжалась им в Плесси, где успешно распространялись его аррасские «пункты». Десятки узников Плесси, прежде всего Буонарроти, после своего освобождения, осенью и зимой 1795/96 г., станут активнейшими деятелями общества «Пантеон» и «Заговора равных».

Но здесь нам хотелось бы остановиться только на одном моменте. Мы видели, как в январе 1795 г. Бабеф — первым! — призывал к восстанию против термидорианского Конвента. Летом того же года в Аррасе он выдвинул после поражения парижских предместий план гражданской войны по всей стране против того же термидорианского режима, план «плебейской Вандеи». Но вот

13 вандемьера (4 октября) — всего через два месяца после письма Жермену с изложением этого плана — вспыхивает контрреволюционный мятеж, направленный против термидорианского Конвента. И Бабеф тут же, под гул пушечной стрельбы, составляет от имени узников Плесси три обращения (в ЦПА ИМЛ сохранились оригиналы этих документов, написанных от первой и до последней строки рукой Бабефа) с предложением выступить на защиту того же термидорианского Конвента. Он заявляет, что заключенные республиканцы готовы, «если Конвенту грозит опасность... соорудить вокруг него защитный вал из своих тел, чтобы сражаться, умереть или победить рядом с народными представителями». От своей тактики непримиримой оппозиции Конвенту Бабеф — и в этом наглядно сказалось его политическое чутье — предлагал буквально в 24 часа перейти к тактике его временной поддержки во имя сохранения Республики и отражения монархической угрозы. Все эти три документа воспроизводятся в нашем томе.

«Вандемьер» — еще в большей степени, чем Киберон, — вызвал необходимость известного поворота влево в политике термидорианцев. «Террористов», и в их числе Бабефа, выпускают из тюрьмы. 26 вандемьера (18 октября) Бабефа после почти девятимесячного заключения освобождают. Но он немедленно возобновляет борьбу. Всего через три недели, 15 брюмера (5 ноября), выходит 34-й номер «Трибуна народа». Вслед за ним, 9 фримера (29 ноября), появляется знаменитый 35-й номер газеты, в котором Бабеф публикует свой «Манифест плебеев», «великий манифест восстановления подлинного равенства», в котором воспроизведены основные идеи его аррасского проекта.

«Народ! Пробудись... — писал Бабеф в конце этого номера газеты, — стряхни с себя оцепенение и упадок духа... Да будет это произведение сигналом, да будет оно молнией, которая оживит и возродит всех, преисполненных некогда пылом и мужеством! Всех, кто горел когда-то пламенем во имя общественного блага и полной независимости. Пусть народ почерпнет оттуда подлинную идею равенства!.. Пусть народ подвергнет обсуждению все эти великие принципы, пусть развернется борьба вокруг этого знаменитого вопроса о подлинном равенстве и вокруг вопроса о собственности... Пусть он низвергнет все эти старые, варварские учреждения... Пойдем смело к Равенству. Пусть будет нам видна цель общества, пусть будет видно общее счастье» [35].

Эти идеи воодушевляли Бабефа уже долгие годы, но он все еще не считал своевременным их выдвигать. Однако в 1795 г., когда обозначилась смертельная угроза для республики, Бабеф пришел к выводу, что, только открыто подняв великое знамя «общества совершенного равенства», можно надеяться на успех

---

[35] «Le Tribun du Peuple», N 35.

в последнем бою. Этой борьбе за новые великие принципы посвящены последние полтора года его короткой, но прекрасной жизни. Произведения этого периода войдут в четвертый том Сочинений Гракха Бабефа.

В. М. Далин

* * *

Основное содержание третьего тома составляют печатные произведения Бабефа, опубликованные им в период термидорианской реакции, — «Газета свободы печати» и знаменитый «Трибун народа» (последние номера газеты начиная с 36-го войдут в четвертый том), а также четыре его брошюры, вышедшие в те же месяцы и давно ставшие библиографической редкостью. На русском языке они до сих пор никогда полностью не публиковались.

Проект реорганизации Электорального клуба (от 12 брюмера III года — 2 ноября 1794 г.), опубликованный в 1885 г. Ж. Лекоком, печатается по оригиналу, сохранившемуся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС. Некоторые документы, написанные Бабефом в 1795 г. во время его пребывания в аррасской тюрьме и опубликованные В. Адвиеллем и М. Домманже, также печатаются по оригиналам, сохранившимся в ЦПА ИМЛ (кроме части письма к Ш. Жермену от 10 термидора III года — 28 июля 1795 г.). Три документа, составленные Бабефом от имени узников парижской тюрьмы Плесси в дни вандемьерского мятежа, опубликованные В. М. Далиным в статье «Марк Антуан Жюльен после 9 термидора», печатаются по подлинникам, хранящимся в ЦПА ИМЛ в фонде М.-А. Жюльена (ф. 317).

В третьем томе впервые публикуются 12 документов — они отмечены звездочкой в оглавлении тома. Все они хранятся в ЦПА ИМЛ, кроме писем к Комитету общественной безопасности и депутату Конвента Бентаболю, написанных Бабефом в плювиозе III года в парижской тюрьме и сохранившихся в его следственном деле в парижском Национальном архиве (AN F^7/4277). В числе впервые публикуемых документов и все три приложения к тому — записи Бабефа при чтении «Цепей рабства» Марата, «Писем к моим избирателям» М. Робеспьера и конспективное изложение борьбы в Конвенте между якобинцами и жирондистами, составленное Бабефом по маратовскому «Другу народа». Редколлегия выражает искреннюю признательность Е. В. Киселевой, расшифровавшей эти рукописи.

За время, прошедшее между выходом второго и третьего томов, скончался виднейший знаток биографии Бабефа и истории бабувизма Морис Домманже (1888—1976). М. Домманже внес исключительно большой вклад в изучение литературного и идейного наследия Бабефа. Он живо интересовался нашим изданием и давал ценные советы. Признавая выдающиеся заслуги М. Домманже в деле изучения деятельности Бабефа, редколлегия счи-

тает необходимым выразить глубокую скорбь по поводу смерти выдающегося французского ученого.

В сентябре 1976 г. скончалась также Н. И. Непомнящая, старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма. Как уже отмечалось в предисловиях к первым двум томам, она оказала исключительно большую помощь в деле издания Сочинений, взяв на себя труд расшифровки наиболее сложных для прочтения рукописей Бабефа, в частности его неотправленного большого письма в июне 1786 г. к Дюбуа де Фоссе, записей об «аграрном законе», второго давенекурского мемуара, записей в арестной камере парижской мэрии и других важнейших документов, без которых невозможно правильное понимание идейной эволюции Бабефа. Выполненные Н. И. Непомнящей расшифровки будут использованы и в параллельном французском издании Сочинений Бабефа. Редакция считает своим долгом подчеркнуть эту важную роль Н. И. Непомнящей в подготовке нашего издания.

При публикации соблюдались следующие правила: все подчеркивания, сделанные Бабефом, даны разрядкой, а все примечания от редакции — курсивом. Названия произведений или даты, данные составителями, приводятся в квадратных скобках. Документы, публикуемые впервые, отмечены в оглавлении звездочками.

Комментарии составлены В. М. Далиным. Именной указатель подготовлен Е. А. Телишевой.

ПОСЛЕ 9 ТЕРМИДОРА

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ[1]

№ 1

Тот, кто хочет ограничить эту свободу, показывает тем самым, что он желает удушения некоторых истин и процветания некоторых вымыслов (Фрерон[2]. Речь в Конвенте. Заседание 9 фрюктидора)

17 фрюктидора II года Республики [3 сентября 1794 г.]

Я открываю трибуну для того, чтобы отстаивать права печати. Я устанавливаю центр, вокруг которого объединится батальон ее защитников.

Смею думать, что это мероприятие необходимо для торжества общественной свободы. Поскольку Мерлен из Дуэ[3] заявил нам (на заседании 4 фрюктидора), что очень трудно выработать закон о печати; поскольку он сказал нам, что эта трудность является единственной причиной задержки с представлением доклада законодательного комитета; поскольку и в самом деле затруднение представляется реальным, ибо доклада все еще нет, и поскольку некоторые законодатели напрасно стараются добиться благоприятного решения этого вопроса, представляется необходимым, чтобы простые граждане пришли на помощь сенату, в соответствии с принципом, гласящим: Каждый гражданин имеет право способствовать выработке закона (статья 29 Декларации прав человека и гражданина).

Моя задача будет заключаться главным образом в том, чтобы говорить о тех или других предметах и самым обстоятельным образом развивать принципы. Но я не смогу воздержаться от нападения на противников, которые встретятся на моем пути. И я заранее предостерегаю гражданина Одуена[4], редактора «Journal Universel» и знаменитого поборника ограниченной свободы. Я не слушаю людей, которые говорят мне, что было бы наивно тратить порох на столь слабого бойца, дезертировавшего из подлинно народной партии. Если бы свет был населен только сильными, можно было бы пренебречь недомерками. Но поскольку все еще остается верным, что всякий дурак может найти еще

бóльших дураков, которые будут им восхищаться, и что шавке, которая сама по себе ни на что не способна, подчас удается привести в возбуждение больших псов, я думаю, что не совершу ошибки, вступив в бой с публицистом Одуеном. К тому же, если справедливо утверждение насмешливого автора «La Queue de Robespierre» [5], будто правительство ежедневно покупает у Одуена 14 тыс. его псевдопатриотических листков, то он представляет собою, по-видимому, человека с некоторым значением: надо же в конце концов признать, что на что-нибудь эти 14 тыс. листков все же годятся!

Будь я злой человек, мои нападки могли бы плохо обернуться для этого бедняги Одуена. Я бы его обвинил в том, что он продолжает дело заговорщиков, что он продолжает дело Робеспьеров и Сен-Жюстов. Но я отнюдь не считаю преступлением то, что он сохраняет в виде эпиграфа следующие слова из доклада Сен-Жюста, направленного против Дантона и компании: Революция пребывает в народе, а не в славе нескольких личностей. Если какое-то положение верно, неважно, откуда оно исходит, надо его сохранить. Я тоже буду черпать самые прекрасные истины в сочинениях негодяев.

Вот, например, Робеспьер, память о котором возбуждает ныне столь справедливую ненависть, Робеспьер, в ком следует, кажется, различать двух человек, а именно: Робеспьера — искреннего патриота, верного принципам до начала 1793 г., и Робеспьера-честолюбца, тирана и величайшего негодяя, каким он стал после этого; когда, говорю я, Робеспьер был гражданином, это был, пожалуй, лучший источник, где надлежало искать великие истины и сильные доказательства в обоснование прав печати. Я воспользуюсь оставленным им оружием, чтобы начать сражение с софизмами нынешних резонеров [6].

«У свободного и просвещенного народа право критики законодательных актов столь же священно, сколько безоговорочна необходимость их соблюдения. Именно осуществление этого права способствует распространению просвещения, исправлению политических ошибок, укреплению добрых учреждений, улучшению дурных, сохранению свободы и предупреждению потрясений в государствах. Раскрытие пороков какого-либо закона не разрушает его, но постепенно подготовляет общественное мнение к тому, чтобы оно пожелало отмены этого закона. Оно постепенно располагает суверенную власть к осуществлению этой отмены. Закон есть лишь выражение общей воли. Общая воля есть лишь результат общего просвещения, а общее просвещение может формироваться и расти лишь благодаря свободному обмену мыслями между гражданами. Всякий, кто создает препятствия этому высокому общению, разрушает самое существо закона, душит самый источник его, каковым является общественный разум; он парализует самую законодательную способность» («Le Défenseur de la Constitution, par Robespierre», № 5, p. 224).

Если это здравые истины и принципы, то я еще раз призываю не отвергать их с презреньем лишь потому, что они исходят от человека, который был жесточайшим врагом свободы. Он был ее другом, когда он это писал. То, что однажды было хорошо, остается таковым и позднее, и одною из привилегий печати является право постоянно черпать из этого источника, тогда как инквизиция считает своей привилегией грубо лгать в лицо всей нации вопреки самой очевидности. Я спрашиваю, почему недавно у якобинцев было принято решение не говорить, что революционное правительство было задумано и создано Робеспьером, не из страха ли, что это вызовет презрение к этому правительству? Я спрашиваю, почему в конечном счете было заявлено, что это правительство не было его созданием, между тем как верно обратное? Руководители общественного мнения! Неужели вы считаете честным водить его на помочах? Неужели вы считаете, что вас окружают одни идиоты? Или вы думаете, что ничего не было написано и что никто больше ничего не читает? А доклад Робеспьера, предпосланный закону о революционном правительстве, разве он не существует и не доказывает, вопреки вашему желанию, что благодаря своему неотразимому влиянию, которое вы признаете, он немало способствовал принятию этого закона? И кому какое дело до этого, если революционное правительство представляет собою удачную и благотворную идею! Надо видеть только сам предмет, а не его изобретателя и по крайней мере быть честным с французскою нацией, если действительно хотят, чтобы она была свободной. Она слишком просвещенна, чтобы можно было ее обмануть, и она потеряет доверие к тем, кто захочет ввести ее в заблуждение. И разве она не знает также, даже если бы вы вздумали внушить ей обратное, что и наша Декларация прав — тоже произведение Робеспьера[7]? Что он ее изложил в виде проекта, в своих Письмах к избирателям, № X от 15 марта 1793 г.? И что, по его докладу, вы ее с восторгом одобрили у якобинцев постановлением от 21 апреля, как отличное противоядие против отравы Кондорсе[8] и его банды. Все это известно и напечатано. Столь же верно и то, что, хотя наша Декларация прав отнюдь не совершенна, она все же прекрасна, хотя мы и получили ее в дар от Робеспьера. Мы будем чтить это произведение, мы будем им восхищаться, и мы забудем о том, кто его создал. Или же, как я уже говорил, мы будем различать в Робеспьере двух человек: Робеспьера — апостола свободы и Робеспьера — гнуснейшего из тиранов.

Первого Робеспьера я по-прежнему буду противопоставлять убийцам печати, змеям, раздирающим грудь их доброй и щедрой матери, и я с особенной силой обрушусь на того пресловутого универсального журналиста, который осмеливается открыто печатать такую несомненную ересь (№ 1757): «Он предчувствует, что неограниченная свобода печати есть лишь средство, придуманное для совершения контрреволюции; тем, кто хочет высту-

No. Ier.

JOURNAL

DE LA

LIBERTÉ DE LA PRESSE.

Celui qui veut opposer quelques limites à cette Liberté, a des vérités à étouffer, et des mensonges à faire prospérer. (FRÉRON. *Disc. à la Conv. Séance du 9 Fructidor.*

Du 17 Fructidor, an 2me. de la République

J'OUVRE une tribune pour plaider les droits de la presse. Je fixe un point pour lui rallier un bataillon de défenseurs.

A cette mesure est attaché, j'ose le croire, le triomphe de la liberté publique. Depuis que Merlin de Douay nous a déclaré séance du 4 fructidor, qu'une loi sur la presse étoit très difficile à faire, depuis qu'il nous a dit que cette difficulté étoit la seule cause du retard de la présentation d'un rapport du comite de législation, depuis qu'en effet l'embarras paroit réel puisque le rapport n'arrive point, et depuis que quelques législateurs s'agitent en vain pour faire résoudre favorablement la question, il semble etre devenu indispensable aux simples membres de la Cité de venir à l'aide du sénat, en conformité de ce principe: *Chaque citoyen a le droit de concourir à*

A

Первый номер «Газеты свободы печати»

нить только в защиту Республики, нет нужды добиваться, чтобы эта свобода была неограниченной, а потому (поистине блестящий вывод!) те, кто требует неограниченной свободы, хотят использовать ее против Республики».

Послушай, ты, универсальный Одуен:

«Особенно при представительном правлении, когда законы создает не сам народ, а собрание представителей, осуществление этого священного права есть единственная гарантия для народа против бедствия, каковым является олигархия. Так как вполне возможно, что представители на место общей воли поставят свою волю, то необходимо, чтобы вокруг них все время звучал голос общественного мнения, в противовес влиянию личных интересов и страстей, чтобы напоминать им и о цели их миссии, и о принципе, лежащем в основе их власти. Здесь более чем где-либо свобода печати есть единственный барьер против честолюбия, единственное средство заставить законодателя соблюдать единую норму законодательства; если вы ее закуете в кандалы, то депутаты, и так уже стоящие выше всякой другой власти, будут вдобавок освобождены от докучливого голоса критики, и, постоянно окруженные лестью и искательством, вызванными корыстными соображениями, они станут собственниками или, по меньшей мере, безмятежными обладателями богатств и прав нации. Даже тень суверенитета исчезнет, и останется лишь самая жестокая и нерушимая из всех тираний» («Le Défenseur de la Constitution», № 125, р. 124, 125).

Логика правды всегда увлекает. И если сопоставить ее с той логикой лжи и лицемерия, которую обосновывал и проповедовал Робеспьер с тех пор, как стал тираном, сравнение будет далеко не в пользу последней; и никакие усилия, никакие хитрые уловки тех, кто умеет злоупотреблять возможностями, которые предоставляет наш язык, не помогут скрыть, что в основе ее лежит обман. Так разве после этого благоглупости «Journal Universel», высказанные без всякого изящества и лишенные того софистического очарования, какое еще способно понравиться некоторым читателям, могут противостоять неопровержимым принципам, о которых мы только что напомнили? Конечно, нет, слепая религиозная вера не возродилась у нас до такой степени, чтобы мы поверили явно нелепому утверждению, будто «тот, кто не собирается выступать против Республики, не нуждается в неограниченной свободе». Эскадрон похожих друг на друга, как две капли воды, газетчиков, которые всегда старались ничем не задеть власть имущих, конечно, не нуждается в большей свободе, чем та, какой он уже пользуется, чтобы постоянно восхвалять все, что делается, и всех, кто это делает. Эти люди видят истину лишь тогда, когда все уже свершилось, да и то только в том случае, если им разрешают сказать, что то-то и то-то плохо. Они ведут себя так, как будто все возможные правители непо-

грешимы и поправлять их, когда они заблуждаются, значит действовать против Республики. Писатель — друг народа и защитник его прав идет по иному пути. Ему-то как раз и необходима неограниченная свобода, дабы, в соответствии с только что упомянутыми основными принципами, подвергать критике законодательные акты, выявлять их пороки, подготовлять их исправление, создавать спасительный противовес честолюбию власть имущих и препятствовать тому, чтобы они на место общей воли ставили свою частную волю. Разумеется, это не значит действовать против Республики. И если верно, что нам сейчас не разрешается говорить обо всех этих вещах, то, стало быть, у нас нет той свободы, которая нам нужна, и литератор Одуен напрасно стесняет нас, когда мы стараемся отвоевать ее обратно. Это значит заставлять нас воспевать свободу, сгибаясь под тяжестью наших оков, ибо полное осуществление общественного надзора, которое я только что обрисовал, есть единственная гарантия для народа против бедствия олигархии, единственный барьер против честолюбия, единственное средство заставить законодателя соблюдать единую норму законодательства.

Тот, у кого я заимствовал это точное описание воздействия общественного надзора, отлично это видел. Этот коварный человек всегда умел мастерски обрисовать наиболее удачные пути, какими может быть совершено преступление, а затем воплотиться в наиболее гнусных персонажей нарисованных им картин, которым он, по-видимому, самым точным образом подражал. Я думаю, он действовал именно так — он поворачивал медаль другой стороной и, создав прекрасное изображение того, как печать гарантирует общество от покушений со стороны правителей, несомненно говорил себе: «А теперь поставим мою частную волю на место общей воли; подавим голос общественного мнения, единственный барьер моему честолюбию, единственное средство заставить меня соблюдать нормы законодательства; закуем в кандалы свободу печати; и тогда я, будучи уже по своему положению и влиянию выше всякой другой власти, освободившись к тому же от докучливого голоса критики и сумев без всякого труда заставить целый рой поклонников и льстецов непрестанно восхвалять меня, становлюсь собственником или, по меньшей мере, безмятежным обладателем богатств и прав нации; даже тень суверенитета исчезает, и остается лишь самое нерушимое господство». Многочисленные успехи новоявленного Кромвеля [9] показывают, что он совершенно верно определил, к каким результатам приводит свободное развитие общественного мнения и к каким — его подавление. Это дает основание верить ему и, что касается первого из этих принципов, в точности следовать его советам.

(Продолжение в следующем номере)

К. Бабеф

Эта газета, выходящая каждый день, продается в типографии Гюффруа[10], ул. Оноре, № 35, во дворе бывшего монастыря Капуцинов. По этому адресу следует направлять все письма и извещения. Здесь же можно приобретать отдельные номера газеты или подписаться на нее.

[РЕЧЬ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ КЛУБЕ][11]

[между 17 и 22 фрюктидора II года — 3 и 8 сентября 1794 г.]

Граждане!

На вашем последнем заседании оживленно обсуждалось письмо, в котором я выражал свое сожаление по поводу того, что ваши труды не получают путем публикации в газетах должной гласности, каковой они тем более заслуживают, что только члены вашего общества обсуждают вечные принципы, о коих столь необходимо напомнить Народу. Поэтому я предложил вам, что буду, с вашего согласия, писать о ваших трудах в газете, которую я специально посвятил делу защиты отстаиваемых вами принципов. Мне стало известно, что мое письмо было неверно понято, что оно было истолковано так, будто я требую предоставления мне исключительной привилегии печатать отчеты о ваших заседаниях. Если бы мое письмо перечитали, то стало бы очевидно, что оно не содержит ничего похожего на такое притязание.

Граждане, принятое вами по этому вопросу решение разумно и соответствует республиканским принципам. Именно в этом духе вы и высказались, когда заявили, что не следует увлекаться людьми, особенно людьми новыми, на основании первого же их сочинения, что о них можно судить только на основании длительного наблюдения за всей их деятельностью на революционном поприще и что я, по-видимому, вступил на это поприще довольно поздно.

Граждане, конечно, все эти замечания справедливы. Но я бы хотел, чтобы вы узнали, что я отнюдь не новый человек в революции. Начиная с 1789 г. я защищал ее в одном из департаментов печатными выступлениями, за что я сидел в парижских тюрьмах, и Марат был моим защитником. Затем, поселившись в Париже, я стал одним из сотрудников газеты Прюдома[12], за что снова подвергся преследованиям со стороны последней тирании, продержавшей меня десять месяцев в застенках, где я и познакомился с некоторыми членами вашего клуба. Будучи постоянной жертвой деспотизма, я вследствие этого все больше и больше постигал необходимость любить свободу и отдаваться делу ее защиты. Я прошу у вас несколько минут внимания для зачтения номера моей газеты не ради того, чтобы подтвердить пред вами

мои принципы, а ради того, чтобы вы услышали голос мужества, столь необходимого сегодня для преодоления подавленности, которую терроризм глубоко запечатлел в сердцах.

Граждане, газета, которую вам только что прочли, содержит также следующее извещение...

В соответствии с этим извещением я призываю каждого из вас по возможности помочь мне материалами. Энергия и единение добрых граждан необходимы сейчас более, чем когда-либо раньше. Давайте же сплотимся, и тогда усилия тех, кто хочет нас поработить, останутся тщетными.

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ
№ 2

Одни плуты страшатся света (Камилл Демулен[13] и Св. Матфей)

19 фрюктидора II года Республики [5 сентября 1794 г.]

В республиканской Франции спор вокруг того, быть или не быть печати свободной, поистине странное явление. Для всех свободных людей, бесспорно, великий скандал, что подобное возможно после пяти лет революции! И мы, наверное, кажемся довольно смешными всему Свету, видящему, как эта проблема вызывает серьезное разделение мнений, резкую и оживленную дискуссию у народа, считающего себя куда демократичнее Афин. Да и сами мы должны испытывать сожаление при виде того, как подобный вопрос дает повод к бесконечным прениям, в ходе которых возникает столько разнообразных оттенков мнений, что это способно внушить друзьям правды и бессмертных принципов тревогу относительно того, каким же образом будет разрешен этот важнейший вопрос.

Да точно ли мы дошли до этого после пяти лет революции? Этот факт, считающийся бесспорным, что-то кажется мне сомнительным, и я хочу его подробно рассмотреть, дабы установить, стоит ли действительно отвоевывать свободу печати. Подтверждение этого факта не сделало бы чести успехам общественного разума в прошлом и внушило бы мало надежд в этом отношении на будущее. Я провожу одно различие, которое утешает меня в отношении прошлого и открывает благоприятную перспективу на будущее. В соответствии с этим я говорю Франции: «Давайте лучше вникнем в нашу историю и уточним нашу хронологию. Мы не должны более считать, что прошло пять лет революции, мы должны считать, что прошел только один месяц и несколько дней революции».

Это утверждение, оправдывающее видимую незрелость нашего нынешнего общественного мнения, отнюдь не плод ошибки. Ко-

нечно, пять лет тому назад мы совершили революцию. Но надо честно признать, что после этого мы допустили совершение контрреволюции. И это последнее событие приходится как раз на то время, когда мы допустили первое посягательство на свободу мнений, будь то устных или письменных. 10 термидора отмечает новый момент, начиная с которого мы трудимся над восстановлением свободы. Следовательно, мы, так сказать, пока еще только бесформенные зародыши, слишком слабые, чтобы осознать наши права и принципы, на коих они зиждутся. Не приходится удивляться тому, что мы столь медленно продвигались в разрешении вопроса, который разумным существам представлялся бы, конечно, чрезвычайно простым.

И пусть не говорят, что нас надо рассматривать как революционеров с пятилетним опытом и что можно рассчитывать на силы, приобретенные нами в условиях свободы. Правда, республиканское просвещение продвинуло нас значительно вперед в деле познания принципов, охраняющих достоинство общественных связей. Но по вине извратителей, которым мы дали возможность обосноваться среди нас, это просвещение проделало вспять весь ранее пройденный путь. Они добились полного извращения демократической морали, они затемнили и опрокинули все основные и непреложные идеи, и под их влиянием разум граждан заблудился в неведомом море отвлеченных и изменчивых понятий. Вместо простых вечных понятий разума и справедливости, выраженных столь же простым языком, дававшим членам общества удобную возможность знать свои обязанности и свои права, так же как и основания, на коих они покоятся, выполнять одни, пользоваться другими и защищать их, — вместо этих простых понятий ввели некие мнимые, дотоле неведомые принципы и убедили в их необходимости под предлогом трудных и чрезвычайных обстоятельств, якобы подвергающих родину опасностям со всех сторон. На каком-то темном жаргоне, нечленораздельными неологизмами изложены были взгляды, совершенно уничтожающие общественную свободу. Эти люди превзошли самого Макиавелли[14], стремясь убедить народ не придавать более значения своим правам суверенитета и заставить его поверить в то, что интересы родины требуют, чтобы он лишился на время этих прав, дабы правильнее пользоваться ими в дальнейшем, и что, если хочешь укрепить свою свободу, надо сначала отречься от нее. Постепенно народ свыкся с этими опрокинутыми, странными идеями; он привык по всем вопросам руководствоваться моралью, противоположной той, которую он создал себе поначалу в соответствии с Декларацией прав; он привык к постоянным изменениям установлений, следовавших одно за другим, перепутывавшихся между собою, нагромождавшихся и всегда противоречивших вечным принципам и подрывавших их. Он забыл эти принципы. Бессвязность новых принципов, лишенных справедливой основы, привела к тому, что они перепутались в его сознании.

Люди уже ничего не знали, они видели только хаос. Разобраться во всем было предоставлено тем, кто, несомненно, создал намеренно весь этот беспорядок ради того, чтобы оказаться незаменимыми.

Я счел возможным дать этот исторический очерк, чтобы показать, до какой степени удалось внести беспорядок в наши идеи ко времени 10 термидора. Не постыдимся признать, что во всех наших политических понятиях мы запутались до того, что в любом вопросе принимали решение, противоположное естественному. Точно так же поступили мы в вопросе о свободе печати, что и объясняет наличие спора между нами по этому вопросу.

Если верно, что обсуждение этого откладывалось до настоящего времени, если верно, что во время подписания Декларации прав 1789 года, когда мы сбросили цепи монархического деспотизма, это право не вызвало никаких возражений и было гарантировано, что оно не может быть ни в коем случае отменено, приостановлено или ограничено; если верно и то, что с тех пор никто не вздумал объявить ему войну, особенно полемическую, и что даже тирания Робеспьера осмелилась уничтожить его лишь косвенно и хитростью, то следует признать, что это произошло потому, что мы снова впали в детство в отношении идей свободы с тех пор, как мы лишились всякого рода прав, с тех пор, как мы снова попали в рабство. Надо признать, что с 10 термидора, после нашего освобождения из самого жестокого порабощения, мы как бы заново начинаем исполнять наши революционные обязанности, и, как я уже сказал, мы сейчас люди, которым всего лишь один месяц.

Вторично научиться чему-нибудь труднее, чем научиться впервые, ибо необходимо освободиться от некоторых приобретенных тем временем дурных привычек, а также потому, что постоянные труды утомляют: мы все это испытали на себе. Наши первые революции шли гигантскими шагами, а революция 10 термидора кое-как тащилась, чтобы покончить с одним тираном и несколькими его сообщниками. Этой революции должно было бы сопутствовать ее дополнение: она должна была в то же мгновение разбить на тысячу осколков те позорные цепи, что сковывают печать и позволяют тирании продолжать существовать или, по крайней мере, сохранить то зерно, из которого она может возродиться. Я вижу внушительную массу людей, неустанно мучимых потребностью истребить это зерно, ибо иначе окажется, что в памятный день 10 термидора они свергли только одного человека. Нужны ли для этого многочисленные петиции? Нужна ли газета, специально посвященная обстоятельной дискуссии по вопросу о законности этого требования? Уж не думают ли, что, издавая эту газету, я имел лишь намерение бесконечно писать о печати? Нет, это дело говорит само за себя и не нуждается в бесконечных защитительных речах. Мне, пожалуй, достаточно было бы показать в этом номере, каким образом следует всюду рассматривать этот вопрос, мне до-

статочно было бы убедительно доказать, что, только отклоняясь от простых и вечных принципов, только теряясь в новом лексиконе политических абстракций, можно запутаться в этом споре.

Доказательство пользы печати, ее необходимости, ее неотделимости от свободы может быть дано в трех словах. Печать имеет задачею надзирать за дурными должностными лицами, препятствовать злу, указывать путь к добру. И, поскольку лишь посредством печати мы можем получить гарантию наших прав и перестать быть рабами, почему же Мерлен из Дуэ не находит удобным подтвердить эту гарантию также в трех словах: «Да будет тот, кто учинит малейшее посягательство на свободу печати, подвергнут каре как величайший враг общества.» Но как же с законом против клеветников? По моим сведениям, он уже выработан. Если закон одинаков для всех, то обвинительный декрет против Лекуантра[15] из Версаля указывает, какого рода наказание должно постигнуть всякого, кто будет отнесен к той же категории. Ну а как же с революционным правительством? Задача, за которую я отныне принимаюсь, заключается в том, чтобы доказать, что революционные законы и принципы могут отлично уживаться друг с другом. Я говорю о принципах применительно как к печати, так и ко всем другим вечным правам. Ибо, я должен это заявить, я посвящаю себя защите всех этих прав. Мое предложение не является частичным, как сказал Дюфурни[16]. Я объявил себя защитником печати только для того, чтобы затем защищать все другие принципы, охраняющие свободу, ибо печать есть важнейший из этих принципов, это образец и основа, откуда исходят все другие принципы. Итак, я провозглашаю, что, когда название *«Газета свободы печати»* станет уже неподходящим для моей газеты, она получит название «Хранитель печати, или Защитник принципов». Это заявление представляет собою мой Проспект, который мне следовало бы дать в моем первом номере; но я горел нетерпением расправиться с великим еретиком в вопросе о свободе мнений.

Теперь известно все, чего от меня следует ждать. Я принимаю обязательство вести борьбу с противниками всех принципов и объединяюсь со всеми мужественными и подлинно свободными людьми, желающими помочь мне в этой великой борьбе. Долго, и даже слишком долго, армия писак, продавшихся за деньги или страха ради, пользовалась правом обманывать народ относительно людей и событий. Пришло время человеку, которого все враги народа, вместе взятые, не в состоянии купить, высказать самолично всю правду и развеять в прах все лжеизмышления борзописцев. Я не собираюсь подавать свеженькие новости. У нас и так слишком много таких газет и газетчиков. Я притязаю на создание газеты для мыслящих людей, это будет теоретический разбор последовательно издаваемых законов и анализ того, как они связаны со свободой и счастьем народа. Вначале я обращусь к 10 тер-

мидора. Отправляясь от этого нового революционного момента, я буду рассматривать, все ли сделано лучшим образом. Я полагаю, что поскольку я посвятил себя защите печати, то уже в силу этого мне должно быть дозволено говорить обо всем без принуждения; к тому же ведь существует статья 7 Декларации прав. Еще ни один акт, носящий характер закона, не совершил над нею прямого кощунства. И, поскольку позволительно думать, что тирания исчезла с нашего горизонта, я полагаю, что встать под защиту этой статьи 7 будет достаточно хорошей временной гарантией в ожидании той, которой требует весь народ.

К. Бабеф

Эта газета, выходящая каждый день, продается в типографии Гюффруа, ул. Оноре, № 35, во дворе бывшего монастыря Капуцинов. В ближайшее время будет объявлена подписка.

Эта газета — великая книга, открытая для всех истин; это почтовый ящик для всех охранителей родины и политическая трибуна для свободных и энергичных людей, друзей принципов. Поэтому мы приглашаем всех добрых граждан посылать по этому же адресу сообщения, письма и документы, которые они сочтут полезными и которые будут соответствовать духу, взглядам и свободному и мужественному характеру нашей газеты *.

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ **

№ 3

> Неужто достигли мы того страшного предела, когда мысль, вынужденная ползать под гнетом навязанных властью правил, боязливо замирает на кончике пера наших писателей и ее великолепные взлеты уже не отметят собой благородные порывы республиканской гордости (Прюдом. Траурная речь, посвященная Марату, июль 1793 г.)

22 фрюктидора II года Республики [8 сентября 1794 г.]

Совместима ли свобода печати с революционным правительством? — Энергичная петиция в защиту печати от клуба, заседающего в электоральном зале. — Заявление председателя Конвента о том, что свобода печати гарантирована Декларацией

---

* *Аналогичные объявления помещались почти в каждом номере газеты. В дальнейшем они воспроизводиться не будут.*

** После того как во втором номере я четко определил облик и характер, которые я предполагаю придать этой газете, я счел необходимым разделить ее на две части, одну — для меня, а другую — для моих соратников, поскольку я указал, что наше поле битвы открыто для всех мужественных людей, которые захотят с оружием правды, справедли-

прав. — Тем не менее защитников печати предают анафеме. Пробуждение писателей-патриотов. — Дижонская петиция с требованиями террора и ограничений для печати. Распространение этих замечательных требований по парижским секциям, которые отвергли их с негодованием.

I. ТЕМПЕРАТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Смерть врагам правды! Этот клич должен звучать столь же громко, как клич — смерть тиранам, смерть предателям! А разве не предатели и не тираны те, кто хочет похоронить правду и дать восторжествовать лжи? Доколе будет длиться эта борьба? До каких пор будут находиться люди, достаточно бесстыдные, чтобы проповедовать замалчивание всех злоупотреблений, посягательств, коварств! Да, если составлять списки дурных граждан, то бесспорно туда дóлжно занести всех, кто поднимал голос против свободного выражения правды. Они должны быть, по крайней мере, подвергнуты остракизму, как люди недостойные пребывать в обществе, счастья которого они не хотели, ибо счастье может быть лишь следствием познания правды, а правда — лишь результат свободного столкновения всех мнений и всех знаний.

Вопреки своим усилиям, они ничего не добьются, эти тираны, достойные ученики и неисправимые последователи системы их недавно погибшего вождя, желающие и в дальнейшем подобно тому, как он это делал, связать даже сам язык своих соотечественников. Трепещите, несчастные, народ становится более просвещенным, он возвращается к принципам, гнет слабеет, энергия возрождается, мужественные и смелые писатели объединяются, некоторые уже готовы, другие приводят в готовность свои перья, правда выйдет на свет, и она устыдит всех, кто хотел ее удушить.

Барометр общественного мнения уже совсем склоняется к переменам. «Скука рождается из однообразия». Люди устают читать во всех газетах, содержащих отдел «Общественное мнение», монотонную вереницу восхвалений и благодарностей со стороны той части нации, которая аплодирует и поздравляет, и будут рады разнообразию, которое внесет статья под такою же рубрикой, отражающая мнение другой части нации, той, что наблюдает и размышляет.

Когда мы в первый раз открыли наш почтовый ящик, предназначенный для поступающих в него истин, мы сразу же нашли

вости и разума выступить против заблуждений, коварства и рабства. Я озаглавлю первую часть «Температура общественного мнения». Эту часть я предоставлю почти полностью всем тем моим собратьям-патриотам, которые откликнутся на обращенное к ним приглашение снабжать меня материалами и помочь мне своими знаниями и энергией. Другая часть будет озаглавлена «Общее рассуждение о принципах надзора за общественными делами и т. д.» Этот предмет должен трактоваться методически и одним лицом.

там много политических высказываний людей, которые думают самостоятельно.

Пример:

Рассмотрение вопроса о том, совместима ли свобода печати с революционным правительством.

«Прежде чем приступить к этому вопросу, который никогда не будет проблемой для мыслящих людей, я должен напомнить некоторые принципы, признанные всеми свободными людьми.

1. Установлено, что если народ свободен, то чем сильнее и энергичнее правительство, чем могущественнее его деятельность, тем более граждане государства нуждаются в самом полном осуществлении своей свободы, чтобы наблюдать за всеми его уполномоченными и критиковать их, ибо иначе оно неизбежно переходит к произволу и тирании. Эта истина с полной очевидностью доказана опытом как ныне существующих народов, так и народов прошлого.

2. Во всех революциях решающие моменты коротки (если они длятся три или четыре дня, это уже много), беспорядочны и часто разрушительны; в ходе их неизбежны акты произвола. Но как только законодатели организуют какое-то правительство под каким бы то ни было наименованием, для того чтобы завершить революцию и пожать ее плоды, оно должно быть столь же разумным, как и сильным, и находиться под ничем не ограниченным контролем всех граждан государства именно потому, что оно — правительство. Только тираны могут быть другого мнения. Исходя из этих принципов, столь привычных для свободных людей, я спрашиваю всех друзей народа, совместима ли неограниченная свобода печати с революционным правительством и не является ли она даже необходимою для того, чтобы освещать направление его деятельности и предохранить нас от бедствий, подобных тем, которые мы совсем еще недавно испытывали от столь тиранического произвола. Я спрашиваю людей, у которых чистые руки и чистая совесть, бывало ли так, чтобы, в какое бы то ни было время и какие бы должности они ни занимали, они опасались взоров своих сограждан? Я обращаюсь ко всем образованным людям с вопросом: разве у всех свободных народов их добродетельные уполномоченные не требовали сами, с присущими гению мужеством и простотой, надзора и критики со стороны своих сограждан?

И если, помня об этих принципах, представить себе сверх того все неисчислимые и неизбежные бедствия, которые обрушивают на народы человеческие слабости, интриги, разложение, личная вражда, опьянение властью — все страсти, осаждающие человека, когда он держит в своих руках руль государственной власти, то становится очевидной необходимость напоминать ему об его обязанностях, исправлять его ошибки, заставлять его трепетать при одной мысли о преступлении, столь легко проникающем в его душу и разлагающем ее.

Но если быть уверенным в том, что у всех народов высокие должности всегда были камнем преткновения, могилою самых суровых добродетелей, что так было даже в Спарте, и особенно у нас, у колыбели свободы; если помнить, что чем более люди возвышаются, тем более они похожи на детей, которые только начинают ходить, и тем более нуждаются во внимании и поддержке, дабы направлять их нетвердые шаги; можно ли ставить под сомнение полную и неограниченную свободу печати, ее совместимость с революционным правительством; могут ли наши законодатели колебаться по поводу того, следует ли провозгласить средства ее обеспечения? Неужто сделают проблему из того, что никогда ею не было? О, Марат! что сказал бы ты, если бы ты нас услышал.

Что до меня, я выступаю за то, чтобы все Народные общества, все мыслящие люди Республики полностью высказали свое мнение по этому великому вопросу. Они выскажутся за свободу печати, в том мне порукой честь свободы и честь Франции. Я предоставляю сторонникам тирании увлекаться своей великой и широкой политикой; у свободных народов никогда не бывает другой политики, кроме политики принципов и справедливости, без которой они перестают существовать».

Народное общество, пребывающее в электоральном зале, представило Национальному конвенту на заседании 20 термидора петицию с требованием: 1) самой неограниченной гарантии свободы печати для тех граждан, которые посвятили себя благородному делу разоблачения злоупотреблений и предателей; 2) запрещения впредь нарушать неотъемлемое право народа избирать своих должностных лиц, иначе говоря, закрепления за народом этого права.

Председатель дал следующий ответ:

«Ваше первое предложение основано на Декларации прав человека; революционное правительство, установленное для общественного благоденствия, высказывается против второго предложения».

Кто после такого заявления, произнесенного председателем Национального конвента от имени последнего и им не дезавуированного, усомнился бы в том, что по первому пункту петиции все было решено; что столь долгожданная неограниченная свобода писать и говорить наконец провозглашена и что правда выйдет вскоре из тех глубин, где она погребена.

Но можно ли принимать всерьез это заявление и рассматривать его как гарантийную грамоту, достаточную для обеспечения еще неуверенных шагов этой самой правды? Можно ли, говорю я, на это рассчитывать, глядя на то, что произошло после заявления председателя между собранием и петиционерами? Депутаты потребовали возвращения к повестке дня, и петиционеры, допущенные на заседание, вошли в зал и вышли из него, не присаживаясь. «Это дело клики, — восклицает один член Конвента, — петиция со-

чинена не теми, кто вам ее представляет: тот, кто ее читал, с трудом разбирал ее по слогам». Что же, если общество неудачно выбрало своего оратора или сам он оробел, предчувствуя неблагоприятное отношение собрания, о чем свидетельствовали многие признаки, то из этого вы делаете вывод, что петиция — дело клики? Клики, добивающейся подтверждения самых священных прав человека! Великие боги, до какого же извращения всех идей мы дошли, если говорить об этих правах законодателям французского народа стало преступлением! Мне кажется, что, наоборот, всякий человек, который потребует чего-либо, основываясь на этих священных и глубокочтимых принципах, уже по одному этому должен быть выслушан, ибо эти права для того и были твердо установлены, «чтобы народ никогда более не позволил тирании угнетать и унижать себя, чтобы основы его свободы были всегда у него перед глазами и чтобы законодатель всегда ясно видел цель своей миссии».

А Бийо-Варенн[17] пошел еще дальше своего коллеги, заявив, «что Электоральный клуб всегда был очагом заговоров, что это опора Эбера и ему подобных и что ныне, когда новая клика собирается поднять голову, этот клуб приходит в движение». Он предлагает, и собрание постановляет переслать петицию в Комитет общественной безопасности в целях рассмотрения ее мотивов.

Клуб, который вовсе не является Электоральным клубом, а лишь заседает в электоральном зале и который называют очагом заговоров, опорой Эберов, это, несомненно, новый анекдот, который надлежит приобщить к истории эбертизма. В самом деле, почему до сих пор об этом ничего не говорили? У Робеспьера тоже всегда были в запасе доносы, с помощью которых можно было раздавить тех, кто вносил предложения, не отвечающие его умонастроению. С него тут и берут пример, и если эта его привычка сохранится, нам останется только думать, что он не умер. Мы все, в том числе и сам Национальный конвент, поклялись не перенимать ничего из методов и средств этого властолюбца. Он также вечно был окружен заговорами и всюду видел клики: какова же та новая заговорщическая клика, о которой сейчас говорят? Не та ли, которая требует свободы печати? Действительно, это большое преступление в глазах тех, кто ее боится. Клуб, пребывающий в электоральном зале, приходит в движение? Да, ради некоторых из прав человека. До каких пор будут грозить революционным трибуналом за выступление в защиту прав, *забвение которых, презрение к которым всегда были единственными причинами бедствий, поражавших мир!* Члены Электорального клуба, продолжайте пребывать в движении, это вам говорят все свободные люди. Нет, это общество отнюдь не центр заговоров, оно, быть может, последний оплот мужественной свободы. К тому же, если Бийо-Варенн обвиняет то общество, которое существовало во времена Эбера, то это обвинение не касается общества, представившего петицию о печати.

Все знают, что после Эбера и его сторонников все общества были распущены, кроме одного. После смерти последнего из королей * общество, заседающее в электоральном зале, восстановилось. Я присутствовал на некоторых его заседаниях; принципы, которые там проповедуют, внушили мне мысль, что оно состоит из людей чистых, и я сожалею о том, что никакая газета не предала гласности эти заседания. Пусть Бийо, пусть некоторые якобинцы придут туда, они, пожалуй, нуждаются в таком уроке, для них, пожалуй, будет далеко не лишним снова научиться тому, как голосуют исключительно за принципы, священные и неотчуждаемые, как там помнят о том, что «действия правительства надо постоянно сопоставлять с целью любого общественного учреждения».

Согласно своду прав человека право петиций священно; вот почему Конвент выслушивает и те петиции, которые выступают за какое-либо предложение, и те, которые против. Он должен был поэтому выслушать также петицию, специально присланную из Дижона, чтобы потребовать восстановления террора и ограничений для печати[18]. Эту петицию распространили по собраниям парижских секций; мне известно, что секция Пантеона и многие другие отвергли ее с негодованием, о чем многие газеты умолчат. Конвент передал эту петицию в свой законодательный комитет, а петицию Электорального клуба в Комитет общественной безопасности для рассмотрения ее мотивов. Поскольку они сводятся к ссылке на принципы, от комитета можно ожидать только доклада в пользу удовлетворения требований петиционеров. Стало быть, последние, весьма возможно, допустили ошибку, показав, что на это не надеются, когда они поспешно вышли из зала, не заняв места, после того как их пригласили на заседание; их заподозрили в намерении дать понять, что они пришли требовать уважения к правам народа, а не ради почестей. Столько есть людей, прибегающих к лести, что подобная искренность не лишена определенных достоинств, ибо следовало бы уважать даже ошибки там, где налицо ярко выраженный гордый республиканизм.

К. Бабеф

---

* *Имеется в виду Робеспьер.*

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ

№ 4

> Заткнуть рот недовольным — это значит не дать народу проснуться от летаргии, и к этому прилагают усилия те, кто хочет его угнетать; но главный вопрос в том, чтобы устранить возможность превращения пожара во всеобщий, препятствуя сообщениям между разными частями государства. Поэтому тираны весьма озабочены тем, чтобы стеснить свободу печати (Марат. «Цепи рабства» [19])

25 фрюктидора II года Республики [11 сентября 1794 г.]

В порядке дня дерзость политических писателей. — Прием Фрерона, Тальена, Салавилля, Фельэмези в батальон защитников печати. — Прюдом призван под наши знамена. — Раздумья мыслителя о свободе печати.

I. ТЕМПЕРАТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Я взял разбег. Если даже мне суждено будет, подобно Марату, долго не выходить из подвала, который я уже подготовил и в котором собрано все мое оборудование — моя старая лампа, мой столик, мой стул и моя шкатулка; если даже моим разносчикам придется всячески ухищряться, когда ищейки новых Лафайетов вздумают их задерживать и конфисковать мои истины, эти истины все равно пойдут в обращение и помогут показать народу, что можно, и притом скоро, превратить в действительность прекраснейшую из максим, которая до сих пор была лишь иллюзией: «Цель общества — всеобщее счастье».

Конечно, только благородство того дела, которое я взялся защищать, обеспечило мне столько читателей, пропагандистов, критиков; и поток их писем дает мне тьму доказательств, одно сильнее другого, в пользу проповедуемой мной доктрины. Умы возбуждены, и это хороший признак. Меня ободряют со всех сторон, и этого более чем достаточно для человека, горячо любящего свою страну.

Я очень доволен тем, что придумал «почтовый ящик для истин». Он доставляет мне столько материалов, что я испытываю только затруднение в выборе, и моя газета в первой своей части оказывается готовой сама собою. Это подлинно общественная газета, поскольку в ней сотрудничают все добрые граждане, которые того пожелают. Такой была газета Друга народа. Я опасался, что то оцепенение, которое породили Робеспьер и его присные, могло погубить множество энергичных людей, людей светлого ума, любящих добро, столь эффективно помогавших Марату и другим искренним миссионерам свободы в первое время револю-

ции. Я с удовлетворением убеждаюсь в том, что они живы и что есть еще в Риме свободные и добродетельные сердца.

Температура общественной свободы достигла хорошего уровня. В порядке дня — смелость политических писателей. Разумные люди из их среды образовали лигу, решившую вымести всех своих безличных коллег, тех холодных и раболепных повествователей, которые все на одно лицо и говорят лишь то, что дозволено говорить, воздерживаясь от собственных суждений, что спасает их раз и навсегда от упреков в строптивости. Но выходящие на первый план мыслящие люди, пожалуй, спутают им все карты.

«L'Orateur du Peuple», «L'Ami des Citoyens» [20], всегда высоко ценимые патриотами доброго старого времени, т. е. первого, второго, третьего и четвертого года свободы, но которые вряд ли понравятся патриотам-террористам (французы любят перемены, и это слово станет модным), вряд ли, повторяю, понравятся патриотам — террористам второго года Республики; эти две газеты выходят в свет и стоят в одном ряду с моей. Тем лучше, если они такие же, какими были всегда; у доброго дела никогда не будет лишних защитников. Право же, право же, обвинению этих людей в аристократизме я поверю лишь тогда, когда увижу документы и доказательства; а относящийся к ним протокол заседания у якобинцев показался мне столь плохо составленным, что я ничего не понял из мотивов их позорного изгнания. Правда, при императоре Робеспьере якобинцы приобрели привилегию создавать людям репутацию без особенных объяснений и мотивировок. Но всякое время имеет свои нравы, тогда верили на слово. Если бы ныне вздумали вернуться к мании обо всем размышлять, все самим рассматривать, то многие изгнания были бы оценены так же, как некогда сожжения, которых требовал господин Сегье [21].

По-видимому, я не разбираюсь во всем так хорошо, как нынешние мудрецы, но я отнюдь не считаю, что речи обоих этих подвергшихся осуждению людей, посвященные свободе печати, не соответствуют правильным принципам. И так как мне присуще упрямство скептиков былых времен, на которых так жаловались священники, потому что они отвергали догму: Смири свою веру, — и так как, следовательно, я верю лишь тому, что я вижу, меня неотразимо влечет сразу же принять этих двух изгнанников в мой батальон защитников печати, которому я дал сигнал к сбору во второй строке моего первого номера. Когда я говорю о приеме в мой батальон, это вовсе не значит (о чем следует заранее предупредить), что я притязаю на звание его капитана. Мы все будем солдатами, и я полагаю, что сын «Anneé littéraire» [22] тоже слишком сильно любит равенство, чтобы стыдиться шагать рядом с сыном пастуха, который не умел читать.

И ты, Салавилль [23], тоже приди к нам, ибо и ты уничтожаешь врагов печати, ибо в царствование Максимилиана жестокого ты

имел, по крайней мере, мужество хранить молчание, и никогда не осквернил низкою лестью страниц «Annales Patriotiques».

Осторожный Прюдом, ты, который, увидя, что император не на шутку рассердился, стер свой прекрасный девиз: Свобода печати или смерть; ты с честностью, которую также можно назвать мужеством, сказавший нам во фримере (№ 119 «Révolutions de Paris»), что с некоторого времени ты уже не можешь говорить всю правду; ты, кто, прощаясь с нами в вантозе (№ 225), обещал нам «Приложение» с «исправлением ошибок, неизбежных в периодическом издании»; ты, кто, покидая нас, оставил нам, по крайней мере, столь остроумную сатиру на тогдашнюю тиранию, заявив, что, поклявшись оставить перо лишь тогда, когда наша страна станет свободною, ты сдержал свое слово; что, поскольку свобода до такой степени утвердилась на незыблемых основах, твоя задача выполнена и тебе нет более надобности писать, что в переводе на обыкновенный язык означало, что, так как деспотизм достиг крайнего предела, ты не можешь более писать и хочешь сохранить за собой возможность вернуться к этому занятию в более благоприятное время. Приди же, дай нам свое «исправление ошибок», поддержи нас, чего ты боишься? Максимилиан уже больше не гневается. Или ты боишься, что у него есть последователи? Пустое, их надо презирать. Нужна смелость и еще раз смелость. Шагай с нами, мы тебя призываем. Неужто ты отступишь? Да нет, ты не трус. Мы отнюдь не считаем преступлением то, что ты отошел в тень во времена, когда негодяи торжествовали. Благородный человек не умирает безрассудно и бесплодно для родины, если он надеется на то, что придет час, когда он сможет способствовать ее спасенью. Так люди, прибегающие к террору, оказываются обманутыми в своих расчетах. Они думают, что им удалось запугать храбрых, заковать в цепи льва свободы, а он лишь благоразумно притаился в углу. Пробьет час, и он, разъяренный, воспрянет и расправится со своими угнетателями.

А ты, Фельэмези, ты, по-видимому, иудей, еврей, что-то в этом роде; звучание твоего имени свидетельствует о том, что ты — потомок Авраама. Неважно, все люди братья, мы всегда будем признавать свободу культов, несмотря на то, что император хотел нам навязать одну господствующую религию. К какой бы секте ты ни принадлежал, я вижу в тебе мужественного человека; приди под наши знамена. Да что я говорю? Ты уже наш, ты даже в какой-то мере впереди нас. Твое «Охвостье» производит величайший шум. Оно с честью защищает права печати и принципы. Никто лучше тебя не отстаивал собственность, никто лучше не доказал, сколь преступны те, кто ее нарушают. Тебя упрекают только в одном. а именно говорят, что твоя фамилия есть лишь логогриф и что надо знать, как его разложить, чтобы узнать, кто ты. Друг мой, для чего эта маскировка? Ты можешь внушить предателям мысль, что их боятся, а у меня ты можешь вызвать ощущение.

что печать в действительности еще не свободна, несмотря на все резолюции со ссылками на Декларацию прав. Будем продолжать действовать так, как если бы печать была свободна, тогда мы этого добьемся. А ты шагай всегда с открытым забралом, назови нам свое имя и ничего не бойся.

РАЗДУМЬЯ МЫСЛИТЕЛЯ О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ

Редактору газеты

Я пользуюсь приглашением, содержащимся в твоем 2-м номере и посылаю тебе следующие соображения, вызванные заглавием твоей газеты и предметом, который ты в нем рассматриваешь.

Я, как и ты, был удивлен тем, что свобода печати все еще может быть поставлена под вопрос, после пяти лет той самой революции, которая произошла благодаря прогрессу просвещения; это должно вызывать тем большее удивление, что тираны, с которыми Конвент недавно расправился, ни разу не осмелились сказать, что следует ограничить эту свободу, даже тогда, когда они душили ее средствами террора. Один из них в последней речи, произнесенной им в Конвенте, сказал:

«Право вызывать интерес общественного мнения есть право естественное, неотъемлемое и неотчуждаемое. А узурпаторов я вижу только среди тех, кто хотел бы подавить это право».

Довольно странно, говорю я, слышать, как те, кто спас свободу, свергнув угнетателей мысли, ныне проповедуют взгляды, в которых сами эти угнетатели никогда не смели признаться.

Как бы там ни было, бесспорно, что необходимость сохранения этого права поставлена под сомнение, что вопрос этот оживленно обсуждался якобинцами и остался нерешенным, что Конвент нашел этот вопрос весьма сложным и что те, кто отстаивает свободу печати, подвергаются обвинениям в стремлении свергнуть революционное правительство и совершить контрреволюцию. Поэтому необходимо рассмотреть этот вопрос во всем его объеме.

Однако здравомыслящий человек лишь скрепя сердце принимается доказывать бесспорные принципы. Ему приходится пережевывать общие места, он обречен на выбор между двумя альтернативами: либо выглядеть человеком, считающим своих читателей лишенными здравого смысла и знаний, либо самому сойти за такового. В самом деле, кто не знает, что до нынешнего дня свобода печати считалась до такой степени неотделимой от политической свободы, что для философов еще более 30 лет тому назад было аксиомою следующее положение: *если бы в деспотическом государстве могла существовать свобода печати, одно это было бы достаточным противовесом, уничтожающим действие деспотизма.* Англичане, коих мы во многих отношениях оставили позади себя,

столь глубоко в этом убеждены, что правительство, дабы народ оставался уверенным в своей свободе, не только терпело существование оппозиционной партии, но и содержало ее в моменты, когда она приходила в упадок, чтобы сохранить иллюзию.

В свете этих соображений французскому журналисту должно быть стыдно, что он вынужден доказывать правильность подобного положения. Дюфурни полагал, что он ставит вопрос под правильным углом зрения, когда он потребовал обсудить в Якобинском клубе, совместима ли свобода печати с революционным правительством? Либо я ничего не понимаю в принципах, либо надо было бы перевернуть это предложение и поставить вопрос о том, совместимо ли революционное правительство со свободой печати, и в случае отрицательного ответа не должно быть никаких колебаний: надо было бы осудить революционное правительство. В самом деле, что это такое, свобода печати? Это — свобода думать и сообщать свои мысли. Но это и есть как раз то, что составляет самую суть разумного существа. Лишить человека этого права — значит извратить его, оболванить, заставить деградировать. Правительство, которое произвело бы такое действие, могло бы быть только деспотическим и жестоким правительством. Без свободы печати суверенитет народа сводится на нет, ибо именно с помощью печати он непосредственно участвует в выработке закона, в чем и заключается его суверенитет; это и есть осуществление принципа, провозглашенного в Декларации прав!

«Всякий, кто узурпирует суверенитет, да будет немедленно предан смерти свободными людьми».

Я прошу прощения у врагов свободы печати, но совершенно нелепо предполагать, что Конвент мог, хотя бы временно, лишить нас права, которое мы получили от природы. Разум допускает, чтобы законы приостанавливали действие прав, которые мы от них получили. Но природа выше законов, права, которые мы получили от нее, священны, посягать на них — значит совершать кощунство. Эти права неотчуждаемы, т. е. они составляют часть нашего существа, и лишь тирания может не то что лишить нас их, но посредством насилия и террора похитить у нас временно их осуществление. Поэтому предположить, что революционное правительство может приостановить осуществление какого-либо из этих прав, значит предположить, что революционное правительство есть тираническое правительство, это значит вооружить всех для того, чтобы его уничтожить. Если бы можно было безнаказанно попирать Декларацию прав, то контрреволюция была бы завершена. То, что сказано в начале этой Декларации, не какой-нибудь пустой и коварный обман: там сказано, что она создана для того, чтобы все граждане могли постоянно сопоставлять действия правительства с целью всего общественного учреждения, никогда не допускали бы угнетения и унижения их тиранией, для того, чтобы народ всегда имел

перед глазами основы своей свободы и своего счастья, должностные лица — правила, которыми они должны руководствоваться в своей деятельности, законодатель — цель своей миссии.

К. Бабеф

Продолжение в завтрашнем номере

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ
№ 5

Если добродетель недовольных неподкупна, они выдвигают против них продажные перья, подлых писателей, всегда готовых оправдывать гнет; оскорбляют друзей родины, вкладывают всю свою ловкость в то, чтобы очернить защитников свободы, которых они обзывают нарушителями общественного спокойствия. Если этого недостаточно, прибегают к самым страшным приемам, к темницам, к оковам, к смерти (Марат. «Цепи рабства»)

26 фрюктидора II года Республики [12 сентября 1794 г.]

Заговор якобинцев, существующий несмотря на все прекрасные приемы. — Убийство Тальена. — Проскрипции и смертные приговоры энергичным писателям и активным гражданам. — Разъяснения относительно этих ужасных заговоров. — Первое решительное и громогласное выступление свободных людей против децемвиратов, против революционных правительств. — Продолжение раздумий мыслителя о свободе печати.

I. ТЕМПЕРАТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Горизонт мрачнеет, тучи громоздятся, просверкало даже несколько молний, было слышно несколько глухих раскатов грома, но народ готов отразить всеобщий шторм. Уже видны хорошие результаты первых шагов свободы печати, видно, что за последние 15 дней народ кое-что почитал. Видно, что он думает своей головой, что он уже не меняет, подобно хамелеону, свои взгляды под воздействием пропаганды горстки пожираемых честолюбием регуляторов общественного мнения. Он приобрел кое-какие знания; некоторые принципы ему уже больше по душе, чем политические абстракции шарлатанов, священников от республиканизма. Да, он хочет выбросить из головы эту религию, как и все прочие, и я даю обет впредь звать священниками, т. е. шарлатанами, обманщиками, всех, кого я обличу в уклонении от линии прав человека и в стремлении вернуть нас к той проклятой системе, посредством которой нас хотят убедить, будто для того, чтобы в будущем пользоваться свободою, надо сначала стать рабами и терпеть тиранию, если нам еще позволено будет называть

этим именем полное отрицание всего, что по праву принадлежит свободному человеку, и порабощение людей самой абсолютной властью, осуществляемой очень немногими людьми надо всеми. Разве это не подлинно церковная система? Разве это не тот же христианский рай? Ведь для того чтобы попасть в него в жизни вечной, надо было прежде быть ничтожнейшим из смертных в сей юдоли! Республиканец не помышляет о вечности, он живет во времени; его рай на этой земле, здесь он хочет наслаждаться свободой, счастьем, причем наслаждаться при жизни, без ожидания или во всяком случае с возможно меньшим ожиданием; все то время, что он проводит вне этого состояния, он считает потерянным для него, он его никогда не возместит. Вы скажете, что невозможно согласовать счастье, свободу, непосредственное осуществление прав гражданина с революционным движением. Только попы могут держать подобные речи! Это будет верно лишь до тех пор, пока современные священники, достойные подражатели священников прошлого, не позволят нам доказать обратное. О, невежественные или коварные жрецы! Если вы не столь же дерзкие тираны, как ваш великий патриарх Робеспьер, или если вы начинаете бояться, что теперь небезопасно пытаться быть такими, то вашей доктрине конец. Дайте нам еще только 15 дней свободы печати и, не будучи формально законодателями, мы беремся доказать всем французам, что права человека не контрреволюционны и что если нам не затыкать рот, не превращать нас в автоматы, если не лишать нас всех наших прав, не связывать нам языки, то еще можно будет заставить трепетать внешних тиранов и внутренних врагов.

* * *

Только что свершилось огромное преступление, вернее, огромные преступления. Оно, несомненно, даст объяснение той чреды беззаконий, которые хотят все смести и которые, наоборот, мы должны пресечь; вопреки декретам, завеса упала! Измена раскрыта. Неужто «Газете свободы печати», ей, первой, кто подал сигнал к дерзанию, подобает быть робкой и осмотрительной? Не настало ли время сказать все, чтобы спасти отечество? Не должен ли я это сделать с тем бóльшим мужеством, что коварный удар, только что направленный в сердце одного из моих соратников, обязывает меня занять его место на арене борьбы, и я должен действовать за него и за себя или, по крайней мере, приложить все усилия к тому, чтобы с честью выдержать бой, который хотят нам дать презренные враги, которые на нас нападают. Подобно одному из Горациев, я при виде моих братьев, выбывших из строя, собираю все силы, я использую всякое оружие, я одержу победу или же паду мертвый у ног врагов свободы.

И прежде всего, преисполнившись непреклонной твердости, я припадаю к тому живому древу, из ствола коего изошел глас, вызвавший, должно быть, смертельную бледность на лицах ставлен-

ников и членов неслыханно гнусного правительства, под гнетом которого тирания столь долго заставляет нас томиться. Мерлен из Тионвилля[24], ты сдвинул великий камень преткновения, пламенно выступив наконец против этого ненавистного для всех нас правительства, против «этого кровавого правительства, которое друзья отечества хотели бы стереть со страниц истории», правительства, чьи верные сторонники, несомненно, и являются убийцами Тальена[25].

Итак, этот ковчег завета наконец поколеблен! Уверенная рука, которая выше всяких предрассудков, осмелилась коснуться этого колосса, которому только политическое суеверие, запятнанное кровью, создало ореол внушенного страхом постыдного уважения. Отечество спасено. У нас будут принципы, как этого хочет Мерлен из Тионвилля, и не будет больше террора, будут, если нужно, революционные законы, но не будет больше революционного правительства, не будет больше децемвирата.

Поверив в это, отечество, несомненно, должно вздохнуть несколько спокойнее после продолжительного траура. Но народный представитель, писатель, готовившийся просветить народ относительно его утерянных прав и помочь ему восстановить эти права, только что сражен убийственным кинжалом. Этот удар — угроза всем бдительным людям, всем просветителям и стражам отечества; это — угроза всем честным гражданам. Он обличает продолжателей дела Робеспьера. Не заблуждайтесь, граждане, этот удар был подготовлен в тот же вечер в обществе, которое отныне должно именоваться только «обществом девятого термидора»[26]; оно не изменило своей системы. Петиция, в которой Конвенту задается вопрос, обладает ли он средствами для спасения народа, есть не что иное, как приложение к манифесту Максимилиана гнусного. Те же средства, те же методы правления продолжаются и после его смерти. Что пользы нам от перемены хозяев! Французы, сохранившие первоначальный пыл свободы, откройте глаза на это положение. Что толку в том, что свергли тирана, если не свергнута тирания? Все общество угнетено, если подвергается угнетению хотя бы один из его членов. Так вот, людей угнетают, власть наносит удары, допускает произвол и нарушения всех прав человека как до, так и после Робеспьера. Подождите до завтра, я собираю факты, которые прольют яркий свет на различные нити, ведущие от главного общества к убийству Тальена, и вы узнаете о широком заговоре.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗДУМИЙ О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ

Но, скажут нам, мы вовсе не собираемся приостанавливать действие этого права, мы хотим только ограничить его.

Ограничить естественное право! Ограничить право думать и право выражать свою мысль! И это республиканцы держат такие речи? Кто осмеливается предложить нарушение самого свя-

щенного из прав человека? Ибо ограничить право — значит нарушить его. Ограничить свободу печати — значит сказать французам: вы будете думать и сообщать ваши мысли только по тем проблемам, которые мы позволили вам обсуждать, и вы будете их рассматривать только в том же духе, что и мы. Невольно задаешься вопросом, не имеют ли в виду преподать нам уставы святой инквизиции? О, оставьте себе вашу ограниченную свободу, это коварная западня, куда вы хотите нас заманить. Ваша ограниченная свобода смахивает на ту «эластичность», которую тиран накануне своей смерти рекомендовал придавать уголовным законам. Больше того, вы применяете ту же систему, но с еще большим бесстыдством, к праву, особенно ревниво хранимому всяким разумным существом. Вы, вероятно, дадите нам в ближайшее время перечень мыслей, которые вы нам разрешите печатать. Вы предложите специальные законы против тех, кто рассуждает не так, как надо, и вы одни будете вправе судить, если только вы не предпочтете восстановить королевских цензоров или некую политическую сорбонну[27]. Вы в ней достойно выступили бы как доктор Л., К., а ты, мэтр Б.[28], ты мог бы установить там литературную диктатуру без диктатора.

Если б это не было чрезмерным требованием к прокурору, я сказал бы тебе: признайся честно, не о республике ты печешься, даже не о твоем любимом революционном правительстве. Ведь шило в мешке не утаишь; ты боишься бича общественной критики, а она, уж не прогневайся, является охраною свободы; ты боишься, как бы не начали рыться в прошлом. Успокойся, прежнему человеку отпустят все грехи, лишь бы новый человек шел прямым путем.

Следует признать, что дворяне и священники Учредительного собрания 89-го года были лишь совсем слабыми противниками прессы по сравнению с теми, с кем ныне нам приходится бороться, поскольку в то время спор длился гораздо меньше и достаточно было одного слова Мирабо[29], чтобы его решить. И тогда были люди, которые хотели «ограниченной» свободы печати, они только пользовались другим выражением — «сокращенная».

Стоило Мирабо сказать, что нельзя сократить право, а можно только карать злоупотребления в осуществлении этого права, что наказание за злоупотребление свободой печати, по-видимому, вполне обеспечивается тем, что все граждане в равной мере могут воспользоваться им по отношению друг к другу; и этого было достаточно, чтобы в Декларации прав была восстановлена статья о свободе мнений и печати, без ограничений и сокращений.

Кто мог думать, что найдутся люди достаточно наглые, чтобы сказать народу Франции: «Вы еще не заслуживаете, чтобы вам была предоставлена полная свобода думать и писать, вы всего лишь сборище идиотов, которые последовали бы за первым же безрассудным проповедником, предложившим вам короля». И кто же это смеет разговаривать таким образом с первым наро-

дом мира? Ты ли это, Кар.*, заставивший все народы Европы уважать Францию? Ты ли это, принесший наше победоносное оружие в Испанию, в Италию, в Германию, в Бельгию, в Голландию? Это ты или штыки французов заставили побледнеть тиранов, восседающих на своих тронах? Ты, взводящий гнусную клевету на народ, знай же, что не для того мы в течение пяти лет жертвовали нашим имуществом, нашим пóтом, нашею кровью, чтобы посадить на трон короля; знай, что верх бесстыдства — говорить народу, который пятью годами жертв и усилий обеспечил торжество принципов свободы, что он не в состоянии рассуждать об этих принципах и оценить их.

Инквизиторы мысли, вы плохо скрываете свои страхи, и вам не удастся никого обмануть пустыми отговорками, которыми вы стараетесь их прикрывать. Вы знаете так же хорошо, как мы, что возражения лишь подтверждают принципы и что при свободе печати потуги лжи ведут лишь к тому, что правда сияет еще ярче. Вы сознательно клевещете на революцию, высказывая предположение, будто ее принципы могут быть поколеблены или затемнены нападением роялистов. К этому кощунству вы добавляете другую нелепость, выдумывая, будто есть роялисты достаточно безрассудные, чтобы добровольно разоблачить и умышленно погубить себя, открыто нападая на свободу в прессе. Вы знаете так же, как мы, что в таком случае их уже не пришлось бы опасаться и что они страшны, лишь когда выступают под маской патриотизма. Согласитесь же, ваши мотивы сводятся не к этому.

К. Бабеф

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ

№ 6

Они выступают против всякого сочинения, способного утвердить дух свободы, они клеймят как пасквиль всякое произведение, цель которого — разобраться в темных тайнах правительства, и под предлогом подавления распущенности они душат свободу, свирепствуя против писателей (Марат. «Цепи рабства»)

27 фрюктидора II года Республики [13 сентября 1794 г.]

Долой всех диктаторов, или Завоеванная печать. — Коренные пороки правительственных комитетов и общества 9 термидора. — Продолжение раздумий о свободе печати.

I. ТЕМПЕРАТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Свобода печати не декретирована — она завоевана. Достаточно было мужества нескольких честных граждан, чтобы вырвать этот щит из рук воров, уносивших его украдкой после того, как они

* *Имеется в виду Карно.*

изъяли его из Декларации прав. К тому же естественные права сами себя защищают, потому что им помогают сердца и голоса всех членов общества. Революция, происшедшая в общественном мнении, уже не может быть прекращена; это относится и к революции, направленной на отвоевание свободы печати; народ высказался на этот счет, и это дело решенное. Законодатели, вы не можете выступить против. Закон есть выражение общей воли; этому принципу, который тираны хотели предать тлению, мы вернем румянец раннего возраста, свежесть, свойственную ему в первые годы революции. Он принадлежит к правам, данным нам природой; природа не стареет, и этот принцип, подобно ей, неистребим и неизменен. Ваш повелитель, суверен, высказался; ваш долг — подчиниться. Хотел бы я теперь посмотреть, как Мерлен из Дуэ предложит нам содержащий более сотни статей закон, определяющий все случаи, когда запрещено открыть рот, и устанавливающий все «сокращения», «ограничения» и меры пресечения, направленные против тех, кто злоупотребит этим правом, а также наказания для клеветников. Хотел бы я посмотреть, как сам Конвент декретирует, что мы станем вновь рабами, как он разорвет самое прекрасное место в Декларации прав человека.

И пусть общество 9 термидора, столь мудро рассуждающее о праве, коим доказывается, что не должно существовать свободы печати, попробует доказать, что следующее объявление есть распущенность печати.

Обещана большая награда

Потеряно, или, вернее, украдено, в 1793 г. (по старому стилю) большое и прекрасное общество, до того времени наводившее ужас на коалицию тиранов, заложившее еще в 1789 г. основы общественной и индивидуальной свободы, непрестанно вплоть до 1793 г. боровшееся за ее утверждение на незыблемых основах, способствовавшее свержению монархии и установлению республики, преследовавшее аристократию вплоть до ее самых мощных укреплений, — одним словом, заслуживавшее до тех пор гордое звание главного общества и именовавшееся также якобинским.

Когда это общество исчезло, другое встало на его место. Оно диаметрально противоположно первому. Оно выступает против прав человека; оно безразлично и к злу, и к благу и ставит в один ряд и то, и другое; оно парализует общественное мнение и становится между кинжалом нации и заговорщиком; оно убивает народ, желающий свободы и единства республики; подобно тирану Робеспьеру, оно требует, чтобы кровь лилась потоками, чтобы в жертву безопасности и собственности некоторых лиц приносилось огромное множество мирных людей, которых оно считает подозрительными потому, что они думают вовсе не так,

как оно; оно хочет заполнить тюрьмы, уничтожить свободу думать и писать — все это для того, чтобы сделать людей сторонниками республики.

Полагают, что первое общество, славное главное общество, было похищено коалицией держав, которые его упрятали и заменили теперешним, для них более благоприятным, поскольку оно враждебно народу, вводит его в заблуждение и стремится вернуть в рабство. Те, кто сможет дать сведения о первом обществе, о подлинном главном обществе, получат в награду от самого народа декрет, гласящий, что они заслужили благодарность отечества. Если это общество окажется невозможным найти, патриоты, ставшие жертвами, намерены представлять его.

Со сведениями обращаться на улицу прав человека, в дом свободы печати, к участникам заговора против всех тираний.

Коренные пороки правительственных комитетов и общества 9 термидора

Декларация прав — дело хорошо задуманное. Там записана кара за всякое нарушение; предусмотрена плата за каждое преступление; народ может посредством нее «постоянно сопоставлять действия правителей с предназначением всякой общественной организации, чтобы не допустить своего угнетения и унижения властью тирании». Но величайшая беда для народа, если эта Декларация забыта, обесценена и ею, как это случилось с нашей, полностью пренебрегают.

Это случается всякий раз, когда учреждения диаметрально противоположны принципам. А у нас есть два таких учреждения, и, когда примешь в соображение их природу, причиняемые ими беды не могут удивлять.

Эти два порочных учреждения суть правительственные комитеты и главное общество.

Мирабо, выступая в Учредительном собрании в октябре 1789 г., высказался следующим образом, совершенно свободно, как мы сейчас увидим, о комитетах вообще:

«В комитетах, конечно, представлена элита человечества, но Собрание еще не сказало, что оно хочет предоставить им исключительное право разъяснять и обсуждать все вопросы». Мирабо уже тогда видел, как зарождается та жажда авторитета и власти, которая способна испортить любое сообщество. Он уже тогда видел зарождение этого далеко идущего притязания членов комитетов на то, чтобы решения и законы, всецело порожденные их несравненными умами, направлялись бы в сенат лишь для чисто формального утверждения и чтобы роль депутатов, не входящих в состав комитета, была сведена к механическому одобрению.

С тех пор власть комитетов сильно возросла. Их именуют теперь правительственными комитетами, и они получили власть,

соответствующую этому званию. Когда выражение «правительственный комитет» было впервые пущено в обращение, то не подумали о том, какой удар обозначаемое таким образом учреждение нанесет свободе. В дальнейшем опыт показал, чем это в действительности было: диктатурой нескольких лиц, децемвиратом или триумвиратом. Было известно, что одни лишь наименования этих учреждений вызывали ужас народа. Поэтому потрудились всего лишь найти для них другое обозначение, а сущность, благодаря этой несложной маскировке, осталась непоколебленной.

Слова «диктаторы, триумвиры, децемвиры» обозначают власть, основанную на произволе людей, стоящих над законами, отсутствие демократии, аристократическое правление или умеренную монархию. Все известные нам из истории величайшие беды, вызванные любой из этих форм правления, мы испытали по крайней мере столь же сильно под властью правительственных комитетов.

Аристократия, перевернувшая словарь вверх ногами, назовет, конечно, аристократами всех тех, кто будет говорить, что правительственные комитеты образуют аристократическое правление, а между тем это очевидная правда. Они скажут: аристократия еще больше подняла голову; вы видите, она обнаглела до того, что открыто высказывается против революционного правительства, это плоды свободы печати, это плоды отказа от гильотины. Мы им ответим: плоды свободы печати будут заключаться в доказательстве того, что так называемое «революционное правительство» является на самом деле правительством контрреволюционным. Вот тот важный вопрос, который давно следовало бы решить, но этого нельзя было сделать без свободы печати. Сущность свободы печати состоит в рассмотрении достоинств и пороков той формы правления, при которой мы живем. Газета, защищающая эту свободу и очень много способствовавшая ее восстановлению, должна, следовательно, считать своей обязанностью поставить этот важнейший вопрос. Я обещаю сделать это, подробно рассмотрев все, что с данным вопросом связано, и внимательная Франция должна приготовиться немедленно выслушать обсуждение этой большой политической проблемы.

К правительственным комитетам присоединилось еще одно орудие контрреволюции. Это — нарушение принципов при организации главного общества, но я думаю, что оно не столь существенно. Все принципы нарушены одновременно учреждением правительственных комитетов, и то нарушение, о котором я хочу рассказать, не более чем второстепенное, его бы не потерпели, если бы все главные принципы соблюдались. Однако необходимо говорить об этом дополнительном нарушении вследствие того, что оно так сильно способствовало уничтожению тех бед, из коих мы стараемся выбраться *.

* *По-видимому, в эту фразу вкралась опечатка, приведшая к искажению смысла.*

Наблюдать за агентами общественного управления, поправлять их, когда они заблуждаются, когда они проявляют склонность к превышению своих полномочий, доводить до их сведения общую волю, которая в конечном счете и дает материал для выработки законов — к этому сводится цель учреждения Народных обществ; они — сам народ, стоящий на страже, чтобы непрестанно следить за тем, выполняют ли его поверенные свои обязанности и не обманывают ли они его; этот прекрасный замысел позволяет всему народу непосредственно участвовать, хотя бы косвенно, в выработке законов и, таким образом, в большой мере опровергает принцип Жан-Жака, гласящий, что представительное правление вполне аристократично потому, что народ не принимает участия в образовании законодательства. Следовательно, когда главные агенты народа оказывали постоянное воздействие на общественное мнение, руководя им в обществе, задававшем тон всем остальным, они самым серьезным образом нарушали принципы. Ибо подлинный смысл принципов таков, что состоящий под наблюдением не может сам быть и наблюдателем, так как нелепо и нечестно самому за собою наблюдать, наш опыт достаточно нам это доказал после того, как разум нас об этом предупредил. Дюфурни порицали и осуждали только за то, что он указал те принципы, которые я излагаю; но осуждение и порицание не могут изменить того, что принципы остаются принципами[30].

Было, пожалуй, не лишним изложить эти принципы, прежде чем перейти к деталям заговора и его многочисленным нитям, сведения о которых я вчера обещал собрать воедино и о которых я расскажу лишь завтра.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗДУМИЙ МЫСЛИТЕЛЯ О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ

Бесспорно, что Франция изнывала в течение ряда месяцев под железным ярмом. Тиран удушил террором не только свободу мнений, но и доверчивые душевные излияния, даже жалобы угнетенной невинности. Богатство, талант, честность — все вызывало у него подозрение, а вызвать его подозрение было равносильно преступлению, которого он никогда не прощал. Он создал систему шпионажа более страшную, нежели созданные некогда Сартинами и Ленуарами[31]. Всякий, кто осмеливался противоречить ему, подвергался обвинениям, аресту и передавался в руки палачей. Его жертвами становились даже самые бедные и незаметные люди. Один военный почтальон, отец четырех детей, осмелился сказать о нем, что он разделит судьбу Бриссо[32] потому, что он так же изворотлив, как тот; несчастный пророк был предан смерти. Большинство якобинцев, увлеченные или запуганные, могли только аплодировать тирану или восхвалять его. Его встречали аплодисментами в Конвенте, чему он был обязан исключительно махинациям своих сообщников, никогда не упускавших

случая дать сигнал, которому остальные следовали из страха или по заблуждению.

Здесь было бы уместно описать средства, с помощью которых этот заговорщик достиг такой степени деспотизма. Но эта тема слишком обширна, и я оставляю ее для второго послания, в котором я расскажу, с какой ловкостью он заменил республиканские принципы макиавеллистическими и свирепыми максимами правительств Алжира и Марокко. Пока достаточно упомянуть, что не только собственными силами он добился установления своего деспотизма в республике, столь огромной и столь ревниво охраняющей свою свободу, и смог поставить свою волю на место законов, заменить свободу мнений тиранией своего мнения, национальное правосудие — бойней, достойный уважения суд — готовой к услугам шайкой палачей. Стало быть, у него были многочисленные сообщники и подручные, и общественность трудно убедить в том, что они все погибли в день его смерти или на следующий день. Люди задаются вопросом, куда девался тот многочисленный двор, который его окружал во время его царствования, разделили ли его судьбу все те, кто, в соответствии с распределением ролей, подготовлял для него проекты резолюций для Якобинского клуба и других мест, те, кто устраивал ему овации, те, которым он раздал власть и должности, те, кто, будучи исключен из Якобинского клуба, вернулся туда благодаря его покровительству, те, кто были его осведомителями в административных учреждениях и Народных обществах.

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ
№ 7

Правда — потребность человека, а в особенности потребность государств: всякое злоупотребление возникает из заблуждения (Фома)

28 фрюктидора II года Республики [14 сентября 1794 г.]

Происки с целью обмануть общественное мнение. — Средства своевременного предупреждения народа против всех ловушек, расставляемых его врагами. — Так называемый Электоральный клуб. — Ряд заговоров правительственных комитетов и Якобинского клуба. — Продолжение раздумий о свободе печати.

Поскольку не подлежит сомнению, как это заметил мой собрат Фрерон, «что народ, умудренный опытом своих несчастий и потерь, рассуждает, говорит и просвещается, что его мнение сложилось, что он уже вызвал на суд этого мнения негодяев, виновников бедствий, удручающих Республику... и что последователи Робеспьера поражены смертельным страхом при виде молний и громов кипящей правды», то не будет иллюзией думать, что мы добились самого прекрасного, самого важного завоевания. Итак,

важнейшее из вечных прав отвоевано! Благодаря этому мы обладаем безупречным орудием для того, чтобы и другие права сделать достижимыми для мужества, которое сумеет их отвоевать. Достаточно будет их указать, чтобы народ, узнав свое добро, взял бы его обратно, поражая бичом своего негодования узурпаторов. Эта первая победа — прекраснейшая из всех известных, поскольку она обеспечит все наши права без пролития единой капли крови. Такова характерная особенность печати: она одерживает победы без кровопролития и ведет людей к счастью мирным путем разума, вооруженного убеждением и пониманием того, что может принести им благосостояние.

Раз дело обстоит так, то вместо того, чтобы рабски ползти за мнением (эскортируемым террором и гильотиной) еретических сектантов, использующих слова «свобода» и «республика» для производства наручников, кляпов для затыкания ртов и тронов; вместо того, чтобы подражать безличному «Journal Universel» и ему подобным, исключительная осторожность которых помогала им всплывать после всех кризисов, нужно, чтобы все мы, свободные писатели, всегда были по крайней мере на шесть месяцев впереди сегодняшнего общественного мнения, и, что касается лично меня, я обещаю действовать именно так.

Я полагаю, что такое решение есть единственное противоядие, единственное правильное средство, способное воспрепятствовать тому, чтобы народ постоянно обманывали. Опыт нашей революции ясно показал, что мнение данного момента никогда не является правильным, и это не потому, что народ не способен собственными средствами прийти к правильному мнению, а потому, что ему никогда не оставляют его собственного мнения и что среди тех, кто правит, наиболее честолюбивые постоянно применяют особую тактику, чтобы подсунуть народу мнение, ими сочиненное, выгодное единственно тому, кто его направляет, и всегда вредное для народа.

Поэтому народу надлежит постоянно иметь мудрых аргусов, наблюдателей столь же проницательных, сколь и откровенных, которые извещали бы его о грозящих ему опасностях, которые в текущий момент всегда показывали бы ему то, что он сам увидит лишь шесть месяцев спустя, когда много зла уже совершится, и которые постоянно уводили бы его от ловушек, расставленных для него писаками, находящимися на содержании у коварных манипуляторов общественным мнением.

Но по каким приметам распознать в писателе бдительного стража, сочетающего в себе неподкупность, активность, неутомимость, энергию, откровенность, проницательность, здравомыслие и способность дать добрый совет? А по каким приметам узнали Марата?

Марат и Лустало[33] были из тех людей, кто всегда все видит на шесть месяцев раньше других и умеет вовремя предупредить о тех глубоких пропастях, которые могут разверзнуться на пути

родины. Если бы им всегда верили, мы избежали бы многих бед. Если бы они жили дольше, то доверие, которое они сумели внушить к себе, спасло бы нас от последней степени бедствия и позора и, быть может, тирания не утвердилась бы.

Есть еще люди, достойные быть их преемниками. Пусть Франция скорее научится распознавать их, пусть она окажет им доверие, пусть она следует за ними взором и пусть поможет им на их важном поприще. Права человека возродятся, и народ наконец насладится благодеяниями свободы.

Взгляд на народное общество, заседающее в электоральном зале

Только в результате происков все тех же манипуляторов общественным мнением, регуляторов общественного духа, часть народа была введена в заблуждение на счет этого общества, и о нем вынесли весьма ложное, на мой взгляд, суждение. Кроме того, оно не дружит и с Универсальным журналистом, подрывателем принципов, как его очень правильно назвал Фрерон. А потому те, кто читает ученейшие страницы этого политического оракула, не найдут там предрасположения в пользу членов так называемого Электорального клуба, и, если эти читатели не умеют думать самостоятельно, наш «подрыватель» неизбежно восстановит их против правильных принципов.

Исторический обзор трудов этого общества после 9 термидора наведет, быть может, и на другие мысли. Мне жаль, если моя беспощадная критика найдет в этом рассказе повод для того, чтобы, в свою очередь, рыть в направлении противоположном тому, в котором роет сапер Одуен; ибо, что касается меня, то я все соотношу с правами человека, возношу до небес все, что к ним приближается, и подрываю все, что действует против них.

Когда после 9 термидора казалось, что снова возродилась свобода, некоторые Народные общества, распущенные властью тирана, сочли, что они могут вновь организоваться. Тогда-то было воссоздано общество в электоральном зале.

Все свободные люди, которые были вынуждены молча страдать под игом только что падшего деспотизма, в особенности те из них, самые энергичные и многочисленные, которые только что вышли из пещер, куда загнал их жестокий тиран, мечтали лишь о том, чтобы собраться, вознаградив себя тем самым за длительное угнетение. Им оставалось только определить, где они будут собираться, а дела общества 9 термидора, хоть их и пытались оправдать, отвратили от него всех подлинных друзей прав человека. В короткое время множество людей собралось в электоральном зале. Вскоре оказалось, что это общество не только стало многочисленным, но и собрало вокруг себя просвещенных людей и поборников наилучших принципов. И это, надо признать, породило сильное чувство соперничества у преемников якобинцев. Послед-

ние, очевидно, боялись, что их затмит электоральное общество, которое, непреклонно отстаивая идею прав человека и стремясь исключительно к их осуществлению, имело, по правде говоря, больше прозелитов, чем достойные проповедники 9 термидора, поскольку они лишь поддерживали основные принципы системы правительственных комитетов, столь противоречащие системе, выгодной для управляемых.

Этим объясняется первое обвинение, с которым общество 9 термидора выступило против так называемого Электорального клуба; последний был обвинен в том, что он пробудил интерес к этим злосчастным правам человека, о которых не хотят больше слышать. Этим объясняется, что нападки Дюфурни и Реаля[34] на петицию секции Музея[35] не получили моего одобрения; они провели постановление, согласно которому в день, когда секции будут обсуждать вопрос о поддержке этой петиции, их общество пошлет в каждую секцию своих эмиссаров, которые должны будут там интриговать с целью ввести в заблуждение общественное мнение и восстановить его против этой антитиранической петиции, нарушив тем самым статью 26 Декларации прав, не допускающую, чтобы на собравшихся граждан оказывалось воздействие, и требующую, чтобы они пользовались возможностью выразить свою волю совершенно свободно. Этим объясняется мое удивление, когда я узнал, что такие люди, как Реаль и Дюфурни, могли быть заключены в тюрьму правительственными комитетами, системе которых они так хорошо служат. Этим объясняется, что лгали все газеты, утверждавшие, будто все парижские секции отвергли петицию секции Музея, тогда как на самом деле, вопреки похвальному рвению эмиссаров Якобинского клуба, многие из них одобрили ее. Путем такого же побочного хода некий декрет утвердил возмутительнейшее нарушение прав человека, запретив суверену собираться, когда он захочет[36]. Этот же диктаторский дух нанес оскорбление народу Парижа, упразднив его муниципальную магистратуру, — посягательство, какого даже последняя деревушка Республики не потерпела бы без протеста.

Та же диктатура препятствовала в течение двух декад представлению Конвенту обращения народного общества, именуемого электоральным. Она же грубо нарушила статью 32 Декларации прав, освящающую право петиций, устами Бийо оскорбив у барьера Конвента явившихся туда петиционеров[37], когда, наконец, они получили возможность прочитать это обращение, в котором они требовали гарантий для печати и для выборных должностных лиц... Она же, по скандальному контрасту, милостиво приняла другое обращение, которое сумели доставить из Дижона, содержавшее ходатайство о применении террора и о затыкании рта правде... Она же распорядилась, чтобы один из правительственных комитетов, а именно Комитет общественной безопасности выдал lettre de cachet против оратора, читавшего обращение Электорального клуба, и против составителя его, Бод-

сона[38], судьи в суде первого округа, в отношении коего приказ Дивана был выполнен с бо́льшим бесстыдством, чем это было бы сделано в Константинополе, где, пожалуй, постыдились бы арестовать судью у него же в суде и при исполнении служебных обязанностей... Она же распорядилась доставить от одной из парижских секций обращение, требующее роспуска Электорального клуба, ибо визири Амар[39], Бийо и Вадье[40] были слишком утомлены, чтобы самим идти туда шпионить, а также слишком шокированы упорством, с которым там отстаивали права человека... Наконец, она же сумела заставить сенат принять постановление об осуществлении этого роспуска обходным путем, посредством уловки, о которой мое свободное перо может только сказать, что она не под стать достоинству представителей великой нации.

Пусть «универсалы», подрыватели принципов, заговорщики, вопящие «берегитесь заговоров», пусть все они твердят, что мы готовим один из них — мы, писатели-правдолюбы, — что мы повсюду завязываем связи и что нашими ответвлениями являются члены электорального общества, секции Музея и т. д. Мы им ответим, что мы образуем фракцию честных людей, что мы связаны только со всем обществом врагов рабства и друзей вечных прав. Вполне очевидно, что счастье — результат нашего учения, а не их, ибо мы проповедуем всего лишь восемь дней, а наша партия уже сильна. Я не скрываю, что у нас есть партия; иначе разве мы были бы столь смелыми? Пусть на нее нападут. Я не боюсь преследований. Да нет, все средства для нанесения ударов по защитникам родины пришли в почти что полную негодность. Деспотизму не так легко будет угнетать и обуздывать. Правда, есть еще убийство. Но нам, быть может, удастся спасти родину раньше, чем убийцы обманут нашу бдительность, готовую отразить их удары.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗДУМИЙ О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ

Ничто не доказывает, ничто не свидетельствует о том, что заговорщики были уничтожены или внезапно обращены в истинную веру, и позволительно думать, что их еще много. Следует ли удивляться тому, что они боятся свободы печати, грозящей им разоблачением, что они хотят увековечить созданную тираном систему террора? Ведь они бы погибли, если бы их жертвы и свидетели их соучастия в преступлениях осмелились заговорить. Этим объясняется выпрашивание обращений, в которых жалуются на модерантизм, требуют возобновления террора, ходатайствуют о нарушении свободы печати. Этим объясняются угрозы, обвинения, преследования против тех, кто смеет требовать осуществления этого самого священного из прав и добиваться того, чтобы правосудие стало на место террора, подобающего лишь тиранам и воспитывающего только рабов.

Возможно также, что есть люди, хоть и не бывшие в числе друзей тирана, по крайней мере в конце его царствования, но находящие, что установленная им система террора весьма удобна, и желающие восстановить ее, чтобы обратить себе на пользу.

Публика недоумевает, почему после смерти тирана бывший Комитет общественного спасения выдвинул одного из его послушных исполнителей, отвратительного Фукье [41], на пост государственного обвинителя революционного трибунала, и действительно ли он полагал, что таким образом сможет заменить террор правосудием?

К. Бабеф

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ
№ 8

Любой строй или любой закон, рассмотрение и критика которого запрещены, может быть только несправедливым (Гроций) [42]

29 фрюктидора II года Республики [15 сентября 1794 г.]

Является ли революционное правительство диктатурой? — Как быть с якобинцами?

Что означает этот новый подъем энтузиазма? Что это за новое движение, которое волнует и электризует все умы? Неужели народ серьезно хочет опять стать свободным! Откуда берутся эти толпы сотрудников, которые, стоит мне того пожелать, не оставили бы мне никакой работы, разве что лишь отправку в набор всех тех превосходных сочинений, которые дождем сыплются в мою газету — горнило многих истин. А ведь все эти люди вдобавок еще и рассуждают, притом отлично рассуждают. А ведь все они говорят о принципах, осмеливаются затрагивать самые серьезные вопросы. Они обливают презрением террор и террористов. То, что было святым ковчегом, ныне стало лишь королем-чурбаном из басни; к нему подходят без страха; его поворачивают во все стороны; и французский народ, который не похож на обитателей пруда, не будет просить Юпитера о повелителе, более сильном, нежели этот чурбан, который рядом с подлинным сувереном будет вызывать лишь презрение и насмешки. Откроем нашу сокровищницу, покажем, что просвещение у нас не угасло, и пусть каждый из тех, кто видит и рассуждает, заставит 100 тыс. других видеть и рассуждать.

Автору «Газеты свободы печати»

Совместима ли свобода печати с революционным правительством? Такова, стало быть, гражданин, повестка дня твоей газеты. Я хочу принести свою фашину в твой окоп, и вот каким образом я ее сделал.

Прежде всего, что такое революционное правительство? Лантена довольно пространно нам об этом рассказал. Это — централизация всех властей, всех средств обороны, быстрая организация всего, что помогает избежать зла и совершить добро. Послушать его, это — подкрепляющее лекарство, эликсир (каждый изъясняется на языке своего ремесла, а все знают врача Лантена), это — отличный управитель, который усиливает любовь народа к свободе, срывает маску с лицемеров, воодушевляет слабых патриотов, поддерживает энергичных, останавливает выходки безумцев, пресекает жестокие поступки негодяев, обеспечивает господство одного лишь беспристрастного народного правосудия, награждает, карает, прощает — и все это на пользу свободы и отечества. Превосходно! Такое правительство чудесно во всех отношениях.

Однако, уверяет Лантена в декларации из 12 статей, которую он предложил или провел, такое правление не есть диктатура. Но что же такое, по Жан-Жаку Руссо, диктатура? Что делали римляне, когда отечеству угрожала опасность? Власть сената сосредоточивалась в руках немногих. На двух консулов возлагали обязанность заботиться о спасении республики. Такова была формула. Можно было бы думать, что эти два консула нечто вроде нашего Комитета общественного спасения. В случае усугубления опасности, если опасность становилась крайней, один из двух консулов назначал верховного главу, наделенного абсолютною властью, именуемого диктатор. Опять-таки можно было бы подумать, что это нечто, соответствующее нашим народным представителям — комиссарам, отобранным и предложенным Комитетом общественного спасения. Но нетрудно доказать, что наше революционное правительство, как говорит Лантена, не есть диктатура.

1. Рим назначал своего диктатора ночью, как если бы, говорит автор «Общественного договора», он стыдился того, что наносит такое оскорбление законам и общественной свободе, или, по-моему, как если бы нужно было предположить, будто народ спит, чтобы сковать его хотя бы на один день. Мы своих диктаторов назначаем днем, открыто, не краснея.

2. Рим никогда не имел больше одного диктатора одновременно. У нас каждый департамент имел своего комиссара с неограниченной властью; и каждый комиссар делегировал свою власть многим агентам, или, как сказал без околичностей Дантон, нам пришлось предоставить диктатуру каждому энергичному человеку. Как это Лантена упустил из виду такое заявление?

3. В Риме диктаторы назначались только на шесть месяцев. Среди них не было почти ни одного, который не сдал бы добровольно своих полномочий еще до истечения этого срока. Цинцинат однажды сдал свои полномочия на 16-й день, поскольку за 15 дней он положил конец смутам. Наши комиссары в департамен-

тах не были ограничены во времени, и временная диктатура (если могло быть таковою так называемое революционное правительство) должна длиться до тех пор, до каких захотят продлить войну. Сколь робки и малодушны были эти римляне!

4. В Риме диктаторы ускоряли исполнение законов, но никогда сами не могли создавать законы. У нас каждый представитель, делегат, революционный комитет, коммуна принимали постановления, которые становились законами или временно функционировали как таковые. Не создавать законов в форме постановлений! Да это значило бы лишить самой прекрасной прерогативы депутатов, облеченных неограниченными полномочиями!

5. И окончательно доказывает, что наше революционное правительство отнюдь не диктатура, то, что в Риме, как я уже сказал, она длилась лишь до тех пор, пока существовала крайняя опасность, тогда как у нас революционное правительство продолжает существовать и после того, как неприятель покинул территорию нашей Республики, когда 1200 тыс. наших воинов продвинулись всюду на 60 лье в глубь неприятельской территории, когда внутри страны все спокойно, за исключением нескольких горячих голов в некоторых народных обществах. Наконец, наше укрепляющее и поддерживающее силы средство служит также чудесным противоядием против аристократии, это подтверждается замечательными исцелениями, совершенными на площадях революции в Париже, в Освобожденной Коммуне *, в Бордо врачами Кофиналь, согласно теории врача Дюэма, хирурга Левассера и других.

При таком положении вещей есть ли необходимость в неограниченной свободе печати? Зачем? Раз это правительство существует для того, чтобы обеспечить господство одного лишь беспристрастного народного правосудия, награждать добродетель и т. д. С таким правительством все к лучшему; сохраним его на веки, раз оно должно усилить любовь народа к свободе. Aliquando bonus dormitat Homerus **.

Есть другая версия, которой я отдаю предпочтение. Дело в том, что чем более грозной и неограниченной властью обладают представители народа и их агенты, чем сильнее они могут поражать индивидуальную и общественную свободу, тем более необходимо за ними наблюдать. Но где поместить фонарь печати, который должен был бы освещать поведение и крупных тиранов, и маленьких тиранчиков, заботливо выхаживаемых в отдаленных департаментах, и которые, подобно охотничьей собаке из басни, когда их малыши достаточно окрепнут, смогут сказать: «Ну что ж, попробуйте нас выгнать». Куда поставить этот светильник? Поставить фонарь на Новом мосту, чтобы осветить Антуанское пред-

---

* *Так стали называть Лион.*

** *Иногда и добрый Гомер дремлет (Прим. переводчика).*

местье и защитить его от жуликов и убийц? Нет, это надо бы сделать на местах, в департаментах, находящихся под надзором некоторых из наших ста и одного диктатора, или, точнее, комиссара, там надо было бы пользоваться свободою печати, причем свободою, столь же неограниченною, как их власть, чтобы всегда быть с ними наравне.

Прибывать в Париж для разоблачения актов угнетения и пролития крови через шесть недель после того, как они были совершены в Нанте или в Марселе, значит обвинять тиранов, а их нужно связать. Это ничему не поможет, поскольку, пожалуй, эти привилегированные тираны, убежденные, как утверждает Лантена в своей декларации революционных принципов, что, когда совершается революция во имя свободы, никто не вправе требовать отчета о примененных средствах от любого, кто в этой революции участвовал; эти тираны, говорю я, вместо того, чтобы перед вами отчитываться в своем поведении, скажут вам с пафосом, подобно Робеспьеру-апологету первых дней сентября, что Цицерон в подобных обстоятельствах довольствовался заявлением: «Клянусь, что я спас Рим и отечество». Можно представить себе, каким величайшим преступлениям этот уклончивый ответ может послужить оправданием.

Какова цель свободы печати? Она заключается в том, чтобы выражать общественное мнение, побуждать его высказываться, ставить это общественное мнение между тиранией и народом... Но какой это слабый и бессильный барьер! Неужели тот, кто обладает неограниченными полномочиями, кто может сжечь деревню, сравнять с землею город, создать военную комиссию и беззаконно отправить на гильотину или расстрелять картечью все население дистрикта («ибо так нам угодно!»), не сможет разбить печатный станок и утопить в чернилах своих обвинителей — авторов, которые этим станком пользуются, либо же отправить их на эшафот, а если некий остаток стыда помешает ему это сделать, то разве в его распоряжении не будет тысячи других косвенных средств отделаться от критиков, стесняющих его тиранию, хотя бы придумав, подобно Робеспьеру и присным, мнимые тюремные заговоры в Париже, в Булони и т. д.

Какая же польза будет от свободы печати при революционном правительстве? Допустим, что сенат ограничит революционную власть своих членов, направляемых в провинции, в отношении свободы печати, что им будет разрешено делать все, но не стеснять ее, как потребовал Фрерон под угрозой быть обвиненным в заговоре. Что ж, если трибуну для ораторов поставить рядом с гильотиной, то бессмысленно вывешивать на этой трибуне текст Декларации прав со всеми статьями, благоприятными для свободы говорить и писать; предупреждаю вас, коль скоро потребуется выступить против диктаторов, трибуна будет пустовать или будет заполнена теми, кто придет им льстить. Я предупре-

ждаю вас, что даже сам Фрерон не поднимется на нее, хотя я уважаю его мужество не меньше, чем его ораторский талант.

Что вам говорят лицемерные друзья печати? Мы хотим этой свободы при условии, чтобы она согласовывалась с революционным правительством, т. е. при условии, чтобы она не задевала великих законодателей, которые говорят, «что республики создаются не с предосторожностями, а путем строгих мер, суровых и несгибаемых» (хотя история опровергает подобные утверждения); которые говорят, что «пусть лучше погибнут десять невинных, чем избежит наказания один виновный»; что в больших политических делах можно отклониться от строгих правил морали и т. д., только бы не задевали их самих, их друзей и их максимы, в остальном, пожалуйста, полная свобода действий. Они вам выдадут на расправу несколько второстепенных должностных лиц из коммун, революционных комитетов, если, однако, это не в большом городе (вроде Нанта, Бордо и т. д.).

Смотри же, гражданин редактор, раз уж нужно, чтобы революционное правительство осталось, договорись с этими господами и со всеми апологетами горчицы, которая к нам прибыла из Дижона *, и ты сможешь добиться того, 1) чтобы доклад, который законодательный комитет должен сделать по предложению Фрерона, не задохнулся в канцелярской пыли и 2) чтобы наряду с обращениями Народных обществ Экса и Дижона, полностью напечатанных в «Moniteur», было так же полностью напечатано обращение парижского Электорального клуба, о котором беспристрастный редактор лишь осторожно сообщил, дабы не ввести в заблуждение общественное мнение, дозволяя ему видеть предметы не с одной стороны; подобным образом завязывают один глаз лошади, запряженной в мельничное колесо, чтобы она видела только своего погонщика. Ты сможешь добиться путем переговоров, после горячей перепалки, предоставления друзьям свободы печати нескольких крытых фургонов, в которых они могли бы провезти часть своей контрабанды. От революционного правительства большего не дождешься.

Подпись: Ведере [43]

Людям, размышляющим на политические темы, предлагаются для обсуждения следующие два вопроса.

Первый вопрос

Если знаменитое общество, оказавшее в свое время большие услуги родине, проповедуя правильные принципы, имело несчастье допустить в свое лоно интриганов и честолюбцев в достаточно большом числе, чтобы вынудить к молчанию патриотических членов этого общества; если это общество в ночь 9 терми-

* *Так автор называет Дижонскую петицию.*

дора доказало, что оно одержимо духом ненависти к свободе; если после его возрождения было установлено по результатам его заседаний, что тот же дух там господствует более чем когда-либо, — не надлежит ли правительству применить свою власть для спасения родины от столь великой опасности?

Второй вопрос

Если опыт доказал нам, что две установленные законом власти, такие, как Национальное собрание и королевская власть, не могут быть уравновешены с такой точностью, чтобы ни одна из них не перевешивала другую, и если потребовалось, чтобы пролилась кровь французов, дабы склонить чашу весов на сторону свободы после долгой и страшной борьбы с деспотизмом, то спрашивается, не подвергается ли свобода опасности в борьбе с властью неузаконенной, но более властолюбивой, более тиранической и более жестокой, чем все тираны всего мира?

К. Бабеф

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ
№ 9

Нужно ли, чтобы атмосфера при дворе столь часто становилась камнем преткновения для мудрости и добродетели? (Плутарх) [44]

29 фрюктидора II года Республики [15 сентября 1794 г.]

Сапер Одуен и депутат Одуен

Пусть другие веселятся, осматривая раны отчизны, пусть превращают общественные бедствия в забаву, пусть бьют тиранию каламбурами, а тиранов эпиграммами. Пусть тешат вкусы французов и пробуждают исконное национальное легкомыслие, которое разряжало гнев нации на виновников ее величайших бед с помощью остроумной сатиры, и все кончалось песенками. Я не умею петь, не умею призывать к пению, когда отечество больно, ибо я знаю, что только сыграл бы на руку предателям, которые бы сказали, как некогда тот плут кардинал *: «Раз они поют, значит они заплатят». Серьезность и сила кажутся мне более подходящими для обращения к республиканцам, чьи права, суверенное достоинство и принципы, охраняющие их независимость, ущемлены. Задача заключается в том, чтобы их разбудить, а не ослаблять при помощи приятных развлечений их склонность мстить за нанесенные им оскорбления. Надо заставить трусов трепетать, а не позволять им думать, что они отделаются тем,

---

* *Мазарини (Прим. переводчика).*

что их высмеяли. Никого не следует щадить, пусть глубокое презрение будет уделом гнусных Терситов, бежавших с поля битвы за свободу, гнусно продавшихся за золото узурпаторам неограниченной власти, чтобы отречься от прежних убеждений. Заклеймим общественным презрением этих подлых Протеев, легко перекрашивающихся и с гнусною угодливостью повинующихся любым приказам. Я сейчас крепко схвачу одного из них за шиворот, и его рост гренадера, его костюм сапера, его усы не произведут на меня никакого впечатления. Я противопоставлю его ему самому, и я заставлю его покраснеть, если подлые дезертиры еще способны краснеть.

Одуен-сапер. «Journal Universel», 21 августа 1790 г.:

«Конституционному и уголовно-правовому комитетам поручено представить Национальному собранию не позднее воскресенья проект закона о свободе печати. Во имя родины я призываю всех законодателей-патриотов явиться возможно раньше. Пусть они вспомнят о субботнем вечере 31 июля. Пусть они хорошенько обдумают смысл и формулировки законопроекта и пусть примут его, только убедившись в результате серьезного обсуждения, что этот закон не тиранический, не инквизиторский, одним словом, что он не посягает на священные права человека, которые должны являться основой нашей Конституции. Я предупреждаю своих сограждан, что позабочусь о том, чтобы довести до их сведения имена тех, кто будет стремиться к *уничтожению или, по меньшей мере, к ограничению свободы печати*. Но я заранее заявляю, что занесу в число чернейших из черных тех, кто будут выступать против этой свободы, которой должны бояться только дурные люди, честолюбцы, плуты и тираны».

Одуен-депутат. «Journal Universel», 12 фрюктидора II года:

«Дать *неограниченную* свободу писать!!! Нельзя без дрожи думать о таком предложении».

Одуен, ты удачно определил самого себя в 1790 г. Посмотрись в свое собственное зеркало. *Ты чернейший из черных, дурной человек, честолюбец, плут и тиран.* Ибо кто боится печати, говорил ты в 1790 г., тот и представляет собою все это; а печать, говоришь ты ныне, вызывает у тебя дрожь! Как сильно саперы отличаются от депутатов!..

Одуен-сапер. «Journal Universel», 21 августа 1790 г.:

«Только преступники боятся света, который обнажает перед народом их заговоры и интриги. Мы погибнем, если будет нанесен какой-нибудь ущерб свободе печати».

Одуен-депутат. «Journal Universel», 10 фрюктидора:

«Свобода печати без границ, без определения, без межевых столбов, да это был бы воплощенный заговор».

Мощное рассуждение, великий Одуен! Мы погибнем без печати, а печать — воплощенный заговор...

Одуен-сапер. «Journal Universel», 21 августа 1790 г.:

«Не будь свободы печати, Бастилия существовала бы поныне. Но писатели, осведомленные о совершавшихся деспотизмом ужасах и до того не сообщавшие своим согражданам этих полезных знаний, поспешили, пользуясь этой важной свободой, поведать своим братьям обо всех жестокостях правительства. Длительное удивление, оцепенение рабства сменились в душе французов стыдом за свое порабощение и нетерпеливым желанием сбросить ярмо. Все сыны отечества объединились, они рассказали друг другу о своих бедах, в них проснулась добродетель, благородное мужество овладело их душами, они воскликнули: «Разобъем наши цепи!» И в то же мгновение деспотизм и его тюрьмы рухнули, индивидуальная и общественная свобода стала плодом этой первой победы, которою мы обязаны только свободе печати».

Одуен-депутат. «Journal Universel», 12 фрюктидора:

«Если бы была узаконена свобода печати, Республика не просуществовала бы и двух месяцев. Армии, села, города — все было бы наводнено, отравлено. Чтобы умереть свободными, республиканцам осталось бы только застрелиться».

Какой бред! Какой скандал! О, хамелеон! О, Одуен!

Одуен-сапер. «Journal Universel», 21 августа 1790 г.:

«И если с тех пор гражданам этого обширного государства удалось сохранить свою свободу, если они сорвали адские планы врагов Конституции, если Национальное собрание приняло хорошие законы, если, наконец, мы не упали обратно в ту бездну, в которой мы прозябали, кому обязаны мы этими ценными преимуществами? Свободе печати, которая одна сильнее, чем все деспоты. Итак, без этой свободы мы были бы тем, чем были ранее, несчастными рабами, незадачливыми игрушками в руках какого-нибудь министра или какой-нибудь шлюхи. Только свобода печати способна спасать нас снова и снова. И мы погибли, если свободе печати будет нанесен ущерб».

Одуен-депутат. «Journal Universel», 12 фрюктидора:

«Свобода печати привела бы к распаду правительства, разожгла бы гражданскую войну, религиозную войну, роялистскую войну».

Нет, печать вовсе не ящик Пандоры. Печать принесет неисчислимые блага, как это отлично говорил Одуен 1790 года, если

она будет пользоваться полной свободой. Правда всегда будет сильнее заблуждения, доказательством этому будет то полное ничтожество, к которому вскоре будут низведены Одуены. Беды могут проистечь только из нарушения этого священного права печати, т. е. если негодяи и их рабы овладеют ею и станут ее исключительными хозяевами, доказательством чему является недавняя тирания гнусного Робеспьера!

Одуен-сапер. «Journal Universel», 27 июля 1791 г.:

«Дорогие мои сограждане, вот чего я опасаюсь больше чем когда-либо раньше. Вы говорите, что мы просвещены и что у нас есть штыки. А я вам отвечу, что, если подлинные патриоты лишены возможности говорить правду, ваши штыки вам не помогут, и вы скоро перестанете быть просвещенными. Только свобода печати и мнений может воспрепятствовать тому, чтобы рабство когда-либо обесчестило это прекрасное государство».

Одуен-депутат. «Journal Universel», 10 фрюктидора:

«Шаг за шагом свобода печати сделалась бы в руках роялистов, федералистов, фанатиков, наконец, всех контрреволюционеров оружием, убийственным для свободы».

12 фрюктидора: «Было бы менее коварно потребовать, чтобы из рук доблестных защитников наших границ вырвали оружие и передали его в руки пребывающих в стране аристократов».

Мы более чем достаточно следовали за кощунственным безрассудством, за поруганием свободы. Аргументы универсального журналиста против неограниченной свободы мысли и столь же неограниченной свободы ее выражения вряд ли заслуживают опровержения. Конечно, их не приходится бояться поскольку вся Республика не населена нищими духом. Но всегда важно клеймить отступников, людей с двойным и тройным лицом, трусливо покинувших дело народа. Необходимо предостерегать против их речей, всегда оштукатуренных республиканскими фразами. Надо не допустить, чтобы честные люди были этим обмануты. Конечно, лучший способ разоблачить их — это сопоставить их с ними же самими. Люди негодуют, когда видят недостойных плебеев, превращающихся в двуликих Янусов после того, как они узурпировали доверие, притворившись поборниками чистейших республиканских принципов. Кое-кто говорит, что следует заниматься не отдельными лицами, а событиями, что надо больше выступать в защиту принципов и меньше заниматься людьми. Это заблуждение. События создаются делами людей, и только настойчиво разоблачая их мерзости, можно лишить их возможности вредить. Я сорву маску со всех порочных людей, слишком долго шедших по стезе беззакония. Мы увидим их одного за другим в галерее портретов, где, подобно Одуену, они зачастую будут изображены их собственными красками. И возмущенная Республика воздаст по заслугам каждому из ее неверных агентов.

Один из членов этого комитета хотел задавать тон, Конвент осадил его, «он очень удивился», а между тем это не было удивительно. С тех пор он дуется; обычно люди утешаются, «но он, говорят, неутешен».

Что стало со всеми этими подобострастными ораторами, со всеми этими поклонниками тирана, которые на протяжении нескольких месяцев и вплоть до ночи 9 термидора восхваляли добродетели тирана, где эти продажные трибуны, кричавшие: «Робеспьер или смерть!» — еще накануне его казни? Кто нам поручится, что ни один из заговорщиков, из наемных подголосков, не сумел пролезть в лоно нового общества? Кто нам гарантирует, что его трибуны очищены? Но, говорят нам, если вы хотите писать только в революционном духе, вы не нуждаетесь в неограниченной свободе; стало быть, вы требуете ее только для того, чтобы выступать против революции.

Когда халифа Омара спросили, как быть с Александрийской библиотекой, он ответил: «Если эти книги проповедуют лишь те истины, которые есть в Коране, они бесполезны, если они проповедуют противоположные истины, эти книги опасны. Пусть их сожгут». Когда-нибудь халифы Од., Бар., Бий., Бур.[45], наверно, скажут нам: «Если ваши сочинения содержат лишь наши максимы, они бесполезны; если они содержат противоположные максимы, то вы злоумышленники; занести их в список!» Халиф Омар, тот, по крайней мере, сжигал только книги. А халиф Робеспьер говорил еще: «Я лучший патриот Республики; нападать на меня — значит нападать на Республику: ко мне, Фукье, занеси их в список».

Поскольку эти рассуждения не имели успеха у публики, которую развратили тем, что злонамеренно напомнили ей несколько статей из Декларации прав, то повернулись в другую сторону и сказали: «Но свобода печати записана в Декларации прав, чего вам еще надо? Разве вам этого не было достаточно, чтобы пользоваться ею при Робеспьере?» Утверждают, что доктор Бе. потратил целую ночь, чтобы произвести на свет эту удачную мысль, за что был вознагражден криками «браво!» со стороны членов синедриона; они договорились между собой, что если кто-нибудь станет требовать гарантии свободы печати, то они сделают вид, будто поняли его так, что он требует самой свободы, а если он будет настаивать, они закричат tolle, crucifige *, «в список, в список!»; а в крайнем случае будет очень легко внушить публике, что строгий закон о клевете — отличная гарантия свободы печати.

Длина этого письма указывает мне на то, что пора кончить его: будь настойчив, мужественный республиканец, будь аносто-

---

* *Бери, распни! (лат.) (Прим. переводчика).*

лом принципов. Тирания Робеспьера не вытеснила их из наших сердец... Подпись Д...

P. S. Ходит слух, что после того, как Бур. велел арестовать председателя Революционного трибунала, он должен выдвинуть на эту должность Фукье. Он будет энергично поддержан Бар., Бий., и Кол.[46], которые полагают, будто Конвент потому отказался назначить его обвинителем, что намечал его на должность председателя.

К. Бабеф

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ

№ 10

Сама необходимость требовать ее* предполагает наличие деспотизма

Праздник Добродетелей, первый день санкюлотид [17 сентября 1794 г.]

Сильные истины в обращении к Конвенту. — Политическое положение в департаментах. — Жалоба на акт произвола со стороны Комитета общественной безопасности. — Энергичное обращение Арраса. — Обвинение в адрес Барера.

Что же происходит с Конвентом? Где результаты высказанных намерений положить конец господству преступления и обеспечить победу правосудия? Что делает это множество сенаторов, коим приписывают знания и правильные взгляды, остававшиеся столь долго бесплодными, как говорят, лишь вследствие все поработившего гнета? Чего они ждут еще, чтобы проявить себя? Конвенту удалось это сделать 9 термидора. Неужели он хочет лишить видимости добродетели это единодушное движение, которое свергло тирана и его главных сообщников? Неужели он допустит, чтобы говорили, будто он совершил это лишь для собственного спасения, побуждаемый только мужеством отчаяния, перед лицом непосредственной опасности? Почему он так медлит возвыситься до уровня Геракла и обрушить удары на продолжателей дела Робеспьера? Неужели им дадут время собраться с силами, или они уже обладают такими силами, которые вызывают в нем страх?

Энергический порыв Мерлена из Тионвилля от 24 фрюктидора[47], вызвавший всеобщие интерес и одобрение, свидетельствует, однако, о том, что среди вас, представители народа, есть еще добродетельные люди, которые хотят спасти Рим. Но удастся ли им это при такой робости? Возвысились ли эти добродетельные люди до уровня подлинного республиканизма? Они бы тогда не испугались смерти под властью Максимилиана; и нельзя

---

* *Т. е. свободу печати.*

было бы увидеть, как бессильные сенаторы позволяют Цезарю проводить свои lits de justice [48] и голосом хозяина диктовать свои кровавые законы — законы, отбросившие назад на неизмеримое расстояние общественный разум, опрокинувшие все принципы, уничтожившие плоды пяти лет трудов, достойных вызвать восхищение в веках; законы, наконец, которые ныне заставляют вас краснеть и оправдывать ваше участие в их составлении лишь признанием собственной слабости, того, что вы позволили себе подчиниться воле одного человека, размахивавшего бичом над вашими головами. Обстоятельства, ваши личные интересы или, быть может, его собственная неловкость дали вам возможность свергнуть Робеспьера, но вы еще ничего не сделали для уничтожения робеспьеризма.

День 9 термидора спас Францию лишь от того, чтобы она получила признанного повелителя, какого фактически она имела в течение более года. Но это событие не было подлинной революцией. Вы могли бы или, вернее, вы должны были бы дополнить его; но где они, законы, возвращающие нации узурпированные у нее права? Где декреты, уничтожающие позорные, более чем монархические учреждения, созданные под властью тирана? Что пользы от уничтожения человека, если сохраняется все им сделанное? Свобода печати завоевана, но это мы взяли ее приступом, с оружием разума в руках. Нас довели до того, что мы, вопреки общественному разуму, оказались вынужденными доказывать, что свобода выражения мысли есть законное право; среди вас оно было поставлено под вопрос. Вы еле-еле выразили молчаливое одобрение этой свободы... и для многих осталось неясным, не была ли ваша терпимость в данном вопросе продиктована давлением общественного мнения, которое, как представляется, гарантировало поддержку свободным писателям вопреки вам. Да что говорить, ведь до сих пор остаются в кандалах почтенные жертвы комитетской инквизиции! Но хватит пока об этом.

Я должен сначала вернуться к тому, о чем уже говорил раньше, что после 9 термидора вы не приняли ни одного закона, свергающего робеспьеризм. Скажу больше: вы издали законы, дополняющие эту навеки ненавистную систему. Я завоевал право рассматривать эти самые законы и привести доказательства этого выдвинутого мною серьезного утверждения. Так вот, я тоже дам свой доклад о политическом положении Франции. В нем будет показано, какими огромными ранами она еще покрыта, какие сильные боли продолжают мучить ее. Будут показаны департаменты, остающиеся добычей жестоких фаворитов короля термидора, жертвами угнетательской системы революционных палачей, занявших место избранников народа; а последние, смещенные за то, что они не хотели убивать народ, ничего не выиграли от падения карателя и остались в заключении на основании декрета, поразившего их всех, занесшего их всех в императорские списки.

Что означает это продолжение прежней системы? Почему Конвент закрывает глаза на этот ужасный беспорядок? Почему он не устанавливает раз навсегда власть правосудия? Почему тирания продолжает жить после гибели тиранов, или почему тираны имеют наследников? Почему душегубов, осмеливающихся к тому же выдавать себя за единственно подлинных патриотов, внимательно выслушивают, когда они приходят жаловаться на то, что их угнетают; а это угнетение есть не что иное, как неотразимое проявление гнева, вызванного их бесчисленными злодеяниями, безудержного негодования настоящих патриотов, которых им не удалось истребить полностью. Почему петиции и обращения душегубов, выклянченные и сфабрикованные в Париже, как это сумел показать Андре Дюмон[49] 26 фрюктидора, всегда удостаиваются лучшего приема, чем те, которые говорят с уполномоченными суверена языком принципов и правды? Меня удивляет, что Мерлен из Тионвилля, сумевший в том самом заседании, где он показал себя достойным своего поста, сказать об актах произвола, совершенных в отношении Реаля и Дюфурни, не отметил тогда же другого, более кровавого нарушения прав, гарантированных бессмертной Декларацией, долженствующей быть незыблемым пьедесталом всех свобод. Я имею в виду фирман Комитета общественной безопасности, направленный против судьи Бодсона, которого янычары визирей арестовали в суде при исполнении им своих обязанностей за то, что он составил обращение клуба, именуемого Электоральным. Пусть все знают этот документ, уже ставший достоянием гласности благодаря афише, расклеенной в Париже. Пусть народ найдет в нем ту ересь, в которой его обвиняют, и если осудит его, то со знанием дела. Пусть он выразит его составителю, все еще томящемуся в заключении, порицание, которого заслуживает опасный догматик, или благодарность, которой заслуживают те, кто страдает за свободу. Пусть выскажутся также обо всех тех, кто присоединился к этому обращению.

Пусть также вынесут суждение об обращении аррасского Народного общества, которое не смогло быть зачитано в Конвенте 28 фрюктидора. Быть может, найдут, что оно заслуживало быть зачитанным, поскольку оно было не *петицией*, а *декларацией о свободе печати*. Гордые республиканцы Арраса осмеливаются сказать в этом обращении, что они не из числа тех слабых людей, которые приходят вымаливать на коленях разрешение быть свободными. Но это обращение содержит обвинения в адрес Барера[50]. А почему бы и не обвинять Барера? Разве его нельзя обвинить, как всякого другого? Что касается меня, я заявляю, что все эти энергичные документы принадлежат истории, что они должны быть занесены в анналы свободы. Национальный конвент, несомненно, вскоре вновь обретет ту великую энергию, которая ему подобает, т. е. энергию, направленную на восстановление великих принципов и уничтожение государственного устройства, созданного тиранами. Но пока что давайте напечатаем в на-

ших правдивых и смелых газетах то, что «Бюллетень» Конвента и «Moniteur» благоразумно отказываются принять. Сохраним для потомства имена людей, которые в тяжелые для свободы минуты наиболее мужественно сражались в первых рядах.

ОБРАЩЕНИЕ НАРОДНОГО ОБЩЕСТВА АРРАСА К НАЦИОНАЛЬНОМУ КОНВЕНТУ, СО СЛЕДУЮЩИМ ЭПИГРАФОМ:

> Кто просит разрешения быть свободным, не заслуживает этого (Ж.-Ж. Руссо)

Декларация о свободе печати. — Обвинения против Бертрана Барера.

Законодатели!

Мы требуем гарантии свободы печати; мы требуем издания закона, защищающего это естественное право. Граждане, мы вам заявляем со всей энергией республиканцев, что мы не из числа тех граждан, столь же слабых, сколь благонамеренных, которые, так сказать, на коленях выпрашивают у вас разрешение быть свободными.

Свободные люди, победители, поправшие ногами свергнутый деспотизм, послали вас сюда заседать. В чем суть данного вам императивного мандата? Защищать их свободу, подвести под нее фундамент мудрых законов.

Просить вас гарантировать свободу печати, свободного выражения мысли — значит ставить под сомнение вечное существование этого естественного права, ставшего символом священного единения французов в 1792 г., когда они восстали против тирана, вооруженного *смертоносным для свободы правом вето* и конституционными кинжалами; когда они восстали против Собрания, слишком слабого, чтобы мужественно подняться до уровня обязанностей, которые возлагало на него великое предназначение Франции. А между тем свобода печати была тогда закована в кандалы коварными декретами, которые преступные заговорщики вырвали у слабых и увертливых законодателей. Но какие дела людские могут вступить в борьбу с законом, начертанным самою природою во всех сердцах, в коих огонь свободы гаснет лишь вместе с жизнью?

Поскольку ни один человек не может быть сильнее целого народа, народ в целом ни от кого не ждет права быть свободным, он обретает это право по собственной воле.

Люди 14 июля отнюдь не просили у Капета позволения разбить свои цепи. Люди 10 августа советовались только с собою, принимая решение заключить в тюрьму коронованного тигра.

Всюду, вплоть до самых глухих деревень, общественность опрокинула и разбила эмблемы тирании еще до того, как декрет от 22 сентября заклеймил монархию и провозгласил Республику.

Суд, единогласно высказавшийся в пользу Марата, привлеченного в качестве обвиняемого декретом, который заговорщики Жиронды вырвали у вас, злоупотребив вашим доверием, этот суд не потребовал предварительно принятия закона, гарантирующего свободу мнений. О, этот суд отнюдь не был похож на огненную палату* Робеспьера, чья прожорливая бездна поглотила столько невинных жертв. И разве во время знаменитого заседания 9 термидора сами вы, законодатели, не прочли в своих сердцах записанное там право мужественно высказать мнение, которое сокрушило трон тирана и отправило его на эшафот?

Итак, свободное выражение мыслей есть одна из вечных истин, не зависящих от случайных событий, истин, которых законодатель не может создать, он может их только признать. Человек не производит добродетель, он ее приемлет или борется с нею. Свобода мысли есть то неотчуждаемое имущество, которое природа завещает человеку. Законы, налагающие на нее оковы, не являются законами, поскольку закон есть выражение общей воли и поскольку нельзя предположить, чтобы общая воля могла сама на себя наложить оковы.

Повторяем, акты, ограничивающие свободное выражение мысли, могут быть только прискорбным результатом насилия и угнетения, которое парализует волю суверена, представленную избранным им многочисленным собранием. Это было бы царствование Максимилиана Робеспьера.

Представители, из вашей и нашей памяти еще не изгладилось унизительное воспоминание о том времени, когда три или четыре человека поставили себя на место принципов, на коих зиждется наша свобода, когда на свободу мнений, поставленную во главу угла конституционной хартии, смотрели лишь глазами кровавого трибунала. Вы их не забыли, те злосчастные дни, когда завеса возвышенного молчания, покрывавшая лица патриотов, скрывала от взглядов тирана то негодование, которое они вынуждены были хранить в глубинах своей души.

Когда свобода печати, священное право свободного выражения своих мыслей были похоронены у подножия трона Робеспьера, ваше мужество и ваша энергия низвергли этот трон, и под его осколками мы с вами вновь находим нашу первоначальную собственность.

Люди 9 термидора, вам и тем из наших сограждан, кто, будучи оглушен в результате долгой летаргии, спрашивает вас, могут ли они быть свободными, мы заявляем, что падение тиранов возвращает нас к нашим вечным правам, что из могилы диктатора свобода выходит в сиянии своего могущества.

---

* *Chambre ardente (огненная палата) — особые суды, существовавшие в XVI—XVIII вв. для разбора дел по некоторым, считавшимся особенно тяжкими преступлениям и приговаривавшие осужденных к сожжению на костре (Прим. переводчика).*

Депутаты, жители нашего Севера, обуздавшие всепожирающего людоеда, чья ярость опустошала в течение пяти месяцев нашу страну, вскоре докажут, что они поднялись до вашего уровня, разоблачив перед вами тот революционный призрак, на который опирался Жозеф Лебон, чтобы успешно бороться с жертвами, пытавшимися спастись от его ярости.

Обвинение против Барера в следующем номере

К. Бабеф

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ
№ 11

Повинуйтесь народу, следуйте его декретам... сей народ долго страдал от ваших злоупотреблений. Он устал нести ярмо, и ярмо было разбито (Вольтер. Генриада)

Праздник Труда, третий день санкюлотиды
II года [19 сентября 1794 г.]

Выпуски «Газеты печати *» стали архивами ценных исторических документов, которые «Монитер» и «Бюллетень» Конвента отказываются заносить на свои столбцы. — Причастность и пособничество Барера в ужасах и жестокостях, совершенных в Аррасе и во всем департаменте Нор Жозефом Лебоном.

В ожидании того, когда я набросаю полную историю барериэма и выкрою герою этой секты парадный костюм вроде того, который я сделал Одуену; в ожидании того, когда я представлю удивительные результаты прекрасной науки контроверзы, дающей способность защищать все системы и последовательно высказываться и «за», и «против», в ожидании того, когда я окончательно открою срамные части этих политических богословов, которые своими вечными комментариями исказили и извратили доктрину, а Декларацию прав, столь понятную благодаря ее простоте, потопили в некоем безвыходном лабиринте, подобно священным писаниям патриархов и отцов; в ожидании того, когда добродетельное большинство Конвента проявит свой характер и примет определенное решение относительно наглой, властной, неизменно робеспьеристской вершины; в ожидании того, когда она заставит эту вершину прекратить оскорблять народ увековечением плана гнусного злодея, судьбу и конец которого она разделит, как только лишится силы, необходимой для сохранения того, что осталось от его чудовищного сооружения; в ожидании того, когда она будет лишена остатка власти и не сможет больше скры-

* *Так у Бабефа.*

вать от глаз и ушей своих сограждан документы, эти страшные свидетельства, которые ее обвиняют... я собираю для истории эти важные памятники; мои страницы превращаются в архивы, в священное хранилище доказательств, которыми будет обосновано осуждение всех тех, кто продавал ради своей выгоды свободу, богатство и кровь Республики. Благодаря завоеванию свободы печати я имею возможность сделать это доброе дело для родины, зафиксировать первое обвинение против Барера[51]. Эта личность, в прошлом колосс, станет наконец объектом атаки. В последнем номере мы видели, что он обладал еще достаточным влиянием, чтобы отвести от себя гром, который уже 28 фрюктидора мог пасть на его голову. Против свободы печати нет громоотводов. Тираны, вы побеждали и могли бы побеждать и дальше, если бы вы могли оградить себя от этого неугомонного судьи... Барер, ты появляешься на сцене в сопровождении общественного убийцы, коего ты был покровителем, подспорьем, сообщником. Тени тысяч жертв из департамента Нор вопят о мести палачу Жозефу Лебону[52] и его достойному услужливому защитнику на заседании 21 мессидора *, и все погруженные в траур жители этой злосчастной области дают ясно понять, как они будут голосовать, если народу позволят высказать свое мнение о революционном правительстве.

**Продолжение аррасского обращения.
Обвинение против Бертрана Барера**

Мы обращаемся к вам с обвинением против Барера. Принятый в его пользу декрет не заглушает голоса невинно пролитой крови, который постоянно поднимается против того, кто был опорой и защитником общественного убийцы. Мы не будем напоминать о той переменчивости Барера, которая делала его всегда человеком обстоятельств, привязывавшимся к колесу событий, чтобы следовать за их поворотами, видевшим в принципах не их незыблемость, объединявшую вокруг них честных людей, а те возможности, которые они могли предоставить.

Фейян и председатель фейянов в ту пору, когда эта политическая секта задавала тон при дворе, где она родилась, в городе, где она была в моде, он только после решающего дня 31 мая связал себя с той Горой, которая ныне глубоко пустила корни в Национальном конвенте.

Низкий раб Робеспьера в ту пору, когда этот дерзкий заговорщик захватил бразды правления, Барер получил в награду за верную службу от своего хозяина кресло председателя Якобинского клуба, куда он ввел его незадолго до того. Именно поэтому мы и разоблачаем его перед вами как свежеиспеченного революционера.

---

* Те, кто пожелает ознакомиться с данным делом, должны прочесть доклад Барера от этого числа.

Общественное мнение, сей энергичный призыв к вечной правде, задолго до нас разоблачало этого человека, ставшего революционером тогда, когда Максимилиан заменил людоедством революционность, когда новоявленный Кромвель, стремясь организовать террор, дабы утвердить новый деспотизм, искал преданных сообщников среди тех, чья душа способна принимать все оттенки, которые преступление придает честолюбию. Да, законодатели, Барер только для того поднялся над Болотом в революционном взлете, чтобы вступить на первые ступени трона диктатора.

Потому-то мы и видели, как его виляющая слабость сменилась холодной жестокостью: мы стали жертвами его прилежных упражнений в искусстве политических убийств.

Кровь потоками лилась в нашем городе; 2 тыс. человек, скученные в тюрьмах, ждали того момента, когда прожорливая пасть тигра-священника положит конец их мукам! Служители смерти на скандально публичных оргиях поднимали за здравие бокалы, наполненные человеческой кровью. Аррас, объявленный городом, заслужившим благодарность родины, являл зрелище запустения, и лишь там и сям виднелись могилы.

Энергичный голос негодования и слезы отчаяния, порывы которого приходилось сдерживать, на протяжении целых трех месяцев раздавались в здании Комитета общественного спасения, разоблачая все эти ужасы. Человек, которого мы обвиняем, с жестоким коварством ставит между вами и нашими стенаниями, между вашим правосудием и нашим жестоким угнетением битву у Флерюса [53]. Он увенчал незаслуженными лаврами чело нашего палача. Он изображает христианина новейшего образца Жозефа Лебона, спокойно восседающего в Камбрэ на трупах 800 граждан, которых он приказал перебить, человеком, способствовавшим победе в сражении у Флерюса. О наших жалобах он говорит вам так, как если бы это были верещания хитрой аристократии. О, Барер, когда ты председательствовал у фейянов, нас преследовали, нас бросали в темницы за то, что мы требовали казни венценосной гидры, которую ты униженно ласкал.

Наконец, он делает свой доклад по поводу обвинений, накопившихся против Жозефа Лебона, нашего убийцы. Он его венчает лаврами; он хочет прикрыть преступление победой, чтобы оно прошло незамеченным.

Сообщая вам о блестящем завоевании, совершенном войсками Республики, он вам изображает депутата Лебона как человека, который раздавил аристократию мерами, определяемыми им как несколько резкие, но о них, по его мнению, надо судить только по результатам.

Итак, самая мрачная жестокость, самая разнузданная тирания, надругательство над самыми священными естественными правами, унижение человечности, презрение к правосудию — все это только резкие меры. Всеобщий траур, общее недоверие, реки

крови, повседневно удручающие наши взоры — вот их результат.

Барер говорил, что не знает в подробностях поведения Жозефа Лебона. Мы в немногих словах раскроем перед вами длинную вереницу жестокостей, коих слишком долго мы были жертвами.

Энергичные жалобы многих патриотов, которых Лебон по недосмотру передал в трибунал Робеспьера вместо того, чтобы их перебить при помощи своего собственного суда; стойкость, с которой представитель Гюффруа защищал их дело, — все это заставило Робеспьера, Сен-Жюста и Барера искать окольных путей со своими оперативно кровожадными максимами. Лебон был временно отозван. Сей вице-король прибыл в Париж со своим главным служителем *; он постоянно сидел в передней диктатора или у своего друга Барера.

Гюффруа и один патриот, заключенный в Аррасе в тюрьму за то, что выступил в защиту угнетенной невинности, прибыли в Париж, чтобы не терять из виду дело наших общих друзей. Они подробно написали Бареру обо всех убийствах и других преступлениях Жозефа Лебона. Барер ограничился подтверждением получения этих писем, не отвечая на них по существу.

Но он, несомненно, согласовал с Лебоном пресловутый доклад, в котором он приобщает к героям Флерюса палача нашего края, в котором он провозглашает спасителем северного края того, кто там погрузил патриотов в траур, того, кто мрачными кипарисами закрыл лавры, коими защитники родины украшали нашу границу. Мало им было надругаться над нашими слезами, над нашим отчаянием, надо было еще вернуть Лебону его жертвы: об этом, видимо, было заключено соглашение между этими кровожадными людьми. И Барер пришел к вам, чтобы вырвать у вас декрет, который отправил бы обратно, в распоряжение властей, выдавших ордер на их арест, всех этих мужественных должностных лиц, крови которых жаждал Жозеф Лебон, потому что они не захотели стать соучастниками его ярости и искали спасения в правосудии ваших комитетов и в совести каждого депутата. Но Бареру пришлось отступить, и этот человек, доведший гибкость до низости, чтобы успокоить возмущенное общественное мнение, сам попросил взять обратно его убийственный для свободы декрет.

Он обещал, что Жозеф Лебон не вернется в край, запятнанный им столькими злодеяниями. Но для таких политических дельцов клятвы то же, что косточки, которыми они забавляются: Лебон был опять послан с неограниченными полномочиями, которые стали кинжалами в руках этого маньяка. Это страшное известие вызвало столь громкие протесты со стороны депутатов, сочувствовавших нашим жестоким страданиям, что Барер поспешил взять обратно кинжалы, врученные им нашему убийце.

Прошло четыре часа с момента прибытия Лебона в Камбрэ, он подсчитывал, какими жертвами он будет утолять свою жажду

* Дайе — председатель комиссии в Камбрэ.

мести, когда чрезвычайный курьер, срочно посланный Комитетом общественного спасения, сообщил Лебону, что он окончательно лишен возможности продолжать свои преступления.

Таково, законодатели, точное описание той страшной бури, которая нас трепала в течение четырех месяцев. Если молния преступлений поразила столь много жертв среди нас, можем ли мы брататься с тем, чья коварная рука ее направила? Напрасно декреты, вырванные у вас обманом, будут провозглашать невинность какого-нибудь Барера: в наших глазах он всегда останется запятнанным кровью, пролитой свободоубийственными ножами, которые он вложил в руки людоеда Жозефа Лебона. Всякий раз, когда мы будем вспоминать битву при Флерюсе, нам будет мерещиться наш смертный приговор в руке, которую Барер украсил лаврами, завоеванными нашими братьями в тот достопамятный день.

Даже если бы тень Робеспьера осмелилась опять явиться среди вас, революционный импульс дан; нельзя дважды терять свою свободу, и никогда мыслящее существо не позволит больше задавить себя.

Из глубины души мы проклинаем Барера. Страдания, которые мы перенесли по его вине, внушают нам страх и отвращение к нему. Поэтому мы заявляем, что не можем доверять услужливому защитнику нашего палача.

Подписи Буассар, председатель.
Трибуле и Лангле-старший, секретари.

Предложение должности

Требуется человек, умеющий составлять в нужном жанре обращения к Конвенту для рассылки их по департаментам, ему будет обеспечено хорошее жалованье, и при выходе на пенсию он получит возможность стать инспектором строительства новых судов с клапанами. Обращаться ул. Нев де Пети Шан, № 35, к изобретателю или к гражданину Луше[54], площадь Мобер.

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ

№ 12

Правда становится неотразимой, когда ее поддерживает общественное мнение. Иногда она даже свергает правительства (Дюмарсе)

Праздник Общественного мнения,
четвертая санкюлотида II года [20 сентября 1794 г.]

Похвала Общественному мнению. — Протест против декрета, упраздняющего четыре санкюлотиды. — Интриги авторов дурных памфлетов. — Убийственный для свободы проект уничтожения

всех Народных обществ. — Прежнее общество якобинцев найдено. — Налет членов общества 9 термидора на разносчиков газет.

Прекраснейшая из моральных идей, положенных в основу республиканского календаря его автором, сводится к установлению особого праздника, посвященного Общественному мнению. Он, по-видимому, предусмотрительно рассчитал, что на протяжении грядущих веков в нашей Республике возможно возвышение какой-нибудь инквизиторской власти, которая сможет когда-нибудь осмелиться стеснять свободное выражение мыслей. И он решил посредством, так сказать, обожествления Общественного мнения, ежегодного посвящения его культу специального дня, постоянно напоминать гражданам, что они должны непрерывно и бдительно охранять его от любого посягательства, вечно чтить и уважать его. Создатель этого прекрасного института, быть может, даже предчувствовал и видел первые признаки тех заговоров, которые вскоре затеяли злодеи-децемвиры, чтобы занять место того правительства, которое лишь недавно было учреждено на основе принципов чистой демократии, т. е. справедливости и всех добродетелей. Учреждая праздник Общественного мнения, законодатель несомненно надеялся, что если этот верховный защитник свободы и счастья народов будет когда-то ущемлен или забыт, то, по крайней мере, в день, когда французские республиканцы воскурят фимиам у его пьедестала, они будут вынуждены вспомнить, что должны за него отомстить, что оно требует от них не пустого поклонения и что этот день как раз и дает им возможность решительно напомнить: грозный голос общественного мнения должен постоянно подыматься против любой узурпации прав народа.

Национальный конвент! Еще раз повторю, в массе своей ты хорош, но ты все еще слишком склонен бездумно подчиняться голосу оракулов диктатуры. Дезорганизаторская «вершина» заставила тебя бездумно одобрить безнравственное решение. Декрет об упразднении четырех из санкюлотид есть посягательство более серьезное, чем кажется слабым республиканцам. Уже одна отмена праздника Общественного мнения есть грубое кощунство. Всякий законодательный акт, направленный к подрыву республиканской морали, является преступлением против нации. Все труды законодателя свободного народа должны базироваться на принципах этой морали. Он совершает преступление всякий раз, когда вместо увеличения силы этих принципов ослабляет ее. Может ли быть, что в данном случае ни один из членов Сената об этом не подумал? Отменить праздник Общественного мнения — значит заявить: устраним всякое напоминание о том, что перед этим ангелом-хранителем справедливости и свободы, этим истребителем преступлений и преступников всё еще закрыты во Франции все пути и дороги. Этот свободоубийственный акт взывал к отмщению,

оно пришло. Общественное мнение, возмущенное этим последним оскорблением, ответило нашим голосом. Почти одновременно с изданием декрета, упразднившего великий день, в который, казалось, свободно и на законном основании все преступления и те, кто их учинил, могли быть вызваны на суд Общественного мнения, почти в то самое время мы вооружились нашим обвиняющим пером и заявили, что Общественному мнению мало одного дня для разбора всех злодеяний и что этот суд более, чем какой-либо другой, должен быть постоянным! Не будь он таковым при Марате, его память не славили бы в день Вознаграждения.

Я заявляю, что мне нужно больше одного дня, чтобы дать Общественному мнению возможность вынести суждение обо всем множестве преступлений, совершенных правительством децемвиров, о степени виновности каждого из его живых или преставившихся членов, о большем или меньшем участии в них и Барера, и Бийо, и Колло[55], и топителя Каррье[56], и врачей Дюэма[57] и Левассера, и капитула* Вадье, и антидиктатора Бурдона[58], и неистощимого суфлера Луше, и т. д. Я заявляю, что мне необходимо больше одного дня, чтобы распутать нити заговора, организующего преследования тех, кто требует осуществления прав человека, и с доброжелательностью покровительствующего тем, кто поддерживает их нарушение.

Итак, пусть влиятельные и высокопоставленные лица, имена которых я назвал выше, поспешат декретировать ограничение свободы печати: иначе все будет раскрыто. Пусть они поторопятся сами выпустить возможно больше нелепых и анонимных памфлетов и смешать их с нашими сочинениями, сильными своими принципами и прекрасно аргументированными, чтобы таким образом иметь предлог сослаться на необходимость подавления своеволия и чтобы издать закон якобы против клеветников. Пусть они постараются также закрыть Общественному мнению и его беспощадной бдительности последнюю дверь, требуя упразднения всех Народных обществ, используя неприязнь, которую эти общества испытывают лишь к вожакам общества 9 термидора. Пусть они помешают парижским секциям последовать похвальному примеру секции Гравийе и потребовать гарантии свободы мнений и отмены убийственного для свободы декрета, запрещающего народу собираться, когда он захочет. Пусть они по-прежнему управляют Конвентом и сохраняют свое тайное умение заставить его доверять их диктаторским бредням. Пусть им удастся внушить, что мы преемники всяких Руайю и Малле-дю-Панов[59], потому что мы затрудняем их кровавое продвижение и требуем восстановления прав человека... Если же им не уда-

---

* *Capitoul — старинное наименование муниципальных должностных лиц в Тулузе (Прим. переводчика).*

стся достигнуть одновременно всех этих успехов, Общественное мнение будет полностью обо всем осведомлено, и они погибнут.

Что касается меня, я никогда не отклонился бы от правила, которое полностью соответствует моему характеру и естественному тону моих сочинений. Оно заключается в том, чтобы выступать в защиту прав народа только в том достойном тоне, который подобает столь прекрасному делу. Друг народа утвердил это правило в своих «Цепях рабства», он всегда свято соблюдал его, и это ему удавалось. Но мой соратник Фрерон, который для меня также является авторитетом и с которым, как я объявил, я нахожусь в союзе, сказал, что оружие сарказма отнюдь не самое безобидное. Я получаю стрелы, сильно отточенные на камне сатиры. Попробуем применить их против нашего экспедиционного войска. Когда оно было в ореоле славы, оно пользовалось любыми средствами, лишь бы победить.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ

При старом деспотизме, когда случалось иному автору напечатать несколько смелых истин, сразу же появлялся большой обвинительный акт Сегье, большое постановление парламента, приговаривавшее к сожжению эти истины, которые от этого становились еще более популярными. Можно было даже сказать Сегье: сжечь не значит ответить.

Ныне патриоты, осмеливающиеся проповедовать права человека, не могут так дешево отделаться. Для начала их изгоняют из клуба якобинцев, затем их сажают в тюрьму, а потом их убивают. Но, скажем мы этим Барерам, Бийо, Бурдонам, этим Колло, Каррье, Луше, изгнать, арестовать и убить не значит ответить.

Напрасно сажают в тюрьму и убивают патриотов, нельзя убить правду: она пробивается сквозь решетки ваших новых бастилий, и общество, не забывшее старого афоризма, гласящего: только плуты боятся света, — отнюдь не удовлетворено вашими неотразимыми аргументами. Поскольку общество лишь недавно предало позору всяких Мори, Казалесов, Вирье [60], проповедовавших вашу ограниченную свободу, можно опасаться, что оно решит, будто вы унаследовали их замыслы, подобно тому как вы унаследовали их афоризмы.

Видимо, это-то и побудило тебя * рассматривать в твоем номере 6-м свободу печати как обеспеченное завоевание. Между тем мне говорят, что это совсем не так. Мне рассказали, что ученые мужи из политических университетов недавно держали совет

---

* *Заметка «Еще несколько замечаний о свободе печати» помещена в «Газете свободы печати» в качестве письма в редакцию. Этим объясняется обращение «ты», адресованное Бабефу. Однако не исключена возможность того, что автором заметки является сам Бабеф.*

не о том, как лучше всего полемизировать против свободы печати, а о том как составить индекс запрещенных памфлетов, только что вышедших в свет и не пришедшихся им по вкусу. Обсуждался также вопрос о том, какому наказанию подвергнуть крамольных авторов. Дюэм предложил кровопускание, другой предложил выслать их вместе с бывшими дворянами и священниками. Колло и Бурдон требовали отдать предпочтение гильотине, предварительно обновив состав трибунала. Барер и Бийо предложили переслать списки Фукье, когда он станет председателем нового трибунала.

Левассер и Луше предлагали расстрелять их. Это предложение одержало бы верх, но Каррье, который не переносит вида крови, потребовал, чтобы их поместили на судно с клапанами, описание которого он собирается напечатать, сопроводив его рисунками. Его соображения показались столь мудрыми, столь исполненными человечности, что собравшиеся заколебались. Однако Барер и Бурдон выступали за список; они боялись, как бы не умалили права гильотины. «Чтобы дерево свободы процветало, — заявил первый из них, — надо орошать его кровью». Но, так как не было уверенности относительно восстановления списков и восстановления Фукье в должности, то приняли формулу перехода к очередным делам. Я попросил объяснить конструкцию судна; по-видимому, оно точно такое же, как то, которым воспользовался Нерон для утопления своей матери, но автор предложения усовершенствовал конструкцию так, что не придется опасаться побега кого-либо из приговоренных, каким бы отличным пловцом он ни был.

Редактору «Газеты свободы печати»

Как только я прочел объявление, помещенное в твоем 6-м номере, об утере знаменитого Народного общества, оказавшего величайшие услуги, я сразу же принялся за поиски, побуждаемый прежде всего общественными интересами, а также и надеждой на вознаграждение, обещанное тобою тому, кто его разыщет. Не смею утверждать, что мои поиски оказались плодотворными. Суди сам, вот их результаты.

Я отправился туда, где это общество находилось в период своей славы. Я нашел там новые лица: Санградо Дюэм, Диафуарюс Левассер, доктор Караф, дух отца Жеронимо Одуен, адвокат Уазон Бурдон, адвокат Каррье, по прозвищу «клапан» *. Я объяснил им, что меня сюда привело. «Не ищите доле, — за-

* *Санградо — персонаж из романа Лесажа «Жиль Блас», невежественный врач, который от всех болезней лечит кровопусканьем и горячей водой. Диафуарюс — невежественный и претенциозный врач из комедии Мольера «Мнимый больной». Караф (Caraffe) — бесхарактерный человек. Уазон (Oison) — букв. гусенок; ограниченный человек (Бурдон являлся депутатом от департамента Уаза) (Прим. переводчика).*

явили мне они все хором, — это общество перед вами, это мы. На некоторое время мы потерялись, но, к счастью для Франции, снова нашлись 12 термидора. Итак, вы смело можете потребовать вознаграждение». Я ушел оттуда торжествующий, но мне встретились Ребель, оба Мерлена и несколько других добрых патриотов, которым я сообщил о своей счастливой находке. И что же? Они расхохотались. «Разве вы не видите, — сказали они мне, — что эти новые жильцы незаконно затесались сюда и изгнали подлинных хозяев; это подголоски верховного жреца, янычары его гвардии; неужели вы не знаете, что это те самые люди, которые занимали это помещение 9 термидора и в предшествовавшие дни, и что из общего их числа в полторы тысячи человек вряд ли нашлось около сотни таких, что не стали на колени перед Ваалом? Разве они не исповедуют те же принципы?» «Разве могут они, — добавил Ребель, — опознать и арестовать комиссаров, посланных 9 термидора, чтобы договориться с мятежной Коммуной?» Эти вопросы меня несколько обескуражили; я сослался на чистку. Смешно говорить о чистке, ответили они мне; разве они выгнали хотя бы одного из охранников и доносчиков тирана? Кого они изгнали и обвинили? Тех, кто больше всего способствовал его свержению, и т. д., и т. д. При таком столкновении мнений я не решился потребовать себе награду. Однако, если правы были те, первые, прошу тебя заметить, что я первый на очереди.

Подпись: Кандид

Набег якобинцев на разносчиков газет

Хотя якобинизм находится уже при последнем издыхании, тревожные симптомы проявились вечером во вторую санкюлотиду. Напомним, что на своем заседании от... общество выбрало комиссаров, которые должны были отправиться в места общественных собраний, чтобы просветить общественное мнение, введенное в заблуждение ядовитыми перьями памфлетистов из периодических изданий. Комиссары, в соответствии с данными им инструкциями, запаслись солидными палками и отправились в Пале-Эгалитэ, где, пользуясь своими полномочиями, принялись преследовать разносчиков газет «L'Orateur du Peuple», «Le Journal de la liberté de la Presse» и тысячи и одного клеветнического сочинения, направленного против Якобинского клуба; некоторое количество этих изданий они разорвали, объявили о предстоящей в ближайшее время победе людей 9 термидора и предсказали всем очернителям в самом недалеком будущем такую же судьбу, как та, что постигла Тальена.

Преследовать правду палочными ударами — метод, достойный этого общества, и каждый подумал: только оно и было способно найти такое средство ограничения свободы печати.

Даже медицинский факультет, ныне главный столп общества термидора, заявил, что это грубое средство является симптомом

бешенства и что, когда болезнь обостряется до такой степени, пациента можно считать безнадежным. Так как доктора Дюэм и Левассер по чистой случайности оказались там, они попытались произвести диверсию, издавая крик: «Да здравствуют якобинцы». Подобный вызов показался собравшейся толпе кощунственным и нелепым. Люди смеялись над их жалкой попыткой вымолить дань уважения для своего идола, и никто не подумал воскурить ему хоть каплю фимиама. Все кричали: «Да здравствует Конвент, долой героев термидора!» Те из продавцов газет, кто побойчее, отправились искать людей, вооруженных палками, чтобы эти палки обратить против них самих. Встретив Каррье и Левассера, они безжалостно преграждают путь этим двум друзьям человечества. Вся бешеная секта исчезает, и уверяют, что она больше не вернется.

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ
№ 13

Могущество разума одержит верх

1 вандемьера III года Республики [22 сентября 1794 г.]

Положение в настоящий момент. — Партия защитников прав человека снимает маску и открыто атакует партию защитников робеспьеровской системы. — Еще раз об якобинцах. — Электоральный клуб и его замечательная присяга.

Нельзя не видеть, что сейчас в Республике существуют две различные партии: одна — настроенная в пользу сохранения робеспьеровского правления, другая — желающая восстановления правления, основанного исключительно на вечных правах человека, провозглашенных нашей прекрасной Декларацией. Мы уже откровенно признались в принадлежности к этой последней партии. По-видимому, в ближайшее время должна начаться очень серьезная, даже решающая для дела свободы борьба между нашими противниками и нами. Так как благоразумие подсказывает, что до начала всякого сражения надо ясно представлять, какими силами располагаешь, я нахожу необходимым подсчитать наши силы, дабы каждый из наших сотоварищей мог судить о том, можем ли мы дать бой с какой-то надеждой на победу.

Мы уже объявили наименование нашей партии. Мы называем ее партией защитников прав человека. Мы, пожалуй, будем сильно отличаться от тех заговорщиков, которых видели в прошлом: они окутывали себя тайной, пока не приходил миг решающего удара, а мы обсуждаем наш заговор* вслух, мы пре-

---

* *В тексте Бабефа употреблено слово «faction», которое, помимо значения «партия, фракция, группа», означает также «заговор».*

даем его самой широкой гласности. Что это, бахвальство? Уверенность в поддержке, слишком внушительной, чтобы приходилось опасаться противной партии? Мы сейчас это выясним.

В номере 6-м, стр. 6 и 7, я отнюдь не оспаривал того, в чем нас упрекают наши противники, т. е. выдвинутого ими против двух или трех смелых писателей, взявших в руки перо правды, обвинения в том, что они, яростно трубя в свои трубы, сзывают всех, кто недоволен террористическим и революционным режимом. Полагаю, что этих последних не так уж мало. А между тем все они с нами.

Я не отрицал обвинения, что мы — союзники заговорщиков из секции Музея[61], которые, несмотря на организованную с таким трудом шумиху их мнимого осуждения, не отреклись от своих принципов суровой свободы и от глубокого отвращения к произволу диктаторского режима. Вот вам уже одна парижская секция, которая вся полностью с нами. Я добавлю к ней от 12 до 15 других, которые присоединились к петиции секции Музея, вопреки всем усилиям якобинских эмиссаров. Затем я добавляю почти все другие секции, которые сперва присоединились, а потом взяли обратно свое присоединение, увлеченные коварным красноречием тех же софистов или напуганные частым употреблением таких грозных слов, как террор и революционные меры, которые снова приводят людей в ужас и оцепенение. Все эти люди еще вернутся на путь истины, когда эта истина будет им ясно доказана и когда им покажут, что обыкновенные карательные законы против злонамеренных вполне совместимы с уважением к правам человека и что, согласуя те и другие, можно обойтись без методов правления, свойственных Сулле или Робеспьеру. Таким образом, сочувствие очень большой части населения Парижа нам обеспечено.

Я также признал, что мы союзники электорального общества, члены которого явились 30 фрюктидора к барьеру Конвента и поклялись, что умрут, отстаивая права человека. Вот еще одно подкрепление для нашей партии.

Равным образом я объявил, что наша партия связана со всем обществом врагов рабства и друзей вечных прав, т. е. со всеми, кто испытывает глубокое отвращение к тирании, кто ненавидит угнетателей, диктаторов, децемвиров всякого сорта; со всеми патриотами, которые сами или в лице своих родных стали жертвами произвола и неограниченной власти. Интересно, на сколько увеличится наша партия с этой стороны? Я уверен в том, что с нами будет почти весь департамент Нор, полностью коммуны Аррас и Камбрэ, а также все коммуны, которые ужасный Жозеф Лебон топтал своими кровавыми сапогами. С нами будет Нант, где Каррье-топитель человеческими трупами преградил путь течению Луары. С нами будет Освобожденная Коммуна, где Колло убивал людей тысячами. У нас будут фаланги единомышленников во всех углах Франции, где приемы, которые Барер охарак-

теризовал как несколько резкие, повергли большее или меньшее число людей в траур и отчаяние.

С нами будет даже та часть якобинцев, которую лишь ввели в заблуждение и которая горит желанием порвать с обществом, навсегда опозорившим себя в незабвенную ночь с 9 на 10 термидора.

С нами будет Конвент в лице его внушительного большинства, исключая горсть людоедов-угнетателей, которые в области политического управления признают только великие меры в духе Нерона и резкие приемы.

Вот она, стало быть, какова, граждане, сила партии защитников прав человека. Полезно знать ее. Неужто мы не можем спокойно ждать встречи с нашим врагом, если мы знаем, что способны превзойти его и числом, и мужеством? Неужто я был неправ, отказавшись идти по стопам малодушных членов нашей группы и осмелившись объявить во весь голос, а не отрицать существование нашего заговора? Мы далеки от темных происков и скрытых интриг, они подходят только тем, кто чувствует себя слабым. Нам чужда тайная и фальшивая политика. Такая партия, как наша, может сказать своим противникам, какие меры она готовится принять против них. Она может безо всякого риска сообщить им свой манифест. Итак, пусть наши враги знают, что у нас есть определенное намерение и что мы в состоянии его осуществить, что намерение это заключается в том, чтобы утвердить справедливость, добродетель и республиканские принципы на развалинах их кровожадных, монархистских и каннибальских установлений. Что могут они противопоставить нашим силам? Побить некоторых разносчиков газет? Но они могут получить сдачи, да и сколько бы они ни били, правда все равно проложит себе дорогу. Может быть, они сожгут несколько наших газет посреди зала якобинцев? Но это еще во времена Сегье было признано негодным средством: ведь все, что сжигали, приобретало лишь бо́льшую популярность, и всегда будут говорить, что жечь не значит ответить. Может быть, они будут вымогать обращения или фабриковать их во множестве в департаментах? Но это жонглерство уже больше никого не обманывает, и разобравшиеся в этом Народные общества переходят на нашу сторону, покидают свой бывший центр — Якобинский клуб и присоединяются к нашим фалангам.

Нет, деспоты, жаждущие лишь крови и власти, вы не добьетесь ни малейшей из выгод, на которые надеялись. Вам удалось господствовать некоторое время, но как долго надеялись вы властвовать над народом, вкусившим свободы? Если бы даже вы смогли на короткое время заковать его в кандалы, знайте, что вам никогда не удастся основать долговечную тиранию. Народ всегда сумеет разбить свои оковы, и немного раньше или немного позже вас неизбежно постигнет суровая кара за множество совершенных вами преступлений.

Граждане, объединимся, осознаем нашу силу, и родина опять будет спасена.

Мы обещали напечатать первое обращение Электорального клуба, из-за которого его составитель был брошен в застенок Комитета общественной безопасности и которое стало поводом для постановления, лишающего клуб занимаемого им помещения. Нам приятно дать здесь почетный отзыв о поведении многих парижских секций и обществ, в частности клуба улицы дю Вер Буа, поспешивших предложить свои помещения обществу, именуемому электоральным, каковое до сих пор этим не воспользовалось, поскольку постановление пока еще не выполнено. Вот это обращение. Так как важно следить за деятельностью клуба, именуемого Электоральным, мы приведем здесь и все другие документы и разъяснения, относящиеся к этому обращению и вытекающие из него, вплоть до прекрасной клятвы, данной обществом у барьера Конвента 30 термидора, умереть за права человека и вести вечную войну против всех, кто их нарушает.

Петиция Национальному конвенту, представленная 20 термидора Народным обществом, заседающим в электоральном зале

Представители народа!

На своих заседаниях вы обсуждали то неотъемлемое право, которым обладают все граждане, — право открыто высказываться как на политических собраниях, так и в печати по всем важным вопросам, способным гарантировать народу свободу.

Эти принципы провозглашались различными легислатурами. Но честолюбцы, которые всегда страшатся факела правды, путем коварных махинаций сумели добиться их нарушения и даже готовы были их уничтожить.

Мы требуем от вас самой неограниченной гарантии свободы слова и свободы печати, чтобы ею могли пользоваться мужественные граждане, посвятившие себя благородному делу разоблачения предателей.

Мы требуем, чтобы под предлогом устранения клик и обеспечения лучшего выбора не нарушались принципы, в силу которых лишь народ имеет право избирать должностных лиц.

Отклонения от этих принципов привели к большим злоупотреблениям. Страшным примером этого стали для Франции члены заговорщического муниципалитета и другие деятели, которых вы уничтожили. Тиран лишь для того назначал своих друзей на различные должности, чтобы быть уверенным, что обеспечил себе сообщников.

Если народ и ошибался иногда в своем выборе, то это отнюдь не основание для того, чтобы лишить его неотъемлемого права, без коего он вскоре впал бы в самое позорное рабство.

Доверие не может возникнуть по приказанию, а без доверия должностные лица не могут творить добро! Кто достойнее, тот ли, кто прямо назначен собранием народа, или тот, кто назначен людьми, занятыми важными делами, лишенными возможности самим во всем разобраться и часто окруженными одними только назойливыми интриганами и честолюбцами?

При равных заслугах первый имеет поддержку общественного мнения, заинтересованного в том, чтобы не пришлось краснеть за свой выбор, второй же будет сталкиваться с недоверием, с вполне оправданным, как показал опыт, опасением, что он не ставленник народа, а слуга той силы, которая его возвысила.

Исходя из этих принципов, мы требуем от вас скорейшего доклада ваших комитетов о самой безоговорочной гарантии свободы мнений и свободы печати. Мы требуем, чтобы народ был полностью восстановлен в своих правах и мог непосредственно сам избирать своих должностных лиц.

Принято и постановлено Народным обществом, заседающим в Епископстве.

Подписи: председатель Креспен, секретарь Дефранс

Редактору

Гражданин, кому верить? Конвенту ли, утверждающему, что революция 9 термидора свергла тиранию, или тем якобинцам, которые только с тех пор кричат об угнетении и хотят убедить нас, что эта революция есть контрреволюция? Например, некий гражданин Ба-саль (Bas-sale), никогда не жаловавшийся на угнетение при Робеспьере, предлагает заявить депутатам, что источник угнетения — в Париже, что там зародилась система преследователей, но что они будут энергично бороться с нею и т. д. Не в том ли дело, что некоторые люди кричат о преследованиях тогда, когда они уже не могут сами преследовать, как им угодно? Объясни мне все это и сделай это понятным твоему другу Кандиду.

К. Бабеф

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ

№ 14

И праведный дурным отнюдь прощать не должен (Вольтер)

2 вандемьера III года Республики [23 сентября 1794 г.]

Защита Одуена одним из его друзей. — Защита Барера тем же человеком. — Важные вопросы касательно Каррье, Левассера, Дюкенуа, Монестье и т. д. — Диктатура без диктатора, придуманная Бурдоном из Уазы. — Еще раз о якобинцах.

Поскольку искоренить охвостье Робеспьера весьма трудно, а сделать это необходимо, ибо оно грозит нам серьезными бедами, следует применить все средства, чтобы осуществить эту операцию. Любые способы одержать победу над дурными людьми хороши, если они приносят удачу. Поэтому мы заявляем этим людям, что мы их не оставим до тех пор, пока они не будут сражены, и что они могут быть уверены: мы их будем всячески неотступно преследовать то дубиною, то мужественным и сильным ораторским выпадом в стиле Марата, то ядовито колким и тонким ударом в манере Камилла Демулена. Мы заявляем, однако, любезным гражданам, которые пожелают облегчить нашу работу посылкою статей, что мы не хотели бы впадать в крайности тона Демулена и дать основание обвинить нас в подражании «Actes des Apôtres» [62]. Повторяю уже сказанное мною ранее: вообще говоря, за права народа надо выступать в строгом тоне, подобающем столь великому делу, сражать негодяев, нанося им тяжелые удары, и не давать им отделаться тем, что над ними посмеялись. Но пусть они не рассматривают данный номер как ту решающую атаку, которую я обещал предпринять против них. Это только прелюдия, я их только треблю в преддверии серьезной схватки. Мне нужно сосредоточить внимание на важных фактах, только что имевших место, и я вооружаюсь с головы до ног, чтобы крепко ударить.

Защита Одуена одним из его друзей

К редактору

Ты недавно обрушился на моего досточтимого друга Одуена, но ты справедливый человек и не откажешься поместить в твоем очередном выпуске оправдание, которое я тебе направляю.

Чтобы оправдать те противоречия, в которых ты его обвиняешь, я не стану тебе говорить, что, когда мой друг был простым сапером, ему нечего было опасаться свободы печати, но он мог многое благодаря ей выиграть, а с тех пор, как он стал депутатом, т. е. в какой-то мере носителем власти, свобода печати может оказаться для него очень опасной: такое объяснение могло бы быть дурно истолковано злонамеренными людьми. Но я скажу, что эти противоречия вовсе не его вина, ибо известно, что мой друг никогда не писал своих статей и даже весьма сомнительно, читал ли он их. Ведь в 1790 г. редактором газеты был санкюлот Одуен, который рассуждал очень плохо, и это неудивительно: жалованье тогда было очень скромное. Но с тех пор как правительство купило у нас нашу газету, чтобы сделать ее достойной высокочтимых членов правительства Робеспьера, Кутона, Сен-Жюста, Барера, Колло, мы пригласили редактора другого калибра — достопочтенного доктора Карафа, чей стиль и чувства находятся на высоте этих великих людей, доказательство

чему — следующее прекрасное сравнение, сделанное им по поводу смерти первого из них: «Когда буря опрокинула величественный дуб, украшавший собой лес, поднял голову грязный тростник» и т. д. Понятно, что величественный дуб — это его величество Максимилиан, а грязный тростник — члены Конвента, которым смерть нашего героя вернула дар слова.

Я думаю, что это объяснение удовлетворит публику и восстановит репутацию моего досточтимого друга.

Защита Барера тем же человеком

Твое обещание поместить в твоей газете благовидное объяснение относительно моего достойного друга Одуена побуждает меня обратиться к тебе с настоящим объяснением в защиту другого моего друга — Барриена-де-Вьё-сак *.

Злонамеренный человек, наверно оплачиваемый Питтом и Кобургом[63], изобразил его ужасным, отвратительным образом. Однако, так как мы умеем прощать обиды, мы, пожалуй, промолчали бы, если бы моего достопочтенного коллегу не обозвали Бароном. Это требует серьезного объяснения.

Мой друг отнюдь не Барон. Он, правда, хотел быть капитулом в Тулузе, а эта должность давала дворянство. Правда и то, что он подал на сей предмет покорнейшее прошение монсеньору де Бриенну, архиепископу тулузскому, и монсеньеру де Калонну, но это не должно быть дурно истолковано: ведь сразу видно, что понятие «капитул» этимологически связано с древней Римской республикой, стало быть, мой друг заранее предчувствовал ту Республику, установлению которой он столь доблестно способствовал.

Правда и то, что он имел слабость удлинить свою фамилию на несколько слогов, добавив к ней наименование своего имения; но разве это основание для того, чтобы обзывать его Бароном? Зачем злобно напоминать публике, что мы состояли в обществе... что мы были председателем в обществе фейянов? Правда, во время этого злосчастного председательства мы послали в различные общества чрезвычайных курьеров с сообщением, что мы отделились от якобинцев, так как они хотят устроить суд над королем и над монархией; мы им сказали, что Франция не может быть Республикой, что королевскую власть должен окутывать густой покров, который не позволил бы увидеть даже преступление. Правда также, что мы позволили себе небольшую хитрость, присоединив к фейянам одно общество, которое просило нас присоединить его к якобинцам; но к чему вспоминать эти факты, которые время окутало вуалью милосердия? Зачем напоминать о том, что двор считал нас очень благоприятно на-

---

* Так его называл Мирабо. Barrien — на провансальском языке означает негодяй. Этот Мирабо бывал жестоким в своих колкостях.

строенными, когда мы состояли в комитете Учредительного собрания по королевским владениям и способствовали предоставлению Капету 14 дворцов, как будто мы не оправдались по этому делу? Зачем говорить, что мы состояли в переписке с Дюмурье, что были связаны с Робеспьером и с Кутоном, которые нас ввели к якобинцам? Зачем упрекать нас в том, что мы восхваляем Лебона и Фукье, в том, что мы поддержали контрреволюционное предложение Фэйо [64], что мы приобрели аббатство и приорат, ведь мы оформили эти приобретения на чужое имя, чтобы не шокировать публику? Дошло до инсинуаций, будто не Робеспьер подписал знаменитые списки, а ... Какое коварство! Но пусть злонамеренные лица не заблуждаются, у моего хозяина руки длинные, и ворошить прошлое — дело небезопасное. Пусть пример Сентекса призовет их к благоразумию: он вздумал критиковать нас у якобинцев, но мы сказали об этом одно словечко Максимилиану, и при первом же удобном случае его прогнали. Мы издали приказ об его аресте и собирались уже отправить его к нашему другу Фукье, когда неожиданные события вернули ему свободу. Пусть они не ликуют оттого, что судьба временно заставила нас выйти из состава Комитета общественной безопасности; первое обновление его состава не за горами, и, если Конвент воздаст нам должное, мы еще раз сможем победоносно ответить нашим недругам.

Рассуждение

Те, кто позволяет себе безнаказанно забавляться свободою граждан, являются тиранами. Именно так вели себя те, кто распорядился арестовать Реаля и Дюфурни, следовательно, и т. д.

Второе рассуждение

Природою и Декларацией прав нам дано право бросаться в бой против всех тиранов, следовательно, и т. д., стало быть, и т. д.

Вопрос. Спрашивается, не следовало ли Комитету общественной безопасности или, если этого он не сделал, самому Конвенту отправить в тюрьму вместо Дюфурни и Реаля тех, кто распорядился арестовать их без оснований?

Другой вопрос. Карье обвинен в том, что отдал или допустил, чтобы были отданы жестокие приказы, по которым 800 человек были утоплены и 1000 человек расстреляны в Нанте. Может ли Конвент, не проявляя преступного пристрастия, не отправить прокурора Карье в Революционный трибунал?

Еще один вопрос. Разве всякие Карье, Левассеры, Дюкенуа, Монестье [65] и другие, имевшие самые широкие полномочия в качестве комиссаров и подозреваемые в том, что они воз-

мутительно злоупотребляли этими полномочиями, не осуждают себя сами, громогласно выступая против свободы печати, которая могла бы раскрыть постыдную сторону их деятельности?

Уверяют, что мэтр Бурдон, более чем когда-либо убежденный в том, что Франция может стать свободной лишь тогда, когда будет установлена диктатура без диктатора, должен в ближайшее время переписать крупным почерком текст речи на эту тему на 50 с лишком листках; но, поскольку кто-то из его друзей дал ему понять, что нелегко установить диктатуру без того, чтобы кто-то ее не осуществлял, он сделает так, чтобы его выдвинули кандидатом на этот пост доктора Дюэм, Левассер и его друг Барер, который будет его адъютантом. Наконец, они восстановят королевскую власть в судейском сословии и возложат ее на Вадье, чтобы утешить его после смерти Катрин Тео[66], помешавшей ему закончить великолепную речь, полную словечек, рассчитанных на то, чтобы рассмешить. Каррье получит командование флотом, который будет состоять из кораблей с люками, чтобы утопить всех англичан.

О чистке в Якобинском клубе

В числе всех упреков, обращенных к якобинцам, тот, который относится к ночи с 9 на 10 термидора, бесспорно, очень серьезный. Поэтому они и стараются ответить только на этот упрек. Они говорят, что их общество сейчас уже не то, чем оно было в то время, что с тех пор оно совершенно очистилось, что из старых членов остались только те, кто со всей несомненностью доказал, что в ту памятную ночь они были на своем посту.

Это аргумент несостоятельный, и такой способ чистки не безошибочен. По вашему методу вы могли бы принять в свое лоно некоего Лепина Дандилли, который, прикрываясь своим билетом якобинца, воспевал добродетели заговорщиков в 39-й роте секции Гравийе, когда она направилась к зданию коммуны, и указывал на муниципалитет как на единственный сборный пункт, который следует признавать. Нет сомнения, что Лепин находился на своем посту и еще многие из вас были там с той же целью и, быть может, таким же образом.

К редактору

Гражданин!

Ты предложил в твоем 8-м номере обсудить два вопроса, которые в нынешних обстоятельствах представляются крайне важными. Если любовь к общественному благу может восполнить недостаток таланта, ты примешь мои ответы.

Ответ на первый вопрос

Когда в первую пору революции образовались Народные общества, у них не было других задач, кроме как просветить народ относительно его прав и указать ему его обязанности путем объяснения законов. В них видели также объединения людей, ак-

тивно следящих за постоянно возрождающимися и постоянно срываемыми заговорами деспотизма, в то время господствовавшего во Франции. Эти общества, по самой своей природе, неизбежно должны были приобрести большое доверие общественного мнения, и можно сказать, что до тех пор, пока они не признали своим главою Робеспьера, они заслуживали благодарность родины. Но с того дня, когда тиран благодаря своему лицемерию получил возможность выступать в роли хозяина в главном обществе, там вскоре остались только подлые рабы или многочисленные подручные тирании. Этим объясняются частые исключения его членов. Проникнув в общество, находящееся в Париже, разложение неизбежно должно было быстро и с силою охватить большинство присоединившихся обществ. И вот, поскольку ничто не распространяется быстрее гангрены, а она есть смерть духа, равно как и смерть тела, я делаю вывод, что правительство может и должно применить силу для того, чтобы остановить развитие болезни в самом ее истоке.

Ответ на второй вопрос

Поскольку верно, что две установленные власти не могли быть определены достаточно четко и правильно, чтобы остаться в совершенном равновесии; поскольку верно, что приходилось сражаться, чтобы обеспечить торжество свободы, и что судьба французов навеки связана с исходом этой борьбы с деспотизмом; поскольку верно, что в настоящее время некая неустановленная власть осмеливается соперничать с властью Национального конвента и что эта неустановленная власть есть власть тираническая и жестокая, я делаю вывод: свободе всегда будет грозить опасность до тех пор, пока Национальный конвент не уничтожит своим декретом эту неустановленную власть, которая, если такая мера не будет срочно принята, кончит, пожалуй, тем, что сама себя установит на развалинах Национального конвента.

К. Бабеф

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ

№ 15

Подлинная сила на Земле — это бедняки; они вправе говорить как хозяева с правительствами, которые ими пренебрегают (Барер. Доклад от 22 флореаля) *

3 вандемьера III года Республики [24 сентября 1794 г.]

Бесспорные доказательства организации якобинцами ужасного восстания в Марселе и замысла вожаков перебить весь Конвент.

---

* *См. прим. 45, разд. II.*

Горе негодяям, обманувшим народ показными выступлениями во славу самых священных принципов и прав народов; горе, повторяю, тем, кто хотел лишь ослепить людей, исповедуя вслух самые чистые, самые священные принципы только для того, чтобы лучше скрыть, что в глубине их души таится величайшее отвращение к этим принципам, и чтобы устранить то недоверие к себе, которое побудило бы следить за их убийственными для Республики заговорами. Эти возвышенные изречения, которые произносили их богохульные уста, станут их собственным приговором, когда придет день справедливого возмездия со стороны подло обманутого народа. Тот жестокий человек, бывший при диктаторе корифеем первого из правительственных комитетов, найдет свой смертный приговор в воспроизведенных мною прекрасных словах, которые, исходя от него, звучат как кощунство и профанация. «Подлинная сила на Земле, — сказал он, — это бедняки; они вправе говорить как хозяева с правительствами, которые ими пренебрегают». Это — великая истина, и пришла пора использовать ее. Да, Барер, да, вы все сверхнегодяи, сообщники его, «бедняки — это подлинная сила на Земле; они вправе говорить как хозяева с правительствами, которые ими пренебрегают». Они имеют также право действовать как хозяева против этих самых правительств. Вы не только пренебрегли нами, не только забыли о нас — вы предали нас!.. Мы все несчастны из-за вас. Организованная вашими руками гражданская война опять полыхает на юге, ее факелы поджигают Марсель[67]. Те, кто является *подлинной силой на Земле*, привлекут вас к ответу за эти дела. Они будут *говорить с вами как хозяева*. Трепещите перед ними! Смотрите, как они приближаются во всем своем величии к вам, вероломные ничтожества!

Силы небесные! Мы думали, что получили возможность передохнуть немного, доклад Ленде[68], казалось, окончательно разбил механизм угнетения, столь долго давившего нас; казалось, принципы Декларации прав вышли из пещер, где их держала тирания, и возвращены людям, которые не могут обойтись без них, ибо без них они блуждают, как без проводника в неведомой земле, и прежде всего статья, посвященная печати, была восстановлена во всем блеске. Мы говорили себе: теперь, когда нам не нужно больше бороться за право завладеть нашим оружием, поскольку то оружие, которое всегда одерживало победу над деспотизмом, теперь, наконец, вручено нашему мужеству, мы, используя спокойствие, которое, по-видимому, нам обещают наши победы над всеми врагами, пустим это оружие в ход, чтобы привести в порядок путаницу законодательства, испорченного целым годом страстей, честолюбивых и жестоких. Мы низвергнем в бездну ужасные учреждения, которые являются надругательством над священным словом «демократия», означающим наиболее совершенный из общественных договоров, а ведь нас уверяют, что именно ради нее лилась наша кровь... Вместо этих

варварских учреждений мы предложим результат наших размышлений о принципах, которые находишь в природе, о принципах, открытых публицистами, чьи взгляды были столь же правильны, сколь была чиста их душа, исполненная ненависти к королям, религиозного обожания к народам; о принципах, соблюдавшихся во всех республиках, которые в той или иной мере наслаждались общественным счастьем... Вот что, французы, мы для вас задумали. Злоба действует по-другому. Введенный ею в заблуждение, Марсель поворачивает против центра государственного управления то оружие, которое часто с пользой служило против подлинных врагов свободы. Нам придется, быть может, много заниматься этою войной между братьями. Обратим сначала наши взоры на ее характер и важнейшие обстоятельства и посмотрим, не найдем ли мы средств исцеления после того, как узнаем природу болезни.

Граждане, настоящий момент — один из самых критических моментов революции, столь же критический, как 9 термидора. И сейчас, как тогда, добиваются уничтожения Национального конвента и передачи Республики под иго нескольких подлых тиранов. Восстание в Марселе имеет только эту цель; вы с этим согласитесь; вы вместе с тем увидите, из какого очага разгорелся этот пожар, как это было сделано и чьи руки этим управляли.

Заседания Конвента и Якобинского клуба после 9 термидора свидетельствовали лишь об очевидном намерении небольшого числа заправил оставить без изменения систему правления, за которую ее создатель только что поплатился головой. Конечно, этот пример должен был нагнать страху на всех других честолюбцев, и не мужеством объясняется то обстоятельство, что новые честолюбцы как будто не были устрашены казнью первого и лелеяли, видимо, надежду, что им удастся то, что не удалось ему. Правильнее, пожалуй, считать, что приспешники Робеспьера, отлично сознавая, что их неизбежно признают его сообщниками, не могли уже отступать, и им оставалось принять одно из двух решений: либо ждать наказания за соучастие в преступлениях, либо искать спасения в том движении, которое они сами возбудят. Вполне естественно, что они отдали предпочтение последнему решению.

Вот чем объясняется первая петиция Якобинского клуба, содержавшая требование восстановить во всей силе террор, который был несколько ослаблен после смерти великого властителя. Требование было выдвинуто не прямо, а в виде проскрипционного списка заключенных и тех, кто распорядился освободить их. Убийственный для якобинцев ответ на эту петицию, данный Мерленом из Тионвилля 9 фрюктидора [69], вызвал негодование якобинского общества, которое в тот же день горько жаловалось на его дерзкое поведение и выражало удивление по поводу того, что Национальный конвент, забыв об уважении, которое он дол-

жен был оказывать постановлениям общества термидора, перешел после этого к очередным делам.

Еще 18 термидора Фэйо сказал, «что неправильно сообщать арестованному о причинах его ареста». 23 термидора Дюэм заявил, что «не стоит запутываться в лабиринте формальностей». Гране[70] сказал 26 термидора, «что надо снова арестовать всех тех, кого освободили». Луше 2 фрюктидора сказал дословно: «Сохраним террор». 3 фрюктидора Караф говорил о «тростнике, поднявшем свои грязные головы». 7 фрюктидора Мор говорил: «Уничтожим систему амнистий и заставим колесницу революции двигаться быстро». 9 фрюктидора Луа обвинял Тальена и Лекуантра в том, что они «вожди модерантизма», и добавлял: «От нас ждут энергичных мер». 17-го Каррье заявил: «Болезнь надо пресечь в корне». Фрерон и Тальен были тогда исключены как модерантисты и как виновные в непростительном преступлении, а именно в выступлениях в защиту печати, их предложение, сказал Лакомб 19 термидора, представляло собою не что иное, как интригу с целью помешать мероприятиям Дюэма (от 23 термидора), которые готовились в тишине. Караф 13-го говорит о «новых идолах на глиняных ногах, которые падут, как и первые», Дюкенуа 15-го утверждает, что «в революции никогда нельзя оглядываться назад, надо все раздавить без жалости». Тогда-то комитет связи якобинцев способствует возникновению заговора. Из Дижона поступает подстрекательская петиция. Она вызывает аплодисменты якобинцев и рассылается по парижским секциям и по департаментам вопреки очевидному желанию Конвента, который просто отослал ее в законодательный комитет. 21 фрюктидора Дюэм требует высылки всех, кого он называет аристократами. Появляется обращение от коммуны Тоннен, и в нем можно прочесть следующие слова: «Действуйте... Если Гора спит, разбудите ее и, объединившись с нею, раздавите всех, кто хочет счастья лишь наполовину».

23-го происходит взрыв: Якобинский клуб принимает постановление спросить Конвент, «обладает ли он средствами для спасения родины», и редакторами назначаются Каррье, Руайе и Бийо-Варенн. В тот же день Дюэм предсказывает, что «лягушки Болота будут вскоре уничтожены... что в тишине подготовляются соответствующие мероприятия», и в ту же ночь Тальен сражен. 27-го Вадье заявляет, «что якобинцы и Республика — единое целое, что нападать на одних — значит нападать и на другую, что если было хотя бы только четверо монтаньяров, как он, они бы легко справились с Болотом; но что придет день, когда подует революционный ветер и от Горы оторвется скала, раздавит Болото и займет его место». На том же заседании один марселец прочитал обращение, которое заканчивается призывом к тому, «чтобы Гора объединилась с якобинцами, дабы раздавить болото». За ним последовал другой, сказав, «что Франция счастливее Рима, имевшего лишь одного Сцеволу и одного Брута, тогда

как во Франции их тысячи; что он один из них и что, если тиранов не раздавят, он клянется, что они их раздавят сами». Затем комитет связи якобинцев оглашает обращение общества Валанса, в котором заявляется, «что миллион якобинцев готовы к бою; что родина не погибнет, пока на земле есть якобинцы».

К этим обстоятельствам добавляются еще темная история с рукописными афишами, призывающими граждан к походу на Конвент; такая же история с мнимыми депутациями парижских секций и петициями со всех сторон, которые на самом деле не больше как балаганные фарсы, заказываемые нескольким презренным наемным лицемерам; наконец, махинация с чрезвычайной вербовкой в общество, которое для облегчения этой вербовки обращается ко множеству граждан с письмами, предлагая им честь (о чем они не просили) быть принятыми в число членов, притом без всяких других формальностей, кроме того, чтобы прийти за членским билетом, и без предварительного рассмотрения кандидатур... Разве не ясны до полной очевидности все нити этой ужасной и крамольпой интриги! Но вот страшная развязка. Сегодня заговорщики снимают маски. Они признают теперь в Конвенте только Гору, а то, что они называют Горою, не более как два десятка сообщников Робеспьера, убедившихся, что они могут спастись только в хаосе переворота. Они потрудились над его организацией и, увы, достаточно преуспели, чтобы внушить самую глубокую тревогу. Эта Гора, которая, по словам Вадье, может, если понадобится, сократиться до четырех человек, поклялась, как мы видели, истребить Болото, а Болотом она называет 740 членов Конвента! Полученное вчера Конвентом известие о марсельском восстании доказывает, что Фрерон был хорошо осведомлен, когда он предупреждал нас о том, что Гране и Моиз Бейль готовят такое восстание.

А вот что окончательно проливает свет на этот мятеж и показывает, что он собою представляет, откуда он произошел и к чему направлен. В новом обращении, прибывшем вчера вечером из Марселя в общество, называемое электоральным, можно прочесть следующее: «Мы протестуем против всех посягательств на Гору. Посмотрите, представители, как на нашей охваченной огнем земле мы точим свои сабли и воспламеняемся предельной преданностью делу монтаньяров. Мы требуем, чтобы те, кто клевещет на монтаньярский Конвент, искупили свои 26 главных пунктов лжи одним взмахом национального меча».

Национальный конвент, ты уже принял великие меры, но их недостаточно. Довершай начатое, речь идет о спасении родины и о твоем спасении. Зная, где пребывает зло и какова его причина, приобретаешь иногда богатырскую силу. Ты знаешь, куда направить удары. Рази, не колеблясь, или жди, что нанесут удар тебе: середины нет.

К. Бабеф

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ

№ 16

Нам ли учить искусству отступления людей, до сих пор никогда не осведомлявшихся о численности, а только о месте расположения их врагов? (Калликротид)

4 вандемьера III года Республики [25 сентября 1794 г.]

Подсчет сил робеспьеристской партии, работающей вовсю с целью революционным путем уничтожить Конвент и обратить народ в рабство. — Какими средствами можно сорвать эти усилия. — Подлые проделки Бассаля в секции Монблан. — Отвратительный состав комитетов секций, избранных по методу децемвиров. — Чудовище Киферона, или О превращении охвостья Робеспьера в змей.

Грозит ли опасность французской свободе? Должны ли вселять в нас тревогу гибельные для нации заговоры Якобинского клуба? Вызванное его стараниями марсельское восстание, многие общества и секции Республики, введенные в заблуждение его коварством, масса сторонников, которых он, по-видимому, собрал в Париже и вне его, — может ли все это вызвать страх перед этой силой? Должно ли все это внушать страх республиканцам, которые не отступили перед всею лигою королей? Разве обожаемая свобода не имеет некоторых укреплений, чтобы противостоять огню якобинских батарей? Полагаю, что это и есть самый неотложный вопрос в повестке дня, самый важный из вопросов, которыми нужно заняться.

Рассмотрим сначала, каковы могут быть силы этой секты, производящей столько шума. И если окажется, что ее громкая репутация не столько соответствует действительности, сколько наводит на мысль о тщеславных потугах одного земноводного, которое надувалось, чтобы казаться быком, то мы перестанем смотреть на этого мнимого колосса через увеличительное стекло и сведем его к его подлинным размерам.

Самое основное достижение этой партии — это, бесспорно, брожение в Марселе. Но меры, уже принятые Конвентом и те, которые он еще будет принимать, вселяют надежду, что этот прорыв не произведет таких опустошений, к каким стремились те, кто его возбудил. Прежде всего это брожение не является общим; одна секция осталась верной правительственному единству, она сумела оказать сопротивление ложным принципам тех, кто пытался ввести ее в заблуждение. Будучи, следовательно, более просвещенной, она сможет посредством убеждения вернуть

на правильный путь всю массу народа, которая, как пишут представители, хорошо настроена. В общем-то так и должно быть, потому что народ стремится лишь к общественному благу, которое и есть его благо, он может хотеть только этого, он волнуется всегда только из-за того, чтó считает этим благом. И в борьбе правды с заблуждением, каким бы ловко замаскированным оно ни было, он всегда будет увлечен на сторону правды, ибо она красноречивее лжи.

Итак, пусть та сила убеждения, которая свойственна правде, будет сразу же направлена на Марсель; пусть свобода печати еще раз послужит родине в этих важных обстоятельствах, пусть сама истина во всем своем объеме будет показана марсельцам, и пусть им обрисуют верными чертами коварство и подлость тех, кто их обманывает: быть может, такого рода оружия будет достаточно, чтобы убедить горячих поклонников свободы, которые были увлечены ересью лишь потому, что с чрезмерным рвением исповедовали ее культ.

Якобинский клуб — общество-мать — все еще поддерживают большое число обществ, недавно приславших ему заверения в дочерней преданности. Но, оставляя в стороне все те обращения, которые, как говорят, всего лишь фабрикуются плодовитым Луше, следует ожидать, что те дочерние общества, которые действовали по собственной инициативе, не замедлят разобраться в том, что они в самом деле вели себя как дети; что они руководствовались только слепым почтением, не замечая того, что, поддавшись инсинуациям своей почтенной мамаши, они попросту просили для себя цепей, просили вернуться к тому кроткому робеспьеризму, который поистине был самым красным из правлений, известных в истории. А так как вовсе не в природе человека любить цепи, все общества, разобравшись в том, что они как раз этого добивались, очень быстро отрекутся от самоубийственного демарша. Если они будут удивляться тому, что это им посоветовала их мать, они смогут рассмотреть вопрос о том, вполне ли обоснованно ее так называют, и, присмотревшись, убедиться, что в действительности это только мачеха, которая узурпировала имя матери и воспользовалась этим внушающим уважение именем лишь для того, чтобы добиться возможности осуществлять господство, подрывающее республиканские независимость и равенство.

Было бы смешно причислять большинство парижских секций к силам якобинского общества. Именно такое мнение стараются создать члены этого общества своими сообщениями в продажных газетах. И этот обман — один из тысячи способов, с помощью которых им удалось добиться присоединения к ним обществ в департаментах. Но это пугало для воробьев; это те 100 волков из басни, которые при близком рассмотрении оказываются просто кустами. И здесь небесполезно будет рассказать о том, каким образом стали действовать в последнее время якобинцы, чтобы вымогать мнимую поддержку для своих важных постановлений.

Например, господин Бассаль[71] отправляется в качестве посла в гражданский комитет секции Монблан, он собирает его вместе с революционным комитетом (можно быть вполне уверенным в угодливости всех этих рабов, которые не выбраны народом), при этом еще вызывают поименно некоторых других горячих последователей, несколько человек, беззаветно преданных главному обществу, называют это общим собранием, проводят обсуждение при закрытых дверях и принимают постановление, в точности соответствующее предложению господина посланника. Между тем являются санкюлоты, им упорно отказываются открыть дверь, они тоже упорствуют и добиваются открытия дверей, после чего знакомятся с тем, что было сделано, отменяют постановление и выражают его авторам негодование и глубочайшее презрение. Вот один из ряда тех фактов, которые вы не найдете в раболепных газетах и которые газеты, преданные свободе, должны тщательно собирать, чтобы показать, до какой степени доходит игнорирование народа и его прав, до чего дошли захватнические приемы деятелей секционных комитетов, выбранных по методу децемвиров, в большинстве своем законченных мюскаденов, во всем очень напоминающих прежних эшевенов, назначавшихся божиею милостью Людовиком. Здесь не место распространяться об этих орудиях антинародной политики, которые, несомненно, будут вскоре разбиты друзьями свободы. Напомню, что главный предмет, рассматриваемый здесь мною, — это изучение сил якобинского центра, и я обнаружил, что нас напрасно стараются уверить, будто ему удалось воспламенить парижские секции.

Если вожакам орды 9 термидора не удастся привлечь на свою сторону чужие племена (а «кротость» системы их правления не дает основания думать, что им это удастся), то колония, которую они оснуют, будет слабой и никогда не превратится в грозное государство. Я думаю, что ей придется ограничиться своими первыми поселенцами, да и то среди них мало будет настоящих ее жителей. Я вижу, сколько за последнее время навербовано народу в разных краях, без изучения, без проверки, без установления, подойдет ли климат людям и люди климату; повторяю, я вижу все это, немощный и слабый якобинец: все они эмигрируют при первой же возможности, и, по правде говоря, я полагаю, что останутся одни только вожаки, человек 15—20. Я спрашиваю, что станет с этим штабом без солдат? Они станут добычей первых же островитян, оказавшихся по соседству от тех мест, которые некогда занимало это рассеявшееся племя.

Нет, не следует опасаться решительно никаких действий или намерений Якобинского клуба, какими бы грозными они на первый взгляд ни казались. Со своей стороны, я утверждаю, что все его гигантские усилия — всего лишь признаки агонии. Что означают попытки вызвать возбуждение в Пале-Эгалите? Что значит этот нелепый крик «Да здравствуют якобинцы!»? Что это

еще за обращение, с которым носились в секции Шалье, украшенное абсурдно-помпезным заглавием: «Конвент и якобинцы»? Все это, по-моему, не что иное, как бред, как плачевное состояние существа, находящегося при последнем издыхании, которое уже не знает больше, куда податься, в судорожных рывках набрасывается на все, что попадется, и мечется из одной крайности в другую.

Я утверждаю также, что недалеко то время, когда будет считаться оскорблением, если кому-либо скажут: «Ты якобинец». И никто из всех тех, кто сегодня кичится этим прекрасным званием, не захочет признаться, что когда-либо даже приближался к Якобинскому клубу. Точно так же, как из 30 тыс. обожателей Лафайета и его коня нельзя было найти ни одного после его падения [72]. Точно так же, как из 30 тыс. других рабов, писавших на своих шляпах: «Петион [73] или смерть», — сегодня нельзя найти ни одного, кто бы в этом признался. Точно так же, как из 100 тыс. хулителей Марата все до одного утверждали, после того как он был канонизирован, что всегда были его самыми пылкими друзьями. Точно так же, как на следующий день после 8 термидора из 100 тыс. тех, кто накануне был верным рабом, нельзя было бы найти никого, кто бы признался, что не прошло и дня с тех пор, как он кричал: «Да здравствует Робеспьер!», — с тех пор, как он заколол бы кинжалом на месте всякого, кто осмелился бы сказать, что Робеспьер — тиран, и обвинил бы перед судом убийц каждого, кто не согласился бы с тем, что Робеспьер — добродетельнейший из людей, лучший друг человечества и мудрейший из законодателей. Точно так же, как 9 термидора ни один якобинец не сказал бы, что он не был на своем посту, а 10-го оказалось, что это вовсе не они заседали в своей зале и что ни один из них туда не ступал ногою.

Да, нам нечего особенно бояться наших врагов, а вскоре их и вовсе не придется бояться. Они прибегают к уловкам, чтобы казаться сильными; но те, кто подлинно силен, не прибегают к уловкам. Скоро мы увидим, как эта горстка заправил и честолюбивых интриганов, создающих смуту в Республике в настоящее время, осталась в одиночестве и всеми покинута. Чтобы оторвать от них эту толпу людей, привлеченных либо доверчивостью, либо корыстными соображениями, превращающими людей в рабов, либо надеждой на должности, которых ждут от этих кандидатов на всемогущество, достаточно разоблачить и дискредитировать их, и мы над этим трудимся от всей души.

Однако будем бдительны. Если наши противники не страшны своею силою, они могут быть опасны своим коварством. Честные люди и народ всегда атакуют своих врагов открыто, в лицо, а коварство нападает врасплох, сзади. Судьба Пелетье [74], Марата и Тальена — пример того, что от подлых людей всего следует ожидать.

Подсчитав силы той коалиции, которая сейчас наиболее враждебна народу, я намереваюсь теперь заняться подсчетом сил подлинных друзей и мужественных защитников свободы. Это — очень обширная тема, и я откладываю ее до следующего номера.

Я получаю множество сочинений, направленных против якобинцев, как в стихах, так и в прозе. В некоторых из них больше горечи и страсти, чем доказательств и рассуждений. Если бы все мои корреспонденты усвоили мою манеру вести бой, они постарались бы убивать наших общих врагов исключительно фактами, сопоставленными с нарушениями принципов; они ограничились бы также нападением на вожаков, а не на все якобинское общество, в котором, весьма вероятно, гораздо больше людей обманутых, чем дурных. Когда-то христианская религия учила нас, что следует добиваться не смерти грешника, а его обращения; в религиях есть некоторые добрые правила; я сторонник последнего. Однако, поскольку главари якобинцев печатают все прекрасные послания, доказывающие, как их любят, я со своей стороны напечатаю все те, которые доказывают, как их ненавидят.

[Ниже следует большой антиробеспьеристский памфлет в стихах «Чудовище Киферона, или О превращении охвостья Робеспьера в змей»]

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ

№ 17

Правительства учреждаются для того, чтобы гарантировать человеку возможность пользоваться своими естественными и неотъемлемыми правами (Декларация прав человека, ст. 1)

5 вандемьера III года Республики [26 сентября 1794 г.]

Подсчет сил защитников прав человека. — Новые доклады об общественном благе, обещанные автором. — Выговор Фрерону за то, что он ответил на вызов экс-маркиза Шатонеф-Рандона. — Памяти Камилла Демулена. — Якобинские эмиссары сеют смуту в северных предместьях.

Я отнюдь не стану опровергать титулов Генерала свободы печати и Атиллы робеспьеристов, недавно присвоенных мне журналистом, который сам еще не отваживается выступить свободно, но имеет по крайней мере смелость одобрять наши дерзкие сочинения и воспроизводить отрывки статей Фрерона и моих. Я постепенно закалю этих робких солдат, которым, видимо, еще чудится тень Максимилиана-истребителя, я их приучу выступать под огнем неприятеля, я приведу их к самой бреши и сде-

лаю из них победителей. Если успехи, одержанные вначале, — счастливый предвестник для всего ристалища, то под моим командованием следует ожидать только побед, ибо, приступая к изданию своей газеты, я с первой же строки объявил, что соберу батальон защитников печати, и я сдержал свое слово. Сразу же появился целый рой трубачей тех истин, которые не по вкусу всей этой шайке; они их огорчают и попросту оглушают. Им кажется ужасным, что после столь доблестного сопротивления им приходится, в конечном счете, смириться с тем, что их постыдную наготу выставляют на всеобщее обозрение.

В одном из номеров моей газеты я заявил, что был бы даже польщен преследованиями, ибо они только укрепили бы мою репутацию. Видимо, из духа противоречия меня и избавили от этой чести в отличие от двух моих столь же дерзких коллег-журналистов. Ибо та настойчивость, с которой банда заговорщиков преследует мужественных поборников прав народа, показывает, сколь большое значение она придает их гибели, и доказывает, что они являются самым главным препятствием для осуществления их гнусных заговоров. Тальен убит морально и физически. Фрерона у якобинцев убили только морально, но так как стрела не задела ветерана, панцирь которого достаточно крепок, то новая попытка была сделана 2 вандемьера на заседании Конвента, на следующий день после того, как господин маркиз де Шатонеф-Рандон вызвал Оратора народа стреляться, и последний доказал ему, что может защищаться свинцом так же, как и пером. Если бы мы жили еще в рыцарские времена, батальон писателей почел бы за честь для всего отряда этот акт большого мужества и доблести. Но я не слишком одобряю моего товарища по оружию Фрерона за то, что он снизошел до вкусов господина бретера Шатонефа. Он должен был бы вспомнить, как прекрасно поступил в подобных обстоятельствах честный и несчастный Камилл Демулен, одна из великих жертв, чью могилу пришло время, не скрываясь, оросить слезами, проклиная его убийц. Это он в 89 году, будучи подлинным философом, отверг дуэль как предрассудок. Он вежливо спровадил некоего фехтовальщика, направленного к нему тогдашними негодяями, чтобы обратить в прах перо, которое столь сильно помогло нам совершить революцию. Он понял, что это ловушка и предложил бретеру отложить дело до того дня, когда родина скажет, что не нуждается больше в его услугах. Фрерон, впредь поступай так же, бери пример с доброго Камилла! Помни, что ты не принадлежишь себе, что отечество нуждается в твоих больших познаниях и что, поскольку ты являешься одновременно и депутатом, и публицистом, просвещающим великий народ, который более всего нуждается в бдительных дозорных, способных предупредить его о засадах и ловушках со стороны всякого рода мошенников, было бы равносильно убийству плебейской партии отдать твою жизнь на милость какого-то вооруженного шпагой лакея.

Я ловлю себя на привычке, которую ранее не замечал. Она мне нравится, и я не могу устоять перед желанием рассказать о ней моим читателям, которые, быть может, не сочтут это наивным. Я расскажу им об этой привычке, и это позволит им судить о том, чего они могут постоянно ждать от меня. Вот что я имею в виду.

Когда я готовил свой первый номер, я открыл и положил на свой письменный стол Декларацию, в которой записаны и сведены воедино наши права. Я замечаю, что с тех пор она остается на том же месте, что я только в нее и заглядываю во время моей работы, что я все соотношу с ней, что она почти одна составляет мою библиотеку. Я не думаю, что это плохая привычка. С таким путеводителем нельзя заблудиться, и он никогда не заставит сделать что-либо дурное. Как я сказал в номере 6-м, «эта Декларация прав — лучшее из изобретений. В ней предусмотрено подавление всякого нарушения, расплата за каждое преступление. Народ может постоянно сопоставлять действия правительства с предназначением всякой общественной организации, чтобы не допустить своего угнетения и унижения властью тирании». Эта преамбула не является ни лишней, ни посторонней тому предмету, который я должен рассматривать. В последнем номере, подсчитав силы вражеской коалиции, я выразил намерение произвести подсчет сил подлинных друзей и мужественных защитников свободы. Внимательные читатели! Вдумчивые читатели! Читатели, горячо любящие свою страну! Не пренебрегайте этими расчетами. Нет ничего более достойного вашего внимания. Газета, которая постоянно будет давать вам представление о ваших силах и о силах ваших противников, о вашей позиции и об их позиции, всегда должна возбуждать ваш интерес. Она еще один докладчик по вопросу об общественном спасении, пожалуй, более заслуживающий внимания, чем докладчик бывшего комитета, носившего то же наименование, ибо здесь вы можете рассчитывать на бо́льшую честность, бо́льшую искренность и бо́льшую откровенность, с которыми всегда надо обращаться к республиканцам. Граждане, Комитет общественного спасения никогда не давал вам верного отчета о вашем внутреннем положении. Говоря это, я не делаю исключения даже для последнего доклада Ленде, разбору которого я посвящу специальную статью. Этот Комитет общественного спасения никогда не говорил вам о заговорах, которые плелись против ваших прав: если бы он это делал, никогда не тяготела бы над вами тирания, никогда не испытали бы вы угнетения. Но как мог он это сделать? Ведь это он угнетал, это он создал тиранию. Бареру было поручено ослеплять вас блеском рассказов о внешних победах. Люди считали себя предельно свободными, потому что вовне одерживались победы. Победы постоянно поглощали внимание неразмышляющей части народа. А часть, способная размышлять и видеть, ходила с кляпом во рту. Похоже было на

то, что люди не думают, ничто не побуждало думать, не привлекало внимания к цепям, которые ковались внутри страны, к свободе, которую каждый день убивали, к самому неслыханному, самому жуткому деспотизму, который учреждался, который дерзостно укреплялся на основах жестокости, антиобщественности, низвержения всех принципов и всякой морали.

Французы, ваш новый докладчик по вопросам общественного спасения, не являясь членом комитета, будет давать вам отчет обо всем, что хорошо и что плохо в положении внутри страны. Он готовится постоянно говорить с вами примерно так: Вот в каком вы положении; обратите внимание, против вас принимается такая-то мера; такое-то дело есть нарушение такой-то статьи прав человека; окажите ему сопротивление таким-то образом. Больше всего надо наблюдать за внутренним положением, за сенатом. Народы никогда в достаточной мере не усваивали этой истины, а тираны всегда умели использовать то самое средство, с помощью которого нас поработил робеспьеризм. Всякий раз как только Рим выдвигал петиции, чтобы добиться принятия законов, угодных народу, правительства спешили затеять войну, и народ, поглощенный исключительно ежедневными известиями о продвижении армий, уже не интересовался своими внутренними делами. Сенатская аристократия не только могла спокойно спать, не обращая внимания на жалобы плебеев, но ей подчас удавалось изготовить несколько новых звеньев для цепи, сковывавшей свободу римлян. Пусть умудрит нас пример Рима. Сохраняя полностью заботу о храбрых защитниках наших границ, не будем терять из виду того, что происходит внутри страны. Да и стоит ли им проливать кровь, защищая честь французского имени, если в то самое время, когда они будут сражаться, думая, что дерутся за свободу, мы потерпим, чтобы нас заковали в кандалы, и по их возвращении мы сможем поднести им лишь этот замечательный подарок?

Перейдем теперь к подсчету сил защитников прав человека. Мы уже их обозрели в общих чертах в 13-м номере. Но теперь надо их рассмотреть во всех деталях и ответвлениях, во всяческих подробностях, в любых случаях и обстоятельствах. Я хочу изложить историю наших сил. Я делаю это прежде всего с целью показать, как быстро мы их приобрели, примерно в течение одного месяца, причем до этого у нас ничего не было; затем для того, чтобы придать мужества тем нерешительным людям, которым не хватает его только потому, что они не знают, как велики наши силы, — ведь их надо еще лишь немного пополнить, чтобы окончательно победить варваров, превративших революцию в фурию.

Но что я вижу? Я написал только вступительную часть, а между тем мой сегодняшний номер почти заполнен. Почему нет у меня в четыре раза больше места? Столько истин надо сейчас сказать народу! Защита свободы во все времена открывает столь широкое поле для деятельности! Дело, которым я здесь за-

нимаюсь, так важно! Длительный гнет, под коим мы томились, дает такое обилие материала для взрыва идей!.. Отложим, раз уж так надо, продолжение моего рассказа до следующего номера. То, что я заранее привлек внимание к этому столь интересному вопросу, само по себе достаточный результат для одного дня.

Продолжение документов о якобинцах, обещанных в № 16

Редактору Газеты свободы печати

Версаль, четвертая санкюлотида

Поскольку ты один из тех, кто имел мужество открыто выступить против предателей, ныне составляющих покойное общество якобинцев; поскольку твое смелое и свободное перо набросало омерзительный портрет всех чудовищ — людоедов, все еще бесчестящих Конвент; поскольку твои яркие сочинения запечатлели в сердцах всех истинных республиканцев, всех друзей свободы ужас и отвращение к мрачным поборникам террора и тирании, к душеприказчикам императора Максимилиана, ко всяческим Вадье, Бийо, Колло, Барерам, Каррье, Дюэмам и их сообщникам; поскольку преступления этих каннибалов разоблачены и стали достоянием широкой гласности, тебе остается лишь рассказать о них людям, совершившим революцию и ожидающим только окончательных доказательств их виновности, чтобы потребовать заслуженной ими казни. Люди 14 июля, 10 августа, 20 июня, 31 мая, 9 термидора, основатели Республики не исчерпали всех своих сил в те достопамятные дни, у них еще осталось достаточно этих сил, чтобы раздавить предателей, замысливших разрушить созданное ими. В северных и других предместьях повседневно сеют смуту эмиссары из пещеры якобинцев и шпионы, состоящие на жалованье у террористов. Наследникам мужества и патриотизма Марата надлежит открыть правду жителям этих предместий; пусть громовой голос укажет им, в чем их долг, и разбудит вновь их энергию. Они любят Конвент, и, верные данной ими присяге, они сплотятся вокруг него и послужат ему защитным валом против преступников, находящихся в состоянии восстания с 9 термидора. Писатели-патриоты, вам надлежит показать народу те бездны, которые разверзаются на его пути и в которые он может упасть: только ваше мужество способно снова спасти его. Выполните же вашу почетную и опасную миссию. Приближается момент кризиса, вот тот час, когда решится судьба Республики, вот тот день, когда свобода возродится или потонет в потоках крови. Разбудите народ от долгого оцепенения, в которое он погружен, дайте сигнал к атаке, и Конвент будет свободным, а Республика будет избавлена от всех своих угнетателей.

Леда Р. ..., Враг всех тираний

К. Бабеф

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ

№ 18

Сила общественного мнения и сила народа — одно и то же (Девиз якобинцев)

6 вандемьера III года Республики[75] [27 сентября 1794 г.]

Продолжение подсчета сил партии защитников прав человека. — Необходимо, чтобы народ не позволял отвлекать свое внимание повседневными событиями, оглянулся назад и пересмотрел тот кодекс рабства, под гнетом которого он томится. — Провозглашение следующих великих истин: что события 9 и 10 термидора не только не были революцией, но и послужили к еще большему порабощению народа; что благородная петиция секции Музея есть первый пример восстания, выражение законного протеста народа против насилия и узурпации его прав; что это повстанческое движение продолжается вопреки всем противодействиям децемвиров, наследников Робеспьера, что оно уже создало свободу печати, и что оно дополнит неудавшуюся революцию 9 термидора; что необходимо напомнить о петиции секции Музея, присоединиться к изложенным в ней принципам, как это уже сделала секция Пантеона под аплодисменты Конвента.

Он правилен, этот девиз, являющийся как бы основой политики руководителей Якобинского клуба. Все можно сделать с помощью общественного мнения, и, если удается направить его к определенной системе, можно с уверенностью обеспечить победу этой системы, ибо мнение народа, как очень хорошо сказано, это его сила, а сила народа — это все.

Робеспьер превосходно знал это. Похоже, что и продолжатели его дела не забыли этого. Мы тоже должны это знать и применять только эту великую силу общественного мнения. Если оно выскажется в нашу пользу, это будет означать торжество справедливости, братства, взаимного доверия, внутренней безопасности, республиканской морали и благоденствия — этих порождений прав человека. Если же верх одержит секта термидора, народу придется страдать от произвола, взаимных доносов, недоверия даже к ближайшим родственникам, от неотступного леденящего и угнетающего страха, от отсутствия всякой морали и от отвращения к жизни — этих уродливых порождений робеспьеризма. Нам, вождям партии прав человека, надлежит постоянно показывать, сколь привлекательна наша доктрина, в отличие от учения противостоящей нам партии, ибо в этом весь секрет (и мы, люди откровенные, заговорщики при ярком свете дня, мы не страшимся открыть этот секрет даже нашим врагам): вся наша политика будет заключаться в стремлении доказать народу, что мы больше,

чем они, хотим счастья для·него, что мы хотим вести его к этому счастью вернейшим путем. И, конечно, той из двух партий, которая докажет, что предлагает самый разумный, самый верный и кратчайший путь к этой цели, обеспечена поддержка общественного мнения, т. е. сила народа, перед которой все склоняются.

Итак, чтобы выявить, каковы наши силы, или, вернее, силы народа, мне представляется необходимым сжато повторить положения, с которыми наша партия выступает с 10 термидора, посмотреть, в какой мере они встретили сочувствие в обществе, и принять это к сведению.

Когда после событий 10 термидора, нареченных революцией, народ убедился, что эта революция всего лишь уничтожила одного человека, одного тирана, если угодно, но что эта так называемая революция не уничтожила тиранию, которая только перешла в другие руки; когда народ увидел, что все сводится к нескольким изменениям в системе правительственных комитетов и революционного режима, изменениям, лишенным почти всякого значения для народа и рассчитанным, по-видимому, лишь на удовлетворение его законного желания видеть, что осуждению подвергся не только создатель этого режима, но и сам режим; когда стало видно, что высшее из всех прав — право свободного выражения мысли поставлено под угрозу; когда стало видно, что сами события 9 и 10 термидора используются для нанесения последнего удара свободе народа Парижа, полностью лишая его особым законом его муниципального управления, видимость которого еще сохранялась даже после того, как децемвиры захватили право назначения его членов; когда все эти события, последовавшие за днем, восславленным, как свержение тирании, были замечены, среди мыслящей части народа началось брожение, и первый взрыв гражданского пыла проявился в секции Музея, принявшей 30 термидора достопамятное постановление, от воспроизведения которого воздержались все раболепные периодические издания, но которому газета, посвященная защите принципов, должна предоставить место с чувством, близким к религиозному благоговению.

Это постановление гласит: что секция Музея полностью посвятила два заседания обсуждению вопроса о правах человека, что она убедилась в том, что узурпация этих прав была одной из главных причин общественных бедствий, ибо заговорщики избирали только негодяев, которые помогали им в установлении деспотизма. — Что настоящий республиканец не может принять общественной должности, если он не призван на нее народом, ибо такое назначение есть низвержение принципов. — Что после тех событий, которые, если бы не патриотизм граждан Парижа, уничтожили бы народное представительство, не может быть взаимного доверия между народом и установленною властью, им не избранною. — Что ничто не может помешать тому, чтобы собирались комиссары и народные собрания, которые должны рассматриваться не как учрежденные власти, а как составляющие часть

учредительной власти, которая может проявляться во все времена и которую может стеснить только тирания.

За этим постановлением следует проект обращения, предложенный секцией Музея всем секциям Парижа, для представления Конвенту: «Что секции заверяют его в том, что они хотят свободы или смерти и что если в лоне Конвента еще найдутся люди, стремящиеся игнорировать принципы, то секции Парижа готовы, вместе со всею Республикой, прийти на помощь представителям, чтобы их сразить... — Что в ряде декретов было объявлено, что парижские секции заслужили благодарность родины, что они выполнили свой долг, а Конвент выполнит свой, если сохранит свободу и права народа. — Что причиною всех наших бед было презрение к правам народа, и что Париж никогда не явил бы миру того скандального зрелища, которое представляла собою его охваченная мятежом Коммуна, если бы законные выборы в ее Генеральный совет не были аннулированы тиранией и заменены произвольными назначениями людей, продавшихся злодеям. — Что все достопамятные перевороты, произошедшие со дня завоевания французами своей свободы, были вызваны и поддержаны Парижской коммуной; что клика Жиронды трепетала при одном ее имени, и что если в течение пяти лет эта коммуна наводила ужас на аристократию, то это потому, что ее должностные лица были избранниками народа. — Что революция 9—10 термидора будет всегда держать в страхе тех, кто, презрев принципы, осмелился бы предложить какие-либо безнравственные или кровожадные законы, тех, кто осмелился бы узурпировать право народа на избрание должностных лиц, тех, кто осмелился бы принять такие государственные должности, право избрания на которые принадлежит исключительно народу. — Что только тираны боятся заговоров, что Калигула, Нерон, Катилина, Робеспьер и его сообщники всегда видели вокруг себя только заговорщиков, потому что все добродетельные и свободные люди были в заговоре против них. — Что Париж уже не имеет больше должностных лиц, что он не может дольше оставаться в таком положении; что, следовательно, секции требуют: 1) исполнения законов, относящихся к организации местных властей, 2) отстранения всех безнравственных и губящих свободу деятелей, назначенных тиранами для того, чтобы они им служили, 3) гарантии принципов, требующих, чтобы должностное лицо могло быть смещено только после окончательного судебного решения и чтобы его должность могла быть замещена только народом».

Вот она какова эта петиция секции Музея, которую так чернили, так поносили осквернители свободы. Я вижу, что народ обратил на нее больше внимания, чем думают; что он понял, что она верно отображает основы последней тирании, историю народных бедствий и указывает единственные средства, способные положить им конец. До бунта печати считалось бы преступлением одобрять ее, равно как и все, что похоже на справедливость. Но

ныне, когда мы завоевали печать, ныне, когда правда может продвигаться, не прибегая к окольным путям, народ не ограничится одобрением петиции Музея. Я вижу, как бо́льшая часть народа говорит во весь голос то, что патриоты осмеливались говорить только близким друзьям и о чем говорить открыто было не в интересах сторонников деспотизма. Я хочу сказать, что патриоты готовы признать перед лицом Франции, что эта петиция есть первый образец восстания, самой священной и самой неотложной из обязанностей, осуществление которой предоставлено народу или каждой его части природою и статьей 35 Декларации прав всякий раз, как правительство нарушает его права. Больше того, необходимо, чтобы этот тип восстания, которому предназначено, так же как и петиции Марсова поля[76], стать когда-нибудь триумфальным украшением одного из наших государственных праздников, не оказался погребен и пробудил всю народную массу. Этот документ должен стать манифестом всей Республики. Конвент, подлинный Конвент, большинство его членов должны приложить к этому руку. Они уже не допускают больше, чтобы петиционеры, являющиеся к барьеру Конвента говорить о правах человека, подвергались оскорблениям. Конвент даже как будто благоприятно встретил петиционеров секции Пантеона, пришедших говорить об этом документе и сказавших по существу то же, что было сказано в петиции секции Музея.

Итак, не бойтесь ничего, вы все, желающие примкнуть к партии защитников прав человека. Вы видите, она сильна даже в Конвенте; он понимает, что его интересы, его спасение требуют его участия в ней. Сенат видит, что настала пора мужественно вступиться за народ и его права, что пора оказать сопротивление исключительному господству клики в составе 15 или 20 человек — клики, которая устами мятежных марсельцев сама себя назвала монтаньярским Конвентом. Не следует забывать этого наименования, употребленного в обращении, которое я привел в моем 15-м номере, страница 7*.

Поскольку мы признали существование нашей партии защитников прав человека и объявили, что она находится в состоянии открытой войны с кликою последователей Робеспьера; поскольку эта борьба между двумя партиями — крупнейшая проблема, которая более всего должна интересовать народ, ибо от исхода этой борьбы будет зависеть, как им будут управлять; поскольку мы доводим до сведения всех наших друзей по партии, рассеянных по всей Республике, что петиция секции Музея является манифестом нашей партии, то будет полезно обосновать принципы, изложенные в этой петиции, опровергнуть выдвигаемые против нее ложные возражения, подчеркнуть несправедливость, совершенную в отношении этой петиции, которая является первым возгласом

---

* *См. настоящий том, стр. 104.*

законного негодования против угнетения общества в целом, и, наконец, сказать обо всем, что последовало за этим великодушным выступлением свободных людей. Эта задача уведет меня дальше, чем я поначалу рассчитывал. Но она достойна усилий свободного публициста, подлинного борца-республиканца. Она достойна также внимания мыслящих и патриотически настроенных читателей, истинных поборников независимости своей страны.

Итак, посвятим этой дискуссии столько времени, сколько она потребует. Да, но новости! Новости! — воскликнут неглубокие люди, которые только этого ищут в периодических изданиях. Я уже сказал, что я вовсе не газетчик. Мы, революционеры, как я полагаю, все составляем группу защитников прав. Мы ведем революционную борьбу, говорю я, чтобы отвоевать для народа его узурпированную свободу. Я пишу для этой революции. Рассмотреть принципы, привлечь внимание к их нарушениям, напомнить о сделанном и сказать о том, что, по-моему, осталось сделать, — вот мои новости. Я знаю, что делаю то, чего другие не делают, — я заставляю народ оглядываться на прошлое. Я хотел бы приучить его не забывать на следующий день о тех цепях, которые ему выковали накануне. Если я этого не добьюсь, то ФРАНЦУЗСКИЙ НАРОД НЕ ДОСТОИН СВОБОДЫ! Я пишу эти страшные слова крупными буквами для того, чтобы на них обратили внимание, и думаю, что они этого заслуживают. Я хотел бы, чтобы, получив известие об одержанной победе, народ отнюдь не терял из виду совершаемое убиение принципа. Ибо, заявляю об этом с обычною моей откровенностью, я полагаю, что Франции лучше потерять какой-нибудь город, чем потерять принцип. Меня не так уж огорчило вступление неприятеля в Конде и в Валансьен, но я рвал на себе волосы и разодрал одежду в тот день, когда клика децемвиров заставила Конвент попрать Декларацию прав.

(Продолжение завтра)

К. Бабеф

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ
№ 19

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

8 вандемьера III года Республики [29 сентября 1794 г.]

Выступление за восстановление народного суверенитета, подвергшегося узурпации. — Обоснование мотивов этого важного заявления. — Жалкие аргументы, приводимые для оправдания деспотизма, скрывающегося под именем революционного прави-

тельства. — Все, кто принял назначение на должности, которые должны замещаться исключительно по выбору народа, заслуживают смерти.

Теперь, когда великие злодеи, единодушно осужденные Францией, уже еле дышат, когда они молчат, парализованные страхом, и с головы до ног покрыты стыдом за свои преступления;.. когда их каннибальское правительство, организованное по алжирскому образцу, вызывает явное омерзение;.. когда я нанес первый удар по их гнусному сосредоточию, знаки уважения к коему они еще осмеливались вымаливать и после казни их главы и организатора;.. когда меня поддерживают все французы, освободившиеся от заблуждения и страха;.. когда деспотизму, чтобы захватить меня, пришлось бы пройти сквозь скрытые подходы к моему подземному убежищу, подобному убежищу Марата,.. я спрашиваю, должен ли я бояться совершенно свободно разоблачать все, что связано с ненавистной системой произвола, которую Конвент, слишком медлительный в удовлетворении воли народа, должен был бы уничтожить еще 9 термидора, как ненавистное дело рук его собственных угнетателей? Я спрашиваю, должен ли я за то, что говорил о революционном правительстве, о правительстве Робеспьера, подвергнуться аресту на основании декрета, обещающего смерть тому, кто посмеет высказать о нем свое мнение?

Лишь презрения достойны эти варварские указы, не заслуживающие наименования законов, продиктованные исключительно тиранической яростью и которые следовало бы похоронить 10 термидора вместе с их автором. Растопчем эту угрозу, исходящую от свирепого кодекса, в который Конвент уже внес поправку, восстановив статью 7 Декларации прав. Эта статья, позволяя свободно выражать мою мысль, обеспечивает мне возможность, записанную в статье 28, способствовать *пересмотру, улучшению и изменению наших законов*. Впрочем, разве кровавые и тиранические законы были санкционированы народом?.. Нет. Они являются *узурпацией суверенитета*, и у меня было и есть право своею рукою предать смерти узурпаторов, заставивших Конвент посредством хитрой системы, которую только они одни могли придумать, принять такие законы. Национальный конвент смоет с себя позор видимого соучастия в этом, принеся их в жертву у ног французского народа. Пусть особый праздник освятит память об этом искуплении, об этом публичном покаянии, столь заслуженном душами тысяч жертв злодейского честолюбивого безумия.

Пока что со всею ясностью и недвусмысленностью, свойственными подлинной свободе печати, мы покажем пороки, гнусность, безнравственность, убийственный для Республики характер некоторых частей этих законов.

Я это покажу путем обоснования принципиальных положений, изложенных в жалобах различных секций суверенного народа и

направленных против того, что осталось от правительства Робеспьера.

Манифест группы защитников прав человека, т. е. петиция секции Музея, начинается с указания следующего факта: «Что права народа были узурпированы, что эта узурпация была главной причиной общественных бедствий, ибо заговорщики избирали только негодяев, которые помогали им в установлении деспотизма».

Полученное нами за эти пять лет политическое воспитание дает ясное понимание того, что существенным атрибутом народного суверенитета является право народа выбирать всех своих уполномоченных; что если правители создаются управляемыми и для управляемых, то первые должны зависеть от вторых; что правители никогда не должны забывать, откуда они вышли; что этот тормоз должен их сдерживать и не позволять им стать угнетателями своих доверителей; что одна из главных пружин деспотизма испокон веков заключалась в праве распределять должности; что только после того, как Капетов лишили этой серьезной силы, стало возможным ослабить их власть; что, поскольку всякий агент, естественно, является человеком, преданным возвысившей его власти, тот, кто избран народом, будет человеком, преданным народу, тогда как тот, кто своим повышением обязан правителю, предан лично ему, следовательно, он враг народа, в соответствии с принципами его патрона, который, став однажды выше народа и ни от кого не завися, неизбежно приобретает качества деспота и тирана, т. е. врага. Мы на опыте слишком хорошо убедились в правильности этих положений, и секция Музея резюмировала всю историю II года Республики в следующих словах: «Общественные бедствия суть следствие того, что заговорщики избирали только негодяев, которые помогали им в установлении деспотизма».

Понадобились высокопарные софизмы Робеспьера, Сен-Жюста, Барера и их помощников, чтобы привести нас к забвению этих простых политических понятий и внушить нам, будто мы, народ, такие дураки, что ошиблись в выборе всех наших агентов и администраторов. Мы сумели отлично выбрать только несравненных сенаторов, которые в силу своей непогрешимости исправят все наши промахи и произведут чистку — некую замечательную регенерацию. Мы и увидели, как это все произошло. Затем нам сказали, что революционное правительство слишком сильно для темперамента таких хилых республиканцев, как мы; что мы еще пока не в состоянии осуществлять свои права; что мы должны согласиться на то, чтобы нами руководили наши законодательные врачи до тех пор, пока не минует кризис поразившей нас политической лихорадки; что специфическое средство от этой болезни — необходимость поставить нас в несколько стесненное и даже угнетенное положение, но что это обучение рабству, продолжительность которого не указывалась, наилучшим образом подготовит

нас к тому, чтобы быть свободными, и что мы выйдем из этого режима сильными и мужественными. Врачи! Карантин кажется нам слишком долгим, мы истощены вашими лекарствами. Мы испытываем потребность быть переведенными на режим здорового человека и начать принимать подкрепляющие средства. Переведите нас на такой режим, или мы сами себя переведем.

Какой другой мотив, кроме желания получить верховную власть и все сковать цепями, мог породить такое презрение к народу, что его объявляют недостойным выбирать своих уполномоченных? И если предположить, что многие из них разложились, разве нельзя было найти способ очищения их рядов самим народом? Мабли[77] говорил: «Никогда не доверяйте должностным лицам замещение вакантных должностей под тем предлогом, что это якобы делается во избежание крамол и для обеспечения лучшего выбора; иначе вы откроете дверь крупным злоупотреблениям, пытаясь предотвратить малые. Должностные лица обязательно стали бы устраивать на эти посты своих родственников и друзей. Вместо того чтобы думать об общем благе, они заботились бы только о частном благе своей должности, и под защитою этой новой аристократии вскоре образовались бы привилегированные семейства, которые не замедлили бы злоупотребить своею властью. Если народ не испорчен до такой степени, чтобы продавать свои голоса, следует предпочесть его выбор выбору должностных лиц».

Французский сенат охотно принимает декреты, воздающие дань уважения памяти великих людей и философов, но почти совсем не прислушивается к их учению.

Рассматривая другие принципы изучаемого нами манифеста, мы не находим ни одного, который бы не содержал в себе своего обоснования. Все это понятно само по себе. «Тот, кто пренебрегает принципами, либо узурпируя право выбора, либо осмеливаясь принять государственную должность, избрание на которую — право народа, не является честным республиканцем и должен трепетать при воспоминании о революции 9—10 термидора. — Не может установиться взаимное доверие между народом и властью, которую он не избрал. — Ничто не может помешать народным собраниям; эти собрания составляют часть учредительной власти, воля которой может проявляться в любое время, и только тирания может ее подавлять. — То, что Париж лишен своего муниципального управления (я вернусь особо к этому вопросу), есть последнее издевательство над народом этой коммуны, постоянно заслуживавшим благодарность родины; это — направленное против свободы преступление, которое не может быть терпимо. — Каждое должностное лицо может быть лишено своего поста только в результате вошедшего в силу судебного приговора и может быть замещено только народом».

Петиция секции Музея содержит лишь одно заключение, не соответствующее принципам, а именно: «Мы требуем смещения

всех аморальных и враждебных свободе агентов, которых тираны назначили для того, чтобы они им служили». Принять из рук кого бы то ни было, кроме народа, должности, на которые только народ имеет право выбрать, значит соучаствовать в узурпации суверенитета. Статья 27 Декларации прав гласит: «Пусть каждый человек, который узурпирует суверенитет народа, будет немедля предан смерти свободными людьми». Сколько же людей заслуживают смерти! Мы видели слишком много смертей. Наступит момент, когда придется свергнуть всех подручных деспотизма, занимавших места избранников народа. Но будем снисходительны. После того как погубили столько невинных, пощадим виновных. Ограничимся тем, что признаем их недостойными звания республиканцев и навсегда запретим им занимать общественные посты [78].

[Ниже следует письмо в редакцию, подписанное:

Фреман-младший].

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ

№ 20

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

9 вандемьера III года Республики [30 сентября 1794 г.]

Ничтожность нынешних заседаний Конвента. — Продолжение обсуждения важнейшего пункта повестки дня — завоевания прав человека. — Жалкие ухищрения низких лакеев власти, стремящихся прикрыть все посягательства на права народа и утвердить и увековечить тиранию. — Радостные вести из Бельгии: хороший общественный дух граждан Гента.

Заседания Конвента являют картину скудости, не дающую решительно ничего перу писателя-философа. Причину этого молчания и ничтожества, пожалуй, легко угадать. Конвент хорошо понимает, что он избран, чтобы дать учреждения французскому народу; что народ еще не получил достойных его учреждений; что, однако, он их жаждет; что он уже не может долее пребывать в состоянии тревоги и колебаний, терпя мучения и нужду; что больше всего он устал от системы деспотизма, которая распространяется на всех граждан и находится в столь разительном противоречии с нашими основными принципами, ставшими для нас теперь чем-то вроде земли Ханаанской, обетованной законодателем Моисеем. Возможно, что Конвент собирается с мыслями, наблюдает происходящее исподволь глухое брожение, прислушивается к ропоту Израиля, требующего, чтобы ему незамедлительно

дали эту обетованную землю, и решительно не желающего больше томиться в пустыне и жить манною небесной. Поэтому, вероятно, сенат выясняет настроения разных своих членов, которые стараются прийти к какому-то результату и спрашивают друг друга: «Что делать?» Быть может, они ожидают того времени, когда ясно и недвусмысленно выскажется большинство, а сам наш ареопаг, прежде чем принять важные решения, ждет, по своему обыкновению, чтобы народ на него нажал и поторопил.

Поэтому не будем никоим образом снимать с повестки дня необходимость снова отвоевать наши вечные принципы и наши права человека. Хорошо обдумаем, какими средствами наступления мы располагаем. Разведаем захваченную нами территорию. Рассмотрим сильные и слабые стороны расположения неприятеля. Измерим его средства обороны и расстроим их. Рассчитаем наши силы, и пусть наше мужество постоянно возрастает.

Не будем упускать из виду, что нам вовсе не приходится все начинать заново, что мы уже можем действовать по-революционному, что часть пути уже нами пройдена и что речь идет лишь о том, чтобы продолжать продвигаться по этому пути.

Будем всегда напоминать нашим бойцам, чтобы их ободрить, что мы стремимся дополнить события 9 термидора, что этот день нельзя называть революцией, коль скоро были свергнуты всего лишь несколько тиранов, что настоящая революция будет только результатом сближения этого дня с тем днем, когда мы уничтожим тиранию и восстановим наши священные принципы, ею опрокинутые и поруганные.

Всего лишь одно существенное возражение было выдвинуто против манифеста защитников прав человека. Указывалось, что требование восстановления для народа Парижа права избрания своих должностных лиц повлекло бы за собою восстановление первичных собраний во всех коммунах Республики, что эти коммуны тоже потребовали бы права самим избирать своих должностных лиц, что в момент, когда идет война со всей Европой, это могло бы привести к общей дезорганизации, потому что аристократия повсюду постаралась бы захватить руководство выборами, а агенты иностранных держав повсюду стремились бы оказать влияние на ход выборов. Презренные клеветники! Так вот как низко вы оцениваете добродетель народа! Разве с самого начала революции народ не доказал своей горячей привязанности к ней? Но если масса любит революцию и если аристократия — это только меньшинство, то аристократия отнюдь не будет преобладать на выборах, народ будет отбирать людей для служения ему на важных административных должностях только среди тех, о ком он будет знать, что они любят свободу так же, как и он. И, конечно, благодаря своей близости к избираемым, благодаря своим отношениям с ними он будет меньше ошибаться, чем вы, ведь вы не ангелы, чтобы уметь пренебречь лестью, которой столь немногие из смертных могут сопротивляться; лесть вам затуманит голову,

и вы назначите интригана, который один хорошо владеет языком лести, или ваших бездарных и столь же мало достойных доверия родственников: мы это видели на многих примерах!!!.. Как правило, люди из народа, избранные до прихода к власти революционного правительства, были далеко не так плохи, как те рабы, которые пришли им на смену; в большинстве случаев последние вытеснили первых путем интриг. Чтобы освободиться от плевел, имевшихся, спора нет, в добром зерне, было бы достаточно сурового закона, способного поразить преступников. Но добивались не осуществления мер предосторожности, позволяющих сохранить права народа, а лишь искали предлога для захвата этих прав с тем, чтобы получить деспотическую власть, и мнимое всеобщее разложение должностных лиц, избранных народом, пришлось как нельзя более кстати.

Что до мнимых агентов иностранных держав, якобы намеревавшихся проникнуть во все собрания народа с целью воздействовать на них и добиться таких результатов выборов, которые привели бы к роялизму, то это всего лишь отзвуки идей, бывших любимым коньком Робеспьера, и мне досадно было узнать, что Дюфурни и Реаль, выступая у якобинцев, все еще говорят на этом языке[79]. Уже начали забывать об агентах Питта и Кобурга, уже перестали верить в то, что их когда-либо много было в Париже, а вы опять их размножаете в 44 тыс. муниципалитетов Республики. Поверьте, они были бы там встречены так же плохо, как и агенты Робеспьера, чье существование более реально и которые и были всегда подлинными Питтами и Кобургами.

Вы говорите, что в то время, когда мы окружены внешними врагами и заражены аристократией, нельзя возвратить народу часть Декларации прав и восстановить его право избирать своих должностных лиц. Это значит утверждать, что до тех пор, пока нам придется воевать с внешними врагами и с аристократией внутри страны, мы не будем пользоваться нашей свободой, а будем продолжать жить под властью деспотизма. Если с такими речами выступят французские законодатели, я незамедлительно призову их проследить за тем, чтобы их заправилы не стали подражать патрицианским сенаторам Рима, умевшим бесконечно затягивать войны ради того, чтобы отменить права народа; я спрошу их, когда, по их мнению, наступит тот блаженный миг, в который обращение в истинную веру иностранных тиранов и наших ересиархов позволит нам выйти из состояния рабства! Так значит в неволе нас держат иностранные тираны! В таком случае правильно говорят, что, хотя во Франции вовсе нет свободы, именно за нее дерутся наши солдаты.

Да разве не существовали и иностранные армии, и аристократы, когда народ избрал Конвент и дал свое одобрение Конституционному акту? Разве народ сам тогда проявил аристократизм? Никто не станет этого утверждать в отношении второго факта, а что касается первого, то Конвент сам бы себя осмеял, ответив

утвердительно на этот вопрос. А между тем ведь он, можно сказать, и дает такой равнозначный самоосмеянию ответ, когда заявляет, что народ вообще способен делать только неудачный выбор и, чтобы этого избежать, надлежит действовать так, как действуют деспоты. С другой стороны, те, кто действует, как деспоты, самими этими своими поступками как бы оправдывают утверждение, будто народ способен делать только дурной выбор. Какой порочный круг! Я не нахожу из него другого выхода, отвечающего чести народа и Конвента, как убедить себя в том, что только меньшинство в сенате усвоило принципы деспотов и что мы вскоре увидим, как большинство депутатов, снова став свободными, выступят за то, чтобы восстановить учение о свободе во всем его блеске.

Чтобы отвергнуть требование вернуть народу его священное право избирать своих должностных лиц, приводился еще один жалкий аргумент. «Миллион восемьсот тысяч республиканцев, — заявляют нам, — заняты на границе как участием в боях, так и перевозкой продовольствия, амуниции и т. д. Они вполне заслужили право голосовать, и не следует производить никаких выборов до их возвращения». Но ведь и во время выборов в Конвент у нас имелась армия. Разве мы ждали, чтобы она могла участвовать в этих выборах? И кто принял бы всерьез такое предложение? Разве кто-нибудь сказал бы в связи с предложением одобрить Конституционный акт, что надо подождать конца войны и возвращения наших защитников, дабы каждый из них мог в своей коммуне принять в этом участие? По Конституции солдат, находящийся в армии, участвует в избрании офицера, под командованием которого он исполняет свои обязанности солдата. Простой гражданин, оставаясь у своего очага, в этом избрании офицера никакого участия не принимает, он участвует в выборах коммунального должностного лица, под руководством которого он выполняет свои обязанности гражданина, а солдат, в свою очередь, не принимает участия в этом; в подобном распорядке нет никакого нарушения прав. Если надо дожидаться возвращения наших храбрых защитников и окончания всех войн ради того, чтобы пользоваться нашими правами, даже таким, как право избирать свой муниципалитет, то я снова спрашиваю, какова же та блаженная пора, когда мы сможем увидеть конец царства произвола и абсолютной власти, тем более невыносимого для французов, что нашу страну называют Республикой и что мы вкусили свободы. Если надо ждать наших храбрых защитников и окончания всех войн ради того, чтобы избрать своих представителей, значит для выборов необходимо участие большого числа людей, значит, чем больше их будет, тем лучше будет выполнена эта задача; из этого следует, что, чем меньше их будет, тем она будет выполнена хуже. Именно это я и проповедую, утверждая, что избрание на должность, произведенное несколькими людьми или одним человеком, никуда не годится; что оно будет не столь плохим с тем

числом граждан, которые ныне пребывают в домашних пенатах, и совершенно хорошим, когда вернутся наши братья из армий и все будут участвовать в выборах. Но в ожидании этого «совершенно хорошего», почему пока что не принять «не столь плохого», почему не предпочесть его тому, что «никуда не годится». Наши противники не хотят этого среднего решения, они хотят заставить нас сохранять «никуда не годное» в течение времени, продолжительность которого нас пугает, потому что они не указывают, когда оно кончится, и предлагают утешаться надеждою вдруг перенестись одним прыжком, как из ада в рай, от очень плохого к очень хорошему, от никуда не годного к превосходному. Мы не хотим оставаться в глубинах Тартара. Пока еще нельзя открыть для нас Элизиум, позвольте нам хотя бы купаться в Стиксе.

Настроение общества в отвоеванной Бельгии

Итак, неверно утверждение врагов, будто Французская революция вызывает ненависть всех народов, живущих за пределами той страны, где она произошла. Принципы, лежащие в ее основе, всегда будут вызывать восхищение, и люди знают, что в запятнавших ее ужасных эксцессах повинны только чудовища, прикрывавшиеся маскою тех добродетелей, которых революция требовала от своих деятелей, гнусным образом злоупотребившие оказанным им доверием. Вот как ныне в Бельгии славят свободу и равенство.

Республиканец М: й: р к А. Б. Ж. Г.[80]
депутату Национального Конвента

Гражданин!

Я давно не писал потому, что не было интересного материала, но теперь санкюлоты Гента дают мне повод написать. Третьего дня все жители этого города отпраздновали пятую санкюлотиду. Соорудили театр против статуи Карла V, а на обломках этой статуи поставили богиню свободы. На военной площади поставили статую равенства. Весь день воздух оглашался криками: «Да здравствует республика!», «Да здравствуют санкюлоты!» Советники в пышных париках, муниципальные чины, французские республиканцы, все вперемежку танцевали вокруг статуи равенства. Я редко видел во Франции праздник, отмечаемый с таким энтузиазмом. Днем распределяли хлеб между всеми бедняками города, вечером во многих местах в городе были устроены балы в пользу бедных и артистически иллюминированная военная площадь, а равно и весь город являли зрелище разительное. На следующий день санкюлоты протащили по улицам орла, который накануне был закован в цепи, и сожгли у подножья статуи равенства все подлые остатки монархии и феодализма. В эти два дня не наблюдалось никаких осложнений, не произошло никаких драк, и сла-

достное братство между санкюлотами Гента и французскими республиканцами делает пребывание в этом городе бесконечно приятным. Такое поведение санкюлотов Гента — разительный ответ тем, кто клевещет на бельгийцев, каковые более чем когда-либо желают свободы.

Привет и братство

Ж. Г. М:й:р

Гент, 2 второго года Республики *

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ
№ 21

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

10 вандемьера III года Республики [1 октября 1794 г.]

Первая нить злодейства, внушившего народу беспечное отношение к своему делу. — Срочная необходимость обретения народом своей прежней энергии. — Декрет об упразднении секционных собраний Парижа, подвергнутый испытанию на пробном камне прав человека. — То же о декрете, упразднившем парижский муниципалитет. — Вопрос: почему революционное правительство не получило санкции народа? — Обращение к служащим почты.

Если я унаследовал мужество и, смею сказать, честные намерения и зоркость Марата, почему же не завещал он мне с тем вместе часть того убедительного красноречия, которое обеспечивало ему постоянные успехи! Почему мой голос не проникает, подобно его голосу, в душу народа и не возбуждает в нем неотложную потребность приложить все силы к тому, чтобы отвоевать обратно все то, что он потерял? Правда, я заметил некоторые усилия, но совсем не видел тех мужественных порывов, которые внушают деспотизму страх и гарантируют неуязвимость принципов. В нынешнем пылком патриотизме я не вижу той активности, которая в 1789 и 1790 гг. заставляла всех прислушиваться к добрым советам Друга народа и составляла как бы половину его красноречия. Что толку сегодня проповедовать в пустыне? Красноречию ли Марата следует приписывать то, что он был способен держать граждан в постоянной бдительности против неожиданных выпадов предателей? Не вернее ли будет объяснить равнодушием к советам нынешних просветителей тот упадок интереса к делу свободы, который почти оправдывается множеством следовавших одно за другим бедствий? Заблудившийся ум винит свободу в уд-

---

* *Так в оригинале.*

ручающих нас бедах, тогда как причину их надлежит искать только в коварстве отдельных людей и в том самом равнодушии, которое позволило им осмелиться на все: люди не видят, что все, что давит, это не свобода, а гнусный деспотизм, вырядившийся в ее одежды.

Граждане, ищите ее лишь в том, что ведет к счастью всех и каждого, ибо это ее естественное и исключительное стремление. Следите за тем, что пишут по этому поводу честные и патриотически настроенные писатели. Вы читаете их достаточно, но вы, пожалуй, слишком часто смешиваете их с газетчиками, разносящими известия; не следует откладывать номер в сторону после беглого просмотра. Размышляйте, рассуждайте с этими писателями о революции; у них есть направление, следуйте за ними, пока ваш здравый рассудок, свободный от всяких влияний, не скажет вам, что они вас не обманывают. Эти люди не нуждаются в большом красноречии, чтобы вы могли услышать правду. Свобода была бы достойна жалости, если бы ее можно было поддерживать только с помощью этого искусства, чаще обманывавшего, чем приносившего пользу. Повторяю и часто буду повторять это изречение: *приучайте себя оглядываться назад и не забывать на следующий день о тех цепях, которые для вас хотели выковать накануне.*

Это самым естественным образом возвращает меня к тому вопросу, на обсуждении которого мы остановились в предыдущем номере. Как можно не думать более о двух декретах, имеющих прямое отношение к петиции секции Музея и обманом вырванных у Конвента свободоубийственной кликой? Чем объяснить, что они произвели столь слабое впечатление? Я имею в виду два закона, один из которых сводит число народных собраний к одному в декаду, а другой лишает Париж его муниципальной администрации и разделяет ее между различными исполнительными комиссиями.

Я считаю оба эти декрета гибельными для свободы. Первый является таковым, потому что находится в полном противоречии со статьей 26 Декларации прав человека, гласящей: «Каждая секция собравшегося суверенного народа должна пользоваться правом выражать свою волю совершенно свободно». Нельзя выражать свою волю совершенно свободно на собраниях суверенного народа, когда ему запрещают созывать эти собрания. А именно это и происходит, когда он лишен возможности собираться так часто, как он считает полезным это делать. Да что означают слова: «Суверену запрещают». Кто же это запрещает? Что же это, суверен над сувереном? Нет, это уполномоченный суверена. С каких это пор уполномоченный выше того, кто дал полномочия? .. Что за опрокидывание принципов! Какая узурпация! Никогда деспотизм не доходил до такого подрыва прав народа. Что представляют собой секционные собрания? Это — собрания, на которых народ осуществляет свою верховную власть, постоянный надзор за поведением своих уполномоченных.

Деятельность этих собраний должна быть перманентной, чтобы можно было остановить уполномоченного, как только он уклонится от исполнения своих обязанностей. Если уполномоченный говорит доверителю: «Ты не будешь меня проверять», — это не только мятежный акт, это также достаточно откровенное признание нежелания идти честным путем. Но, скажут мне, ведь оставляют одно собрание в декаду! .. Вы не вправе, уполномоченные, запрещать вашему повелителю созывать 10 собраний, если он считает это нужным. Если в течение одной декады вы сделали 10 шагов в сторону или вспять, разве он успеет на одном заседании обсудить эти неверные шаги и принять необходимые меры, чтобы их исправить, тем более что вы постараетесь отвлечь внимание собравшихся обсуждением других вопросов?

Второй декрет тоже гибелен для свободы. Я не люблю того места из исторического труда Дюссо [81], где он повторяет ранее сказанное многочисленными подголосками правительственных комитетов, а именно, что муниципальная администрация Парижской коммуны была властью, обладавшей опасною силой, неоднократно проявляла себя соперником Конвента и едва не погубила свободу, предоставив убежище заговорщикам.

Но события 14 июля, 10 августа и 31 мая отнюдь не подтверждают заявления, будто Парижская коммуна едва не погубила свободу. В избранную народом муниципальную администрацию, правда, проникло несколько предателей. Они понесли кару. Но масса никогда не была испорченной, она никогда не давала убежища заговорщикам, подобное коварство было привилегией низменных рабов, которым диктаторская власть надела шарфы муниципальных чиновников. Дюссо! Если вы историк, вы должны быть точным. А я вам говорю, что парижский муниципалитет — это орган власти, чья сила полезна, ибо является гарантией свободы, и безопасность как сената, так и свободы требует, чтобы местопребывание законодателей находилось в городе с немалым населением.

Напомним, что не раз делались попытки разместить Национальное собрание за пределами Парижа, потому что предатели всегда понимали, что им легко было бы подчинить его себе в любом городе, который не был бы, подобно Парижу, постоянным военным лагерем, где размещена армия, готовая противостоять любой другой самой грозной армии. Но чтобы эту внушительную силу можно было применить, она должна иметь какой-то центр, какую-то точку опоры; такой точкой опоры был муниципалитет, быстрые и удачные действия которого можно было видеть при всех великих потрясениях революции. Именно эта сила, в мгновение ока приведенная в движение с помощью этого рычага, заставила Конвент 31 мая революционным путем покончить с процветавшим в его среде федерализмом, который был на пути к победе во всей Республике. Вы сломали этот рычаг и раскидали его обломки по всем вашим исполнительным комиссиям и по 48 сек-

циям, которые вы превратили в своего рода муниципалитеты, самостоятельные и изолированные друг от друга; каждый из них обладает своим умом, каждый думает, говорит и действует различно и по-своему. И если бы сегодня, как и 31 мая, возникла необходимость защитить сенат и свободу от угнетения, то что, я спрашиваю, надо было бы сделать, чтобы объединить 48 частей Парижа, обладающих каждая своим муниципалитетом и уже не подчиненных центральной власти, которой прежде достаточно было только дать сигнал, чтобы он мгновенно был передан во все 48 районов этого огромного города.

Есть еще одно соображение, требующее существования в Париже центрального управления. Это — необходимость всячески облегчить собрание всего народа на случай, если потребуется организовать сопротивление угнетению со стороны сената. Надеюсь, никто не станет оспаривать закономерность такого предположения. Деспоты! Диктаторы! Децемвиры! Вы это отлично знаете, и дробление муниципальной власти — это, конечно, ваше дело. Вы думали, что, раскидав в разные стороны прутья, уничтожили народную метлу, но народ и свобода окажутся хитрее вас и все восстановят. Трепещите, час пробил, вашей тирании приходит конец: уже близок момент, когда вы сойдете с ваших тронов...

Обращение к служащим главной почты *.

Пересылаю вам, граждане, два нижеследующих письма, полученных мною и имеющих отношение к вам **.

Будьте любезны, граждане, ответить мне, происходит ли то, на что здесь жалуются, только по вине почтальонов или по вашей вине. В первом случае вы должны отчитать и даже наказать ваших подчиненных, виновных в задержании полезной народу правды. Во втором случае просьба изложить мне ваши соображения и сообщить, какой диктаторский фирман разрешил вам поступать таким образом. Неужто вернулись времена баронов д'Оньи? Но помните, что царствование тирании не вечно, что всякие д'Оньи и другие предшествовавшие вам инквизиторы, угодливо служившие диктаторам старого режима, не получили прощения, когда ссылались на фирманы этих диктаторов, разрешавшие им их многочисленные нарушения. Знайте также, что скоро придет конец неограниченной власти и что пора подумать о том, чтобы не допускать никаких административных злоупотреблений.

К. Бабеф

* *Этому обращению предшествует письмо от читателя в редакцию.*
** *Следует текст двух писем в редакцию от читателей с жалобами на недоставление газеты почтой.*

ГАЗЕТА СВОБОДЫ ПЕЧАТИ

№ 22

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

10 вандемьера III года Республики[82] [1 октября 1794 г.]

Благородное обращение Электорального клуба, требующее восстановления прав человека, восстановления парижского муниципалитета и двух секционных собраний в декаду и отмены законов, затрудняющих торговлю и снабжение продуктами питания. — Осада, разрушение и разграбление зала заседаний того же клуба 200 Геростратами, направленными Комитетом общественной безопасности. — Вопль возмущения, пламенный протест против этого гнусного акта произвола. — Обвинение Амара, Бурдона из Уазы, Моиза Бейля, которые одни только и способны спровоцировать этот акт угнетения и тирании.

Приношу повинную суверенному народу. Признаю свою вину в том, что вчера упрекнул его в беспечности. Однако я предчувствовал, что приближается момент, когда стремление к свободе, по самой сути своей более привлекательной, чем деспотизм, вызовет извержение народного вулкана, и потоки его лавы сожгут устои деспотизма. Благородное и великодушное движение показало неколебимую энергию народа Парижа. Только что в лице одного из сильнейших своих отрядов он энергично выступил в поддержку требования восстановления его суверенитета, по поводу которого мы не перестаем кричать: «Держите вора! ..» Этим языком, достойным суверена, сумел вновь заговорить клуб, именуемый Электоральным, те тысячи завсегдатаев его трибун, которые дали нам новый пример употребления такого языка, обратившись к уполномоченным французской нации. Права человека, полная, действительная свобода, уничтожение всякого рода тирании, погребение всех бедственных, безнравственных, гибельных для Республики законов — таковы требования, представленные в виде петиции в этом обращении. По нашим предыдущим номерам внимательный читатель должен был заметить, что мы стараемся следовать в хронологическом порядке за движением народа к отвоеванию его прав и к дополнению революции 9 термидора. Но народ движется быстрее нас, и он осуществляет свои победы с такою скоростью, что наше перо не успевает их изобразить. Поэтому я нарушаю хронологическую последовательность изложения, чтобы опубликовать здесь этот акт республиканской энергии, который как можно скорее должен стать достоянием гласности и ни одна строка которого не должна затеряться в анналах, где зафиксированы все усилия, направленные к обеспечению нашей безопасности.

ОБРАЩЕНИЕ НАРОДНОГО ОБЩЕСТВА, ЗАСЕДАЮЩЕГО В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЗАЛЕ, К НАЦИОНАЛЬНОМУ КОНВЕНТУ,

принятое 7 вандемьера III года Республики

Представители народа!

Петиция, с которой мы к вам обращаемся, есть результат нескольких наших заседаний. Когда она была единогласно принята, граждане, находившиеся на трибунах, потребовали дать им возможность выразить свое присоединение и вновь поставить ее на голосование. В соответствии с этим было проведено общее голосование, и обращение принято единогласно как трибунами, так и членами общества. Таким образом, желания, которые мы вам выражаем, не только наши, это желания всех тех людей, которых может вместить наш зал заседаний.

В соответствии с вашим декретом от 18 фрюктидора общество, заседающее в электоральном зале, занималось вопросом о способах оживления торговли и придания ей того размаха, который способствовал бы поддержке Республики и сделал ее столь процветающей, что она внушала бы страх коалиции деспотов. Мы собираемся изложить вам результаты этого обсуждения.

Общество прежде всего заявляет вам, что если обстоятельства вызвали необходимость в чрезвычайных мерах, таких как изъятия или реквизиции, то подобные меры могут применяться лишь самое короткое время, иначе они становятся более опасными, нежели полезными, и что эти законы, часто дурно применяемые, перестали достигать своей цели.

Общество пришло также к выводу, что подобная судьба постигла и закон о спекулянтах, принятие которого было отчасти вызвано обстоятельствами. Этот закон стал причиной разорения многих торговцев и оказался столь же чреват опасностями, что и реквизиции, поскольку разрушалось производство, начиная с земледельца и вплоть до самого богатого купца. Ибо тот и другой постоянно опасаются, что их заподозрят в несоблюдении этих законов, и у них для этого тем более оснований, что торговля и производство не могут быть ограничены, так как обращение товаров соразмерно либо ловкости, либо богатству, либо торговым познаниям тех, кто ими занимается. Из этих соображений вытекают следующие предложения.

Возвратите народу полноту его прав, а торговле — самую большую свободу; поощрите того, кто занимается ею честно, и дайте ему уверенность, что он не будет унижен и не подвергнется никакой опасности.

Прежде всего не допускайте, чтобы под предлогом снабжения наших армий производились повальные реквизиции и чтобы нечестные исполнители торговали теми же товарами, которые они купили накануне; такой пример был бы гибельным, он унизил бы нашу национальную честь и усилил бы дух стяжательства, ко-

торому, к сожалению, люди очень подвержены. Поэтому пусть никакие комиссии не чинят ни изъятий, ни реквизиций, иначе как для армии, а лучше даже вовсе их не производить, если есть возможность снабжать армию с помощью торговли.

Возвратите Парижу право проводить собрания секций два раза в декаду — этого едва хватает для обсуждения повседневных дел.

Возвратите Парижу его муниципалитет. Законодатели, вы не допустите, чтобы Парижская коммуна одна была лишена своих должностных лиц. Верните Парижу его администрацию, состоящую из граждан, избранных народом, который один лишь вправе назначать их; сильные его доверием, они могут пользоваться его поддержкой и помочь своими знаниями восстановлению торговли, к чему вы так стремитесь.

Сделайте это до зимы. Вы видите, как мало стало угля, масла, дров, мыла и всех съестных припасов с тех пор, как производятся реквизиции. Что же будет с нами зимой, если вы не поспешите принять меры?

То, о чем мы просим для себя, надо сделать и для наших братьев в департаментах, они желают этого так же, как и мы. Пусть суровые законы поразят всех тех, кто хотел бы вредить общим интересам, какими бы методами они ни пользовались. Особенно важно никоим образом не разрешать вывоза съестных припасов за пределы Республики: такой закон является безнравственным, опасным и внушающим тревогу до тех пор, пока каждый французский земледелец не обеспечен продовольствием и семенами, хотя обстоятельства позволяют это сделать, а законы как будто обеспечивают ему это.

Поставьте в порядок дня права человека; после природы вы являетесь их авторами. Вы поклялись в верности им и убедили всех французов тоже присягнуть им на верность.

Французы принесли присягу свободе не для того, чтобы пользоваться ею, как обещанной жрецами фанатизма землей обетованной (т. е. после своей смерти); спешите вернуть французам их права, осуществление прав народа нельзя отсрочить.

Они вместе с вами дали эту присягу, и они ее соблюдут, ничто не заставит их отступить от своего решения. И так как эти чувства разделяет и Национальный конвент, мы заверяем вас, что все граждане, составляющие общество, заседающее в электоральном зале, полны решимости служить оплотом национальному представительству, равно как хранить неотъемлемые и неотчуждаемые права человека, и, наконец, противостоять всеми средствами, которые дают им принципы, разум и справедливость, неотделимые друг от друга, восстановлению тирании, в какой бы форме она ни проявилась.

Общество постановило также, что настоящее обращение будет напечатано, расклеено в виде афиш и разослано, с приглашением присоединиться к нему, во все 48 секций Парижа при помощи комиссаров, привлеченных наполовину из граждан с трибун и на-

половину из членов общества; постановлено также, что по два экземпляра будет послано народным обществам Парижа.

Подписи: Легрэ[83], председатель
Аллар, секретарь

Мы безоговорочно одобряем лишь ту часть этого обращения, которая относится к требованию суверенных прав. Вопрос о торговле нуждается в более углубленном рассмотрении: можно многое сказать по поводу скупки и спекуляции, и еще долго будут нужны законы против стяжательства. Все дело, быть может, в том, чтобы обеспечить их исполнение. Мы еще вернемся к этому вопросу[84].

Но что я узнаю! Комитетский деспотизм вместе со своими сателлитами только что обрушился на приют свободы. Обращение, только что мною воспроизведенное, вызвало у него взрыв бешенства. Ему удалось пронюхать об этом до 11 вандемьера, когда обращение должно было быть представлено Конвенту, и вот каким подлым и возмутительным образом тирания душит мужественных и честных поборников свободы.

Седьмого сего месяца общество, именуемое электоральным, приносит в Конвент петицию с просьбой об отмене декрета, который лишил его помещения; эту петицию передают в Комитет государственных имуществ и КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ для представления ими доклада в трехдневный срок. В тот же день, 7-го числа, общество принимает обращение, напечатанное в настоящем номере; 8-го числа, в восемь часов утра, к помещению общества является человек, называющий себя архитектором, в сопровождении 200 рабочих; он заявляет консьержу, что пришел сломать зал и вывезти из него мебель. Консьерж возражает и требует отсрочки, чтобы доложить об этом; с другой стороны, он желает знать, представлен ли уже доклад Конвенту, который должен был быть сделан в трехдневный срок, и от Конвента ли исходит приказ о сломе зала. Главный разрушитель уходит в Комитет государственных имуществ, агент которого отправляется в Комитет общественной безопасности, где его держат в заключении до завершения разграбления убежища поборников прав человека. 200 Геростратов работают там без передышки до половины третьего следующей ночи. Это не слом, это ограбление. Рвут, отрывают ценные ковры со всех столь симметрично расположенных скамей этого бывшего помещения Учредительного собрания. Затем ломают самые скамьи, трибуну, стол председателя и секретарей, их крошат на куски, великолепную печь разносят вдребезги; причиненный ущерб не поддается оценке. Геростраты работают с каким-то бешенством, все обломки уносят в течение дня, и на дверь вешают крепкий замо́к. На этом сцена кончается.

Мы когда-нибудь изложим наши соображения по поводу этого налета. А сегодня скажем только: смотрите, как Конвент допу-

скает, чтобы его комитеты угнетали тех, кто защищает его, защищая принципы; между тем как те, кто плетет заговоры против него и против народа, кто с ним соперничает, те пользуются покоем и покровительством. Вот что значит стать грозной силой.

Следует ли считать, что этим самым защитники прав человека уничтожены? Нет, сломаны и унесены только доски, а люди остались. Гильотина! То время, когда ты внушала патриотам страх, прошло и уже не вернется. Патриоты того общества, чей зал заседаний запер новый церемониймейстер, посланный новыми Капетами, опять найдут свой Jeu de paume [85]. Депутаты Парижа! Потерпите ли вы это осквернение храма, где вы были признаны достойными посвящения на служение народу и на защиту его прав? Потерпите ли вы, чтобы тем, кто вас избрал, было нанесено подобное оскорбление, хотя их преступление заключается лишь в том, что они снова осмелились защищать эти самые права? О, конечно, в глазах монархов нет хуже преступления, как срывать их заговоры против свободы. Вот почему монархи Амар, Бурдон [86] из Палестины и Бейль-повстанец так энергично побуждали к разграблению и разрушению электорального зала.

Знаменитая петиция должна быть представлена сегодня; будем ждать ее результатов.

К. Бабеф

ТРИБУН НАРОДА *,

или Защитник прав человека;
продолжение Газеты свободы печати [87]
Гракха Бабефа

№ 23

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

14 вандемьера III года Республики [5 октября 1794 г.]

Быстрые и решительные шаги, которые делает народ, чтобы восстановить свои права и дополнить революцию 9 термидора. — Названия всех секций, присоединившихся к достопамятной петиции бывшего электорального общества, требующей уничтожения всякой тирании, восстановления прав, свободы и счастья народа. — Серьезные доказательства существования и роста партии защитников прав человека.

---

* Я меняю заглавие своей газеты. Я уже ранее заявлял, что сделаю это, как только цель первоначально принятого мною заглавия будет достигнута, т. е. как только мы завоюем и утвердим наш оплот против всяческой тирании, наше непогрешимое и неотразимое оружие — свободу печати. Вооруженные ею, мы должны затем уверенно идти к прочим достижениям в деле восстановления похищенных свободы и прав человека. Поскольку это завоевание ныне уже несомненно и я крепко держу это оружие в руках, я должен теперь противостоять узурпаторам, поку-

События 10 и 11 вандемьера будут отмечены беспристрастными потомками как исключительно достопамятные в истории революции. Публицист-историк не нуждается в высокопарных вступлениях, в стилистических украшениях, чтобы заставить оценить все величие этих событий. Простого и точного рассказа достаточно, чтобы показать истинное величие и подлинный суверенитет народа, проявившиеся в эти два исторических дня, когда народ значительно приблизил то, к чему мы непрестанно стремимся, — дополнение революции 9 термидора.

сившимся на эти права, и их поборникам, в новом качестве, соответствующем тем важным обязанностям, которые я имел мужество выполнять в уже завязавшейся борьбе. Эта избранная мною новая роль может повлечь за собой нарекания чересчур щепетильных людей, у которых все вызывает подозрение. А потому, я думаю, будет небесполезно объяснить причину этой перемены.

В каждом названии газеты должно содержаться священное слово «народ», потому что каждый публицист должен писать только для народа. Признаюсь, я испытывал некоторые затруднения, придумывая название, к которому можно было бы добавить это слово. «Оратор», «Защитник» народа уже были заняты. «Друг народа» подошло бы мне, но это название, пожалуй, принадлежит только Марату; его не смогли поддержать те три или четыре смельчака, которые после Марата решились присвоить себе это название. Оно используется и в настоящее время; пусть тот, кто его принял, окажется достойным этого названия! «Трибун народа» показалось мне наименованием, наиболее близким к наименованию друга или защитника народа. Прошу не выискивать в этом слове другого значения, чем то, которое я связываю со словом «трибун». Я им хочу только обозначить человека, который займет трибуну, поистине множество трибун, для защиты прав народа против всех и вся. Объявляю заранее, что я не хочу и не захочу никакой другой магистратуры, кроме этой, моральной, что я отказываюсь от какой бы то ни было практической должности, к которой, как, возможно, кто-нибудь ошибочно подумает в соответствии с моими словами и с заглавием моей газеты, я мог бы стремиться. Нет, не существует никакой аналогии между моим трибунатом и римским, хотя вместе с Мабли и другими публицистами-философами и вопреки многим людям, осуждающим то, что они плохо знают, я восхищаюсь этой должностью трибуна, как прекраснейшим учреждением, много раз спасавшим римскую свободу во времена от Валерия Публиколы [88] до Марка Антония, сумевшего злоупотребить ею против той же свободы.

Я оправдаю также принятое мною имя [89]. Взяв за образец честнейших, на мой взгляд, людей Римской республики, ибо они больше всех стремились к общему счастью, я ставил себе целью дать тем самым понять, что я буду стремиться к этому счастью с такою же силою, как и они, хотя и другими средствами. Я даже наперед заявляю, что буду счастлив, если, подобно им, должен буду умереть мученической смертью, пав жертвой своей преданности. Известно, что тем деятелям нашей революции, которые носили имена великих людей, не посчастливилось: мы послали на эшафот наших Камиллов, наших Анаксагоров, наших Анахарсисов [90]. Но все это меня не пугает. Все это не удержит меня от того, чтобы явить пример подлинно республиканской философии — пример, который я считаю полезным. Чтобы стереть следы монархии, аристократии и фанатизма, мы дали республиканские наименования нашим областям, городам, улицам и всему, где были запечатлены эти три вида тирании. Почему же Конвент решил недавно декретом заставить каждого из нас сохранить те отмеченные фанатизмом имена, кото-

No. 23.

LE TRIBUN DU PEUPLE, (1)

OU

LE DÉFENSEUR

DES DROITS DE L'HOMME;

EN CONTINUATION

DU JOURNAL DE LA LIBERTÉ DE LA PRESSE.

Par Gracchus BABEUF.

Le but de la société est le bonheur commun. *Droits de l'Homme*, art. 1er.

Du 14 *Vendémiaire*, l'an 3me. de la République.

Pas rapides et imposans que fait le peuple pour recouvrer ses droits et completter la revolution du 9 thermidor.

Noms de toutes les sections qui ont adhéré à la mémorable pétition de la société ci devant électorale, qui demande l'anéantissement de toute tyrannie, les droits, la liberte et le bonheur du peuple.

Preuves serieuses de l'existence d'une faction des défenseurs des droits de l'Homme, et combien elle se gressit.

Les journées des 10 et 11 vendémiaire seront mar-

(1) Je change de titre ainsi que j'ai annoncé que je le

Первый номер «Трибуна народа»

Пусть большинство газетчиков и обладателей власти притворяются, что не знают и не замечают того благородного движения, которое подготовляется, которое даже уже происходит и чья величественная неторопливость и обдуманность избавит его от трагических инцидентов, омрачивших блеск большей части других движений; что до меня, я певец этой мирной революции, и я утверждаю, что ныне происходит именно такая революция; я утверждаю, что я вовсе не мечтатель и что партия защитников прав человека, чей манифест я торжественно обнародовал 27 фрюктидора и 1 вандемьера (№ 7, 13), — отнюдь не химера. Я утверждаю, что батальон, который я, бедняк, я, простой, но честный и законопослушный мятежник, первый осмелился созвать, растет так, что повергает в трепет всех, кому не по душе цель этого крестового похода, так, что они начинают понимать, что все, кого, по-видимому, надо уговаривать, чтобы они к нему присоединились, рискуют впасть в немилость общественного мнения; такое наказание я считаю достаточным для горстки деспотов и рабов, рассеянных среди великой массы свободных людей.

Что представляют собой якобинцы, о которых столько говорят, по сравнению с этой группой, дерзко поднимающей голову? Якобинцы и другие секты! Исчезните все перед лицом партии прав

рые нам присвоил жреческий деспотизм без нашего согласия? Зачем вынуждать меня навсегда сохранять св. Иосифа в качестве моего покровителя и в качестве образца для меня? Я совсем не хочу обладать добродетелями этого почтенного человека! Разумным и нравственным был декрет, принятый Законодательным собранием, который разрешал объявить формальным актом, что не хочешь больше носить имя Рок или Никодим и что предпочитаешь в качестве покровителя и образца для подражания Брута или Агиса [91]. Декрет, отменивший это положение, является безумным и антиреспубликанским. Его авторы хотели умалить нас, хотели нас низвести до своего собственного жалкого уровня. Послушайте, сенаторы, вы не можете говорить это всерьез! Ведь от вас ждут, что вы будете содействовать укреплению морали и принципов, а не их упадку. Но я утверждаю, что, признав вместе с секцией Пантеона, что пора положить конец пренебрежению к правам человека, вы тем самым отменили ваш фанатический декрет; ибо права человека гарантируют свободу мнений. Так вот, поскольку есть свобода мнений, я заявляю, что мне противно носить в качестве второго имени имя Туссен. Что касается Никеза, третьего и последнего святого, которого мой дорогой крестный отец дал мне в качестве образца для подражания [92], то его дела тоже мне не по душе, и, если однажды моя голова падет, я вовсе не намерен разгуливать, неся ее в руке. Я предпочитаю умереть попросту, подобно Гракхам, чья жизнь мне нравится, и отныне выбираю их в качестве моих единственных покровителей. Я делаю об этом формальное заявление, и теперь, я полагаю, у меня все в порядке. Я даже объявляю, что ради моих новых апостолов я покидаю Камилла, которого я избрал своим патроном в начале революции; ибо с тех пор мой демократизм стал чище и суровее, и я разлюбил храм Согласия, построенный Камиллом и для Камилла: ведь этот монумент освятил сделку, с помощью которой Камилл, бывший на деле преданным адвокатом касты сенаторов и патрициев и лишь мнимым и коварным адвокатом плебеев, привел обе эти стороны к заключению соглашения, которое, не будь Камилла, могло бы оказаться значительно более выгодным для народа.

человека! Ваши великие словопрения всего лишь детские забавы, вы все будете сметены с нашего пути. Говорить об этом грозном водовороте — значит неизбежно вернуться к клубу, ранее именовавшемуся Электоральным. Меня, быть может, упрекнут, что я только о нем и говорю. Я заявляю, что скоро всеми будет признано, что ошибались те, кто не говорил о нем столько же, сколько я, кто не видел в нем великого поля битвы за форму правления, арены, куда сходятся все борцы за свободу, дабы договориться о том, как помешать порабощению французской нации, как остановить деспотических правителей, не признающих никаких границ для своей тирании, как восстановить наши вечные принципы, которые пользовались признанием и уважением под властью короля, тогда как теперь они бесстыдно попираются под маской республиканизма. Вернее будет сказать, что все это отлично видели, и именно этим объясняется ярость, проявленная правительственными отрядами при разрушении клуба, именуемого Электоральным, под тем чрезвычайно гуманным предлогом, что необходимо расширить больницу при Епископстве. Доклад комиссаров позволил наконец оценить по достоинству эту мотивировку. В этой больнице 1100 коек стоят теперь никем не занятые!

Перейдем к фактам. 10 термидора * общество, изгнанное из своих пенатов, провело утром заседание под открытым небом, около того помещения, из которого его изгнали, т. е. на площади храма Разума. Там было решено обратиться в Конвент с большой петицией, напечатанной в нашем последнем номере, и вместе с тем пожаловаться на акт произвола в отношении помещения общества, учиненный вопреки декрету, который отсрочил захват этого помещения. Многочисленная депутация, состоявшая из членов общества и граждан с трибун, отправилась в Конвент, неся перед собой Декларацию прав человека, сию эгиду, которой уже долгое время нигде не видно, которую тщательно скрывают во время государственных празднеств и которой не было видно даже на последнем празднике памяти Марата [93], хотя Марат и прославился тем, что был самым горячим проповедником прав человека.

Депутация общества прибывает, и ее вводят в Конвент. Не будет излишним отметить, что, дабы ослабить внушительность этой депутации, вход был разрешен только ничтожной ее части, а перед остальными была закрыта дверь. Петиция зачитывается. Народ, который всегда остается самим собою, который всегда чувствует свои права и узнает их, когда ему излагают их ясно и без туманных и лживых уверток, используемых теми, кто хочет лишь обмануть его, народ, говорю я, т. е. та его часть, которая находилась на трибуне Конвента, встретил петицию продолжительными аплодисментами. Председатель Андре Дюмон [94], всегда выступающий только с заранее написанными ответами, приготовил и на этот раз следующий ответ, который он и прочитал:

---

* *Так у Бабефа.*

«Революционное правительство против вашей просьбы. Долгом патриотов является повиновение законам. Конвент сумеет спасти народ, обрушив удары на тех, кто хочет его смутить, и т. д.» Не уместно ли было бы возразить Дюмону следующим образом?

24 фрюктидора председатель Мерлен из Тионвилля, говоря о революционном правительстве, имел смелость сказать: «Это — кровавое правительство, которое друзья родины хотели бы стереть со страниц истории». Мы такого же мнения об этом правительстве, которое мы рассматриваем, как тираническое; главная цель нашей петиции — добиться его осуждения. Сказать нам, что оно высказывается против нашей просьбы, равносильно тому, чтобы сказать, что тирания высказывается против того, что свобода хочет господствовать вместо нее, тирании. Долг патриотов — повиновение хорошим законам, а также восстание против нарушения вечных принципов, сохранение которых им торжественно доверено. От имени Конвента ты угрожаешь народу, ты снова заставляешь Конвент говорить языком терроризма, заявляя, что «Конвент сумеет спасти народ, обрушив удары на тех, кто хочет его смутить...» Ему придется тогда обрушить удары на весь народ, ибо скоро станет известно, что весь народ выступает за то, чего требуем мы. Даже если бы лишь часть народа, лишь несколько человек волновались из-за попранных принципов, то и тогда бы только деспотизм мог на них обрушиться, ибо, когда правительство попирает права народа, для народа и для любой его части восстание становится самым священным правом и самым неотложным долгом.

Оставим Конвент, обратимся к народу, так как именно он решает и имеет право решать все важные вопросы.

11 вандемьера секции Революционэр, Ситэ, Тампль, Музея приходят под эгидой Прав человека заявить Конвенту об их присоединении к петиции клуба, ранее именовавшегося Электоральным. Секция Музея отмечает в этом обращении следующие бессмертные слова: «Унизительно для народа быть вынужденным просить вернуть ему его права».

На своих общих собраниях десятого секции Арси, Арсенал, Бон-Нувель, Фобур-Монмартр, Гравийе, Ломбар, Марше, Мон-Блан, Монтрей, Фобур-дю-Нор, Пантеон, Кенз-Вен, Репюблик, не отправляясь в Конвент, единогласно заявили о своем присоединении. Во всех других секциях посланцы, пришедшие с петицией, были встречены, как братья, восторженными аплодисментами. Поскольку почти всюду соблюден был устав секций, не допускающий обсуждения в присутствии посланцев, то нет сведений о других присоединениях. Но, судя по общему характеру голосования народа, можно ожидать, что Париж в целом даст еще раз спасительный пример, высказавшись за права народа, ибо он не захочет, чтобы их завоевание оказалось напрасным. Люди, связанные со старым режимом, прокуроры, адвокаты, члены револю-

ционных комитетов и агенты так же именуемого правительства, возможно, попытаются оказать сопротивление. Но масса людей независимых и действительно хранящих в душе чувство свободы, сметет все это и сделает жалкими эти тщетные усилия помешать общему движению возврата к принципам, близкую победу которых предвидели люди сколько-нибудь прозорливые. Одни только дураки будут сохранять пристрастие к политике деспотизма, невозможной у французов, которые по-настоящему усвоили некоторые представления о свободе.

Г. Бабеф, Трибун народа

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека; продолжение Газеты свободы печати Гракха Бабефа

№ 24

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

16 вандемьера III года Республики [7 октября 1794 г.]

Картина нескольких заседаний Конвента. — Переменчивость исповедуемых там принципов. — Замечания о докладе Ленде, о докладе Камбасереса и о нескольких ответах председателя Дюмона различным делегациям от народа. — Сравнение душегуба с патриотом.

Когда начнем мы хорошо отзываться о Национальном конвенте? Конечно, страстное стремление к общественному благоденствию заставляет нас сгорать от нетерпения, ожидая того времени, когда нам останется только аплодировать ему. Но наша неумолимая строгость, полная откровенность нашего пера позволят нам это лишь тогда, когда сенат совершит достаточно дел, достойных народа, и с ними нельзя будет не считаться. Льстивые писаки, проявлявшие свое рвение даже тогда, когда ареопаг, стоя на коленях и сгибаясь под хлыстом некоего чудовища, каждый день санкционировал неслыханные зверства, совершавшиеся по приказу его самого или его подручных, ныне поют хвалу нескольким робким попыткам защиты принципов, которые начинают проявлять наши законодатели. Я в этом вижу лишь слабые отзвуки былого. Я отнюдь не вижу здесь решимости, четко выраженной, полной, устойчивой. Наоборот, я вижу неуверенную и шаткую поступь людей, способных, кажется, признавать и исповедовать сегодня принципы, от которых завтра они отрекутся. Нет никаких оснований приходить в экстаз от этих божественных деяний. Говорить таким образом не значит чернить Конвент, это значит использовать принадлежащее каждому гражданину право надзора

за правительством, это значит побуждать депутатов стремиться к тому, чтобы всегда быть достойными своей миссии.

Разве не очевидно, что с некоторых пор в Конвенте нет никакой твердой линии, никакого определенного мнения, никакой определенной системы? То он как будто хочет воздать должное принципам, то с умилением обращает свои взоры к милому революционному правительству, без которого будто бы нельзя обойтись. Об этом революционном правительстве Конвент говорит как о самом святом из святых, с благоговением и почитанием, и с негодованием говорит о правительстве Робеспьера, о терроре, о кровавой системе, как будто все это не одно и то же. Я обращаюсь к историческому обзору деятельности Конвента и нахожу там веские доказательства истинности только что высказанного мною.

Допустив, чтобы у его барьера оскорбляли петиционеров, пришедших требовать уважения к правам человека, и чтобы их затем подвергли заключению, Конвент впоследствии аплодировал и дал почетный отзыв обращению секции Пантеона от 1 вандемьера, распорядившись напечатать его в своем бюллетене; в этом обращении было сказано, что данная секция всегда будет считать своим знаменем Декларацию прав, что она предоставляет другим позорить себя требованием возвращения царства тирании и что, стремясь восстановить принципы угнетения, эти люди роют себе могилу.

Ленде заявил в 4-ю санкюлотиду народным обществам[95]: «Следите внимательно за деятельностью правительства, осуществляйте надзор за государственными должностными лицами. Чтобы быть свободными и сохранить свободу, люди должны знать свои права и свои обязанности». А 8 вандемьера Камбасерес[96] завершает уничтожение свободы и прав народа путем дополнительного усовершенствования революционного правительства — предоставления Конвенту права назначения всех государственных должностных лиц вместо права просто чистки, которое он захватил посредством знаменитого закона от 14 фримера.

Председатель Дюмон 11 вандемьера осыпает угрозами и называет смутьянами членов одного клуба, пришедших в Конвент, чтобы напомнить о Декларации прав человека. Он хочет застращать их словами «революционное правительство». А на следующий день он же говорит секции Революционэр, пришедшей поддержать это требование: «Успокойтесь, злонамеренные люди напрасно пытаются восстановить террор; Конвент хочет только справедливости...» Секция Пантеон, которая, придя заявить о своем присоединении к предыдущим, имела мужество высказать следующую ценную истину: «Унизительно для народа быть вынужденным просить вернуть ему его права», — получила почетный отзыв, и ее петиция будет напечатана в бюллетене.

(Продолжение в завтрашнем номере)

[*Ниже следует письмо в редакцию за подписью Венсан*].

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека; продолжение Газеты свободы печати Гракха Бабефа

№ 25

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

17 вандемьера III года Республики [8 октября 1794 г.]

Уведомление Конвенту

Когда страстно любишь свою родину; когда видишь, как в течение пяти лет великодушный народ прилагал невероятные усилия и шел на всевозможные жертвы ради того, чтобы сделать ее свободною; и когда в результате видишь только Угнетение... то мужественному человеку, который дал клятву жить свободным или умереть, трудно, обличая это угнетение, говорить иначе, как с негодованием и республиканским рвением, не допускающим никаких предосторожностей, никакой политической осмотрительности, и никакая опасность не может сдержать этих чувств перед лицом опасности потерять свободу.

Однако сегодня я попытаюсь ценой огромных усилий сохранить хладнокровие, зондируя рану, нанесенную моей стране. Я хочу заверить представителей народа, что меня воодушевляет только одна любовь к свободе, что я перестану быть их критиком, а, наоборот, стану певцом их подвигов в тот день, когда они в своей деятельности начнут всецело опираться на принципы незыблемой и вечной справедливости. Раб на службе дела свободы, я униженно склоняюсь, если это нужно, к ногам наших законодателей, смиренно умоляя их вернуть нам свободу, заверяя их, что для них это единственное средство завоевать подлинную любовь французов и стереть воспоминание о слабости, которая терпела, или о соучастии, которое способствовало 18 месяцам сверхтирании, 18 месяцам жестоких преступлений и каннибальства.

Но не требуйте от меня той сдержанности, которую дипломаты называют благоразумием, которая не позволяет открыть сразу и без всяких оговорок ту страшную бездну, куда страна погружена. Такого рода предосторожность я считаю обманом, коварной сделкой со свободою. Она не терпит этих проволочек, во время которых ее многочисленные дети гибнут в пропасти. Она требует срочного и одновременного принятия мер помощи, таких, какие требуются тому, кому грозит непосредственная опасность. Я не знаю тактики более верной, чем тактика Марата, — это тактика правды. Он лечил язвы, от коих страдает народ, указывая их ему, ибо народ — сам свой лучший лекарь. Поэтому я буду хладнокровен и правдив, обращаясь к уполномоченным суверенного народа, и в следующих словах изложу им свое исповедание веры.

В нынешнем порядке государственного управления я вижу потрясение народной системы, политические абстракции вместо принципов; оцепенение и угнетение, вызванные рабством, вместо той энергии, которая характерна для свободных стран; олигархическое правление вместо республиканского режима; сенат, сведенный к почти полному ничтожеству и постоянно руководимый, по удачному выражению Лекуантра, какой-нибудь кучкой заправил; несчастный, отчаявшийся, неуверенный в себе народ, не знающий, на что опереться, и видящий в революции лишь великое бедствие.

Показать всем республиканцам существование комитетской олигархии, деспотически властвующей над народом и над самим Конвентом; показать им ее истоки, ее рост, ее временные болезни, ее выздоровления и воскрешения; показать, откуда берутся всякие нарушения и те злоупотребления и беды, которые они за собою влекут; воскресить моральный дух народа, чтобы вернуть ему его энергию, и помочь ему признать свои принципы и свои права, единственные гарантии хороших законов и свободы; заменить язык низкой лести свободным языком демократизма, чтобы потребовать исправления всех законодательных ошибок... вот, уполномоченные, к какой цели отныне будут направлены мои стремления, мои усилия, вся моя деятельность.

Но все это ведет к свержению революционной системы?.. Граждане депутаты, не пора ли перестать обольщаться словами? Почему выражение «революционное правительство» постоянно является талисманом, прикрывающим все злоупотребления, не позволяя жаловаться на них? Почему обязательно нужны увертки, хитрости, скрытность? Ну да, все друзья свободы стремятся к свержению революционного правительства; и причина этого в том, что оно подрывает всякую свободу. Почему бы не сказать это совершенно открыто? Вы позволяете это говорить и сами это говорите, но иносказательно. Что означают эти политические логогрифы? Что мы за народ, если мы должны говорить на каком-то арго? Вы позволяете разглагольствовать и сами разглагольствуете против терроризма, кровавого правительства, правления Робеспьера, тирании Робеспьера, деспотизма ваших прежних комитетов, а это и есть, все согласятся, революционное правительство; и тем не менее вы считаете преступлением прямо выступить против этого революционного правительства, назвав вещи своими именами. Давайте определим вещи и разберемся в словах. Что такое революционное правительство? Что касается меня, я считаю, что это — терроризм, кровавое правительство, правление Робеспьера, тирания Робеспьера, деспотизм комитетов и все порожденные ими жестокости: гильотинирование, расстрелы, потопления, угнетение, — а также отчаяние, всякого рода нехватки, лишения и нищета. Неужели, как сказал Андре Дюмон на заседании 10 вандемьера, Конвент поклялся все это сохранить до заключения мира?

Да нет же, это уже не то революционное правительство, а совсем другое. Вы же видите, что уже не гильотинируют, не расстреливают, не топят больше, как во времена Робеспьера, и что люди говорят почти все, что хотят, и пишут тоже. На что же вы жалуетесь? То революционное правительство, которое, как вам заявляют, хотят сохранить, существует только для того, чтобы сосредоточить в своих руках всю власть, чтобы быть уверенным во всех назначениях, администрациях и т. д., для исправления всех возможных ошибок народа, который столь глуп, что всегда назначал на все должности только своих врагов, кроме нас, являющихся его друзьями.

Разве народ не мог бы упрекнуть своих единственных друзей в том, что они называют других его избранников врагами лишь для того, чтобы на их места назначить своих друзей? Но друзья наших друзей не являются нашими друзьями. Народ видит в них только людей, рабски преданных тем, кому они обязаны своим существованием и кому достаточно подуть, чтобы они погасли. Народ видит в создании этого большого стада рабов лишь важное средство, которым пользовались все деспоты для умножения корней и опор их господства. Народ уже не видит народных, демократических, республиканских форм правления. Он видит себя поверженным, сведенным к ничтожеству.

Никто не оспаривает того, что именно Робеспьер ввел этот порядок, чтобы повсюду посадить своих ставленников, охраняющих его будущую абсолютную власть. Стало быть, сохранять это учреждение — значит сохранять робеспьеризм, и отстаивать это могут только люди, стремящиеся занять его место. Их тем более следует в этом подозревать, что рассеянная повсюду орда чиновников-робеспьеристов сохраняется. А если бы даже они были заменены другими, соответственно революционному порядку, то и это были бы рабы, сменившие других рабов. Это были бы опять мелкие тираны, подчиненные другим тиранам, ничем не связанные с народом, никогда не заслужившие его доверия, нисколько не заинтересованные в том, чтобы его заслужить, и от него не зависящие и покорно преданные тем, кто их назначил. Короче говоря, это были бы друзья наших друзей, но не наши друзья.

В докладе, предшествовавшем учреждению революционного правительства, у Робеспьера вырвалась одна весьма замечательная фраза, и Прюдом хотел, чтобы она была выгравирована золотыми буквами на входной двери Комитета общественного спасения. Вот эта фраза: «В тот день, когда революционное правительство попадет в руки людей порочных и вероломных, свобода погибнет; ее имя станет предлогом и оправданием самой контрреволюции». Это было сказано очень хитро. Максимилиан предвидел, что по зрелом размышлении люди заметят, что революционное правительство это такой порядок вещей, при котором добра пад-

лежит ожидать от людей, а не от законов. Поскольку оно является, надо прямо сказать, монархией, осуществляемой несколькими, и состоит из таких же элементов, как и монархия, осуществляемая одним, то этого добра можно ожидать лишь в том случае, если монархи соединят в себе все добродетели. И это признание основатель тирании нацелил на то, чтобы своей показной, якобы небывалой честностью принудить к молчанию прозорливых людей, способных усомниться в чистоте намерений его самого и приспешников его королевской власти и предвидеть то, что вскоре и произошло и к чему неизбежно должно было привести установление этого плохо замаскированного монархического порядка. Софизмам этого монарха можно было бы противопоставить следующее сокрушительное возражение: «Монархия одного или нескольких всегда и неизбежно оказывается в руках людей порочных и коварных. Тот, кто принимает такую власть, уже по одному этому коварен и порочен. Человек, хоть один раз согласившийся испить чашу неограниченной власти, есть тиран и останется таковым навсегда. В его руках свобода погибла, ибо он уже выше закона, и в стране, где революция свершилась ради свободы, такое изобретение, хотя бы его и назвали «революционным правительством», есть завершенная контрреволюция».

Честные депутаты, подумайте об этом и не позволяйте опутывать вас словесами. Вы были избраны, чтобы дать Франции свободу и счастье, проверьте, пользуется ли она обоими этими благами. Все, кто способен рассуждать, без труда разбираются в том, может ли одна противоположность создать другую, могут ли когда-либо деспотизм, угнетение, притеснение привести к свободе, энергии и республиканскому благоденствию. Вам достаточно слегка напрячь память, чтобы припомнить следующие исторические истины, основанные на изучении национального характера: все угнетатели народа погибли; во Франции угнетение никогда не может быть победоносным. Напрасно думают, что нельзя обойтись без принципов Робеспьера, которые ведут исключительно к аристократическому законодательству вместо той полностью народной системы, ради которой народ принес столько жертв. Пусть представители народа не ошибаются на этот счет! И особенно пусть те, кто активно способствовал укреплению тирании, хорошо усвоят один важный факт. Республика уже поняла, что ее обманули и предали; что в действительности она находится под властью аристократического правительства... и что она пережила столько волнений лишь для того, чтобы приобрести такое чудо из чудес! Недовольство стало всеобщим, надо быть слепым, как монархи, чтобы этого не видеть. Правительственные отряды лишь средствами деспотизма могут сдерживать взрыв ропота. Дух свободы кипит, мина может взорваться внезапно. Вот, пожалуй, спасительный совет! Счастливы будут те, кто не будет до конца цепляться за ту антинародную систему, от которой стонут все республиканцы.

Достаточно двум или трем депутатам выступить за восстановление демократических принципов и общей системы, полностью на них построенной, и я ручаюсь, что их поддержит вся республика и эта сила народного мнения вскоре подчинит им весь сенат. Твердо доказано, что люди устали от тирании, я вижу доказательство этого во всеобщей поддержке, которую получили речи Тальена и Фрерона о свободе печати.

Совершенно очевидно, что те, кто активно способствовал консолидации деспотизма, будут стараться сохранить его возможно дольше, потому что они знают, что только благодаря ему они могут отсрочить час ожидающей их кары.

Но те, кто всего лишь был постепенно и незаметно доведен до того, что уже не мог противостоять жестокой власти правительственных комитетов, должны понять, что ныне они могут покрыть себя славою, уведя народ со скорбного пути нарушения его свободы и всех его прав.

Они бы таким образом спаслись сами, они спасли бы народ, они спасли бы Конвент, который очистился бы от многих пятен того зла, которое он допустил, и того зла, которому он не помешал.

Конечно, народ легко было бы убедить дать Конвенту время для того, чтобы он мог это осуществить, создав хорошие учреждения и издав мудрые демократические законы, основанные исключительно на вечных принципах.

Г. Бабеф, Трибун народа.

P. S. Партия защитников прав человека усиливается. Фрерон в 10-м номере своей газеты официально объявил о своем присоединении к ней. Такой боец, конечно, очень укрепит ее и привлечет взоры зрителей к ее успехам. Но не менее важно для нее полученное нами в письме, которое, к сожалению, мы сможем напечатать лишь в следующем номере, сообщение о том, что целый большой город Ренн, свободный и смывший с себя кровь после отъезда Каррье, встает под знамена нашей партии. Завтра дадим это письмо и важные подробности.

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека; продолжение Газеты свободы печати Гракха Бабефа

№ 26

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

19 вандемьера III года Республики [10 октября 1794 г.]

Письмо из города Ренна, который присоединяется к партии защитников прав человека. Кровавые подвиги Каррье в этой коммуне. — Более похвальное поведение депутата Бурсо. — Как

проявил себя Андре Дюмон, в прошлом де Буа-Руа, и сходство одного из его ответов с ответом покойного Инара. — Страшные последствия сохранения революционного правительства до заключения мира. — Предисловие к будущей статье о Фрероне, который проповедовал ложные взгляды на народный суверенитет и превозносил Бурдона из Уазы и его убийственную для республики резолюцию о чистке Народных обществ. — Крик боли и ужаса по поводу беспримерного заседания от 18 вандемьера.

К редактору

«Да здравствует Республика. Еще один город примкнул к священной партии защитников прав человека. Ренн, издавна слывший очагом самого пылкого энтузиазма, пришел в страшный упадок, вызванный бесчисленными преследованиями, которые на него обрушились. Однако его бедные жители сохранили свои добродетели, и сердца их всегда были чисты. Каррье во время своего пребывания там широко развернул террор. Гильотина действовала неустанно, и дерево свободы окружало тенью своих ветвей это страшное орудие казни. Что за зрелище! После отбытия этого надменного сатрапа его заместители и сообщники, его свирепые последователи с ожесточением сохраняли введенную им систему угнетения, и весь Ренн оплакивал свою свободу, бывшую теперь лишь пустым словом, которое эти гнусные палачи использовали, чтобы заключить в тюрьму патриотов и добродетельных людей.

Но все изменилось, кризис миновал. Прибытие Бурсо предшествовало возвращению счастья, свободы и справедливости.

Вчера на собрании Народного общества, прочитав сначала послание Конвента, он ярко обрисовал черты, характеризующие большинство этого Конвента, уставшего от тиранов и угнетателей и думающего только о счастье народа. Он с большою силою выступил против тех коварных людей, которые стремятся к анархии лишь для того, чтобы побольше награбить, и стараются вызвать ненависть и окружить подозрением честных людей, таких, как Мерлен из Тионвилля, Лежандр, Дюбуа-Крансе, называемый ими в насмешку Dubois à crosser *.

Вот что я хотел тебе сообщить, доблестный защитник свободы печати. Помести это письмо в твоей газете: оно даст ответ на многие клеветнические измышления, направленные против жителей Ренна.

Подпись: А. Жалл, член и секретарь Народного общества и партии прав человека. 12 вандемьера.

---

* *Т. е. презренный (Прим. переводчика).*

Замечания народного трибуна по поводу предыдущего письма

Партия защитников прав человека вскоре охватит все коммуны Республики, вернее, она уже имеет свои естественные ответвления в каждой из них, ибо эта партия существует с 1789 г. Это она разрушила Бастилию и убила деспотизм. Это она провозгласила манифест свободы, заслуженно считающийся кодексом народов, полученным из рук самой природы; сей вечный свод, который угнетатели могут лишь временно спрятать, но не могут ни уничтожить, ни скрыть от человечества, всегда хранящего его в своих сердцах, требующего его воплощения и раньше или позже карающего тех, кто его нарушает. Это та партия, которая искоренила династию Капетов, которая сформировала бесчисленные непобедимые армии, поколебавшие все троны. Одним словом, это она совершила всю революцию. Она была известна под другим именем, под именем патриотов, но названия имеют лишь то значение, что делают необходимым объяснение в словаре, когда один и тот же предмет имеет еще какое-либо обозначение, по которому многие могли бы его не узнать. Поэтому следует всем сказать, чтобы они не ошибались, что партия прав человека существует во всей Республике; что каждой из ее частей не требуется даже делать в центр заявление о своем присоединении для того, чтобы в ней были уверены; что, как известно, это та же самая партия, что и партия патриотов, которая неизменно и повсеместно проявляла себя во всех великих делах революции; что она проявит себя и впредь всякий раз, когда это потребуется; что, правда, когда практиковались чрезвычайные и *резкие* меры, этот колосс был одно время недвижим, но ныне он обладает ясным сознанием своей силы, своих прав, а также знает подлинную цену всевозможным политическим абстракциям и республиканским софизмам, и эти знания делают невозможным возрождение революционного правительства.

К тому же из приведенного нами выше письма видно, что делегаты народа, находящиеся в департаментах, уверяют его от имени Конвента в том, *что большинство Конвента думает только о счастье народа, что оно устало от тиранов и угнетателей*, стало быть, от тирании и угнетения. Продолжим же начатое в № 24* рассмотрение последних действий и общего курса Национального конвента. И всюду, где мы усмотрим тенденцию к угнетению и тирании, мы скажем, что те, кто этому способствует, не принадлежат к большинству, и мы объявим их принадлежащими к врагам народа.

* Внимательный читатель, вероятно, отметил в нашем последнем номере заметный перерыв в изложении того, что было начато в предыдущем номере, перерыв, способный вызвать недовольство у людей, любящих следить за обсуждением важных вопросов. Позднее станет известно (а ныне это государственная тайна), какими исключительно серьезными соображениями была вызвана эта неувязка.

Не думает ли Андре Дюмон, что я с ним рассчитался за его гнусный ответ от 10 вандемьера, который довольно похож на ответ, данный Инаром[97] за несколько дней до 31 мая? Все помнят этот ответ: *Удивленный путник спросит, на каком берегу Сены стоял Париж*. Экспромт *господина Дюмона де Буа-Руа** по меньшей мере равноценен этому бессмертному пророчеству. Конвент, сказал г-н де Буа-Руа, *сумеет поразить тех, кто хочет посеять смуту в народе, требуя прав человека*. Стало быть, Конвент *обрушит удары на весь Париж*, ибо весь Париж уже взволнован, волнуется и будет волноваться в связи с этим важным требованием. Если Конвент ударит по всему Парижу, то не тогда ли «удивленный путник спросит, на каком берегу стоял» этот великий город? . .

Революционное правительство, продолжает Андре Буа-Руа, *несовместимо с вашим требованием прав человека*. Как замечательно придумано! Неужели вы самостоятельно это обнаружили, великий Дюмон? Ну, разумеется, режим тирании несовместим с режимом свободы, деспотизм несовместим с правами человека, и все противоположности противостоят друг другу. Вот почему права человека, со своей стороны, противостоят деспотизму, свобода — тирании, и, следовательно, правительство прав человека — революционному правительству: «этому кровавому правительству (по словам Мерлена из Тионвилля), которое все друзья родины хотели бы стереть со страниц истории». Стало быть, грозный Андре, *порази* также и Мерлена, который дерзко позволяет себе подобные кощунства в адрес самого прекрасного революционного правительства, какое когда-либо видели с сотворения мира. Ты, со своей стороны, достаточно прославил его во время твоего пребывания на посту проконсула. У тебя, конечно, есть свои соображения, чтобы любить это правительство, пружины которого всегда поддерживают занавес, скрывающий тысячи несправедливостей. В департаменте Сомма ты уже не был Дюмон де Буа-Руа; ты стал ле Руа-буа **. Будь что будет. Если ты меня не *поразишь*, если меня не убьют в ближайшие дни, я дам отчет о ваших подвигах, правдивый и плачевный.

Долг патриотов, продолжает Дюмон, *повиноваться законам*. Но право патриотов — законы утверждать. А когда представители суверенного народа при утверждении важнейших законов обходят это самое существенное положение, то это назы-

---

* Людям любопытным и любителям старины полезно принять к сведению, что так называл себя высокопоставленный и весьма влиятельный Дюмон в феодальные времена, когда Бареры называли себя Вьесак, Бийо — де Варенн, а Колло — д'Эрбуа. С тех пор как многим пришлось замаскироваться, он стал зваться более скромно, этот славный, добрый Андре.

** *Le Roi boit — король пьет (Прим. переводчика).*

вается нарушением прав народа, узурпацией суверенитета, и статьи 27, 33, 34 и 35 Декларации прав человека указывают народу, чтó он в этих случаях должен делать.

Конвент, говорит, наконец, его председатель Дюмон, поклялся сохранить революционное правительство у власти до заключения мира. Так значит, Конвент поклялся! Это неправда. Прибыло, естественным или искусственным путем, много обращений, которые требовали этого, но Конвент не поклялся, по крайней мере явно. Если бы он даже и сделал это, следовало бы еще спросить, много ли значит такая клятва. Может ли Конвент присягать без народа? 10 августа он присягнул вместе с народом на верность свободной и демократической Конституции. Мог ли он непосредственно после этого без народа и вместо народа присягнуть другой конституции, останавливающей действие первой (!), построенной на прямо противоположных принципах (!) и срок действия которой никак нельзя было предусмотреть?! Где же полномочия, которыми народ когда-либо передал своим агентам право поработить его? Что это за позорная опека, которую сенат якобы имеет право осуществлять столь долго, сколь ему угодно, над великой нацией, показавшей себя достойной свободы? Если бы Конвент необдуманно поклялся держать народ в рабстве, он смог бы спокойно положиться в этом отношении на народ; народ в своем всемогуществе сумеет освободить его от этой нелепой клятвы. Пусть слишком робкая совесть законодателей вернется к великим первоначальным принципам нашей доктрины, а народ — великий исповедник, он вправе отпускать любые грехи. Ладно, сенаторы, сказал бы он им, идите с миром, вы освобождены от вашей присяги; и вам дается даже полная индульгенция, если вы действительно раскаялись в том, что таким образом совершили серьезное покушение на суверенитет нации.

Вслушаемся хоть раз в эти сакраментальные слова: Революционное правительство до заключения мира. Осмелимся рассмотреть их поближе. Раболепный страх, резкие меры, которым мы побоялись противостоять, выхватив молнию из рук тех, кто направлял ее на наши головы, — все это до сих пор превращало эти странные слова в страшное пугало для нас. Но мое перо касается их, и моя рука при этом не дрожит. Я срываю эту ужасную повязку, скрывающую безобразия, которые необходимо знать. Революционное правительство до заключения мира — это значит: осуществление всех прав народа откладывается до заключения мира; декларация этих прав и конституционный акт находятся под запретом до заключения мира; произвольные назначения должностных лиц во всех областях сохраняются до заключения мира; накинутое на статую свободы покрывало сохраняется до заключения мира; принуждение всех французов к пассивному повиновению, к раболепной покорности, к рабству в прямом смысле слова до заключения мира.

Анализ петиций, которые, восхваляя благородные труды, просят о сохранении революционного правительства до заключения мира, очевидным образом сводится к следующему: «Окажите вашим рабам такую милость, оставьте их порабощенными до заключения мира». Другие приходили с такими заявлениями: «Оставайтесь на вашем посту до заключения мира», иными словами, «оставайтесь, чтобы быть уверенными в том, что мы обузданы, потому что, если бы вы вздумали дать нам других хозяев, они могли бы оказаться достаточно наивными, чтобы вернуть нам свободу». Эти петиции кончались так: «Заключайте мир лишь тогда, когда все тираны земли будут уничтожены», т. е. «восхищайтесь щедростью ваших рабов, они гарантируют вам более чем пожизненное пользование вашими курульными креслами*; ибо пока что королей убивают не так быстро, и, если вы сумеете сохранить хотя бы несколько их отпрысков на острове Ява, вы сможете говорить, что ваш крестовый поход не кончен, и будете царствовать по-прежнему».

Пусть же поймет Конвент, что посредством этих хитростей нельзя долее вводить в заблуждение просвещенную нацию. Пусть он поймет, что французский народ создан для того, чтобы наслаждаться свободой, чтобы наслаждаться ею постоянно, без оговорок и без изменений. Свобода, права каждого человека и всего народа отлично могут согласовываться с революционными мерами, принимаемыми для сдерживания внутренних врагов и для обеспечения побед над внешними врагами. Но эти необходимые меры не должны использоваться как предлог ни для порабощения свободных людей, прирожденных и вечных друзей свободы, ни для того, чтобы откладывать осуществление их прав на неопределенный срок. Свобода должна быть всегда, как во время войны, так и во время мира; она создана для патриота, а революционное правительство есть лишь слово, которое не может превратить его на время в раба. Если бы в такой Республике, как Франция, со всех сторон окруженной монархиями, на время войны было бы необходимо революционное правительство, то сколько времени понадобилось бы ждать, пока мы сможем пользоваться свободою и правами человека? Допустим, завтра мир заключен, нам возвращают столь давно требуемое нами пользование нашими правами; шесть месяцев спустя один из 10 или 12 соседних с нами королей затевает с нами или мы с ним затеваем ссору. Приходится быстро создать революционное правительство; долой права человека и суверенитет народа. И мы опять рабы до заключения нового мира, и только бог и законодатели знают, когда наступит мир!

---

* *Кресла из слоновой кости, закрепленные в Древнем Риме за некоторыми высшими должностями (Прим. переводчика).*

* * *

Что за горячечный бред овладевает умами! Нам придется описать в ближайшем номере такие еретические воззрения, от которых бросает в дрожь. Портится нравственность даже тех, кто слывет самыми строгими последователями правильных принципов! Фрерон, в котором я пока порицаю только ум, считая, что сердце его чисто, недавно забрел в край ошибок, причинив таким образом величайший вред святому делу, твердой опорой которого он был поначалу. Братья мои, я снисходителен, но моя искренность, моя республиканская непреклонность не позволяют мне не указать вам на серьезность ваших ошибок. Я не спущу Фрерону тех, которые он допустил. Завтра я покажу ему, сколь значительна ошибка, допущенная им в 10-м номере его газеты, где он устанавливает некий мнимый суверенитет в миниатюре Национального конвента вместо подлинного суверенитета народа. Я ему покажу, что еще более велика ошибка, допущенная им в том же 10-м номере, когда он выступает как апологет Бурдона из Уазы и его гибельного для Республики предложения о чистке Народных обществ; при этом Фрерон даже превосходит Бурдона, предлагая самого себя (о, скромность!) в исполнители этой чистки — он намерен собственноручно изгонять бичом торговцев из храма. Я назову также интриганов, противников прав человека, действующих в секциях; у меня подготовлены замечания относительно некоего Велина, обрабатывающего секцию Арсенал с целью заставить ее дезавуировать свое присоединение, что обратило бы в позорное предательство те лавры, которые она завоевала в последней схватке [98].

P. S. Только что я прочитал отчет о беспримерном заседании от 18-го. О, Родина! Свобода! Права человека! Мы шагаем по груде цепей. Мужество, дерзание, придите ко мне, придите, войдите в сердца всех французов... Мы еще разобьем эти цепи!

Г. Бабеф, Трибун народа.

[ВЫСТУПЛЕНИЕ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ КЛУБЕ] [99]

[между 18 и 22 вандемьера III года — 9—13 октября 1794 г.]

...Суверен колоссальный! Чтобы внушить мне уважение, необходимо величие!.. Сувереном должен быть народ, вся его масса, как об этом говорит Конституция, а не пигмеи; и, когда они предъявляют эту безумную претензию, я их считаю раздутыми ничтожествами. Я восстаю против этого, но при этом оставляю в покое Юпитера и не прошу у него их замены.

Республиканцы! Вы читали 10-й номер газеты Фрерона, где смешаны мнимая дань уважения к священным принципам с фразами, попирающими эти принципы. Разве это не общая политика, согласованная между главными сторонниками системы полного

уничтожения суверенитета, суверенитета в миниатюре; разве не ясно, повторяю я, что это общая политика — совмещать видимость самого глубокого уважения к принципам с одновременным самым наглым их нарушением с тем, чтобы привести в полное замешательство сознание народа и лишить его возможности на что-либо решиться и определить, что ему готовится — цепи или ковчег свободы. А пока граждане будут сталкиваться друг с другом и спорить, хотят ли их сделать свободными или рабами, будет достаточно времени для того, чтобы закрепить их рабство; когда же они очнутся после всех этих споров и вынуждены будут увидеть и признать, что это — рабство, окажется, что были приняты все надежные меры и помочь делу уже невозможно.

Граждане, то, что я вам сказал, заслуживает самого внимательного обсуждения; все, что мной сказано, более чем правдоподобно. Я сделаю сейчас важное разоблачение. Поверите ли вы, что я, незначительный человек, санкюлот с чердака, владею письмом, которое я опубликую, которое хранится в надежных руках и не умрет вместе со мной, если тирании, — а она в этом очень заинтересована, — удастся меня уничтожить; поверьте мне, повторяю я, что я владею подписанным письмом, адресованным мне одним из доверенных лиц правительства в тот момент, когда выходил 19-й номер...

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. ОБРАЩЕНИЕ ЗАЩИТНИКОВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА,

объединившихся в Народное общество, ранее именовавшееся Электоральным, ныне заседающее в секции Музея [100]

К НАРОДУ ПАРИЖА И ВСЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Французский народ!

В самом начале Декларации прав, которую ты поклялся защищать своею грудью так же, как и свободную Конституцию, из нее вытекающую и ее дополняющую, мы читаем следующие замечательные слова: «Народ... постановил изложить в торжественной декларации свои священные и неотчуждаемые права, дабы все граждане могли постоянно... сопоставлять с ними... действия Правительства».

Если эта Декларация была написана и принята тобою не зря, если, суверенный народ, ты действовал всерьез, когда оговорил для себя эту важную возможность сопоставлять действия твоего правительства с основами главного пакта, то мы настоятельно просим тебя сделать это в отношении некоторых недавних действий нынешнего правительства.

Народ знает, с какой важной целью была оговорена эта возможность сопоставлять:

«Для того, чтобы граждане никогда не допустили своего угнетения и унижения тиранией».

Так буквально гласит Декларация прав, и именно для того, чтобы предохранить родину от такого угнетения и от такого унижения, в которые, как мы видим, она готова впасть, мы берем на себя мужественную задачу предостеречь всех наших соотечественников.

Париж, который первым нас услышит, знает, кто мы. Но мы равным образом обращаемся и к департаментам Республики, и им необходимо объяснить, какова та группа людей, которая выступает столь твердым шагом в такое время, когда люди, только что выбравшиеся из развалин террора и потоков человеческой крови, все еще бродят среди привидений и ужаса могил.

Пусть же узнает Республика, что в Париже горсть верных друзей прав человека смогла ускользнуть от проскрипций Суллы-Робеспьера и что они поклялись умереть или возродить эти права; что эти пламенные защитники свободы народа объединились в Народный клуб; что они сплотили вокруг себя всех, кто в этом главном городе Республики верен принципам, любит справедливость и ненавидит тиранию; что в их обществе, где аудитория всегда многочисленна, где все без какого-либо различия между сидящими на трибунах посетителями и полноправными членами могут быть попеременно то слушателями, то ораторами со времени своего рода новой зари, занявшейся 9 термидора, не прекращаются дискуссии на основе одной только Декларации прав, невзирая на многочисленные преследования со стороны некоторых продолжателей дела Максимилиана; и то, что эта подлинно свободная ассоциация, подлинная выразительница самой сущности народа, предлагает здесь всем своим братьям, является результатом этих торжественных прений.

Народ, пора сорвать с твоих глаз повязку, скрывающую от тебя все макиавеллистические уловки. Парижане, вы находитесь у самого очага всех политических интриг: передовые дозорные революции, вы обязаны стоять на страже, предупреждая своих братьев в департаментах о приближающейся опасности. Департаменты! Вы большею частью еще пребываете под гнетом терроризма, под ферулою проконсулов, мы должны вас освободить и опять открыть вам путь к республиканскому режиму.

Найдется ли хоть один француз, достаточно трусливый или достаточно невежественный, чтобы сказать, что наше начинание слишком смелое? Оно диктуется разумом и здравым смыслом, которым мы поклялись следовать. Здесь даже мужества не требуется. Мы вовсе не будем говорить народу о том, что надо возродить его исконную энергию; нам ничего не надо завоевывать, нам достаточно осуществить то свое право, которое нам гарантировано в первых же строках нашего Кодекса. Мы только хотим сопоставить некоторые действия нашего правительства с Декларацией прав для того, чтобы выяснить, не направлены ли эти

действия к тому, чтобы «мы подверглись угнетению и унижению тиранией».

Если бы даже мы решили, что «нет», все равно сопоставление всегда дозволено. Не запрещено ошибаться, нет правила, предписывающего сопоставлять только наверняка.

Это право сопоставления принадлежит нам бесспорно, нам, простой части народа, в соответствии с текстом нашей основной Хартии. Разве она не предоставила каждой части суверенного народа право свободно выразить свое мнение и сообщить его другим, право непрестанно следить за покушениями на суверенитет и право сделать все, дабы остановить дерзкую руку, которая захотела бы его узурпировать?

Народ поймет, что нельзя обсуждать вопросы более важные, нежели этот; он будет внимательно следить за ходом этого обсуждения.

Для краткости мы остановимся на обращении Конвента к французам, принятом по предложению Камбасереса 18 вандемьера.

Мы утверждаем, что это обращение представляет собою как бы итог ряда предшествующих действий, посягавших на суверенитет народа. Мы утверждаем, что оно завершает узурпацию этого суверенитета. Мы утверждаем, что оно направлено непосредственно к нашему угнетению и унижению тиранией.

Мы утверждаем, что оно является ясным и определенным манифестом Конвента, посредством которого Конвент объявляет народу, что отныне он, Конвент, — все, а народ — ничто.

Конечно, услышав такое вызывающее тревогу заявление, все французы широко откроют глаза, в их душах вновь вспыхнет огонь, и они поклянутся своими боевыми шестью годами, что не для того они так тяжко трудились и принесли столько жертв, чтобы приобрести новых владык.

Тяжело народу-доверителю судить своих доверенных. Однако, сочетая строгость со спокойствием и отметая недостойный свободных людей дух пристрастия, предоставим все же Конвенту возможность оправдаться, заявив, что обращение Камбасереса было вырвано у него обманом, подобно тому как он заявил это ранее по поводу жестоких законов 22 вантоза [101], 23 прериаля и многих других, составивших свод законов Робеспьера.

Задача, которую мы перед собой ставим, самая серьезная, самая великая по своей цели. Народ призывает к себе своих главных агентов. Они, или, по меньшей мере, их действия, должны предстать пред его судом. Захватили ли они вполне официально суверенитет, да или нет? Вот на какой вопрос надо ответить. Наши доказательства мы построим как на Декларации прав, так и на авторитете людей, чье учение сам Конвент признал, почтив их память.

Сопоставим, во исполнение преамбулы Декларации прав, принципы этой Декларации с принципами обращения Национального конвента к французам, принятого 18 вандемьера по предложению Камбасереса.

Обращение от 18 вандемьера:

«Французы, в разгар ваших побед кое-кто замышляет вашу гибель. Несколько порочных людей хотели бы подвести подкоп под торжество свободы во Франции. Если бы мы молчали, мы бы сами себя предали, и наш священный долг заставляет нас предупредить о грозящей вам опасности.

Наследники преступлений Робеспьера и всех разгромленных вами заговорщиков действуют во всех направлениях, стремясь расшатать Республику, и, прикрываясь различными масками, хотят привести вас к контрреволюции через беспорядки и анархию.

Таков характер тех, кого честолюбие толкает к тирании. Они провозглашают принципы и приписывают себе чувства, которых у них нет, они называют себя друзьями народа, а любят только господствовать, и они говорят о правах народа, а сами стремятся вырвать их у него» *.

Сопоставление и дискуссия:

Граждане, объяснить это начало — дело нетрудное и не требует пространных рассуждений. Оно подтверждает решение, принятое Национальным конвентом 10 и 11 вандемьера по предложению Гийомара [102], о присвоении исключительно Конвенту права формирования общественного мнения. Это есть нарушение статьи 7 Декларации прав, требующей, чтобы общественное мнение было достоянием общества, а не только тех, кто стоит у власти.

Когда мнение может быть только мнением властей, это уже не общественное мнение, это тирания мнения или тиранизированное мнение. И именно этого стремятся добиться с помощью только что приведенной первой части обращения. Уже некоторое время с тех пор, как была завоевана свобода печати, подняли голову апостолы прав человека и своими громкими и страстными разоблачениями первых посягательств на суверенитет и права народа привлекли его внимание к этому вопросу. Власть испугалась, и начало обращения отразило эту тревогу. Как раз этих апостолов и защитников свободы и называют «порочными людьми», «коварными эмиссарами» деспотизма, «наследниками преступле-

* «Самые опасные ваши враги не подручные деспотизма, которых вы привыкли громить, а их коварные эмиссары, которые, проникнув в вашу среду, ведут борьбу против вашей независимости, используя ложь и клевету».

ний Робеспьера», которые покушаются на «независимость» французского народа. Граждане, кричат они, не доверяйте всем тем, кто «провозглашает принципы», кто «называет себя друзьями народа», кто «говорит о правах народа...»

По этим приметам узнайте «честолюбцев, стремящихся к установлению тирании, любящих только господствовать, делающих все для того, чтобы лишить вас ваших прав...»

Так переворачивают вверх ногами республиканскую мораль! Из этого неизбежно вытекает, что народ должен будет считать своими друзьями тех, кто будет называть себя его врагами, кто будет уничтожать принципы и попирать его права. Эти-то не будут «честолюбцами», не будут стремиться к «тирании», к господству, к лишению народа его прав? Чтобы быть патриотом, надо будет представляться чем-то прямо противоположным; люди, высказывающиеся как граждане, будут считаться подозрительными, обращение Конвента говорит о них с негодованием и объявляет их заслуживающими преследования со стороны всей Республики. Робеспьер тоже бросал тень подозрения на людей, исповедовавших святые правила. Поэтому общественный разум и доверие граждан уже не знают, на что им полагаться. К чему же это ведет? К тому, что народ должен отдаться исключительно на милость тех, кто таким образом чернит всех, кроме себя. Но из принципов демократии вытекает, что слепое доверие ведет прямо к рабству, что без надзора те, кто держат бразды правления, легко и быстро узурпируют права народа и что уничтожить этот надзор — значит свести на нет гарантию свободы, Конституции, *неограниченной* свободы печати, закрепленной статьей 122 Конституционного акта.

Обращение:

«Французы, вы не позволите ввести вас в заблуждение этими лживыми инсинуациями. Наученных опытом, вас уже не обмануть. Сама болезнь подсказала вам средство исцеления. Вы чуть не попали в капканы злобных людей. Республика была близка к гибели; вы объединились в *возгласе*: «Да здравствует Конвент!», — и злобные люди пришли в замешательство и Республика была спасена».

Сопоставление и дискуссия:

Почему один только этот *возглас*? В Республике кричат: «Да здравствует народ!», «Да здравствует нация!», «Да здравствует Республика!» Всюду, где хотели иметь рабов, учили кричать: «Да здравствует правительство!» Капет требовал, чтобы кричали только: «Да здравствует король!» Не так давно заставляли кричать: «Да здравствует Комитет общественного спасения!» А некоторые существа, доведенные террором до еще большей деградации, кричали: «Да здравствует один человек!

Да здравствует Робеспьер!» Да, возглас: «Да здравствуют депутаты!» — это уже крик рабов; он вовсе не единственный, как утверждают. Люди по-прежнему кричат и будут кричать больше, чем когда-либо: «Да здравствует суверенный народ!»

Обращение:

«Помните, что пока народ и Конвент едины, усилия врагов свободы разобьются у ваших ног, как пенящиеся волны разбиваются о скалы».

Сопоставление и дискуссия:

Конечно, народ и его агенты должны быть едины, пока действия последних направлены на сохранение прав народа, но нельзя допустить, чтобы агент требовал слишком большой независимости от того, кто его уполномочил. Нельзя допустить, чтобы депутат как бы говорил народу: не смотри на то, что я делаю, не вмешивайся больше в свои дела, в которых я разбираюсь лучше тебя, и кричи: «Да здравствует мой уполномоченный!»; ибо тогда уже ничего не останется от права «непрестанно сопоставлять действия правительства» с основами общественного учреждения с целью гарантировать граждан от того, чтобы они «были когда-либо угнетены и унижены тиранией».

Обращение:

«После того как к вам вернулась ваша первоначальная энергия, вы больше не потерпите, чтобы несколько личностей вводили вас в заблуждение, и вы не забудете, что непрекращающаяся буря — величайшее несчастье для народа».

Сопоставление и дискуссия:

Вот это и проливает свет на намерения авторов Обращения и на цель, которую они преследуют. «Непрекращающаяся буря — величайшее несчастье для народа». Другими словами, хотят, чтобы народ предоставил другим полную свободу действий, чтобы он прекратил волнения, в течение десяти лет предохранявшие его от цепей, в которые его все время хотели заковать. Эта «непрекращающаяся буря» очень стесняет тех, кто хотел бы править по своему усмотрению, а не по усмотрению народа. Кое-кому хотелось бы, чтобы народ закрыл глаза, чтобы он отказался от возможности «постоянно сопоставлять действия правительства» с основными принципами и проверять, всегда ли «закон предписывает только то, что справедливо и полезно обществу» (статья 4 Декларации прав). Но как согласовать такое спокойствие, такое отречение от всякой заботы о курсе государственного корабля, такое прекращение всякого волнения и беспокойства о том, как

завершится великая драма нашей Революции; как согласовать такой призыв с призывом к восстановлению «первоначальной энергии народа с тем, чтобы не потерпеть больше, чтобы несколько личностей вводили его в заблуждение?» Очевидно, имеется в виду возбудить эту энергию против опасных проповедников прав народа, которые как раз и являются теми, кто якобы вводит народ в заблуждение. И в самом деле, права человека и вечные принципы обладают особой силой воздействия на ум человека; человеку трудно убедить себя в том, что апостолы этих прав и принципов якобы лжецы, и он склонен повернуть это обвинение против тех, кто ему подносит подобные софизмы.

Обращение:

«Это отлично известно тем, кто хотел бы повергнуть вас в смертельный сон в объятиях тирании».

Сопоставление и дискуссия:

Только отречение от непрекращающейся бури, от неустанного надзора, от заботы о «постоянном сопоставлении» подвергает «в смертельный сон в объятиях тирании». Друзья прав человека отнюдь не хотят такого сна. Они знают, вместе с Маратом, «что величайшее несчастье, которое может случиться в свободном государстве, где те, кто правят, сильны и предприимчивы, это когда нет ни публичных дискуссий, ни возбуждения... что все погибло, если народ становится безмятежным и, не беспокоясь о сохранении своих прав, не участвует больше в общественных делах» (Марат. Цепи рабства, стр. 141) [103].

Обращение:

«Идя одним путем со своими представителями, никогда не упускайте из виду, что гарантия свободы заключается одновременно и в силе народа, и в его единении с правительством, заслужившим его доверие».

Сопоставление и дискуссия:

В этой фразе мы видим лишь повторение призыва к народу применять свою силу, только слепо повинуясь воле своих уполномоченных. Но предписывать рабское повиновение — значит идти против принципов Декларации прав. Суверенитет осуществляется отнюдь не путем такого принудительного почитания. Он осуществляется путем совершенно свободного выражения народной воли (ст. 26), способствуя, таким образом, выработке законов (ст. 29), путем неограниченного осуществления права петиций (ст. 32 и 122 Конституционного акта), путем сопротивле-

ния угнетению (ст. 11, 27, 33, 35), путем постоянного сопоставления, дабы убедиться, не пытаются ли угнетать и унижать нас тиранией.

Обращение:

«Со своей стороны, Национальный конвент, последовательно придерживаясь избранного им направления и опираясь на волю народа, сохранит, надлежаще упорядочив его, то правительство, которое спасло Республику».

Сопоставление и дискуссия:

Народ, не ошибись! Здесь сама суть обращения. Вот его цель: провозгласить сохранение революционного правительства. Но сколько соображений вызывает этот анализ, каждое слово требует отдельного объяснения! ..

«Конвент... опираясь на волю народа».

Ясно, что это хитрый способ выпросить у народа согласие на сохранение угодного кое-кому порядка.

Это то же самое, что сказать: не правда ли, народ, ты с этим согласен? .. Но слово «сохранит» (с повелительным оттенком), непосредственно переходящее в призыв, достаточно ясно дает понять, что эта просьба есть приказ. Так еще не действовали тогда, когда нужно было вымаливать обращения, совокупность которых сейчас выдают за народную санкцию. Считалось, вероятно, что эта видимость уважения к суверенитету вызовет еще больший поток обращений, в которых вместе с благодарностью Конвенту за то, что он соблаговолил хотя бы сделать вид, будто запрашивает мнение народа, содержалось бы полное одобрение всего, что ему угодно будет ответить. Но, после того как была разоблачена и осмеяна позорная тайна изготовления обращений в различных комитетах и даже в бюро председателя Конвента, эта мода приветственных посланий проходит, и в Бюллетене раздел, отведенный подхалимству, сокращается. Большинство парижских секций сумело оказать сопротивление профессиональным соблазнителям, которым было поручено убедить каждую из них, в полном составе или депутацией, отправляться в определенных случаях во дворец национального представительства и нести туда свою порцию лести. Удалось увлечь только меньшинство, но гордое молчание остальных и то, что этому примеру последовали департаменты, приводит нас к весьма утешительному выводу: а именно, что революционного правительства уже больше нет. Раз Национальный конвент намеревался сохранить его, только «опираясь на волю народа», а воля народа не проявляется, его сохранение, бесспорно, невозможно. Больше того, специально оговаривая, что, только «опираясь на волю народа», он сохранит революционное правительство, Национальный конвент сделал лишь то, чего в принципе никак нельзя было не сделать; ибо всякий раз, когда речь идет

о нововведениях, первое предложение, с которым следует обратиться к народу, к суверену, как говорит Жан-Жак Руссо, есть следующее: Угодно ли ему сохранить нынешнюю форму правления?

Итак, Конвент фактически сам согласился с тем, что в лице своего первого революционного правительства он осуществлял узурпированную власть, поскольку, создавая его, он не запросил мнение народа. Но теперь, желая «опереться на волю народа» для нового революционного правительства, каким образом рассчитывает Конвент получить выражение этой воли? Неужто опять путем обращений с выражением согласия? Нет, эта форма уж очень подозрительна. Мы опасались бы, что эти обращения могут оказаться результатом воздействия посланцев сената и других агентов прежнего революционного правительства, еще не полностью, пожалуй, отрекшихся от догмата террора, так что получилось бы, что первое революционное правительство способствовало бы принятию второго.

Мы опасались бы также действующих в Париже бюро, фабрикующих эти обращения. Впрочем, кто может доказать, что выражения согласия представляют мнение большинства? Какой срок будет установлен для окончания их приема?.. Наличие «народной поддержки», к чему стремится Конвент, может быть надлежащим образом установлено лишь голосованием, проведенным в законных формах, в формах, предписанных Конституцией. Принадлежащее народу право постоянно изменять свою Конституцию дает ему возможность согласиться на учреждение революционного правительства точно так же, как и любого другого, с той оговоркой, что, давая такое согласие, он должен посмотреть, не будет ли он действовать против самого себя и не причинит ли он ущерба своему суверенитету, «упорядочив» это правительство... Остановимся особо на этих словах обращения. Конвент обещает «упорядочить» правительство, которое он хочет «сохранить». Но народ сделает большой упрек Конвенту! За то, что он не «упорядочил» его гораздо раньше!.. Народу не пришлось бы оплакивать столь много несчастий. Однако, ведь когда впервые такое правительство было учреждено, казалось, что ничего не упущено. Его представляли, как очень упорядоченное. Это была самая удачная мысль, когда-либо сотворенная разумом человека, поскольку она представлялась более ценною, чем Конституция. А между тем!.. Разве знают наши законодатели сейчас больше, чем они знали тогда?.. Применяют ли они сегодня другие средства, чем тогда? Разве они не являются только людьми, причем более или менее теми же, что и тогда? Разве они не будут опять злоупотреблять своей властью? А когда они будут злоупотреблять, когда новая картина ужасов будет омрачать взоры одетой в траур Франции, то, стало быть, скажут: а ведь мы упорядочили наше правительство. Это будет очень слабое утешение.

«Правительство, которое спасло Республику».

Таковы последние слова той части Обращения, которую мы назвали его сутью. Примечательно, что при этом избегают произнести название правительства, о коем идет речь. Довольствуются обозначением его как «правительства, которое спасло Республику». Вопреки этой высокопарной похвале такое стремление старательно избегать выражения «революционное правительство» диктуется и некоторой стыдливостью. Это выражение напоминает о стольких ужасах, что его не смеют больше произносить и в то же время не смеют выказывать желание сохранить само это правительство! Зато осмеливаются пытаться смягчить его гнусность, приписывая ему честь спасения Республики! Надо надлежащим образом оценить это утверждение. Как это революционное правительство спасало Республику? Не тем ли, что оно возвысило всяких Каррье, Лебонов, Колло и множество других, чьи деяния еще не известны полностью?

Не тем ли, что оно породило всевозможных ужасов больше, нежели записано в летописях всех народов и всех веков? Когда вспоминаешь 4 тыс. людей, скошенных одновременно картечью какого-нибудь Колло! .. целые улицы в Аррасе, в Камбрэ, в Сент-Омере, опустошенные «резкими» приемами какого-нибудь Лебона! .. 30 тыс. мужчин, женщин и детей, утопленных в водах Нанта каким-нибудь Каррье! А республиканские браки! .. А те четыре или пять западных департаментов, которые, если верить Филиппо и Дюбуа-Крансе[104], можно было привлечь на свою сторону путем убеждения, вместо того чтобы их жечь, разорять, грабить и опустошать и вместо того чтобы погубить 200 тыс. солдат и 1 млн. жителей! Когда вспоминаешь о сотне жертв, ежедневно влекомых на суд к какому-нибудь Фукье! Там этих людей, удивленных тем, что, никогда не видав друг друга прежде, они оказались замешанными в один и тот же мнимый заговор, судили в мгновение ока, не давая возможности сказать слово в свою защиту; а затем на глазах огромной толпы, пораженной ужасом при виде этого чудовищного зрелища, переполненные телеги везли несчастные жертвы на площадь, где свершались убийства.

Когда вспоминаешь о реках крови, в течение более шести месяцев не просыхавших вокруг этой площади, где земля была ею пропитана и принуждена извергать ее обратно, а мостовая была, казалось, навечно ею окрашена, воздух же кругом насыщен гниением! .. Когда вспоминаешь о 100 тыс. бастилий, коими ощетинилась земля свободы и где были погребены патриоты и люди, обладавшие знаниями, энергией, характером, и уже по одному этому преступные в глазах тирании, боявшейся, что они помешают осуществлению ее порочных замыслов! .. Когда подумаешь, что число таких людей, ставших жертвами злодеяний, превысило полмиллиона и что и сейчас половина их еще остается в тюрьмах, и это, быть может, как раз те, чья мощная энергия более всего помогла бы защитить права народа! .. Когда представляешь себе

тяжелые удары, испытанные почти всеми семьями вследствие некоторых из этих актов угнетения, мучительный и вечный траур, удручающий большинство семей!.. Когда многие граждане знают, что они не попали в кровавые списки Максимилиана I или его сообщников только благодаря счастливому событию, освободившему землю от этого чудовища!.. Когда весь народ был затравлен, или ограблен, или обворован, или подвергался притеснениям со стороны сотни тысяч безнравственных агентов, разосланных повсюду этим хваленым правительством вместо избранников суверенного народа, которых сначала сместили, затем заключили в тюрьмы, затем сразили, а сам суверенный народ был лишен всех его прав, его унизили и бросили на милость и под палку гнусных приспешников революционного правительства!.. Когда, говорю я, вспоминаешь эту длинную серию жестокостей и проявлений бешенства, ранее неизвестных истории, то приходишь в возмущение, слыша, как отдельные сенаторы называют эту систему растерзания «правительством, которое спасло Республику»!!!..

Стало быть, спасать Республику — значит вычеркнуть из числа живых бóльшую часть ее жителей и мучить остальных всеми способами, которые могут зародиться в богатом воображении каннибалов. Мы уже не говорим о системе бедности и голода, об этом другом уродливом порождении правительства, якобы спасшего Республику, вернее было бы сказать, обрекшего Республику на голод. Полно, сенаторы, полно, спрячьте навсегда ваше гнусное правительство, та часть народа, которую оно еще не вырезало, слишком от него устала. Не смейте воскрешать это правительство, как вы не смеете уже упоминать его название. Какими бы названиями ни приукрашать его, оно останется все таким же страшным. Слова уже не обманут. Когда-то самый главный деятель этого правительства пользовался словами «добродетель», «справедливость», «человечность», чтобы приводить в движение пружины этого правительства в период его сáмой большой активности. Теперь напрасно стали бы вы употреблять еще более внушительные выражения, народ будет ожидать от них лишь уже известных и еще не известных бедствий. Прислушайтесь к общей воле, она предписывает вам уничтожить учреждение, название которого вы сами стыдитесь повторить. Да зачем же трудиться в поисках правительства, способного спасти Республику? Депутаты! Когда вы приняли проект конституции, который Франция утвердила, вы его представили как единственно способный обеспечить спасение Республики. Мы вам противопоставим ваши собственные принципы, ваши собственные заявления. Вот что можно прочесть в докладе, предшествующем представлению этой конституции французскому народу:

«Повсюду в Республике слышится властный голос, требующий конституцию. Никогда ни один народ не испытывал столь единодушно такую мучительную потребность. 27 млн. человек громко

требуют себе закона. Если в некоторых местах проявляется возбуждение, то это преимущественно потому, что там отсутствует конституция. Думается, что было бы государственным преступлением оттянуть ее принятие хотя бы на один день. Но тот день, когда вы ее завершите, будет днем возрождения для Франции и днем революции для Европы. Все наши судьбы связаны с этим моментом: он могущественнее, чем все армии».

И в конце этого доклада: мы уверены в том, что «хартия, в которой вы запечатлеете всю человеческую мудрость, приведет обратно всех наших братьев, смягчит местную рознь, погасит факелы междоусобиц и огни войны, внушит страх королям, утешит народы, возвратит посредством прекраснейшей из побед — победы разума наших доблестных солдат к их очагам, привлечет другие нации к делу человечности и, наконец, водрузит оливковую ветвь на стенах всех крепостей».

Стало быть, поэтому, как высказывался тогда Национальный конвент, от конституции следовало ожидать решительно всех благ, и, весьма вероятно, опыт подтвердил бы это ожидание. Почему же едва лишь Конституция была принята[105], вера в ее благое действие уже как будто исчезла и даже было объявлено в виде бесспорного мнения, что эта Конституция для данного времени непригодна?

Те, кому еще неясны мотивы такого поворота, скоро разберутся в них, или, вернее, надо не медля предупредить их об этом, ибо, когда обращаешься к народу, надо говорить правду ясно и без околичностей. Дело в том, что при наличии Конституции сенат не мог себя увековечить, и, поскольку этот замысел уже возник сначала в головах вожаков, которым затем нетрудно было получить одобрение этой идеи со стороны тех, кто всегда шел за ними, пришлось придумать революционное правительство, служившее оправданием для такого увековечения, и его организация с самого начала дала ему возможность незаметно укрепляться, дабы его члены вскоре стали способны противостоять любым усилиям народа, направленным на то, чтобы остановить чрезмерный рост их власти *.

ПЕТИЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОМУ КОНВЕНТУ НАРОДНОГО ОБЩЕСТВА, ЗАСЕДАЮЩЕГО В БЫВШЕМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Представители народа!

Мы прибыли под священной эгидой бессмертных прав человека, а за нами многочисленные представители значительной части народа Парижа, объединяющегося вокруг них; мы прибыли,

* *На этом рукопись обрывается.*

чтобы опять говорить вам об этих святых и неотъемлемых правах в такой момент, когда, полагаем, есть основания жаловаться на то, что на них посягают, скажем прямо, что их попирают, и это вызывает тревогу всех подлинных республиканцев.

Граждане депутаты, пусть нас не обвиняют в разглагольствовании, в бесстыдстве! Мы говорим языком народного достоинства, энергии, мужества, тех добродетелей, под охрану коих Конституционный акт поставил наши права.

В наших речах вы найдете также отражение того, что чувствуют сердца свободных людей, охваченных ужасом при виде порабощения, готового их уничтожить... Но и будучи доведены до крайности, мы поступаем честно, открыто, по-братски. Народ неизменно поступает именно так, и мы полагаем, что большинство Национального конвента еще способно это заметить. Мы считаем это большинство чистым, но увлеченным на путь народоубийственных мер посредством таких же ухищрений, как при Робеспьере, горстью людей, воспитанных в его школе, вместе с ним подвергших Францию угнетению и образующих то его охвостье, которое в доведенной до предела тирании видит залог своей безнаказанности и верное средство укрепления деспотизма на незыблемых основах.

Депутаты суверена! Столь важные вопросы подлежат обсуждению, что мы не будем говорить, мы даже почти забудем об обидах, клевете, отдельных оскорблениях. Когда Народное общество, некогда заседавшее в электоральном зале, провозглашало на собраниях народа требование воплощения принципов, утвержденных Декларацией прав; когда оно настаивало перед Национальным конвентом на их полном восстановлении; когда оно слышало, как все секции Парижа одобряли эти требования; когда одновременно 28 секций заявили о своем присоединении, оно было польщено, оно тешило себя надеждой, что правильно выразило желания пламенных друзей свободы.

Заседание 18 вандемьера не изменило наших идей, но повергло наши сердца и сердца всех пламенных поклонников республиканских принципов в изумление, порождаемое крупными и неожиданными событиями, а в душах людей, закаленных в привязанности к демократизму, возбудило те чувства, которые и должны были вызвать самые грубые, по их мнению, посягательства па чтимые ими основные принципы.

Депутаты! Никогда народ не имел столь серьезных оснований жаловаться на покушения на его права. Те покушения, которые заставили нас прийти к барьеру Конвента, представляются нам полностью подрывающими все элементы народной системы *, они, по нашему мнению, делают совершенно бесполезными все наши труды, в течение шести лет направленные на создание [отрадного порядка] вместо тирании Капетов **. Законодатели, уж очень

* *Две строки зачеркнуты.*
** *Три строки зачеркнуты.*

долго народ ничего не мог вам сказать. Поэтому неудивительно, что ныне ему очень многое нужно сказать вам. Итак, благоволите выслушать со вниманием и без нетерпения несколько пространную петицию. Время, которое делегаты народа потратят на то, чтобы ее выслушать, будет проведено не без пользы. Некогда наши парламентарии имели возможность делать абсолютному деспоту очень пространные упреки по малым поводам. Ныне, когда идет речь о судьбах великого народа, сумевшего стать свободным, его законодатели не могут отказаться выслушать от его многочисленных представителей все то, что они имеют сказать им в защиту прав всего народа.

Граждане, в заседании 18 вандемьера два предмета заслуживают внимания — обращение к французскому народу и речь Бурдона из Уазы. Вместе они образуют, как нам показалось, Манифест Конвента против принципов, отстаиваемых большинством парижских секций и обществом, которое отнюдь не считает себя заслуживающим неприличных и гнусных эпитетов, расточаемых в его адрес Бурдоном. Каковы те принципы, которые одна сторона требует, тогда как Конвент, со своей стороны, их осуждает? Это принципы Декларации прав. [*на полях несколько зачеркнутых строчек*]. Давайте сопоставим наше требование и ваше осуждение и постараемся разобраться, не обманут ли Конвент. Если обманут, он, конечно, поспешит взять обратно манифест, который вряд ли сможет получить одобрение свободных людей, он поспешит принять во внимание наши настоятельные просьбы и мольбы не обращать французский народ в рабство.

Оскорбить не значит ответить. Легче всего обозвать ворами и разбойниками тех, кто при всех тираниях отстаивали движение за права народа.

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека; продолжение Газеты свободы печати Гракха Бабефа

№ 27

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

22 вандемьера III года Республики[106] [13 октября 1794 г.]

Ужасное положение свободы. — Страшный крик отчаяния, направленный против всех форм угнетения, или Письмо Альбертины Марат, сестры Друга народа, к Фрерону. — Действительно ли этот депутат и Тальен являются друзьями свободы? — Если нет, то какие друзья остались у народа в Конвенте? — Фрероновский суверенитет в миниатюре. — Его оспаривает большинство

народа. — Осуждение Трибуна народа и председателя Электорального клуба, опасных проповедников прав человека. Поведение депутата Гюффруа, типографа газеты Трибуна народа.

Ко всем защитникам прав человека

Граждане!

Тревожная странность последних касающихся нас событий, странные преследования, нами испытываемые, благородство того дела, которое их вызывает, грубость клеветнических измышлений, которыми пытаются их обосновать, непосредственно угрожающая Республике опасность — все это делает необходимым, все это требует от вас, чтобы вы прибегли к торжественному акту, страстно желанному, на мой взгляд, для мыслящей и энергичной части народа, заинтересованной в сохранении своих прав и своей свободы и устремляющейся в места, где можно слышать торжественные дискуссии по этому важному вопросу. Я говорю об Обращении к народу, призывающем его стать судьей между теми, кто хочет сражаться и страдать за него, и теми, кто, по его мнению, чинит ему притеснения и насилие и узурпирует все его права[107]. Такая мера достойна всех истинных друзей народа, она достойна и самого народа. Ее обязательность для всех вытекает из Декларации прав. Она вдвойне обязательна для тех, кто взял на себя почетную задачу специально заниматься защитою этих прав. Это обращение должно быть самой торжественной защитительной речью, которую когда-либо приходилось слышать, так как оно должно обосновать право народов никогда не быть рабами. Оно должно обосновать это право против нелепых притязаний властолюбцев, утверждающих, что народам необходимо быть в рабстве, и даже довольно долго, чтобы тем лучше научиться быть свободными. Все перечисленное выше позволяет предвидеть, что, если в конечном счете победу, как всегда, одержат принципы, мы легко выйдем победителями из той жаркой борьбы, которую начали. Но прежде чем нам стать друг против друга, я считаю необходимым обозреть все вокруг нас, изучить местность и дать всем нашим соратникам верное представление и о грозящих нам опасностях, и о наших преимуществах.

Когда я думаю о нашем положении и обо всем том превосходстве над народом, которое власть захватила с некоторых пор, моя скорбь позволяет мне изъясняться лишь в меланхоличном стиле Юнга *. Я говорю с трепетом:

---

* *Эдуард Юнг (Young) — очень популярный в свое время как в Англии, так и во Франции английский поэт (1681—1765). Его сочинения, в которых преобладали скорбные размышления о смерти, одиночестве, были переведены на французский язык в 1769—1770 гг. (Прим. переводчика). Ссылки на Юнга содержатся в рукописях Бабефа позднейшего периода (1796—1797 гг.).*

Какие звуки, граждане, подходят для того, чтобы дать верное представление о положении свободы в настоящее время?.. Что волнует сейчас ваши республиканские сердца?.. Какие чувства наполняют вас? Что вы думаете о судьбе общественного дела!!!.. Я полагаю, что из весьма углубленного изучения этих вопросов должно родиться важнейшее из политических решений, решение вопроса о том, будет ли французский народ первым народом Вселенной или он будет самым униженным среди порабощенных наций.

Если бы вы пытались угадать состояние общества по глазам и речам некоторых деятелей правительства, их сияющие взоры и успокоительные речи, навевающие рабское усыпление, беззастенчиво сказали бы вам, что все идет к лучшему, что попрание всех ваших прав и самое наглое угнетение, маскируемое ими под наименованием неизбежных суровых мер, являются верными и единственными гарантиями вашей свободы и что вы ею и пользуетесь под сенью этих актов произвола и гнуснейшего деспотизма.

Если, чтобы узнать, находится ли общество в состоянии сильной лихорадки, вы остановите ваши взоры на многочисленном классе, недостаточно образованном, чтобы размышлять, чтобы уметь разобраться в самых хитроумных софизмах, в самых туманных и коварных абстракциях и через это все увидеть нагромождаемые вокруг нас ненавистные цепи;.. по безмятежному спокойствию этих простых людей, способных увидеть обман и обманщиков лишь после того, как небольшая часть прозорливых граждан просветила их неотразимыми доводами, вы тоже не могли бы судить о степени грозящей вам опасности. Вы не поняли бы, что ваша свобода агонизирует... что бездна разверзлась... что смертельный сон угрожает охватить всех друзей Республики, затрудняющих исполнение планов развращенных людей;...что тирания очень близка к полной победе, к свержению навсегда республиканской системы.

Нет, только к вам, люди истинно свободные и умеющие думать о принципах, на которых покоится ваша свобода, к вам, пылкие обожатели прав народа, размышляющие и постоянно наблюдающие за ходом революции, пристально следящие за каждым из ее действующих лиц!.. к вам одним надо обращаться, чтобы узнать, до какой точки дошло сегодня развитие кризиса;.. у вас надо спросить, есть ли еще возможность спасти родину от рабства?

Ваши лица мрачны, как могила! Вы снова охвачены ужасом, или, быть может, ваши души во власти сосредоточенного и молчаливого волнения, поисков путей освобождения!.. Я склоняюсь к последней мысли. Да, все говорит об этом. Вы проникнуты отнюдь не малодушным унынием. После всего, что произошло, сам факт, что вы постоянно и упорно собираетесь в местах, где укрылась свобода, свидетельствует о вашем мужестве. Нет, Рим

не будет порабощен. Я вижу, в нем еще сохранились сердца, преданные Республике. Граждане, вы, взирающие на главных борцов за свободу, вы, желающие быть свидетелями их судеб, конечного исхода их опасного, но почетного поприща, ответьте! Правда ли, что вы принадлежите к той драгоценной части защитников прав человека, которые не зря поклялись умереть, отстаивая их?.. Ответьте! Клянетесь ли вы опять сражаться рядом с нами? Погибнуть с нами, если придется, или обеспечить победу дела свободы?..

Граждане, не будем закрывать глаза на грозящую нам опасность... траурная вуаль покрывает ныне ту свободу, за которую мы столько сражались ... рука самой адской тирании нанесла ей почти смертельные удары; я вижу ее почти убитую! оскверненную, под ногами чудовища! готовую стать добычей его ярости!.. Неужели вы это потерпите?.. Свободны ли вы по натуре?.. Узнаете ли вы свою свободу в вашем нынешнем положении?.. Если вы уже не свободны более, клянетесь ли вы опять стать свободными?..

Изложим без риторики те факты, которые составляют суть наших жалоб. Я уже слышу, как зачинщики и поборники тирании спрашивают, на что мы жалуемся!.. Не вам надо рассказывать об этом. Об этом надо говорить обманутой части народа, которой вы тысячами разных способов завязываете глаза, чтобы не дать ей увидеть те ужасающие оковы, которые вы для нее куете...

Свободные люди, слушающие меня! Необходимо, чтобы смелый республиканец дал вам пример преданности, может быть невиданный с тех пор, как вы свергли королевское иго... Нужно, чтобы, даже с риском для моей жизни, я попытался бы наэлектризовать ваши души и побудить вас на такие усилия, которые одни только способны спасти отечество. Перед лицом грозящего мне эшафота я буду открыто провозглашать всю правду, правду без всяких ограничений, как я ее осознаю в своей душе и как ее всегда провозглашал тот, кто вырвал рабскую печать из рук убийц, расхитителей, которые хотели удержать ее в своих руках и помешать тому, чтобы раскрылись их бесчисленные преступления. Я посвятил себя защите всех прав человека, с вашей помощью я вырву их из рук злодеев, чтобы вернуть их народу, их единственному и подлинному владельцу. Я вырву их, граждане, или я умру...[108] Я недаром принял звание Трибуна народа: народ убедится, что я всегда останусь ему верен. С мужеством, которое готово пойти на все во имя триумфа свободы, я провозглашу грозные истины, которые вы уже поняли и признали, и изложу их с полной ясностью и совершенной очевидностью для всех, после чего я или погибну в одиночестве, как жертва патриотической искренности, или вы мужественно подниметесь, чтобы уничтожить тиранию и привести в замешательство узурпаторов вашего суверенитета.

Да, граждане, нужно признать, узурпация вашего суверенитета, вашей свободы, а следовательно, и ваше порабощение, ваше унижение, ваш позор уже осуществились... 18 вандемьера свершилось это огромное и возмутительное надругательство, это страшное злодеяние, вызвавшее на первом же последовавшем за ним заседании Электорального клуба первые возгласы республиканского негодования, которые тирания подавила, доведя свои преступления до предела арестом председателя этого клуба, патриота Легрэ.

Республиканцы, если, как я не сомневаюсь и как об этом свидетельствуют ваши мужественные дела, вы по-прежнему достойны этого наименования; если партия прав человека всерьез хотела привлечь внимание Франции, открывая самую благородную борьбу, выдвигая из своей среды самых бесстрашных защитников этих прав, то, стало быть, вам, великодушным борцам за свободу (и я обращаюсь ко всем гражданам, разделяющим ваши чувства и составляющим с вами единое целое), предстоит вступить в бой против самых отвратительных нарушений прав человека, когда-либо чинимых обнаглевшим деспотизмом и разнузданной и потерявшей стыд тиранией. Вам предстоит подняться и против узурпации национального суверенитета, и против угнетения общества в лице одного из его членов, одного из наиболее ценных его членов в силу той удивительной энергии, с какой он поднялся против этого первого злодеяния. Уйти с арены, оставить поле битвы нашим наглым противникам значило бы предать свободу! Это значило бы навсегда поработить Францию! Это значило бы для вас покрыть себя несмываемым позором! Вы заняли самый благородный пост; на этом посту дóлжно победить или умереть!..

Доблестные борцы за права человека, если в Риме достаточно было оскорбления, нанесенного женщине, чтобы вызвать взрыв негодования народа и дать ему повод для изгнания тиранов и для прочного утверждения своей свободы*, то сможем ли мы бесстрастно взирать на недавние злодеяния, наносящие смертельные удары французской свободе? Неужто суверенитет народа и один из его самых стойких защитников не стоят жены римского консула?

Нет, французы не станут хладнокровно терпеть похищение их свободы и всех их прав. Со всех сторон я слышу громкий ропот недовольства против железного правительства, которое все узурпирует, не проявляя при этом даже ловкости других тиранов. Последние, чтобы утвердить свое господство, применяли хитрую политику, заключавшуюся в том, чтобы дать народу хотя бы

* *По преданию, последний царь древнего Рима, Тарквиний Гордый (VI в. до н. э.), был изгнан народом после того, как его сын, Тарквиний Секст, изнасиловал Лукрецию, жену своего родственника. Поднятое Луцием Юнием Брутом восстание привело к свержению монархии и установлению республики (Прим. переводчика).*

временно насладиться неким благосостоянием! Нынешние наши тираны не снисходят до такой предосторожности! Они считают ее излишней при терроре, террор заменяет им все прочие средства.

Посредством террора им удается заглушить крики матерей семейств, вынужденных посвящать все свое время тому, чтобы не дать нам умереть с голоду (!), чтобы вырвать, как милость или как подаяние, какую-нибудь четвертую долю того, что́ нам необходимо из самых скверных предметов питания, четвертую долю того, что́ нам нужно из других предметов первой необходимости (!), и эта убийственная нехватка вынуждает нас пользоваться ими, несмотря на их отвратительное качество!..

Но смотрите, как бы женщины, которых мы так унизили, но без которых, без мужества, проявленного ими 5 и 6 октября[109], мы, пожалуй, не обрели бы свободы! Смотрите, как бы, вопреки нам и нашему презрению, они не стали опять теми, какими они некогда были!.. Как бы не оказалось, что они помогут отвоевать наши права и выйти из того состояния унижения и нищеты, которое приводит все человечество в дрожь негодования. Вот уже одна из этих мужественных гражданок, достойная называться республиканкой, достойная носить имя революционера, почитаемого вами больше всех, открыла поход, к которому должны примкнуть те, кто ей равны. Мужчины! Краснейте, если вы не сделали для вашего уважаемого угнетенного согражданина, для патриота Легрэ, того, что́, как вы сейчас узнаете, недавно сделала одна великодушная гражданка. Послушайте это письмо Альбертины Марат, сестры Друга народа, написанное Фрерону 21 вандемьера, чтобы подвергнуть испытанию рвение этого мнимого наследника бессмертного брата автора письма и проверить, выступит ли он в защиту самого бесстрашного патриота, ставшего жертвой самого неслыханного произвола.

Письмо Альбертины Марат к Фрерону

«Гражданин! Гражданин Легрэ, председатель Электорального клуба, этою ночью брошен в тюрьму. Так как нечего было противопоставить великим истинам, возвещенным им с трибуны, его заточили в застенок, дабы удушить те, которые он еще собирался высказать. Это посягательство на свободу лучшего патриота показывает нам, что система угнетения и тирании скоро возродится. Но напрасно стремятся приготовить для нас новые оковы. Достойные той свободы, огонь которой течет в наших жилах, мы сумеем разбить их прежде, чем их на нас наложат. Решив, что лучше погибнуть, чем вернуться в состояние позорного рабства, которое нам готовят и из которого мы лишь недавно вышли, мы подтверждаем нашу клятву скорее умереть, чем примириться с каким-либо актом тирании, угнетения и произвола. В согласии с Декларацией прав, этим нашим компасом и нашим щи-

том, мы видим акт угнетения общества в лице патриота Легрэ, одного из самых горячих защитников этих прав, и мы будем достойным нас образом бороться с его врагами, которые являются и нашими врагами. Оружие наше наготове, и, если бы даже все мы погибли, его острие не притупится. Преступления наших врагов — вот наше оружие; они подсчитаны и описаны; мы ничего не забыли, и я заявляю тебе, что я выполнила свою задачу и доставила самые острые стрелы. Больше того, я позаботилась о том, чтобы эти стрелы не были сломаны, какова бы ни была моя судьба. Я передала их в надежные руки, чтобы они были пущены во врагов, которые не смогут от них ускользнуть. Ты видишь, что наша решимость непоколебима. Если один из бойцов погибнет во время штурма, его место не будет пустовать, пока последний из нас не будет убит. Откройте ваши бастилии, создавайте еще новые, чтобы нас туда ввергнуть, но при этом не упустите ни одного из нас. Ибо достаточно одного, чтобы вновь зажечь факел свободы, который вы стараетесь потушить.

А ты, именующий себя апостолом Марата! Ты, еще недавно обещавший идти по его следам, вспомни, что он никогда не молчал, когда угнетали патриота. Вспомни, что он никогда не объединялся с политическими разбойниками, с угнетателями народа. Вспомни также, что он никогда не совершил поступка, который бы противоречил принятому им священному имени.

Есть лишь два пути: путь преступления и путь добродетели. Как ни усеян последний терниями и страданиями, патриоты никогда не сойдут с него, хотя бы наши окровавленные трупы заполнили уже приготовленные для нас ямы — таково наше последнее решение».

Подпись: Альбертина Марат

Граждане, когда мысли Друга народа доносит до нас голос, звучание которого явственно доказывает кровное родство с Маратом; когда то же пламя любви к свободе согревает слова, как будто прямо исходящие от человека, который никогда не мог терпеть безнаказанного нарушения ваших прав!.. Неужто эти звуки не произведут на вас того неослабного действия, которое некогда производили слова, исходившие из подземелий, где прятался ваш лучший друг? Неужто сегодня вас не взволнуют так, как в те времена, спасительные советы, идущие почти из того же источника?.. И неужели после столь энергичного предупреждения вы не примете всех мер против всяческих посягательств со стороны ваших врагов?

Сестра Друга народа действует поистине мудро: будет хорошо, будет полезно последовать за нею, отмечать достигаемые ею результаты, проникнуться сознанием важности ее действий, поскольку они покажут неопровержимо, есть ли еще у народа защитники в Конвенте или их больше нет. Ибо, кроме Тальена и Фрерона, единственных, кто после 9 термидора несколько раз

выступил в соответствии с принципами и коснулся некоторых из прав человека, я не вижу больше в нашем ареопаге ни одного человека, на кого народ мог бы рассчитывать: чтобы спасти свои права, он может полагаться только на себя. Но, судя по неясному поведению и двусмысленным выступлениям обоих этих депутатов, я склонен предсказать почти с полной уверенностью, что они сохранят молчание по вопросу о защите патриота Легрэ и этим дадут полное представление об искренности их гражданских чувств. Будем же по-прежнему говорить языком Марата, никогда не расстанемся с привычкой говорить всю правду, голую правду; сбросим все завесы, прикрывающие репутации, присвоенные хитростью. Фрерон и Тальен, вы отнюдь не имеете права на то, чтобы о вас говорили: «Они надежда народа». Начинайте трудиться заново, если хотите заслужить, чтобы о вас это когда-нибудь сказали. А пока что не следует обманываться вашею мнимою популярностью. Вас надо ценить в соответствии с истинной вашей ценностью. Обзор вашей политической деятельности со времен Робеспьера должен показать, оказали ли вы какие-либо услуги народу или вы только помогали поработить его.

В день 9 термидора и в последующие вы, по-видимому, хотели казаться главными друзьями народа, пылкими защитниками его прав против всех и вся. Большинство истинных республиканцев обращали к вам свои взоры: люди ждали, что Тальен и Фрерон выскажутся с той полной откровенностью, которая обеспечила бы им все симпатии и (при том уровне зрелости, коего достигло общественное мнение) принесла бы им несомненную победу над всем сенатом, если предположить, что все его члены, вопреки им, выступили бы против восстановления принципов и прав народа, полностью попранных при Робеспьере.

Народ припомнит, что эти два борца, Тальен и Фрерон, которые, казалось, сумели отличиться в борьбе в самый день 9 термидора и которые продолжили эту линию поведения, энергично выступив в защиту свободы мнений и печати, этого важнейшего права, которое с полным основанием считалось единственным и безошибочным оружием для завоевания всех других прав... Народ припомнит, говорю я, что после того, как они показали себя таким образом, Фрерон и Тальен вступили на поприще журналистики. После того, что ими было сделано, после данных ими твердых и торжественных заверений в том, что они собираются раскрыть все злоупотребления правительства, первые номера их газет были расхватаны, и иначе быть не могло. Звучный стиль и смелые разглагольствования, направленные против некоторых законодателей-палачей, против самых жестоких руководителей душегубства, — вот характерные особенности их первых номеров. Наблюдатели сочли излишним это стимулирование общественного негодования; полагали, что шести месяцев зрелища и чудовищных рассказов о каннибализме сенаторов-живодеров достаточно и нет надобности выражать величайший ужас по поводу этих

жестокостей, поскольку теперь уже никто не мог с помощью самых неслыханных и утонченных актов бесчеловечности заставить людей, одаренных чувствительным сердцем, подавить свою дрожь при виде деяний, подобных которым не встретить даже в истории варварских народов. Фактом является тем не менее, что все простые и честные люди приняли блестящие и энергичные фразы Оратора народа и Друга граждан, щедро подкрепленные республиканскими словами, за проявление энергии и безграничной преданности делу защиты прав народа, игнорируемых и узурпированных. Мыслящие же люди удивлялись тому, что все сводится только к словам, в которых, если угодно, гремели громы и блистали молнии, но которые не испепеляли врагов вечных принципов, не сокрушали узурпаторов. Эти словесные ураганы были направлены против уже поваленных заграждений. Надо было штурмовать главные укрепления, чтобы приступом взять крепость, а Фрерон как будто хотел внушить, что разрушение заграждений — это и есть полная победа, что после этого больше ничего не надо завоевывать. Его не пробудил даже шум битвы, которую вели в нескольких шагах от него доблестные бойцы, пытавшиеся добиться подлинной и решающей победы, и подвергавшиеся гораздо большим опасностям при штурме крепости прав человека, чем он. Эта столь важная и мужественная атака происходила перед его глазами, а он как будто и не видел ее. Он никогда не сказал о ней ни доброго, ни дурного слова: он никогда ни словом не упомянул об Электоральном клубе. Все это свершалось рядом с ним, а он молчал. Ни брань Бийо в адрес петиционеров этого клуба, явившихся к барьеру Конвента (а ведь Бийо — один из тех великих грешников, которым Фрерон ничего не прощает), ни попрание права свободы петиций и всякой общественной стыдливости путем скандального ареста — в суде и при исполнении служебных обязанностей — судьи Бодсона, члена этого клуба, за составление петиции клуба от 20 термидора *; ни декрет, лишающий это общество его помещения в здании Епископства, ни ужасный ущерб, причиненный возмутительным опустошением этого здания, ни наглый и гибельный для Республики ответ председателя Дюмона на другую петицию, от 7 вандемьера **, петицию, затрагивавшую исключительно важные вопросы и получившую всеобщее одобрение граждан Парижа... ничто из всего этого не смогло воодушевить сильный голос Оратора народа, хотя в 1-м номере своей газеты он обещал *бороться со всеми актами угнетения, никогда не делать принципы предметом сделки, добиться их торжества или погибнуть вместе с ними.*

Не будем терять из виду этих замечаний, этого воспроизведения всех обстоятельств, когда важнейшие интересы народа

* См. Газету свободы печати, № 13.
** См. № 22.

требовали, чтобы тот, кто именует себя его Оратором, возвысил свой голос, а его уста и его перо оставались немы и бездеятельны. Не будем терять из виду письмо сестры Друга народа к Фрерону в защиту Легрэ; не будем забывать, что его явная, наглядная цель — подвергнуть патриотизм Фрерона последнему испытанию. Вспомним, что народ справедливо убежден в том, что свобода и принципы одержат победу посредством одной лишь его, народа, силы, если эту силу поддержит хоть один защитник в Национальном конвенте. В соответствии с таким убеждением было вполне разумно прибегнуть к какому-то способу удостовериться в том, существует ли этот единственный защитник. Естественно было видеть его во Фрероне после всех его громких деклараций о любви к народу, а также ввиду его торжественных и неоднократных заявлений о преданности священному делу принципов. Письмо, подобное письму Альбертины Марат, способно определить истинную ценность этих заявлений. И если Фрерон в течение двух дней не даст ответа, его молчание разрешит не в его пользу вопрос, решения которого общество ждет с беспокойством, вопрос о том, дают ли все 15 номеров Фрерона, совершенно индифферентные к великим проблемам прав народа и только исполненные ожесточения против четырех бесспорно отвратительных тиранов — против Барера, Колло, Каррье и Бийо; дают ли эти 15 номеров достаточные основания для подозрения, что все заботы Оратора народа сводятся к желанию занять их место и он стремится возбуждать нас только для того, чтобы мы избрали других тиранов.

Ответ на этот вопрос существен и не безразличен для великого дела отвоевания прав народа, ибо, прежде чем за это дело приняться, нам важно знать, должны ли мы полагаться только на самих себя и не рассчитывать ни на одного из членов Сената, а кроме того, мы должны предостеречь всех наших сограждан против пагубной ошибки, состоящей в том, чтобы с пылом принимать участие в борьбе, которая является всего лишь ссорой между двумя группами властолюбцев.

Я пока еще вовсе не обвиняю Фрерона. Но характер его трудов и как журналиста, и как члена сената; но его соучастие, по крайней мере молчаливое, в пресловутом обращении от 18 вандемьера, которое все честные граждане, все, у кого есть глаза, рассматривают как акт, завершающий узурпацию народного суверенитета, как манифест уполномоченных, направленный против их доверителей, — все эти обстоятельства, вместе взятые, уже почти что позволяют мне оценить намерения Оратора народа. Я пока еще вовсе не обвиняю Фрерона, но я подозреваю его, вплоть до того, что даже склонен считать его главной опорой узурпаторов народного суверенитета.

Я думаю, что интересы общественного дела настоятельно требуют, чтобы я сообщил об этих подозрениях и их мотивах. А затем уже дело Фрерона доказать, что эти подозрения не-

обоснованны: если даже он виновен, я оставляю ему возможность спасения. Он не будет обвинен, наоборот, он покроет себя славой, если он захочет служить народу вместе с нами, если он согласится признать, что правы мы или не правы, предполагая у него подобные поползновения, но желание участвовать в разделе власти является не только химерой, но и самым скверным делом, если он признает, что пожинать благодарность великого народа за честную защиту его прав — дело не только более надежное, но и дающее большее удовлетворение. Ему предстоит выбор между позором и славою. Слава ему обеспечена, если он искренне хочет, как он это обещал, быть апостолом принципов и прав человека. Ибо, как я уже сказал и повторю еще, и это легко понять, один-единственный сенатор, который откровенно и решительно выступил бы как их защитник, мог бы заранее обеспечить себе победу благодаря неотразимости своих аргументов и уверенности в том, что его поддержит глас народа, который, как говорят, есть глас божий. Но пока Фрерон еще не высказался, пусть он не обижается на то, что я, *никогда не делающий принципы предметом сделки*, не колеблюсь ради него в своем выборе: я уверен, что действую в интересах народа, сообщая ему о тех сильных подозрениях, которые вызывает политическая деятельность Фрерона. Я повторяю, есть еще время опровергнуть их, отправившись честно и открыто на штурм во имя принципов и вечных прав.

Он убедится в том, что мы хорошо во всем разбираемся, когда прочтет наш подробный рассказ всему народу о том, как было принято убийственное для нации обращение Камбасереса от 18 вандемьера, в результате которого Франция приобрела сенат, подобный постоянному сенату Венеции, в результате этого обращения можно считать узаконенным и окончательно утвержденным (ибо основы республиканской автократии были заложены некоторыми предшествующими актами уже давно), что нет больше народного суверенитета, нет больше прав народа, нет больше главенства управляемых над правящими, а есть смешение всех властей в руках некоего децемвирата, в состав которого поочередно входят все сенаторы, и есть также передача последним самой неограниченной власти и низведение всех французов к положению подданных и рабов, к состоянию пассивного повиновения, к самой раболепной покорности. Показывая, как разворачивались в последнее время те стремительные мероприятия, которые завершили эту узурпацию, следует показать и роль в этом деле того, кто, приняв титул Оратора и Друга народа, стал тем не менее провозвестником этих мероприятий.

Мы в это время были увлечены деятельностью, связанной с благородным требованием возвращения вечных прав и мудрого правления, ради которых французский народ поклялся жить или умереть... Мы провозгласили себя *священной партией защитников прав человека*... деспотизм втихомолку

наносил нам удары... Газеты, почти все преданные правительству, имели предписание ничего не говорить о нашей партии... Фрерон участвовал в этом заговоре молчания, но наконец сделал вид, что присоединяется к этой партии. Он недвусмысленно заявил об этом в 10-м номере своей газеты от 9 вандемьера: «Я принадлежу к грозной партии, — пишет он на странице 75, — это партия принципов, партия прав человека». На следующей странице он пишет: «Парижские секции! Разожгите пламя вашей исконной энергии... стряхните иго интриганов... сорвите с них маски и дайте, наконец, Конвенту услышать свободное выражение вашей воли в поддержку всех принципов, гарантирующих ваши права и вашу свободу».

Можно ли было ожидать после таких речей, от которых не отказались бы даже самые ревностные поклонники прав человека, можно ли было ожидать, что в том же 10-м номере, всего через страницу, Фрерон напишет: «Народный суверенитет пребывает в массе народа; но народ, не имея возможности сам создавать свои законы, ДОЛЖЕН БЫЛ СОСРЕДОТОЧИТЬ СВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ В РУКАХ ОДНОЙ ИЗ СВОИХ ЧАСТЕЙ». Он это провозгласил, и ОН ЭТО СДЕЛАЛ, он сам назначил свое представительство, и так сказать, свою власть В МИНИАТЮРЕ. КРОМЕ ЭТОЙ ЧАСТИ НАРОДА, НИКАКАЯ ДРУГАЯ НЕ МОЖЕТ ПРИСВАИВАТЬ СЕБЕ СУВЕРЕНИТЕТА . . . . .
. . . .

СТАЛО БЫТЬ, ЕСЛИ ЧАСТЬ НАРОДА ДЕРЖИТ В СВОИХ РУКАХ СУВЕРЕНИТЕТ, ТО ВСЯКАЯ ДРУГАЯ ЧАСТЬ, КОТОРАЯ ПРИТЯЗАЕТ НА ТО ЖЕ ПРАВО, ЛЖЕТ САМОЙ СЕБЕ».

Неужто так говорит партия прав человека? Вот что сказано в Декларации прав человека, статья 25:

«Суверенитет пребывает в народе: он един, неделим, неотъемлем, неотчуждаем».

Статья 26:

«Никакая часть народа не может осуществлять власть, принадлежащую всему народу».

Статья 53 Конституции:

«Законодательный корпус ПРЕДЛАГАЕТ законы».

Статьи 61—66:

«Французский народ ПРИНИМАЕТ, УТВЕРЖДАЕТ или ОТВЕРГАЕТ законы, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ его представителями».

Я спрашиваю Фрерона: есть ли здесь хоть одно слово, подтверждающее его суверенитет в миниатюре? Есть ли здесь хоть одно слово о том, что народ якобы сосредоточил суверенитет в руках одной из своих частей? Именно Фрерон дает как бы ввод-

ную часть к тому большому манифесту! Он говорит нам, что сувереном является та часть народа, которая заседает в Конвенте! Он говорит нам, что народ, первоначально обладавший этим суверенитетом, уступил его Конвенту! И что ныне один только Конвент имеет право осуществлять этот суверенитет... Не угодно ли, дерзкие уполномоченные, указать, где же акт об этой уступке? Народ не вправе был бы подписать такой акт: ибо, как говорит автор «Общественного договора», коему вы притворно воздаете дань уважения, «народ не может заключить договора, направленного против него самого, и, если бы такой договор был заключен, он во все времена был бы недействительным и подлежал отмене».

Как видишь, Фрерон, французский народ не только не подписал такого безумного пакта, но он заключил прямо противоположный договор. Конституционный акт вместе с Декларацией прав — это единственный пакт, заключенный французской нацией, и мы только что видели, на каких главных принципах он основывается.

Народ объявил в нем, что суверенитет пребывает в нем одном, что никакая часть его не может претендовать на суверенитет!.. В нем нет никакого СОСРЕДОТОЧЕНИЯ в руках одной из его частей, никакого суверенитета в МИНИАТЮРЕ. Есть прямо противоположное — суверенитет всей МАССЫ народа. Я предлагаю Фрерону хорошо обдумать, хорошо понять эту статью.

Народ объявил, что его суверенитет НЕОТЪЕМЛЕМ. Следовательно, захват власти, совершенный Фрероном, утверждающим, что этот суверенитет уступлен ему, не помешает народу вернуть себе владение им.

Народ объявил, что его суверенитет НЕОТЧУЖДАЕМ. Следовательно, нельзя владеть им вместо него, хотя бы временно. Следовательно, его уполномоченные не могут взять этот суверенитет в долгосрочную аренду, ибо аренда есть отчуждение: мы разбираемся в терминах.

Народ объявил, что законодательная власть может только ПРЕДЛАГАТЬ законы. Следовательно, законодательная власть никогда не может быть законным образом суверенною.

Народ объявил, что ему принадлежит право ПРИНЯТИЯ, УТВЕРЖДЕНИЯ и ОТКЛОНЕНИЯ законов. Следовательно, народ понимает, что именно он является сувереном.

Нет, Фрерон, ты не мой суверен, я никогда не стану воздавать тебе уважения в качестве такового. Твоя миниатюра мне не нравится. Она слишком мелка рядом с великим сувереном, рядом с подлинным сувереном. Мне нужен суверен колоссальный! Чтобы внушить мне уважение, необходимо величие. Сувереном должен быть народ, вся его масса, как об этом гово-

рит Конституция, а не пигмеи; и когда они предъявляют эту безумную претензию, я их считаю раздутыми ничтожествами. Я восстаю против этого, но при этом оставляю в покое Юпитера и не прошу у него их замены.

Г. Бабеф. Трибун народа.

Примечание. Продолжение в следующем номере. Я там закончу описание маневров, с помощью которых постепенно добились полного уничтожения национального суверенитета, и изложу способы, которые помогут добиться его восстановления.

Г. БАБЕФ, ЗАЩИТНИК ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, К РЕСПУБЛИКАНЦАМ, ЗАЩИТНИКАМ ЭТИХ ПРАВ,

на заседании клуба, ранее именовавшегося Электоральным, в помещении секции Музея: сего 22 вандемьера III года Республики

ГРАЖДАНЕ,

Событие, которого я никак не мог ожидать, показало мне вчера, что тирания лишь дремала и что от нее следует ожидать всего, на что она способна. Выпад, о котором я узнал в то самое время, когда она ударила по одному из наших самых пылких и самых ценных сотрудников в священном деле отвоевания прав народа, заставил меня почувствовать необходимость предохранить себя от ярости децемвиров [110]. Не ведая, какая ждет меня судьба, полагая неосторожным показываться, я передал одному из моих друзей этот пакет для вас. Из него вы узнаете с негодованием о том, как со мною обращаются.

После долгих страданий, долгих преследований, которым я подвергался ради свободы, я получил лишь месяц тому назад должность в одном из ведомств [111]. Я надеялся вытащить мою жену и троих детей из глубокой нищеты, в которую погрузили их вместе со мной мои следовавшие одно за другим несчастья. Постоянно поглощенный судьбою родины, я увидел, что пришел момент, когда, как мне кажется, откровенное и смелое перо может успешно способствовать выходу отечества из того постыдного состояния рабства и скорби, в котором оно пребывает в течение года. Если у меня и нет талантов Марата, то я чувствую в себе его огонь, его энергию и его преданность священному делу народа. Мне кажется, что его кровь кипит в моих жилах. Я принимаюсь писать. Моя газета хорошо встречена всеми гражданами, которые ненавидят угнетение. Ее первые номера приняты как голос утешения, вливающий в сердца бальзам надежды, позволяющий разглядеть сияние новой зари свободы. Польщенный одобрением моих сограждан, проникнутый чувством удовлетворения от того, что смог сделать кое-что для своих братьев, я все более охвачен восторгом, я забываю все ради родины, я почти что забываю о собственном пропитании, забываю о своей жене и детях, жертвую своей должностью и отдаюсь исключи-

тельно делу защиты прав народа. Моя супруга и мой девятилетний сын, оба такие же республиканцы, столь же самоотверженные, как их отец и супруг, помогают мне всем, чем могут. Они приносят те же жертвы. Днем и ночью они заняты у Гюффруа, моего типографа, складыванием, распределением, рассылкой газеты. Дом заброшен. Два других малых ребенка, одному из которых всего три года, в течение месяца остаются дома одни взаперти. От такого небрежения они чахнут, но не жалуются и как будто уже проникнуты такою же любовью к родине и охотно приносят ей все жертвы. Никакого хозяйства у меня больше не ведется: пока выходила наша газета, мы питались хлебом, виноградом и орехами. Все эти жертвы были приятны, они были радостны для нас. Тираны, по-видимому, поняли это, они решили лишить нас даже этих радостей, и если от причиненного нам ими зла нет исцеления, оно обрекает нас на самые тяжкие страдания.

Вот каким образом они пустили в меня свои стрелы.

Депутат Гюффруа, мой типограф, вчера распорядился задержать тираж 26-го номера моей газеты. Он также прекратил его продажу, он захватил около 30 тыс. экземпляров всех номеров газеты, выгнал моих жену и сына и заявил им, что донесет на меня в Комитет общественной безопасности.

Гюффруа в одном этом поступке совместил много разных преступлений. Он ответил предательством на самое чистосердечное, самое братское доверие, он безнаказанно меня обокрал, он не менее дерзко обокрал элиту патриотов, подписавшуюся на мою газету, и он нанес убийственный удар родине, погасив факел, излучавший, пожалуй, свет самой неопровержимой правды. О, народ, таков один из твоих представителей!

Гюффруа обманул мое доверие. О, коварный! Приступая к изданию своей газеты, я не скрыл от него тех принципов, в духе которых я намеревался вести ее. Если бы он мне сказал, что он хочет, чтобы я был защитником народа только наполовину, и что только при этом условии он согласен печатать мою газету, я поискал бы другого типографа.

Гюффруа нагло обокрал меня. Он пожал все плоды моих трудов. Мои первые номера вышли двумя изданиями, он продал их огромное количество, он получил весь доход с розничной продажи, он получил все деньги от подписки, я ни разу не получил ни одного су. Но мне осталось по крайней мере удовлетворение от того, что меня с уважением читали друзья свободы, и этого Гюффруа не может у меня отнять.

Это вознаграждение для меня более ценно, чем деньги; для Гюффруа оно ничего не значит.

Гюффруа обокрал элиту патриотов, подписавшуюся на мою газету. У него, пожалуй, не хватит бесстыдства отказать в возвращении внесенных денег парижским подписчикам, но он ничего не отошлет подписчикам из департаментов, у которых не бу-

дет возможности прийти к нему и требовать возвращения своих денег. Если бы я мог, я бы вернул им их, хоть я ничего и не получил. Но у меня нет ни одного су, и мне придется страдать от сознания, что наши братья из департаментов будут считать вором меня, а не Гюффруа.

Какая победа для преступления! Она даст ему возможность говорить: посмотрите-ка на этого человека, который так носился со своими добродетелями и патриотизмом! И что же, он объявил об издании сугубо народной газеты только для того, чтобы набрать побольше денег. Он нас обокрал. О, провидение! Что же ты такое, если допускаешь, чтобы вместо виновного был наказан праведник! !..

Наконец, Гюффруа наносит убийственный удар родине, гася ее факел правды. Граждане, в последнем номере, в 26-м, вы видели, что большой город Ренн уже встал под знамена защитников прав человека. Этот примечательный успех нашей пропаганды встревожил деспотизм. В том же номере я задел за живое некоторых его представителей, раскрыв их постыдные дела. Одержимый страхом, как все незаконные власти, он счел, что погибнет, если я буду писать еще несколько дней. Этот номер, 26-й, делает меня в его глазах великим преступником. Но в ваших, граждане, в ваших глазах, спрашиваю я, разве он обличает меня в преступлении?

Совпадение мер, принятых в отношении выдающегося защитника народа Легрэ и меня, совпадение их во времени дали мне, полагаю, все основания думать, что нас считают участниками общего заговора. Более возмущенный, нежели испуганный дерзостью тирании, я отправился в лоно семьи Друга народа, чтобы выразить свое отвращение. Невольное движение души направило меня в моем отчаянии к святилищу свободы. Я рассказал вдове и сестре Марата о том, что только что случилось с человеком, который хотел следовать по его стопам. Они уже знали обо всем, что произошло с Легрэ. Альбертина Марат уже написала Фрерону письмо в защиту Легрэ, в котором выражено глубокое негодование, вызываемое в свободных душах актами несправедливости, угнетения, тирании. Я получил от сестры Друга народа копию этого письма, я ее унес к себе и уверен, что не вызову ее неудовольствия тем, что без ее ведома опубликовал его в своем 27-м номере. Этот номер, 27-й, граждане, я могу послать вам лишь в рукописи. Он приложен к данному письму. Состояние беспокойства и беспорядка, в которое меня повергли преследования, лишило меня возможности напечатать его. Если мои предыдущие номера вас заинтересовали, читайте и этот. И, если я не могу больше проповедовать доктрину прав человека во всех частях Парижа и в департаментах, пусть ее по крайней мере еще раз услышит та часть народа, которая, высоко ценя свободу, прилежно посещает ваши заседания, дабы слышать, как там о ней дискутируют. Читайте этот номер не столько даже ради того, что

я в нем написал, сколько ради важного письма Альбертины Марат к Фрерону. Если оно не станет для вас образцом энергии, печатью которой должны быть отмечены все ваши действия в момент, когда свобода в столь критическом положении, я потеряю надежду на ее спасение. Но у меня нет никакого сомнения в том, что ваше мужество, как всегда, постоянно и неизменно. Знайте, что, вопреки всем усилиям, которые прилагаются к тому, чтобы никто не знал о ваших трудах, взоры Франции обращены к восстановителям прав человека. Все, кто участвует в их защите, не обманут надежд Республики. Я доверяю рукопись моего 27-го номера честным гражданам, и я полагаюсь на них, на то, что они, ввиду моей неспособности в настоящее время предать его гласности, постараются его напечатать.

Народное общество, именуемое электоральным, постановило на заседании от 27-го вандемьера напечатать 27-й номер «Трибуна народа» и приложенное письмо.

Г. Бабеф

БАБЕФ
ПРОТИВ ТЕРМИДОРИАНСКОГО КОНВЕНТА

МНЕНИЕ ГРАЖДАНИНА С ТРИБУН БЫВШЕГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО КЛУБА
о необходимости и способах организации подлинного Народного общества [1]

12 брюмера III года [2 ноября 1794 г.]

Граждане члены общества, граждане и гражданки с трибун, слушатели обоего пола и любого возраста!

Когда считаешь, что свобода в опасности и надо ее защищать, то, конечно, не станешь придерживаться правила, гласящего: «Не всякую правду можно говорить». Если горстка борцов за права народа хочет все еще казаться сильной, тогда как в действительности она находится в отчаянном положении, то такое притворство не принесет пользы ни ей, ни народу. Это лишь своего рода бахвальство, которому враги свободы знают цену и которое может только ввести в роковое заблуждение доверчивых патриотов. Последние с уверенностью полагаются на защитников, считая, что они по-прежнему в состоянии сопротивляться, тогда как бо́льшая часть батальона рассеяна, а оставшаяся меньшая часть истощена и слабость ее неизбежно приведет к гибели при первом же ударе.

Вам легко понять, граждане, истинный смысл этого образного выражения. Оно содержит признание, которое я не считаю слишком откровенным; ибо всюду и при любых обстоятельствах, где идет речь о народе, его никогда нельзя обманывать. Те, кто берется действовать на благо народу, обязаны открывать ему всю истину; и коль скоро они видят, что лишены возможности быть ему полезными, то лучше всего прямо сказать ему об этом. Честные патриоты не должны походить на тех шарлатанов, которые поддерживают у бедного больного иллюзию эффективности их снадобий, тогда как они могут лишь сократить его жизнь, а если бы его оставить на милость природе, он скорее выбрался бы из кризиса.

Нет сомнения, граждане, что это общество объединяет подлинных защитников прав народа. Все воздадут ему должное и согла-

сятся с тем, что с тех пор как свобода, казалось, стала возрождаться после 9 термидора, это общество никогда не переставало исповедовать великие принципы, основные и вечные идеи общественной независимости и благоденствия. Равным образом все зачтут ему преследования, которым оно подвергалось за постоянство, с каким отстаивало это учение. Все знают, что некоторые его члены, а в их лице и весь народ, стали жертвами угнетения, и в памяти людей запечатлены имена вышедших из его среды достойных мучеников, изнывающих в ссылке и тюрьмах в наказанье за энергичное рвение и безграничную преданность этому священному и возвышенному делу.

Но было бы ослеплением, если бы мы захотели дольше скрывать от самих себя и от других, что ряд ударов, нанесенных этому обществу властями, ослабили его до такой степени, что это не могло ни от кого ускользнуть. Будем честными. Граждане, что́ вы сейчас собою представляете и что̀ можете вы сделать?.. Ваше Общество состоит из четырех сотен членов. Где они?.. Вас здесь обычно человек 30—40. Что можете вы сделать для народа?.. Большинство ваших коллег с некоторых пор воздерживаются от участия в ваших заседаниях, и это большинство, возможно, состоит вовсе не из плохих граждан; будь они плохими, они пришли бы, чтобы выступить против ваших принципов. Они продолжают втайне исповедовать их, но пример их коллег, наказанных за одно только слово, но еще свежее воспоминание о сотнях жертв, отправленных на казнь, не могут не пугать отцов семейств, и они временно склонили головы под иго. Вы представляете собой лишь незначительную ячейку упорных и настойчивых бойцов. Но, будем и дальше говорить всю правду, так ли вы бесстрашны? Не впадаете ли и вы в оцепенение? Почему бы не признать также... ваше последнее заседание показывает, что вы начинаете отступать: все воздерживаются от того, чтобы твердо доводить свою мысль до конца, явно опасаясь бесплодно жертвовать собою. Если бы встал вопрос о принятии какого-нибудь энергичного постановления, я спрашиваю, можно ли быть уверенным, что оно было бы единогласно принято этой горсткой упрямцев, которые при таком страхе все же аккуратно заседают?.. Так как теперь, чтобы выразить свое согласие с каким-либо предложением, надо подтвердить это собственноручной подписью, то возможно, что в подобном случае предложение собрало бы десяток подписей, и вы дали бы таким образом повод говорить, что это предложение выражает лишь волю горстки мятежников и смутьянов. Я спрашиваю, не показывает ли такой подсчет, до какого упадка мы дошли? Я спрашиваю, можно ли, дойдя до такого состояния, быть еще полезным народу? Я спрашиваю, не будет ли обманом пытаться сохранить вид, будто мы все еще способны что-то сделать для народа? Я спрашиваю, не лучше ли будет для народа, если откровенно сказать ему: народ, не заблуждайся, в том состоянии, в котором мы находимся, мы бессильны что-нибудь сделать для тебя; мы сознаем нашу слабость и заяв-

ляем тебе об этом, не желая обманывать тебя; не жди от нас больше ничего, наши силы истощены; и если мы не найдем каких-то способов восстановить их, то не сможем больше бороться.

Так вот, я делаю народу это заявление, следуя моей личной совести. Я говорю ему, что, по моему твердому убеждению, народу нечего ждать от этого общества, если оно не будет реорганизовано. И так как источник всех возможностей в народе, то, составляя проект такой реорганизации, я рассчитываю только на народ. Особенности этой реорганизации требуют от меня несколько пространного рассмотрения и обращения к самым основным и первоначальным принципам.

Граждане! Грозит ли опасность свободе народа? Является ли надзор единственной гарантией против этой опасности? Должен ли этот надзор быть постоянным? Принадлежит ли право надзора всему народу? Каким образом оно должно осуществляться?.. Таковы те важнейшие вопросы, которые я намерен рассматривать и решать один за другим, предлагая их затем на рассмотрение вам.

Истина, которую никто не оспаривает, заключается в том, что общественной свободе всегда угрожает опасность, т. е. всегда есть честолюбцы, жаждущие власти, которые поэтому постоянно угрожают правам народа.

Из этого основного положения вытекает необходимость для народа быть постоянно настороже *против угнетения со стороны тех, кто правит*. И этот принцип текстуально утвержден статьей 9 Декларации прав.

Стало быть, рассматриваемый мною вопрос — это вовсе не вопрос о том, находится ли свобода в опасности сейчас, ибо не подлежит сомнению, что она всегда в опасности.

Это также не вопрос о том, должен ли народ сейчас стоять на страже, чтобы обезопасить свою свободу от посягательств честолюбия и властолюбия, ибо общественная свобода ценнее всего для людей, и поэтому их долг — всегда быть на страже.

Поэтому нельзя считать оскорблением для правителей, нельзя считать, что бьешь в набат против них, если постоянно твердишь народу: *охраняй свою свободу*... ибо право надзора есть право, осуществляемое повседневно, и это единственный способ гарантировать права народа.

Это утверждено также и в другом месте Декларации прав, там, где говорится, что народ должен быть *всегда* на страже, дабы *сопоставлять действия правительства с предназначением всякой общественной организации, чтобы не допустить своего угнетения и унижения властью тирании*.

Из этих изложенных мною принципов неизбежно вытекает следующее.

Кто хочет цели, хочет и средства. Поскольку право надзора над действиями правительства признано необходимым и поскольку, следовательно, суверен, т. е. народ, учредил его,

он должен был желать, чтобы все элементы этого надзора, все, что необходимо, чтобы сделать этот надзор эффективным, стало бы частью этого учреждения и было бы приведено в движение одновременно с ним.

Стало быть, народ хотел, чтобы его часовые были достаточно многочисленны и обладали бы всеми ресурсами силы, ума и доброй воли, способными обеспечить хороший надзор.

Потому-то Конституционный акт и содержит следующее предписание в статье 22:

«Конституция гарантирует всем французам... право объединяться в Народные общества».

Статья 26 Декларации прав гласит: «Каждая собравшаяся часть суверена должна пользоваться правом совершенно свободного выражения своей воли».

И статья 7: «Право мирно собираться... не может быть уничтожено... Необходимость провозглашения этого права предполагает наличие деспотизма или свежей памяти о нем».

Не подлежит сомнению, что, поскольку эти права гарантированы нашим общественным договором, поскольку все французы обладают правом объединяться в Народные общества, поскольку каждый из них имеет право совершенно свободно выражать свою волю, поскольку решительно воспрещено уничтожать когда-либо право мирно собираться... надзор является совершенным, действие его безошибочно, и трудно представить себе, чтобы злоупотребления, порожденные честолюбием и властолюбием, могли проникнуть сквозь строй 25 млн. часовых, охраняющих свободу.

Особенно важна, граждане, статья 22 Конституционного акта, призывающая всех французов объединяться в Народные общества. Эта статья говорит каждому, что право морального надзора принадлежит всем, что это для каждого долг столь же несомненный, как и физический и материальный надзор, т. е., подобно тому, как каждый гражданин считает неуклонным долгом стоять в военном карауле, чтобы охранять общество от прямого насилия, он должен считать столь же священным долгом стоять на других постах, имеющих целью охрану прав народа от посягательств коварных и злокозненных честолюбцев.

Но сколь далеки мы еще от того времени, когда каждый из нас будет в состоянии по-настоящему осуществить эту важную часть своего служения родине, я имею в виду моральный и политический надзор в Народных обществах — этот священный долг, осуществление которого предписано Конституцией всем французам!!.. Какое роковое стечение обстоятельств привело к тому, что, хотя это указание обращено ко всем гражданам без исключения, лишь очень незначительная их часть может, по-видимому, быть допущена к выполнению своего гражданского долга? Почему надо обладать патентом, дипломом, чтобы выступать за дело народа, за его права? Почему одного того, что человек является

частью суверенного народа, недостаточно, чтобы предоставить ему право защищать интересы родины?

Это связано с неким изначальным пороком в самом способе организации наших Народных обществ. Необходимо уточнить, в чем состоит этот порок.

Народные общества возникли одновременно с революцией. В то время монашеские идеи и формы имели на нас большое влияние; мы дали им проникнуть в наши первые революционные учреждения. Наши 60 дистриктов приняли имена 60 героев легенд, наши батальоны тоже поставили себя под покровительство наиболее знаменитых персонажей из Святцев; наши клубы также не отклонились от этой системы, они сохранили наименования различных монашеских орденов, у нас появились якобинцы, кордельеры, фейяны. Вместе с наименованиями мы восприняли некоторые монашеские учреждения. Так называемые Народные общества стали просто орденами, политическими, если угодно, но, подобно монашеским орденам, они имели свои установления, свою дисциплину, свой внутренний режим, свой корпоративный дух, свои привилегии, свои уставы, свои обряды и церемонии при приеме кандидатов. Они делили народ на две касты — касту избранных и касту профанов. Это были опять-таки в некотором роде активные и пассивные граждане: одни могли публично говорить об интересах родины, потому что они вносили деньги и имели дипломы, другие были обязаны слушать и молчать, потому что не имели достаточно денег и не удостоились чести быть зачисленными.

Я спрашиваю вас, граждане, не является ли порочным такой порядок организации? Соответствует ли он цели конституционного учреждения, каковыми и являются Народные общества? К чему сводится цель этих обществ? Разве она не состоит в том, чтобы осуществлять надзор над всеми агентами народа? Предупредить посредством этого надзора всякую возможность посягательств на принципы, охраняющие общественную свободу? Развернуть обсуждение всех требований, которые могут интересовать народ?.. Но кто сумеет хорошо осуществлять этот надзор? Разве не народ в целом? Если народу нужно что-то потребовать, то кто лучше его самого поймет его нужды? Кто лучше его самого сможет уточнить те пожелания, которые он сочтет необходимым высказать? Нет, граждане, эти люди, объединяющиеся в нечто вроде братств и присваивающие себе исключительное право выступать в защиту интересов народа, не выражают его волю так, как он сам бы это сделал. Нужны ли народу адвокаты-краснобаи, купившие право разглагольствовать за него, запрещая ему говорить о своем собственном деле; между тем как он, народ, менее склонный к высокопарным словам, менее склонный остроумничать и терять время на партийные ссоры, мог бы, конечно, лучше всех эрудитов и всех прокуроров, прийти к истинной цели, к тому, что́ отвечает общим интересам.

Чем же должны быть Народные общества? Разве само их наименование не говорит уже о том, что это — собрания народа? Почему же тогда все члены суверенного народа, все французы, не могут, вопреки тому, что сказано в Конституционном акте, выступить там, не подвергаясь бесчисленным формальностям, не сталкиваясь с тем, что недостаток денежных средств является препятствием для осуществления этого права?.. Что означает опять эта аристократия богатства, эта демаркационная линия между народом, который платит, и народом, который не платит?.. Неужели деньги все еще дают исключительные права, какие-то особые преимущества?.. Как так? Я куплю диплом, чтобы получить привилегию выступать за общее дело или против него, а мои бедные соседи смогут быть только моими слушателями! И я приобрету право выступать даже против них, а у них не будет возможности мне ответить!.. Полноправный член клуба рядом с гражданином, слушающим его, смахивает на христианского проповедника, обращающегося к благосклонной аудитории, лишенной всякого права жаловаться на безрассудные речи и даже на брань этого святоши, которому позволено болтать вздор с амвона. Как нам не стыдно сохранять до такой степени обычаи режима, который мы с полным основанием осудили? Надо разорвать эти позорные узы, столь сильно отдаляющие нас от того, чем мы должны быть, и приближающие нас к тому, чем мы поклялись не быть. Мы хотим иметь только народные порядки, будем же во всем вести себя по-народному! Пусть все наши учреждения будут пронизаны народными принципами. Они, несомненно, будут совершенными при условии, что ими будут руководить на виду у всех и они постоянно будут стремиться к выполнению общей воли.

Граждане! Ведь не напрасно Конституция решила гарантировать всем французам право объединяться в Народные общества. Конституция, утверждая это право как гарантию свободы, обязывая, стало быть, каждого гражданина осуществлять это право, отнюдь не имела в виду, что оно может стать иллюзорным. Поэтому она вовсе не нагромождала тысячи затруднений с целью закрыть большинству доступ в эти общества. Она вовсе не заявляла, что для этого требуется обладать красноречием, быть оратором, иметь деньги, чтобы участвовать в некоторых расходах, иметь покровителей, чтобы получить возможность впервые прийти туда; что надо пройти через своего рода инквизицию и через множество церемоний, прежде чем вы получите официальное право доступа. Конституция отнюдь не имела в виду возобновить торговлю грамотами, продажу привилегий. Конституция стремилась только, чтобы все французы, весь народ, могли объединиться в Народные общества. И поскольку она не установила формальностей, которые бы кого-либо исключали, то и не нужно таких формальностей: я сейчас набросаю, в духе Конституции и ее очевидной, прямо выраженной воли, простейший план подлинного Народного общества.

Граждане! Члены настоящего Общества уже отчасти уничтожили те границы, которые их отделяли от народа. Они почти полностью уничтожили те барьеры, которые отличали члена Общества, обладателя диплома, от обыкновенного гражданина. Вы не стали больше оскорблять народ, рассматривая его как сборище невежд. И что же? Вы собрали аудиторию истинных республиканцев, аудиторию, состоящую из тех честных людей, которые знают и любят только справедливость, принципы и неотъемлемые и неотчуждаемые права, вечные основы общественной свободы и общественного благоденствия. В вашем Обществе воцарились доверие, сердечное братство, единение, взаимная поддержка — все чувства, питающие энергию и внушающие надежду на успех. Здесь возник союз сил и знаний, объединенных общими идеями, общими желаниями, общей целью. Все чувства были направлены к обеспечению торжества бессмертных прав человека. С этих трибун, которые долгое время не ставились ни во что, зазвучали голоса, одушевленные красноречием и правдою. Правда, о которой так долго забывали, которую так долго душили шарлатанством политических разбойников, вышла наконец наружу. Она пробилась через все лживые измышления, с помощью которых эти разбойники затемняли мораль свободы. Вы ее узнали, эту правду, по чертам неподражаемым, разительным, хватающим за сердце человека, даже извращенного. Когда ее голос донес до вас доктрину принципов, вы увидели, сколь ничтожными, мелочными, плутовскими являются все прочие доктрины по сравнению с нею; вы увидели, что только она может вести (всех) французов к счастью. Итак, чтобы достичь счастья, надо только обеспечить победу доктрины принципов?.. А что надо сделать, чтобы обеспечить эту победу? Надо дать народу возможность поддержать ее, ибо он, конечно, хочет этого, ибо не может быть, чтобы он не хотел своего блага. Но разве у народа уже нет под рукою средств для поддержки и обеспечения победы доктрины принципов? Нет... Следовательно, этой победе препятствует политическая интрига? Да... Что можно сделать, чтобы обеспечить победу? Довести до конца то, что начато этим Обществом, превратить его в подлинное Народное общество.

Подлинным Народным обществом я называю такое, куда весь народ сможет прийти, заседать и взять слово, не будучи подчинен тысяче и одной формальности, принятым в корпорациях, подражающих корпорациям фанатизма и роялизма. Подлинным Народным обществом я называю такое, где достаточно просто присутствовать, чтобы стать его членом; такое, куда каждый гражданин сможет принести свои знания или обратиться с просьбой и заботами... где никакая жалоба, никакая идея, представляющая общественный интерес, не будет отвергнута, ни один голос не будет заглушен или подавлен. Подлинным Народным обществом я называю такое, где люди, не имеющие денег, отнюдь не будут поставлены ниже того, у кого они есть ...то, где все

демаркационные линии будут стерты, где мы, слившись воедино, будем пользоваться общей привилегией интересоваться только спасением родины и свободы; то, где не будет больше никаких удостоверений, дипломов, пергаментов, этих детских игрушек тщеславия, этих порождений старого режима.

О, граждане, можем ли мы сделать больше того, что сделал великий народ, который раньше нас обрел свободу и сумел пользоваться ею долгое время. Когда римский народ совещался на Форуме или на какой-либо другой публичной площади, когда он обсуждал дела своих должностных лиц, своих генералов или других своих агентов, среди них не было привилегированных центурий, не было людей, которые бы ходили с кусочком картона в петлице или с клочком пергамента в кармане. Никто не осмелился бы сказать римлянину: «Слушай и молчи, потому что у тебя нет диплома, дающего право говорить, или потому что ты ничего не платил за освещение». Родина Катонов и Брутов не останавливалась на таких мелочах. У этого народа все было великим. Его народные клубы были настоящими, это не были партийные группки, ордена, братства, как у нас. Там был слышен истинный голос народа. Он возбуждал уважение, потому что он звучал сильно. То Народное общество, которое собиралось на Форуме или какой-либо другой публичной площади, объединяло весь римский народ. Места собраний всегда были полны, и даже крыши соседних домов были заняты, потому что там каждый человек принимался во внимание, потому что каждый мог, в свою очередь, подняться на трибуну и выступить.

Давайте же, граждане, следовать этим подлинно демократическим образцам, выдержанным в том же духе, что и указанное требование нашего Конституционного акта. У вас тут есть хорошая ячейка подлинных борцов за принципы. Призовите всех тех, кто ее образует, объединиться с нами, составив единое целое, и не прекращать почетной борьбы в защиту вечных прав. Призовите их присоединить к себе и к вам всех тех, кого они знают, как людей, которые тоже являются друзьями народа и свободы. Давайте образуем внушительный союз, который не смогут сломить ни препятствия, ни преследования. Пусть людей объединяет не помещение, а родство чувств, желаний и убеждений. Пусть это единение осуществляется по одному-единственному признаку — преданности принципам. Пусть оно увеличивается до бесконечности в силу лишь того, что открывает каждому возможность принести дань своих знаний на алтарь человечества и всеобщего счастья.

Вот тогда-то, граждане, вы сможете услышать подлинную волю народа. Тогда-то ваши петиции станут подлинным выражением его нужд, его законных забот, его истинных интересов. Тогда уже никто не сможет сказать, что ваши предложения являются лишь результатом происков нескольких интриганов и служат только их личным целям. Ответственность тогда будет

нести не горсточка членов Общества, а внушительная масса, требования которой, подтвержденные несколькими тысячами подписей, будут иметь немалый вес. Равным образом и Народное собрание не будет тогда уже исключительно ареною краснобаев. Эх, граждане! Зачем нам столько красноречия. Куда оно нас приводило до сих пор? Часто народ двумя словами выразит больше, чем самая великолепная речь. Если народ скажет: «Свободы; хлеба, и хорошего хлеба; всех предметов первой необходимости, хорошего качества и в изобилии», — то много ли еще понадобится слов, чтобы правильно понять его?

С другой стороны, граждане, ободрите человека робкого, ничего не говорящего, не старайтесь подавить его, выставляя напоказ всю вашу эрудицию, проявите терпение и дайте ему развить свою мысль. Быть может, именно из его уст выйдут наилучшие истины, больше всего способствующие осуществлению общих интересов.

Не обрекайте также на молчание тот пол, который не заслуживает, чтобы к нему относились с пренебрежением. Наоборот, вы должны поднять достоинство самой прекрасной части человечества. Допустите ваших жен к участию в обеспечении интересов родины; они могут сделать для ее процветания больше, чем принято думать. Смогут ли они воспитать героев, если вы их самих не считаете за людей? Обескураживая их, как можете вы требовать, чтобы они, кому естественно доверено первоначальное воспитание, заложили в души новых поколений те семена пламенной любви к родине, которые одни могут укрепить навек царство свободы и республиканских добродетелей? .. Если в вашей Республике вы ни во что не будете ставить женщин, вы сделаете из них щеголих, которых мы во множестве видели при монархии, и их влияние будет таковым, что они ее возродят. И, наоборот, если вы будете с ними считаться, вы сделаете из них Корнелий, Лукреций, и они вам воспитают Брутов, Гракхов, Сцевол.

Вы неправильно поступили, граждане, когда на своем последнем заседании не позволили высказаться одной особе этого пола, который тирания мужчин всегда стремилась свести на нет, хотя этот пол никогда не оставался бесполезным во время революций. Вы тем более должны были бы поспешить исправить эту оплошность, что та энергичная женщина, которой вы заткнули рот, являет наглядное доказательство того, что ее пол подчас сто́ит нашего как в отношении справедливости суждений, так и в отношении мужества. Патриоты! Не мешайте никому провозглашать те истины, которых вы сами не осмеливаетесь высказывать. О, господи, вы ведь не так уж теперь сильны! ..

Нам могли бы возразить, что при предлагаемом нами способе организации народным собранием могли бы завладеть интриганы, но такое возражение крайне неубедительно. Неужели вы так низко цените добродетель нашего народа, что полагаете, будто в его среде число людей с чистыми намерениями не превосходит

число интриганов? Те, кого вы соберете, будут подлинные санкюлоты, люди чистосердечные, всеми силами души желающие только добра и обладающие верным чутьем, чтобы распознать лицемеров. Если бы последние посмели появиться, они бы их быстро привели в замешательство. В вашей среде тому уже были наглядные примеры.

Вы столь же легко отвергнете, граждане, другие мелкие возражения. Вам скажут: «Да ведь такой порядок организации привлечет толпы... Где найти достаточно большое помещение? Да ведь постоянно будут расходы... Кто их покроет?..» Что касается помещения, то есть много пустующих театров, мы арендуем один из них: дискуссии, которые там развернутся, привлекут, пожалуй, не меньшее стечение народа, чем фиглярство, для представления коего он ранее служил... Покрытие расходов. А нельзя ли предложить, чтобы каждый из присутствующих, если хочет или если может, вносил бы одно су на каждом заседании; чтобы каждый раз производился подсчет расходов и доходов; чтобы не было никакой казны; чтобы излишек поступлений над расходами, включая плату за освещение, типографские и другие расходы, был немедленно употреблен на благотворительные дела?

Зачем всегда стремиться быть похожими на других? Зачем слепо копировать Национальное собрание? К чему эти регистрации, архивы, протоколы, постоянный председатель и секретари? Разве весь этот аппарат, который может стать источником затруднений, так уж необходим Обществу, которое состоит из народа и поэтому должно несколько больше приблизиться к простоте Природы? Что надлежит ему делать? Какова его цель? Обсуждать пути достижения благоденствия?.. Если оно их найдет, то благодарная память людей будет его архивом. Если, случаем, ему нужно составить петицию, любой из присутствующих или тот, кто ее предлагает, может быть секретарем; любой из присутствующих на заседании может стать и его председателем.

Не может быть препятствием и закон, требующий представления списка членов каждого клуба. Список этого Общества, говорят, был составлен, и его унесли агенты комитетов Конвента, опечатавшие его бумаги. Поэтому прежний клуб лишен возможности выполнить требования закона, ибо у него уже нет списка, где он мог бы найти имена всех своих членов. Но правительство-то их знает, и этого достаточно. А если сегодня Общество примет решение допустить на свои заседания на равных с его членами правах всех остальных граждан, то это — уставное постановление, ничего не меняющее в вопросе о списке: Общество имеет право разрешить всему свету прийти, чтобы говорить с ним об интересах рода человеческого.

Давайте подведем итог, граждане. Я предлагаю сейчас провозгласить образование подлинного Народного общества, которое должно быть названо не иначе, как «Клуб народа», и куда народ

будет действительно допускаться без всяких ограничений, без формальностей, без инквизиции, без дипломов, без денег, без ораторских талантов, где не будут осведомляться о том, каков человек, лишь бы в его речах сквозили разум, справедливость, принципы, и он вносил бы дельные предложения. Граждане бывшие члены Общества, слейтесь с народом, станьте сами народом; спрячьте эти дипломы, эти своего рода дворянские грамоты, устанавливающие некое ребяческое различие между вами и народом. Будьте сильными вместе с народом, такими же простыми и безыскусными, как он. Разбейте все погремушки детского тщеславия, сломайте барьеры, отделяющие ваше помещение от помещений ваших сограждан, которые во всем вам равны. Зачем нужно это святилище, которое оскорбляет принцип равенства? Зачем сохранять два класса, один из которых совершает богослужение, а другой только присутствует при этом? Призовите к себе всех просвещенных людей. Пусть каждый человек осознает свое достоинство.

Судьба свободы зависит исключительно от силы народа и от его сплоченности! Народ испытывает нужды, и он угнетен; он должен сплотиться, чтобы выйти из этого положения. Если народ не обладает силой, он не сможет заставить прислушиваться к его требованиям и добиваться их удовлетворения. Ныне его уста запечатаны, и это прекратится лишь тогда, когда народ не будет разобщен, когда он объединит свои усилия вокруг определенного центра, где сможет, ничего не боясь, излить подлинные чувства, наполняющие его душу. Принуждение порождает низость и подобострастие. Вы увидите, как исчезнет тот дух лести, который ныне позорит Францию, как только появится Народное собрание, где подлинная мысль народа не будет стеснена. Мы дошли сейчас до той точки, на которой находился Рим во время перехода от свободы к рабству. Там, как и у нас, тогда, как и ныне, подонки человечества, существа, рожденные для рабства, впряглись в колесницу угнетателей народа, писатели, не имеющие стыда, присоединились к ним, клеветали на принципы и восхваляли преступления и посягательства тиранов. Что сказали бы Катон или Брут при виде того, как униженно воскуривают фимиам Октавиану, запятнанному еще свежей кровью жертв проскрипций? Что сказали бы эти великие люди, что сказал бы Марат, если бы они увидели в нашей среде не менее постыдное унижение! Выйдем же из этого состояния.

В другой работе будут более подробно изложены все преимущества, которые могут последовать из предлагаемого нами порядка; но это уже нетрудно и заранее понять. Есть все основания ожидать великих дел от народа, если он сумеет объединиться на самой широкой и единственно достойной его основе. Парижские патриоты всегда были и будут достойными поста первых часовых свободы. Они всегда будут привлекать взоры своих современников и взоры потомков. Я изложу сейчас свое

предложение в виде статей Постановления, и пусть в качестве первого шага присутствующий здесь народ сразу же примет участие в голосовании по поводу этого предложения.

* * *

Граждане, собравшиеся 12 брюмера на трибунах и в зале бывшего Электорального клуба, приняли для своего Общества следующий порядок организации:

Статья 1. Отныне общество будет именоваться КЛУБ НАРОДА.

2. Все граждане, без ограничений, а равно и гражданки, призываются стать его членами, внося посильный вклад своих знаний. Всем будет разрешено заседать в нем и выступать в порядке записи для получения слова.

3. Не будет различия между членами Клуба, находящимися в зале, и теми, кто находится на трибунах; каждый присутствующий будет членом с момента своего прихода, не нуждаясь для этого ни в дипломе, ни в удостоверении или каком-либо другом свидетельстве о допущении.

4. Не будет различия между платящими и неплатящими гражданами. Расходы будут покрываться добровольными пожертвованиями или вскладчину на каждом собрании в зависимости от нужд Общества.

5. Не будет никакого казначея. Подсчет расходов и доходов будет производиться на каждом заседании, и излишек доходов над расходами будет употреблен тут же на благотворительные цели.

6. Это Общество будет назначать своего председателя на каждом заседании.

7. Его письменными документами будут только Петиции и Обращения, которые будут составляться комиссарами, специально избираемыми всякий раз для этой цели Обществом.

8. Будет составлена афиша для извещения всех граждан Парижа об учреждении и порядке организации этого нового Народного общества.

Граждане, чтобы сразу же поддержать принципы, положенные в основу этого проекта, я предлагаю допустить граждан и гражданок, сидящих сегодня на трибунах, к участию в голосовании за его принятие; пусть сразу же будут сломаны барьеры, отделяющие их от вашего зала, пусть они сольются с вами и вы — с ними; и поклянемся хранить этот пакт вопреки всем и против всех; поклянемся в том, что, какие бы препятствия ни встретились на нашем пути, заключившие этот договор сумеют найти друг друга, и повсюду и в любое время, там, где они смогут собраться, там и будет Клуб народа.

Г. Б.

ХОТЯТ СПАСТИ КАРРЬЕ.

Хотят обвинить Революционный трибунал. Народ, берегись! [2]

> **Преступления представителей народа и его служащих никогда не должны оставаться безнаказанными. Никто не вправе притязать на бо́льшую неприкосновенность, нежели та, которой обладают все остальные граждане (Декларация прав человека, ст. 51)**

Со дня открытия судебного процесса над сообщниками самого гнусного из истребителей населения народ Парижа, народ всей Республики громогласно и единодушно требует суровейшего возмездия этому самому чудовищному существу, когда-либо созданному природою. Никогда еще один-единственный человек не вызывал столь сильного и столь общего негодования. Никогда еще раздражение общества не было в такой мере обосновано нагромождением жестокостей. Каррье [3] — это ужасное имя слышится повсюду, оно у всех на устах. Один его звук вызывает дрожь ужаса. Нет француза, для которого это имя не было бы достаточно полной историей того, кто его носит. Каждому современнику оно напоминает о самом злобном из хищников; ни в одном из преданий потомки не найдут равного ему истребителя людей. Злодеяния этого непревзойденного негодяя полностью установлены и доказаны перед лицом всего народа. И тем не менее у него есть услужливые защитники в Национальном конвенте! И тем не менее существует, по-видимому, сильная партия, стремящаяся спасти его! И тем не менее есть даже указания, свидетельствующие о желании повлиять, терроризировать справедливый суд, с присущею ему мудростью расследующий громкое дело, с которым связан процесс гнусного истребителя людей, превзошедшего Нерона и всех других великих палачей прошлого!

Разве это не скандал, когда во всех газетах читаешь о том, что произошло в Конвенте на заседании 12 брюмера в связи с этим жестоким убийцей, чье присутствие в сенате есть прямое оскорбление народу! Вернемся к этому заседанию и рассмотрим те удивительные обстоятельства, которые связаны с Каррье.

Фактом является то, что полицейскому офицеру был отдан приказ осуществлять наблюдение за Каррье, не допускать, чтобы он покинул Париж, и в случае, если бы он попытался это сделать, препроводить его в Комиссию 21-го [4]. Фактом является и то, что офицер, который отвел Каррье в названную Комиссию, подвергся за это аресту и тюремному заключению.

Ничто не говорит о том, будто офицер должен был арестовать Каррье только в том случае, если бы он заметил, что тот непосредственно пытается покинуть Париж. Приказ гласил: «Если бы он пытался покинуть Париж», — и из этого следует, что сама неопределенность слова «пытаться» оставляла большую свободу

действий тому, кто осуществлял наблюдение; малейшее движение, малейший поступок мог представиться ему такой «попыткою», он один был судьей в этом вопросе, а его ответственность должна была представляться ему достаточно большою, чтобы он не позволил себе рисковать. Таким образом ясно, что его ни в коем случае нельзя было порицать, если он производил этот арест; сам факт ареста, бесспорно, предполагал, что было основание для него, и обращение с тем, кто должен был надзирать за Каррье, является не чем иным, как наказанием за исполнение своих прямых обязанностей.

Но еще большего внимания заслуживает та нежная заботливость, которую в связи с этой неприятностью многие депутаты проявили по отношению к своему коллеге Каррье. Прежде всего Комиссия 21-го выразила свое глубокое удивление по поводу того, что его сопровождали жандарм и комиссар полиции, а Гийомар[5] нашел, что это «ужасное преступление против Национального представительства», и энергично требовал наказания виновных.

По поводу этого первого обстоятельства я сделаю лишь одно замечание. Вполне похоже на Гийомара охранять уважение к Национальному представительству, не допуская исключений даже для наименее достойных его членов.

Затем выступает Лежандр[6]. Он находит, что те, кто высказывает опасения относительно замысла спасти Каррье, это «злонамеренные» люди. Следовательно, преступно выражать тревогу по поводу того, что бесспорно было бы большим несчастьем, а именно, если бы неслыханный преступник избежал заслуженного возмездия.

Очень странно было слышать, как Лежандр объяснял, в чем заключается непростительная вина человека, произведшего арест. Он говорил, что тот «злоупотребил данными ему полномочиями, ибо не проявил должного уважения к Национальному представительству, произведя арест Каррье в условиях, не соответствующих достоинству, связанному с его положением; вследствие чего Комитет общественной безопасности приказал освободить этого представителя народа и арестовать того человека, который позволил себе подобный акт произвола в отношении члена Конвента».

Когда слушаешь, как Лежандр произносит такие речи, невольно думается, что и с ним кончено, что окружающая среда испортила его. В самом деле, какое может быть уважение, когда идет речь о бичах человечества! Что понимать под «должным уважением к Национальному представительству в лице Каррье», «под достоинством, связанным с положением Каррье»! Я в Каррье вижу только Каррье, я не вижу никакого достоинства в его положении; а что касается Национального представительства, я вижу только, что Каррье позорит такое звание. Что за фанатизм побуждает уважать положение того, кто уже не заслуживает уважения? Не возвращаемся ли мы ко временам суеверий, когда лживые жрецы учили нас уважать их положение? Для меня — это только люди,

а не положения. Я их уважаю, когда они этого заслуживают. Когда они такие, как Каррье, они мне внушают отвращение. Мне скажут: он еще не осужден. Я отвечаю: он осужден общественным мнением. Этого достаточно. Более чем достаточно.

После выступления Дюэма[7] стало окончательно ясно, что существует твердое намерение изъять из рук национального правосудия пожирателя рода человеческого. «Он говорит, — пишут газеты, — об афишах, имеющих целью воздействовать на мнение народа и присяжных Революционного трибунала, он выражает удивление по поводу того, что общественного обвинителя при этом трибунале не заставили дать отчет Конвенту о своем поведении в этом деле. Он обвиняет руководителей трибунала в том, что они представляют собою клику, которая намерена преследовать многих членов Конвента, в частности тех депутатов, которые сделали в Вандее все, что было возможно, для спасения родины».

Таков план сообщников истребителя народов. Они собираются запугать и подавить трибунал, они осмелятся даже сделать попытку предъявить обвинение самому трибуналу, и они намерены оправдать истребителя населения западных департаментов под тем предлогом, что бешенство, пример которого он дал миру, было необходимо для спасения родины!

Что за убийственная система! Для спасения Франции необходимо было стереть с лица земли все население ее западных районов! Для спасения родины было необходимо превратить самые прекрасные области в ужасную пустыню, превратить там и сушу и воду в рай для стервятников, покрывая трупами реки, поля, леса!.. Свирепый Дюэм, ты даешь свою санкцию этим ужасным истреблениям, ты оправдываешь убийцу, опустошившего четвертую часть территории Франции; ты такой же варвар, как и он, и способен на такие же дела. Где же это республиканцы отыскали столь жестоких законодателей, как вы? Какой злой дух привел их к палачам, вместо того чтобы направить их к мудрецам? Мудрые нашли бы для спасения родины другие средства, нежели истребление населения ее прекраснейших областей. Филиппо и Дюбуа-Крансе[8] утверждали, что Вандея могла быть обращена в республиканскую веру менее жестоким способом. Туда надлежало посылать только отряды миссионеров, апостолов свободы; способные представить учение свободы во всей его привлекательности, они бы легко и без всякого кровопролития привели к Республике народ, который был обманут бандами лжецов. Сеятели смерти и виновники кровопролития, не думаете ли вы, что вам удастся ослабить общий ужас, вызванный вашими страшными подвигами, посредством шарлатанской и отвратительно холодной фразы: «Они делали лишь то, что было необходимо для спасения родины!» Эти мрачные и вкрадчивые слова не произведут никакого впечатления. Делайте все, что в ваших силах, чтобы подавить негодование общества; мы, со своей стороны, сделаем все, чтобы

поддерживать его законный пыл и не допустить, чтобы величайшее злодеяние ускользнуло от возмездия, которого требуют и ждут все французы. Если понадобится вновь описать день за днем все возмутительные зверства наших людоедов, мы это сделаем, мы не допустим, чтобы народ что-либо забыл. Сейчас мы приступим к этому. Успокойтесь, бесчисленные души умерших, народ не откажется от справедливого возмездия за вас, вы будете отомщены.

Разве для спасения родины необходимо было произвести 23 массовых потопления в Нанте, в том числе и то, в котором погибло 600 детей? Разве были нужны «республиканские браки», когда девушек и юношей, раздетых донага, связывали попарно, оглушали сабельными ударами по голове и сбрасывали в Луару?.. (Показания Филиппа Тронжоли[9] и Бурье). Разве необходимо было (другое показание от 23 вандемьера), чтобы в тюрьмах Нанта погибли от истощения, заразных болезней и всяческих невзгод 10 тыс. граждан, а 30 тыс. были расстреляны или утоплены?.. Разве необходимо было (показание Лаэне) рубить людей саблями на департаментской площади так, чтобы потом 300 человек в течение шести недель были заняты закапыванием тех, кто погиб таким образом?.. Разве необходимо было (показание Тронжоли от 27 вандемьера), чтобы Каррье спал с тремя красивыми женщинами, а затем распорядился утопить их?.. Разве необходимо было (показание Ренодо) приказать расстреливать пехотные и кавалерийские отряды армии мятежников, добровольно явившиеся, чтобы сдаться?.. Разве необходимо было (показание Тома) потопить или расстрелять еще 500 детей, из коих старшим не было 14 лет и которых Каррье назвал «гадюками, которых надо удушить»?.. Разве необходимо было (то же показание) утопить от 30 до 40 женщин на девятом месяце беременности и явить ужасающее зрелище еще трепещущих детских трупов, брошенных в чаны, наполненные экскрементами? Разве необходимо было (показание Абраам, в замужестве Пюшот) умертвить в одну ночь от 50 до 60 заключенных путем удушения, причиненного заразою и недостатком воздуха на галиоте, все люки которого были нарочно закрыты, чтобы вызвать асфиксию?.. Разве необходимо было (показание Деламарра) после расстрела женщин собрать их трупы в груду и назвать это, в виде возмутительной шутки, «горою»?.. Разве необходимо было (показание Корона) исторгать плод у женщин на сносях, нести его на штыках и затем бросать в воду?.. Разве необходимо было внушать солдатам роты им. Марата ужасное убеждение, что каждый должен быть способен выпить стакан крови?.. Разве необходимо было (показание Форже) сделать смотрителя арестного дома единственным судьей заключенных?.. Разве необходимо было позволять, чтобы генералы во всеуслышание называли себя живодерами Конвента?.. Разве необходимо было (показание Жанны Лайе), чтобы Каррье самолично отдал специальный приказ гильотинировать шестерых се-

стер Ламетри и чтобы скорбные крики этих несчастных, требовавших суда, произвели впечатление только на палача, умершего три дня спустя от огорчения, что он совершил такую казнь?.. Разве необходимо было (показание Лавиня), чтобы тот же Каррье открыто проповедовал свои отвратительные юридические принципы в таких выражениях: ба! ба! вам, судьям, требуется 100 доказательств и 100 свидетелей, чтобы гильотинировать одного человека. Швырните-ка их в реку, так будет скорее... Разве необходимо было (показание Табуре), чтобы несчастным, которых везли на габаре* на потопление и которые просовывали руки в отверстия люков, умоляя своих палачей о пощаде, отрубали руки сабельными ударами?.. Разве необходимо было (показание Мутье), чтобы Каррье заявлял перед Народным обществом Нанта, что все жители Нанта заслуживают того, чтобы их головами играли в шары?.. и т. д.

О, Каррье! О, Дюэм! И вы, все их услужливые защитники!..

Если так вы спасаете родину, то умерщвляемая родина поднимется ранее, нежели ваши окровавленные руки нанесут ей последний смертельный удар, ранее, нежели ваши ненасытно жадные сердца успеют осуществить свое очевидное желание похоронить род человеческий в безднах уничтожения и царствовать над трупами и пустынями!.. За кого принимаете вы французский народ, если надеетесь, что он потерпит, чтобы усовершенствованный каннибализм продолжал торжествовать после ужасов, вызывающих удивление наций и веков? Нет, будьте уверены, что общественное мнение, никогда еще не высказывавшееся столь единодушно против великого преступника, невозможно поколебать бессмысленными призывами нескольких крикунов, разделявших и разделяющих его гибельные для народа догмы. Природа не позволит, она никогда не позволяла, чтобы те, кто убивают землю, безнаказанно собирали плоды своей жестокости. Кровь людей всегда пятнала тех, кто ее проливал. Люди громкими криками требуют смерти Каррье. Это — общая воля. Это необходимо для спокойствия всей Республики, каждая область которой не будет чувствовать себя защищенною от безумств подобного палача до тех пор, пока страшный пример не отобьет охоту у тех, кто хотел бы ему подражать. Стало быть, не только не следует прислушиваться к тем, кто хотел бы вызвать у нас жалость к этому чудовищу из Канталя [10], но, пожалуй, и с политической, и с философской точки зрения следовало бы потребовать особого рода казни для этого из ряда вон выходящего существа, для этого врага природы. Его учитель Нерон мечтал о том, чтобы весь род человеческий имел одну-единственную голову, дабы можно было отсечь ее одним ударом. Разве род человеческий не должен желать, чтобы Нерон и Каррье имели тысячу голов, дабы быть в состоянии претерпеть тысячу смертей? Нет, для та-

---

* *Небольшое грузовое судно.*

ких омерзительных личностей одного удара гильотины мало. Тени погибших в западных департаментах не удовлетворятся столь малою жертвой. А что же было бы, если бы клика лиц, подобных Калигуле, оказалась достаточно сильною, чтобы провести резолюцию с выражением благодарности жестокому истребителю населения и возвести этого людоеда в ранг спасителя родины? Эти скорбные тени присоединили бы тогда свои крики отчаяния к воплям живых, а эти последние думали бы только о том, как достигнуть роковых берегов прежде, чем банды последователей оставшегося безнаказанным Каррье разбредутся по всей Франции и превратят ее в огромное кладбище.

Но нет, Революционный трибунал, чья справедливость утешает и вселяет чувство уверенности во всех честных граждан, сумеет твердо противостоять всем внушениям коварства, преступления и даже власти. Он сумеет показать себя достойным своего почетного поста. Он не забудет, что глаза всей Франции прикованы к нему, что судьба французского народа в большой мере зависит от того, будет ли он и дальше держаться того курса, каким он так счастливо следовал в том важном деле, главные нити которого в его руках. И величайшему из всех душегубов скоро придет конец, вопреки великодушным усилиям врача Дюэма и его банды.

ГРАКХ БАБЕФ,
редактор «Газеты свободы печати»,
в дальнейшем «Трибуна народа»

Примечание: Я всегда ставлю свою подпись[11]. Я не из тех робких людей, которые, трепеща, пишут анонимно. Скоро увидят, как я воспряну, более гордо чем когда-либо, и заставлю Мерлена из Тионвилля покраснеть за гнусную клевету, которую он изверг на меня и которую раболепные газеты поспешили приукрасить и распространить.

Я только что узнал о новом ученом произведении («Пощечина лжи»), я отвечу и на него.

БИТЫЕ ПЛАТЯТ ШТРАФ, ИЛИ ЯКОБИНЦЫ-ПРОСТАЧКИ[12]

Держитесь смело, достойно! Нет такого врага, который осмелился бы напасть на нас (Караф, на предпоследнем заседании якобинцев)

Мерзость запустения, предсказанная великим пророком, пала на святая святых. Подобно тому как это случилось некогда с учениками Иисуса из Назарета, ныне ученики Максимилиана из Арраса, места не менее чудесного, нежели Вифлеем, опозоренные, оплеванные, смешанные с грязью, только что... Что?.. Грубые люди сказали бы: с позором изгнаны из своего дома. Я, не

утративший вежливости, которую мне прививали в детстве, скажу: их настоятельно попросили выйти вон. Так гораздо учтивее.

Читатели! Вы ждете, пожалуй, что я буду продолжать в этом тоне до конца? Если так, вы ошибаетесь. Приходится, конечно, приспособляться к французскому легкомыслию, если хочешь, чтобы тебя читали. Памфлет расходится лишь в том случае, если он снабжен пикантным заглавием, внушающим надежду, что содержание даст возможность посмеяться, и мы еще находимся на такой ступени развития наших нравов, что нам хочется делать революцию только играючи. Писатель-философ, желающий преподать некоторые поучения или полезные соображения, вынужден с этим считаться. Самые важные политические истины будут замечены только тогда, если их изложат в форме мадригала и эпиграммы. Скоро, пожалуй, дойдет до того, что придется их сбывать в конфетных пакетах, а республиканская мораль окажется на лепешках с прописями.

Итак, будем приспособляться к национальному вкусу. Друг Фрерон хорошо сказал: «Мысль, сей подлинный Протей, ускользает из всех уз, из всех цепей, коими хотят ее сковать» («Orateur du Peuple», N 29). В числе этих цепей, этих уз, которые надлежит преодолеть, отнюдь не самой слабой является эта исключительная склонность французов к «забавному». Ну что же, граждане, я это самое свойство и использую, чтобы вас поймать, чтобы помимо вашей воли привлечь ваше внимание к вопросам, наиболее вас интересующим. Вы прочли броское, ироническое заглавие, эпиграф и вступление в том же духе, и, не перевернув первой страницы, вы купили мой памфлет, поверив, что и остальное будет соответствовать началу. А вот и нет. Это начало лишь прикрывало контрабанду. Брошюра у вас в руках, это все, чего я хотел. Теперь придется вам решиться почитать кое-что серьезное и моральное, или, по меньшей мере, трагикомическое, ибо я не разделяю общего мнения, что эта история с якобинцами только забавна. Она забавна лишь до тех пор, пока речь идет о личностях; но она, пожалуй, внушает тревогу, когда речь заходит о принципах. Давайте тщательно различать эти две стороны вопроса. Мы можем посмеяться, если угодно, по поводу нескольких шуток на тему о злоключениях определенных личностей; но мы должны мужественно защищать принципы. Пусть памфлетисты и памфлеты, на которых по причине присущего им легкомыслия смотрят с жалостью, пусть и они наконец окажутся кое для чего пригодными.

Если только рассмотреть ход заседания от 19 брюмера в Якобинском клубе, то, действительно, есть основания для объединения малых и больших под знаменем Демокрита. Гроза разразилась как раз в тот момент, когда Лано[18] еще раз повторил заповедь, столь затасканную со времен злополучной кончины великого жреца и императора: «Нельзя закрывать глаза на то, — ска-

зал Лано, — что сегодня патриотизм подвергается нападкам со стороны аристократии. После падения Робеспьера в Республике повсеместно события приняли роковой оборот и патриотов преследуют». Эта иеремиада на якобинском языке может быть не совсем понятной для того, кто им недостаточно бегло владеет. Вот ее перевод: «Кровопролитие и разгул бешенства ныне уничтожены массой людей, которые предпочитают справедливость. После падения нашего любимого учителя жестокости во всех областях Республики произошла пагубная реакция, и все тиранчики, наши братья, все мелкие угнетатели, убийцы в розницу, воспитанные в его и нашей школе, столкнулись с препятствиями в осуществлении своей почетной миссии, которую они выполняли с таким рвением». Эта отвратительная речь представляла собой резюме всех обращений, полученных якобинцами в разгар их деятельности: «Сохраняйте террор, — писали сбиры Робеспьера, рассеянные по всей Республике и повсюду подчинившие себе Народные общества, — без него, без этого спасительного террора, мы погибнем, и мы не ручаемся за то, что друзья столь многих французов, которых мы угнетали, не станут в свою очередь угнетать нас, или, вернее, за то, что огромное множество умерщвленных нами людей не найдут мстителей». Ставя в тысячный раз на обсуждение это коллективное ходатайство и вопрос о способах его удовлетворения, якобинец Лано, как и все ему подобные, заслужил, конечно, проклятие провидения. Должно быть, оно все же существует, и я в это верю с тех пор, как увидел при этом случае некое чудо, которое я только ему могу приписать. Казалось, что в ту же самую минуту явились разъяренные титаны, чтобы немедленно покарать за это оскорбление, брошенное богам и людям. Град камней падает в это помещение, некогда священное. Тут земля заколебалась, свет погас, свод храма раскололся на две части, сердца разрывались, а поклонницам великого Максимилиана показалось, что они узрели антихриста. Они воззвали к Верховному существу, но оно осталось глухо. «Долой якобинцев!» — кричали посланцы бога или дьявола, ибо трудно сказать, чьи это были посланцы; но они были вооружены дубинками и другими страшными орудиями. С полным основанием общество тут же решило, что это были разбойники.

Фэйо[14], храбрый, как один из четырех сыновей Эмона*, устремляется к трибуне: «Со всех сторон мы видим, — восклицает он, — контрреволюционеров (т. е. врагов душегубов), нападающих на друзей свободы и равенства (надлежало добавить: «и человечности»). Не удивительно, что сегодня они имеют наглость прийти оскорблять нас даже в этом зале. Во всех революционных кризисах народ Парижа держал себя с достоинством

---

* *Эмон — легендарный принц Арденский, чьи четыре сына, воспетые в старофранцузском эпосе, совершили ряд подвигов, имея единственного коня Байара, подаренного им феей Орландой (Прим. переводчика).*

(но это разве революционный кризис?), он будет сегодня таким же, каким он был, когда рыцари кинжала хотели его умертвить» (здесь не умерщвляют народ Парижа, и вы, по меньшей мере, смешны, когда пытаетесь побудить его поддержать ваше дело).

«Вспомните, граждане Парижа, данные вами клятвы, — продолжает тот же Фэйо, — они священны для республиканцев; вы поклялись спасти свободу или погибнуть. («Да, — отвечают граждане Парижа, — но в этой клятве нет ни слова о якобинцах»). Свобода будет спасена именно здесь, или мы все умрем. (Умирайте). Мечи ваших врагов (каких врагов? Ваших? Но тогда они не наши враги), мечи ваших врагов притупились о щит правды, а их действия разбились о спокойствие Конвента. Конвент, оставаясь достойным того народа, который он представляет, будет всегда признавать только принципы и свободу. (Ты призываешь на помощь Конвент; посмотри-ка, идут ли они).

Он разберется в том, чтó является последним ресурсом наших врагов. Как объяснить, что те самые люди, которые представляются столь человечными (Ха, ха! Вы себя раскрыли, выставляя таким образом в смешном виде человечность и признавая своими врагами тех, кто выступает против вашей системы бесчеловечности); как объяснить, что сегодня эти люди требуют крови французов? (Вы ошибаетесь, речь идет во всех случаях только о крови торговцев кровью).

Пусть якобинцы держатся твердо, непоколебимо, и свободе не будет причинено никакого ущерба!.. (Что за странная манера отождествлять свободу с якобинцами! Свобода совершила бы большую ошибку, если бы доверила им свою судьбу).

Если ей суждено погибнуть здесь, то наш долг велит нам погибнуть вместе с нею». (Глядя на вашу преданность свободе, можно подумать, что вы судите о ней так же, как и Мирабо. «Свобода, — говорил он, — это девка, которая может спать только на грудах трупов». И я, действительно, считал бы ее жестокой проституткой, если бы она выбирала своих любовников среди головорезов).

Опять град камней. Свободу, видимо, возмутила гнусная похвала якобинца Фэйо, она, вероятно, шепнула несколько слов на ухо повелителю богов, попросив и добившись отмщения. Она, таким образом, показала, что она вовсе не та фурия, запачканная кровью, какой нам ее изображают негодяи.

«Держитесь мужественно и достойно, — восклицает тогда дон Кихот Караф [15], — ни один враг не осмелится напасть на нас». (Нет, не осмелятся? Уже осмеливаются, мой бедный Караф).

Фэйо опять влезает на коня Байара. «Как раз тогда, — говорит он, — когда мы разделяли радость наших защитников, взявших Маастрихт (право, хороший патриот!), и говорили о том, чтобы освободить угнетенных патриотов (имеются в виду угне-

тенные сателлиты терроризма), как раз в этот момент мы подвергаемся нападению». (Ах, боже мой, боже мой).

Новый град камней.

Великие события создают героев. Фэйо не теряется.

«Это всего лишь, — продолжает он, — несколько негодяев буянят около зала, мы не боимся их выпадов. (Что значит обладать мужеством!) А впрочем, мы сумеем умереть, если это нужно (браво, какая прекрасная самоотверженность); мы сумеем умереть под ударами врагов свободы и спокойно останемся на нашем посту». (Это назидательно!)

Возвышенный порыв. Все общество встает, восклицая: «Да здравствует Республика!»

Ловкая выходка. Один из делегатов проходит по залу, держа на конце пики шапку свободы, и снова раздаются крики: «Да здравствует Республика, да здравствует Конвент!»

Этот маневр не смущает осаждающих: следует новый залп сквозь стекла.

Человеческие силы имеют предел. Фэйо больше не может. Брешь закрывает новый борец — Дюбаран[16]. Огонь мужества одушевляет его лицо. Он говорит, но не бог весть как. Его сменяет Гастон[17], который вместе с ним изображает драчуна, подражая Фэйо. Это три Горация, которые одинаково сражаются и не побеждают. Председатель тоже повторяет весьма назидательный жест самоотверженности первого героя: «Умрем, если нужно, но сохраним до конца мужество свободы». Конечно, нельзя быть более храбрым. Но, видимо, пришлось отступить перед численным преимуществом. К тому же осажденные были в невыгодном положении, их захватили врасплох, это было подлинное предательство, они находились в замкнутом и запертом помещении; нападающие, наоборот, пользовались полною свободой действий, они могли видеть, откуда дует ветер. Правда, общество послало несколько стрелков, чтобы разведать силы противника и их расположение, дабы соответственно построить свои силы; но эти наблюдатели неосторожно ввязались кое-где в драку, что не пошло им на пользу, и они принесли своим доверителям очень дурные сведения. Ко всему примешался царивший там беспорядок. и вскоре осаждающие получили решающее преимущество. Они завладели полем битвы и окрестностями. Зал и трибуны оказались в их распоряжении. Гражданка Крассу, супруга председателя, носящего то же имя[18], а с нею и другие героини с кровожадными склонностями, яростно рассуждавшие о патриотизме, умевшие повторять на все лады лишь пять-шесть жестоких слов, составляющих кодекс террора, далекие на тысячу лье от тех добродетелей, свойственных Корнелии*, которые, как я сказал в другом месте, позволили бы нашим женщинам заняться общест-

---

* *Имеется в виду Корнелия, дочь Сципиона Африканского, мать Гракхов (Прим. переводчика).*

венными делами отнюдь не без пользы для них; итак, гражданка и некоторые из ее достойных подруг были до окончания заседания изрядно выпороты. По окончании церемонии каждый отправился спать. Ночной сумрак помог многим людям, досадовавшим, что попали на эту галеру *, потихоньку убраться восвояси. Некоторые собратья из числа наиболее храбрых захватили несколько пленных и отвели их в Комитет общественной безопасности, который распорядился освободить их на том основании, что Народным обществам не дано права производить аресты граждан. Известно, что следующее заседание, которое стало последним, едва открывшись, подверглось новому штурму, и хотя представители народа, по всей видимости, пришли, чтобы защитить клуб, они ни слова не сказали нападающим, тогда как последние приказали обществу закрыть заседание. Равным образом известен декрет от 22-го, объявляющий зал закрытым. Таким образом, якобинцы, похоже, наказаны за то, что их ругали и оскорбляли. Таким образом, их судьба подтвердила пословицу: «Битые платят штраф».

Мы сказали, что над якобинцами и их злоключениями можно только посмеяться. Но, быть может, нарушенные при этом принципы надлежит отстаивать самым серьезным образом. В самом деле, что касается общества якобинцев, я берусь со всей очевидностью доказать, что о нем не надо сожалеть, что в нем укрепился сектантский дух, вследствие чего оно могло стать очень опасным и уж никак не полезным.

Его основатель, Робеспьер, вынес ему приговор еще в то время, когда у него, как кажется, были только правильные взгляды. В июне 1792 г. он написал на странице 236 «Défenseur de la Constitution» следующие слова: «Патриотические общества гибнут, как только они превращаются в средство удовлетворения честолюбия или проведения интриг».

Разве якобинское общество не дошло в последнее время именно до этой степени упадка?

После того как, в согласии со своим почтенным главою, оно в ночь с 9 на 10 термидора открыто взбунтовалось, оно иезуитски отступило, дабы избежать ответственности за свое соучастие, прикрываясь сомнительным утверждением, будто не оно бунтовало в ту памятную ночь, а разбойники, которые, подобно вороне из басни, нарядились в его перья и с помощью чудесного превращения, столь же остроумного, сколь и удивительного, заимствовали у мирных членов общества их костюмы, внешность, жесты, голос, дух и красноречие, похитили ключ от помещения и овладели даже колокольчиком; а сами эти мирные члены общества неизвестно где в то время находились и отнюдь и не думали собираться. Но такую смешную и неуклюжую увертку

---

* *Литературный намек. У Мольера в «Проделках Скапена» Жеронт многократно спрашивает: «Но как он попал на эту галеру?» (Прим. переводчика).*

никто не принимает всерьез. Вопреки этим ухищрениям все остались при убеждении, что разбойниками 9 термидора были не кто иные, как сами хозяева дома. Между тем добрые собратья, думая или делая вид, что думают, будто их грубая хитрость удалась, стали держаться так, как если бы они действительно убедили других в том, что они вовсе не поддерживали своего великого жреца в его последние минуты, что они не пролили ни одной слезы над его могилою и что не было никакого проекта возрождения его доктрины.

Следовательно, политика лицемерия требовала, чтобы от времени до времени в воздух бросались кое-какие проклятья памяти Максимилиана и его принципам, дабы казаться настроенными в унисон со всеми французами, проклинающими чудовище и его мораль; между тем как по секрету передавался лозунг не только сохранять эту мораль, но, по возможности, еще и усилить состояние оцепенения. Вот почему своды Якобинского клуба подчас с удивлением слышали слова «подлый Робеспьер», между тем как в тысяче обращений, присылки которых добивались от дочерних обществ, постоянно повторялось следующее: «После 9 термидора аристократия, модерантизм поднимают голову, патриотов угнетают: мы требуем сохранения революционного правительства во всей его полноте». Никогда переписка якобинцев не была столь активной, и даже двойной номер «Journal de la Montagne» едва вмещал бесконечное множество пожеланий местных клубов, высказанных в пользу сохранения страшного режима. Эти бесчисленные заявления вылились в подлинную полемическую войну с Конвентом и должны были представляться ему вступлением к фактической войне, которую собираются вести с ним. Ибо этот поток петиций, адресованных якобинцам, но предаваемых самой широкой гласности, как бы скрыто говорил делегатам народа:

«С преступною дерзостью вы предали смерти нашего вождя и его помощников. Мы его бригадные офицеры, рассеянные по всей Республике. В нас он нашел наклонности, способствующие процветанию весьма выгодной системы, поскольку благодаря ей мы все жиреем за счет крови аристократии. Те принципы, которые вы хотите поставить на место его принципов, являются их прямою противоположностью. Тот факт, что вы осудили его учение, достаточно ясно свидетельствует о вашем памерении осудить также и тех, кто были его пропагандистами и обеспечили его первые успехи. Ваша система, отличная от нашей, — это наш приговор, и уже сейчас почти все семьи, затронутые нашими революционными мерами, безнаказанно выступают против нас и, не скрываясь, обрушивают на нас ропот негодования и угроз. Уже какие-то кощунственные руки осмелились схватить и лишить свободы патриотов-террористов, выделяющихся своим рвением и своим умом. Эти факты являются для нас самым верным предвестьем судьбы, уготованной всем

исполнителям широкого плана великого Максимилиана. Но знайте, мы здесь, вся его армия, готовая заставить дерзкую клику раскаяться, если она не захочет, повинуясь нам, активизировать с еще большею силою, чем когда-либо, то спасительное движение, которое одно только способно очистить политический организм и привести его здоровым и сильным в гавань революции».

Сенат отлично понял смысл этой речи, хотя он и был выражен не так ясно, как я это сейчас сделал. Он понял, что смысл этой широко распространяемой переписки сводится к высмеиванию той системы милосердия и справедливости, которую народные представители приняли с таким опозданием. Такая сатира, обильно раздаваемая по всем углам и поддерживаемая со всем рвением, присущим многочисленным сектантам покойного пророка, способна внезапно вызвать взрыв всепожирающей ереси и отдать Республику во власть злобных последователей кровавой религии. Я вполне искренен и не стану по этому поводу выступать против сената, ибо, зрело взвесив все обстоятельства, знаю, как было важно, чтобы он принял крутые меры. Я поначалу осуждал декрет о Народных обществах[19], который я считал и сейчас еще в принципе считаю нарушающим права человека и Конституцию, гарантирующую существование этих обществ: но я знаю также, что спасение народа есть высший закон. Было важно и неотложно одним ударом предохранить все движущие пружины полезного и хорошо устроенного механизма, который испортился и стал опасен, угрожая в ближайшее время причинить взрывы и бедствия. Думали, что для осуществления этой операции достаточно будет прервать переписку и связь между главным обществом и местными обществами. Оказалось, что это не так, ибо оно сумело легко обойти установленные законом запреты. Тогда приняли другие меры и поступили правильно.

Но я пе хотел бы, чтобы Национальный конвент — представители великого народа — прибегал для проведения такой меры к мелким, лицемерным, малодушным, тайным приемам. Почему сенат не действует с величием, достоинством и силой? Никто не сомневается относительно того, кто задумал и осуществил роспуск якобинцев. Но зачем принимать при этом вид интриганов, пользующихся темными и, я бы сказал, почти предательскими средствами, и таким образом окружать почетом поражение своих врагов; зачем выглядеть слабой властью, дрожащей перед властью сильной и вынужденной поэтому прибегать к хитрости. Не нравится мне также, что, дабы незаметно сделать привычными удары по Народным обществам, начали с преследования электорального общества; а ведь оно отстаивало только права народа, в прямую противоположность обществу якобинцев, которые после 9 термидора никогда ни словом не обмолвились об этих правах. Наконец, мне не нравится то, что Фрерон, исключенный из общества термидора таким образом, что это стало для него

большою честью [20], трубит в своей газете во все трубы, лишь бы поднять свору врагов якобинизма, и дело выглядит так, будто его рвение объясняется лишь стремлением отомстить за свою личную обиду.

Что бы там ни было, Конвент не довел дело до конца, разорив гнездо якобинцев в Париже. Он должен еще поработать садовым ножом над его ответвлениями и перестроить Народные общества на их подлинных основаниях.

В июне 1792 г. Лафайет опубликовал свои замечания о якобинских клубах. В то время эти замечания были клеветническими, но, если их рассматривать сегодня, они вполне справедливы, после всех тех злоупотреблений, которыми запятнал эти общества робеспьеристский дух.

«Организованная, — говорил генерал Мотье,* — как отдельная империя со своим центром и своими местными организациями, эта секта образует обособленную корпорацию среди французского народа, чьи права она узурпирует, подчиняя своей власти его представителей и уполномоченных».

Щеголь Старого и Нового Света критиковал Народные общества, которые тогда почти не отклонялись от похвальной цели этого учреждения и были в общем тем, чем они могли быть; он их критиковал, повторяю, только потому, что они стесняли дорогóй его сердцу королевский двор, ради которого он готов был идти в огонь и воду; а его утверждение о подчинении этими обществами представителей народа было верно только в отношении тех, кто, подобно ему, продались монархистской орде.

Потому-то Максимилиан Робеспьер, всегда горячо выступавший в защиту клубов, хотя мы и не предполагаем, что он уже тогда предвидел, какую большую пользу он извлечет из этого учреждения, потому-то он так славно дал отпор герою на белом коне, приводя превосходные для того времени аргументы, которые мы сейчас воспроизведем.

«Что за нелепая галиматья, плод глупости и подлости, заявлять, что во всех частях французского государства есть граждане различных состояний, не объединенные никакими другими связями, которые, в соответствии с правом, предоставленным им Конституцией, публично собираются несколько раз в неделю в определенном месте, чтобы взаимно осведомлять друг друга о событиях, касающихся блага родины и свободы; устав этих обществ сводится лишь к нескольким правилам, необходимым для сохранения некоторого порядка в любом собрании людей и для недопущения туда врагов революции; граждане, коих

---

* *После постановления Национального собрания об отмене дворянских титулов демократическая пресса часто называла Мари-Жан-Поль-Рок-Ив-Жильбера Мотье, маркиза де Лафайета, просто Мотье. Бабеф иногда поступал так же.*

единственная цель — сохранение Конституции и свободы, единственная власть — власть общественного мнения; которые иногда переписываются с другими обществами такого же рода, в частности с тем, которое находится в столице (что, кстати, делается весьма несовершенным способом и весьма неактивно), в целях распространения знаний, оглашения событий, имеющих важное значение для блага их родины; но все эти граждане по этим самым причинам чрезвычайно неприятны всем развращенным депутатам и всем вожакам клик» («Défenseur de la Constitution», № 7, p. 320) [21].

Вот, несомненно, верное и точное изображение Народных обществ, какими они были, когда были чистыми; но тот, кто их изобразил, очень скоро довел их до упадка. Посмотрим изображение, сделанное другим пером в те времена, когда они развратились:

«Хитрым, хорошо продуманным с его [*Робеспьера*] стороны ходом было возвышение некоего общества, соперничающего с Конвентом; это общество он облек доверием общественного мнения и распространил его влияние на всю Республику. Обладая исключительным господством над этим обществом, принципы и линию поведения которого он определил и где он проводил постоянные чистки с целью обеспечить в нем состав, отвечающий его видам, он пользовался им по собственному усмотрению для осуществления своих замыслов, не выступая при этом в качестве их автора. Всякое выдвинутое им или его эмиссарами предложение получало первое утверждение в этом обществе и неминуемо превращалось в декрет, обязательно принимаемый большинством народных представителей, ибо они не могли высказать мнение, противоречащее мнению общества, членами которого они были, не подвергаясь риску исключения, столь же в их глазах унизительного, как если бы их исключили из Конвента, хотя последний является законной формой народного суверенитета. Этот ловкий узурпатор в числе других революционных законов провел создание Народных обществ, в которых он раздавал деньги и которые он поставил под надзор главного общества, и добился того, что сделал присоединение к этому обществу необходимым для каждого депутата, желавшего сохранить свою репутацию и доверие своих избирателей. Когда общественное мнение таким образом было сконцентрировано в объединении, находившемся в полном распоряжении Робеспьера, и этот факт был узаконен, он получил в свои руки самое могущественное оружие, которым когда-либо пользовались тираны: к его услугам всегда была огромная народная сила.

В самом деле, вернейший путь к тому, чтобы сделать тиранию непобедимой, — это общественное мнение; и вся политика любого тирана заключается в том, чтобы его покорить. Робеспьер пользовался надежными средствами, сконцентрировав это общест-

венное мнение в узком кругу, который он мог легко постоянно и повсеместно проверять, предопределяя тем самым направление общественного мнения» (Выдержка из сочинения, которое вскоре выйдет в свет).

Изложенное выше — наиболее точное отображение того, чем стало общество якобинцев. Нетрудно видеть, что, если бы оно продолжало существовать, то из этого проистекли бы те же несчастья, что и при Робеспьере, достаточно было бы ему найти какого-нибудь плохонького подражателя, а таких можно было бы встретить немало среди множества его верных учеников. Я с тревогою смотрю на бесчисленное множество этих его учеников, рассеянных по всем местным обществам, по всем революционным комитетам, по всем агентствам, по всем учреждениям, я с тревогою смотрю на всех этих поборников его неистовства, которые проявили себя, подписываясь под обращениями к главному обществу в пользу сохранения террора. Вот почему я выразил мысль, что было бы полезно пройтись садовым ножом по всем ответвлениям этого общества. Это не значит, что надо упразднить Народные общества, наоборот, их надо усовершенствовать, надо их реорганизовать на новых основаниях, на тех, которые предусмотрены Декларацией прав и Конституцией. Каковы эти основания? Здесь не хватает места для детального изложения их. Это будет темой другой работы. Здесь я только замечу, что Народные общества должны быть организованы так, чтобы они действительно отвечали своему наименованию; что они должны стать источником формирования общественного мнения, которое я не отделяю от народного мнения, мнения, которое должно быть истинным, естественным, свободным от всяких влияний выражением подлинных потребностей, подлинных желаний всего народа в целом, а не какой-то группы или корпорации; что, однако, должен быть еще какой-то центр, куда стекались бы желания народа и где они могли бы быть провозглашены; чтобы они делали свое подлинное дело, т. е. осуществляли полезный и свободный надзор за законодательной и исполнительной властью; что этот надзор нельзя обходить, допуская к участию в нем надзираемых вместе с надзирающими, критикуемых с критикующими, ибо вопреки тому, чего хотели бы некоторые законодатели, такой общественный надзор нужен, и нужно общественное мнение, независимое от сената, способное надежно противостоять возможным посягательствам сената — в таком предположении нет ничего кощунственного — на права народа и его суверенитет; а там, где общественным мнением считается мнение властей, свободный человек видит только деспотизм. Пусть же Национальный конвент поспешит установить право надзора на его истинных основаниях, и пусть он отвергнет как будто бы уже принятое им ложное правило, гласящее, что якобы ему одному принадлежит привилегия формировать общественное мнение. В противном случае будут говорить, что Кон-

вент сверг якобинизм только для того, чтобы укрепить свое господство, устранив все препятствия на своем пути, и чтобы заковать Францию в республиканские цепи.

Гракх Бабеф

ПУТЕШЕСТВИЕ ЯКОБИНЦЕВ ВО ВСЕ ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ СВЕТА

с поставленной в порядок дня Одуеном и Барером конституцией в руках [22]

«Идите по всему свету, проповедуйте евангелие и учите все народы, крестя их во имя непостижимой троицы и наказывая им блюсти все то, чему я вас обучал». Такие наставления, согласно главе 15-й первого послания св. Павла коринфянам, основатель христианства преподал более чем 500 своим фанатичным последователям, коих после того, как его подвергли колесованью * живьем в Иерусалиме, он тайно собрал на горе Таборе, около Тивериадского озера, в Галилее.

«Идите по всему свету, проповедуйте братство или смерть и просвещайте нации, приобщая их к культу Верховного существа и наказывая им блюсти все то, чему я вас обучал». Такую речь, согласно 1-му номеру, колонка 3-я рукописного листка, озаглавленного «Секретный бюллетень Горы» [23], от 24 вандемьера III года, душа Робеспьера, чье тело, как всем известно, было гильотинировано в Париже, прошептала на тайном заседании более 500 якобинцев, состоявшемся в месте, которого еще, по понятным причинам, не называют.

Уверяют, что после передачи этого последнего поручения, совершенно идентичного миссии, возложенной на учеников Христа их учителем, якобинская колония рассеется по обоим полушариям и приступит к построению всемирной церкви, скрепленной, как и та, что все еще находится в Риме, кровью ее мучеников и кровью ее жертв.

Якобино-банда уверена в успехе тем более, что предзнаменования вполне благоприятны для нее, если она правильно толкует в свою пользу совершенное сходство знамений, сопровождавших явление своим апостолам как Иисуса распятого, так и Максимилиана обезглавленного. Дух назареянина снизошел на его учеников в виде огненных языков, ставших видимыми символами всеобщего пожара, который его учение должно было зажечь в мире. Дух артезианца [24] тоже снизошел на его учеников, но в виде ножей гильотины, пушечной картечи, корабельных клапанов и подожженных фитилей, красноречиво отображающих разрушительные средства, которыми кровавая религия уже пользовалась и

* *Так у Бабефа.*

намерена употреблять и дальше, дабы утвердить свое существование.

Иисус и Максимилиан оба говорили своим последователям: «Не падайте духом, если люди будут дурно обращаться с вами; когда вас прогонят с одного места, вы перейдите в другое».

Наконец, один из них сказал: «Начинайте проповедовать в Иерусалиме, а затем идите туда, куда мой дух вас поведет, ни о чем не беспокоясь, отец мой позаботится о вашем пропитании, а я даю вам дар языков и чудес».

Другой сказал своей дружине то же самое: «Начинайте выступать с предложениями в Париже, а затем идите прямо своей дорогой, не затрудняя себя вопросами пропитания, об этом позаботится Верховное существо, а еще лучше право реквизиции людей и имуществ, коим я облекаю вас именем его от Рейна до Океана и от Пиренеев до департамента Нор, а равно и все другие революционные принципы, с помощью которых вы сотворите чудеса, и вас одинаково услышат и Шуан, и Аллоброг, полу-Кастильянец, и Эльзасец».

Наставленная таким образом, исполненная доверия к откровению своего учителя, вдохновленная дружина разбредается и хочет тотчас же начать свою апостольскую деятельность с Парижа, как было сказано.

Все шарлатаны, все священники похожи друг на друга; все они подражают друг другу, все они пользуются одинаковыми средствами. Когда им нужно было бросить семена какого-либо фанатизма, они всегда направлялись сначала туда, где рассчитывали встретить наибольшую неискушенность и доверчивость. Давайте, сказали друг другу наши миссионеры, для начала понесем слово Верховного существа к слепым; их легче всего будет обратить в нашу веру, а когда это произойдет, мы будем сильнее и сможем убедить и других. Сказав так, они в то же мгновение направились в секцию Кенз-Вен[25].

Мы еще достаточно хорошо видим, сказали члены этой секции, чтобы распознать, кто вы и зачем вы пришли, и чтобы не позволить вам одурачить нас. Гомер был такой же, как обитатели Кенз-Вен, и ему тоже нелегко было бы внушить вашу веру. Слепых не так уж легко провести. К тому же мы вас не боимся, и доказательством этого служит наше согласие принять вас. Но мы вам заявляем: не придавайте этому особого значения, этот прием не будет иметь никаких последствий. Так как мы не кровожадны и не хотим стать ими, *мы отнюдь не хотим смерти грешника, мы предпочли бы, чтобы он обратился в истинную веру.* Только ради этого вы сюда допущены, вы здесь никого не обратите в свою веру, слышите? Но вы сами будете приняты ради вашего обращения, если хотите. Послушайте, здесь исповедуют учение о правах человека...

Браво, браво, отвечают максимилианисты, это также и наша религия. Мы уже ранее видели некоторые признаки того, что мы

с вами придерживаемся одних и тех же догматов веры. Поэтому мы пришли не ради приобретения прозелитов, а только для братания. Итак, дорогие братья, давайте объединим наши чувства и наши принципы и, сильные этим единством, неизбежно сокрушим многочисленных врагов народа. Мы вам предложим сейчас столь же важное, сколь и неотложное применение одной из статей Декларации прав:

«Когда правительство нарушает права народа, восстание является для народа, а равно и для каждой части народа, самым священным из прав и самой неотложной из обязанностей».

Ну нет, мы не думаем, что так обстоит дело, и мы замечаем, что вы все еще считаете, будто имеете дело с людьми, ничего не видящими. Самые лучшие вещи можно употребить во зло, это мы видим, и даже Декларацию прав можно использовать для совершения контрреволюции. Священный принцип сопротивления угнетению может быть истолкован вкривь и вкось. Надо хорошенько подумать, прежде чем применить его, ибо можно ошибиться и оказать сопротивление справедливости. Действительно ли налицо социальное угнетение в том случае, в связи с которым вы требуете сопротивления? Вот это необходимо сначала рассмотреть.

Если бы было верно, как вы, по-видимому, хотите внушить, что меры, принятые против Якобинского клуба, надо толковать как намерение уничтожить все Народные общества, о, тогда, конечно, надо было бы признать факт угнетения и явного нарушения прав народа и республиканской Конституции, текст которой гарантирует существование этих обществ, как необходимого оплота против посягательств со стороны всех и каждого из носителей власти. Но почти доказано, что ваше центральное объединение хотело завладеть властью, что оно хотело путем деспотизма над общественным мнением, величайшего из всех деспотизмов, соперничать с законною властью народа, чтобы, прикрываясь требованием свободы и всего наиболее достойного уважения, установить такую систему резни и грабежа, при которой, если бы она смогла утвердиться, из всех людей уцелели бы одни лишь пожиратели рода человеческого, которые и завладели бы всей землей, удобренной трупами ее прежних владельцев. Но в таком случае то, что ваше общество распущено, должно рассматриваться не как акт угнетения, а как счастливая победа над самыми неистовыми угнетателями. Нет, не трудитесь зря, мы не восстанем вместе с вами. Но, если вы нас послушаетесь, вы и сами не подымете восстания. Прислушайтесь к голосу тех, кто проповедует мир. Свободу, которую ваши первосвященники изображали человекоубийственной и жестокой, у нас знают только как благотворную и милосердную. Она кричит вам нашим голосом, что она еще примет вас в свое лоно, если, примирившись с природою, вы вернетесь к более человеколюбивым чувствам, если вы освободитесь от той кровожадности, которая вовсе не свойственна человеку,

а искусственно введена в его сердце и не может в нем удержаться.

Конечно, говорить о правах человека всегда своевременно, все мы должны этим заниматься, мы должны стремиться ускорить наступление времени, когда можно будет полностью пользоваться ими, но, поскольку вы так поздно о них заговорили, поскольку вы начинаете сразу с вопроса о восстании, хотя под угрозу поставлены только интересы вашего сообщества, находящиеся в полном противоречии с интересами всего общества, вы должны понять, что разумным людям требуется поразмыслить, прежде чем поспешить ответить на ваши желания. Поразмыслите как следует и вы над своим предложением,— ведь среди вас в былые времена, когда ваши сердца еще не ожесточились, родина насчитывала немало просвещенных и справедливых сынов, — и вы признаете, что, быть может, будет гораздо лучше, если вы вернетесь к своими прежним принципам.

Евангелисты Робеспьера отнюдь не ожидали, что их так отчитают те, к кому они пришли с проповедью. Их несколько смутили решительные аргументы тех, кого они причисляли к разряду простаков. Они пробормотали несколько революционных фраз, почерпнутых из учебника словесности Барера, но санкюлоты предместья Антуан не поняли этих неологизмов. «Говорите понятным языком, — заявили они, — мы этого жаргона не знаем». — «Да это барреризм». — «Не понимаем мы варваризма!» Общество Кенз-Вен приняло резолюцию о переходе к очередным делам, и потомки Якова обнаружили, что дух Робеспьера вовсе не передал им ни дар языков, ни дар убеждения, потому что их уже почти совсем не слушали в одном из предместий Парижа, а их первая решительная проповедь не обратила там в их веру ни одной души. Один из братьев сказал, обращаясь к другим: «Что же это было бы, если бы мы отправились на остров Индостан? * После такой н е у д а ч и что мы будем делать в мире? Каким только случайностям можем мы подвергнуться?» Был серьезно поставлен вопрос, не рискнуть ли выступить с пропагандою за пределами стен столицы (старый стиль), но обсуждение этого предложения ввиду его важности было отложено. Если караван тронется, мы сообщим о дальнейшем ходе этих путешествий; но пока что мы вынуждены остановиться.

Мы останавливаемся, говорю я, потому что сообщение журналистов, будто якобинцы совершили путешествие также и в Электоральный клуб, есть чистейшая л о ж ь, придуманная, без сомнения, теми, кому хотелось бы воспользоваться нынешней обстановкой, чтобы подвергнуть все Народные общества той опале, которая должна пасть только на общество 9 термидора и на те связанные с ними местные общества, которые энергично разделяли его кровавую мораль. Пусть лбы департаментских якобин-

* *Так в оригинале (Прим. переводчика).*

цев так же, как и парижских, будут отмечены клеймом; я уже сказал, что их всюду полно, Робеспьер посадил их во все учреждения, во все революционные комитеты, во все военные и гражданские агентства и т. д. Неоднократные чистки Народных обществ почти повсеместно оставили в них только людей, принявших крещенье в водах, красных от крови; эти прошедшие чистку люди почти все стали сами чистить французский народ: их необходимо безотлагательно разыскать и довести их до социального небытия, но не следует при этом уничтожать Народные общества [26].

Без них не может быть сохранено демократическое правление. Повсюду, где народ был свободным, существовали форумы, какие-нибудь народные собрания, где он мог согласовывать, обсуждать и рассматривать дела своего политического управления. Не будь этого, не будь мест для собраний, очевидно, ход управления полностью зависел бы от произвола правителей и был бы огражден от всякого надзора, что неизбежно породило бы абсолютное господство, зависимость граждан и всякого рода злоупотребления властью.

Похоже на то, что наши законодатели сейчас это поняли. Проект Кадруа из Ланд [27], представленный на заседании от 24 брюмера, признает необходимость Народных обществ и излагает некоторые соображения относительно способов их использования и их построения на таких основаниях, чтобы они никогда не могли от них отклониться и всегда выполняли бы свои задачи. Этот вопрос должен был бы стать темой серьезного труда, в котором следовало бы сделать ряд замечаний Кадруа, лишь слегка коснувшемуся этого вопроса. Конвент, наверное, даст честным гражданам время, чтобы продумать и изложить свои мысли по этому поводу и углубленно разработать эту важную проблему, от которой гораздо больше, чем многим кажется, зависит окраска и окончательный характер нашей системы правления.

Все обещает, что эта система не выродится, не потеряет своей первоначальной чистоты. В то же время все предвещает, что мы приближаемся ко дню, когда вечные принципы уступят место изощренному крючкотворству изобретателей несравненного кодекса от 14 фримера [28]. Один из этих умельцев, бессмертный Барер, предшествуемый Алибороном * Одуеном, дал нам недавно возможность предвкушать введение сладостного конституционного режима. Это объясняется тем, что он видит: большинство французов мечтает об этом режиме и поняло наконец, что он вполне применим к условиям как военного, так и мирного времени. Сей зловредный Бертран, сей злобный Старый Мешок ** хотел бы

---

* *Во французской литературе это имя употребляется как синоним невежды, дурака, смешного человека (Прим. переводчика).*

** *Полная фамилия Барера — Barrère de Vieuzac. Здесь обыгрывается созвучие с Vieux Sac — старый мешок (Прим. переводчика).*

лишить Республику этого режима навсегда. Он запомнил из римской истории то место, где рассказывается, как всякий раз, когда патриот Гай Гракх выступал со своими предложениями в пользу народа, сторонник резких мер Друз * выступал с предложениями, шедшими еще дальше, и этого было достаточно, чтобы народ, видя, что такие предложения поддерживаются столь дурным гражданином, отвергал их. Но мы можем найти лучший урок и лучший пример в летописях Спарты: «Когда человек дурных нравов, — рассказывает Жан-Жак Руссо, — выступил в Совете с дельным предложением, эфоры, не считаясь с этим, попросили добродетельного гражданина выступить с таким же предложением». Нет, Барер, нет, Одуен, анафема не падет на хорошее предложение только потому, что оно вышло из ваших оскверненных уст, мы знаем, кто должен выдвинуть эти предложения, чтобы они не вызывали подозрений.

Гракх Бабеф
Редактор «Газеты свободы печати»,
затем «Трибуна народа».

Примечание: Я всегда ставлю свою подпись. Я не из тех робких людей, которые с трепетом пишут анонимно. Я вскоре снова выступлю со своей газетой [29], более гордый, чем когда-либо, и заставлю своих хулителей краснеть за гнусную клевету, которую они извергли на меня.

О СИСТЕМЕ УНИЧТОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ, ИЛИ ЖИЗНЬ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАРРЬЕ **

Его процесс
и процесс Нантского революционного комитета [30]:

С исследованиями и политическими соображениями относительно целей, преследуемых децемвиратом при изобретении этой системы, относительно ее непосредственной связи с войной в Вандее и относительно намерения применить ее ко всем частям Республики

---

* *Марк Ливий Друз, народный трибун, в одно время с Гаем Гракхом, в 122 г. до н. э., выдвинутый на эту должность патрициями, чтобы саботировать демократические начинания его коллеги (Прим. переводчика).*

** *На фронтисписе был помещен несколько карикатурный портрет Каррье с подписью:* «Ж. Б. Каррье. Родился в Иоло. Департамент Канталь». *Ниже следовал стихотворный эпиграф из «Генриады» Вольтера:*

«Когда он приказывает совершить преступление,
Ему слишком усердно повинуются;
Сто тысяч убийц служат его гневу.
И окровавленные воды рек Франции
Несут только трупы в охваченные ужасом моря».

Сочинение Гракха Бабефа

Истина

В Париже
продается в типографии Франклена,
ул. Клери

III год Республики

СОДЕРЖАНИЕ

уничтожения. Его составные части и омерзительные цели. Полномочия вице-короля. Право жизни и смерти. Средства, практикуемые с расчетом на взаимное истребление республиканских фаланг мятежными и мятежных фаланг нашими.

Параграф VII — Продолжение. Когда сторонники вырезания сочли, что достаточно сократили ряды республиканской армии, они решили скосить всю Вандею. Законодательство крови и огня. Совпадение мер, которые Каррье проводил в Нанте с теми, которые Колло проводил в Лионе. Письмо Эро-де-Сешеля[34]. Предложение Мерлена из Тионвилля.

Параграф VIII — Перечень зверств Каррье и его многочисленных сотрудников, среди которых выделяются Вестерман[35] и Лекинио. Это — полный рассказ об исполнении свирепого кодекса сожжения и истребления.

Параграф IX — Судебный процесс Каррье и Нантского комитета, их защитительные речи. Приговоры. Роспуск Революционного трибунала. Новый арест членов комитета, оправданных прежним трибуналом. Заключительные соображения.

ЖИЗНЬ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАРРЬЕ,

депутата департамента Канталь. Его процесс, процесс Нантского революционного комитета и разоблачение страшной СИСТЕМЫ УНИЧТОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ, изобретенной децемвиратом

Сочинение Гракха Бабефа

Параграф I. Общий взгляд

Итак, надо ее описать!.. Эту жестокую, всепожирающую, народоубийственную жизнь... жизнь ужасного человека, на чью голову обрушились проклятия и осуждение всей Франции!!!

Люди страны моей! .. Вы, стало быть, чувствуете потребность сохранить память о злодеяниях, превосходящих все те, которые история всех варварских народов донесла до вас? Память об этих злодеяниях, которые в течение последних дней жизни этого небывалого палача, покрывшего себя грязью, вызывали ваше негодование, поглощали все ваше внимание и повергали ваши потрясенные сердца в глубокую скорбь, не изгладилась в вашей душе и после его смерти. Ваше воображение не освободилось и не хочет сразу освободиться от картин, порожденных рассказами о его

жутких подвигах. Простая смерть виновника столь великого нагромождения преступлений не кажется вам достаточным искуплением, и ваше стремление к отмщению старается найти удовлетворение в постоянном напоминании об этих ужасах. Вы требуете, чтобы железное перо кровавыми буквами запечатлело для вас эти мерзости, приведшие в дрожь саму природу.

О, мои современники! Принесет ли вам в конечном счете эта страшная картина какую-либо пользу? Да, запечатлев в ваших сердцах неизгладимыми штрихами это свирепое истребление тысяч ваших братьев, мы внушим каждому из вас постоянное отвращение к высокопоставленным убийцам, что будет сдерживать власть имущих: они не смогут забыть, что смерть влечет за собой смерть, что с нею безнаказанно не играют, что и правителя могут назвать убийцей, если он ведет себя как таковой, что народ не довольствуется обычной казнью для своего недостойного представителя, злоупотребившего полученными полномочиями, чтобы истреблять тех, от кого он их получил, и что вычеркнутые им из списка живых целые племена призывают тысячу смертей на его голову!..

О вы, потомки, и от ваших взоров не следует скрывать дел, о которых, пожалуй, вам лучше бы и не знать; было бы куда приятнее, если бы, к нашей чести и вашему удовлетворению, до вас дошли только наши добрые дела, и вы бы ничего не знали о трусости, с которой мы столь долго переносили истребление наших братьев отвратительными палачами, которым мы сами вручили высокие посты. Почему нам суждено видеть, как эта наша слабость затуманит блеск тех мгновений подлинной энергии, о которых история не преминет поведать вам, и тех первых времен философии и общественной добродетели, от коих не следовало бы никогда отходить. Честолюбцы! Виной тому вы и ваши отвратительные софизмы.

Революционное правительство! * Это ты, да, это ты и те гнусные люди, которые тебя изобрели, воспрепятствовали тому, чтобы революция, рожденная мудростью и добродетелью народа, с их же помощью и укрепилась. Не положено, говоря о следствиях, умалчивать о причинах. Я рассказываю здесь о движущих силах и побудительных причинах главных мероприятий революционного правительства; следовательно, мой рассказ является частью истории этого правительства. Как могу я написать свой очерк, не упоминая о самом правительстве! О да, я буду о нем говорить, это необходимо для моей темы, иначе мне надо было бы запретить писать о Каррье. И черные краски, которыми я воспользуюсь, чтобы нарисовать верную картину его жизни, равно как и картину системы, породившей те нагромождения мерзостей и трупов, которыми отмечена эта жизнь, не будут, пожалуй, бесполезными для родины.

---

* См. в конце пространное примечание о революционном правительстве.

Мое перо не решается приступить к изображению этой груды преступлений, которую оно взялось явить взорам повергнутого в ужас человечества. Способен ли я хоть сколько-нибудь живо нарисовать подобную картину, если у меня чувствительная душа, исполненная восторга перед добродетелями, остро реагирующая на малейшую несправедливость?.. О, я чувствую, что если и начать мне трудно, то, приступив к выполнению столь тяжкой задачи, я тем более не смогу с хладнокровием изображать эту цепь убийств, неслыханное, душераздирающее, возмутительное зрелище которых суждено было увидеть людям в наши дни.

Некоторые заурядные историки захотели рассказать о политической жизни ряда деятелей революции, часть которых была зачислена в преступники только потому, что это было в интересах клик. Ни один из этих рассказов не заслуживает того, чтобы дойти до потомков, они даже не могут сойти за хорошо написанные романы. Внимание в них сосредоточено на так называемой личной и частной жизни героев, у которых разыскивают воображаемые мелкие грешки, доходя даже до времен детства, тогда как самое главное, т. е. то, что характеризует их как общественных деятелей, затрагивается лишь вскользь и освещается в духе, соответствующем интересам господствующей партии. Я отнюдь не последую по пути, избранному этими рабскими душами. Какое Франции дело до того, что Каррье проделал такой-то жульнический трюк в молодости и что, занимая должность прокурора при суде в Орийаке, он был, возможно, несколько бóльшим разбойником, чем 10 тыс. других разбойников — его коллег. Интереса заслуживает Каррье — недостойный законодатель, палач Нанта [36]! .. Он — это чудовище, пресыщенное жестокостями, наслаждавшееся ими, недвусмысленно показывавшее, какую свирепую радость они ему доставляют... Этот всепожирающий людоед, который, сочетая бесстыднейшую похотливость с кровожаднейшей яростью, превращал одних и тех же людей из жертв своего вожделения в жертвы своей страсти к убийству... Надлежит также раскрыть все обстоятельства, способствовавшие тому, что этому хищнику была предоставлена полная свобода для утоления его жажды человеческой крови. Мужественная правдивость, приди ко мне! Помоги мне ощутить себя свободным от узды власть имущих и говорить со своими современниками так, как я говорил бы с потомками!

Начинать надлежит не с Каррье, злодействующего в Вандее. Сначала надо показать, что там было до него. Это приведет нас к установлению предшествовавших ему преступников, и, быть может, по отношению к этим первым преступникам Каррье окажется только тем, чем Нантский революционный комитет был в отношении Каррье, т. е. орудием-соучастником. Чтобы при рассмотрении всего этого механизма иметь возможность правильно оценить работу каждой его части, надо постоянно обращаться к главной движущей пружине. Не будем вводить в заблуждение

аудиторию, указывая ей в качестве двигателя то, что является только второстепенным рычагом. Не надо бояться того, что новый шквал истин унесет какую-то часть тумана, уже начавшего рассеиваться, и обнажит перед нами людей, которые были главными инициаторами этих действий, но отнюдь не стремились, чтобы об этом стало известно. Природа или воспитание могут создать бичи человечества, зловещих чудовищ, подобных Каррье, Лебону [37] или Колло; но, живя в обществе, они могут осуществлять свои опустошения только с согласия тех, кто правит.

Параграф II. Война в Вандее. Она дает повод для создания вице-королей, или департаментских проконсулов, этой первоначальной разновидности революционного правительства и первоисточника несчастий Франции

От внимания наблюдателей не ускользнуло, что несчастье Республики было декретировано в тот день, когда Конвент учредил должность вице-королей, или проконсулов, для каждого департамента [38]. Все помнят, что именно война в Вандее породила эту опасную идею, принятую в условиях волнений и тревоги без тщательного рассмотрения и без учета тех пагубных последствий, которые должна была повлечь за собою такая мера. В дальнейшем она была незаметно распространена на все департаменты под предлогом, что там почти всюду контрреволюция. Уже по одной только этой роковой причине вся Франция должна была бы оплакивать злосчастную войну в Вандее. Учреждение проконсулата было учреждением революционного правительства, и те, кто думает, что его возникновение относится только к 14 фримера, обнаруживают свою непроницательность. Карра [39] был первым вице-королем, и широчайшие полномочия, полученные им при отбытии в Вандею, надлежит рассматривать как учредительный акт системы революционного правительства.

В тот день Республике надлежало облачиться в траур, предвестье многочисленных бедствий, которым ей предстояло подвергнуться. С того времени ей суждено было видеть департаменты, отданные во власть произвола и всех страстей нескольких человек, которые неизбежно должны были опьянеть от сознания своего всемогущества. Ей суждено было видеть переряженную монархию, лишь надевшую трехцветное платье и вдали от взоров сената позволившую себе все, что может внушить ослепляющее безумие неограниченного господства, которого осуществляющие его люди никак не рассчитывали получить. Ей суждено было видеть не только, как сказал автор одного почтенного и просвещенного сочинения [1*], «возвращение тех времен анархии, когда Франция была добычей многих тиранов, когда у нее были короли

[1*] Opinion de Barbet sur le Gouvernement Révolutionnaire, ou l'Ombre de Camille Desmoulins.

Аквитании, Суассона, и т. д.», но нечто гораздо худшее, ибо подданным королей Суассона и Аквитании приходилось повиноваться фантазиям одного деспота, тогда как департаменты, отданные под власть всемогущих депутатов, должны были блюсти в одно и то же время и законы проконсула, и законы сената, которые не всегда согласовывались между собой, и в случае расхождений было очень трудно решить, какую власть выбрать.

Республике суждено было видеть, что вскоре перестанут действовать законы, принятые в установленном порядке, т. е. законы, являющиеся выражением общей воли, предложенные ее делегатами и утвержденные народом, и что ей придется пресмыкаться под властью законов, выражающих волю одного или нескольких человек, т. е., говоря хорошим французским языком, склониться перед абсолютной тиранией, столь абсолютной, какой еще никогда не было. Республике суждено было видеть, что посредством этой меры ее избранники-законодатели решительно уклонялись от того, что было волей их доверителей, пославших их специально и единственно для участия в общем собрании делегатов народа в целях сотрудничества в великом деле создания Социального кодекса. Это — священная и выдающаяся миссия, отвлечение от которой может рассматриваться как преступление уполномоченного или проявление им невежества, позволяющее прийти к заключению, что он не достоин столь высокой миссии, ибо не смог проникнуться сознанием ее важности и понять, что его место только в сенате; что его единственная обязанность — участвовать в законодательной работе, в которой нуждается народ; что отвлекать его от этого — значит учинять преступное нарушение суверенной воли, обманывать суверенный народ, ибо, определив число должностных лиц, которых он счел целесообразным привлечь к участию в выработке этого законодательства, он мог бы рассматривать это законодательство как неправильное и, может быть, недействительное по форме, раз нужного числа депутатов уже нет; причем с тем бо́льшим основанием, что такое отвлечение работников законодательства, доведенное до определенных размеров, открывало свободу действий небольшому числу оставшихся их коллег, которых вполне можно было бы заподозрить в том, что они намеренно удалили своих товарищей, чтобы присвоить только себе, по им известным соображениям, область созидания законов: последние, вместо того чтобы быть сооружением всех созидателей, избранных народом, становились делом узкого круга самых хитрых людей и самых больших интриганов из их среды.

Параграф III. Грубая ошибка, сводящаяся к уменьшению числа членов сената с целью превратить депутатов, отвлеченных от своих прямых обязанностей, во всемогущих представителей власти в департаментах. Предполагаемые преимущества, которых можно было бы добиться, отправив вместо них комиссаров, избранных не из состава законодательного органа

Конечно, можно сказать, что в таком деле, как восстание в Вандее, нельзя было обойтись без того, чтобы не послать гражданских комиссаров, и что столь важную миссию Конвент счел возможным доверить только людям из своей среды. Неуместное самолюбие! Суета сует! До каких же пор будут наносить столь тяжкое оскорбление народу! Многими бедами мы обязаны предрассудку, искреннему или притворному, будто бы те, кто избран в Конвент, представляют собой цвет человеческого общества. Но, если прекрасно следствие, прекрасной должна быть и причина. А ведь депутаты Конвента вышли из народа. Если большинство их чисто, то чиста и народная масса, ибо трудно себе представить, что, будучи испорченной, она сумела бы выделить из своей среды как раз то небольшое число людей, которые еще не испорчены, после чего в народе уже не осталось бы ничего хорошего; скорее следовало бы предположить, что народ, будучи испорчен аристократией и контрреволюцией, выбрал бы в качестве своих представителей самую грязную накипь. Он этого не сделал, стало быть, народная масса чиста, стало быть, Конвент мог, не лишая себя части своих членов, найти в народе людей, столь же способных выполнять наиважнейшие миссии, как и его члены. В качестве оправдания ссылались на то, что поступило бесчисленное множество жалоб на комиссаров исполнительной власти, назначенных из числа непросвещенных людей и посланных в департаменты после событий 10 августа. Но можно ли сравнивать их дела с делами миссионеров ареопага! По существу первые республиканизировали департаменты, заронили там семена чистой демократии. Их деятельность была плодотворной, и они оказались предтечей народной системы; они сумели с волшебной скоростью провести набор тех фаланг, которые заставили в ужасе отступить тиранов, чья дерзость угрожала нам вплотную. Чтобы привести народ в такое движение, нужна была энергия, и эта энергия не всем была по душе. Но сколь велика разница между революционными средствами и всем поведением этих первых апостолов и последующими крутыми мерами наших жертвоприносителей! Сопоставление приведет к выводу, что первые были благодетельными ангелами, тогда как вторые — человеконенавистническими духами. Итак, перестанем связывать с образом представителя народа идолопоклонническое почтение, раболепный фанатизм и ложное представление о непогрешимости или, по меньшей мере, о превосходстве их способностей над способностями других граждан. Нет, мой делегат отнюдь не в состоянии совершить

больше чудес, нежели я сам; когда я облек его этим саном, я не обладал властью придать ему безграничную мудрость; он остался таким же человеком, каким был раньше; он сделает столько же ошибок, сколько и другие люди и, быть может, еще больше, потому что огромная власть, которой я его неожиданно облек, способна ослепить его. Никто не скажет, что опыт не подтверждает этого факта. История, которую я пишу, есть незабываемая часть этого опыта.

Мой вывод из изложенного выше заключается, как я уже частично установил, в том, что постыдная вандейская война принесла нам роковой дар, заложив первые основы революционного правительства путем создания департаментских вице-королей, с их неограниченными полномочиями, включающими право жизни и смерти. Кроме того, полагаю, я доказал, что можно было избежать создания этого рокового учреждения, заменив его национальными комиссарами, избранными не из числа членов законодательного органа; полномочия таких комиссаров могли бы уточняться и в случае надобности последовательно изменяться, а их поведение должно было бы направляться исполнительным центром правительства. Я заявляю, что эти комиссары, подчиненные и постоянно обязанные отчитываться в своей деятельности, не могли бы, пожалуй, причинить столько зла, как всемогущие комиссары — члены сената, и уж наверно не причинили бы его больше, чем те. Я заявляю, что, таким образом, закон был бы всегда тем, чем он должен быть, и уж по крайней мере результатом совместных трудов всех представителей суверенного народа, и мы повиновались бы лишь ему одному, вместо того чтобы повсюду быть вынужденными склоняться перед властью капризного и изменчивого законодательства какого-нибудь местного проконсула.

Параграф IV. Политическая оценка характера и причин войны в Вандее. Извлеченные из трудов Камилла Демулена, Филиппо и других посвященных разъяснения относительно тайной системы, направленной к тому, чтобы сделать эту войну широкой, постоянной, кровопролитной и тотально разрушительной. Эти подробности необходимы для доказательства того, что Каррье предназначалась лишь роль исполнителя страшного плана истребления и общего сокращения населения

А теперь я предлагаю читателю широко открыть глаза. Пришло время и случай раскрыть перед Францией величайшую тайну. Увы, почему не могла она быть раскрыта двумя годами ранее! Быть может, миллион ее жителей, сошедших в могилу, продолжали бы еще жить...

Разоблачение великой тайны дано нам в сочинении, озаглавленном «Тайные причины революции 9 термидора». Автор, Семпроний Гракх Вилат[40], молодой человек 26 лет от роду, бывший

присяжный в кровавом трибунале Робеспьера, заслуживает некоторого доверия, поскольку он дает доказательства того, что был близко знаком с этим главою децемвиров и всеми его министрами: Барером, Сен-Жюстом, Кутоном [41], Бийо, Колло; поскольку он дает довольно надежные указания на то, что был допущен на их тайные сборища и посвящен в их самые глубокие секреты; поскольку к тому же, будучи арестован и заключен в тюрьму Ла-Форс, он заинтересован не только в том, чтобы сделать это разоблачение, но и в том, чтобы оно соответствовало истине; поскольку, наконец, правдивость его слов становится почти абсолютно убедительной, когда рассматриваешь ход событий революции, смысл которых до сих пор был неясен, но полностью проясняется после объяснений этого ненадежного наперсника децемвиров.

Это столь важное разоблачение сводится к тому, что система, которую я сейчас подробно опишу, действительно существовала.

Максимилиан и его совет рассчитали, что подлинное возрождение Франции возможно осуществить только посредством нового распределения земли и обитающих на ней людей. Они, по-видимому, были убеждены в том, что правители какого-либо народа не могли сделать для его возрождения ничего устойчивого и прочного, если они не осуществили великого вывода Жан-Жака, «что для того, чтобы правление было усовершенствовано, нужно, чтобы все граждане имели достаток, но никто из них не имел избытка» [42], и, следовательно, если они [правители] не обеспечили, подобно Ликургу в Спарте, каждому человеку неотъемлемый участок земли и достаточную долю продовольствия, гарантированную всеми соответствующими расчетами, вплоть до соотношения между численностью населения и общей суммой сельскохозяйственной продукции; иными словами (чтобы дать весьма полное объяснение этой последней важнейшей части системы), по плану этих великих законодателей *не следовало допускать, чтобы численность населения когда-либо превзошла определенное соотношение с размерами общей годичной продукции всей земельной площади страны, так, чтобы каждый гражданин всегда обладал полным земельным наделом и полной долей продуктов питания.*

Из этих основных принципов вытекали следующие соображения и выводы. 1. Что при настоящем положении вещей собственность оказалась в руках немногих, а подавляющее большинство французов не владеет ничем. 2. Что если это положение не изменится, то равенство прав будет оставаться только пустым звуком, аристократия собственников будет реально существовать, меньшинство по-прежнему будет оставаться тираном для массы, большинство же будет рабом меньшинства благодаря силе, которой неизбежно обладают те, кто держит все в своих руках, и которая позволяет им управлять производительной деятельностью, откры-

вать или закрывать ее ресурсы, а также из-за необходимости для несобственников, или пролетариев, повиноваться закону богатых как в отношении распределения работы, так и в отношении определения заработной платы и цен на предметы потребления. 3. Что нет другого способа уничтожения этой власти собственников и освобождения массы граждан от этой зависимости, как сосредоточить сначала всю собственность в руках правительства [43]. 4. Что этого, несомненно, можно было достигнуть, только истребив крупных собственников и создав столь сильный страх, чтобы побудить других отдать свои имущества по доброй воле. 5. Что в любом случае необходимо произвести сокращение населения, потому что, по произведенным подсчетам, французское население по численности превосходило ресурсы почвы и потребности производительной деятельности; иными словами, людей у нас слишком много, чтобы каждый мог жить в достатке, рабочих рук больше, чем нужно для выполнения наиболее полезных работ; и эта истина была подтверждена единственно верным мерилом — общим подсчетом сельскохозяйственной продукции, и помимо этого мерила не может быть никакого другого, поскольку все остальные ремесла вместе взятые не могут произвести дополнительно ни одного фунта хлеба. 6. Наконец (в этом и заключается страшный вывод), что, так как излишнее население может сойти за *столько-то* (у нас нет подсчетов пресловутых законодателей), то надлежало бы принести в жертву часть санкюлотов, что можно было бы *вымести этот мусор* (выражение Барера, «Тайные причины...», стр. 14) *в таком-то размере*, и что надлежит найти способ, как это сделать.

Такова великая государственная тайна; наличие ее несомненно и подтверждено сообщенными в «Тайных причинах...» поразительными сведениями, которые становятся еще убедительнее при сопоставлении с фактами, характеризующими курс правительства децемвиров. Я даю моим современникам и потомкам ключ к объяснению многих мер, совокупность которых до сего времени оставалась непонятной с политической точки зрения. Что такое максимум, изъятия, Продовольственная комиссия? Это первый акт вступления правительства во владение всей собственностью. Что такое гильотинады, преимущественно богатых людей, и конфискации имущества под всякого рода предлогом? Второй акт того же вступления во владение. Что означает эта явная забота правительственных комитетов о том, чтобы, с одной стороны, тысячи вандейцев падали под ударами солдат Республики и, с другой — тысячи солдат Республики истреблялись бы вандейцами, и удовлетворение, которое они в равной мере испытывали от того и другого? Это внешнее противоречие, представлявшееся совершенно необъяснимым честному и несчастному Филиппо, находившему (см. его письмо к Комитету общественного спасения от 16 фримера II года), что «война в Вандее с каждым днем все более становится лабиринтом тайн и чудес», но заметившему,

однако, что «она ширится и длится благодаря очевидному заговору, участники которого пользуются огромным влиянием, ибо к своим страшным успехам они приобщили даже правительство»; это внешнее противоречие, говорю я, уже не является больше таковым, если принимать во внимание систему уничтожения населения, по которой и мятежники, и честные граждане одинаково годятся для истребления.

Объясняя эту страшную систему, я рассеиваю то недоумение, которое побудило ту же несчастную жертву, достойного уважения Филиппо, сказать, что «нашим потомкам будет трудно понять, как случилось, что все коварные, или трусливые, или глупые генералы, которые в ходе этой войны наносили Республике удары ножом в спину, пользуются самой полной безопасностью, и никто из них не был наказан, наоборот, многие из них были осыпаны милостями, тогда как храбрые и великодушные военные, по своей честности и прямоте желавшие окончить эту войну, либо смещены, либо брошены в тюрьму...» А что такое эти подлые измены, внешне преследуемые и караемые, а по существу терпимые и поощряемые, жертвой которых пали наши бесчисленные фаланги на границах вследствие лишений, вследствие установленного в госпиталях режима, скорее убийственного, нежели целебного, вследствие коварных приказов, направлявших наших солдат в неприятельские засады? Что такое этот проект вечных крестовых походов, обращения в свою веру или подчинения всех королей и всех народов? Что это, если не скрытое намерение сделать так, чтобы из той части нации, которая столь великодушно взялась за оружие с целью изгнать врага с французской территории, никто не вернулся назад? Что такое эти раздачи пособий детям и женам сражающихся, если не задаток в счет будущего аграрного перераспределения? Система уничтожения населения и нового распределения богатств между теми, кто должен остаться в живых, дает объяснение всего: войны в Вандее, внешней войны, проскрипций, гильотинад, массовых расстрелов, потоплений, конфискаций, максимума, реквизиций, изъятий, щедрот в отношении определенных людей, и т. д.[2*]

[2*] Умоляю не впасть в заблуждение относительно моей доктрины. Я ее отнюдь не скрываю. У меня нет мнений, приспособленных к обстоятельствам, и мне нет дела до того, что изложенное ниже будет найдено не соответствующим требованиям текущего момента, мне нет дела до того, что его найдут преждевременным или устаревшим. Раз поселившись в моем мозгу, мои мнения пребывают там вечно, и все гильотины не заставят меня отречься от той из статей Декларации прав человека, которая позволяет свободное их выражение. Провозгласив это, я заявляю, что я играю здесь только роль историка, откровенного и совершенно свободного, что я рассказываю все то, что я считаю правдой; я заявляю, что отнюдь не имею в виду осуждать ту часть политического плана Робеспьера, которая относится к помощи детям и родственникам защитников родины за счет средств, собранных с богатых. Я не критикую даже тех мер, которые должны были заставить любимцев фортуны раскошелиться, чтобы вознаградить самих этих

Я должен был несколько пространно осветить систему децемвиров, так как без этого я не мог бы правильно изложить историю Карье. Эта история не обособлена, она тесно связана с историей бывшего правительства, я имею в виду правительство, претерпевшее большие изменения 9 термидора. Поэтому я отнюдь не уклоняюсь в сторону, когда анализирую дух, планы и намерения этого правительства, для которого война в Вандее была необходима, для которого разные Карье тоже были необходимы.

защитников по их возвращении с полей сражений[44]. То, что я сейчас скажу, уже было продумано и замечено, но, чем чаще это повторять, тем лучше. Было бы совершенно несправедливо, если бы тот, кто ничего не имеет, рисковал бы и жертвовал собою, защищая собственность других, тогда как последние предоставили бы его семье и ему самому по его возвращении, если случай позволил ему выжить, несмотря на тяготы и опасности войны, чахнуть в нищете. Я иду дальше. Я говорю, что (хотя это и покажется похожим на систему Робеспьера) независимо от того, воюют или нет, земля данного государства должна обеспечить существование всем жителям этого государства; я говорю, что если в каком-либо государстве меньшинству членов общества удалось захватить в свои руки земельные и промышленные богатства и этим путем подчинить себе большинство и заставить его томиться в нужде, то надо признать, что подобный захват мог быть совершен только под прикрытием дурных учреждений правительства; и раз прежняя администрация не сделала в свое время ничего для предотвращения злоупотреблений или для их немедленного искоренения, нынешняя администрация обязана это сделать, чтобы восстановить равновесие, которое никогда не следовало нарушать, и силою законов произвести коренное изменение в духе высшего принципа усовершенствованного правления, изложенного в «Общественном договоре»: «Чтобы все граждане имели достаток, и никто из них не имел избытка». Если Робеспьер это имел в виду, он рассуждал здесь как подобает законодателю. Не являются таковыми те, кто не будет стремиться посредством учреждений, которые невозможно поколебать, поставить надежные барьеры стяжанию и тщеславию, дать всем работу и гарантировать получение каждым всего необходимого за эту работу, а также равное образование и независимость одного гражданина от другого, предоставление безо всякой работы всего необходимого детям, больным, увечным и престарелым. Без этого обеспечения всем необходимым, без этого образования, без этой взаимной независимости вы никогда не сможете сделать свободу привлекательной, вы никогда не создадите истинных республиканцев. И не будет у вас никогда внутреннего спокойствия, никогда не будете вы мирно управлять, никогда горсть богачей не сможет наслаждаться в безопасности скандальным сверхизобилием, если рядом будет голодающая масса. Пусть первые будут справедливы и в своих собственных интересах откроют глаза на правду; пусть они сами исполнят свой долг; иначе чаша будет переполнена, толпа народа, перед которым закрыты все кладовые, станет беспощадной силой, и природа (она всегда справедлива) сметет все плотины; та внутренняя война, что всегда существует между теми, кто морит голодом, и теми, кто голодает, разразится и опрокинет все; тогда уже не будет такого правительства, которое могло бы остановить поток; тогда осуществится то, о чем сказал Бертран Барер в одном докладе: «Подлинная сила на Земле — это бедняки, они вправе обращаться как хозяева с правительствами, которые ими пренебрегают»[45]. Только сокращение населения способно укротить этот бурный ветер; но испытывать такое средство небезопасно. Бертран Барер, Максимилиан Робеспьер и другие убедились в этом на собственном опыте.

Я говорю во множественном числе потому, что известный нам Каррье — только последний из большого числа тех, которые были посланы и действовали, подобно ему, в этом злосчастном крае. Таким образом, мы видим, что здесь многое переплетается: во-первых, общая система правительства Максимилиана Робеспьера; затем, война в Вандее, необходимая составная часть этой системы; затем, различные орудия, примененные в этой войне, и особое направление, приданное им всем; наконец, Каррье — крайнее и самое острое орудие из всех применявшихся в этой войне, то, посредством которого должен был быть осуществлен план уничтожения населения на западе нашей Республики. Но теперь уже признают, что Каррье, как он сам сказал, был всего лишь рабочим инструментом, второстепенным винтиком, одним из множества таких винтиков, сменявших друг друга. Но теперь уже ясно, а вскоре станет еще яснее, что этому орудию истребления предшествовала длинная череда других, столь же убийственных орудий, от которых он получил импульс почти такой же, что и от центральной власти; последняя направила первых своих представителей по пути убийств, и это предопределило для Каррье, который всего лишь их сменил, ужасную необходимость следовать по их стопам. Не надо поэтому удивляться, что я не сразу перехожу к индивидуальным деяниям и преступлениям Каррье. Я считаю, что пишу определенный раздел истории, ибо история моего жуткого героя должна занять видное место в трагической части летописи Республики. Но тот, кто предлагает вниманию читателя всего лишь фрагмент истории, должен ради того, чтобы сделать свой рассказ не только интересным, но и понятным, описать и все то, с чем тесно связаны изображаемые им события. Расска-

---

Больше всего я осуждаю, и в этом, полагаю, многие со мной согласны, именно эту часть их системы. Помимо того, что я не разделяю их мнения, будто нашей сельскохозяйственной продукции когда-либо не хватало для удовлетворения потребностей всех жителей Франции, я, вдобавок, в вопросе об уничтожении населения остаюсь человеком с предрассудками. Не всем дано достигнуть уровня Максимилиана Робеспьера. Я полагаю, что даже если бы было установлено, что продовольственные ресурсы какой-либо нации недостаточны для пропитания всех ее членов, — то и в таком случае простые законы природы предписывают не уничтожение населения, а сокращение доли каждого из членов этой нации, дабы равным образом удовлетворить потребности всех. Мне известно, что Платон, Мабли, Монтескье и некоторые другие предвидели возможность того, что численность населения может превзойти ресурсы страны. Но ни один из них не имел дерзости предлагать хладнокровное истребление той части, которая обременяет государство. Они не закрывают глаза на то, что это может причинить значительный ущерб общему благоденствию. Но они рекомендуют только колонизацию отдаленных территорий или другие более или менее схожие средства для устранения зла в настоящем времени и ни в чем не нарушающие естественных законов политические меры для предотвращения подобных опасностей в будущем. Этот вопрос, о котором Робеспьер, к нашему несчастью, много думал и плохо придумал, заслуживает, однако, полного внимания членов сената, и тот, кто не захочет над ним задуматься, не является законодателем.

зывать только о совершенных Каррье ужасах, не говоря о том, как и где они были ему внушены, значит уподобиться ленивому отцу, предоставляющему своему юному сыну изумляться при виде шевелящихся листьев на деревьях, но не дающему себе труда объяснить ему, что существует ветер и что только его сила и создает это бурное движение. Священники! Вы также указывали причины всего того, что вам угодно было называть дурными поступками; для вас это было обычно либо прямое внушение лукавого, либо его косвенное внушение посредством дурных примеров. Здесь тоже надлежит признать наличие прямого и косвенного внушения сил мрака, направляющих народоубийственные действия Каррье и компании. Таким образом, мы в качестве строгого и совершенно свободного историка серьезно исследуем вопрос о том, был ли Каррье виновником или только соучастником, или, вернее, мы нарисуем галерею портретов, в которой постараемся показать вдохновителей и зачинщиков преступлений, совершенных в Вандее, а также их помощников и соучастников; показать, какие это были преступления, их обстоятельства, их характер и число, являются ли они частью некоей системы всеобщего истребления, была ли поставлена задача перебить одних руками других и одинаково ли удовлетворяло носителей власти видеть истребление французской католической армии и истребление французской республиканской армии. Мы отметим, какое место занимал Каррье во всем этом.

Параграф V [3*]. Подтверждение предыдущего параграфа. Множество жестокостей, учиненных в Вандее до Каррье. Нравы и характер вандейцев. Как легко было бы потушить войну там в самом начале. Свидетельство Филиппо, Шудье, Камилла Демулена, Дюбуа-Крансе и Лекинио

Все имеющиеся у нас рассказы о характере и нравах обитателей восставших департаментов, которые объединяют под общим наименованием Вандея, единодушно изображают нам сельских жителей, простых, добрых, человечных, весьма близких к природе и, следовательно, вполне способных проникнуться принципами свободы, если бы ум их не был под властью двух суеверий — почтения к церкви и к дворянам, что делает их жертвами, а не преступниками.

Многие считают также, что, если бы, несмотря на неблагоприятное влияние этих двух факторов, проповедь республиканизма осуществлялась должным образом, было бы нетрудно снять с глаз этих заблуждающихся людей повязку, мешавшую им видеть. Но можно ли считать, что этот несчастный край действительно намеревались обратить в демократическую веру, коль

[3*] *В оригинале ошибочно стоит цифра IV.*

скоро мы видим, что ее там проповедовали точно так же, как некогда в Мексике веру в Христа? Если бы какой-нибудь Рейналь[46] сопоставил поведение свирепых испанцев в отношении перуанцев с поведением наших бесноватых французов в отношении их братьев в Вандее, нашел бы он какую-либо разницу? Варварская жестокость с одной стороны, жестокое варварство — с другой. Там с распятием в одной руке и кинжалом в другой к людям, никогда не слышавшим об Иисусе Галилеянине, обращались со словами: «Признай в нем бога, или я тебя убью». Здесь с национальной кокардой в одной руке и тоже с оружием в другой к людям, никогда раньше не имевшим представления о свободе, обращались с кратким предупреждением: «Поверь в три цвета, или я тебя зарежу». Изменились лишь декорации и названия масок, но существо обеих ситуаций совершенно одинаково. Да что я говорю? Это не так. . . . У нас никто не мог спасти свою жизнь, склонившись перед тем, чего он не понимал, и отрекаясь от тех, кого под страхом вечных мук он обязан был считать законными владыками на небе и земле. Никто не обещал, что каждый, кто сложит оружие и обратится в новую веру, будет принят в лоно Республики. Нет, приказано было всех убивать, все жечь. В этом крае, объявленном мятежным, никто уж не считался и не мог считаться преданным Республике или способным стать таковым. «Я патриот, и я вам это докажу», — говорил какой-нибудь честный и несчастный вандеец. — «Тем хуже для тебя, — отвечал ему трехцветный разбойник, которому не терпелось его ограбить, — ты живешь на проклятой земле, ты умрешь». И тут же в несчастного и мирного земледельца стреляют, он умирает у собственного очага; его смерть равноценна тысяче смертей, ибо она сопровождается раздирающим душу зрелищем того, как его жену заставляют разделить его судьбу, отдав ее сначала во власть скотской грубости их общих убийц... как его детей тоже убивают, подымая на штыки... как его дом становится добычей хищной алчности каннибалов и в конце концов предается огню, в котором он испустит свой последний вздох. Какая душераздирающая картина! Этому нельзя было бы поверить, если мы не подтвердили бы этого точными и подлинными фактами. Надо выполнить этот труд. Надо полностью сорвать ту завесу, которая до сего времени не позволяла обнаружить, что восстание в Вандее произошло только потому, что подлые правители хотели этого. Их страшный план предусматривал, что, пока всю нацию в различных частях страны будут пропалывать, полностью будет выкошена эта область, которая по своей красоте и своей производительности предоставит большие возможности для организации первых новых аграрных поселений[47].

Просмотрим еще раз различные сообщения о характере обитателей этой восьмой части Республики, почти полностью истребленных, о причинах мнимого восстания и о поведении, предписанном правителями своим воинственным подчиненным для подав-

ления того, что поначалу было лишь легким возбуждением, и мы придем к выводу, что, пожалуй, я был прав, написав в другом месте: чтобы окончить эту войну, достаточно было только послать отряды миссионеров — апостолов свободы, способных показать всю притягательную силу нашей доктрины, и они без всякого кровопролития легко привлекли бы на нашу сторону население этих мест, которое было всего лишь введено в заблуждение несколькими шайками лжецов.

Перечитайте весь доклад Филиппо. Хотя он уделяет главное внимание доказательству той стороны злодейской деятельности наших политических заправил, которая заключается в истреблении наших национальных батальонов руками мятежников, этот достопамятный и благородный мученик неоднократно дает понять, что, по его глубокому убеждению, было бы чрезвычайно легко избежать также и пролития крови многочисленных жертв заблуждений и безумия и что эту страшную войну вполне можно было предотвратить средствами, столь же простыми, сколь, несомненно, эффективными. В его замечаниях легко можно найти полудоказательства, которые, однако, стоят законченных доказательств, относительно замыслов и проектов комитетов общественной тирании и общего угнетения, направленных на создание, расширение и поддержание этого страшного внутреннего рака.

Шудье, страстный оппонент и главный преследователь только что цитированного мною зоркого и преданного человеколюбца, в своем докладе о Вандее, хотя и очень искусно составленном, оказался не в состоянии опровергнуть этот важный факт. В своей первой части этот доклад может вызвать большое доверие, так как здесь содержатся признания, продиктованные необходимостью не выглядеть лжецом по каждому поводу. Вот эти признания:

«Что революция никогда не проникала в области бывших провинций Пуату и Бретань, которые затем стали главной ареной военных действий, известных под названием войны в Вандее. Что по беспечности или порочности административных органов даже законы времен Учредительного собрания о дворянстве и о духовенстве исполнялись там весьма приблизительно, и только с огромными трудностями удалось добиться видимости подчинения им. Что жители этих областей, погруженные в глубочайшее невежество и лишенные всякой связи между собой из-за отсутствия проезжих дорог, оставались в порабощении у дворян и священников посреди свободной Франции».

«Что обе эти разновидности беспощадных врагов свободы обратили против нее все свое гибельное влияние; они употребляли всякого рода средства, чтобы поддержать и расширить это влияние. Вскоре дало себя чувствовать глухое брожение, общее недовольство... зло разрасталось все более и более; наконец, стало невозможно скрывать его, и Учредительное собрание к концу своих заседаний было осведомлено о нем».

«Что средство, которое оно применило для исцеления, не могло дать желаемого результата: оно поручило королю послать в эти области гражданских комиссаров, чтобы они приняли меры, которые сочтут необходимыми, для восстановления общественного спокойствия».

«Что эта миссия была возложена на Жансонне[48] совместно с неким Галлуа; и что предатель Дюмурье должен был возглавить войска, которые якобы должны были противостоять зарождавшемуся мятежу».

«Что эти комиссары объездили города и села как подлинные посланцы короля. Что вместо того чтобы распространять вокруг себя свет, открыть глаза этим несчастным фанатикам, разоблачить и покарать обманывавших их негодяев, они придали их преступным заблуждениям новый размах и способствовали росту насилия; они в торжественной форме одобрили их преступное сопротивление исполнению законов[4*] и обещали им, как можно видеть из доклада Жансонне и Галлуа Законодательному собранию, что это сопротивление будет одобрено представителями нации».

«Что Законодательное собрание было слишком слабым, чтобы в подобных обстоятельствах принять те энергичные меры, которые требовались для спасения свободы. Оно смешало это важное дело с жалобами на неприсягнувших священников, которые оно получало ежедневно, и больше им специально не занималось».

«Между тем, — продолжает докладчик Шудье, — объединившиеся священники и дворяне не теряли ни одного мгновения. Постепенно им удалось приобрести власть над всеми умами...

[4*] Довольно странно, что Шудье признает здесь, как и мы, что самое верное и главное средство из тех, которые комиссары Учредительного собрания должны были применить для восстановления порядка в Вандее, было распространять там свет, открыть глаза жителям, которых считают только несчастными, потому что их фанатизировали, разоблачить и покарать обманывавших их негодяев; довольно странно, говорю я, что такого поведения должны были бы придерживаться два национальных собрания, предшествовавшие Конвенту, но он ничего не говорит о том, что сам Конвент должен был бы тоже следовать этому курсу; что Шудье в том же докладе высмеивает «республиканский катехизис», который добрый Филиппо задумал сочинить для несчастной Вандеи. Затем, коль скоро говорится, что комиссары Жансонне и Галлуа придали преступным заблуждениям мятежников новый размах и способствовали росту насилия, я спрашиваю, не была ли эта система, быть может по другим причинам, продолжена Конвентом? Мы сможем это доказать. Наконец, я спрашиваю, не было ли ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОДОБРЕНИЕ преступного сопротивления исполнению законов заменено другими средствами, столь же способными воспрепятствовать уменьшению этого сопротивления и, наоборот, содействующими его постепенному росту? Продолжение нашего исследования поможет выяснить этот вопрос.

Они не пренебрегли ни одним из средств, способных подкрепить и расширить их замыслы, в соответствии с которыми несколько небольших мятежей, вспыхивавших от времени до времени, были лишь прелюдией к более широкому взрыву в июле 1792 г. в части департаментов Вандея, Дё-Севр и Мен-и-Луара. Но, чтобы потушить этот первый крупный пожар, достаточно было энергии одних только патриотов этих самых департаментов[5*]; им удалось рассеять мятежников во всех местах их сосредоточения. Они одержали особенно значительную победу в Брессюире[49], где взяли в плен бóльшую часть руководителей этого дьявольского заговора и предали их суду уголовного трибунала департамента Дё-Севр, заседающего в Ниоре.

Несколько безвестных людей были казнены; все остальные, всего около 300, среди них множество бывших дворян, были оправданы и снова получили возможность строить заговоры на гибель родине.

Они еще активнее принялись разрабатывать свои проекты и постарались получше все устроить. Они находили сообщников во всех соседних департаментах, и особенно в департаментах бывшей Бретани. Тогда-то и возник знаменитый заговор ла Руери[50], охвативший почти все западное побережье Республики и бóльшую часть соседних департаментов; раскрытие этого заговора (говорит Шудье) предотвратило неисчислимые бедствия».

Далее докладчик обвиняет Законодательное собрание в слабости и упрекает его в том, что оно не сумело для удаления этой политической опухоли принять ни одной из *великих революционных мер*, которые впоследствии гений Конвента[6*] смог изобрести для счастья человечества и для национального преуспеяния.

Шудье переходит ко времени возникновения Конвента. Он возлагает на жирондистскую партию, на эмиссаров Ролана и его тлетворные писания ответственность за инертность и видимое безразличие, с которыми Конвент относился к волнениям в Вандее вплоть до начала марта 1793 г., когда эти волнения достигли такого уровня, что их зачинщикам вместе со своими сторонниками удалось овладеть несколькими городами, захватить много пушек и ружей, значительно увеличить число своих приверженцев, а затем угрожать таким городам, как Нант, Анже, Сомюр, Фонтене и Ле-Сабль, и провозгласить во всеуслышание свой манифест, направленный к восстановлению *короля, дворянства и духовенства*.

5* Стало быть, имелось еще в этих департаментах здоровое ядро патриотов? Какие преимущества можно было бы из этого извлечь! А что было сделано в действительности? Впоследствии со всеми обращались как с мятежниками. Это одно из тысячи доказательств того, что для данной области имелась лишь одна система — уничтожение ее населения.

6* Или, если угодно, гений правящей клики.

Конвент принял тогда закон о наборе 300 тыс. человек [7*] и назначил из своей среды комиссаров для руководства тем, что с того времени стали называть войной в Вандее. Патриоты вначале потерпели ряд неудач, ответственность за которые они с полным основанием возлагали на злую волю правительства, в то время находившегося в руках федералистов, которых недаром подозревали в том, что они считали полезным вандейское восстание, как движение, направленное против принципов единства и неделимости. Такое политическое объяснение внушает мне больше доверия, чем то, которым отдельные лица хотели бы почтить оба комитета общей обороны, состоявшие из Бриссо, Жансонне, Руйе, Гаде, Фонфреда, Пеньера, Бюзо, Дефермона, Инара, Кондорсе, Ласурса, Петиона, Барбару, Верньо и Дульсе (маркиз де Понтекулан) [51], объясняя их молчание в ответ на требование отправить необходимые подкрепления солдатам, сражающимся в Вандее, тем, что они якобы были воодушевлены прекрасным стремлением избежать пролития крови несчастных вандейцев.

Несмотря на те замечания, которые я уже сделал относительно всей этой части исторического обзора Шудье, я считаю ее во всем остальном очень точной и соответствующей истине. Я уже сказал об этом. Чтобы заставить поверить в лживый рассказ, содержащийся в последней части, начинающейся с событий 31 мая, дня, когда партия монтаньяров стала всемогущей, надо было сначала продемонстрировать свою искренность, и это можно было сделать без всякого риска, поскольку в интересы правящей партии входило чернить все, что было до нее — со времен Учредительного собрания и до жирондистов включительно. Но что касается событий после 31 мая, то здесь он прилагает свое умение и силы, чтобы скрыть всю чудовищность ужасной вандейской войны, чтобы приглушить тот частичный свет, который Филиппо пролил на это дело, исходя из человечного и патриотического желания осветить эту адскую тайну монтаньярского правительства, которое, в отличие от своих предшественников, не колеблясь, послало в Вандею столько войск, сколько от него потребовали, и ловко воспользовалось этим обстоятельством, чтобы приписать себе самые честные намерения; оно, следовательно, набирало тысячи людей во всех частях Франции и отправляло их в Вандею,

---

[7*] Я помню, что, когда в Париже объявили набор армии для похода в Вандею, было сказано, будто это делается для того, *чтобы прийти на помощь нашим братьям в Вандее*, честным патриотам этого департамента, которых угнетали шайки разбойников. Когда хотят привести народ в движение, всегда выдвигают самые достойные уважения мотивы, ибо знают, что народ добродетелен, что он начнет действовать только ради того, что он считает правым делом. Разве народ пошел бы в армию, если бы знал разгадку тайны, если бы ему сказали, что это делается для того, чтобы истребить и сжечь несколько департаментов Франции? Разве он пошел бы в армию, если бы ему дали понять, что это делается ради того, чтобы истребить его самого, чтобы сделать его сначала палачом, а потом жертвой?

чтобы эта бездонная пропасть поглотила их; оно так руководило военными действиями, что одна и та же грозная артиллерия, пушки из тысячи арсеналов, переходила поочередно от армии атакующей к армии атакуемой, сея смерть среди бесчисленных фаланг, сражавшихся с обеих сторон. И в том, и в другом случае гибли французы: так не все ли равно было изобретателям этой отвратительной системы, на чьей стороне падали жертвы... Но Шудье находит способ все это завуалировать. Те генералы, которых Филиппо обвинил в том, что они открыто сотни раз отдавали противнику наше оружие, наши пушки, наши боевые припасы и наших людей, с точки зрения Шудье, вели себя наилучшим образом; те, чьим заслугам Филиппо воздавал должное, по мнению Шудье, покрыли себя позором; мы почти всегда побеждали и очень редко терпели поражение; а что касается поголовного истребления жителей двух или трех бывших провинций, поджогов и полного разрушения жилищ, разнузданного грабежа и других ужасов, чинимых французскими солдатами в этих несчастных французских областях, то все это изображается чем-то совершенно простым и естественным... Настолько естественным, что сами генералы в донесениях о своих воинских подвигах называют среди трофеев предметы, которые могли быть получены только в результате скандальных грабежей, бесстыдно чинимых всей республиканской армией, своим поведением давшей основание патриотам, жившим в тех местах, где шла война, говорить, что проход армии мятежников для них в тысячу раз предпочтительнее, потому что те уважают собственность, тогда как национальные отряды бесчеловечно грабят и патриотов, и аристократов, совершают в домах тех и других всякого рода эксцессы и в лучшем случае оставляют своим жертвам только глаза, чтобы оплакивать свои несчастья. Как я только что сказал, это в точности подтверждается собственными донесениями генералов Республики. Достаточно обратиться к сочинению, озаглавленному «Кампания Вестермана». В конце его можно прочесть следующую страшную фразу: «Таким образом, армия разбойников, насчитывавшая 22 фримера под Ле-Маном от 80 тыс. до 90 тыс. человек, была полностью уничтожена в течение 12 дней, благодаря изобретательности и мужеству солдат Республики, и все они, так сказать, взяли огромную добычу, оставшуюся после врагов Республики».

Эти слова, сами по себе подтверждающие, что солдаты пользовались узаконенным правом самого неограниченного грабежа, не расходятся с доказательствами, которые мы вскоре представим, что этим правом не были обойдены и генералы. Чтобы превратить злейшие преступления в повод для восхвалений, надо самому быть в них заинтересованным. Но чего только гнусный дух войны не сумеет оправдать? Хотя иногда война и неизбежна, в силу одной лишь необходимости защиты от нападения, однако, поскольку ее принципы допускают и оправдывают любые преступ-

ления, я говорю, что те, кто ее ведет, не нуждаются ни в какой морали. Потому смехотворны уверения тех, кто, вспоминая о Вестермане, говорит, что он был попросту безнравственным человеком. Наоборот, когда в своей «Вандейской кампании» он сообщает, как о великих подвигах, об экспедициях в духе Каррье (в свое время мы расскажем о них), он выглядит в моих глазах весьма совершенным военным, и он кажется мне уж вовсе великим человеком, когда, привлеченный к суду революционного трибунала и слушая чтение обвинительного акта, он при слове «заговорщик» гордо встает и, разрывая на себе одежду, восклицает: «Я — заговорщик? Я требую, чтобы меня раздели догола перед народом. Я имею семь ран спереди. У меня только одна рана сзади, это и есть мой обвинительный акт».

А ведь когда военные действия, как внутри страны, так и вне ее, только начинались, мы, судя по всему, намеревались вести только философские войны и побеждать народы привлекательным человеколюбием наших принципов; и так глубока была наша вера в увлекательную и неотразимую силу свободы, что мы заранее были уверены в полном успехе нашей апостольской миссии. Шудье, на стр. 3, говоря о первых посланцах Учредительного собрания в Вандее, обвиняет их в том, что они не действовали исключительно в соответствии с этим планом. «Надлежало, — говорит он, — только распространять среди них свет, открыть этим несчастным фанатикам глаза, разоблачить и покарать негодяев, которые их обманывали». Но, еще раз повторяю, почему же не всегда придерживались этой системы? Потому ли, что ее признали недостаточной? По-видимому, нет. До измены Дюмурье мы за пределами нашей страны творили настоящие чудеса, даже далеко не совершенным образом пользуясь пропагандой. Хотя правителям угодно изображать наших братьев грубыми и суеверными, мы наверняка привели бы их еще легче, чем иностранцев, в лоно свободы. Ведь они сумели проводить в отношении нас именно такую благотворную политику, а это доказывает, что и сами они способны были бы ее понять, если мы поступали бы так же в отношении их. Сам Шудье сообщает нам на стр. 17, насколько они были далеки от нашего каннибализма.

«По отношению к нашим пленным, — заявляет он, — они подчеркнуто проявляли ложную гуманность; они делали все, чтобы привлечь их на свою сторону. Часто они их отсылали к нам, после того как просто брали с них слово не поднимать оружия против религии и короля. Тем самым они достигали двойной цели: во-первых, они приобретали в нашей среде новые связи и новых сторонников; во-вторых, у слабых людей пропадал страх попасть к ним в руки, и это расшатывало их стойкость». Что ж, мы достигли бы таких же преимуществ, если бы придерживались такого же поведения. Больше того, взаимная гуманность смягчила бы характеры обеих сторон: это было бы подготовкой

к тому, чтобы начать понимать друг друга, и, конечно, немного времени понадобилось бы для того, чтобы прийти к соглашению, что для французов взаимно истреблять друг друга и превращать в пепел огромные пространства своей собственной страны — это ужас и безумие. Правда, Шудье уверяет, что из сказанного им не следует делать слишком оптимистических выводов, потому что, добавляет он, вандейцы «не всегда прибегали к этой политике, и во многих случаях они расстреливали большое число республиканцев; что другим республиканцам пришлось выносить в течение целых месяцев муки голода и жажды, всякого рода лишения и грубое обращение; что нельзя было без дрожи ужаса смотреть на тех, кто был освобожден в Шатийоне, Шоле и Сен-Флоране». Но я спрашиваю себя, не была ли эта перемена политики вызвана нами; не были ли это просто репрессии в ответ на нашу повсеместную систему истребления, грабежа, поджогов, опустошения и ужасов?..

Несколько слов, сказанных Дюбуа-Крансе [52] о Вандее, подобны тому, что сказал Тацит о галлах [53]. Одна эта фраза стоит целых томов. Говоря о характере несчастных жителей этой страны, он жестоко высмеивает тех, кто утверждал, будто с ними ничего нельзя было поделать иначе, как убивая их. «Это были, — говорит он, — самые гостеприимные люди, каких я когда-либо видел; они прекрасно понимали доводы справедливости и разума, если эти доводы приводились им с кротостью и человечностью». Гнусные убийцы! Эти слова — страшный приговор вам. Достанет ли в ваших жилах крови, чтобы заплатить за всю ту, что вы так щедро проливали???..

Камилл Демулен тоже изложил свое мнение о вандейской войне и о характере людей, прискорбным образом введенных в заблуждение; на странице 72 своей «Истории бриссотинцев» [54] он в чересчур легкомысленном тоне пишет об этих людях, великое избиение которых в то время уже началось.

«Одно из преступлений Конвента состоит в том, что все еще не учреждены начальные школы. Если бы в деревнях в кресле священника сидел присланный нацией учитель и разъяснял бы права человека и альманах отца Жерара (издаваемый Колло, как все хорошо помнят), то уже давно исчезли бы среди жителей Нижней Бретани наросты суеверий, эта парша человеческого духа; и в наше просвещенное время среди нашей просвещенной нации не возникло бы это странное явление — погруженные в тьму невежества Вандея, Кемпер, Корантен и Ланжюине, где крестьяне обращаются к вашим комиссарам со словами: «Скорее гильотинируйте меня, чтобы я мог воскреснуть через три дня». Такие люди позорят гильотину, как некогда виселицу позорили собаки, взятые с контрабандой, которых вешали вместе с их хозяевами. Я не понимаю, как можно серьезно приговаривать к смерти этих животных с человеческими лицами; за ними можно только гоняться не как на войне, а как на охоте; а что касается тех, кого мы бе-

рем в плен, то при нехватке продовольствия, от которой мы страдаем, самое лучшее было бы обменять их на их же быков из Пуату».

Камилл умел красиво излагать неверные суждения. Ум его шел кривыми путями, хотя душа была пряма. Правильно говорят о нем сейчас, что он был неспособен стать заговорщиком. Он не умел согласовать двух политических идей, и его это мало заботило. Он охотно приносил здравый смысл в жертву трем страстям, которые владели им, когда он писал. Одна его страсть была выглядеть лучшим из патриотов, каким он и был в действительности; другая — казаться кладезем эрудиции и памяти; третья — вставлять не менее четырех каламбуров в каждую фразу. Но, несмотря на эти крайности, свойственные молодости, в том, что он писал, можно было найти множество полезных истин, потому что намерения его были совершенно чисты. Если подвергнуть анализу только что приведенный мною отрывок, то на дне тигеля мы найдем три такие полезные истины, подтверждающие наше мнение о том, что́ в принципе следовало бы сделать для Вандеи. Первая истина сводится к тому, что просвещения было бы достаточно, чтобы обратить в республиканскую веру этот прекрасный край. Вторая, говоря словами самого Демулена: *одно из преступлений Конвента* в том, что он не пошел по этому пути, а предпочел всеобщий пожар и *бойню*. Третья истина заключается в том, что, коль скоро этим путем пренебрегли, несчастных, которые из-за этого не могли противостоять хлынувшему на них потоку заблуждений, нельзя было обрекать на смерть. Напротив, с точки зрения морали и философии смертная казнь в данном случае санкционировала чудовищный факт: управляемых наказывали за ошибки правителей. Но сколько среди этих истин, порожденных открытой душой Камилла, необдуманных слов и опасных противоречий! «Одного учителя на каждую коммуну и учения отца Жерара, придуманного Колло, было бы достаточно, чтобы рассеять мрак невежества, повергший Вандею в бездну гибели... эти несчастные слепцы, низвергающиеся в пропасть, которые гибнут, думая, что идут к блаженному бессмертию, позорят гильотину... я не понимаю, как можно серьезно приговаривать к смерти этих животных с человеческими лицами...» Вот какие вещи говорит, с одной стороны, автор «Истории бриссотинцев». И в той же фразе можно прочитать, что поскольку им (этим животным с человеческими лицами) не открыли доступа к учению Колло-человеколюбца, то надо им дать вкусить от учения Колло-картечи. «...За ними можно только гоняться не как на войне, а как на охоте; а что касается тех, кого мы берем в плен, то при нехватке продовольствия, от которой мы страдаем, самое лучшее было бы обменять их на их же быков из Пуату». Я уверен в том, что сердце Камилла не причастно к такого рода заключениям; что ему только хотелось острить, как он всегда это делал; и что к тому же его понятия не могли быть намного выше

уровня тогдашнего общественного мнения; хотя все же некоторый оттенок человеколюбия (особенно заметный на фоне системы всеобщей резни, которая была принята) примешивается к народоубийственной наглости последней части последней фразы, приведенной выше. Я отмечаю эти расхождения, потому что, когда речь идет о таком деле, как Вандея, и о таком человеке, как Камилл, мнения которого имели определенный вес, можно было бы думать, что и это мнение могло в какой-то степени повлиять на решение о переходе к чудовищно суровым действиям в западных департаментах; и потому, хотя мы ни в чем не обвиняем автора этого суждения и не хотим чернить его память, оно имеет прямое отношение к печальной истории Вандеи. Бедный Камилл! Как он был неправ, не проявляя полной снисходительности к тем, кто заблуждался. Он хотел, чтобы за сотней тысяч несчастных охотились только потому, что правительство не дало им альманаха отца Жерара, но не видел того, что его собственный отец, предоставивший ему возможность учиться всю жизнь, достиг лишь того, что сделал его ходячей энциклопедией всеобщей истории, неистощимым сочинителем эпиграмм и остроумным болтуном.

Перехожу к последнему свидетельскому показанию, к свидетельству Лекинио.

В недавно опубликованном им сочинении под заглавием «Вандейская война и шуаны» он, на мой взгляд, очень хорошо говорит о причинах и еще лучше — о последствиях этой войны и о том, какими средствами можно было бы ее предотвратить или погасить. Я нашел в его сообщении сведения, которые до него, как я полагаю, были скрыты и неизвестны. Он рассказывает не только как сторонний наблюдатель, но и как участник этой, увы, слишком продолжительной и наиболее кровавой из всех известных трагедий. Он показывает, что способен правильно связать между собой все действия и выявить, как они вытекают одно из другого вплоть до развязки, пришедшей вместе с Каррье; Лекинио несколько ослабляет внушаемый этим человеком ужас, доказывая, что к моменту его появления система истребления и полного разрушения была уже установлена и для ее воплощения в жизнь необходима была только рука, способная превзойти в преступлениях великих злодеев всех веков. Читая Лекинио, жалеешь лишь о том, что та откровенная простота, с которой он описывает собственные дела, позволяет увидеть в нем человека, грешившего отнюдь не по неведению, человека, который хорошо понимал, что надо делать, но не делал этого.

Этот повествователь, установив, «что пропаганда свободы, что просвещение общественного сознания проповедями в духе братства, откровенности и простоты были бы средствами неотразимыми и гораздо более сильными, чем войска, что эти средства позволили бы избежать потоков человеческой крови и миллионных расходов, если бы эта истина была понята», после того, повторяю,

как он установил и изложил эту истину, Лекинио хладнокровно рассказывает, как, будучи послан с миссией в Вандею, сам он не следовал ей; он рассказывает, как, будучи покорным слугою правительственных комитетов, он сумел сразу же отложить в сторону свое человеколюбие, проявлял жестокость в угоду им и, увы! нельзя об этом умолчать, сам стал чем-то вроде Каррье в миниатюре... В миниатюре! Не знаю, правильно ли я выражаюсь, читатель скоро сам решит. О, если бы можно было умолчать об этой ужасной правде! Но строгий долг историка не позволяет этого. Пусть она послужит только нашему будущему просвещению, а не для возмездия тем, кто тяжко виноват перед народом. Пусть народ, который велик во всем, простит им, и да будет он счастлив, пользуясь всеми своими правами. Довольно пролито крови, надо когда-нибудь кончить это. Чем скорее мы это сделаем, тем скорее, я думаю, мы сумеем вкусить счастья!

Забудем о грехах людей и посмотрим, что они сделали и еще могут сделать для нашей пользы.

«Доказано, — говорит Лекинио, — что война в Вандее издавна занимала огромное место в замыслах подлых заговорщиков, недавно сраженных мечом закона; и что если они сами не подготовили ее вначале, то во всяком случае они старательно и настойчиво поддерживали ее, прибегая для этого ко всем средствам, которые узурпированное ими доверие давало им в руки...»

«Робеспьер был душою всех этих беспорядков».

А вот в каком духе автор в дальнейшем анализирует причины этой войны, ее ход и серьезные ошибки, продлившие ее.

«Главные причины этой злосчастной войны известны: 1) невежество, фанатизм и порабощенность сельского населения; 2) спесь, богатство и коварство бывших дворян; 3) подлость и лицемерие духовенства; 4) слабость властей, личные интересы администраторов и их преступные послабления своим родственникам, своим арендаторам или своим друзьям.

Из всех этих причин первая, бесспорно, самая действенная, а между тем ее легко было уничтожить.

Было два средства для ее уничтожения.

Первое заключалось в том, чтобы посылать патриотов, столь же пылких, сколь мудрых и выдержанных, проповедовать в деревнях, излагать там принципы политической и нравственной философии, нести свет в умы и зажигать патриотический огонь в сердцах.

Второе средство состояло в выполнении этой задачи посредством соответствующих прокламаций, составленных в простом стиле и тем более способных оказать большое воздействие, что к изложенным в них идеям можно обращаться снова и снова — преимущество, которого не достает искусству устной речи.

Было и третье, которое могло бы состоять в организации патриотических праздников и в использовании всяких вспомогательных мер, способных сделать революцию привлекательной для

народа; вместе с двумя первыми средствами оно содействовало бы формированию общественного духа.

Всеми этими средствами пренебрегли.

Как говорят, из-за того, что трудно было найти людей, подходящих для выполнения такой важной миссии [8*].

А также по причине отдаленности этих областей от центра политических движений [9*] и больше всего потому, что Национальное собрание пребывало в неведении о положении дел в этих районах и допустило там некоторый недосмотр, будучи отвлечено делами чрезвычайной важности.

Сочетание всех этих причин привело к восстанию, которое, несомненно, было поначалу непосредственным результатом подлинного заговора дворян и духовенства.

Так как образовалось определенное прочное ядро католической армии, решено было со своей стороны сформировать армию, чтобы его уничтожить.

Генералы республиканской армии с первых же дней увидели в этой войне возможности для обогащения и удовлетворения личных интересов.

Их огромное жалованье и предоставленные в их распоряжение фонды на чрезвычайные расходы превратили для них эту войну в своего рода статью дохода, и они всячески старались, чтобы война длилась как можно дольше.

Они рассчитывали на несомненные и огромные доходы от захватов и грабежа.

8* Плохи дела Республики в таком случае. А ведь сумели без труда найти людей для выполнения миссии все истребить, все разграбить, все сжечь.

9* Эта трудность тоже перестала быть препятствием, когда решили послать туда полки убийц!

Я отнюдь не нападаю на наших бравых санкюлотов. Они были слепым орудием злодейства правителей. Подобно их братьям из Вандеи, они были жертвами заблуждений. Два заблуждения взаимно истребляли друг друга. Оба заблуждения поддерживались, дабы это взаимное истребление было доведено до конца. Французам из католической армии внушали, что их братья, французы-республиканцы, — чудовища, ненавидящие все, что есть самого святого для людей, т. е. религию и представителей бога на земле. Французам из республиканской армии внушали, что французы Вандеи — вообще не французы; что они чудовища, потому что не понимают, что́ такое Республика, а ведь им никто этого не объяснил, и, наоборот, все было сделано, чтобы убедить их, будто это самое страшное, что только есть на свете. В истории наций мы видим, как главари сект заставляют народы грызться друг с другом из-за убеждений. Они, конечно, преступны; но, по крайней мере, каждый из них посылает своих людей воевать только ради того, чтобы обеспечить превосходство своей системы и дать своей секте господство над той, с которой она воюет. Нашим правителям дано было судьбой превзойти все народоубийственные безобразия священников. Здесь на одну и ту же нацию дышат то холодом, то жаром. Один и тот же народ делят на две партии, чтобы они взаимно истребляли друг друга во имя достижения еще неслыханной ранее подлой политической цели — прополоть род человеческий!

Они поощряли и других заниматься грабежом, дабы покрыть свои собственные грабительские дела, а также приобрести любовь и даже своего рода обожание солдат, сделать их своими сообщниками и тем самым гарантировать себя от разоблачений.

Грабеж был доведен до предела: вместо того чтобы думать о том, что именно надлежало еще сделать, военные заботились лишь о том, чтобы потуже набить свои карманы и как можно дольше вести столь выгодную для них войну. Многие простые солдаты приобрели по 50 тыс. франков и более; некоторые из них были увешаны драгоценностями и расходовали деньги с чудовищной расточительностью.

Жадное стремление захватить как можно больше добычи породило роковую беспечность, неизбежным результатом которой было истребление сторожевого охранения, а вслед за тем неожиданное нападение на основные силы и обращение их в бегство.

Привычка грабить так распространилась и укрепилась, что жертвой грабежа оказывались даже патриоты, чье имущество довольно часто становилось добычей людей, посланных, чтобы их защищать [10*].

Что касается дров, домашней птицы и всех прочих мелких вещей, то наши солдаты всюду их забирали и по сей день забирают, в том числе и у патриотов (однако автор замечает здесь, что он с полной уверенностью может об этом говорить только в отношении событий вантоза II года), и к их распущенности относились терпимо, потому что, как я уже отмечал, генералы рассчитывали на нее, как на гарантию того, что их собственная бездарность и подлость останутся безнаказанными.

Преступные действия не ограничивались грабежом; насилие и самое крайнее варварство чинились повсюду. Солдаты Республики насиловали женщин-мятежниц на камнях, сваленных вдоль больших дорог, а затем расстреливали их или закалывали. Можно было видеть солдат, вздевших грудных детей на острие штыка или пики, пронзившей одним ударом мать и ребенка. Мятежники не были единственными жертвами зверств солдат и офицеров; даже дочерей и жен патриотов зачастую *реквизировали*, был такой термин.

Все эти ужасы ожесточили людей и увеличили *число недовольных, вынужденных признать, что наши солдаты менее добродетельны, чем мятежники* [11*], из

[10*] Это правда, что, когда их отправляли в Вандею, наши солдаты думали, будто они идут защищать своих братьев, угнетаемых разбойниками. Повторяю, что именно таково было содержание распространенной в Париже прокламации. Если бы было сказано, что их посылают убивать, грабить и жечь, добродетель народа возмутилась бы. Народ всегда обманывают, взывая к его добродетели, и таким путем ведут его к самоуничтожению.

[11*] В самом деле, разве мятежники не оказались более добродетельными? О них никогда не говорили, что они допускали грабежи или эксцессы в местах, где шли военные действия. Их бродячие банды жили так же

которых многие, правда, совершали массовые убийства[12*], но их начальники всегда были достаточно политичны, чтобы проповедовать добродетели и часто изображать подчеркнутое снисхождение и великодушие по отношению к нашим военнопленным.

Длительность этой войны, затянувшейся по вышеуказанным причинам, вынудила Конвент принять суровые меры[13*]; эти меры применялись без разбора[14*] и производили действие прямо противоположное тому, на которое рассчитывали[15*]. Было решено расстреливать[16*], и расстреливали каждого встречного, всех, кто попадался под руку[17*]. Целые коммуны, приходившие сдаваться во главе со своими муниципальными должностными лицами в шарфах, встречали якобы брат-

---

скудно, как некогда орды галлов, по описанию Цезаря. Основные силы их армии содержались за счет взносов всех повстанцев и добычи, захваченной у нас. Эти средства существования не представляют собою почти ничего незаконного.

12* Кого они убивали? Армию, которая сама совершала массовые убийства, причем они действовали в порядке возмездия. Чувство, которое ими руководило, можно вполне понять.

13* Вот как обращается к властям человек, который себя бережет. То, что мы здесь цитируем, составляет часть доклада, с которым Лекинио выступил перед страшным Комитетом общественного спасения 12 жерминаля, т. е. тогда, когда малейшего дуновения было достаточно, чтобы погубить себя. Лекинио любит жизнь. Здесь он затрагивает весьма скользкую тему. Ему надо было бы сказать об исходящем от Комитета плане полного разрушения и о вытекающих из этого плана сокрушительных приказах об истреблении. Обратите внимание на то, как ловко и легко он обходит эту неописуемую мерзость. Он скромно прикрывает ее общим термином «суровые меры», подобно Бертрану Бареру, который назвал то же самое «несколько резкие меры». Эта чрезмерная осмотрительность моего автора меня настораживает. Я чувствую, что тут он стеснен и что правдивость рисуемой им картины может от этого сильно пострадать. Полагаю, что мне придется оживить чересчур слабые краски и с помощью своих комментариев восполнить пробелы в тексте.

14* Вернее будет сказать, что в таком разборе не было надобности, поскольку существовал план полного разрушения. Можно ли еще в этом сомневаться после таких беспощадных слов в прокламации Национального конвента от 1 октября 1793 г. (по старому стилю):

««ВСЕ вандейские разбойники должны быть истреблены до конца октября».

15* На что же рассчитывали? На общее истребление! И лишь немного не хватило, чтобы оно было осуществлено.

16* Прокламация от 1 октября.

17* Этого и требовала прокламация от 1 октября. Слова «было решено» означают, как легко можно понять, что многие придерживались такого мнения. Это вскоре будет еще более убедительно доказано фактами, и сам Лекинио окажется не последним среди этих людей. Когда появился Каррье, путь был уже открыт, и этот человек, который, пожалуй, и в самом деле является неким Александром среди убийц, начал действовать на этой кровавой арене лишь после целого ряда других, и, как я уже, кажется, говорил, он только их продолжатель.

ский прием, но их почти тут же расстреливали [18*] ... всадники, вооруженные и экипированные, приходившие по доброй воле, чтобы пополнить наши ряды, и проделавшие ради этого путь во много лье, расстреливались без пощады [19*] ... Такое обращение привело к тому, что все, кто поначалу заблуждался, но при другой линии поведения вернулся бы к порядку и спокойствию, впали в отчаяние, укрепились в своем заблуждении и решили возможно дороже продать свою жизнь, ожесточенно защищаясь [20*] ... Что касается множества людей, остававшихся поначалу верными Республике, то они оказались зажатыми между войсками мятежников и патриотами; они оставались в состоянии бездействия, что вызывало подозрения, и многие из них поэтому были преданы карающему мечу республиканцев; остальные кончили тем, что примкнули к мятежникам, чтобы избежать гнева как тех, так и других [21*].

Разоружение справедливо считалось необходимым, и разоружали без разбора патриотические коммуны, которые сами мужественно и стойко воевали с мятежниками [22*] ...

Как правило, армия патриотов совершенно не стремилась внушить любовь к тому делу, которое она защищала, и привлечь на свою сторону этот грубый народ, *который, однако же, гораздо легче привлечь, чем побороть* [23*].

Патриоты так плохо разбирались в обстановке, что, устраивая поджоги, из коих некоторые были, быть может, необходимы [24*], сожгли множество хлеба и фуража, как если бы им удалось полностью блокировать разбойников и как будто сжигать их продовольственные запасы не означало вынуждать их совершить обход, что так легко в открытой местности, чтобы похитить продовольствие в другом месте; а это приводило к новым опустоше-

---

18* Этого и требовала прокламация от 1 октября.

19* Этого и требовала прокламация от 1 октября.

20* Этого и требовала прокламация от 1 октября. Никого не стремились вернуть на правильный путь, а хотели *все истребить*, считая, что если энергия отчаяния сделает мятежников способными дорого продать свою жизнь, то тем лучше. Это будет означать широкое осуществление плана всеобщего уничтожения.

21* Таково было требование плана всеобщего уничтожения. Все средства были хороши, чтобы усилить недовольство и не оставить никакой возможности делать исключения из гибельного постановления о сожжении Содома и Гоморры.

22* Предыдущее примечание вполне применимо и здесь.

23* Но эта система была направлена не на то, чтобы кого-то привлечь, а на то, чтобы всех погубить. Ставили себе целью не сделать революцию привлекательной, а изобразить ее столь отвратительной, чтобы люди предпочитали ей смерть.

24* Законами, принятыми после прокламации 1 октября, было предписано сжигать все убежища разбойников, а также их пекарни и мельницы; для этого Западной армии были посланы большие запасы горючих веществ. Эти законы весьма логически вытекали из плана всеобщего уничтожения. Надо было угодить правительству, применяя его как можно шире.

ниям, к неизбежному росту армии мятежников, чьи силы всегда возрастали во время таких переходов, и в то же время лишало нас огромных ресурсов, которые могли быть использованы для снабжения патриотической армии во время ее передвижений... Во всяком случае, очень сомнительно, стоило ли жечь; в самом деле, сжечь хижину сельского хозяина — это значит порвать то, что всего сильнее связывает его с обществом, это значит заставить его уйти в леса и стать разбойником по необходимости [25*]... Сжечь жилье и станок ремесленника — значит лишить его всех ресурсов, порвать все, что связывает его с общественным порядком, и вынудить его также стать разбойником, чтобы выжить [26*]... То же самое относится и к скоту; его беспощадно забивали, и трупы животных без всякой пользы превращались в добычу собак и хищных зверей... Словом, кажется, что злая воля многих патриотов [27*] и необдуманные действия [28*] большинства так же, как и коварство врагов революции, сильнейшим образом способствовали продлению этой войны, которая столько раз казалась близкой к завершению, о которой никогда не было дано точного отчета Конвенту и относительно хода которой Республику так часто обманывали посредством хвастовства и даже грубой лжи, бесстыдно публикуемых в газетах».

Вот в каком духе Лекинио заканчивает свое описание причин вандейской войны и тех преступных ошибок, которые ее продлевали. Учитывая то хладнокровие, с которым он изображает страшнейшие картины и рассказывает о самых невыносимых ужасах, можно легко поверить, что он говорит правду, когда утверждает, будто 14 жерминаля прочитал этот доклад Комитету общественного спасения. Конечно, только с таким ледяным равнодушием можно было говорить этим разрушителям мира о событиях, заставивших облечься в траур саму природу. Достаточно уже того, что перед лицом этих хищников он с неодобрением отозвался об их системе огня и смерти [29*]. Но, погодите, если во всем вышеизложенном и есть кое-что, способное задеть убийц, считавшихся в то время сливками общества, то в той части речи Лекинио, которую он озаглавил «Способы завершить войну в Вандее», мы найдем предложения, достойные того, чтобы по-

---

25* Об этом хорошо знали правительственные комитеты, именно к этому они и стремились, и это отлично согласовывалось с их планом.

26* Предыдущее примечание применимо и здесь.

27* Если добавить «так называемых», то этот мнимый парадокс превращается в великую истину, которую наконец удалось обнаружить.

28* Надо бы сказать «сговор главарей и ослепление толпы, которому сильно способствовала жадность».

29* Я подозреваю, что слова, касающиеся «карманьол» Барера [55], вставлены в этот последний раздел позднее. Невозможно поверить, чтобы 14 жерминаля, в момент наибольшего возвышения деспота, кто-нибудь решился сказать ему прямо в лицо, что его доклады о Вандее были только хвастовством и грубой ложью, которая вводила в заблуждение всю Республику.

нравиться Комитету общественных убийств, достойные быть выслушанными им.

«Если бы, — говорит наш автор, — остающееся население составляло только от 30 до 40 тыс. душ, проще всего было бы всех перебить, как я и думал вначале...»

В конце концов можно потерять всякое терпение. Какая холодная и жестокая откровенность! 30—40 тыс. человек ничего не стоят в глазах революционера Лекинио. «Проще всего было бы всех перебить», — хотя выше он выразил свое глубокое убеждение, что нескольких миссионеров-патриотов было бы достаточно, чтобы привлечь этот народ на нашу сторону. «Так, как он и думал вначале», — добавляет он. Я, в свою очередь, тоже думаю, что и тут он говорит правду. Только с такими взглядами мог Лекинио, как мы вскоре увидим, также пройти практический курс массового истребления. «Но, — продолжает он, — численность местного населения чрезвычайно велика: она все еще достигает 400 тыс. человек...» Эта цифра вызывает некоторое смущение у нашего сторонника резких мер. Но оно скоро исчезнет. Революционный дух не знает неодолимых препятствий. «Если бы, — продолжает он, — не было никакой надежды достигнуть успеха другим путем, то, конечно, пришлось бы всех перебить, даже если бы их было 500 тыс. человек; но я этого отнюдь не думаю». Комитет душегубства, со своей стороны, очевидно, решил, что только этот способ действий годится, ибо он не применил никакого другого, и это опять подтверждает существование плана общего уничтожения населения.

Продолжая развивать свою «простейшую» систему, чувствительный Лекинио выдвигает еще следующее краткое и исполненное человеколюбия предложение:

«Ни в коем случае не следует брать пленных. Как только обнаруживают людей вооруженных или хотя бы и без оружия, но собранных в военный отряд, надо их расстреливать на месте» (и без суда, разумеется!).

Я не вижу никаких оснований осуждать доктрину Каррье, если считать, что доктрина Лекинио не заслуживает осуждения. К тому времени, когда я займусь Каррье, подвиги и изложение принципов его предшественника склонят меня скорее к восхвалению его человечности, чем к изображению его великим преступником. Лекинио не говорит, сколько он сорвал аплодисментов в Комитете смерти за то, что так хорошо проникся его духом.

Однако именно в этом месте, вспомнив все же о гуманности, он высказывает мнение, «что формирование общественного духа есть средство неотразимое, гораздо более могущественное, чем все военные силы».

Но он не задерживается на этой мысли. Вскоре после этого он ставит вопрос: «Не целесообразнее ли продолжать осуществление плана полного уничтожения?»

«Продолжать осуществление плана полного уничтожения!» Надо ловить эти слова на лету. Итак, он решительно существовал, этот план полного уничтожения! Надо обратить внимание на то, что эти слова являются частью речи, произнесенной 14 жерминаля в Комитете общественного спасения, который, по-видимому, их не осудил, а, напротив, после этого вел войну в Вандее так, что можно думать, будто он и в самом деле находил этот план уничтожения наиболее целесообразным. Отметим, что эти слова не случайно вырвались, Лекинио повторяет их трижды: на странице 37, в той форме, которую мы только что привели; на той же странице, № 107: «если упорно продолжать осуществление плана уничтожения», и на странице 38, № 109: «если мы будем упорно продолжать осуществление плана уничтожения».

Национальный конвент отказался от этого плана, приняв свой декрет об амнистии 12 фримера [56]. Разумные люди не сомневаются в том, какое воздействие окажет этот декрет. Народ всегда прислушивается к голосу справедливости и разума. Как жаль, что этот декрет не был издан гораздо раньше.

После ознакомления с механизмом и духом системы, причинами ее возникновения и конечными целями, с теми, кто ее главным образом осуществлял, и с ее основными последствиями надо раскрыть действие второстепенных частей механизма, рассмотреть те же результаты во всех подробностях. В этом-то круговороте мы и найдем Каррье, и, видя его в действии, рассматривая размах этой великой трагедии, время и обстоятельства, при которых он действовал, мы сможем понять, какую роль он сыграл и какое место занимал в этих событиях.

Параграф VI. Продолжение предыдущего. Вандейская война служит предлогом для возникновения революционного учреждения, появившегося одновременно с началом этой войны. План полного уничтожения. Его составные части и омерзительные цели. Полномочия вице-короля. Право жизни и смерти. Средства, практикуемые с расчетом на взаимное истребление республиканских фаланг мятежными и мятежных фаланг нашими

Мы уже говорили, что именно в революционном правительстве надо искать причины всех несчастий Республики; а несчастия Вандеи составляют главный акт кровавой драмы, вызванной этим подлым правительством. Оно возникло в тот день, когда на одного из депутатов была впервые возложена миссия осуществлять неограниченные полномочия в департаментах. С этого момента, следовательно, мы и начнем следить за катастрофическим ростом влияния этого революционного учреждения и его роковыми последствиями в нашей Вандее.

Почти одновременно с назначением в эту провинцию первых вице-королей были изданы законы, облекавшие их страшной властью над жизнью и смертью других людей. Вторым декретом,

учреждавшим революционное правительство, можно считать декрет от 19 марта 1793 г. (по старому стилю), объявляющий вне закона всех, кто будет обвинен в участии в контрреволюционных восстаниях и мятежах, вспыхнувших во время набора в армию, и тех, кто носит белую кокарду или любой другой символ мятежа.

Другой закон, от 27-го того же месяца, тоже объявляет вне закона аристократов и врагов революции!

Какую огромную свободу действий дали эти законы облеченным всеми полномочиями депутатам! Какие только поступки не были этим узаконены! Обратим особое внимание на то, что достаточно было быть всего лишь обвиненным, чтобы попасть под удар убийственного объявления вне закона... Вот почему Каррье, выступая в защиту своих действий, пользуется этими удивительными законами, как надежным щитом. Я считал бы этот щит непробиваемым, если бы вечные принципы не научили меня, что исполнитель убийственного закона — сам убийца, что такой закон есть нарушение прав народа, что всякое нарушение прав народа налагает на каждого обязанность восстать против нарушителя и что тот, кто способствует этому нарушению, будучи таким образом причастным к узурпации суверенитета, заслуживает того, чтобы свободные люди предали его смерти.

Дабы это варварское законодательство содействовало осуществлению плана полного уничтожения, следовало в самом начале воодушевить мятежников посредством нескольких одержанных над нами побед. Таким образом им давали возможность привлечь на свою сторону тех, кто еще на это не решился, и объявление вне закона поражало еще большее число людей. Это не преминули заметить. В документах, собранных Лекинио, мы находим все ухищрения, к которым прибегали генералы в Вандее в апреле и мае 1793 г., для того чтобы наши войска терпели неудачи; описание того, как эти генералы были удручены, когда мы одержали верх в сражениях у Фонтене 16 мая[57], и сколько усилий они затем приложили, чтобы дать разбойникам возможность отобрать у нас не только нашу собственную артиллерию, но и всю ту, которая была захвачена у них 16 мая (см. Лекинио, стр. 129 и 130).

Но еще лучше почитать Филиппо: от него мы узнаем о целой серии отвратительных происков, направленных к тому, чтобы сначала истреблять наши фаланги руками мятежников, а потом уже принять решение об истреблении мятежных фаланг нашими[58].

У Филиппо мы читаем:

«Что война в Вандее с каждым днем все более становилась для него лабиринтом тайн и чудес, что она ширится и длится благодаря очевидному заговору, участники которого пользуются огромным влиянием, ибо к своим страшным успехам они приобщили даже правительство» [30*].

[30*] Письмо к Комитету общественного спасения 16 фримера II года.

«Хотя, — добавляет он, — я и не знаю всех нитей этого заговора, я все же собрал достаточно сведений, которые делают его существование очевидным».

«Прежде всего генералы Беррюйе, Марсе и Лигонье, которым приказано было подавить в зародыше эти гражданские раздоры, всячески благоприятствовали мятежникам, чтобы прибавить им смелости и чтобы на нас свалилась серьезная война.

Кетино[59], преемник этих предателей и ученик подлого Дюмурье, идет по их следам. Он сдает разбойникам Туар с пятью тысячами человек и множеством боевых припасов; разбойники для видимости взяли его в плен, а потом отпустили под честное слово. Он сам взял в руки подлое белое знамя; он братски обнял вражеского генерала среди трупов наших несчастных братьев, умиравших за свободу; он предавался гнусным оргиям вместе с роялистами, в то время как наши защитники в глубине застенков оставались без пищи в течение 30 часов[31*].

10 марта он находит убежище у Лигонье. Тальен посылает двух комиссаров, чтобы арестовать его. Его отправляют из Дуэ в Сомюр, к Карра. Последний принимает его недопустимо покровительственно и по примеру разбойников тоже отпускает его под честное слово. Администрация департамента Эндр-и-Луар, находящаяся в Туре, и Народное общество энергично протестуют против такого коварного попустительства; 10 мая они официально сообщают об этом Шудье, который в ответ хранит молчание. 17-го лед, кажется, тронулся: члены департаментской администрации посылают чрезвычайного депутата в Комитет общественного спасения с донесением, что члены центральной комиссии, за исключением Рюэля и Тальена, открыто высказывали роялистские взгляды после смерти тирана. 18-го они на заседании стыдят Карра за его отвратительное поведение в отношении Кетино. 21-го они опять обращаются к центральной комиссии, чтобы получить объяснения относительно гнусного поведения Карра. Эта комиссия устами Шудье осуждает «своеволие» членов департаментской администрации и приказывает им впредь быть более осмотрительными. Когда происходит революция 31 мая, Карра осмеливается явиться 8 июня прямо на заседание, чтобы предложить этим администраторам проголосовать за отправку воинских сил департамента против Парижа, добавив, что он убедил администрацию департамента Луар-и-Шер принять эту «мудрую и благоразумную» меру. Вместо ответа администрация единодушно приняла обращение к Конвенту, в котором она восторженно одобряет спасительный взрыв 31 мая, 1 и 2 июня. Шудье, которого запад Франции, как говорит Филиппо, причислит когда-нибудь к злейшим врагам рода человеческого, исповедовал, конечно, другую политическую веру: он вызывает 3 июля «на свой суд» эту патриотическую администрацию, обращается с ней, как турецкий

31* Посмертные мемуары Филиппо, стр. 47.

визирь, и, странное дело, добивается от Комитета общественного спасения доклада, порицающего ее поведение. Вскоре ему удается еще сильнее отомстить этим должностным лицам за их верность: он бросает их в тюрьму. Дела идут все хуже и хуже. Азиатская роскошь наших генералов, их оргии, разнообразные проявления распущенности на виду у солдат — все это подавало им дурной пример и постепенно превращало наши армии в беспорядочную толпу, лишенную всякой дисциплины и мужества, не менее грозную для мирного жителя, чем сами мятежники»[32*].

10 июня Сомюр захвачен мятежниками, 11-го Шудье, утверждающий в своем докладе, что он отдал приказ защищать доступ к Анже и мосту Се, на самом деле велел генералу Мену[60] предписать командирам воинских частей временно уступить этот город неприятелю, подчеркнув, что он будет взят обратно, когда соберут армию в 50 тыс. человек. Последствием этих первых катастроф был ряд позорных поражений в Вийе, Корон, Брессюире, Партене, Фонтене-ле-Пепль. 30 тыс. человек постоянно обращались в бегство горстью мятежников, бросая ружья, амуницию, пушки и обозы; казалось, мы держали в этой провинции свою армию лишь для того, чтобы засвидетельствовать свой позор[33*].

29 июня Канкло с 5 тыс. солдат, большинство которых ни разу не были в бою, спасает Нант, осажденный 40 тыс. мятежников. 5 июля он спасает всю бывшую Бретань от федералистского заговора. Он продолжает идти от победы к победе, а его смещают. Его судьбу разделяют Дюбейе, Тюнк[61] и Рей только потому, что они хотели, как и Канкло, закончить войну в Вандее. Как очень справедливо замечает Филиппо, они не знали, что для того, чтобы заслужить милость правителей, надо было помогать победе мятежников: Россиньоль[62] и Ронсен[63] заслужили эту милость тем, что превратили бесстрашную Майнцскую армию[64] в обломки и трупы. «Странным явлением для историка, — добавляет наш ценный разоблачитель, — будут эти благодеяния, которыми осыпают двух человек, вся слава которых в том, что по их вине патриотам 40 или 50 раз устраивали настоящую резню[34*].

Ну нет, добрый Филиппо, для истории вовсе не будет «странным явлением» эта армия, превращаемая в обломки и трупы, эти 40 или 50 случаев, когда патриотам устраивали резню. История разберется в том, почему эти страшные дела так высоко ценились ужасными правителями. Хотя ты и не знаешь мотивов, которыми они руководствовались, ты помогаешь разоблачить их. Эти гнусные тайны удивляют тебя! Для тебя, говоришь ты в начале своего знаменитого письма, это «лабиринт чудес»; ты видишь зло, но не можешь разобраться в его причине. Ничего, важно то, что ты ука-

---

32* Письмо Филиппо к Комитету общественного спасения и его посмертные мемуары.

33* Посмертные мемуары Филиппо.

34* Письмо Филиппо к Комитету.

зываешь зло; твоя прекрасная душа не может не способствовать всеми своими силами его подавлению. О, смелый человек! Ты совершаешь большое преступление в отношении власти; ты потрясаешь, ты рискуешь опрокинуть священные расчеты великих экономистов. Ты головой своей ответишь за совершенное тобой непростительное преступление, за то, что ты препятствовал мерам по разрежению ставших слишком густыми человеческих зарослей, в которых чересчур разросшиеся стебли стесняют друг друга и так истощают почву, что она уже не в состоянии больше их питать. Человечество воздаст тебе самую искреннюю дань благодарности; но варварская секта сторонников вырезания лишних никогда тебе не простит. А меч в ее руках... Ты умрешь.

«27 июля армия мятежников снова угрожает городу Анже и мосту Се. Филиппо направляется туда, хотя его миссия не распространяется на Анже. Прибыв туда, он находит приказ, подобный приказу от 11 июня, т. е. предписание оставить город неприятелю. Филиппо распоряжается по-другому, он организует сопротивление, берет руководство в свои руки и отбрасывает мятежников. Колонна города Люсона под командою Тюнка также одержала первую победу 30 июля. Еще более памятную победу она одержала 14 августа в Шантоне. В награду за первую победу Шудье и Ришар 13 августа смещают Тюнка, но Бурдон из Уазы и Гупийо[65] под свою ответственность оставили его на посту, и Тюнк 14 августа снова одержал победу. Следствием этой победы была эвакуация мятежников из Шоле. Дивизионный генерал Рей решил воспользоваться таким уникальным случаем и освободить содержавшихся в этом городе 3 тыс. наших пленных: категорический приказ Россиньоля остановил его и заставил отступить. После этого он овладел городом Эрво и с небольшими силами добился значительных успехов. Но именно поэтому он попадает в немилость к Сомюрскому двору. Его смещают. Его адъютант прибывает, чтобы представить ценные сведения и просить о правосудии, — его арестовывают и бросают в тюремную камеру в Консьержери»[35*].

23 августа Комитет общественного спасения принимает новый план кампании, который как будто всерьез имеет целью окончить вандейскую войну путем генерального наступления, задуманного лучше, нежели предыдущие. План этот безнаказанно нарушается Ронсеном и Россиньолем. Филиппо и некоторые другие депутаты резко выступают против такого коварства. Комитет общественного спасения ответил на это тем, что Россиньоль был назначен генералом армии, действующей на Брестском побережье, Ронсен — генералом революционной армии, а Лешель[66] — генералом Западной армии. Первая операция этого последнего заключалась в том, что он дал мятежникам возможность захватить остров

[35*] Посмертные мемуары Филиппо и его письмо к Комитету общественного спасения.

Нуармутье, Машкуль и остров Буэн; он распорядился эвакуировать Монтегю, сжечь находившиеся там 8 тыс. фунтов пороха, склад риса, 12 тыс. солдатских рационов хлеба и на 1 млн. лагерного оборудования; так что, добавляет Филиппо, армия с тех пор вынуждена располагаться на бивуаки на жесткой земле и в грязи, между тем как ее генералы, окруженные комедиантами и куртизанками, ведут ее к неминуемой гибели [36*].

Затем сей Лешель разрешает в течение трех дней грабить Энгранд, Ансени и Варад; он позволяет мятежникам захватить Кран, Шато, Гонтье и Лаваль. Он посылает всего лишь 4 тыс. человек и направляет их столь отвратительным образом, что все они попадают в окружение и гибнут. Десять возов муки были задержаны в 5 лье от Нанта сотней мятежников и в течение ряда дней оставались в том месте, где их захватили. Нант переживал ужасы голода. Представители народа заклинали Лешеля, прибывшего со своей армией, послать отряд, чтобы отбить этот ценный обоз. Он им ответил: «Занимайтесь своим делом». «По этому наглому тону, — говорит Филиппо Комитету, — можно узнать достойного ученика Ронсена и Венсана [67], которых вы сами облекли правом попирать величие нации». Короче говоря, предложение было отвергнуто с презрением, и 100 тыс. человек, нуждавшихся в хлебе, видели, как сотни разбойников спокойно распоряжались их продовольствием на глазах армии, насчитывавшей 15 тыс. республиканцев. В довершение измены или глупости Лешель на следующий день дал приказ Шамбертену, который командовал отрядом в 800 человек в Шатобриане, отправиться с этими ничтожными силами в наступление на армию-победительницу. Таким образом, этот человек «губил по частям наши республиканские фаланги и действовал во всем на руку разбойникам, как если бы он получил тайный приказ содействовать их успехам» [37*].

Конечно же, праведный Филиппо! Все посвященные, разумеется, получили такой тайный приказ; в этом нельзя больше сомневаться. Тебя непрестанно мучает желание раскрыть непроницаемую тайну, окутывающую причины этих событий; ты предчувствуешь разгадку страшного секрета, но не в силах найти ее. О, твое чистое сердце слишком хорошо знали жестокие правители, чтобы они осмелились дать тебе решение загадки: система сокращения населения!..

«Подобно тому, — говорил также своим палачам мученик Филиппо, — как вечные поражения Россиньоля сделали этого человека вашим кумиром, победы Тюнка глубоко вас огорчали. Вы отозвали Бурдона и Гупийо, они были осуждены Венсаном в клубе Кордельеров и чуть не поплатились головами за совершенное ими преступление, состоявшее в том, что они хотели спасти родину, отменив первый приказ о заточении победонос-

---

[36*] Письмо к Комитету общественного спасения.
[37*] Письмо Филиппо к Комитету общественного спасения.

ного Тюнка, выписанный 13 августа; 2 сентября вы издали вторичный приказ о его аресте, вынудивший его покинуть армию три дня спустя: его дивизия, до того неизменно победоносная, была разбита наголову ... и наблюдателям всегда будет казаться весьма странным, что 50 тыс. патриотов столь жестоко пострадали в Короне от 3 тыс. мятежников, тогда как в другом месте 6 тыс. таких же людей одержали победу над 40 тыс. вандейцев» [38*].

Хотя министр получил приказ позаботиться об удовлетворении всех потребностей армии Нанта, Ронсен и Россиньоль направили все припасы этой армии по дороге на Тур и на Сомюр, где они были задержаны, чтобы некоторое время спустя попасть в руки врага, увеличив тем самым его огромные запасы; так что эта армия к началу кампании оказалась совершенно без обмундирования, без единой пары сапог, без продовольствия и без средств для их закупки, и 9 сентября, накануне дня, когда надо было выступить в поход, не было ни фуража, ни артиллерии. Однако 10 сентября армия выступила в поход и победила повсюду мятежников. 15 сентября она подошла к высоте, где должна была соединиться с другой колонной в целях окружения неприятеля и осады Мортани; тогда Россиньоль и Ронсен, который ею руководил как «генерал-министр», послали колоннам из Ниора, Люсона и Партене, продвигавшимся к этому месту соединения с армией, приказ вернуться на свои исходные позиции. Этот приказ, доставленный генералу Шальбосу 17 сентября, стал причиной поражения в Мортани и в Сен-Флоране, где Бейсер и Мешкуски были полностью разбиты. А Майнцская армия оказалась одна в сердце Вандеи. После того как Шальбос 18-го оттянул свои три колонны, 90 тыс. патриотов как в Короне, так и у моста Се (этот факт засвидетельствован официальным письмом Сантерра) [68] попали в тот же день и на следующий под тяжелые удары 3 тыс. мятежников в результате беспримерной военной диспозиции. Вся Сомюрская армия была построена в одну колонну, по восемь человек в ряд, что создало фланг протяжением в 6 лье; грозная артиллерия была поставлена в голове колонны, в ущельях Корона, между тем как неприятель занимал высоты, которых не захотели захватить, вопреки советам проводников. Тогда мятежники, не встречая препятствий, бросились на эту голову колонны, захватили наши пушки, молниеносно обрушили на наших несчастных защитников залпы картечи из их же артиллерии и произвели в их рядах ужасную резню [39*].

[38*] Посмертные мемуары Филиппо и его письмо к Комитету общественного спасения.

[39*] «Не удивительно, — говорит Филиппо в своих посмертных мемуарах, отвечая на доклад Шудье, — что, как вы это отмечаете на странице 16, папская армия имела большое количество оружия и грозную артиллерию. Вы не забыли отметить, что Питт не посылал ей никакой помощи: вы слишком аккуратно снабжали ее, чтобы ему пришлось брать на себя этот труд».

Наконец, когда декретом было предписано изъятие запасов зерна в тылах армии по мере проникновения во вражескую территорию, Ронсен и Россиньоль отослали комиссаров, на которых возложено было осуществление этой важной операции, приказали поджечь огромные груды зерна и оставили разбойникам урожай равнин Дуэ, Туар, Лудан и острова Сент-Обен, столь обильный в том году, что его хватило бы для снабжения всей Западной армии в течение целого года [40*].

[40*] Посмертные мемуары Филиппо.

В одном месте, на странице 81, мы читаем:

«Когда все покровы будут сорваны, все убедятся в том, что одна из причин удручающего нас голода связана с бессмысленными жестокостями, театром которых была Вандея; ...с сожжением продовольствия и хижин, с уничтожением скота и всех сельскохозяйственных ресурсов в области, доставляющей еженедельно 400 быков столице Республики. Уже в царствование Шудье практиковалась такая дикая, варварская система: быка резали только ради одного языка, остальное бросали на свалку; их забивали каждый день тысячами...»

Угодно ли получить расширенный комментарий к изложенному выше? Я сейчас его дам. С ним, полагаю, крайне важно ознакомиться.

В 1793 г. существовал серьезный план организации голода в Париже [69]. Как можно видеть, он был связан с бедствиями Вандеи. Насколько я мог и могу еще сейчас судить, целью было вызвать восстания, которые послужили бы предлогом для объявления мятежным также и первого города Республики и, следовательно, для расправы с ним подобно тому, как расправились с Лионом, чтобы и здесь также в значительной мере осуществить систему уничтожения населения. Указав причины этих действий, назову теперь и тех, кто задумал и возглавил осуществление этого убийственного плана, и тех, кто его раскрыл и сорвал. Руководителями были Комитет общественного спасения, особенно Барер, министр внутренних дел Гара [70] и мэр Паш [71]. Сорвали этот заговор Гарен, возглавлявший продовольственную администрацию Коммуны, и я. Я был тогда секретарем этой администрации. Я все видел, за всем следил, могу дать объяснение всему. Изложение доказательств существования этого адского замысла требует слишком много места, чтобы можно было дать его здесь. Я скажу только, что с мая по октябрь 1793 г. Гарену, чтобы быть в состоянии снабжать Париж продовольствием, приходилось вести самую энергичную борьбу с подлой коалицией в составе Комитета общественного спасения, министра внутренних дел и мэра. Потребовалась вся энергия самого умного и безупречного из администраторов, чтобы воспрепятствовать тому, чтобы начиная уже с мая Париж испытывал ужасы голода. Вся та власть, все то влияние на умы и узурпированное доверие, которыми обладали предатели, были использованы для того, чтобы погубить Гарена в глазах общественного мнения. На эти гнусные посягательства преступников он ответил только тем, что удвоил свои старания сорвать происки сговорившихся между собой кровопийц. Наконец, к началу августа он оказался перед необходимостью торжественно разоблачить их перед народом. У него хватило для этого мужества. Гара молча признал свое соучастие в предательстве тем, что покинул министерство. 48 секций Парижа избрали комиссию для рассмотрения вопроса о том, кто мог быть преступным организатором голода, непосредственно угрожавшего городу. Гарен выступил в этой комиссии с разоблачениями, которые ее удивили. Я, человек, к которому, могу сказать, он питал достаточно доверия, чтобы приобщить меня к своему управлению, я представил комиссии самый развернутый доклад и отнюдь не побоялся формально

Я доказал, что, проводя систему уничтожения населения, правители хотели в том, что касалось войны в Вандее, осуществлять ее таким образом, чтобы сначала была уничтожена весьма значительная часть республиканской армии, а затем полностью и все население Вандеи. Приведенные мною доказательства, как мне кажется, с достаточной ясностью свидетельствуют о том, что

разоблачить и Паша, и Гара, и Барера, и весь Комитет общественного спасения. В этом разоблачении я не только излагал свои предположения относительно цели, которую преследовали заговорщики, но и приводил доказательства, в том числе и письменные, наличия заговора. Комиссия приняла постановление, которое обеспечивало Гарену, его коллеге Фавану и мне, секретарю, охрану со стороны 48 секций Парижа и предписывало опубликовать мой доклад. Парижу предстояло узнать, кто виновник его страданий. Великая истина и великие преступления должны были быть раскрыты. Всемогущий Комитет, который мы посмели задеть и который понял, что его гнусность скоро станет очевидной для всех, быстро провел декрет о роспуске комиссии[72]. Затем Гарен и его коллега были смещены и арестованы. Я был отправлен в Аббатство под другим предлогом, а председатель комиссии был обвинен в федерализме и гильотинирован. Честный Гарен получил хотя бы то удовлетворение, что наше разоблачение имело хорошее действие, предав хоть отчасти гласности замыслы предателей; это вынудило их отказаться от своих замыслов, и, если Париж питался довольно плохим хлебом, по крайней мере он не остался совсем без оного. Гарен 10 месяцев оставался под домашним арестом, под охраною трех караульных. 9 термидора он был в числе тех немногих членов Коммуны, которые не приняли участия в заговоре. Он пошел со своими караульными в секцию Елисейских полей, чтобы со всей силой своего характера выступить против робеспьеризма. Спустя некоторое время он был освобожден. Но увы! От перенесенного потрясения он на следующий же день заболел и через шесть дней умер в полном расцвете сил. Так пал жертвой своей преданности Родине достойный слуга народа, которого оклеветали исключительно из-за его добродетелей. Отдавшись революции с самого ее начала, он пожертвовал для нее всем своим состоянием и оставил свою семью в бедности. Я рад воздать заслуженную дань уважения его памяти, и если родина узнает когда-нибудь, какие услуги он ей оказал, особенно когда Париж получит доказательства того, как он сумел, вопреки всем преступным усилиям всевластных правителей, спасти эту крупнейшую Коммуну от страшнейшего голода, тогда на его могилу будут возложены пальмовые ветви и он будет причислен к республиканцам, наиболее активно способствовавшим спасению их страны. Такова будет награда этому добродетельному человеку. Пускай же предатели наслаждаются временными привилегиями, которые дает преступление. Пускай Гара — доносчик, Гара — близкий друг и протеже Барера, — все еще остается во главе народного просвещения: он никогда не выйдет оттуда увенчанный бессмертной славой. Близится время великого и праведного суда, и негодяи будут вместе держать ответ. В том великом процессе, который будет направлен против жестоких властителей, использовавших свое пребывание у кормила правления, чтобы проводить роковые мероприятия, сеявшие смерть во всех концах Республики, не должны быть забыты и преступные попытки организации голода, осуществляемые с таким же злобным упорством, что и все другие преступные посягательства на права народа. Тогда выявятся все гнусные соучастники этих удивительных заговоров. Я требую, чтобы в этот момент мне позволили выступить и привести их в замешательство. Я публично подтверждаю это требование, ставя свою подпись под этим разоблачительным примечанием.

были приняты все меры для выполнения первого пункта: истребления тысячами граждан, сражавшихся в рядах республиканской армии. Надо было бы еще раз пересмотреть всего Филиппо, чтобы собрать еще больше этих доказательств. Я подошел к тому времени, когда настала очередь осуществления их второй цели: уничтожения населения Вандеи. Мы сейчас увидим, как наши хищники взялись за дело, чтобы обеспечить себе успех.

Параграф VII. Продолжение. Когда сторонники вырезания сочли, что достаточно сократили ряды республиканской армии, они решили скосить всю Вандею[41*]. Законодательство крови и огня. Совпадение мер, которые Каррье проводил в Нанте, с теми, которые Колло проводил в Лионе. Письмо Эро-де-Сешеля. Предложение Мерлена из Тионвилля

Филиппо уже несколько месяцев горячо выступал против следовавших одна за другой боен, в которых гибли солдаты родины. Пожалуй, без него бойни не скоро бы кончились. Его крики вынудили власть приостановить их; и так как эти его выступления более чем наполовину раскрывали ужасную тайну, полное разоблачение которой должно было повлечь за собой падение изобретателей этой системы, всевластные комитеты поняли, что необходимо погубить их обвинителя и круто изменить линию своего поведения, дабы сделать обвинение неправдоподобным. Хотя еще никто не мог понять, какими мотивами руководствовались деспоты, на основании фактов их обвиняли в том, что они вовсе не желали закончить войну в Вандее, а стремились превратить эту войну в ту бездну, которая будет неустанно поглощать посылаемые ими бесчисленные легионы, пока они не будут полностью уничтожены. Если бы комитеты упорствовали в этом по-

---

Я обязываюсь доказать наличие сговора между Пашем, Гара и Барером относительно плана организации голода в 1793 г. Мне достаточно лишь воспроизвести тот знаменитый доклад, который я представил комиссарам 48 секций в августе. Это — труд вроде знаменитого разоблачения Лекуантра, который с ним связан, с ним переплетается[73]. Все подтверждающие документы, признанные в своей фактической части самими негодяями, приложены к этому докладу и докажут с очевидностью, что преступная клика намеревалась особым образом приобщить Париж к осуществлению системы сокращения населения. Так как они не смогли ее осуществить в этом городе ввиду оказанного им сопротивления, они компенсировали себя посредством гильотины, путем намеренного истребления парижских батальонов, отправленных к границам и в Вандею, и путем взрывов в тюрьмах Аббатства и Гренель. Жаль, что сорвалось дело с проскрипционными списками, аннулированными, к счастью, 10 термидора!

Г. Бабеф

[41*] Когда говорят «Вандея», не надо заблуждаться относительно значения этого слова. К сожалению, оно обозначает гораздо более, нежели 83-ю часть Франции. «Десять департаментов, — пишет Филиппо, — подверглись всем ужасам, какие только могут обрушиться на род человеческий».

ведении, предъявленное им обвинение стало бы неопровержимым. Чтобы опровергнуть его, надо было не только обещать победу, но и действительно добиться ее любою ценой. Нужны были такие успехи, которые позволили бы назвать столь громогласно разоблачившего их человека клеветником-заговорщиком, уничтожить его и не бояться, что за этим последуют разоблачения или расследования. Жестокий децемвират сумел согласовать все это со своим адским планом. Пора, сказал он себе, пройтись косой смерти по всему этому вандейскому отродью, чье фанатическое ожесточение, которое мы старательно поддерживали, так хорошо нам помогло. Вандейцы достаточно долго пользовались всеми послаблениями, которые мы им делали, чтобы они могли сеять смерть; теперь пришел их черед. Все будут думать, что мы стираем этих людей с лица земли ради того, чтобы одержать победу, которой от нас требуют; на самом же деле мы будем тем самым лишь изо всех сил способствовать осуществлению нашей системы: мы сократим население более основательно, более широко, чем когда-либо ранее. Мы будем жать на самом обширпом и самом плодородном поле. Сказано — сделано: сразу же было создано законодательство крови и огня.

Это законодательство датировано 1 октября.

Оно коротко, состоит всего из двух законодательных актов.

Декрет от 1 октября гласит:

«Национальный конвент рассчитывает на мужество Западной армии и командующих ею генералов, чтобы окончить к 20 октября эту ужасную вандейскую войну. К 1 ноября благодарная нация надеется отметить почестями и наградами те войска и тех генералов, которые в этой кампании сумеют истребить разбойников».

Прокламация Национального конвента от того же числа гласит:

«Солдаты свободы, необходимо, чтобы все разбойники Вандеи были истреблены до конца октября. Спасение родины требует этого, французский народ с нетерпением этого ожидает, и его мужество должно осуществить это; благодарность нации ожидает вас к тому времени».

Другой декрет добавляет:

«Все прибежища, все мельницы и все пекарни разбойников будут разрушены и сожжены. С этой целью военный министр отправит туда разного рода горючие вещества».

Сей кодекс весьма ясен. Истребить всех жителей края и сжечь все их жилища — это хороший способ кончить там войну; и если у человека жестокое сердце, то такое чудовище в человеческом обличье вполне в состоянии понять и исполнять подобные законы.

И пусть не думают, что слова «все разбойники» не означают всех жителей, а слова «все прибежища» не означают всех жилищ. Я заявляю, что Каррье был прав, когда в своей защити-

тельной речи доказывал, что, не допуская никаких исключений, считая, что в Вандее не было ни одного жителя, которого не следовало бы рассматривать как разбойника, и что «прибежища» — это образное выражение, означающее все жилища, он тем самым толковал закон точно так же, как те, кто его создавал. Мне нетрудно доказать это мое заявление. Для того чтобы могли быть исключения, должно было существовать такое положение, при котором ни одного человека нельзя было убить и ни одно жилище нельзя было сжечь без того, чтобы созданный на законном основании суд не установил, что данный человек — разбойник, а данное жилище — прибежище разбойников. Но на деле все было гораздо проще. Осуществление этого всесожжения было доверено военным властям. Единственным судом присяжных была совесть солдата. Да что я говорю! Солдат был одновременно и присяжным, и судьей, и исполнителем приговора! И если хорошенько вспомнить, что неограниченная возможность жечь молчаливо подразумевает возможность предварительно грабить (а не лучше ли мне воспользоваться всеми этими превосходными вещами, чем отдать их на съедение огню), то не трудно будет понять, что солдату всюду виделись только разбойники и прибежища разбойников. Впрочем, каким образом он мог отличить неразбойника от разбойника? Как мог бы он защитить жилище такого неразбойника, если бы оно оказалось среди жилищ разбойников, которые надлежало сжечь? Гораздо проще было, как о том и говорит Каррье, решить, что нет ни одного жителя, которого нельзя было бы рассматривать как разбойника, и надо же было употребить присланные Конвентом горючие вещества. К тому же убивающий не рисковал ничем. Его приговоры и их исполнение не подлежали ни проверке, ни пересмотру. И когда наши фаланги, превратившись в легионы Геростратов и чудовищных мясников, вооруженные сотней тысяч факелов и сотней тысяч штыков, привели в трепет такое же число людей и сожгли столько же сельских жилищ, Комитет, столь неточно называемый Комитетом общественного спасения, вместо того чтобы представиться незнающим, отнюдь не скрыл, что это полностью отвечает его видам, и получил при этом одобрение сената. Следует ли обвинять сенат за это одобрение? Следует ли сердиться на него за согласие на издание двух поощрявших поджоги и убийства законов, которые мы выше привели? Нет. Конвент утвердил так много других, не менее зверских законов, что приходится безоговорочно верить, когда он заявляет, что Робеспьер один был сильнее всех остальных членов вместе взятых; что он, Конвент, опустился до такой степени униженности и малодушия, что уже думал только мыслями своего повелителя, хотел лишь того, чего хотел он, и одобрял все беспрекословно, из страха перед тем кнутом, который имел позорную слабость дать в руки своему владыке. Я вовсе не считаю, что уклоняюсь от своей темы. И я сейчас докажу, что если верно, будто одно лишь согласие на что-то уже

может быть грехом, то Конвент не сможет помешать истории сказать, что в силу ли царившего в то время ожесточения или же по недостатку мужества, но эта возмутительная резня и это вопиющее сожжение всей Вандеи, вызывающие ныне общие протесты всего человечества, не были преступлением одного Каррье и даже не были преступлением одних только членов правительственных комитетов. Конвент дал свое согласие на все это, участвуя в издании двух законов, несших сожжение и истребление, а также выражая одобрение при известиях об их успешном выполнении. А в заявлении Мерлена из Тионвилля на заседании 17 брюмера [42*], напечатанном в газетах того времени, также недвусмысленно выражено намерение осуществить полное и безоговорочное уничтожение, весьма близкое к великой системе:

«Я прошу Конвент обратить внимание на земли Вандеи, которые предполагалось разделить между беженцами из Германии. Думаю, что мы должны отдать предпочтение столь многочисленным французским солдатам, сражающимся за свободу; но я также думаю, что Конвент не должен принимать никакого решения по этому вопросу до того, как Вандея будет *полностью уничтожена*; этого пока еще нет».

Этот текст ясен. Считалось бесспорным, что Вандею надлежало превратить в совершенно новый край, что надлежало, словом, произвести *полное уничтожение*, после чего вновь заселить его, образовать совершенно новые поселения *солдат, воевавших за свободу*, и произвести раздел земель [43*] только между ними.

[42*] Фэйо сделал к нему такое добавление: «Мало было сожжено в Вандее: первое, что надо сделать, это послать туда армию поджигателей. Надо сделать так, чтобы в течение года ни один человек, ни одно животное не могло найти пропитания на ее почве» (См. «*Moniteur*»).

[43*] Это предложение Мерлена отнюдь не расходится с предложением Лекинио, выраженным в следующих словах, слишком замечательных, чтобы их можно было забыть: «Если мы будем упорно проводить план полного уничтожения». Выражения каждого из этих законодателей по поводу этого плана имеют одинаковую окраску, указывающую на то, что между ними было полное согласие. Можно и во многих других местах почерпнуть доказательства повсеместного проявления этого духа и привести примеры действий, имевших целью подготовить претворение этого плана в жизнь. Следующие выдержки из кодекса, который Колло обнародовал в Лионе, показывают, какими средствами он пользовался, чтобы превратить этот город в Освобожденную Коммуну.

Выдержка из инструкции временной комиссии от 26 брюмера II года местным властям: «Комиссия призывает каждое общество, каждого человека, которые прочтут эту инструкцию, проникнуться духом, ее продиктовавшим; вместе с тем она предупреждает их, что, указывая им цель, к которой они должны стремиться, она не собирается предписывать им границы, где они должны остановиться. Все дозволено тем, кто действует в духе революции: для республиканца нет другой опасности, кроме опасности отстать от законов Республики. Тот, кто **их предвосхищает, опережает их; даже тот, кто, по видимости, превысил цель, в действительности часто еще не достиг ее, и т. д.**

Теперь сопоставим это со знаменитым письмом Эро-Сешеля от имени Комитета общественного спасения, адресованным Карье:

«Вот так дела и делаются, мой славный друг! Я только что получил твое письмо и тут же прочитал его Комитету, который выслушал его с подлинным удовольствием.

Мы заклинаем тебя немедленно отправиться в Нант; мы посылаем тебе постановление, предписывающее тебе срочно произвести чистку этого города. Очищение должно быть беспощадным, свобода не знает компромиссов. Мы сможем быть гуманными тогда, когда будем уверены в своей победе. Мчись из Ренна в Нант и из Нанта в Ренн.

Подписи: Дюамель, председатель, Вер, генеральный прокурор, Дювике, генеральный секретарь».

Другая инструкция, о задержании подозрительных людей:

«Здесь должны сойти на нет всякие личные соображения и привязанности. Здесь даже голос крови должен замолкнуть перед голосом Родины. Вы живете в краю, оскверненном подлым восстанием. Ну что же, граждане магистраты народа! Надо принять меры к тому, чтобы все, кто прямо или косвенно способствовал восстанию, сложили свои головы на эшафоте. Вам надлежит передать их в руки народного возмездия.

Если вы патриоты, вы сумеете отличить ваших друзей, остальных вы подвергнете заточению. Вы не будете столь глупы, чтобы считать актами патриотизма некоторые вынужденные внешние действия, коими предатели часто старались вас обмануть. Бóльшая часть их будет обращаться к вам с такими словами: «Да в чем же нас упрекают? Мы всегда вели себя должным образом. Мы несли службу в национальной гвардии. Мы платили все наши налоги. Мы приносили жертвы на алтарь отечества. Мы даже послали наших детей на защиту границ. Чего требуют? Чего еще хотят от нас?..» Вы им ответите: «Нам нет дела до этого. Патриотизм должен быть в сердце. Всем тем, чем вы хвастаетесь, еще больше могли хвалиться предавшие нас негодяи, всякие Лафайеты, Дюмурье, Кюстины[74]. Вы никогда не любили народ! Вы презрительно называли равенство химерою. Вы осмеливались усмехаться при слове «санкюлоты». Вы обладали излишками, а рядом с вами ваши братья умирали с голоду. Вы недостойны быть в одном обществе с ними; и так как вы не снизошли до того, чтобы посадить их за свой стол, они навсегда извергают вас из своей среды и осуждают вас на несение тех кандалов, которые ваша беспечность или ваши преступные махинации готовили для них...» Республиканцы, вот ваш долг. Никакие соображения не должны вас останавливать. Ни возраст, ни пол, ни родство не должны вас сдерживать. Действуйте без страха. Уважайте только одних санкюлотов. И, чтобы ваши удары не попадали мимо цели, помните девиз, начертанный на знаменах санкюлотов: мир хижинам, война дворцам.

Мы, являющиеся посредниками между народными представителями и вами; мы, кому они поручили надзирать за вами и просвещать вас, мы клянемся вам, что наши взоры ни на миг не отклонятся от вас; что мы будем строго применять всю предоставленную нам власть и будем карать как измену все то, что при других обстоятельствах вы могли бы назвать медлительностью, слабостью или небрежностью. Время полумер и уверток прошло. Помогайте нам наносить сильные удары, или же вам первым придется подвергнуться им. Свобода или смерть. Выбирайте».

Характер национального представительства развертывается с большей силой и бо́льшим влиянием, когда депутаты не задерживаются в одном месте, когда у них нет времени, чтобы завязывать многочисленные личные отношения, когда они наносят тяжелые удары на ходу, а ответственность за них предоставляют нести тем, на кого они возложили их исполнение (за которым они следят)».

Как выражение общего духа системы уничтожения населения это письмо не так показательно, как предложение Мерлена. Но, конечно, правы были те, кто нашел его разительным и многое объясняющим. А какие комментарии оно может вызвать! Если сопоставить его дату, 29 сентября, с датой «выдающейся» прокламации от 1 октября, то поражает, сколь оба эти документа совпадают. Из этого видно, что еще до опубликования прокламации страшный правительственный комитет уже применял на практике провозглашенное ею законодательство. «Расчищай, эвакуируй», — гласит письмо от 29 сентября. «Истребляй все», — гласит прокламация. Это и позволяет вполне оценить роль Каррье. Здесь мы ясно видим, что этот великий преступник был тем не менее всего лишь орудием, исполнителем; здесь нам уже нетрудно различить, кто был инициатором.

Раскрытие макиавеллизма, состоящего в переложении на подчиненных ответственности за исполнение пресловутых революционных мер, есть удачное решение загадки, оправдывающее многих несчастных граждан, которых власть принудила быть ужасными орудиями ее жестокости. Потребовалась бы большая сила характера, чтобы отказаться быть жестоким по приказу власть имущих. Пришлось бы решиться не только пожертвовать собой, но и умереть с клеймом бесчестия. Закон от 11 фримера объявил мятежником, подлежащим каре в качестве такового, каждого, кто не способствует всеми своими силами уничтожению всех, кто назван врагом Республики.

Какие подвиги успел совершить Каррье к 29 сентября, чтобы заслужить крики «браво!» Эро-Сешеля и «подлинное удовлетворение» всего Комитета общественного спасения? Об этом у нас нет сведений. Но мы сейчас откроем перечень кровавых подвигов этого деятеля и его сотрудников и покажем, как тот и другие следовали полученным инструкциям.

Параграф VIII. Перечень зверств Каррье и его многочисленных сотрудников, среди которых выделяются Вестерман и Лекинио. Это — полный рассказ об исполнении свирепого кодекса сожжения и истребления [75]

5 октября. Этим днем датируется письмо Гулена[76], обвиняемого, который впоследствии отличится в прениях на процессе Нантского комитета. Характерной особенностью этого письма является самое крайнее ожесточение. Оно показывает нам чело-

века, всецело готового стать одним из наиболее фанатичных приверженцев жестокого законодательства от 1 октября; оно предвещает все кровавые результаты, которые неизбежно должна была породить исступленность этой системы, гипнотизирующей людей до такой степени, что внушала мысль, будто, испив чашу величайших зол, можно на дне ее обнаружить благо. Именно таково суждение, которое, полагаю, следует вынести о Гулене на основании этого письма. Его напрасно считали таким уж жестоким; в действительности он был увлечен сверх всяких границ некиим патриотическим безумием, связанным с тем обожанием, которое многие французы питали к сенату. Это заставляло их думать, что любая мера, какой бы странной она ни была, есть высшее благо, если она исходит от сената. Поэтому Гулен был, по-видимому, твердо убежден, что он исполняет самую важную и самую спасительную для его родины роль, когда писал в таком стиле неистового энтузиазма: «К бесстрашным монтаньярам — членам Комитета надзора в Нанте, санкюлот Гулен, секретарь национальной комиссии. Братья-республиканцы, представители народа передали мне прилагаемые при сем документы, и я спешу переслать их вам. Рассмотрите их и, главное, действуйте круто и быстро; наносите удары, как подобает подлинным республиканцам, иначе вы будете достойны осуждения; народное копье вверено вам; умейте им пользоваться, в противном случае вам, вернее нам с вами, крышка. Вчера вы мне сказали, что вам не хватает исполнителей; говорите, требуйте, и вы получите все: войска, комиссаров, курьеров, служащих, лакеев, шпионов, даже золото, если нужно. Для спасения народа ни в чем не будет у вас недостатка. Повторяю, скажите лишь одно слово, и я уверен, что все будет вам щедро предоставлено. Прощайте, я вас всех люблю и всегда буду любить, потому что ваши принципы всегда будут моими; подумайте о кораблях или домах, годных для использования в качестве тюрем и надежных арестных помещений».

К этому же времени, вероятно, относятся следующие факты.

Бригадный генерал Люзиньян, несмотря на то, что ему было известно о честных намерениях и доброй воле сельских жителей окрестностей Нанта, откуда приходили молодые люди, чтобы поступить на военную службу, творил произвол и позволял себе самые возмутительные акты жестокости. Он отправился в деревню ла Палер, около железоделательных мастерских Кюган, взяв с собою около 30 всадников. По дороге, встретив женщин из этой деревни, он спросил их, где их мужья; они ответили, что мужья дома, занимаются производством тканей. Люзиньян велел им позвать их к нему. Те сразу же пришли в своих рабочих передниках; он приказал им следовать за ним; они повиновались, и когда они прибыли в Клиссон, то 17 человек из 18 было расстреляно; таким же образом производились другие многочисленные расстрелы, а испольщики, занятые в мастерских и даже отправившиеся по требованию властей в Нант, где они в течение несколь-

ких недель были заняты на перевозках, были все перебиты [44*].

Ужасающий размах зверства приняли в соседних с Нантом коммунах Розе, Сен-Пьер и Сен-Жан де Бугуне, где всего лишь два чудовища, Бейвер и Мюска, по собственному произволу погубили более 800 мужчин и женщин, которых они указали стоявшим в Шатодо войскам, а те их расстреляли без суда. Коммуна Пембеф вместе с революционным комитетом этой коммуны повинна в подобном же зверстве [45*].

Все было налажено для выполнения принятого плана. Гулен был достаточно наэлектризован, чтобы действовать самостоятельно, почти целиком снимая ответственность с Национального представительства. Действия военных вполне соответствуют стремлениям, выраженным в прокламации и декрете от 1 октября. Позволим этим мероприятиям принять более широкий размах, и мы увидим тысячи убийств — ведь до сих пор мы были свидетелями только первых шагов.

8 октября. Каррье прибывает в Нант. Верный указаниям, содержавшимся в письме Эро-Сешеля, он не обосновывается там. 10 октября он отправляется в Ренн, а 21 октября возвращается в Нант. Он ведет себя там в точном соответствии с полученными им инструкциями. Он не наносит ударов, он электризует. Он обрушивает самые бурные проклятия на жителей Нанта, в особенности на купцов и торговцев; он заявляет, что, если в ближайшие дни среди этих последних ему не укажут виновных, он их всех арестует и каждого десятого отправит на гильотину или под расстрел [46*]. Все семейства в Нанте угнетены и в трауре; все вынуждены довольствоваться половиной фунта дурного хлеба в день, а Каррье грозит Нанту объявить город в состоянии мятежа.

22 октября. Филиппо продолжал глубоко переживать судьбу наших батальонов, истребленных под руководством Сомюрского двора. Его докучливые напоминания вынуждают Конвент создать комиссию для рассмотрения его поведения. Это не отвечало видам Комитета общественного спасения, который, чтобы избежать принятия этой меры, объявил на следующий день устами Барера, что нет больше Вандеи. Те, кто состоял на службе у этого Комитета, еще только подготовились сделать так, чтобы ее не было, они подготовились к тому, чтобы полностью стереть ее с лица земли. Аплодисменты, которыми было встречено это сообщение, были равноценны одобрению наперед всего, что Комитет сделает впоследствии, чтобы всецело осуществить эти слова на деле.

Весьма примечательно, что Барер извлек двойную выгоду из своей великой декларации. Он уничтожил комиссию по делу Фи-

---

44* Доклад Комиссии 21-го, стр. 96.
45* Там же, стр. 63.
46* Там же.

липпо и добился самой широкой свободы действий во исполнение плана сокращения населения, которое он объявил уже совершившимся. Со всех сторон его обвиняли в том, что еще встречаются люди там, где, по его словам, их уже не должно быть. На странице 55 доклада Комиссии 21-го читаем: «В то время как все газеты во всеуслышание сообщали о докладах, представленных Конвенту и заверявших, что все разбойники Вандеи уничтожены, в 8 часов вечера прибывают 500 патриотов, равно как и гарнизон Мортани, которых прогнали те же разбойники. Один служащий муниципалитета, которому поручено было распределение ордеров на расквартирование, закончив эту работу, пошел в Народное общество рассказать об этих событиях и выразил свое негодование по поводу действий тех, кто таким образом обманывал Конвент. А чтобы узнать, кто именно так поступал, он внес предложение, принятое обществом, послать к Каррье комиссаров и потребовать от него показать его переписку с Конвентом; в этой переписке он, несомненно, информировал Конвент об огромном количестве разбойников, все еще существующих, причиняющих величайший вред, совершающих величайшие опустошения, убивающих ежедневно всех окрестных патриотов».

7 брюмера. Каррье и Франкастель одобряют и утверждают формирование революционной роты им. Марата, которая уполномочена производить обыски на дому и арестовывать подозрительных как в Нанте, так и по всему департаменту, с одним только условием отчитываться в этом перед революционным комитетом.

11 брюмера. Это — памятная дата благодаря декрету, гласящему, что всякий город Республики, который либо примет у себя разбойников, либо окажет им помощь, либо не отбросит их всеми способами, какие ему доступны, будет наказан как мятежный город и, следовательно, будет сравнен с землею, а имущество жителей будет конфисковано в пользу Республики. Трудно, пожалуй, представить, какой умеренности можно было требовать от революционных исполнителей при наличии такого революционного декрета; гораздо легче понять, какой новый толчок к злоупотреблениям он должен был дать, усиливая еще больше уже существующий страшный кодекс.

24 брюмера. Революционный комитет вместе с административными органами и Народным обществом принимает знаменитое постановление, мотивированное существованием широкого заговора, организованного в Нанте богатой аристократией. Это постановление предусматривает арест всех заподозренных в участии в этом заговоре, доставку их на пост Эпероньер, а затем переброску в Париж в тюрьму Аббатства; приказано также расстреливать и конфисковать имущество арестованных, которые сделают малейшее движение, чтобы сбежать; приказано считать эмигрантами и соответственно поступать с теми, кто будет уклоняться от ареста и не явится в течение трех дней со дня опубликования постановления.

27 брюмера. Каррье сообщает Конвенту о «несчастном случае» со священниками, приговоренными к ссылке. «Какой революционный поток эта Луара!» — таковы заключительные слова этого письма, которое можно прочитать в Бюллетене, письма, удостоившегося аплодисментов и похвалы Конвента. Что за позорный памятник этот Бюллетень! Какая жуткая замена наказания, эта ссылка священников в Луару! Зверская мораль! В то время ее находили вполне естественной... Как жалко, что люди не видят или не хотят видеть своей испорченности тогда, когда она приводит к прискорбным результатам! Лишь тогда, когда зло неизлечимо, люди соглашаются признать, что ужасы — это ужасы.

В эти же дни, 30 брюмера, когда Каррье своим письмом заслужил аплодисменты сената, поставившего тогда террор в порядок дня, он усердно трудился над выполнением своих зверских обещаний. Ряд документов, приложенных к докладу Комиссии 21-го, свидетельствуют, что к этому времени относится, по-видимому, первое массовое потопление при посредстве судов с клапанами. В свидетельских показаниях упоминается, что Каррье выдал Фуке и Ламберти[77] предписания, в силу которых им разрешалось провести всюду, где потребуется, габару[47*], на которую были погружены разбойники, причем никто не имел права прервать или нарушить эту перевозку.

Не представляется возможным согласовать отдельные документы относительно дат всех потоплений, их числа и числа жертв каждого из них. Одни говорят, что потопления производились каждые восемь дней; другие указывают бóльшие или меньшие промежутки[48*]. Довольно широко распространено мнение, что всего произошло четыре массовых потопления[49*]. Рассказывают об одном, когда 800 человек всех возрастов и обоего пола были бесчеловечно сброшены в воду, порублены саблями и застрелены, если же габары погружались медленно, несчастных успевали также ограбить и раздеть донага. Имеется показание о потоплении 400 человек и о последнем потоплении 300, тоже всех возрастов и обоего пола.

6 фримера. Каррье утверждает постановление от 24 брюмера о подозрительных, и Революционный комитет назначает Болоньеля и Но руководителями доставки в Париж тех, кого он счел нужным отметить как подозрительных. Это были те 132 жителя Нанта, которые впоследствии стали столь известны и дали повод для знаменитого судебного процесса, по случаю которого мы пишем эту работу.

47* *Небольшое грузовое судно.*

48* Доклад Комиссии 21-го, стр. 25.

49* Впоследствии мы на основе точных сведений установили, что их было много больше. По свидетельским показаниям, их число достигает 20.

7 фримера. Каррье изменяет постановление от 7 брюмера относительно полномочий роты им. Марата; впредь он подчиняет ее действия комитету надзора [50*].

14 фримера. Закон об организации революционного правительства. Он должен тоже войти в историю Вандеи. Он окончательно узаконил резкие и жесткие меры. Мы увидим, как он повлиял в этом отношении на последующие мероприятия по уничтожению Вандеи.

15 фримера. Трибунал вызван к Каррье; в его присутствии председатель директории департамента говорит, что их вызвали для того, чтобы повторить внесенное накануне предложение истреблять заключенных массами [51*].

16 фримера. Филиппо пишет Комитету общественного спасения свое большое письмо, в котором доказывает, что, не пожелав прислушаться к его предупреждениям, Комитет тем самым способствовал гибели еще 20 тыс. солдат.

Тот же день. Приказ Каррье, составленный в следующих выражениях: «Каррье, представитель народа при Западной армии, призывает и требует от всех граждан, которых изберет Гийом Ламберти, повиноваться всем его приказаниям в отношении порученной ему экспедиции; предписывает коменданту постов Нанта пропускать указанного Ламберти и граждан, которых он с собою поведет, как днем, так и ночью; запрещает кому бы то ни было создавать хотя бы малейшие затруднения операциям, которые могут понадобиться в их экспедициях». На процессе перед комиссией, приговорившей его к смертной казни, Ламберти заявил, что именно в силу этого приказа он потопил священников, приговоренных к ссылке, а также многих мужчин, женщин и детей [52*].

20 фримера. В то время как в Нанте таким образом убивали по-революционному, в других не очень отдаленных местах убивали в соответствии с неоднократно цитированными законами по-военному. «В ночь с 20 на 21 фримера, — говорит Вестерман, — я истребил вражеские аванпосты перед Ла-Флеш. Дорога от этого города до Ле-Мана, по которой я преследовал разбойников, была вся усеяна трупами; в ту же ночь мы истребили также более 600 разбойников, ночевавших в деревнях и на отдельных фермах» [53*].

23 фримера. Тот же Вестерман рассказывает о другом огромном истреблении, совершенном им по дороге на Лаваль, где, как он говорит, сотни и тысячи разбойников были убиты.

25 фримера. Голод — это тоже способ убивать. Каррье организует голод. Это тема следующего письма, посланного им генералу Аксо, которое должно занять не последнее место в истории

[50*] Доклад Комиссии 21-го, стр. 31.
[51*] Там же, стр. 70.
[52*] Там же, стр. 7 и 8.
[53*] Кампании Вестермана, стр. 26 и 27.

неслыханной жестокости и гибельных для нации мерзостей: «Сейчас узнал, мой славный генерал, что комиссары департамента Вандея хотят разделить с комиссарами Нижней Луары продовольствие и фураж, которые будут обнаружены в Буене или в Нуармутье. Весьма удивительно, что Вандея осмеливается требовать продовольствия после того, как она терзала родину самой кровопролитной и жестокой войной. В мои намерения входит, и таковы приказы Национального конвента, отнять все продовольствие, съестные припасы, фураж — одним словом все у этого проклятого края, предать огню все здания, и я не медля передам тебе приказ об этом. Им хотелось бы еще уморить патриотов голодом, после того как они убивали их тысячами! Сопротивляйся всеми силами тому, чтобы Вандея получила или сохранила хоть одно зерно. Распорядись о передаче всего комиссарам департаментской администрации, заседающей в Нанте; даю тебе на этот счет самый четкий и самый недвусмысленный приказ: ты гарантируешь мне отныне его исполнение; одним словом, не оставь ничего в этом осужденном крае. Продовольствие, съестные припасы, фураж — все, решительно все должно быть свезено в Нант» [54*].

24 фримера. Вестерман прибывает вечером в Лаваль, двигаясь опять по грудам трупов; он следует за врагом до Крана, а оттуда — до Сен-Марка. Каждый шаг, каждая ферма, каждый дом превращаются в могилу множества разбойников [55*].

Ужасно любопытно соотнести с этой датой, 24 фримера, следующее письмо Лекинио к Конвенту: «Я только что дал приказы, которые умеренным могут показаться варварскими. От 400 до 500 разбойников переполняют тюрьмы в Фонтене-ле-Пепль. Только что мне сообщили с чрезвычайным курьером, что часть армии Шаретта численностью, говорят, от 10 до 12 тыс. человек продвигается по кантону и угрожает Фонтене; я приказываю расстрелять без суда этих заключенных при первом появлении неприятеля. И вот почему. В последний день декады, в то время, когда я находился в народном обществе Фонтене, заключенные взбунтовались и чуть не передушили тюремных смотрителей. Муниципалитет сообщил мне об опасности; я первый спустился в тюремные помещения; я прострелил голову самому дерзкому; двое других поплатились жизнью за причиненную ими тревогу. Порядок был восстановлен. Я тут же создал для суда над этими негодяями военную комиссию, гораздо более оперативную, нежели уголовный трибунал, стесненный, помимо его воли, тысячью формальностей. Но я подумал, что в случае нападения извне необходимо в первый же момент уничтожить без церемоний этот очаг мятежа, крайне опасный из-за близости армии, особенно

54* Доклад Комиссии 21-го, стр. 66.
55* Кампании Вестермана, стр. 32.

в этом городе, где фанатизм и аристократия отнюдь не сведены на нет. Должен, впрочем, сказать вам, что без таких мер вы никогда не закончите вандейскую войну. Ее продлевает модерантизм деятелей администрации и генералов. Я повсюду писал, что не надо больше брать пленных, и, да позволено мне будет сказать, я хотел бы, чтобы такая же мера была принята во всех армиях. Я полагаю, что такой декрет был бы спасительным для Франции. Что касается Вандеи, то это необходимо: вам решать, прав я или нет» [56*]. Это письмо ясно показывает, что его автор способен побеждать предрассудки; уж, конечно, надо было их все преодолеть, чтобы действовать, рассуждать и писать с такой силой [57*]. Правда, напрягши несколько воображение, сей законодатель нашел неотразимые аргументы, с помощью которых четко и ясно доказывается, что это и есть человеколюбие. Он доказывает это и в своей книге «Вандейская война» и в своей афише «Лекинио к своим согражданам». Он неоспоримо доказывает отсутствие какого бы то ни было противоречия между его теорией о том, что проповеди морального катехизиса было бы достаточно, чтобы без всякого кровопролития внушить населению Вандеи любовь к свободе, и его практической системой, состоящей в том, чтобы убивать, заставлять убивать и советовать убивать 400 тыс. человек, если нужно. Совершенное по его приказу жертвоприношение 500 человек было прямо-таки гуманным действием [58*]. Чем строже был этот приказ, тем он был гуманнее [59*]. Все эти несчастные считались виновными в участии в очевидном тюремном бунте; все они считались заслуживающими смертной казни [60*]. Было бы очень странно пытаться найти в этих поступках противоречие принципам разрушителя предрассудков [61*], признающего, однако, что каялся в этом у якобинцев 26 флореаля [62*]; ведь тогда из-за нескольких насмешливых замечаний в адрес Верховного существа, он рисковал попасть на гильотину; и точно так же в наше время, время модерантизма, та же самая угроза заставляет его снова каяться перед стоящими у власти антитеррористами за свои революционные проделки в Фонтене и в других местах, хотя, с другой стороны [63*], когда он заглядывает себе в душу и

56* *Lequinio.* Guerre de Vendée, p. 225.
57* См. «Moniteur», N 54, от 24 брюмера II года, другое письмо к Конвенту, в котором сей мудрец спешит сообщить сенату, что он одержал победу еще над одним предрассудком, торжественно учредив должность палача и посадив того, кого он возвел на эту должность, за один стол с представителями нации.
58* *Lequinio.* Guerre de Vendée, p. 239.
59* Ibid., p. 245.
60* Ibid., p. 244.
61* Ibid., p. 246.
62* Ibid., p. 247.
63* Ibid., p. 250.

спрашивает свою совесть, она полностью оправдывает его.

25 фримера. Каррье распускает Народное общество в Венсан-ла-Монтань, утверждая, что оно его оклеветало. День этот отмечен еще одним подвигом — потоплением 120 человек [64*]. По другой версии [65*], потоплено было 200 человек, причем, когда некоторые жертвы пытались спастись, им саблями отрубали руки.

27 фримера. В деревне Ле-Туш Вестерман разбудил, по его собственным словам, разбойников сабельными ударами. Резня была огромная и продолжалась 4 часа [66*]. Этим же числом помечен первый список 24 так называемых разбойников, из коих двоим было по 13 лет, казненных по приказанию Каррье без суда [67*].

28 фримера. Второй список 27 так называемых разбойников, в том числе четырех сестер Метери, которых Каррье приказал казнить без суда [68*].

29 фримера. Новая резня Вестермана в Норте [69*]. Затем он учиняет еще одну в Блене [70*], где, как он заверяет, все были преданы смерти, за исключением 300 человек, отправленных им в Нант [71*]. Эти, вероятно, были всего лишь утоплены.

В тот же день, поверив прокламации, сообщавшей об амнистии, 80 с лишним мятежных конников явились в Нант и, выразив сожаление о том, что служили против Республики, заявили, что прибыли, чтобы предложить от имени всей армии сдаться и выдать связанными по рукам и ногам начальников, которые их обманули; трое из них предполагали вернуться, чтобы сообщить своим о принятии капитуляции, а все остальные должны были остаться как заложники. Каррье распорядился отвести их в арестное помещение, а на следующий день они были расстреляны [72*].

30 фримера. Новое письмо Каррье к Конвенту: «Разбойники потерпели столь полное поражение, что наши посты их убивают, забирают и сотнями приводят в Нант; гильотина не справляется; я принял решение расстреливать их. Они являются сюда и в Анже сотнями; стараюсь, чтобы их постигла та же участь, что и тех других. Призываю моего коллегу Франкастеля не отклоняться от этого спасительного и оперативного метода. Я руководствуюсь принципами человечности, когда очищаю землю свободы от этих чудовищ».

Почетное упоминание. А почему бы и нет? Каждый раз вспоминая о законодательстве крови, железа и огня, которое мы здесь

64* Доклад Комиссии 21-го, стр. 98.
65* Там же, стр. 95.
66* Кампания Вестермана, стр. 34.
67* Доклад Комиссии 21-го, стр. 46.
68* Там же, стр. 48.
69* Там же.
70* Кампания Вестермана, стр. 35.
71* Там же, стр. 36.
72* Доклад Комиссии 21-го, стр. 72, 73.

воспроизвели, вы легко убедитесь, что Каррье в своих письмах вполне последователен. Его принципы человечности те же, что и у многих его соавторов по законодательству. Загляните в сочинение Лекинио о Вандее, вы найдете там почти буквальное повторение той же фразы Каррье. Ведь именно по соображениям человечности проповедник «уничтожения предрассудков» собственноручно убил нескольких безоружных людей в тюрьмах Фонтене и приказал расстрелять 500 этих несчастных без всякой процедуры, без суда. Эти правила установил Робеспьер: жестокость — это человечность, строгость — это справедливость. Эти догмы пользовались широким признанием, по крайней мере всех сенаторов, поскольку никто из них не отвергал их, а письменные памятники свидетельствуют, что многие из них торжественно воздавали им дань уважения. Сегодня философ забавляется, глядя на то, как люди стремятся делать вид, будто никогда не имели ничего общего с подобной религией, будучи убеждены, что никто не может проверить, каковы были их действия ранее. А между тем исторические материалы отнюдь еще не сожжены, и они позволят воздать каждому по заслугам.

Нивоз. 3-го последовал роспуск второй комиссии, назначенной в связи с поступившими от Филиппо разоблачениями для расследования поведения Сомюрского двора: опасались, как бы ктонибудь не догадался, что наши республиканские батальоны стали жертвой системы уничтожения населения. Медаль была перевернута, сокращение населения теперь касалось непосредственно жителей Вандеи, и этого было вполне достаточно верховным правителям, чтобы дать объяснения и тем, кого они называли законодательной мелюзгой, и доверчивой толпе и убедить их, будто высшее благо Франции зависело исключительно от этого истребления. В тот же день, 3-го, Вестерман присылает отчет об еще одной страшной бойне в Савенэ. Повсюду, добавляет он, видны были только груды трупов: только в предместье Савенэ было похоронено 6 тыс. человек[73*]. Одновременно с этим Лебате, командир одной из революционных армий, будучи облечен по приказу Каррье самыми неограниченными полномочиями, производил жесточайшие опустошения. Депутат Треуар[78], командированный в Редон, узнав о делах Лебате, приказывает арестовать его. Но Каррье приказом от 4 нивоза освобождает его и запрещает местным властям и войскам подчиняться приказам Треуара, которого он обвиняет в сочувствии ко всем контрреволюционерам[74*]. 7-ое того же нивоза отмечено потоплением от 400 до 500 человек, среди которых много детей 14—15 лет, связанных веревками со своими отцами[75*]. 15-го командир бригады Дюфур при выходе его войск из Монтегю произвел поджоги в четырех местах, разграбление и опустошение местечка Эрбье, не делая исключения

[73*] Кампания Вестермана, стр. 41.
[74*] Доклад Комиссии 21-го, стр. 57.
[75*] Там же, стр. 107.

даже для лучших республиканцев[76*]. 18-го — роковой день, когда Филиппо представил свой обвинительный акт против тех, кого он точно охарактеризовал, назвав их Сомюрским двором; я считаю этот день роковым потому, что он предрешил гибель настоящего республиканца; он пожертвовал собою для своей страны, но не спас ее, единственным результатом его разоблачений был временный арест Ронсена и Венсана, а децемвиры его осудили. С того времени ему была предназначена гильотина, и ждали лишь подходящего момента, чтобы отправить его на казнь. 29-го — потопление и рубка саблями 300 человек, включая беременных женщин и других[77*].

П л ю в и о з. С 7-го по 12-е генерал Амэ заставляет свои войска опустошать дома, в том числе и принадлежащие патриотам, в сельских местностях вокруг Эрбье, в маленьком местечке Эрбье и в Арделе[78*]. 12-го на протяжении около 3 лье, от Плютьер до Эрбье, колонна, которой руководит генерал Гриньон[79], сжигает все деревни и фермы, никому нет пощады, мужчины, женщины, грудные дети, беременные женщины — все гибнут; несчастные патриоты со свидетельствами о патриотизме в руках тщетно просят этих бесноватых сохранить им жизнь, их все равно убивают[79*]; а когда некоторые несчастные земледельцы, известные своим патриотизмом, имели несчастье быть захваченными в тот момент, когда отвязывали своих волов, этого оказалось достаточно, чтобы их расстрелять[80*]. Колонна Гриньона уничтожила в Ларошe множество людей, как взрослых мужчин, так и детей, из коих многие были известны своим патриотизмом и работали для армии[81*]. Прибыв со своей колонной в Эрбье, Гриньон объявил муниципалитету, что местные жители должны быть счастливы, что у них побывал его коллега Амэ и, если бы не он, в с е, н е з а в и с и м о о т т о г о, п а т р и о т ы о н и и л и н е т, были бы расстреляны, потому что главнокомандующий приказал и с т р е б л я т ь, р а с с т р е л и в а т ь и с ж и г а т ь в с е, ч т о в с т р е т и т с я н а п у т и, вплоть до муниципальных советов в полном составе, даже и облаченных в свои шарфы[82*]. В те самые дни, когда на окраинах наблюдались эти патриотические ужасы, в центре трудились над окончательным уничтожением честного Филиппо: 12-го выдвигается требование освобождения Венсана и Ронсена; 14-го они освобождены; а 17-го появляется лживый и убийственный доклад Шудье.

Но вернемся к Вандее. Мы увидим, что несчастным жителям было не менее страшно попадать под удары когорт Шаретта, чем

76* *Lequinio.* Gueere de Vendée.
77* Доклад Комиссии 21-го, стр. 94.
78* *Lequinio.* Guerre de Vendée, p. 107.
79* Ibid., p. 108.
80* Ibidem.
81* Ibid., p. 109.
82* Ibid., p. 109, 110.

под удары когорт Республики: и с той, и с другой стороны они встречали разбойников и убийц. Мы узнаем, что 28-го армия Шаретта пришла в Сен-Фюльжан и вырезала там 600 республиканцев, среди которых было 14 несчастных пяти-шестилетних детей, сваленных друг на друга [83*]. Это совершенно совпадает с поведением французского генерала Гриньона. «Друзья мои, — говорит он своим солдатам в речи, текст которой сохранился, — мы вступаем в мятежный край; я вам решительно приказываю предать огню все, что может быть сожжено, и пронзать штыком всех жителей, которые вам встретятся. Я знаю, что в этом краю могут оказаться и несколько патриотов; но это не имеет значения, мы должны все принести в жертву» [84*]. Описание чудовищных поступков каннибалов, позоривших трехцветное знамя, под которым они выступали, завершает доклад Фореса, заместителя председателя военной комиссии в Фонтене-ле-Пепль. «Когда, — говорит он, — сумки были набиты, людям не хотелось больше драться из страха их потерять, и солдаты стали просить больничные билеты. Генералы поступали еще хуже: они реквизировали телеги коммун, забирали все, что было лучшего в домах патриотов, заставляли тащить все это за ними, а этим несчастным разрешали унести остальное, чтобы иметь жестокое удовольствие поджечь их дома. Но едва они после того, как все было сожжено, возвращались к колонне, солдаты, следуя примеру генералов, забирали то, что оставалось, убивали мужчин, насиловали женщин и девушек и затем закалывали их. Они сделали больше — в одном месте они истребили весь состав муниципалитета, облаченный в трехцветные шарфы. В маленькой деревне, где проживали лишь около 50 добрых патриотов, всегда оказывавших сопротивление гнету разбойников, узнают, что их братья по оружию идут помогать патриотам и отомстить за все перенесенные ими страдания. К их приходу приурочивают патриотический и братский банкет. Колонна прибывает, обнимается с ними, съедает приготовленную этими несчастными еду, и сразу после трапезы (о, неслыханное варварство!) они их уводят на кладбище и там закалывают одного за другим! [85*]...

Вантоз. 17-го колонна Корделье расположилась лагерем в Клиссоне, и этот генерал распорядился истребить там жен и детей добрых республиканцев, бежавших в Нант. 18-го, когда он проходил через местечко Валле, он велел расстрелять многих граждан и гражданок, хотя те и представили ему свидетельства о патриотизме. 19-го в Леру та же колонна убивала беременных женщин и детей всех возрастов [86*], 28-го Гриньон в Ла-Миллерэ заставил около 40 жителей явиться в церковь; почти все они имели свидетельства о патриотизме; их выпускали оттуда по

83* *Lequinio*. Guerre de Vendée, p. 99.
84* Ibid., p. 66.
85* Ibid., p. 136—137.
86* Доклад Комиссии 21-го, стр. 81.

одному и расстреливали на кладбище, за исключением нескольких, которым менее жестокие солдаты дали возможность убежать [87*]. 26-го в ландах около Сен-Лоран-дез-Отель Корделье приказал расстрелять по меньшей мере 200 женщин, детей и стариков, у которых были добротные свидетельства о патриотизме [88*].

Жерминаль. 4-го приказ главнокомандующего генерала Тюрро [80], содержащий предписание дивизионному генералу Юше об изъятии всех продовольственных припасов и фуража в большом округе в окрестностях Люсона, от Сент-Эрмин до порта Ла-Кле, что охватывает 40 коммун [89*], и по изъятии немедленно сжечь все без исключения местечки, деревни, поселки, пекарни и мельницы и тут же истребить всех жителей, которые будут признаны участниками, прямыми или косвенными, восстания в их крае [90*]. Направляемые в то время Конвенту доклады об этих мероприятиях, об этих потоках огня и крови, поглотивших целые группы населения и их местожительства, изображали все это сенату Франции как самые славные победы над врагами родины. Странное ослепление! Родину жгли и убивали и родине твердили, что эти пожары и убийства были для нее лучшими средствами спасения, а родина простосердечно тому верила. Тогда же воспользовались этим заблуждением, чтобы безнаказанно уничтожить всех, чья энергия, направленная в защиту добра, могла пролить свет на эти роковые заблуждения. Филиппо был арестован 11-го, и нескольких дней было достаточно, чтобы принять решение о его юридическом убийстве. После того как добродетель подверглась казни, злодеяние могло беспрепятственно удовлетворять свою всепожирающую ярость. 15-го революционный комитет Фонтене-ле-Пепль пишет революционному комитету Рошфора, «что вся здоровая, оставшаяся верной часть департамента Вандея погружена в траур; что пора принять решительные меры во избежание еще более страшного пожара; что их авангард, те передовые отряды, которые они выдвинули против своих заклятых врагов, более не существует; что патриотические Сент-Эрмин, Симон-ла-Винез, Лакорт, Сент-Пезен превращены в груды пепла; что варварские приказы негодяя Юше, генерала в Люсоне, представляют собою явные преступления против государства; что, будучи, по его словам, послан главнокомандующим генералом Тюрро, чтобы жечь и истреблять наш край, не зная ни убеждений его жителей, ни его территориального положения, этот более чем подозрительный человек обращает оружие своей страны против этой самой страны ... что разбойников боятся гораздо меньше, нежели мнимых патриотов, длительное время безнаказанно изменяющих родине» [91*]. К 30-му того же месяца

87* *Lequinio*. Guerre de Vendée, p. 93.
88* Доклад Комиссии 21-го, стр. 82.
89* *Lequinio*. Guerre de Vendée, p. 148.
90* Ibid., p. 146.
91* Ibid., p. 84.

относится другое разоблачение, подтверждающее эти проявления ярости: оно свидетельствует о том, что генерал де Лаж имел письменные приказы учинить на правом берегу Луары то же, что он совершил на левом, т. е. все сжечь, и что он объявил, что вандейская война будет длиться до тех пор, пока будет продолжаться внешняя война.

Флореаль. Нант, на который долгое время указывали как на убежище для патриотов Вандеи, вскоре стал изображаться центром всяческой скверны, достойным судьбы Содома и Гоморры. Это было логическим следствием системы уничтожения. Все, что способствовало ее расширению, отвечало стремлениям правителей. Поэтому не следует удивляться тому, что Каррье обращается к комиссарам Нанта, прибывшим в Париж просить продовольствия, со следующими ужасными словами: «Просить для Нанта! Я потребую, чтобы с этим отвратительным городом расправились огнем и мечом; вы все плуты, контрреволюционеры, разбойники, негодяи. Я добьюсь того, чтобы Конвент назначил комиссию; я сам возглавлю эту комиссию. Я выведу из Нанта тех немногих патриотов, которые там есть. Да что я говорю, немногих патриотов? Там был только один патриот, и вы его гильотинировали. Негодяи! Я сделаю так, что в Нанте покатятся головы, Нант у меня возродится» [92*].

Термидор. Практическое осуществление системы резни, по-видимому, долго продолжалось даже после падения первого триумвирата. Здесь мы находим большой пробел, который мы, конечно, могли бы заполнить, если бы нам было дозволено порыться в папках бывшего Комитета общественного спасения. Без такой возможности история вандейских ужасов в этом месте покрывается завесой, которую время, несомненно, разорвет, а мы вынуждены оставить незаполненным промежуток между 4 флореаля и 15 термидора, к которому относится еще одно зверство: «Белордр, помощник генерала де Лажа, трижды переправлялся через Луару под предлогом уничтожения разбойников и изъятия у них съестных припасов. После одного из таких переходов он привел с берега, занятого мятежниками, 23 женщины, девушки и ребенка, 16 или 17 из них в возрасте 10, 12, 14 и 17 лет он приказал расстрелять около Мов. Одну старую женщину Белордр передал своим солдатам, которые разрубили ее на куски и бросили в воду...» [93*]

Такова хронология главных фактов, зафиксированных во всех материалах, которые мы смогли изучить. Заметьте, что мы отобрали только самые существенные и четко выраженные. Если бы мы захотели распространяться о деталях и о делах малодостоверных или двусмысленных, нам пришлось бы значительно увеличить объем этой книги. Есть, однако, и еще достоверные факты,

---

92* Доклад Комиссии 21-го, стр. 109.
93* Там же, стр. 107, 108.

которые заслуживают быть упомянутыми, но которые мы не могли поставить в первый ряд либо потому, что не удалось еще уточнить их дат, либо потому, что они были столь продолжительны, что их нельзя отнести к одному дню. Другие дела столь чудовищно жестоки, что мы лишь вскользь на них взглянули, потому что воображение почти отказывается верить этому, несмотря на то, что, казалось бы, уже ничто не должно казаться неправдоподобным после тех сверхнеистовых действий, которые нам приходилось описывать. Мы сейчас бегло просмотрим те и другие и скажем о каждом то, что считаем возможным сказать в связи с изложенными выше соображениями.

В числе массовых потоплений есть одно, которому подверглись 130 жителей Нанта, содержавшихся в заключении в тюрьмах этого города по обвинению в пособничестве разбойникам. Каррье приказал перевезти их в Бель-Иль, а в пути они были сброшены в воду. То, что это событие было точным повторением заранее предусмотренного несчастного случая с высланными священниками, сделало очень малоправдоподобной ту часть защитительной речи Каррье, где он утверждал, что он не может отвечать за это потопление, которое будто бы было совершено в нарушение его приказа, предписывавшего лишь перевезти их.

Существование республиканских браков, оскорбляющих одновременно природу, стыдливость и несчастье, представляется весьма достоверным ввиду множества показаний. Такого рода отвратительные действия дают возможность не сомневаться в правдоподобии других актов разврата, один возмутительнее другого, в которых обвиняют Каррье, в частности в том, что он обесчестил многих женщин, а затем утопил их.

Среди преступлений Каррье числят то, что он раздавил в Нанте торгашество, громил меркантильный, аристократический и федералистский дух; предоставил в распоряжение муниципалитета 183 тыс. ливров, полученных путем обложения налогом богачей; то, что он приказал арестовать всех без исключения спекулянтов и всех тех, кто с начала революции занимался этим скандальным ремеслом в пределах города Нанта; то, что он приказал арестовать всех посредников, всех лиц обоего пола, кто занимался скупкой и перепродажей предметов первой необходимости и извлекал позорную прибыль, продавая их по ценам, превышающим установленный законом максимум. Нет никакого сомнения, что если демократические принципы и высший закон блага народа еще не отменены, то эти факты, взятые сами по себе, не только не могут быть поставлены в вину Каррье, но по своей природе способны снискать ему лавры среди республиканцев. И я не в состоянии понять, каким образом члены Комиссии 21-го смогли поместить в своем докладе эти факты среди обвинений, которые можно выдвинуть против делегата народа [81].

Параграф IX. Судебный процесс Каррье и Нантского комитета, их защитительные речи. Приговоры. Роспуск Революционного трибунала. Новый арест членов комитета, оправданных прежним трибуналом. Заключительные соображения

После падения Робеспьера и упразднения его кровавого трибунала одним из первых процессов, проведенных новым Революционным трибуналом, был процесс 94 жителей Нанта, оставшихся в живых из 132 отправленных по приказу Каррье в Париж. При новом трибунале милосердие пришло на смену крайней жестокости. Эти 94 человека, обвиняемые в контрреволюционных преступлениях, ажиотаже и спекуляции, следствием чего, как говорили, было столь чрезмерное повышение цен на продукты первой необходимости, что несчастным санкюлотам стало невозможно их приобретать; эти 94 человека, повторяю, были все оправданы. В них загорелось чувство мести. Во все время прений на их процессе они резко выступали против депутата Каррье и против членов Нантского революционного комитета. На последних они указывали как на непосредственных виновников их преследования и страданий и как на послушные орудия ужасных страстей неистового Каррье. По мере того как они выдвигали против Каррье и его сотрудников обвинения, которые касались их собственного дела, а также и многие другие, не имевшие к ним отношения, новый революционный и наблюдательный комитет Нанта провел расследование и собрал разного рода факты против подследственных, т. е. против Каррье и бывшего комитета. В интересах правды необходимо заметить, что это расследование проводилось с большим пристрастием. И те, кто принимал, и те, кто давал показания, отнюдь не были в том спокойном расположении духа, которое исключает преувеличения. Что касается обвинений, с которыми выступил один из 94 оправданных, бывший председатель военно-уголовного суда в Нанте Филипп, прозванный Тронжоли, то и здесь никоим образом нельзя было рассчитывать на порождающее полную искренность отсутствие озлобления [82]. Но каков бы ни был характер этих собранных документов, они образовали огромную массу обвинений против Каррье и Нантского комитета. Конвент счел должным ознакомиться с этим делом. 22 вандемьера он постановил, что Революционный трибунал немедленно проведет судебный процесс по делу этого комитета, и общественный обвинитель при трибунале составил обвинительный акт, который содержал почти исключительно те факты и обвинения против комитета, которые мы перечислили в нашем предыдущем параграфе.

Продолжительное, спокойное и продуманное следствие, множество опрошенных свидетелей, предоставление обвиняемым полной свободы защиты и опровержения — все это привело к значительному смягчению первоначально предъявленных им обвинений. Поначалу возникло страшное предубеждение против них, и три-

буналу было очень трудно сдерживать направленное против них общественное негодование; но вскоре им удалось почти полностью убедить всех, что они были лишь слепым орудием в руках жестокого и одержимого депутата Каррье. Их возгласы и показания свидетелей требовали привлечь и Каррье к этому делу. Те и другие возбудили и у публики страстное желание вызвать его в суд. Наконец, памятная речь Гулена, одного из обвиняемых, произнесенная на судебном заседании 1 брюмера, окончательно определила желание видеть, что Каррье занимает первое место среди обвиняемых по этому большому делу. Речь эту совершенно необходимо привести, ибо без этого нельзя понять окончание этой истории.

«Граждане судьи и присяжные, уже довольно давно над нашими головами слышится ропот ненависти и унижений; долгое время страшные подозрения, порожденные некоторыми фактами, обрекают нас ежедневно на тысячу смертельных мук, а виновник всех наших терзаний все еще остается на свободе!

Человек, который нас будоражил, направлял наши действия, деспотически внушал свои мнения, руководил нашими выступлениями, спокойно наблюдает за нашей тревогой и отчаянием! Нет, правосудие требует, чтобы перед ним предстал тот, кто, указав нам бездну, куда, слепо повинуясь его голосу, мы ринулись, оказался столь трусливым, что покинул нас на ее краю! Для нашего дела важно, чтобы Каррье предстал перед судом. И судьи, и народ должны, наконец, узнать, что мы были лишь исполнителями его приказов и слепым орудием его ярости.

Пусть опросят весь Нант, все вам скажут, что Каррье один вызывал, проповедовал, приказывал проведение всех революционных мер.

Каррье заставил председателя трибунала отправить на гильотину без суда 40 вандейцев, взятых с оружием в руках. Каррье также заставил военную комиссию расстрелять 3 тыс. разбойников, развращавших город.

Каррье дал Ламберти и Фуке право распоряжения жизнью и смертью мятежников, а они, злоупотребляя своей властью, убивали даже беременных женщин и детей.

Во время восстания в Буффэ и угрозы вторжения католической армии Каррье предложил объединенным администрациям массовое уничтожение заключенных. Каррье приказал утопить 144 человека, смерть которых, по его мнению, была необходима для обеспечения спокойствия в тюрьме и городе. Наконец, Каррье единолично дал тот страшный импульс, который довел до исступления патриотов, пылких, но введенных в заблуждение.

Граждане присяжные, ваша спокойная выдержка свидетельствует о беспристрастности, и вы не выскажетесь о судьбе столь многих заблудших жертв, не выслушав виновника всех наших бед и всех наших ошибок. Пусть Каррье явится, пусть он оправ-

дает несчастных исполнителей своих приказов или пусть проявит благородство и примет на себя одного всю вину».

Конвент решился предать Каррье суду. Его обвинительный акт от 5 фримера очень мал по сравнению с колоссальным перечнем обвинения, содержавшимся в докладе Комиссии 21-го, которая, правда, вынуждена была учитывать любые обвинения, в том числе и весьма сомнительные, пущенные в ход страстями и жаждой мести. Вот этот обвинительный акт:

«Конвент, заслушав доклад Комиссии 21-го, обвиняет депутата Каррье в том, что 27 фримера он дал Филиппу, председателю уголовного суда департамента Нижней Луары, письменный приказ немедленно казнить без суда 24 разбойников, задержанных с оружием в руках и препровожденных в Нант, среди которых было два ребенка по 13 и два — по 14 лет; в том, что 29 фримера он дал тому же Филиппу письменный приказ казнить 27 разбойников, взятых с оружием в руках, в числе которых было 7 женщин.

В том, что он уполномочил военную комиссию производить расстрел целых коммун, значительная часть которых никогда не поднимала оружия против Республики, захватывать мирных сельских жителей и предавать их смерти без всякого суда; в том, что он распорядился потопить и расстрелять разбойников, доверившихся амнистии и потому явившихся в Нант; в том, что он распорядился истребить конных разбойников, явившихся, чтобы сложить оружие, и предложивших выдать своих начальников; в том, что он приказывал производить потопления и расстрелы мужчин, детей и женщин, среди которых имелись и беременные; в том, что он дал некоему Ламберти неограниченные полномочия, пользуясь которыми последний производил потопления и так называемые республиканские браки; в том, что он запретил всем гражданам повиноваться приказам представителя народа Треуара; в том, что он письменно предложил генералу Аксо сжечь все дома в Вандее и истребить всех ее жителей».

Каррье защищался в трибунале так же, как он это делал в своем докладе Конвенту и во время зачитывания доклада Комиссии 21-го. Он сослался на те два декрета, которые предписывали: один — сжечь, другой — истребить всю Вандею. Он также старался отвести обвинение в потоплениях и расстрелах, которые он всецело отнес на ответственность комитета, ручаясь, что никто не сможет предъявить какой-либо письменный его приказ. Он прикрылся также щитом данных ему неограниченных полномочий, а также щитом Конвента, заявив, что его процесс является прелюдией к процессу, который хотят открыть против самого Конвента, поскольку последний одобрил и предписал особыми декретами все меры, принятые депутатами, отправленными с миссией в провинцию. Он заявил, что аристократия, которая всегда настороже, собирается использовать этот процесс для полного уничтожения национального представительства; что, не будучи

в состоянии уничтожить его сразу, она пытается разбить его на части; что преследования, которым он подвергается, вызваны только крутым изменением политических мнений; что в любой стране, где имеют хотя бы мало-мальское представление о свободе, он был бы оправдан уже за одно то, что руководствовался намерением служить своей Родине. В то же время он дал отвод Революционному трибуналу, обвиняя его в том, что судебное следствие свелось к выслушиванию множества роялистов, федералистов, информаторов или сообщников вандейских разбойников. Наконец, он нарисовал в высшей степени жуткую картину жестокостей, учиненных последними в отношении патриотов; эта картина, если бы можно было ей верить, несомненно, сильно сгладила бы те убийственные нарушения, которые вменяются ему в вину.

«Кто не знает, — говорит он, — что в гражданских войнах применяются самые суровые репрессии? *А была ли когда-нибудь гражданская война, в которой восставшие совершили бы столько ужасов, жестокостей, убийств и истреблений, как в Вандее?* Сейчас, кажется, это забыто; но можно ли восстановить ужасную картину этого прошлого, не испытывая глубочайшего содрогания? Надо, однако, набросать эту картину.

Разбойники дали первый сигнал и первый пример убийств и истреблений: Машкуль был первым театром, где разыгрались эти ужасные события. Разбойники там в куски изрубили 800 патриотов; их похоронили еще полуживыми, прикрыли только землей их тела, оставив открытыми руки и ноги; их жен связали, заставили присутствовать при казни мужей; затем их вместе с детьми живыми пригвоздили всеми членами к дверям их домов, и так их убивали, пронзая тысячью ударов. Конституционный священник был проколот насквозь и в таком виде его водили по улицам Машкуля, предварительно изуродовав самые чувствительные части его тела; еще живым его пригвоздили к дереву свободы. И среди крови и изуродованных трупов священник вандейцев служил мессу.

В болотах Нор перебили батальон, насчитывавший 600 сынов Нанта, а затем искалечили их тела.

В Шоле разбойники повторили ужасные сцены, разыгравшиеся в Машкуле: они подвергли патриотов самым ужасным пыткам; до того как лишить их жизни, они пригвождали женщин и детей живыми к дверям домов и затем пронзали их ударами. Они производили эти неслыханные пытки повсюду, где им встречались патриоты или мирные жители, не желавшие пополнить их ряды.

Когда они захватили Сомюр, все, кто имел репутацию патриота, погибли в самых ужасных мучениях: женщины с детьми на руках выбрасывались в окно; эти тигры волокли их по улицам, а затем закалывали.

Мучения, которым они подвергали наших храбрых защитников, были не менее жестоки; расстрелы и убийства штыками почти не считались варварством; самым обыденным представлялось подвешивать людей за ноги к деревьям и зажигать под их головами костер или живыми пригвождать их к деревьям, закладывать им патроны в нос и в рот, зажигать их, обрекая жертвы на смерть в этих ужасных муках. Мы не могли сделать в Вандее ни одного шага, не встречая этих ужасных, раздирающих душу картин. В одном месте, вступая в деревню, мы видели наших храбрых защитников, изрезанных на куски или пригвожденных к дверям домов; в другом месте нашим взорам представали подвешенные на деревьях или изгородях обезображенные трупы наших храбрых братьев по оружию, полусожженные, а иногда почти полностью обгоревшие; еще дальше мы находили их бездыханные тела, привязанные или пригвожденные к деревьям или столбам, изуродованные, пронзенные штыками, с сожженными, обугленными лицами.

Разбойники не ограничивались этими бесчеловечными пытками; они набивали свои печи нашими храбрыми защитниками, разжигали в них огонь и таким жестоким образом истребляли их.

Ныне эти каннибалы придумали новый вид пытки: у защитников Республики, которых берут в плен, отрезают нос, руки, ноги и после этого бросают их в темные карцеры.

Нельзя, стало быть, удивляться тому, что при виде стольких жестокостей мы иногда прибегали к довольно суровым карательным мерам; с возвращением спокойствия они заставляют людей гуманных содрогаться; но нельзя останавливать их взоры на этом, надо обратить их на то время, на те обстоятельства, которые вызвали подобные методы. Каково же было наше политическое положение, когда эти меры применялись? С севера до юга наши границы были нарушены; измена дезорганизовала наши армии; внутри страны все было объято огнем, Тулон был продан англичанам; Марсель, Лион, Бордо, взявшись за оружие, вместе со всеми департаментами Юга образовали единый фронт, угрожающий Республике; все департаменты Северо-Запада находились в волнении и вооружались против Национального конвента; Вандея стала грозной в результате своих побед; вся бывшая Бретань пребывала в состоянии поистине тревожного возбуждения; ее побережью и портам угрожал десант в 30 тыс. англичан или эмигрантов, расположившихся близ островов Джерси и Гернси; департамент Морбиан находился в состоянии открытого восстания; Нант, окруженный разбойниками, опустошаемый заразой, перебивался со дня на день, с трудом добывая себе продовольствие; разбойники проникли в город, поддерживали связи со многими жителями Нанта, которые пополняли их ряды, помогали оружием и боеприпасами; разбойники подняли бунт в тюрьмах, в городе готовился большой заговор. Вот в таком положении, среди стольких врагов, опас-

ностей и трудностей находился город Нант с его слабым гарнизоном. Убитые и замученные разбойниками братья, родные, друзья взывали к мести, и память о них неустанно возбуждала это чувство. Можно ли сейчас удивляться тому, что такое множество опасностей, с одной стороны, и такое множество жестокостей — с другой, вызвали крайние меры? И можно ли сегодня, согласуясь с изменившимся направлением общественного мнения, хладнокровно судить о том, что в прошлом году вершилось среди бурь, опасностей и острых нужд, когда перед глазами стоял только окровавленный образ Родины, когда невозможно было руководствоваться иным правилом, иной мерой, иным законом, кроме спасения народа?»

Нельзя отрицать, что подобный ответ на самые страшные нападки, когда-либо обрушивавшиеся на голову обвиняемого, отнюдь не лишен силы.

Весь остальной ход судебного следствия не представляет почти ничего достойного внимания историка. Только заявление одного свидетеля, по имени Монерон, дает убедительное подтверждение нашим доказательствам наличия широкого плана уничтожения населения и изменения способа распределения имуществ: слова свидетеля ясно и с полной очевидностью подтверждают существование плана и доказывают, что Каррье был посвящен в эту великую тайну. Вот содержание этого показания.

Свидетель заявляет, что он трижды обедал в Париже в обществе Каррье и других лиц. За последним обедом, на Елисейских Полях, Каррье в порыве откровенности сказал нам: «Подсчет населения Франции показал, что на квадратное лье приходится тысяча жителей; доказано, что почва Франции не может прокормить всех ее жителей; необходимо отделаться от избытка этого населения, иначе существование Республики невозможно; начать надлежит со священников, дворян, торговцев, банкиров, купцов и т. д. Никто из этих людей не может любить Республику».

Можно также отметить речь обвиняемого Гулена, красноречивую, содержащую глубокие наблюдения и взгляды. Несколько таинственный тон, в котором выдержана эта речь, наводит на размышления о тех важных обстоятельствах, которые и после этого торжественного процесса остались в тени. То, каким образом оратор явно намеренно говорит об этой завесе, почти позволяет угадывать, что за нею скрывается.

Вот эта речь Гулена:

«Вчера Каррье потребовал от меня сделать разоблачение, что я накануне имел неосторожность обещать. По какому же праву смеет он взывать к правде, когда она ему выгодна, если он каждый день изменяет ей, выступая против нас? С позволения суда, я ему не подчинюсь, и жаль, что я не начал отказывать ему в повиновении раньше.

Вчера я начал было отвечать, но внезапное недомогание помешало мне продолжать; я сказал вчера, что минутное волне-

ние, вызванное присутствием свидетелей, которым скорее надлежало бы разделить наши страдания, нежели быть их виновниками, исторгло у меня полупризнание, заставило меня проговориться. Я уже говорил вчера и повторяю сегодня, что по зрелом размышлении я вернулся к своим истинным убеждениям и принципам и заявляю, что скорее умру, чем открою тайну, раскрыть которую опрометчиво пообещал. Итак, я прошу прощения и у патриотов, и у общего дела; да, у общего дела, ибо разоблачать патриотов — значит доставлять радости и успехи аристократии.

С другой стороны, какой смысл привлекать к моему делу еще одного патриота? Стану ли я менее виновным, если посажу рядом с собою новых обвиняемых? Мои ошибки — это мои ошибки, и, как бы дорого они мне ни обошлись, я не буду трусом и не буду сваливать их на других.

Решительный противник макиавеллевой системы Эро-Сешеля, я равным образом презираю и того, кто ее проповедовал, и того, кто смог ее осуществлять. Все, что я писал, вполне недвусмысленно; я всегда называю кошку кошкой, и в моем словаре слова «потопление» и «перевозка» не выдаются за синонимы. Все мои поступки честны; я никогда не опускался до того, чтобы укрываться от правосудия за спиною жертв.

Все мои действия очевидны: если меня судить по ним, то, конечно, я виновен, и я заранее примиряюсь со своей судьбой; но если судить мои намерения, то скажу с гордостью, что я не страшусь ни суда присяжных, ни суда народа, ни суда потомков.

Каррье, ты требуешь, чтобы я объявил правду: я имею больше прав предъявить это требование тебе. До сих пор ты постоянно вводил в заблуждение судей и публику. Более того, ты постоянно лгал своей собственной совести!

Ты упорствуешь в отрицании самых несомненных фактов. Я даю тебе пример правильного поведения. Подражай мне, сумей признать свою вину. В противном случае ты унизишь себя в глазах народа, ты покажешь, что никогда не был достоин представлять его...

Уж давно твои сообвиняемые, твои подчиненные, скажем вернее, твои несчастные жертвы играют здесь ту роль, которая предназначена тебе! Поверь мне, пока не поздно, возьми эту роль на себя. Будь благородным и правдивым, каким должен быть представитель народа. Признай дело своих рук; сознайся в своих заблуждениях, и если это приведет тебя к роковому концу, то по крайней мере ты унесешь в могилу сожаления некоторых твоих сограждан.

На это надеюсь и я; я всегда был и остаюсь правдивым; и, признаюсь, это и дает мне спокойствие, я бы даже сказал, веселье, сопровождающее меня и в тюрьме».

Каррье нечего было сказать сверх того, что он уже сказал. Доказательства и конкретные факты уличали его. Особенно важно, что он не мог возражать против того, что он подписал два приказа

о казни без суда мнимых разбойников, среди которых были дети 13 и 14 лет. 26 фримера последовал приговор:

«Трибунал, заслушав заявление присяжных, гласящее, что установлено, что в департаменте Нижняя Луара, а особенно в городе Нанте, практиковались махинации и сговоры, направленные к нарушению безопасности и свободы французского народа путем свершения актов произвола, посягающих на свободу граждан, распоряжения жизнью граждан, которые отнюдь не были разбойниками, путем предания смерти через потопления и расстрелы, путем подавления всего страхом и террором и осуждения безупречных граждан.

2-е. Что Каррье стал виновником или соучастником указанных действий, дав приказы расстрелять без суда 27 и 28 фримера разбойников, среди которых были дети 13 и 14 лет, распорядившись топить и расстреливать, допуская или предписывая массовые потопления, давая неограниченные полномочия Фуке и Ламберти, а также Лебате, которые, пользуясь этими полномочиями, совершали неслыханные акты жестокости.

3-е. Что все это он делал сознательно, со злым умыслом и с контрреволюционными намерениями.

Что Гулен, Шо и другие являются или не являются виновниками или сообщниками указанных махинаций.

Трибунал, заслушав речь общественного обвинителя по вопросу о применении наказания, в соответствии с законами, на которые он ссылался, приговаривает Каррье к смертной казни и объявляет его имущество конфискованным в пользу Республики.

Мишель Моро, прозванный Гран-Мезон, 39 лет, уроженец Нанта, проживающий там же, член революционного комитета; Жан Пинар, 26 лет, уроженец Кристоф-Дюбуа, департамент Вандея; проживает в При-Мар, департамент Нижняя Луара, комиссар революционного комитета, — обличенные в соучастии, приговариваются к смертной казни.

Жан-Жак Гулен, член Нантского революционного комитета, 37 лет, уроженец Сан-Доминго, проживающий в Нанте;

Пьер Шо, 35 лет, уроженец Нанта, проживающий там же, торговец и член революционного комитета;

Жан-Маргерит Башелье, 43 лет, уроженец Нанта, член революционного комитета, нотариус;

Жан Перрошо, 43 лет, уроженец Нанта, подрядчик по строительному делу и член революционного комитета;

Жан-Батист Мэнге, 56 лет, уроженец Нанта, проживающий там же, булавочник и член Нантского революционного комитета;

Жан Левек, 38 лет, уроженец Майенна, департамент Майенн, каменщик, член Нантского революционного комитета, проживающий в этом городе;

Луи Но, 30 лет, уроженец Нанта, проживающий там же, деревообделочник и член революционного комитета;

Антуан-Никола Болоньи, 47 лет, уроженец Парижа, часовщик, проживающий в Нанте и член революционного комитета;

Пьер Галон, 42 лет, уроженец Нанта, проживающий там же, сахаровар;

Жан-Франсуа Дюрасье, 50 лет, уроженец Нанта, проживающий там же, маклер по разгрузке судов из Сан-Доминго;

Огюстен Батай, 46 лет, уроженец Шарите-сюр-Луар, проживающий в Нанте;

Жан-Батист Жоли, 50 лет, уроженец Андервиль-ла-Мартель, департамент Нижняя Сена, литейщик, проживающий в Нанте;

Рене Но, старший; Дюку; Жозеф Вик; Жан-Клод Ришар; Пьер Фуко; Жюльен Шартье; Жак Осюливан; Корон; Креспен; Жозеф Бутель; Жак Готье, солдат роты им. Марата; Ив Пру; Пьер Гийет; Бусси, торговец зонтиками в Нанте; Жан д'Эрон; Бенар, по прозвищу Гро-Бенар; Лефевр, помощник генерала Аксо; Робен, бывший секретарь Каррье; Форже, привратник в доме Буффэ, оправдываются и освобождаются из заключения».

Национальный конвент не утвердил этого приговора. Декретом от 28 фримера он распустил трибунал и приказал вновь арестовать всех обвиняемых, которые были оправданы. Такой шаг вызывает ряд замечаний. Те, кто находит, что все к лучшему, одобрили его. Но те, кто думает о принципах и не любит ничего другого, громко жаловались на этот акт, как на чрезвычайное нарушение закона. Люди спрашивали: во что же тогда превращается священный принцип суда присяжных? Во что превращается институт суда в целом, если он до такой степени смешан с правящей властью, что находится в рабской от нее зависимости, слепо ей повинуется и склоняется перед любым ее желанием. На что можно будет впредь полагаться, если после торжественного оправдания по суду человека могут вновь арестовать? Стало быть, отныне свобода совести присяжного будет такой же, как при режиме Робеспьера, о котором столько кричали, и присяжный будет обязан прежде, чем вынести решение, узнать мнение оракула в святилище, в правительственном Комитете? Какой раб согласится быть судьей при таких условиях? Патриот, свободный и незапятнанный человек, навеки осудит кощунственного лакея, который так осквернит самую святую должность.

Мог ли тот великий суд нации, каким является совесть народа, утвердить это смелое решение сената? Неужели хотели довольствоваться тою химерическою тенью принципов, которую проповедует Бурдон из Уазы: что опасно, чтобы власть долго пребывала в одних и тех же руках? Конечно, было бы невозможно повернуть этот аргумент против удачливого изобретателя диктатуры без диктатора. Даже если диктатура будет несменяемой, как предполагалось, только злонамеренные могут увидеть в этом опасность. Пусть даже, став несменяемой, она получит исключительное право каждый триместр обновлять состав судей и присяжных

трибунала, чтобы обеспечить себе безоговорочно послушную особую палату [94*] — это тоже будет, по-видимому, считаться лишь данью уважения принципу, гласящему, что опасно слишком длительно оставлять власть в одних руках. Но почему вдруг нам решили продемонстрировать это так называемое применение великого принципа? Это сделано в связи со слишком мягким приговором Революционного трибунала по делу Нантского революционного комитета. Я тоже изучил этот приговор. Я постарался уяснить его себе, и, если бы я был на месте присяжных, вот чем, по-моему, я должен был бы с точки зрения политической и революционной мотивировать свое решение:

Свободный от малейшего влияния тех отравителей общественного мнения, которые, когда речь идет о самых сложных делах, показывают лишь одну их сторону, изолируя ее от всех связанных с этими делами обстоятельств, я сосредоточиваю свое внимание на столь известном и столь неотделимом от революций принципе: справедливость относительна. Я убежден в том, что, если отрицать этот принцип, суд присяжных становится бесполезным. Достаточно было бы одного закона, жесткого, негибкого, одинаково применимого к отроку и к старцу, к пастушке и к солдату, раздраженному своими ранами, к человеку, действующему хладнокровно и разумно, и к человеку, одержимому страхом, опасениями или любой другой страстью.

Рассматривая затем это большое и печальное дело с политической точки зрения, я признаю, что это была борьба двух партий, что одни французы, с затуманенными гневом глазами, преследовали других французов; и если после этой свалки все еще продолжать кровопролитие, то нет гарантии, что придет конец мести; и я спрашиваю себя: кто может без дрожи смотреть на будущее и видеть, как Франция, собственными руками раздирая свои внутренности, гибнет под радостные, торжествующие возгласы тиранов и рабов?

Тогда я сказал себе:

Если я специально уполномочен вынести от имени народа приговор по делу революции, по святому делу человечества, то я никогда не забуду, что важнейший из всех законов, тот, в коем сосредоточены все остальные, есть спасение народа. Я никогда не забуду, что только ему, трудолюбивому творцу нашего возрождения, принадлежат плоды этого великого дела и вся слава его.

Чтобы суждения мои всецело отвечали духу возложенной на меня миссии, мои глаза будут постоянно обращены к зрелищу великих революционных кризисов, их причин и их следствий. Душой и сердцем я буду всегда помнить о постоянных и мучительных трудах, о преданности и бескорыстии людей из народа,

---

[94*] *В оригинале chambre ardente — так называли особые суды, учрежденные Франциском I для осуждения еретиков на сожжение, и чрезвычайные комиссии, установленные Людовиком XIV против отравителей (Прим. переводчика).*

оказавшихся в гуще этих бурных и неукротимых событий. Можно ли недооценивать то, что они принесли в жертву родине свои склонности и свои самые сердечные привязанности?

Хотя я не прислушиваюсь к крикам о мести, издаваемым тенями моих братьев, павших, сражаясь за Республику, их скорбные возгласы все же звучат и всегда будут звучать в моей душе! А их соратники, покрытые почетными рубцами, изувеченные огнем и мечом роялистов и фанатиков, каждый день напоминают мне об их добродетелях и мужестве и о жестокости их убийц.

Всегда бдительный к скрытым проискам хулителей демократии, которых несчастье не смогло исправить; извиняя заблуждения, вызванные невежеством, предубеждения и ошибки людей, охваченных страстью, раздражение тех, кто стал жертвой несправедливости, я поражу смертной казнью, которую законодатель считает все еще необходимой, всех, кто является врагом народа: и тех, кто лишает его принадлежащего ему достояния, и тех, кто грязными спекуляциями доводит его до голода, и тех, кто убивает его путем измены или с оружием в руках, и особенно тех, кто не признает его суверенитет, кто посягает на его свободу.

Я исполню этот долг, священный, но страшный. В эти дни победы справедливости и милосердия храброго и великодушного народа; в эти дни отпущения грехов французам, долгое время заблуждавшимся, совершавшим преступления, даже отцеубийцам... ведомый любовью к родине, при свете ее факела я с болью перебираю в уме ужасы, которые пережил несчастный Нант.

Его опустошали чума и голод, у самых его стен бушевала гражданская война, а в самом городе царил раскол. Граждане, которых называли «федералистами» (они отнюдь не были сторонниками равенства, которое для них всего лишь химера), клеветали на монтаньяров: они им приписывали намерение восстановить короля, им, отправившим Капета на эшафот! Они неправильно поняли смысл событий 31 мая, 1 и 2 июня, событий, положивших конец, к большому удовлетворению народа, распрям в Конвенте, столь благоприятным для объединившихся против нас тиранов. Монтаньяры, будучи искренними демократами, но при этом людьми подозрительными, резкими, не очень ловкими, среди которых имелось и несколько развращенных и жестоких людей, указывали на своих противников как на аристократов, виновников и тайных пособников Вандеи. Когда надо было сражаться с католической армией, любовь к Родине воодушевляла всех жителей Нанта, и они умирали на поле битвы или возвращались победителями.

Но общие несчастья, скорбь по потерянному брату, сыну, другу, радость от сознания избегнутых опасностей — все это не могло заставить забыть предубеждения и ненависть между партиями!

Человек миролюбивый и в то же время твердый мог бы восстановить согласие; Нант не превратился бы в поле смерти, по

которому бродят призраки граждан, согбенные бременем страха. Но туда был послан демон-истребитель.

Бешеная ненависть к аристократии накалилась до предела. Предубеждения стали реальностью, когда Каррье, облеченный высшими полномочиями, раздраженный спорами со своими оппонентами, следующий только своим предубеждениям, безудержно предающийся всей ярости своего темперамента, потрясающий своим железным скипетром с высоты трибуны народного представительства, которую он тем самым пятнал, принялся сеять вокруг злобу и ненависть. Его неистовство опустошило эти края, подобно лаве, извергаемой Везувием; оно уничтожило аристократию и разбойников; но от него пострадала и человечность, и невинные люди, женщины и дети стали его жертвой. Проникая в горячую кровь патриотов, пострадавших от вандейцев и потому легко вспыхивавших гневом и раздражением, это неистовство сделало их неукротимыми, и Каррье руководил ими в их безумии.

Их восторженные чувства к Горе, уважение, восхищение и благодарность, которыми они были проникнуты к Конвенту, давшему Франции демократическую Конституцию, — все эти их чувства, естественно, обратились на монтаньяра, бывшего делегатом Конвента и облеченного всеми полномочиями; а мы помним, какие полномочия присваивали себе некоторые заговорщики под сенью революционного правительства. Людям предстоял выбор между абсолютным повиновением и позорной смертью на эшафоте, под крики «браво!» народа, почтенного, доброго, но обманутого и недостаточно вдумчиво относящегося к своим делам. Можно ли кому-либо верить на слово после того, как раскрыто столько жестоких обманов? В ходе этого дела можно было видеть, что угнетателям народа ничего не стоит лгать; секрет этого известен. Нельзя забыть макиавеллевское изречение члена Комитета общественного спасения Эро-Сешеля в его письме к Каррье: «Характер национального представительства развертывается с бо́льшей силой и бо́льшим влиянием, когда депутаты не задерживаются в одном месте, когда у них нет времени, чтобы завязывать многочисленные личные отношения, когда они наносят тяжелые удары на ходу, а ответственность за них предоставляют нести тем, на кого они возложили их исполнение».

Со скамьи подсудимых Ламберти и Фуке тщетно взывали к Каррье, чтобы он дал оправдание ужасным экспедициям, совершенным ими по его приказу. Верный только что приведенной максиме, он их покинул, несмотря на то, что почитал Ламберти как лучшего из людей. Они были справедливо осуждены за то, что спасли двух преступников от казни; а Каррье, по приказаниям которого совершались массовые истребления, заседал в Конвенте. Весь Нант знал, что он отдавал приказы о массовых потоплениях и расстрелах, но наказали его подчиненных, потому что все еще стремились обезопасить его лично. Чтобы не дать воз-

можности многим гражданам, известным своим патриотизмом, выступить на его процессе, задумано было погубить их.

Резюмируя, я скажу, что во всем ходе этого злосчастного дела я вижу только результаты воздействия партийных страстей, столь долгое время терзающих Францию. В ужасных фактах, установленных на суде, я вижу только гибельные последствия гражданской войны.

Я вижу, что все обвиняемые — люди, доведенные до крайнего возбуждения тревогами, ненавистью и жаждой мести, т. е. чувствами, которые почти всегда вызывают у энергичных людей коварство и жестокость убийц родины, осквернителей свободы, прирожденных врагов равенства.

Перенесясь мысленно ко временам, когда им пришлось бороться за спасение народа, я вспомнил их, угнетенных голодом и болезнями, царившими в городе, увлеченных анархией, свирепствовавшей тогда во всей Франции, исполненных того духа, которым продиктован декрет от 27 марта II года Французской республики, составленный в таких словах:

«Национальный конвент провозглашает свою твердую решимость не заключать ни мира, ни перемирия с аристократами и врагами революции; он постановляет, что они находятся вне закона (вне закона!); что все граждане будут вооружены, хотя бы пиками, и что немедленно начнет действовать чрезвычайный трибунал. Подписи: Жан-де-Бри, председатель, и Гранжнев, секретарь».

Мне казалось, я почти что вижу, как их, в их революционном безумии, возбуждают слова Конвента: «Разбойники должны быть истреблены до конца октября», — и я припомнил, что в те времена волнений и терзаний самые спокойные, самые равнодушные к судьбам родины люди, встревоженные, пораженные ужасом при виде зверств и опустошений, творимых мятежниками, громко требовали полного уничтожения Вандеи. И мне казалось, что я слышу следующие слова национального представительства (от 11 дня второго месяца II года): «Каждый город Республики, который примет у себя разбойников, или даст им подкрепления, или не отбросит их всеми средствами, находящимися в его распоряжении, будет наказан как мятежный; и, следовательно, он будет сравнен с землей, а имущество жителей будет конфисковано в пользу Республики». Тогда, вознеся уровень моих представлений на высоту моей миссии, пораженный мыслью, что судьбы Республики связаны с этим прискорбным делом, я, присяжный революции, чьим компасом всегда был ее успех, несмотря на все уловки, с помощью которых пытались ввести в заблуждение общественное мнение и обмануть мое доверие, став выше всех предубеждений, преувеличений и клеветнических вымыслов, направленных на сокрытие от нас истины, поняв, в какую пропасть могла бы ввергнуть республиканцев и Республику ненасытная мстительность, проникая строгим оком в сердца обвиняемых,

я увидел в них, за исключением главного вдохновителя их действий и стремлений, лишь людей, страстно влюбленных в свободу и глубоко сожалеющих о своем неистовстве. И сразу же моя совесть выступила в их защиту, сказав: «Их намерения никогда не были ни преступными, ни контрреволюционными», — и с сердечной радостью я воскликнул: «В эти дни всеобщего милосердия, когда делегаты народа предоставили амнистию тем французам, которые самым ужасным образом заблуждались, долго и яростно проявляли жестокосердие и повседневно и упорно губили нацию, пусть, наконец, все граждане получат возможность по-братски обнять друг друга и, объединив свои усилия, одним ударом поразить всех тиранов, виновников страданий моей родины!»

Примечание, перенесенное со стр. 12 [*см. стр. 220 настоящего тома*]. Я намеревался дать в этом примечании пространную статью о революционном правительстве. Дабы не казаться единственным, кто выступает против этого тиранического и жестокого установления, я предполагал показать, какие мощные залпы обрушили на него пламенные борцы за дело свободы, в частности авторы «Искры разума», «Тени Камилла Демулена» и «Давайте объяснимся». Но факты, изложенные в моем сочинении, свидетельствуют против этого правительства сильнее, чем все юридические аргументы, сильнее даже, чем принципы, которых оно никогда не придерживалось. К тому же этот колосс уже постепенно умирает, и он отлично умрет естественною смертью. Уже нет смысла прилагать особые усилия, чтобы его раздавить.

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека; продолжение Газеты свободы печати Гракха Бабефа *

№ 28

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

28 фримера III года Республики [83] [18 декабря 1794 г.]

Нынешнее положение родины. — Революция отступает. — Система пресмыкательства в порядке дня. — Развращение общественной нравственности посредством проституции и фиглярства. — Представление прав человека на театрах и возобновление

* Если кому-нибудь не нравятся принятое мною имя и название моей газеты, таковых я отсылаю к моему номеру 23 и предлагаю опровергнуть сказанное мною о причинах, побудивших меня их выбрать. Чтобы убедить меня отказаться от них, потребуются аргументы, не допускающие возражений.

скоморохами их репертуаров времен монархии. — Осуждение санкюлотизма и всех его атрибутов. — Возрождение царства господ. — В порядке дня законы о завивке волос. — Необходимость всех этих мерзостей для подготовки судебного процесса против революции. — Убедительные доказательства намерения свергнуть Конституцию 93 года и республиканскую систему, извлеченные из сочинений членов одной клики. — Трибун народа клянется заколоть кинжалом в сенате или другом месте первого же депутата, который осмелится выступить с предложением об этом свержении.

Я снова беру в руки молнию правды. Некогда я уступил вкрадчивым внушениям так называемого благоразумия и ради того, чтобы украдкой напомнить о принципах, решил воспользоваться в нескольких маленьких произведениях оружием хитрости и окольными путями добиться возможности сказать несколько слов правды. Но такое вооружение и такой способ фехтования не по мне; из-за них меня едва не сочли человеком с сомнительными намерениями. Теперь я снова становлюсь самим собой. Я отрекаюсь от всякого притворства, за которым скрываются лишь коварство или малодушие. Я отвергаю всякую тактику лицемерия. Я дерусь врукопашную и честно бросаю вызов всем опасностям. Словом, я опять говорю своим подлинным голосом, занимаю свои истинные позиции и взмахиваю той дубиной, которую привык держать в руках. Храбрый Аякс отнюдь не должен прибегать к изворотливости и хитростям Одиссея.

Но для чего мне мужество? В какой стране я нахожусь? Та ли это самая страна, где я находился, когда прекратил борьбу? Что значат все эти новые события? Куда мы идем? В каком состоянии наши права человека? Надо разобраться во всем этом, прежде чем приступить к каким-либо действиям.

Не будем закрывать глаза на то, что есть. Закоренелые рабы рассчитывают безнаказанно завершить дело тирании. Они думают, что это ради них каста свободных людей в течение пяти лет приносила в жертву свою кровь и свои труды. Они думают, что им удалось полностью обуздать или усыпить народного льва. Совершается вызывающее тревогу отступление. Все пороки, вся гниль старого режима опять нагло выходят наружу, они оттирают людей Республики и ее принципы. Повсюду видишь только упадок, порчу нравов, проституцию, коррупцию. Раболепность и пресмыкательство стали, по-видимому, первейшими добродетелями... Я предвидел это опустошительное вторжение. Я ушел в свою мастерскую и молча ковал там копья, считая, что для народа будет полезнее, если я внезапно и разом обрушу их на эту орду, нежели буду, как прежде, пускать по ней несколько стрел ежедневно. Но теперь я вижу, что не следует давать передышки этому сброду пресмыкающихся, чьи ядовитые выделения могут вскоре навсегда отравить атмосферу свободы. Я направлю

против него свои особые удары, я нападу на него сначала, как стрелок, буду его постоянно тревожить, прежде чем дать ему большое сражение в тот момент, когда все свободные и энергичные люди, а их отнюдь не следует считать умершими, соберутся вместе, чтобы еще раз разбить в прах эту гнусную породу.

Я первый глашатай патриотического негодования, возмущенный удивительно быстрым возрастанием дерзости холуев. Все эти развратники старого двора очень уж быстро возрождаются. Погоди, наглая шайка! На чердаках философов куются молнии правды; они поразят вас со всех сторон; их будет достаточно, чтобы вас уничтожить. Инквизиторы! Пусть ваши ищейки рыскают по следам всех великих истин, пусть они обыщут все подвалы, где прячутся последователи Марата, проверят все печатные станки; предупреждаю вас, многое готовится к печати: старайтесь перехватить все без исключения, иначе вашим друзьям придет конец.

В этом номере, вышедшем в свет после долгого перерыва, я не должен заниматься своими личными делами. Хотя адвокату народа совершенно необходимо оправдаться, когда его обвиняют, и доказать, что он достоин этого народа, я не стану в момент, когда моя родина требует немедленной помощи, тратить время на опровержение коварных и гнусных обвинений, распространявшихся рабскими газетами во время преследований, которым я подвергся и которыми горжусь. Я не буду также терять время на протесты против этих преследований, столь вопиюще несправедливых, что сами их инициаторы не сумели поддержать свои обвинения, которые, к их ужасу, обернулись против них же самих.

Нет, я должен заняться ранами моей родины, я должен начать с того, что обрисую положение, в котором она находится. Я не считаю его столь прекрасным, как одна очень распространенная газета, утверждающая, что нынешний порядок есть максимум счастья. «L'Orateur du Peuple», однако, отметил в своем 40-м номере, который, на мой взгляд, стоит один больше, чем 39 предыдущих, что аристократия осмеливается поднять свою наглую голову, во весь голос поносить свободу, проповедовать свержение Республики, оскорблять народ и бросать вызов законам. Я тоже очень четко вижу это, и я отнюдь не нахожу, что в намерения правителей входило принять карательные меры против этих серьезнейших преступных посягательств. Когда одним из первых я страстно выступал против чудовищной системы Робеспьера, я был далек от мысли, что способствовал возведению сооружения, которое, хотя и в совершенно противоположном смысле, будет не менее пагубно для народа. Требуя снисходительности, прекращения всякого принуждения, всякого деспотизма, всякой несправедливой суровости, а также требуя самой полной свободы письменного и устного выражения мнения, я отнюдь не предвидел, что все это используют для того, чтобы подорвать Республику в самых

ее основаниях и открыть новые просторы для мстительных страстей, нарастающая ярость которых может незаметно завести столь же далеко, как и в первом случае. Необходимо перейти к фактам, чтобы обосновать эти вступительные замечания.

Разрушение всех принципов произошло в тот день, когда было установлено, что исключительная привилегия формирования общественного мнения будет принадлежать Конвенту; что не будет больше общественного контроля, никаких призывов к порядку, никакого надзора управляемых над правителями, никаких жалоб на злоупотребления и ошибки властей; что впредь не потерпят, чтобы чей-либо голос, хотя бы даже голос народа, доверителя и суверена, поднимался над голосами уполномоченных; что всякие обращения, которые не отвечают духу Конвента, не будут даже отсылаться в комитеты и получат более или менее серьезное порицание. Но те обращения, которые будут в духе С о б р а н и я, получат самую широкую гласность и удостоятся напечатания в «Бюллетене». Это, конечно, верное средство узнать, какая часть народа настроена в духе правительства и искренне его поддерживает; в то же время было дано понять, что это и серьезное предупреждение той части народа, которая не настроена подобным образом. С тех пор все делается в строгом соответствии с этим планом, который свободный человек не может назвать иначе, как системой совершенного порабощения. В результате некоторые, быть может неправильные, действия, некоторые, если угодно, э к с ц е с с ы, пожалуй о ш и б к и, даже п р е с т у п л е н и я, возмездие за которые я вместе со всеми истинными друзьями свободы, безусловно, одобрил бы, если бы строгость была применена исключительно к личностям; в результате, повторяю, эти неправильные действия, эксцессы, ошибки или преступления послужили поводом, чтобы поразить, без видимых шансов скорого восстановления, учреждение, родившееся вместе со свободою и, как кто-то сказал, как бы слившееся с революцией. В результате сохранившиеся еще до сих пор жалкие подобия собраний, Народных обществ, которые из надзирающих превратились в поднадзорных и оказались подчиненными инквизиторским правилам и чистке, оскорбительным для суверена и для каждого члена суверена, теперь покинуты всеми людьми, сохранившими какое-то представление о своем достоинстве и о своих правах, и временно оказались в полном распоряжении «порядочных людей», которые по воле неких регуляторов ежедекадно собираются, чтобы пресмыкаться перед властью и высказывать полную покорность всякий раз, когда этой власти вздумается изречь: «Мне так угодно». Следствием является то, что сотня борзописцев-лакеев кричат «браво!» по всякому поводу. И между тем как люди, неизменно преданные Республике, стонут вместе с Брутом при виде с т о л ь к и х н и з о с т е й и п о д л о с т е й, все остальное безоговорочно подчиняется властному по-

становлению, запрещающему Риму говорить громче, нежели его сенат.

Если горстка подлых илотов позорит себя, возвращаясь в свою прежнюю стихию, т. е. рабство; если в то время, как патриоты собираются с силами, эта нечисть делает вид, что выражает волю нации, следует ли из этого заключать, что подобное состояние деградации может быть длительным? Конечно, нет. Французский народ, проявивший столько добродетелей, все еще существует, и потоку продажных людей не удастся оторвать народ от его прав, завоеванных ценой обильно пролитой крови и стольких усилий.

Но не пора ли ему проснуться и воздвигнуть внушительную плотину против быстро растущей наглости разврата? Не пора ли и самому правительству остановить ретроградное движение, признаки которого с удивительной быстротой обнаруживаются повсюду и в конечном счете сметут и его, если кризис достигнет такого уровня, что это нанесет чувствительный удар свободе и счастью большинства, что́ заставит народ ополчиться на тех, кто взял на себя всю полноту ответственности за сохранение его счастья? Люди, взявшие на себя такую ответственность, неизбежно связали с этим обязательство быть непогрешимыми, поскольку они потребовали, чтобы никто не вмешивался в их дела, никто за ними не наблюдал и никто их не критиковал; поскольку права управляемых были сведены к праву аплодировать и периодически пресмыкаться; подобная ответственность, однако, весьма тяжела, коль скоро вся эта полнота полномочий бесспорно кончается, как только это обязательство окажется хотя бы частично невыполненным, т. е. как только народ перестанет признавать их непогрешимыми, как только он поймет, что чего-то недостает для безоговорочного счастья, которое ему обещали. Ибо если бесспорно, что правители существуют для управляемых, то одно из двух: либо правители обязуются делать все, что могут, для общего счастья при помощи всего общества, *каждый член которого имеет право участия в выработке законов и их изменении*, и тогда в случае неудачи управляемый имеет лишь право указать правителю то место, из-за которого, по его мнению, корабль дает крен, и средства, по его мнению, наиболее пригодные для устранения этого; либо же правители обязуются, отвечая своей головой, обеспечить это всеобщее счастье безо всякой помощи со стороны управляемых, и тогда, если это обязательство не увенчается полным успехом, народ получает по крайней мере право жаловаться, поскольку в любом случае он вправе требовать, чтобы им управляли хорошо. Но если сейчас не слышно жалоб народа в Конвенте, то их можно слышать повсюду в других местах, и звучат они примерно так.

Поскольку нравы являются гарантами республик, ибо последние зиждутся на добродетелях, то от нравственных учреждений зависит совершенствование или извращение республиканского

духа. Непонятно, почему те, кто сосредоточил в своих руках все сферы управления, завладев муниципальной властью, начали с того, что опять открыли или разрешили открыть все каналы коррупции. При народном управлении, которому ныне выражают подчеркнутое презрение, смешивая при этом порицание людей, злоупотреблявших своим служебным положением, с порицанием учреждения, созданного в соответствии с принципами; при народном управлении, повторяю, для общественной нравственности было сделано то, чего никогда не делали абсолютные власти всех времен. Патриотические песни, республиканские гимны исполнялись во всех театрах, ставших школой принципов и общественных добродетелей. Скандальная проституция исчезла, и Париж не являл более взорам отцов и матерей семейств удручающего зрелища преступления во всей его непристойности и отвратительной наглости. Грубо соблазнительные примеры не влияли более на отроческие чувства моего сына и моей дочери и не отравляли с самого нежного возраста их душу и тело. Не потому ли, что все основанные на произволе власти похожи друг на друга, мы видим, что с тех пор, как народ потерял право прямого надзора за своими нравами, осуществляемого непосредственно или через своих должностных лиц, Париж стал опять таким, каким был во времена королей, т. е. вторым Персеполисом? Я очень хорошо помню, что во время праздника Федерации 1790 года двор, который знал, что разврат плодит рабов, распорядился распределить между посланцами департаментов изданный огромным тиражом каталог всех парижских куртизанок. Какие новоявленные Капеты проявили недавно такое же усердие? Мало того, что дерзкий разврат афишируется и осаждает меня на каждом шагу, ему еще разрешено открыто предлагать мне, моему безусому и стыдливому сыну адреса позорных притонов порока, краткое описание талантов каждой вульгарной Венеры, а также сколько мне надо будет заплатить, чтобы сорвать горькие и мучительные плоды. Без конца сочиняются и переделываются законы о народном просвещении, а пока что вот каковы те практические руководства, которые выпускают или разрешают распределять. С другой стороны, общественные площади отданы в распоряжение грубым скоморохам; их похабные фарсы, их пошлости и шедевры глупости оскорбляют и попирают разум народа, собирающегося толпами, чтобы смотреть этих бродяг и развратителей. Неужели этим и хотят заменить частые народные собрания? В других местах, на закрытых подмостках, другие фигляры соревнуются друг с другом в желании получше угодить «порядочным людям», возрождая все мерзости, порожденные монархией, к упоминанию о которой уже осмеливаются постепенно приближаться путем всяких преступных намеков; они даже бесстыдно потешаются там над правами человека (*над свободой печати!*). И те, кто правит, терпят это!! Можно ли удивляться тому, что от этого так легко переходят к клевете на революцию?

В одной весьма распространенной газете ее назвали пятилетней философической Варфоломеевской ночью. Наименование «санкюлот» в соответствии с тем, как его понимали при дворе Людовика XVI и среди аристократии того времени, стало бранным словом. В результате журналист, сделавший это слово заглавием своей газеты, недавно отказался от него[84]. А одна секция, Лепелетье, недавно отличилась, потребовав, чтобы людей, носящих простую одежду и не завивающих волосы, прогнали с должностей. Все предвещает скорое и полное возвращение царства господ. И что за безумие с нашей стороны стараться копировать, подобно обезьянам, нравы и обычаи древних республик? Разве можно с ненапудренной головой обладать здравым смыслом и энергией? Ведь известно, что Цицерон и Брут, носившие простую одежду, были дураками и трусами. Чтобы быть прочно установленной, Республика должна быть хорошо напудренной. И в эти горестные времена, когда недостает хлеба и во многих местах он продается по 30 су за фунт, Франция не сможет, однако, если от нее потребуется, удержаться и не израсходовать четверть всей своей муки на то, чтобы напудрить затылки бесчисленной важной бюрократии. Ибо ясно, как много неудобств может проистечь от того, что администраторы, их служащие и даже последний посыльный любой администрации не придерживались бы стиля, отличающего их от народа, стиля импозантного, подчеркивающего дистанцию и позволяющего производить впечатление способного человека. Аристократические цирюльники, не плачьте! Царство завивки скоро будет восстановлено. Закон о парике будет вскоре поставлен в порядок дня, и вы с радостью прочтете вместе с другими специалистами в области роскоши следующее Извещение публике:

«Первое обоснование своих прав, которое впредь должен представить всякий ходатайствующий о назначении на должность, заключается в том, чтобы явиться с напудренною головой, с прической à la Мирабо, четырьмя локонами aile de pigeon *, с накрахмаленным жабо, манжетами алансонского кружева и тому подобное».

Но полно шутить. Все это скорее жалко, нежели забавно. Все это ведет прямо к рабству. Я вижу зловещие признаки этого и в рвении, с которым стремятся лишить ореола святости тех, кого родина канонизировала, и возвеличить вместо них людей, заклейменных общественным мнением. Если эта контрреволюция в области репутаций будет доведена до конца, то не окажется ли она близким предвестником той более полной контрреволюции, которую враги свободы постоянно стремятся произвести во всех областях? Что значит это благородное соревнование, когда одни хотят

---

* *Буквально — голубиное крыло. Модная в то время прическа, с двумя локонами с каждой стороны лица, образующими как бы крылья (Прим. переводчика).*

вынести из пантеона прах Шалье, другие — Марата [85]? Итак, рассматриваемый нами вопрос становится особенно серьезным, и говорить о нем надо со всей суровостью.

Чтобы разрушить демократию сверху донизу, необходимо сначала разрушить благоговейное преклонение перед теми, кто наиболее действенно способствовал ее основанию. Затем надо очернить те исторические события, которые нация признала и праздновала как искупительные и славные и которые столь счастливо освободили ее от многовековой тирании. В этих двух направлениях и действуют постоянно в последнее время. Распространялись и распространяются клеветнические вымыслы о людях, которые в представлении всей Франции являются героями и инициаторами революции. И каждый день сочиняются панегирики тем, кого народ осудил как своих врагов и врагов свободы. Авторы этих диатриб и этих восхвалений чернят к тому же и великие революционные события, единодушно признанные всей Францией. Понятно, что я имею здесь в виду ту критику, которая сейчас направляется против событий 31 мая, против народа Парижа и против французского народа в целом.

Последствия этой кампании ужасны. Я желал бы, чтобы обещание, содержавшееся в заявлении, сделанном старым Дюссо при возвращении 71 депутата, могло быть выполнено и чтобы, забыв все обиды, вернувшиеся на свои места братски участвовали в великих трудах Конвента [86]. Но они вернулись как триумфаторы и были встречены как угнетенные, которым воздается должное. Сопротивление, оказанное ими в день 31 мая, рассматривается как их заслуга. Те из них, кто тогда погиб в бою, считаются героями и мучениками. Стало быть, Париж, Франция, сам Конвент, которые некогда одобряли события 31 мая, были неправы и только 71 представитель был прав. Федерализм, сопротивление принципам, на которых основана Республика, либо вообще не имели места, либо не являлись преступлением. Все это еще бы ничего, если бы из этого не могли и не должны были проистечь гибельные последствия. То, что о характере какого-либо исторического события у нации может остаться то или иное мнение, не столь уж и существенно, если это не может оказать влияния на устойчивость установленного порядка. Но если принять во внимание, что оценка, даваемая событиям 31 мая, может создать опасность для учреждений, которые народ считает наиболее эффективными гарантами его свободы и благоденствия, то приходишь в ужас от мысли, каких результатов следует ожидать от нового поворота общественного суждения об этом вопросе.

Вот что отчетливо указывает на наличие опасности. Кампания обвинений против событий 31 мая ознаменовалась дискуссией, в которой почти что единственными и не имеющими оппонентов участниками был 71 представитель. Их цель была очевидна. Она сводилась не только к тому, чтобы обеспечить себе триумфальное возвращение в сенат и добиться там осуждения

событий 31 мая, но и к тому, чтобы одержали верх взгляды, которые они отстаивали до 31 мая, когда у них имелись оппоненты, и столь мощные, что дело кончилось для них самой серьезной катастрофой. Но всем известно, что эти взгляды находились в прямом противоречии с принципами, утвержденными в Декларации прав и в Конституционном акте, которые появились в результате революции 31 мая. Порицание причины влечет за собою и порицание следствий. Революция 31 мая есть причина, Конституционный акт и Декларация прав суть следствия. 71 представитель, нисколько не стесняясь, в многочисленных сочинениях, которые я процитирую, открыто хулят и ту, и другой. Сенат приветствует их выступления, призывая секции Парижа и всей Республики последовать его примеру, что они и делают. Таким образом, не зря многие журналисты еще ранее меня заметили, что у народа были причины опасаться многого, вплоть до потери Конституции 93 года, которую он столь торжественно принял и которую поклялся защищать; что у него были основания сомневаться даже в том, будет ли существовать Республика.

Я хочу дать наглядные доказательства этого всем, кто полагает, что подобные опасения и сомнения лишены основания. Наследники Жиронды не только откопали своих покойников, но и используют всех своих живых, чтобы образовать внушительную массу, направленную против нас и нашей Конституции. Горса[87], ставший в последнее время некиим святым угодником, шлет нам из Элизиума свои прорицания. Его жена печатает и осмеливается распространять среди смертных заявления этого дерзкого покойника, вроде содержащегося на стр. 41, «что эта Конституция французов есть лишь бесформенный костяк, которому дали такое наименование». Затем рекомендую прочесть занятное сочинение, озаглавленное: Бывший Комитет общественного спасения, и т. д., изданное одним обществом жирондистов, в этом сочинении мы найдем знаменитого Жире-Дюпре[88], с насмешкой заявляющего: «О, возвышенная Конституция! Святая Конституция!» Посмотрите также другое произведение — «О заинтересованности комитетов в деле 71 депутата, подвергшегося тюремному заключению». В нем ставится вопрос о том, являются ли законами постановления Конвента, принятые после 31 мая. Другая брошюра, озаглавленная «Двенадцать депутатов, заключенных в Пор-Либр»[89], проводит сравнение между федеративными правлениями и неделимыми республиками.

Наконец, один умник, наследник Горса, упрямо и злобно копирующий меня, одним словом И. Баралер[90], «Друг Конвента», каковой, несмотря на то, что питает слабость к льстецам, не счел это издание достойным того, чтобы быть на содержании у казны, И. Баралер пошел дальше других: в сочинении «Возвратите ваших коллег» он доказывает превосходство федерализма над единым и неделимым государственным устройством.

Итак, цель ясна. Наша Конституция есть бесформенный костяк. Ее смело и безнаказанно осыпают всякого рода шутками и оскорбительными сарказмами: «Святая, великая Конституция!» К тому же нет уверенности, что все постановления Конвента, принятые после 31 мая, являются законами. Следовательно, эта Конституция неправильна по форме, она не может быть действительной. Нет также уверенности в том, что государственное устройство в виде единой и неделимой Республики подходит для Франции; надлежит пересмотреть сей вопрос о федерализме, который не был изучен достаточно глубоко. . . . .

. . . . Вся моя кровь вскипает при виде таких страшных заговоров. Гнусная клика! Тебя якобы не замечают, но я тебя очень хорошо распознаю, я слежу за тобою и заявляю тебе, что я потеряю тебя из виду лишь тогда, когда лишусь жизни. Тираноубийцы! Я сзываю вас всех. Да будет беспощадно предан смерти первый же раб, который осмелится подвергать нападкам, прямо или косвенно, неделимую республиканскую систему. И если потеряли силу законы, каравшие подобные величайшие преступления смертною казнью, то пусть будет заживо четвертован народом тот крючкотвор, тот убийца свободы, который вздумает объявить недействительными права человека лишь потому, что они были провозглашены после 31 мая.

Если бы нужно было оспаривать эти жалкие аргументы, разве для полного их уничтожения, не достаточно было бы одного слова: «Французский народ торжественно утвердил Декларацию прав человека, Конституционный акт и единство Республики; этот способ утверждения является гарантией законности всех остальных». В самом деле, никогда еще Общественный договор не принимался более единодушно и более решительно, и эта санкция нисколько не похожа на те выклянченные поздравления, которые позднее создавали видимость одобрения многим убийственным для народа мерам. Разница между этим первым выражением воли и другими заключается в том, что то, первое, было делом французского народа, тогда как другие были лишь делом французов-рабов. Свободные люди сумеют сохранить творение народа. Пусть они будут наготове, пора! Не будем пугаться того, что лакеев тирании так много, нам хватит меньшего числа, чтобы их подавить. Вот каковы мои намерения. Вот мое предупреждение рабам:

«Объявляю вам, что являясь республиканцем, я не могу удовлетворяться словесным фехтованием с вами: я буду вас преследовать мечом. Объявляю вам, что одно название вечных принципов и утверждение народом основ Декларации прав представляются мне *достаточным формальным основанием* для признания их священными и неоспоримыми. Объявляю вам, что, исходя из этого, я полагаю обязательным для каждого республиканца предписание статьи 27 этой Декларации, гласящее, что «всякий, кто узурпирует суверенитет, должен быть немедленно предан смерти свободными людьми». Следовательно, объявляю,

что первого же представителя народа, который осмелится выступить с предложением отмены Декларации прав и Конституционного акта, Я ЗАКОЛЮ КИНЖАЛОМ... будь то в сенате, или у него дома, или на улице — все равно где».

Именно таким образом все Сцеволы Франции могут вместе со мной добиться пресечения того явного заговора против революции в целом, первым актом которого была кампания, направленная против 31 мая. Мы не допустим, чтобы была доведена до конца эта кампания, за которой немедленно последовала бы другая, направленная против всех остальных памятных дат революции и использующая те же самые аргументы. Вырвем же с корнем то, что уже повлекло за собою появление всех предвестников рабства и связанных с ним бед. Успокоим честных граждан, встревоженных слишком правдоподобными предположениями, которые накапливаются и громоздятся так, что мое перо за ними не успевает. Говорят: «Все идет к лучшему», Да, для аристократов и для врагов свободы. Огромная дороговизна заставляет стонать и умирать от голода бедного рабочего, получающего 4 ливра или 100 су в день. Угроза прекращения работ в общественных мастерских с наступлением трудного времени года вселяет страх перед надвигающимся еще более тяжелым будущим. Отмена максимума, объявленного контрреволюционным и действительно являющегося таковым с точки зрения жадного и ненасытного торгаша, окончательно задушит голодом класс санкюлотов, который теперь уже, не стесняясь, осыпают всякого рода унижениями и обидами, точь-в-точь как в прежнее время[91]. Одна очень популярная газета не побоялась напечатать, что наглецы опять могут совершенно безнаказанно оскорблять бедность; что вскоре засияет заря счастья для щеголей и щеголих. Та же газета возвестила, что, в то время как резвая «золотая молодежь» будет предаваться всяким шалостям и играм, люди зрелого возраста смогут без помех вернуться к своим старым привычкам и даже откровенно исповедовать любые предрассудки, лишь бы это не проявилось сразу и не вызвало тем самым скандала; и, гарантируя столь прекрасный порядок вещей, от вас требуют только, чтобы вы сохраняли спокойствие и не причиняли никакой неприятности правителям. Не следует также забывать о том, что в месте, некогда славном, зачеркнуты слова единство, неделимость, о чем возвещено с пафосом. Возникает вопрос, не есть ли это проба, предвещающая такое же зачеркивание повсюду, и это можно сопоставить с появлением сочинений, содержащих восхваление федерализма. Разве этого недостаточно, чтобы показать полную обоснованность мрачного предсказания редактора другой газеты, искренне преданного родине. «Скоро наступит день, — сказал он, — когда древо свободы, орошенное кровью тысяч французов, будет срублено, вырвано с корнем, брошено в грязь, предано огню, и никто не будет протестовать». Наконец, удивление вызывает этот пресловутый закон, возвращающий врагам государства их имущества, закон, который,

как это сразу же стало видно, вызвал большой скандал. Мужественный Лекуантр! Это ты пристыдил тех, кто совершил столь безрассудный акт. Этот поступок стоит твоего обвинительного выступления. Отныне действуй в этом направлении[92]. Сохранение прав народа, конечно, еще более важно для него, нежели наказание тех, о ком говорят, что они ему плохо служили. Разумеется, крупных преступников надо карать; но надо когда-нибудь остановиться, и отныне нам следует остерегаться воздействия со стороны аристократии, которая под этим предлогом хотела бы завести нас очень далеко. Зрелость и мудрость действий уголовного трибунала Республики служит порукой тому, что происки злонамеренных людей будут расстроены. Этот трибунал — одно из спасительных орудий, которые помогут нам избежать гибели свободы.

Гракх Бабеф

В конце 27-го номера я обещал продолжить в настоящем номере рассмотрение того вопроса, о котором там шла речь. Обстоятельства вынуждают меня отложить это продолжение до другого номера, в котором я укажу также адрес моего бюро, где будет приниматься подписка.

Уже после сдачи этого номера в печать некоторые события, а равно и новые откровения, появившиеся в ежедневных изданиях, которые угодливо вторят тем, кто формирует общественное мнение, дали мне материал для статьи, дополняющей мой обзор нашего нынешнего политического положения. Вот эта статья.

Утешимся. Приспешникам ретроградной системы, пожалуй, не так уж легко будет завершить контрреволюцию, как они рассчитывали. Быть может, они несколько умерят свою наглость, когда увидят, что на пути к своей цели им придется преодолеть немалые трудности. Я хотел бы, чтобы люди, которые, несомненно, были всего лишь увлечены порывом энтузиазма, вызванного тем, что они избавились от царства ужаса, и мечтали, чтобы все разделяли с ними удовольствие дышать воздухом свободы, я хотел бы, чтобы эти люди признали теперь, что тем самым они могли способствовать предоставлению неистребимой аристократии слишком большой свободы, и поняли: пора остановить ее быстрое продвижение.

«L'Orateur du Peuple» выпустил второй хороший номер — это номер 44. Можно надеяться, что он опровергнет обвинение, которое предъявляют ему строгие патриоты, — обвинение в том, что он слишком часто пишет под влиянием личной неприязни и в угоду щеголям. Надо предать широчайшей гласности то, что он пишет, разоблачая тайную политику всяких Дорфеев и Клеонов, «стремящихся внушить народу, что федерализм есть не что иное, как ложь, чтобы затем внушить, что Республика всего лишь химера». Пожелаем 71 оправданному представителю воспользоваться прекрасным советом, который он им дает: «Какую цель пресле-

дуют все обращенные к прошлому речи и куда они заведут? Отвечайте сами за себя, а не за тех, кто вас ввел в заблуждение. Не берите на себя бремя столь дурного дела... Займитесь исправлением собственных ошибок вместо того, чтобы выискивать чужие. К чему пытаться смешать ваше дело с делом иных лиц, раз мы сумели их отделить одно от другого?» Говорят, что издаваемый Галетти «Journal des Lois» составляется гражданином Дюбуа-Крансе [93]. Почему сей благотворный урок не излечил этого человека, чья революционная репутация достаточно безупречна, от новой мании утверждать, будто федерализма никогда не было и в помине, и выступать в защиту мнимых федералистов? Я нахожу это в его статье от 20 фримера, наполненной приступами нежности к Барбару, Бюзо, Петиону, Инару, Кондорсе, Лесажу и Ланжюине [94], которого он самым серьезным образом называет в номере от 25-го добродетельный Ланжюине. Он требует документальных доказательств для изобличения всех, кто объявлен вне закона. Фрерон заявляет, «что раз зло уже не существует, можно унижать тех, кто его уничтожил, и даже считать его химерой, и сделать это тем легче, чем более они приложили стараний, чтобы от него не осталось никаких следов». А я утверждаю, что они остались, и я докажу это в сочинении, которое вскоре выйдет в свет [95].

Конвент только что решил этот вопрос, поставив, однако, определенные границы своей снисходительности. Если бы его докладчик Мерлен не делал докладов, в которых ничего не докладывается, мы бы знали, каким образом Конвент и признает существование федерализма, и не признает его, закрывая свою дверь для депутатов, объявленных некогда вне закона, и открывая ее перед 71 депутатом. Ведь в конце концов последние интриговали, протестовали, возмущались, пытались возмущать свои департаменты, и если им это не ставится в вину, то почему ставится это в вину другим? Но Конвент почувствовал, что его поспешное продвижение к своей цели вызывает нарекания и что злые языки поговаривают, будто он закрыл Якобинский клуб лишь затем, чтобы открыть Тампль [96].

Кроме того, что федерализм встречает препятствия в своих поползновениях к возрождению, у друзей свободы есть и другие мотивы для утешения. Мы видим, как наглая аристократия, притворяющаяся, будто вид крови приводит ее в ужас, изливается на страницах своих рабских газет в жалобах на то, что в деле Карье Революционный трибунал пролил слишком мало крови [97]: «Великий суд нации, — заявляет один из этих раболепных листков, — каковым является совесть народа, не соглашается восстановить членов Нантского революционного комитета в звании друзей человечества». Патриотизм ликует, а его враги приходят в отчаяние при виде того, что новый трибунал не намерен удовлетворять их стремление отомстить всем, кто вынужден был содействовать делу революции с помощью мер, которые, конечно,

были крутыми, но оправдывались при этом как широкой и разнообразной преступной деятельностью, так и обстоятельствами, о которых не следует забывать. Исключение составляют лишь явные заблуждения, от которых никакие дела человеческие не свободны.

С другой стороны, скамья свободных писателей еще не совсем опустела. Один из них осмелился заметить, что сенат что-то уж очень много сделал, декретировав в течение одной декады возвращение в Конвент 71 депутата, возвращение дворян и иностранцев и увольнение рабочих. Будь мое перо менее робким, я бы принялся пространно комментировать каждое из этих постановлений. А ведь есть еще закон об эмигрантах от 25 брюмера, который также заслуживает комментария.

Судя по тому, что произошло на заседании 27 фримера по вопросу о судьбе главарей федерализма, можно надеяться, что вылазка в пользу федералистов, предпринятая Дюбуа-Крансе в «его Галетти» от того же числа, окажется последней. Ему не подобает приписывать народу не существовавшее в действительности осуждение приговора, который он называет отпущением грехов. Я не знаю, вызвал ли этот приговор, как он это утверждает, ропот со стороны господ из бывшего Пале-Рояля. Конечно же, надо воздерживаться от всего, что могло бы задеть эту драгоценную касту. Ведь этот депутат, сумевший вести себя так, чтобы удержаться на поверхности при всех проскрипциях, направленных против его касты, не должен утратить плоды своей пятилетней осмотрительности. И к чему еще эта сатира и едкие нападки на официальных защитников в нантском деле, за то что они выступали в защиту событий 31 мая и против возрождающегося федерализма? Они это сделали вовремя. Если бы искренние патриоты не забили тревогу, плуты, несомненно, захватили бы полностью эту первую передовую позицию и оттуда, не встречая препятствий, пошли бы в атаку на Конституцию. Разве уже не занесена над нею преступно дерзкая рука? Прибегают к вымыслам безнравственного мелкого интригана Вилата и воскрешают мнимый разговор с Эро-Сешелем, чтобы оправдать тех, кто высмеивает самый достойный и самый подлинный Общественный договор, который когда-либо существовал. Для негодяев все средства хороши, и вот человек, ранее слепо преданный Робеспьеру, становится таким же преданным слугой наших новых дезорганизаторов. И эту меченую клеймом руку они используют, чтобы нанести ущерб хартии, освященной 25 млн. людей, воздавших ей дань своего уважения; они называют ее «народным экспромтом», «политическими 10 заповедями»!

Мошенники! Вы не прикоснетесь к ней. Посмейте только продолжать обсуждение этого вопроса, и свободные люди уничтожат вас. Сюда, Лежандр! Это тебе надлежит показать, что длительное обсуждение этого вопроса стало бы общественным бедствием, вызвало бы раздоры, ужасные для Родины [98].

Говорят также, что никто не одобряет действия секции Пантеона, потребовавшей запрещения употреблять священное имя санкюлотов, а равно выступление секции Бют-де-Мулен, отрекшейся от наименования «Гора» и пожелавшей воскресить великого Раффе [99]. Народ вовсе не так уже склонен отступать, как показалось многим рабским душам. Патриоты! Не будем падать духом, есть еще время нам воспрянуть. Если уж сторонники попятного движения сами пятятся, давайте выступим, сделаем шаг вперед, и они опять уйдут в землю. Санкюлотам следовало бы облить презрением доклад, представленный аббатом Грегуаром [100] от имени комитета народного образования, касательно того, что он именует «вандализмом»; в этом докладе он оплакивает соборы Шартра, Нима и Страсбура, воскрешение святого Луки в Вердене, снятие с креста в Майенне, витражи Жизора, изображения семи таинств в Грассе, колокольни в Буре, мавзолей Морица Саксонского в Страсбуре, сталактиты и сталагмиты Кутанса и прочие гнусности, павшие под ударами меча, сокрушающего погремушки фанатизма и аристократии. Он забыл лишь о конных статуях на площадях Руаяль, Вандом, Виктуар, Людовика XV и у Пон-Неф, которые свергнуты парижским «вандализмом». Но за этим дело не станет, ибо Грегуар обещает нам давать продолжение своего доклада каждый месяц. Чего хочет от нас этот священник? Сожалеет ли он о своем приходе в Эмберменилe или же о своем епископстве в Мерт? Разве занимаемая им сейчас должность не равноценна этим постам? Он боится, что эта должность не будет столь долговечной, как он сам. Сколько лет ему? Пусть ему назначат приличную пенсию, и пусть он замолчит.

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека; продолжение Газеты свободы печати Гракха Бабефа *

№ 29

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

С 1 по 19 нивоза III года Республики,
единой и демократической [101]
[с 21 декабря 1794 г. по 8 января 1795 г.]

Предупреждение об опасности, непосредственно грозящей свободе. — О проекте закона против печати, замаскированного под названием закона против клеветы. Доказательство того, что

* Если кому-нибудь не нравится принятое мною имя и название моей газеты, таковых я отсылаю к моему номеру 23 и предлагаю опровергнуть сказанное мной о причинах, побудивших меня их выбрать. Чтобы убедить меня отказаться от них, потребуются аргументы, не допускающие возражений.

этот закон содействует контрреволюции. — Первые попытки преследования всех писателей-патриотов. — Система организации всех газет таким образом, чтобы они были преданы исключительно правительству. — План распространения гнета на все, вплоть до самого сената, посредством этой деспотической власти над общественным мнением. Опыты судебной расправы, проведенные с этой целью.— О сохранившихся в сенате добродетелях, способных одержать победу над этим угнетением. — Разделение сенаторов на плебейскую и патрицианскую партии; первая партия хочет, чтобы Республика была народной и демократической, а другая, — чтобы она была буржуазной и аристократической. — Эти две партии существуют со времени учреждения Конвента. Причины, в силу которых преобладание получает то одна, то другая. Какими средствами народная партия может вернуть себе преобладание и сохранить его. — Изложение всех демократических и благодетельных законов, которых плебейская партия сумела добиться. Это — ее завоевание. Это — достояние всего народа. Сенаторы-плебеи обязаны даже ценой жизни дать народу возможность пользоваться этими законами. — Доказательства того, что плебейская партия, даже если она в абсолютном меньшинстве, может, опираясь на поддержку народа и на престиж правды и принципов, твердо рассчитывать на победу, сумеет остановить тот суд надо всей нашей революцией, который хотят начать, и заслужить благодарность народа. — Ужасающая картина успехов, которые патрицианская клика обеспечила контрреволюции всего за 15 дней. Перечень этих успехов: здесь Трибун народа бьет все стекла и раскрывает все важные истины. Повторение судебных расправ. Намерение превратить правительственные комитеты в постоянные и несменяемые. Заключение патриотов в тюрьмы. Число арестованных окружено таинственным молчанием. Нарушение института присяжных заседателей. Учреждение судей-рабов, чья совесть будет регулироваться тарифом, установленным назначившими их властями, и чей Уголовный кодекс сведется к проскрипционным объявлениям. Огромное повышение цен на продовольственные товары. Приостановка работ. Изгнание рабочих из Парижа. Возвращение в этот великий город всех бывших дворян, бывших священников и аристократов всякого рода. Прекращение производства оружия и одежды. Неизменное покровительство проституции. Закон в пользу эмигрантов, сохраняющий для них часть их имуществ. Возрождение суеверия. Вывоз звонкой монеты. Подрыв доверия к ассигнатам. Отвратительная выгода, извлекаемая из отмены максимума. Гнусная комедия с якобы массовыми поздравлениями от секций. Изгнание из государственных учреждений патриотов, отцов семейств. Замена их ветрогонами из среды аристократии. Воскрешение слов «чернь», «простонародье» для обозначения народа. Травля патриотов с использованием гнусного слова «кровопийцы». Положение в департаментах, еще более

бедственное, чем в Париже. Им затыкают рот, чтобы нельзя было узнать, что они умирают с голоду и томятся под самым мучительным гнетом. Первое напоминание о роялизме. Надругательство над колпаком свободы. Унижение всех народных обществ Республики. Коварный удар по национальным ресурсам, причиненный снятием секвестра с имущества наших врагов. Удостоверения, обеспечивающие безопасность всем, кто пожелает путешествовать среди нас под наименованием военнопленных. Оскорбление и обида, наносимые народу следующими словами, с которыми к нему обращаются: «Бедный народ, потерпи». Пагубная свобода действий, предоставляемая ненасытной жадности касты торговцев. Восстановление господства шлюх. Перечень новоявленных Помпадур, Дюбарри и Антуанетт. Наглядные доказательства того, что они нами правят, что им мы обязаны всеми нашими бедствиями. Разоблачение перед народом этих новоявленных Брунгильд и Мессалин. Их имена. Они зовутся Кабарюс и Шуазель-Гуффье. Разоблачение перед народом депутата Тальена, фаворита первой из них, Бентаболя, фаворита второй, и Фрерона, главного защитника состоятельных людей. Образование таким образом триумвирата под покровительством этих нимф; членов его надо признать верховными вождями патрицианской клики. Изложение истории их сговора между собою и указание истоков их матримониальных уз. Их скандальный сибаритизм и грязная любовь к роскоши. Предсказание судьбы, которую уготовили этим предателям аристократические Лаисы, побудившие их продать свою родину. Попытка пристыдить этих Иуд путем напоминания им, каковы были их действия и принципы в недалеком прошлом. Продолжение подробного описания подвигов клики. Восстание богатого народа против народа голоштанного, спровоцированное Фрероном. Грубые клеветнические измышления, сочиненные с этой целью против подлинного народа. Новые попытки изгнать патриотов из государственных учреждений и из оружейных мануфактур и мастерских. Примеры проведения этих мер среди служащих юстиции и почтовой администрации. Гнусные происки с целью заставить народ мерзнуть. Фрерон цитирует Дюмурье, чтобы доказать, что все якобинцы — заговорщики. Первый обвинительный акт против 44 тыс. революционных комитетов Республики, всех революционных деятелей и всех Народных обществ. Новые усилия, направленные против свободы печати; история преследований, которым подвергся Трибун народа. Декрет, разрешивший значительной части эмигрантов вернуться в Республику и предусматривавший возвращение им их имущества. Попытка Фрерона изъять из армий всех сынков богачей, которым военное ремесло отнюдь не подходит. Всеобщее пренебрежение к патриотическому долгу защиты родины. Высокомерное презрение элегантных дам к национальной кокарде. Все признаки надругательства над свободой. Грубое унижение Народных обществ в департаментах, явно под-

готовляющее их уничтожение. Запрещение республиканских выражений и грубое высмеивание их. Соображения относительно Содома, или Пале-Рояль. Нарочитость, с которою там был отпразднован Новый год по старому календарю. Синодик аристократии, или Канонизация всех гильотинированных. Восстановление пяти крупных откупов. Подсчет в ливрах, су и денье, подтверждающий, что рабочий народ больше не может существовать.

Проекты петиций к правителям от рабочего народа и многочисленных патриотов, изгнанных с должностей. ПРИЗЫВ к мужеству, энергии и добродетелям депутатов-патриотов и поборников демократии. Такой же призыв ко всем писателям-патриотам. Необходимость пребывания Конвента на своем посту, чтобы его честные члены могли помочь народу восстановить демократию и народную систему на их истинных основах и сделать их отныне непоколебимыми. Проклятия орде предателей-интриганов и пантер Медичи, виновников всех наших бед. О средствах их уничтожения.

Пока еще не погибла свобода, пока она не получила последнего смертельного удара, я спешу выпустить еще один номер. Если он сможет объединить последних, еще оставшихся римлян, то да будет благословенно это средство. Если же апатия неизлечима, если мой возглас: «Ты спишь, Брут!» — прогремев, никого не разбудит, свободному человеку останется лишь умереть от глубокой скорби, которую вызывает вид толпы граждан, готовящихся стать подданными, протягивающих ноги и руки для того, чтобы их связали.

Этот сигнал тревоги я обращаю не только к управляемым, но в равной мере и к Национальному конвенту. Его, Конвент, тоже хотят увлечь в пропасть рабства. И его хотят погубить, когда обрекают на гибель народ. Враги надеются (и не без оснований), что если удастся его убедить поступиться правами и свободою граждан, то затем будет очень легко заставить и сам Конвент принять оковы.

Те данные, на основе которых я пришел к выводу, что критический для нас момент наступает, могут при надобности быть сведены к одному факту. На заседании 8 нивоза законодательный комитет грозит нам окончательно внести проект закона о клевете. Если он нам даст такой закон, я не вижу больше никаких препятствий для завершения контрреволюции.

Нам угрожали этим еще четыре месяца назад. Затем эту угрозу несколько раз повторили. Мы, энергичные писатели, всякий раз поднимали голос против этого и думали, что нам удалось отвести удар тем, что мы показали: за этими громкими словами «закон против клеветников» скрывался закон против свободы печати в соответствии с похвальным обычаем, рекомендованным Макиавелли и с давних пор применяемым, осо-

бенно удачно по отношению к французам, отнюдь не называть вещи их истинным именем, а проводить их под смягченными наименованиями, если настоящее название может вызвать смущение или тревогу.

Мы тогда заявили, что издать закон против печати, хотя бы и приукрашенный заглавием «против клеветы», значило бы формально декретировать обращение народа в рабство, значило бы попрать самую прекрасную статью Декларации прав в силу неоспоримого и бесспорного соображения, что свобода печати есть защита всех остальных свобод.

То, что мы заявили тогда, можно повторить и сегодня. Мы должны быть в состоянии указать народу как врага всех свобод первого же, кто предложит ему прямо или окольным путем ограничить свободу печати.

Закон о подозрительных, законы, осуждавшие за оскорбление национального представительства в лице хотя бы одного из его членов или за подрыв доверия к правительству, тоже не были названы прямо законами против печати; тексты этих законов не содержали прямого указания на то, что Национальный комитет попрал или бросил в огонь статью 7 Декларации прав человека и статью 122 Конституции. А между тем нельзя было решиться написать хоть одно слово, не будучи уверенным в возможности приравнения его к бесконечно расплывчатым случаям, установленным в Уголовном кодексе децемвиров. И разве издание закона против клеветы не будет означать полного возрождения этой карательной системы, особенно если распространить его на хулителей народа, Республики и Конвента? Я сомневаюсь, чтобы, исключая эти последние слова, свободный человек мог бы еще написать хоть одно слово, которое нельзя было бы истолковать как направленное или против народа, или против Республики, или против Конвента. Кому неизвестно изречение, принадлежащее, бесспорно, умному человеку: «Возьмите из Евангелия любой отрывок; вы не найдете ни одного, которое Революционный трибунал не мог бы использовать как основание для того, чтобы отправить на гильотину сына божия».

Всякий раз, когда собирались издавать законы против клеветников или, что одно и то же, против свободы печати, все, что касается этих законов, было продумано, взвешено, сказано и написано. Но нужно повторять все это снова и снова всякий раз, как враги истины пытаются ее удушить. Святой Матфей давно заметил, что плуты боятся яркого света. Камилл Демулен лишь освежил это старое изречение. Лустало, объяснив, что именно этот страх доказывает необходимость источников света, показал нам, что клевета, направленная против государственных должностных лиц, даже необходима, чтобы заставить их с особой тщательностью исполнять свои обязанности, а также думать о том, что они должны быть постоянно готовы доказать свою безупречность. Марат сказал нам много отличных вещей в опровержение аргу-

ментов Малуэ[102] и других, когда они тоже захотели провести законы против клеветников. И, наконец, Декларация прав, Конституционный акт гарантировали нам неограниченную свободу печати. Это было сделано для того, чтобы мы могли в случае необходимости защитить все наши остальные свободы против угнетения со стороны тех, кто стоит у власти; стало быть, чтобы мы могли осуществлять надзор за самим Конвентом, он не может, по смыслу Конституции, издавать законы, устанавливающие, что говорить о нем, обсуждая его действия, значит клеветать на него.

Конечно, мы хорошо знаем, что, для того чтобы власти не надо было более опасаться никаких препятствий, достаточно сделать всего один лишь этот шаг, т. е. издать закон, затыкающий рот всем, кто говорит правду, и замораживающий чернильницы немногочисленных защитников принципов. И тогда общественное мнение могло бы стать исключительно мнением правительства, и в соответствии с тем, что будто бы говорили до 9 термидора, довольно было бы одной газеты для всей Республики.

Можно ли считать, что от этого замысла отказались? Какой тайной магии следует приписать то, что все газеты в своем раболепии выглядят как бы на одно лицо? Разве не похоже уже сейчас на то, что существует только одна газета? Можно легко увидеть определенную последовательность в стараниях, которые прилагаются к тому, чтобы уничтожить немногие газеты, еще сохранившие какой-то свой характер. «Les Annales Politiques» меня удовлетворяли. Их редактировал Салавилль. Он напоминал греческих мудрецов и был для нас всех учителем. В силу каких-то непостижимых происков он был отстранен от этой работы, и его вытеснил Мерсье, чтобы потчевать нас плоскими и пошлыми тирадами! И этот автор книги о 2440 годе[103] переносит нас в век Людовика IX и паломников. Мало того, Салавилля вызывают в Комитет общественной безопасности для объяснения относительно последней статьи, напечатанной им в «Annales». Его подвергают там допросу, столь строгому и столь утомительному, что он дает обещание ничего больше не писать до тех пор, пока будет существовать инквизиция для писателей. «L'Ami du Peuple» подвергается другого рода придиркам. Неизвестно по чьему подстрекательству типограф решает экспроприировать эту газету, присвоить себе ее заглавие и все предприятие. Что касается меня, я передвигаюсь все время среди подводных камней. Только те, кто послушен, покорен и податлив, не испытывают трудностей.

Депутаты, берегитесь! Если вы допустите это подавление мнений, как письменных, так и устных, оно без особенного промедления распространится и на вас самих. Вспомните расправы, чинимые над вами при триумвирате, много ли нужно, чтобы они возобновились? Замечаете ли вы, что в этом смысле уже предпринимаются новые попытки?

При виде той легкости, с какой в течение уже долгого времени законы, которые, не колеблясь, можно назвать непопулярными, постоянно проходят по предложению всего лишь нескольких человек, явно желающих прочно присвоить себе правительственную власть, можно подумать, что либо мы вернулись к террору и режиму Робеспьера, либо все сенаторы, помимо дюжины корифеев, способны только пассивно подчиняться приказам, исходящим от последних. Я убедился, что на самом деле нет ни того, ни другого. Сознаюсь, я до сих пор имел, пожалуй, ложное, слишком мелкое представление о Национальном конвенте. С одной стороны, несомненно, что в настоящее время террор там отнюдь не организован так, как это было прежде. С другой стороны, там присутствуют еще знания, принципы и благие намерения, способные содействовать победе народного дела и чистой демократии[104].

Доказательства присутствия этих познаний, этих принципов, этих добрых намерений я находил во всех суждениях, прозвучавших на процессе тирана. Именно там каждый из депутатов, будучи вынужден открыто высказаться, показал истинную меру своих способностей и своей республиканской морали.

Отталкиваясь от этого, я могу оценить состав сената в целом. Я подсчитываю результаты и замечаю, что сенаторы и должны быть такими, какими были и какими остаются сейчас.

Я различаю две партии, диаметрально противоположные как по своему направлению, так и в плане государственного устройства. Под влиянием обстоятельств меняется сила той или другой партии; одно это объясняет, почему каждая из них поочередно одерживает верх. Я готов допустить, что обе они хотят Республики; но каждая хочет ее по-своему. Одна желает видеть ее буржуазной и аристократической; другая считает, что она создала ее народной и демократической, и хочет, чтобы она такой и оставалась. Одна хочет Республику 1 млн., который всегда был врагом, властителем, вымогателем, угнетателем, кровопийцей по отношению к остальным 24 млн.; миллиона, испокон веков наслаждающегося в праздности за счет нашего пота и наших трудов. Другая партия хочет Республику для остальных 24 млн., которые заложили ее фундамент, скрепили его своей кровью, кормят, поддерживают и снабжают Республику всем ей необходимым, защищают ее и умирают ради ее безопасности и славы. Первая партия хочет, чтобы в Республике имелись патриции и плебеи; она хочет видеть небольшое число привилегированных и господ, пресыщенных излишествами и наслаждениями, и большинство, доведенное до самого жалкого состояния илотов и рабов. Другая партия хочет для всех не только равенства в правах, т. е. равенства на бумаге, но и честного достатка, гарантированного законом удовлетворения всех материальных потребностей, предоставления всех социальных преимуществ как справедливого и обязательного возмещения за долю труда, которую каждый привносит в общее дело.

Как я уже сказал, под действием обстоятельств изменяется соотношение сил плебейской и патрицианской партий, и это в первую очередь объясняет, почему каждая из них попеременно одерживает верх над другой. Целесообразно ли исследовать, каковы эти обстоятельства? Да, потому что мы, может быть, найдем способ сделать так, чтобы эти обстоятельства постоянно действовали в пользу той партии, которой мы себя посвятили, той, которая, мы в этом уверены, является лучшей партией в соответствии с неоспоримым тезисом: «Цель общества — всеобщее счастье», — и в соответствии с истиной, которую мы представили с достаточной очевидностью, что мы стремимся исключительно к этой цели.

Нам необходимо о многом говорить в данном номере, и это не позволит нам довести наше исследование так далеко, как нужно бы: мы остановимся лишь на главных вопросах.

Поскольку человек — сгусток противоположных страстей, то невозможно, чтобы в каждом собрании людей, имеющем задачей выработку законов, все хотели только добрых законов, т. е. более соответствующих общим интересам, нежели частным.

Это неоспоримо доказывает, что в таком собрании неизбежно будут существовать две партии: одна, желающая добра и не нуждающаяся в иной награде, кроме славы, другая, желающая зла ради низменной корысти и своего личного блага, ибо всеми людьми всегда движет какой-либо интерес.

Эта неодолимая неизбежность существования двух партий в представительном собрании есть благо для представляемой страны; и это благо очень значительно вследствие того, что обе противоположные партии обладают более или менее равной силой. Когда та и другая четко высказываются по какому-либо вопросу, то, во-первых, можно надеяться, что это обсуждение будет исчерпывающим; во-вторых, что хорошая партия одержит верх, потому что получит огромную поддержку со стороны народа, который всегда хочет и может хотеть только того, что для него является благом; и ясно выраженное проявление его воли в сочетании с могучим влиянием разума и правды заставляет коварство склониться и из страха или остатка стыдливости согласиться на то, на что оно отнюдь не согласилось бы из добродетели.

Когда в каком-либо законодательном собрании мы увидим в основном лишь одну партию и дебаты там покажутся мало оживленными, можно будет почти с полной уверенностью заключить, что в нем возобладала дурная партия и что большинство членов собрания заключили союз против народа.

Следовательно, если многие заявляют, что мечтают о том времени, когда любое собрание делегатов народа будет обладать как бы единой волей и ни в одном вопросе не будет разделяться, то такое мнение вытекает из невежества или коварных намерений.

Это утверждение основывается на нашем революционном опыте.

Именно с тех пор, как в нашем сенате царит эта видимость нерушимого согласия и совершенного единомыслия, он дал нам столько дурных законов.

Только тогда, когда появление каждой статьи нашего кодекса сопровождалось раскатами грома и блеском молний, при бурной деятельности обеих партий, энергично сражавшихся, и при громких кликах всего народа, свободно выражавшего свое мнение и внимательно надзиравшего за происходящим, — только тогда, говорю я, получали мы законы истинно народные, благодетельные и отмеченные характером подлинной демократии.

Тактика каждой партии очевидно сводится к тому, чтобы стремиться к наибольшему увеличению численности своей партии, пока она не возобладает над другой.

Именно эта тактика, которой с переменным успехом следовали обе партии в нашем Конвенте, и приносила победу то одной из них, то другой.

Сегодня пришла очередь побеждать патрицианской партии.

Значит ли это, что плебейская партия уже не существует? Что она подкуплена другой партией? И что в Конвенте нет больше добродетелей? Отнюдь. Ныне я обладаю полной уверенностью в обратном. Это значит только то, что плебейская партия проиграла в борьбе за тактическое превосходство, что она позволила защитникам 1 млн. захватить ту верховную силу, которую она должна была сохранить в своих руках, чтобы по-прежнему иметь возможность быть полезной 24-миллионному народу.

Изо всего этого вытекает, что для осуществления блага большинства надо только суметь вернуть плебейской партии превосходство сил, которое она утратила. То, что было однажды организовано, может быть организовано вновь. Бесспорно, что народная партия была одно время в Конвенте гораздо сильнее, нежели партия врагов народа. Бесспорно также, что примерно те самые люди, которые составляли эту силу, остаются в Конвенте и сейчас. К тому же, бесспорно, что тот, кто был наделен добродетелями, будет всегда иметь их и что лишь немногие подлинные друзья свободы могут действительно стать ее врагами. Бесспорно и то, что и с незначительными силами партия народа, которая будет, как я сказал, безусловно поддержана народом и могучим влиянием правды и разума, всегда одержит победу. Следовательно, бесспорно, что народным делегатам требуется только умение и немного мужества, чтобы вернуть себе возможность создать правительство на основе, достойной Французской республики.

Но каким образом вернуть то превосходство сил, которое необходимо для этой цели и которому позволили ускользнуть? Чтобы отыскать пути к этому, следует изучить, каким образом их лишили этого превосходства.

Отвлечь наиболее просвещенных людей от славного и полезного поприща и обсуждения прав суверена с законодательной трибуны; облечь этих же людей широкими полномочиями в ко-

митетах и ослепить их блеском этих полномочий; проделать то же самое с проконсульскими миссиями в департаментах; добавить к этому гибельную для свободы практику, когда комитеты устраивают в сенате подобия lit de justice и властно представляют на его одобрение проекты законов, которые они ввели в обыкновение внезапно декретировать, не давая даже времени выслушать и понять их; запугать недалеких людей звоном краснобайства и изворотливой хитростью, как если бы не было известно, что грубый здравый смысл «Отца Жерара» [105] не всегда удачно указывал Учредительному собранию, какое зло подобало уничтожить и какое добро надлежало сделать; привлечь на свою сторону простых и честных людей, внушая им: все, что делается, направлено к обеспечению спокойствия и мира и, поскольку мир и спокойствие — высшие блага, их должно приобретать любою ценою; наконец, довести до состояния полнейшего ничтожества то большинство сената, которое его заправилы в своей наглой дерзости презирают настолько, что прозывают его *бандой простофиль*, — таковы главные приемы, посредством коих сторонники патрицианской системы, друзья того народа, который насчитывает 1 млн., достигли власти над решениями ареопага и незаметно поставили принципы и основы Республики под угрозу неминуемой гибели, которая и сейчас над ними висит.

Предупредить об опасностях, создаваемых этими заговорами, и сорвать их самыми естественными и простыми средствами — это значит сделать их бесплодными.

И плебейская партия опять одержит верх. И заря демократии взойдет опять, чистая и лучезарная. Декларация прав человека и Конституция 93-го года выйдут из состояния унижения, в которое они погружены, и из опасностей, которым их подвергали заговорщические клики. И все, кто будет способствовать этому великому завоеванию, будут вознаграждены с того момента, когда они появятся на боевом посту, званием друзей народа. И все их заблуждения, даже все их серьезные ошибки во время революции будут преданы забвению. И все, что было совершено в пылу борьбы, связанной с великим потрясением и великой перестройкой, будет считаться законным и необходимым. И весь народ будет думать лишь о том, чтобы слиться в объятиях общего счастья, коим даст им возможность насладиться самое совершенное правление, какое мудрость человеческая могла создать.

Плебейские депутаты! Проснитесь же. Подумайте о славе, которую вы можете заслужить у ваших современников и потомков. Сейчас я вам обрисую те высокие дела, которые вы совершили. Они вам принадлежат. Они принадлежат тем самым людям, тем самым добродетелям, которые и сейчас заседают в сенате. Неужто они допустят, чтобы дело их рук было попрано? Неужто они потерпят, чтобы величественные законы, о которых я сейчас напомню, оказались лишь способом обмануть французский народ? Неужто они потерпят, чтобы аристократическое, па-

губное для народа законодательство, законодательство богачей, обесчестило прежние законы и заняло их место?

Вспомните, плебейские депутаты, закон, в котором вы обещаете дать земельный участок каждому защитнику родины по окончании войны! Вспомните закон, с помощью которого вы обеспечили достойное существование увечным, малолетним, престарелым, всякого рода неимущим. Вспомните закон об обеспечении работой лиц обоего пола и любой профессии! Вспомните закон об организации просвещения в соответствии с замечательным планом Лепелетье, который вы, проявив величие и мудрость, приняли сначала, хотя и с весьма незначительными поправками; по этому закону в соответствии с принципом, гласящим, что родина обязана дать всем равное образование, надлежало для обеспечения этого равного образования за счет государства кормить и содержать всех детей на протяжении курса их обучения! Вспомните о том в высшей степени благодетельном, вопреки всему, что о нем говорили, законе, с помощью которого вы ставили границы ненасытной жадности и убийственной спекуляции; о том законе, коему, чтобы стать божественным, не доставало только того, чтобы позаботились о его повсеместном проведении в жизнь! Вспомните о Конституции, утвержденной 10 августа 1793 года! Вспомните также о законе, гарантирующем земельные наделы неимущим санкюлотам за счет владений врагов родины! Все эти законы составляют достояние бедных. Онп их завоевали ценой своей крови. И наши многочисленные батальоны, вернувшись после совершенных ими подвигов, так же как и все французы, мужественно поддержавшие революцию внутри страны, не потерпят, чтобы эти блага, приобретенные их мужеством и торжественно гарантированные вашими актами, ускользнули от них. Вы не захотите лишить себя славы, связанной с вручением им этих благ, и не станете дожидаться того, чтобы они это сделали сами. В каком-нибудь другом номере я более детально рассмотрю каждый из этих законов, поистине достойных демократической революции. Я выведу их из преступного забвения. Я перечислю те посягательства, которые уже были на них совершены. И поскольку я вижу, что залог, земля и люди, на ней находящиеся, существуют по-прежнему, я без всякого колебания обещаю указать верный способ предоставить народу возможность пользоваться тем, что было признано принадлежащим ему.

Сколь приятно обозревать картину ваших дел, достойных хвалы, плебейские депутаты, столь же прискорбно созерцать изображение совершенно иных дел патрицианской клики, сохранения коих вы не должны терпеть; вы должны скорее, презрев смерть, рискнуть собственной жизнью, дабы добиться их низвержения. Мне нет надобности выбирать какой-то особый период времени или охватывать широкий круг вопросов, чтобы указать меры, наиболее бедственные, наиболее подрывные по отношению к республиканской системе, движущие силы которой распадаются

с каждым днем. Мне достаточно повторить серию наблюдений за нашим плачевным движением вспять, данную мною в моем последнем номере. Депутаты, у которых чувства еще живы, вы не сможете этого читать без горьких слез, без стыда за то, что дали злу зайти так далеко, без трепета при мысли о том, как дерзнете вы вернуться в свои департаменты прежде, чем это зло будет полностью исправлено. Послушайте меня и не отвергайте суровые истины, высказанные человеком, убежденным, что он правильно понимает, в чем тут дело, и который далеко не враг своей страны, вопреки тому, что утверждают злые люди.

Добрые патриоты, с удовлетворением встретившие план моей газеты, понявшие, что она являет собою скрупулезно строгую и беспристрастно критическую историю того, как день за днем действует правительство, огорчаются теми перерывами, к которым вынуждают меня все новые и новые придирки. Они опасаются, что постоянные задержки, вызванные этими препонами, лишат их части тех соображений и наблюдений, которые они считают весьма важными благодаря их несомненной истинности и тесной связи с принципами. Я должен сразу же успокоить их. Они могут рассчитывать на то, что мой критический взгляд поможет им ничего не упустить; что несколько раньше или несколько позже они все-таки получат от меня самый полный хронологический перечень промахов и злонамеренных действий правителей. Они могут быть уверены в том, что я не побоюсь увеличить объем моей газеты всякий раз, когда обстоятельства этого потребуют, что я всегда буду продолжать с того места, где я остановился, и ни в чем не буду давать пощады власть имущим, чьи дела и поступки угодливые и пресмыкающиеся журналисты неизменно изображают в своих листках иными красками, чем я. Моя задача в том, чтобы собрать для передачи потомкам голую правду, всю правду о людях и об их действиях. Если бы я не выполнил этой задачи, наши порабощенные потомки, в результате усилий платных и лживых писак, пребывали бы в неведении относительно того, кто и каким образом довел их до такого состояния.

Сомневаться в том, что все происходящее в данный момент ведет лишь к замене одного угнетения другим и что это уже почти свершилось, значит отказываться признать очевидный факт. Велика ли разница между нашим нынешним положением и тем, какое было до 9 термидора? Разве новые правительственные комитеты не обращаются с Конвентом деспотически? Самое меньшее, что можно о них сказать, это что они держатся при посещении его, как король при посещении парламента, и при этом они даже не дают себе труда хотя бы сделать вид, будто советуются с ним; когда голос оракула возвещает, что комитет по своей глубокой мудрости принял такое-то решение, то не может быть никаких соображений, которые помешали бы сенату единодушно одобрить это решение слепо и без единого слова. Осмеливаются выдвигать предложение о перманентности и не-

сменяемости этих непогрешимых комитетов. Часть членов Конвента ограничена в свободе высказывания. Сотни бастилий, очищенных от всех заключенных-аристократов, вновь заселены патриотами, численности которых нельзя даже определить, потому что позаботились об упразднении в газетах рубрики «Состояние тюрем». Священный принцип суда присяжных постыдным образом нарушается. Обвиняемые после их оправдания опять подвергаются тюремному заключению по тому же самому делу; и вследствие столь грубого нарушения принципа, наиболее достойного уважения, огромное множество обвиняемых не знает, когда они смогут рассчитывать на то, что их невинность будет окончательно установлена. Затем трибунал, пришедший на смену тому, который с основанием был прозван кровавым, упраздняется, так как не хотел напрасного пролития крови, так как, придерживаясь более мудрой, более патриотической политики, не стал давать сигнала о привлечении к судебной ответственности 44 тыс. революционных комитетов Республики. Это, естественно, дает возможность предположить, что люди, входившие в состав этого трибунала, оказались неподходящими потому, что действовали в соответствии с велением совести, и, следовательно, есть все основания заподозрить, что те, кто согласился их сменить, могут быть только наемными палачами: это рабы, которые по поводу каждого дела будут обращаться за распоряжениями, чтобы знать, надлежит ли им осудить или оправдать обвиняемого, как, говорят, делали их предшественники при Робеспьере.

И подобное ниспровержение принципов странным образом осуществляют под красивым предлогом уважения к одному из них, гласящему, что опасно слишком долго оставлять власть в одних и тех же руках. Во всей Республике есть только одна власть, к которой не находят возможным применять этот принцип.

Всякий имеющий глаза и дающий себе труд открыть их, конечно, не может не находить из ряда вон выходящим, что в то самое время, когда по милости клики, полностью завладевшей властью, благоприятные для нее декреты вызвали огромное повышение цен на все продукты питания и иные товары, другими актами власти уменьшены и почти сведены на нет источники существования рабочего класса. Постановлением Комитета общественного спасения от 16 фримера установлено, что начиная с первого плювиоза работы по производству оружия будут производиться не поденно, а сдельно (на основе подрядов) [106]; что подрядчики оставят у себя лишь то число рабочих, которое они сочтут целесообразным, а те рабочие, которых они не оставят, будут обязаны вернуться в свои батальоны. Следствием этой меры будет то, что много рабочих, отцов семейств, содержавших семьи своей поденной работой, отправляясь в армии, оставят множество женщин и детей в самой крайней нищете среди толпы лихоимцев, лавочников и всякого рода торговцев, которых как будто подучили душить народ и морить его голодом. Сопоставьте этот

внезапный застой в мастерских с таким же положением, возникшим одновременно для всех жен санкюлотов, занятых на дому производством обмундирования для войск. Это было прекрасное начинание, которое, доставляя честный заработок всем представительницам того пола, который ранее зачастую был вынужден искать заработков бесчестных, возбуждало в них любовь к родине, принимая их к ней на службу, напоминая им непрестанно об ее защитниках и побуждая их находить средства к существованию в плате за труд, дополнительным вознаграждением за который было чувство удовлетворения от того, что они помогают одевать своих друзей, братьев, супругов и сыновей.

Довольно странно, что, между тем как Дюбуа-Крансе на заседании 25 фримера сообщил о необходимости продолжить военные действия зимой, наши войска больше не нуждаются ни в обмундировании, ни в вооружении. Сколько можно построить всяких предположений относительно тайных мотивов этих мер! С одной стороны, ваши установления разрешают бывшим дворянам кишмя кишеть в Париже, с другой — они направлены к тому, чтобы изгнать из Парижа бо́льшую часть санкюлотов и повергнуть их жен и детей в самую ужасную нищету. К чему это все ведет! Не к тому ли, чтобы избавить народ «в штанах» от беспокойства, которое могут причинить люди из народа «без штанов», и чтобы вынудить женщин ради хлеба насущного продавать свое тело той горсти щеголей, от которых уже сейчас нет прохода на всех улицах, площадях и местах прогулок? Почему бы этому и не быть в самом деле? Можно ли лишать чего-нибудь столь драгоценную часть общества? Можно ли оставить неудовлетворенным какое-нибудь ее желание? «Дураки существуют в сей юдоли, чтобы она могла наслаждаться небольшими житейскими радостями». Поэтому вполне естественно высокое покровительство, которое оказывается проституции в Париже. Впрочем, когда разврат царит при дворе, то подобному примеру всегда следует и город; к этому предмету мы вернемся очень скоро.

Первая половина нивоза, бесспорно, может быть особо отмечена в летописях аристократии, как не имеющая себе равных со времени возникновения национальных собраний. Никогда не удавалось пройти столь длинный путь за столь короткое время. 1 нивоза появился декрет, отсрочивающий всякие продажи имуществ отцов и матерей эмигрантов, а также предложение Грегуара вернуть нам мессу: аристократия и суеверие, всегда идущие рука об руку и готовые возродиться по приказу тирании, радовались от всего сердца, глядя на это заседание.

2 нивоза одновременно вносятся предложения разрешить свободный вывоз звонкой монеты, принять меры к уменьшению количества ассигнатов и упразднить максимум. Три меры, которые должны были произвести чудеса! Что касается звонкой монеты, то различные произведенные правительством операции доставили ее в большом количестве в его распоряжение; некоторые члены,

руководящие этой отраслью, хотят, должно быть, делать дела, и широкая свобода вывоза денег их очень устраивает: нельзя было придумать лучшего способа приукрасить коварство этого мошеннического фокуса, как поставить условием ввоз равного по цене количества предметов первой необходимости, как будто на земле Франции нельзя найти предметов первой необходимости в количестве достаточном и более чем достаточном для ее населения. Что касается уменьшения массы ассигнатов, нет более эффективного способа дискредитировать их, как опубликовать официально, что их слишком много в обращении, и не следует удивляться, если мы теперь за это расплачиваемся при малейшей покупке; не следует удивляться, если рабочий, даже тот, чей ежедневный заработок раньше считали очень неплохим, ныне умирает с голоду; и я не пойму, как сейчас устраивается депутат, чтобы прожить на свои 18 франков, если он их получает ассигнатами. Что до упразднения максимума, мы видим его замечательные последствия; и можно легко убедиться в том, до какой степени фразы доброго Рафрона и обращение сената к французскому народу привели в умиление всех лавочников и торговцев.

3 нивоза окончательно декретировано упразднение максимума.

4 нивоза вводят в заблуждение относительно мужественного предложения Ноэля Пуанта[107]. Вполне понятно, что патрицианская клика безо всякого удовольствия слушала этот первый манифест против недостойного угнетения патриотов — манифест, выражавший сомнения в том, что для подлинного народа возможны хорошие результаты от упразднения максимума; манифест, беспощадно разоблачавший преданных защитников двора и города; манифест, в котором прозвучали такие страшные слова: «Террор лишь переменил свое название, он перешел в другие руки и осуществляется по-новому... Нет больше выбора между смертью и спасением родины».

5 нивоза был день петиций. Давно уже замечено, что господствующая ныне клика любит лесть так же сильно, как и короли. Она давно делает все возможное, чтобы получать еженедельные льстивые восхваления от парижских секций «в полном составе». Если писатель запретил себе прибегать к гиперболам, он должен разъяснить все то, что может породить недоразумение. Есть люди, полагающие, что когда сейчас говорят о парижской секции «в полном составе», идущей поздравить сенат в связи с тем или иным декретом, то это позорит действительно весь состав секции. Отнюдь не так. То, что называют здесь «полным составом», часто представляет собою 15—20 лакеев, у которых на лбу крупными буквами написано, что они рабы, и которые обладают бесстыдной дерзостью объявлять себя представителями такой-то крупной части народа. До сих пор многим парижским секциям удавалось уберечь себя от всяких влияний интриганов, желавших скомпрометировать их такими бесстыдными приемами. Предместьям особенно хорошо удавалось предохранить себя от заразы. Но я за-

бываю, что надо описать замечательные дела заседания 5 нивоза. Секции Вильгельм Телль, Фратерните и Фонтен-Гренель пришли «в полном составе», чтобы поздравить Конвент с его трудами и призвать его не медля обновить административные учреждения путем изгнания оттуда невежд и замены их образованными людьми. Эта мера должна дополнить изгнание рабочих. Она потребовалась для того, чтобы сделать нищими множество патриотов, отцов семейств, занимающих должности в государственных учреждениях, и устроить туда всяких бывших священников, всяких бывших дворян и всяких щеголей (при предыдущем правительстве лицемерию и интриге тех, кто правит ныне, уже удалось многих из них пристроить; но это был смешанный товар; теперь это будут подлость и антипатриотизм в самом чистом виде). Да что я употребляю все эти наименования? «L'Orateur du Peuple» не хочет их больше слышать. «Оратор» положительно налагает на них запрет в своем № 50, от того же 5 нивоза. Именно там он говорит, в полном соответствии с ходом нашего рассказа, великолепные вещи об окончании войны невежд против образованных людей, бедняков против богачей. Он прав. Сейчас богатые ведут войну против бедных, а люди с образованием — против добрых санкюлотов. Это слово постоянно возвращается под мое перо... Сила привычки! Фрерон и это слово приговорил к уничтожению в своем № 50, вероятно потому, что адвокат нации, состоящей из 1 млн., хочет вернуть ей право пользоваться выражениями «чернь, простонародье» для обозначения великой нации.

6 нивоза Клозель[108] подогревает ожесточение и озлобление против патриотов, уверяя, что есть еще кровожадные люди, которые требуют миллиона голов. Один член Конвента попросил слова после этого выступления, и, так как он выразил гнев по поводу пристрастного отношения, дающего слово поборникам только одной партии, ему пригрозили тюрьмой.

7 нивоза, ввиду того, что декретом потребовали от Мерлена из Дуэ слишком рано доклад о членах прежних правительственных комитетов, он заявил Конвенту, что никакого доклада делать не будет; что Конвент просто должен довольствоваться результатами его трудов и ему не обязательно быть полностью информированным, чтобы принять решение о необходимости создания комиссии в составе 21 члена. Исполненный доверия, Конвент или, по крайней мере, всемогущая клика отвечает: «Да будет так, как он хочет»[109].

8 нивоза в Конвенте говорят о злонамеренных, о негодяях, распространяющих слухи о том, что Парижу угрожает голод. Но голод не угрожает, он уже начался. Короли тоже давали всякие приятные наименования тем, кто смел роптать из-за нищеты, в то самое время когда она вонзала в народ свои тысячу и одно жало. Однако Кутюрье понял, что необходимо срочно воспрепятствовать тому, чтобы хлеб стал продаваться в Париже по цене

«один корсе» * за ливр. Он сказал, что даже монархическое правление всегда понимало, как важно не доводить неимущий класс до отчаяния, что оно шло на жертвы, чтобы удерживать цену хлеба на уровне, соответствующем их средствам, и он добился принятия декрета о том, что впредь цена на хлеб не сможет превысить той, которая была зафиксирована в день принятия декрета. Стало быть, опять максимум? Стало быть, в нем есть необходимость? И вы признали также необходимость восстановить его и для дров? Но если он необходим для хлеба и для дров, то не нужен ли он и еще для чего-нибудь другого? Разве я нуждаюсь только в хлебе и в дровах? Впрочем, что значат все эти меры? Когда действуешь в качестве законодателя, надо иметь широкий взгляд на вещи. Если вы живете в Париже и образуете сенат в этом городе, то это не основание, чтобы не видеть того, что делается за его стенами. В 10 лье от Парижа тоже едят хлеб. Да что я говорю «едят»?.. Его когда-то ели и должны были бы есть и сейчас. Там живут только картофелем и другими корнеплодами. Сетье пшеницы, весом 270 фунтов, продается по 140—150 франков. Я знаю коммуну в дистрикте Монтань Бон-Эр, это — коммуна Вернейль (я точен во всех своих утверждениях), которая состоит из 150 дворов. Их несчастные обитатели обратились в последней крайности к администрации дистрикта с просьбой отпустить им немного муки. Они получили 6 квинталов, 600 фунтов, — количество, достаточное для содержания шести семейств в течение декады, и им было сказано, чтобы больше не приходили. Когда департаментам будет опять разрешено свободно возвышать голос, чтобы сообщить о мучительном положении, в котором они ныне томятся, мы услышим страшные, печальные жалобы. Дать народу основания для сопоставлений между настоящим временем и самыми тяжелыми временами монархии — это, бесспорно, одно из главных средств, какие могут применять те, кто хочет опять видеть у нас короля. В этом направлении работают очень энергично, как показало на том же заседании чтение достопамятного сочинения «Le Spectateur Français» [110], которому, пожалуй, напрасно создали слишком большую известность. В стране свободы печати и всяких иных свобод, а также доверия к добродетели народа на такой пасквиль только плюнули бы с презрением. Это вовсе не самое сильное из средств, применяемых для восстановления монархии. И читать бредовый памфлет, а затем выступать с бурными речами против последних отпрысков династии Капетов — вовсе не наилучшее средство уничтожения роялизма.

9 нивоза шапка Свободы, в которой поднялся на трибуну один член Конвента, почти что подверглась оскорблениям: Армонвиля,

---

* *Corset — такое название получили у публики ассигнаты достоинством в 5 франков, которые были выпущены в 1790 и 1791 гг. и носили подпись чиновника по фамилии Корсе (Прим. переводчика).*

надевшего ее, заставили ее снять[111]. Народные общества всей Республики также подверглись общему осуждению, когда предложение Мишо, требовавшего для них защиты сената против всякого рода притеснений, жертвой которых они являются, было оттеснено братской поправкой Жиро-Пузоля[112], искусно применившего формулу перехода к очередным делам после замечания о том, что раз ствол всех этих обществ пришлось поразить, то и ветви, относящиеся к той же породе, не заслуживают более бережного отношения. И после всех этих побед врагов родины вполне понятно, что принимается решение о снятии секвестра с имуществ иностранцев, находящихся в состоянии войны с Республикой[113], и о возвращении сумм, внесенных в государственное казначейство в результате этих секвестров. Только в результате необыкновенно мужественных усилий плебейские депутаты добились принятия, в виде исключения, оговорки, что не подлежат возвращению 2 млн. 200 тыс. ливров банку Сен-Шарль. Нельзя допустить, сказал один член Конвента, обращаясь к председателю Бентаболю[114], внезапно закрывшему заседание, чтобы не ставить на голосование это исключение, нельзя допустить, чтобы эта сумма была использована Кабарюс для оплаты пасквилей, направленных против родины, и для развращения общественного мнения. Как журналист, я вскоре объясню народу раз и навсегда, что собою представляет эта Кабарюс.

10 нивоза отменяется декрет, гласивший, что англичан, ганноверцев и испанцев не следует брать в плен. Этот закон никогда не соблюдался неукоснительно, но в такой момент, когда декреты издаются только в пользу наших врагов, было вполне последовательно оказать им и эту любезность.

11 нивоза принимается прокламация об упразднении максимума. Она гарантирует наилучшие результаты этого акта... Конечно, для народа, состоящего из 1 млн. Что же касается другого народа, ему говорят то, что ему всегда говорили короли: «Бедный народ, потерпи». Правда, теперь фразу несколько смягчают: «Но после стольких бедствий благодеяния (этого закона об упразднении максимума) проявятся не столь быстро, сколь настоятельны наши потребности. Всякий внезапный переход от одного порядка вещей к другому, всякая перемена, как бы полезна она ни была, никогда не проходит без потрясений и всегда связана с некоторыми неудобствами». Затем следует обещание, что свершится великое чудо, что каста торговцев, чьей стихией была и всегда будет жадность, ненасытность, переродится и будет состоять из лучших людей мира, самых великодушных и самых бескорыстных. Оно уже и видно. А вот и то место, где возвещается чудо: «Ваши представители возлагают все свои надежды на характер, отличающий французскую нацию, и тогда снабжение продовольствием будет обеспечено. Отныне братство не будет между нами пустым словом; оно равным образом отвергнет и расчеты скупости, и ложные страхи, выгодные только жадным

спекулянтам и создающие искусственно нехватку продуктов». Рабы «в полном составе», а именно лавочники из секции Бют-де-Мулен, ранее именовавшейся Монтань, а еще раньше — тоже Бют-де-Мулен, пришли в Конвент, чтобы поздравить его с этим великим делом упразднения максимума. Их примеру последовали только их братья — рабы из секции Обсерватуар, опять-таки в полном составе, и созерцатели Свободы имели хоть то удовлетворение, что видели, как в тот день, посвященный комплиментам, сенат пожал гораздо меньший их урожай, нежели обычно, и его церемониймейстеру почти никого не пришлось представлять, а в «Бюллетене», вышедшем на следующий день, рубрика «Поздравления и настроение общества» была очень короткой. Заседание затем было посвящено разоблачению нового роялистского сочинения — «Любителям доброго старого времени». Фрерон приписывает все эти роялистские сочинения сообщникам Робеспьера. Верно то, что все, кто читают его газету, что вся его публика из Пале-Рояль только и говорят во всеуслышание о королевстве, и однако было бы неприлично заподозрить их в причастности к тайне появления этих сочинений и в попытках с их помощью прощупать отношение общественного мнения к самому страстному своему желанию. Как бы там ни было, Фрерон в заключение требует сохранения свободы печати, которой он хочет главным образом для себя, тогда как он никогда и не подумал, например, потребовать ее в связи с преследованиями Трибуна народа, который, конечно, является самым роялистским из известных писателей. Но, кстати о роялизме и роялистских сочинениях. Теперь начинают говорить о Кабарюс, которую Тальен торжественно перед всем сенатом называет своею доброй и законной супругой[115]. Он добавляет, что познакомился с ней 18 месяцев тому назад в Бордо, что она подверглась преследованиям при Робеспьере, что 12 термидора ее должны были казнить, но он добился ее освобождения, и за это она вступила с ним в брак, что он будет ее защищать, вопреки всем и против всех, как доброму мужу надлежит защищать свою жену. И теперь я должен заговорить сурово. Речь идет о чем-то далеко не маловажном для Родины. Пора Франции узнать, что собой представляет эта Кабарюс, жена Тальена; пора Франции узнать также, что́ представляют собою и другие особы, оказывающие немалое влияние на поведение правительства. Всякую правду полезно обнародовать. Марат не упустил бы случая высказать те истины, которые я открою. Новые свободные писатели должны его сменить. Будем столь же непоколебимо честными, столь же несгибаемыми, как он.

Французы! Вы опять под властью шлюх: всякие Помпадур, Дюбарри, Антуанетты возродились, и они правят вами, и им главным образом вы обязаны всеми обрушившимися на вас бедствиями и тем прискорбным движением вспять, которое убивает вашу революцию. То был прекрасный день для добродетели и па-

триотизма, когда венчанный разврат в лице Венеры Дюбарри на эшафоте искупил долгие годы преступного выкачивания пота и крови из французского народа под покровительственной сенью распутного величества. Казалось бы, такой пример должен был дать острастку проституткам всех рангов, мечтающим получить управление государством как плату за их подлое бесстыдство. Можно ли было ожидать, что на троне вместо одной появятся несколько куртизанок? Да, на троне. Теперь сооружают республиканские троны в ожидании того времени, когда можно будет устанавливать королевские. Наши корифеи-сенаторы, те что ныне управляют общественным мнением, событиями и законодательными постановлениями, имеют каждый свой двор, и создают эти дворы падшие женщины. Зачем продолжать умалчивать о том, что Тальен, Фрерон и Бентаболь принимают решения о судьбах людей, безвольно возлежа на пуховиках и розах рядом с принцессами? Не будет ли полезнее, чтобы весь народ узнал, что законная супруга Друга граждан есть дочь испанского Неккера, миллионера Кабарюса, директора знаменитого банка Сен-Шарль? Нужно ли, чтобы кто-нибудь оставался в неведении, что патриот Бентаболь также состоит в законном браке с 200- или 300-тысячной годовой рентой и графиней де Шуазель-Гуффье, чей замок в Эйи, дистрикт Амьен, — это Шантийи * в миниатюре? Надо еще рассказать тем, кто об этом не слышал, как завязывались узы, так удачно сочетавшие браком этих законодателей. Те, кто стал их законными половинами, находились в заключении в дни, предшествовавшие 9 термидора. К ним пришли и сказали: «Вы хотите, чтобы вас не гильотинировали? Согласитесь стать моею женой». Высокие и могущественные дамы сочли, что лучше выйти замуж, нежели быть обезглавленными. И вот они уже законодательницы. Вскоре нежных мужей начинают убеждать покинуть дело этих противных санкюлотов, и к тому угодливо принимаются соответствующие меры. Выпускают вероломные листки, используют свою популярность, чтобы лучше обмануть. Сначала говорят в духе народа и его языком, а потом душат его, делая вид, что служат ему как нельзя лучше. В течение какого-то времени народ попадается на эту хитрость, но в конце концов обнаруживает ловушку. Его приводит в негодование вид этих разбойничьих листков, состряпанных в будуарах всяких Лаис, он отвергает эти зачумленные газеты, от которых на расстоянии лье несет мускусом. Что вы делаете, подлые плебеи? Неужто вы не понимаете, что эти бесстыжие патрицианки, эти благородного происхождения авантюристки, сегодня оказывающие вам честь, продаваясь вам, мещанам, задушат вас, как только с вашей помощью им удастся восстановить старый порядок вещей. Если бы у вас что-то еще осталось от добродетели и любви к родине, вы бы

* *Славившийся своей красотой и роскошью замок, принадлежавший накануне революции семейству Конде.*

отказались от наслаждений Капуи и Сибариса, вы бы избавились от подушек, в которые вы зарылись, и оттолкнули бы от себя сирен, которые уже успели причинить столько зла вашей стране. Вы были когда-то республиканцами, а ныне вы не стыдитесь являться на спектакли этакими Сарданапалами, приводить туда своих Семирамид и давать им возможность собирать дань постыдного преклонения от толпы рабов. Неужто вы думаете, что вам никогда не придется отчитываться перед народом? Куда вы денете декрет, обязывающий каждое должностное лицо объяснить происхождение имущества, приобретенного во время революции? Но так далеко дело не зайдет. Нет, Самсоны в прошлом, вы доверили Далилам секрет вашей силы; вы позволили остричь ваши волосы, и филистимляне вас раздавят. Вот к какому ослеплению приводят наслаждения! Вот каково безумие, в которое вас завлекли коварные нимфы, притворяющиеся, что любят вас! Под их пенье вы вырыли себе могилу. Вы открыли кампанию очернения всей революции, все революционные мероприятия вы квалифицируете как преступные и аморальные. Ваш приговор будет провозглашен вашими же устами, когда дойдет очередь до вас и будет раскрыта ваша доля участия в этих мероприятиях, когда, например, дело дойдет до предъявления множества постановлений вроде следующего: «Все те, кто откажется сдавать зерно или доставлять (в Бордо) предметы первой необходимости, будут рассматриваться как спекулянты и в 24 часа предстанут перед судом военной комиссии. Если одна или несколько коммун окажут сопротивление объявленным им постановлениям, они будут рассматриваться как мятежные, и все жилища их членов будут уничтожены огнем. Подпись Тальен, Бордо, 8 фримера II года».

И можно было бы в нескольких номерах рассказывать, приводя тому доказательства, о расстрелах, произведенных Фрероном в Тулоне, где он отправлял на смерть без суда всего только по 200 человек в день...

Но закончим рассказ об этом заседании от 11 нивоза. Один из членов Конвента жаловался на то, что еще накануне стало известно, что ход заседания будет нарушен внесением дополнительных предложений. Основная повестка дня предусматривала обвинения против прежних парижских революционных комитетов, к которым аристократия питает смертельную ненависть. Но в связи с дополнительными предложениями Андре Дюмон требует отправлять в тюрьму Аббатства всякого члена Конвента, который позволит себе личные нападки на своих коллег. В соответствии с этим принимается постановление, по которому Тальену не придется более краснеть перед всем Конвентом за свой богатый и аристократический альянс с Кабарюс, за наглые выходки этой женщины и ее родни и любому другому депутату, жизнь которого столь же скандальна, не придется впредь опасаться злых языков.

Один только Фрерон сможет по-прежнему визжать сколько угодно, дабы отомстить за столь любимый им «золотой» народ. Этот человек меня возмущает, и, в конце концов, я не знаю более решительного контрреволюционера, чем он. По его номеру 53, от сего числа, его можно было бы счесть за сумасшедшего, если бы характерный для этого номера тон, сочетающий безумие с яростью, не выдавал явного коварства. Он прямо призывает свой народ — щеголей и торговцев — восстать против санкюлотов. Он говорит им о проектах ограбления их, о предложениях соорудить гильотину на всех площадях Парижа, о сборищах, на которых было решено, что гильотина слишком обыкновенна и слишком мягка, и предложено было в отношении всех торговцев и щеголей применять виселицу, как более устрашающую, а с некоторых из них содрать кожу живьем на глазах у других, дабы неповадно было. Жалкий клеветник на народ! Вполне очевидно, что, приходя в ярость от нашей угрозы кинжалом, которая основана на Декларации прав, он тем самым выдал свои намерения. Значит, ему хочется учинить то правонарушение, которое дало бы основание для осуществления этой угрозы. Но послушаем его дальше. Он говорит, что в квартале Гро-Кайу проповедовали, будто все, что есть у торговцев, принадлежит народу. И в заключение сообщает, что существует проект поджога многих зданий в Париже, дабы вновь открыть клуб якобинцев. При слове «якобинцы» он падает в обморок и затем как бы во сне нагромождает одну на другую сотню риторических оборотов. Он вспоминает, в частности, о птицах и о громе, о прекрасных вдовах гильотинированных рыцарей, которые высказывают самые трогательные сожаления по поводу участи своих фамильных гербов и своих супругов. Сам он тоже выражает свои сожаления, особенно по поводу разрушенных городов. Это вступление к тому mea culpa, которое мы его заставим произнести, показав, какие усилия он приложил, чтобы разрушить Тулон и Марсель. Этим разрушителям, этим жестоким диктаторам не пристало столь громко говорить о разрушениях и злоупотреблениях властью, чинимых другими.

Но вернемся к Национальному конвенту.

12 нивоза по представлениям кое-кого из тех членов Конвента, которые не присягнули контрреволюции, решено было пересмотреть отдельные злополучные меры, принятые в предыдущие дни. Закон от 4 нивоза об упразднении максимума оказался столь хорошо обдуманным, что пришлось внести поправки в статьи 3 и 4, и было постановлено, что правительство сможет изымать путем реквизиции у владельцев зерна или муки все, что превосходит размеры их потребления в течение шести месяцев. А касательно вывоза звонкой монеты принята была поправка, гласящая, что прежде, чем эта мера будет проведена в жизнь,

комитеты должны предложить те средства, которые позволят предупредить возможность злоупотреблений.

13 нивоза законодательный комитет представил список предполагаемых членов нового состава Революционного трибунала. Надо надеяться, что их удачно подобрали и что они будут судить в полном соответствии с волей тех, кто их выбрал. Что касается прежних членов трибунала, чуждых угодливости, они считаются погибшими в глазах искусственно созданного общественного мнения с тех пор, как, опять-таки из уважения к якобы святейшим правилам, умудрились раскрыть роль каждого из них, что́ деликатно опубликовали во всех газетах. Некоторые из сегодняшних газет подняли вопль против секции Гравийе, потому что она обсуждала благодетельные последствия событий 31 мая и злополучные результаты неудавшейся революции 9 термидора. Раболепные негодяи не могут простить этой секции того, что она обессмертила себя прекрасным постановлением, принятым в ответ на предложение одного лакея, требовавшего, чтобы эта секция, подобно другим, пошла припасть к ногам авторов восхитительных трудов. «С е к ц и я, — гласит это постановление, — п е р е х о д и т к о ч е р е д н ы м д е л а м, т а к к а к с ч и т а е т, ч т о, к о г д а н а р о д н е м о ж е т п о р и ц а т ь, о н н е д о л ж е н и о д о б р я т ь».

14 нивоза были предложены меры, направленные на изгнание патриотов с должностей в государственных учреждениях. Средством для этого является посылка во все секции списков служащих с тем, чтобы получить сведения о каждом из них. Поскольку ныне в секциях господствуют аристократы и аристократические принципы, то там нетрудно будет подобрать те или иные факты против людей, повинных в патриотизме, и действующая ныне мораль отнюдь не помешает обрисовать как преступление те их действия, в которых проявились подлинно гражданские чувства. На том же заседании рабочим, печатавшим упраздненное ныне издание [«Bulletin des lois»], были приписаны довольно странные речи, что якобы «в такое время, когда зима все более вступает в свои права, а цены на продовольствие повышаются, нет ничего плохого в том, что Конвент выбросит рабочих на улицу для вящего блага Республики». На том же заседании отменяют поправку к закону о максимуме, запрещавшую реквизиции зерна у тех граждан, у кого оно имеется лишь в количестве, необходимом для собственного потребления в течение шести месяцев. На том же заседании происходит назначение новых судей во все трибуналы Парижа; я утверждаю, что мне известны некоторые из прежних судей, несомненные патриоты, которых именно поэтому избрал в свое время народ; их больше в списке нет. То же происходит повсюду: в почтовом управлении я знал в числе прочих двух отличных граждан — Лепажа и Акара, выдвинутых избирательным корпусом; недавно их уволили. Будь я в другом положении, я призвал бы всех этих добрых патриотов,

уволенных со своих должностей, собраться всем вместе, явиться в сенат и задать ему вопрос, не потому ли их считают ныне ни к чему не пригодными, что на их лицах видна печать любви к свободе и человеческого достоинства? .. Конвент не прекращает производить чистку суверена; неужто его не спросят вскоре, кто же в свою очередь произведет чистку его рядов?

15 нивоза обнародовано постановление Комитета общественного спасения относительно дров, в которых Париж испытывает жесточайшую нужду в ту самую пору, когда холод убивает. Об этом подумали лишь тогда, когда нужда разит, как кинжалом. Правда, те, кто правит, ни в чем не испытывают нужды. Но вот что значит хотеть все делать самим. Ваша администрация никогда не сможет всюду поспеть. Посмотрите, как она действует. Она дает сырые дрова, которые начинают вырубать в лесу тогда, когда ими уже надо топить. Она дает их не менее чем на 40 франков: у кого нет такой суммы, тому придется мерзнуть, а те, кто ею располагает, будут вынуждены пройти в своих секциях через всякие формальности и очереди, так что некоторым дрова достанутся, когда зима пройдет. После таких мрачных картин несколько утешают происшедшие на сегодняшнем заседании выступления рабочих, печатавших «Bulletin des lois», которые решительно опровергли приписанные им накануне нелепости, и детей погибших защитников родины, которые огласили пламенное обращение в защиту Конституции 93 года. Газета Фрерона от 15 нивоза не считает нужным говорить об этих делах. Он извлекает из мемуаров Дюмурье доказательства того, что еще во времена этого генерала якобинцы были заговорщиками: если «Оратор Пале-Рояль» не говорил об этом ранее, то лишь потому, что он сам был тогда якобинцем. Я абсолютно убежден в том, что такие же доказательства можно было бы почерпнуть из воспоминаний Капета, короля Франции и Наварры. В этом мы можем вполне положиться на Оратора, он сумеет их представить.

День 16 нивоза останется памятным благодаря Куртуа[116], огласившему первый обвинительный акт против всех революционных комитетов Республики, всех Народных обществ и всех революционных агентов.

17 нивоза Бентаболь-Гуффье захотел провести постановление о том, что к ответственности будут привлекаться не только авторы контрреволюционных сочинений, но и типографы. Комитет общественной безопасности, исходя, по-видимому, именно из такого понимания свободы печати, послал 14 нивоза вызов в суд моему типографу за то, что он осмелился выпустить в свет мой контрреволюционный 28-й номер. Затем он поспешил в следующую же ночь послать второй раз за три месяца четырех альгвазилов, чтобы арестовать меня на глазах моих детей. Так как меня не нашли, то на следующий день Комитет распорядился арестовать мою жену, которую допрашивали целый день[117], сопровождая это плоскими остротами, с целью заставить ее сказать, где

я могу быть. Так как у нее оказалось больше силы и стойкости, чем можно было ожидать от простой деревенской женщины, то ее наконец отпустили, хотя и пригрозили, что будут достаточно бесстыдны, чтобы посадить в тюрьму мать троих детей, у которых тогда не осталось бы никого во всем мире, чтобы им помочь, после того как их отца вынудили прятаться в подземельях во имя любви к родине. Но принятое Конвентом в ответ на предложение Бентаболя решение о переходе к очередным вопросам повестки дня, мотивированное принципом свободы печати (по всей видимости, с той поправкой, что авторов-то они всегда будут иметь в виду), не дает мне оснований опасаться, что случившееся с моим типографом и с моей женой может повториться. Я же готов прятаться и дальше, следуя примеру, который патриоты узаконили созданием монумента на площади Карусель*. А если бы случаем те четыре альгвазила из Комитета общественной безопасности добрались до меня, мне довелось бы тогда дать новый пример республиканцам. Я помог бы им запомнить Декларацию прав так же хорошо, как я ее знаю; а одна из ее статей гласит, что «всякий человек, которого захотели бы арестовать вне указанных законом случаев, имеет право не согласиться на это и отбросить всякого, кто захотел бы применить насилие». Но конституционный закон гарантирует свободу печати. Арестовать человека за пользование этой свободой печати значило бы действовать вне указанных законом случаев. Следовательно, я могу объявить тем четырем альгвазилам Комитета, что я являюсь владельцем двух пистолетов, каждый из которых заряжен двумя пулями, что вместе составляет четыре, как раз столько, сколько нужно, чтобы уложить на месте мои две пары альгвазилов.

18 нивоза мы узнаем важную вещь. Дело в том, что подчас издаются декреты, сводящие на нет завоевания революции, но проходящие до такой степени незаметно, что о них почти и не говорят. Один из них был принят 30 брюмера. Он предоставил всем эмигрантам возможность доказать, что только система террора вынудила их покинуть страну; и в департаменты были даже посланы уполномоченные для рассмотрения жалоб. После издания этого закона департаменты наводнены эмигрантами и высланными, и сказать об этом до сего дня было бы преступлением. На этом заседании законодательный комитет сделал попытку подкрепить декрет от 30 брюмера, утвердить систему пересмотра всех эмиграций, совершенных из страха[118]. Что же, даже братья Капета не затруднились бы сослаться на этот мотив! Мужья всяких Кабарюс и Гуффье достигли этого успеха ценою неимовер-

* *По постановлению Парижской коммуны от 19 января 1793 г. на площади Карусель было посажено «дерево Братства» и вокруг него, образуя ограду, были поставлены 84 пики (по числу департаментов Франции), к каждой из которых прикреплена табличка с названием соответствующего департамента (Прим. переводчика).*

ных усилий, и сами эти усилия дали решение загадки и обнажили перед нами главарей ретроградной клики, сделавшей нашу революцию неузнаваемой. Конвент отменил убийственный для нации закон от 30 брюмера и предоставил эмигрантам, вернувшимся на основе этого закона, срок в две декады и по одному дню на каждые 5 лье, чтобы покинуть территорию Республики: не слишком ли это снисходительно, и не используют ли этот декрет наши враги для того, чтобы отправиться в Вандею и пополнить ее ряды?

После этой посредственной победы партии народа она еще сохраняет видимость жизни, вырвав штурмом декрет от 19 нивоза, учреждающий празднование годовщины казни последнего Капета[119], а также декрет, утверждающий доклад о способах очищения земли Республики от его отпрысков: как видно, малейшая победа поднимает дух, когда издавна привыкнешь к неудачам.

ПЛЕБЕЙСКИЙ КОНВЕНТ! Вот какова историческая галерея добра и зла, свершившегося в твоем присутствии на протяжении двух декад. Да что я говорю о добре? Разве то немногое, что мы видели, заслуживает быть принятым во внимание? Разве, наоборот, мы не видим, как все контрреволюционные меры упорядочиваются, согласуются и прекрасно дополняют друг друга в полном соответствии со стремлениями их благородных вдохновителей? Разве мог я ничего не упустить в моем описании ниспровержения всех основ республиканского здания? Как много мне следовало бы еще добавить! Все было отлично продумано в плане адвокатов «золотого» народа. Принимая все меры, чтобы убрать санкюлотов из мастерских и отправить их в армию, всячески старались в то же время освободить из армии и отправить в Париж всевозможных бездельников, для которых необходимость служить в солдатах равносильна «убийству». Я не знаю ничего более отвратительного, нежели «L'Orateur» от 3 нивоза, № 49. Почитайте его! Вы увидите, с какой силой логики он доказывает, что все принципы требуют изгнания из учреждений «приверженцев старых предрассудков», «санкюлотов — отцов семейств», дабы освободить место для молодых ветрогонов, которых он страстно любит. Вы увидите, как, приводя цитаты из Вольтера и Руссо, он так же неотразимо доказывает, что неправы те вандалы, те бесчувственные враги искусства, которые выступают против того, чтобы множество «молодых художников» оставили грубое военное ремесло, для которого они вовсе не созданы. Вы увидите, как в заключение он при помощи некоего наглого господинчика высмеивает стиль одного служащего из государственного учреждения, отца семейства, патриота и человека добродетельного, но не владеющего пером...

Следствием этого преступного осуждения санкюлотизма и самой достойной уважения профессии — защиты родины — является то, что несение караула вызывает теперь презрение, что это

представляется чем-то унизительным, и порядочные люди находят себе повсюду всякого рода гоняющихся за копейкой людей, которые их заменяют в этом деле... Наши элегантные дамы не носят больше национальной кокарды, ее только терпят!.. Другие священные эмблемы нашей свободы подвергаются публичному поруганию, а в Руане была произведена первая репетиция драмы, цель которой — уничтожить Народные общества, покрыв их позором... Слово «гражданин» кажется теперь смешным, а в Пале-Рояль вас побили бы, если бы вы вздумали не звать «монсеньером» наглеца или рискнули бы обратиться по-республикански на «ты»... До тех пор пока огонь небесный не уничтожит этот новый Содом, он будет вместилищем всей той гнили, которую старый режим оставил нам, несмотря на чистки, произведенные революцией. Надо было видеть, сколь подчеркнуто в день и накануне дня, соответствующего нашему прежнему Новому году, вся посеребренная сволочь воскрешала старый обряд и с каким старанием закупались запасы новогодних подарков у самого элегантного кондитера, которого когда-либо видели... Эти нововведения, внешне незначительные, влекут за собою более крупные перемены: Мерсье в своих «Annales» проявляет столь упорное благочестие, что, наверно, он не замедлит вернуть нам и Жиронду, и богословские добродетели. Разве мы не видели не так давно, как он, выступая с весьма ученым сопоставлением двух религий, христианства и религии республиканизма, весьма презрительно отзывался о сем последнем культе, употребляя такие выражения, как «твой республиканизм»; если следовать за ним, то пришлось бы воскресить схоластические диспуты, на которых он приводил бы в качестве аргументов высказывания св. Фомы и Тертуллиана [120]...

С другой стороны, недавно объявлена подписка на мартиролог аристократии, и мы вскоре получим под заглавием «Le Réhabiliteur» полный перечень несчастных жертв, загубленных республиканским уголовным кодексом... Сословие всадников должно за них отомстить, и разве оно уже не отомстило? Режим пяти крупных откупов [121] восстановлен, поскольку фунт соли стоит 12 су. Но это дело маленькое. Те, кто носит штаны, не терпят больше слова «санкюлоты», а между тем многие люди полностью лишились возможности купить себе штаны. Что вы скажете, если в ближайшее время я приведу беднякам точный расчет в ливрах, су и денье, из которого будет видно, что они не зарабатывают и четверти стоимости тех предметов первой необходимости, которые они должны были бы быть в состоянии приобрести каждый день? Что вы скажете, если с этим подсчетом в руках они пойдут к каждому из правителей и скажут ему: «Правитель! Ты видишь, что при том, как ты все устроил, я не могу жить; между тем твое ремесло состоит в том, чтобы обеспечить мне возможность жить, ибо по существу вся политика в принципе сводится к тому, чтобы обеспечить всем управляемым удовлетво-

рение их потребностей. И всякий раз, как тебе это не удается, я вправе сказать, что ты управляешь плохо...»

Плебейский Конвент, предупреди это движение! Разгроми недостойную клику сотрудников богачей, уничтожившую все сделанное тобой добро и стремящуюся помешать тебе восстановить его. Ввергнем всех их вместе в грязь позора. Беспощадно бичуйте всех законодательных шлюх! О ужас! Неужто французский народ вернется под власть всяких Помпадур... нет, мы этого не потерпим. Пусть те, кто живет, ест, спит и думает вместе с аристократией, не осуществляют больше своего опасного влияния на наши дела. Настоящее время чревато будущим. Когда мы изгоним этих трусливых дезертиров из среды тех, чьи интересы они подло предали, мы увидим, как они будут осмеяны всеми партиями, как повсюду, куда бы они ни кинулись, они окажутся между Сциллой и Харибдой и не будут знать, где им преклонить голову. Всякий, кто вознесся, говорит Евангелие, будет унижен. Это правило подтвердится. Подлецы! Они тешили себя надеждой, что им долго удастся держать перед глазами народа искажающую призму, с помощью которой они ему внушали, что они его лучшие друзья. У народа в конечном счете хорошее зрение, он увидел, что скрывается за стеклом. Он сказал себе:

«Так это опора моей печальной родины?»

«Нет, нет», — решил народ, и кончено, идолы разбиты. К ним полностью применимо следующее ужасное изречение:

«Есть злодеяния,
которых боги, во гневе своем, не простят никогда».

Законодатели-патриоты! Исполняйте ваш долг! Будьте мужественны! Я уже говорил, что есть еще добродетели в Конвенте, я взываю к ним и свожу их лицом к лицу с преступлением. Пусть они его раздавят. Делегаты народа, я предупредил вас, что каждого из вас буду по очереди жечь огнем. Если окажутся между вами такие, которых ничто не заставит пошевелиться, если окажутся таланты и энергия, не желающие быть примененными, я их разоблачу перед Францией, я их обвиню в нежелании заботиться о ее делах, в нежелании выполнить полученный от нее наказ. Я заставлю их ответить головой за свою инертность и за зло, которому они не воспрепятствуют. Ныне я тоже хочу, чтобы Конвент остался на своем посту; но остался для того, чтобы исправить все то зло, которое он допустил, и чтобы не дать возможности гильотинировать себя. Мы простим, народ простит все; он забудет преступную узурпацию всех его прав, если только сенаторы-патриоты помогут ему отвоевать их обратно, если только Республика получит возможность покоиться на основах счастья, свободы и демократии. Проснитесь, писатели-патриоты! Помогите нам повседневно разоблачать преступные поползновения подлых клик! Будь с нами, мужественный Одуен [122], которого я отчиты-

вал, когда полагал, что ты отклоняешься от правильного пути. Патриот чужд злобы; он преследует не людей, а дурные принципы. Я готов побрататься даже с Фрероном, если после полученной им взбучки он еще окажется способным вернуться в лоно истинного народа. Будем бдительны. Отбросим софизм о слепом доверии, которое нам неустанно рекомендуют оказывать глубокой мудрости правительства. Это называется говорить о политике в духе св. Антония Падуанского[123]. Вспомните принципы, они учат тому, что свобода народа зиждется на бдительности, а не на доверии.

ГРАКХ БАБЕФ, Трибун народа.

В конце 27-го номера я обещал в следующем номере продолжить рассмотрение того вопроса, о котором там шла речь. До сих пор обстоятельства вынуждали меня откладывать это продолжение, я его дам при первой же возможности.

В моем 28-м номере я обвинил сенатора Дюбуа-Крансе в сотрудничестве с аристократическо-федералистско-фреронистским попурри, носящим заглавие «Journal des lois», издаваемом Галетти. В 811-м номере этого жалкого издания сенатор Дюбуа довольствовался простым отрицанием, заявив, что он в нем не сотрудничает. Несмотря на всю грубость насмешек, которые этот депутат счел уместным обрушить в своем опровержении на Трибуна народа, если бы он ограничился только этим, Трибун со своей стороны учел бы, что полномочному представителю до́лжно многое прощать, и, с другой стороны, ему было бы приятно думать, что еще один член Конвента оказался на стороне правого дела, ибо дезавуировал таким образом контрреволюционную газету и нанес ей тем самым серьезный ущерб. Но сенатор Дюбуа не довольствовался своими остротами, помещенными в 811-м номере. Он так мало связан с газетой Галетти, что в его распоряжение был предоставлен еще и 814-й номер, где он поместил мое полное жизнеописание. Однако по невежеству или по злому умыслу рассказчик допустил неточности в изложении фактов. Поскольку свою жизнь я знаю лучше, чем кто-либо другой, я должен исправить ошибки того, кому угодно было отвлечься от своих серьезных обязанностей законодателя, чтобы стать моим биографом. Вот мои поправки к вышеупомянутой биографии.

Я был февдистом при старом режиме, и, быть может, именно поэтому я стал самым грозным бичом для феодалов при новом режиме! В пыли сеньериальных архивов я открыл страшные тайны узурпаций, учиненных кастой дворян. В пламенных сочинениях, опубликованных на самой заре революции, я разоблачил их перед народом. Это вызвало большой подъем в моем департаменте, произошло восстание против феодальных поборов, их перестали платить за три года до издания декрета, окончательно их

упразднившего. Народ меня благословил, а дворянская орда возненавидела. Ее ярость еще более возросла, когда я обосновал право граждан на раздел общинных угодий и добился проведения этого раздела за два года до издания соответствующего декрета. Я же в 1789 г. поднял движение против косвенных налогов и прогнал всех подручных откупщиков из бывшей Пикардии. За каждое из этих нарушений общественного порядка я подвергался уголовным преследованиям.

Заключение в тюрьмы отнюдь не поколебало моего мужества. Посвятив себя защите каждого из угнетенных, я в то же время основал газету, в которой всегда защищал интересы общества в целом. 10 августа народ департамента Сомма выбрал меня администратором департамента. Вот наиболее примечательное из того, что я сделал, занимая этот пост. Я сорвал попытку искусственной организации голода в департаменте. Я сорвал предательский заговор, направленный к тому, чтобы выдать этот департамент герцогу Брауншвейгскому. В дальнейшем я проявил такую преданность классу санкюлотов и такую беспощадную ненависть к аристократии, что последняя назначила цену за мою голову. Нетрудно понять этот последний приступ ярости, если вспомнить, что департамент Сомма отличался своим контрреволюционным духом, проявлявшимся при всех случаях и постоянно вызывавшим опасения, как бы этот край не стал зародышем второй Вандеи.

Я уже говорил, что за мою голову была назначена цена. В феврале 1793 г. я бежал в Париж. По прибытии туда, я стал секретарем Продовольственной администрации Коммуны. При двух последовательно сменившихся руководителях администрации я получал почетные удостоверения, свидетельствующие о моей честности и патриотической преданности. Существуют также доказательства того мощного содействия, которое я, рискуя своей жизнью, оказал в 1793 г. в деле спасения Парижа от голода, искусственно организованного заговорщиками, располагавшими всеми силами и средствами для осуществления этого замысла.

Итак, я полностью посвятил себя служению своей стране, а между тем в моем департаменте предпринимались энергичные усилия с целью погубить меня. Какая-то дьявольская шайка сфабриковала процесс, обвиняя меня в некоем подлоге — обвинение столь же остроумное, как бытовавшая в Париже выдумка о заговоре в тюрьмах. И, использовав такие приемы, меня не постеснялись приговорить заочно и без моего ведома к 20 годам тюремного заключения. Я узнал об этом лишь значительно позднее, в брюмере 1793 г., когда меня арестовали и отправили в тюрьму во исполнение этого приговора. Я обжаловал его перед Конвентом, указав, что этот приговор нелеп и отвратителен, и по докладу Мерлена, сделанному от имени законодательного комитета, Конвент без колебаний аннулировал всю эту гнусную процедуру. Мое дело было передано в трибунал департамента Эна. Обществен-

ный обвинитель признал, что нет никаких оснований для предъявления мне обвинения. Я могу сказать, что вся Коммуна города Лана, все Народное общество, весь департамент Эна проявили в отношении меня самое живое и теплое сочувствие. И я вправе считать, что этот процесс был для меня почетным. Я вернулся в Париж и был восстановлен в своей должности в Продовольственной администрации. Но вскоре я покинул ее, чтобы приступить к изданию «Газеты свободы печати», которой я затем дал имя «Трибун народа».

Такова история моей жизни, более точная, нежели то, что сочинил Дюбуа де Крансе. В результате всего этого я вовсе не богат; в этом убедились альгвазилы правительственных комитетов, когда дважды приходили в мою конуру с целью арестовать меня. Со времени начала революции моя жена и мои дети ужинали далеко не каждый день. То самое чувство, что поддерживало Марата, умершего в бедности, помогло им перенести вместе со мною страшнейшие лишения. Те, кто не способен ощутить всю притягательную силу добродетели, едва ли смогут этому поверить. Тем не менее слова, которыми я сейчас закончу, абсолютно правдивы. Моя жена, дитя природы, не нуждалась в прекрасном воспитании для того, чтобы никогда не отвращать меня от постоянного принесения жертв родине, что довело нас до нищеты. Что касается моих детей, я горжусь их добродетелями и мне приятно отметить здесь, как я счастлив, что в моем старшем сыне, которому девять лет, я вижу в действительности все те нравственные и патриотические добродетели, которыми великий Руссо, лишь следуя системе, одарил своего воображаемого Эмиля.

Типография «Трибуна народа».

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека, Гракха Бабефа

№ 30

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

4 плювиоза III года Республики, единой и демократической.
[23 января 1795 г.]

Трибун народа принимает на себя новое обязательство — сохранить в своей газете неограниченную свободу слова, которая позволит рассказать обо всех полезных истинах и разоблачить всех злодеев и все злодеяния. — Доказательства того, что Кобленц имеет свой сенат в Париже, что с некоторых пор во Дворце национального представительства защищаются почти исключительно его интересы и интересы эмигрантов и что большая часть декретов принимаются в Германии прежде, чем быть принятыми

во Франции. — Амнистия всем эмигрантам, включая Станислава-Ксавье и Луи-Филиппа Капетов. — Однако в парижских секциях мода на подхалимство проходит. Похвала четырем секциям, потребовавшим восстановления демократической Конституции 1793 года. — Бешеная злоба фреронистской партии, вызванная этим поступком. — Разработка Фрероном плана создания новой Вандеи в департаментах Верхний и Нижний Рейн. Он открыто выступает за народ «порядочных людей» и против народа санкюлотов. Для начала он угрожает нанести сильные удары. Затем он прямо призывает свой раззолоченный народ к истреблению подлинного народа; он угрожает в ближайшем будущем новой Сицилийской вечерней или какой-либо новой Варфоломеевской ночью; он рекомендует испанские стилеты и указывает, как следует пользоваться ими. Первые попытки создать вооруженные отряды из его молодчиков. — Народ санкюлотов соглашается на гражданскую войну, в которой агрессором является народ богачей, послушный голосу гнусного Фрерона. — Проблема, подлежащая решению в борьбе между различными группами: какое правление будет во Франции? Что делать с сыном Капета? — Еще об увольнении рабочих. Новый Революционный трибунал. Охрана порядка на трибунах Конвента. Новый терроризм, установленный врагами мнимых террористов. Признаки слабости правителей. Характерные проявления сознания своей силы со стороны управляемых. — Декрет о 36 франках. Впечатление, произведенное им на народ. Его политические последствия. Он научил народ отличать друзей от врагов. — Несколько слов о законодателях Лежандре, Мерлене из Тионвилля, Андре Дюмоне, Тальене и Бентаболе. Ответ на одну афишу и на один дар этого последнего депутата «Трибуну народа». — Размышления по поводу объявления Комитета общественного спасения о хлебе из картофеля. — Возобновление заговоров, направленных к унижению Конвента. Близость газеты Шаля к этим заговорам. Справедливое сожжение этой газеты. Большой шум, поднятый по этому поводу в сенате патрицианской кликой. Уход Одуена и Дюваля с журналистского поприща: рассмотрение вопроса о том, пострадает ли от этого народное дело. — Аргументы, доказывающие необходимость создания в ближайшее время Комиссии 21-го для Фрерона, Тальена и К°. — Новые важные обязательства в пользу народа, принятые на себя Трибуном.

Из глубины моего подвала я слышу, как некоторые люди говорят: «Какой удивительный человек! Он ничего не хвалит... он всегда недоволен...» Глупые или коварные люди! Разве патриот, а тем более журналист должен восхвалять? Я не нахожу ничего похвального в действиях тех, кто управляет, но если бы даже в них можно было усмотреть что-либо, подобающее системе свободы, разве это обязывало бы меня льстить власти? Восхваляю-

щий журналист — это раб. Я беру свои цитаты там, где считаю нужным: мне нет дела до того, какова репутация авторов. Бриссо лучше и лаконичнее всех определил, какой должна быть политическая газета. Эпиграф его «Patriote Français» гласил: «Свободная газета — это часовой, бдительно охраняющий интересы народа» [124]. Часовой не должен обманывать того, ради кого он стоит на карауле. Он не должен говорить, что можно быть спокойным, когда со всех сторон видны вооруженные враги. Кто во время революции был подлинно бдительным, преданным и мужественным часовым? По-настоящему их было только два: Прюдом и Марат. Видели ли их когда-нибудь воскуривающими фимиам власти? Нет, они знали, в чем их задача, они знали, что она состоит отнюдь не в том, чтобы хвалить должностное лицо, даже если оно выполняет свой долг. Мы признали, что основой свободного правления является не слепое доверие, а постоянное недоверие. Тот, кто осуществляет надзор за делами родины, должен скорее рискнуть ложно обвинить правителей, нежели пропустить какое-нибудь нарушение с их стороны. Ибо, с одной стороны, носитель власти всегда готов злоупотреблять ею вследствие естественной склонности человека господствовать, и его можно сдержать лишь с помощью очень короткой узды; а, с другой стороны, управляемые, всегда склонные к беспечности, слишком часто забывают отозваться на предостережения, которые им делают, и не принимают тех карательных мер, которые им надлежало бы провести против посягательств со стороны их агентов. Давайте же беспощадно вскрывать и наказывать проступки, ошибки и преступления правительства; оно не вправе утверждать, что это дурно, даже если я его обвиню ошибочно, ибо оно должно быть всегда готово противопоставить моим обвинениям свое безупречное поведение, ибо служащий не вправе запрещать своему хозяину надзирать за ним и бранить его, когда ему заблагорассудится; служащий волен покинуть хозяина, если находит его слишком строгим и если ему не нравится служить у него.

Ныне мы бросаем вызов некоторой части наших служащих: пусть они докажут, что мы их браним зря.

Я нахожу большое утешение в том, что могу говорить: некоторая часть. Недавно я высказал и обосновал желание видеть в сенате две партии. Такие две партии существуют. Последние заседания позволяют мне ясно и отчетливо их различить. Это порождает в моей душе надежду. Я уже писал о том, каких результатов неизбежно надо ожидать от такого положения вещей, теперь я готов их увидеть. Мне нет дела до того, какая из двух партий сильнее. Мне достаточно знать, что существуют две партии и что одна из них выступает в защиту вечных принципов, разума, правды и интересов большинства народа. При поддержке этого большинства и благодаря неотразимому авторитету этих принципов нам будет достаточно двух или трех журналистов-

санкюлотистов и горсти членов Конвента — демократов, чтобы вскоре раздавить сенат Кобленца[125], который, пожалуй, составляет большинство во дворце Тюильри.

Не спешите ответить громкими воплями на последние слова, вы, представители партии изменников. Подождите, я докажу вам, что эти слова правдивы. Пора сказать это французам, иначе государство погибнет... Да, у Кобленца есть во Франции свой сенат: иностранные державы, державы коалиции, все тираны имеют своих защитников в нашем ареопаге, которые им отлично служат. Вернее, только им вообще и служат, тогда как народ продают за наличные, его выдают и приносят в жертву его злейшим врагам. Это не голословные заявления, мы это докажем.

В течение декады Конвент занят почти исключительно защитой интересов эмигрантов. Неужто съезд всех этих убийц своей родины послал свою общую доверенность большинству делегатов Республики, и последние отдали этому позорному мандату предпочтение перед тем, который они получили от суверенного народа, как свидетельство его почетного доверия? По-видимому, это так, ибо в данном вопросе, который является лишь частью совершающейся контрреволюции, невозможно проявить больше рвения, чем это сделали некоторые законодатели, и суровый долг народного часового обязывает нас указать на них. Это важное дело было начато в заседании от 18-го числа. Началось с предложения изъять из списка эмигрантов несколько человек, которых старательно выбрали из числа людей, выглядевших наиболее заслуживающими помилования. Бентаболь, сей дворянин (по жене, как известно), после нескольких стычек, проведенных им легкими силами летучих отрядов, обрушился всей своей тяжестью на эту добычу и хотел один проглотить ее всю. Понадобились усилия такого борца, как Гастон, чтобы заставить его отказаться от этой попытки. Гастон произнес при этом случае прекрасную речь: «Я обращаюсь к вам, как Брут. Мне на долю выпало несчастье иметь брата, который, эмигрировав, изменил Родине. Если бы я его встретил, я первый пронзил бы его грудь». Он добавил следующие неотразимые соображения: «Это связано с самым важным вопросом из тех, которые вам предстоит рассматривать. Неужели вы хотите подкрепить надежды самых ожесточенных врагов Франции?..» По этому поводу один депутат от Мон-Блан сделал важное заявление: «в данный момент эмигранты твердо верят, что они скоро вернутся в Республику, и следствием распространения таких идей является то, что уже сейчас в Мон-Блан ассигнаты потеряли всякую ценность».

После того как Баррас[126] произнес нечто вроде отречения от ошибок, которые он допустил в результате коварства некоей банды, и по этому случаю также выступил в качестве искреннего и лояльного защитника большой Республики; после того как Лежандр высказался и за малую и за большую Республику; после того как Бурдон из Уазы, тронутый до слез исключительно судь-

бой малой, говорил о нелояльности и варварстве, о том, что природа и человечество охвачены дрожью, и другие подобные высокопарные слова, выступил Мерлен из Дуэ[127] и, перемешав мнения тех и других, дал возможность предположить, как будет выглядеть окончательный текст закона, после того как он его отредактирует; но, судя по этому наброску, партия Народа может подумать, что закон Мерлена, датированный 30 фримера и содержащий почти полную амнистию эмигрантам, отменен. На самом деле это вовсе не так. Оговорена возможность отредактировать текст, а с такой оговоркой всегда можно как-то извернуться. Посмотрим.

20 нивоза возобновляется обсуждение этого вопроса: Пале-Рояль решил добиваться отмены декрета. Предлагают на обсуждение его новую редакцию. Она оказывается неподходящей. Выражается желание ввести туда бесконечное количество исключений. Хотят сделать так, чтобы под видом рабочих, земледельцев, матросов, людей, живущих трудами своих рук, любой эмигрант мог вернуться в нашу среду, получить обратно свое имущество и удушить нас. Бельгард приводит разительный факт: «Я только что прибыл из Северной армии, — говорит он. — Заверяю, что все дезертиры и лазутчики сообщают нам, что эмигранты надеются на скорое возвращение во Францию». Чтобы утвердить их в этой надежде, доказать им ее основательность, достаточно было бы протоколов тех заседаний, о которых мы здесь даем отчет. Но разве приведенный Бельгардом факт не доказывает, что они в этом вовсе и не нуждаются? Разве он не доказывает, что проекты декретов составляются в Германии, а затем их выдвигают в Париже? А почему правительственные комитеты дают секретные поручения? Разве мы не имеем наших полномочных представителей при всей дворянской экспатриированной сволочи? Неужто те, кто нас предает, думают, что мы ничего не видим, ничего не сопоставляем, ничего не оцениваем! Ну нет... Если французскому народу будет опять навязано иго, то это не удастся сделать так, чтобы он не видел предварительных приготовлений. Мерзкие плуты! Не добавляйте же лишнего оскорбления, хвастая заранее, что вам будет легко достигнуть цели, потому что, как вы говорите, вам надо будет обуздать всего лишь «простофиль». Наглые негодяи! Не будет по-вашему!.. Трепещите! Победа уже наполовину обеспечена, когда преступление раскрыто. Нет! Французский народ не будет рабом: это невозможно. Мы вас видим насквозь, ваши козни разоблачены. Откроем занавес до конца, мы покажем вас народу при ярком свете в виде длинной цепи плутов, подающих друг другу руки на всем протяжении от Кобленца до Дворца национального представительства. Все вас увидят, увидят, как при помощи ваших связных и ваших телеграфов вы в мгновение ока передаете друг другу контрреволюционные приказы и сигналы, как из рук в руки вы передаете к нам оттуда губительные для свободы проекты декретов, планы

убийственных заговоров против народа, которые, выйдя во всеоружии из голов аристократов, беспрепятственно прибывают во французский сенат и проходят там, и принимаются там почти без всякого сопротивления... Но рассмотрим этот маневр в действии. Бурдон (из Уазы) после выступления Бельгарда поет в другом тоне, в том, который мы уже слышали 18 нивоза. Он требует милосердия ко всем, кто эмигрировал вследствие «террора» (когда я тоже стану плутом, когда я тоже решусь стать предателем моей страны, я попрошу соответствующих полномочий у господина Луи-Станислава-Ксавье и Луи-Филиппа, графа д' Артуа[128]: я отдаю голову на отсечение, если я не добьюсь восстановления их в правах и во владении их имуществом, доказав, что именно «терроризм» заставил их эмигрировать). Бурдон продолжает. Он с большой находчивостью передает контраст между варварством тех, кто хотел бы ради спокойствия родины принести в жертву несколько тысяч ее беспощадных врагов, и гуманностью тех, кто хочет спасти эту достопочтенную часть населения, жертвуя ради нее, если нужно, родиной, 24-мя млн. людей, которые для этих страшных личностей ничего не значат, на которых они с презрением смотрят как на мелкую сошку. Бесподобная снисходительность сената по отношению к Вандее и Шаретту[129], которая производит чудеса, по рассказам путешественников (ибо все другие средства сообщения не дают уже никаких верных сведений), эта великая снисходительность также является для защитника тех, кто находится по ту сторону Рейна, прекрасным предметом для сравнения. Словом, мощные аргументы Бурдона делают его заключение неуязвимым, и в соответствии с его видами принимается постановление о новой отсрочке всякого решения до тех пор, пока созреют статьи, которые не оставят желать ничего лучшего. Их пережевывают на протяжении всего дня 21 нивоза. Пришлось держать совет со всеми сторонниками дворянства. Старейшины его парламента должны были собрать большую консисторию, и наконец 22-го тщательно отмеренные и взвешенные статьи были представлены канцлером Мерленом на утверждение. И принимается текст, гласящий, что «рабочие и земледельцы, но не священники и не бывшие дворяне, применяющие свой ручной труд на фабриках, мануфактурах или на земле и обычно живущие на средства от своего повседневного труда, а равно их жены и дети моложе 18 лет, не будут считаться эмигрантами, если они покинули территорию Республики не ранее 1 мая 1793 г. и если вернутся во Францию до 1 жерминаля сего года, а также при условии, что в месячный срок по возвращении они представят в директорию дистрикта их последнего места жительства документ, подписанный восемью свидетелями, заверенный Генеральным советом коммуны и революционным комитетом и удостоверяющий, какой профессией они занимались до отъезда из Франции, а также во время пребывания за ее пределами. Им будет возвращено их

имущество, если оно не продано, или же возмещена его стоимость в случае его продажи».

Будь я маркизом или архиепископом, я безо всякого труда воспользовался бы этим декретом, хотя на первый взгляд и кажется, что он закрывает передо мною двери Франции, так как слова «не священники и не бывшие дворяне» как будто бы направлены против меня.

Во-первых, ясно, что при режиме снисходительности, при администрации, пассивно подчиняющейся правителям и состоящей из их креатур, проникнутых их духом, надо быть 36 раз дворянином или священником, чтобы быть причисленным к таковым, и все будут охотно закрывать глаза и признавать годными всякие объяснения, которые будут представлены. Разве, несмотря на всю суровость революции, мы не были свидетелями того, как люди, которые при старом режиме были способны перерезать горло всякому, кто осмелился бы оспорить их титул графа или барона, и которые, если бы контрреволюция была доведена до конца, никому бы не позволили смеяться над этими титулами, разве мы не видели, как эти же люди после 1789 г. сумели всех убедить, что они такие же дворяне, как я? Эти люди сумеют самым выгодным образом использовать два условия: трудиться своими руками или трудиться на земле. Все прочие условия будут отброшены. Но кто не сможет доказать, что умеет работать своими руками? Кто не сможет доказать, что он обрабатывает землю? Как кто-то уже заметил, Людовик XVI, божиею милостью король, был неплохой слесарь, а владельцы замков уже давно пользуются скромным, но почтенным званием «земледельцев».

Затем при этой самой системе «снисходительности» эмиграции 89-го или 90-го года не очень трудно будет сойти за эмиграцию, последовавшую за 1 мая 1793 г. Пусть все патриоты, которые меня читают, обратят особое внимание на эту дату — 1 мая. Не говорит ли это со всей очевидностью о желании очернить все, что было совершено начиная с мая, представить все это как порождение террора? Следовательно, также и вашу демократическую Конституцию 93 года... Это все тот же суд над 31 мая, над народом Парижа, над французским народом. Это, по существу, суд над республиканской Конституцией 93 года. А секции Друзей родины, Ломбар, Вооруженного человека и Хлебного рынка, которые, вместо того чтобы льстить, пришли недавно в Конвент, чтобы заявить, что они отнюдь не забыли этой Конституции, эти секции в глазах обнаглевшей клики весьма тяжко провинились. Такое отклонение от принятого ею курса оказалось столь чувствительным для нее, что в рабски подчиненных ей газетах она не смогла скрыть своего недовольства.

Затем при этой самой системе «снисходительности», если у меня обстоятельства таковы, что было бы слишком рискованно потребовать возвращения мне моего имущества, я довольствуюсь

возвращением моей особы: я могу быть уверен в том, что никто во Франции не нарушит моего покоя, если я не подниму на ноги свой дистрикт просьбой об удостоверении моей профессии и того, что моя эмиграция последовала после 1 мая. До истечения месячного срока после 1 жерминаля я спокойно могу заниматься чем угодно по всей стране, ибо закон не требует от меня выполнения какой бы то ни было формальности для возвращения в нее; до 1 флореаля никто не может мне ничего ни сказать, ни сделать, и это дает мне гораздо больше свободы, чем статья 1 декрета, предоставлявшего мне две декады и пять дней для отъезда, т. е. возможность отправиться в Вандею. До 1 флореаля еще есть время; еще много произойдет всяких событий, тем более что наши друзья неустанно работают нам на пользу: их преданность нам известна, если они чего-нибудь не добьются с первого раза, они достигнут этого со второго или с сотого раза. А пока мы отлично можем пребывать, например, в двух департаментах: Верхний и Нижний Рейн. Наш вассал Фрерон в своем 59-м номере, на странице 479, заранее подсчитал, что этот район доставил нам 30 тыс. эмигрантов, вернувшихся в силу декрета от 30 брюмера. Он дал понять, что почти невозможно выселить эти 30 тыс., ибо это может послужить толчком к возникновению новой Вандеи. Кто нам мешает присоединиться к ним: ведь, если, паче чаяния, нам придется оттуда уехать, никто не будет знать, что мы там были? А покамест прекрасно уже и то, что тем временем совершенно подорвано доверие к покупке наших имуществ. Кто решится приобретать их с торгов после недавнего издания декрета, предписывающего их возвращение? Кто не устрашится при мысли, что этот первый наш успех станет прелюдией тысячи других подобных успехов? Кто из тех наглецов, из тех безумных смельчаков, которые дерзнули приобрести наши имения, не пожалеет о допущенной им глупости и не станет с трепетом ожидать момента, когда его экспроприируют? А тут еще вдобавок пропадают ассигнаты, поскольку поколеблена основа их обеспечения. О, удача! О, друзья наши! О, Кобленц!.. Сколь счастлив ты! Все будет хорошо: ведь Фрерон нам так сказал.

И не нашлось ни одного депутата-демократа, который, прочитав статьи сладкоречивого Мерлена, понял бы, сколь справедливы слова, вложенные мною в уста некоего эмигранта. Меня бы эта мысль поразила. Да, скажу с гордостью, Франция много теряет от того, что я не являюсь одним из ее законодателей. Я не только понял бы все то, что я здесь изложил от имени некоего эмигранта, но я нашел бы, конечно, и средство немедленно воспрепятствовать свершению зла. Каким образом? Да сумев пожертвовать своим самолюбием, чему вы до сих пор еще не научились. Самолюбие причинило много зла на земле и продолжает причинять его. Я так и вижу, как вы со всей серьезностью предаетесь исполнению своих обязанностей в Конвенте, как вы сидите, разинув рот и делая вид, что все понимаете, хотя на самом

деле вы не понимаете почти ничего; как вы слабым жестом, каким-нибудь едва заметным кивком высказываете свое отношение к предложениям, которые торопливо излагают перед вами и которые в большинстве своем кажутся вам очень хитроумными, но вы стараетесь показать, что понимаете их с легкостью. Ведь законодателю надлежит выглядеть умным человеком; он должен внушать уверенность в том, что нет столь сложных и запутанных идей, которых он не мог бы схватить на лету. И вот таким образом санкционируется обращение наций в рабство. Что до меня, то я бы не был столь гордым. Я бы сказал: «Докладчик трех комитетов, нельзя ли помедленнее! Я не очень хорошо понимаю все это. Вы выработали эти статьи, обсуждая их между собой, между всеми членами правительства; у вас было достаточно времени, чтобы хорошо их обдумать, это видно. Спору нет, я нахожу в них тонкий ум. Но мой, признаюсь, грубее. Он не может с налету оценить все значение ваших фраз. И поскольку народ, пославший меня сюда, хорошо меня знает, поскольку он считает, что я, несмотря на мои скромные способности, вполне пригоден для участия в выработке его законов, поскольку он заявил мне, что предоставляет мне все то время, которое необходимо для того, чтобы их обдумать, и что он особенно мне рекомендует ничего не одобрять вслепую, как сделал бы дурак... то я тебя останавливаю, слышишь ли, докладчик трех комитетов! Дай мне твой проект. Я сам рассмотрю его в течение нескольких дней, чтобы проверить, не содержит ли он чего-либо подозрительного, что с первого взгляда было бы незаметно для моего грубого разумения. Если мне откажут в моей просьбе, я со всех крыш буду кричать о том, что у меня отняли мое право участвовать в выработке такого-то закона, поскольку меня лишили возможности осуществить это право на деле; что хотят внушить людям, будто я подал за него свой голос, но это вовсе не так; что мне не дали времени разобраться в том, что было сделано, но я полагаю, что сделанное направлено против свободы народа; что я протестую; что я не участвовал в этом деле; что я апеллирую к нему, народу, и к его верховному суверенитету».

Так как день принятия этого эмигрантского декрета станет немалой исторической датой, нельзя упускать из виду ни одного обстоятельства, относящегося к этому месту летописи революции. Разве можно было бы поверить, не будь на то наглядных доказательств, что даже этот декрет не смог удовлетворить Фрерона? Недостатки этого декрета исторгают слезы у Оратора «благородного» народа в 58-м номере его газеты. Старая пословица гласит, что, сколько черту ни дай, ему все мало. Фрерон и его «народ» в этом подобны черту: чем больше они у нас сумели вырвать, тем больше им хочется вырвать сверх того. Мы сейчас увидим, сколь широк круг их притязаний.

Этот 58-й номер «Оратора» положительно заявляет, что фреронистская партия внушила эмигрантам надежду на декрет, го-

раздо более благоприятный для них, нежели декрет от 18-го. Он просит прощения за то, что не смог сделать большего ввиду трудных обстоятельств. Он кается в этом перед всеми «почтенными людьми», заверяя их в чистоте намерений своей партии и утверждая, что непреодолимые препятствия не позволили сделать больше того, что сделано, и дает возможность оценить величину этих препятствий; он допускает, что и вправду можно было бы, по видимости, предположить, будто его партия предает почтенную касту, что этак можно было бы даже потерять доверие клики, именующей себя порядочными людьми. Но ведь пришлось действовать осторожно, чтобы не открыть полностью свою игру в такой момент, когда это еще было опасно. Он объясняет, что, дабы воздать должное друзьям дворянства, достаточно представить себя на их месте и разумно рассудить, что́ они могли сделать; что Пале-Рояль может быть спокоен, ибо прекрасное мгновение уже недалеко и готовятся сильные удары; что близок час, когда все, кто покинул свою страну, чтобы сражаться против нее, вернутся назад и научат хорошо себя вести весь этот демократический сброд, которому вздумалось диктовать свои законы достопочтенному классу.

И вот с такими трижды контрреволюционными речами осмеливается выступать гнусный Фрерон. Может быть, он скажет, что я преувеличиваю? Пусть только попробует. Я докажу, и это, по-моему, очень важно, что я не допустил ни малейшего преувеличения и что 58-й номер действительно содержит все эти в высшей степени преступные высказывания. Я покажу это, сопоставляя мой разбор с соответствующими фразами Фрерона.

Разве он не признает ясно того, что «эмигрантам был обещан декрет, более для них благоприятный, чем декрет от 18-го», когда, сформулировав первый пункт содержания этого номера следующим образом: «Важные причины, заставившие нас принять суровый закон от 18-го против эмигрантов», — тем самым как бы оправдывается перед ними, что не сумел сдержать это обещание.

Разве писать на стр. 465: «...было бы крайне несправедливо судить о намерениях Национального конвента (читай: нашей клики), не принимая во внимание обстоятельств», — не значит приносить извинения за то, что не смог сделать большего?

Разве он не «кается перед всеми порядочными людьми», заверяя их в чистоте намерений своей партии и утверждая, что только непреодолимые препятствия не позволили ей сделать больше того, что было сделано, когда он пишет на стр. 466: «Мы часто были вынуждены опровергать ложные (внимательный читатель без труда поймет, что вместо «ложные» должно было бы стоять «опасные») истолкования наших поступков, прибегая к насильственным мерам, и приводить в смущение клевету (читай: силу принципов) с помощью методов, которые можно назвать скорее решительными, нежели хорошо продуманными».

Разве он не «показывает величину этих препятствий», когда на той же странице пишет: «Наши враги во весь голос заявляют, что мы хотим протянуть руку эмигрантам с целью совершить контрреволюцию, и они распространяют это мнение среди народа»?

Разве он не допускает, что действительно, по видимости, можно было полагать, что фреронистская партия предает достопочтенную касту; что даже есть основание для того, чтобы подорвать доверие к ней клики, именующей себя партией «порядочных людей», когда заявляет устами последних на стр. 467: «Неужто хотят создать новую Вандею на Севере? Неужто хотят довести до отчаяния множество честных, простых граждан, которым гуманный закон (добрый закон от 30 брюмера!) позволил возвратиться на родину? На что можем мы надеяться? На что можем мы рассчитывать?» Разве он не говорит, что «пришлось действовать осторожно, чтобы не открыть полностью свою игру в такой момент, когда это еще было опасно», когда пишет на той же странице: «Вынужденные вести борьбу против стольких интриг, мы позволили бурному потоку событий себя увлечь»?

Разве он не объясняет, что, «дабы воздать должное друзьям дворянства, достаточно представить себя на их месте и разумно рассудить, чтó они могли сделать», когда он пишет на стр. 468: «Что, по-вашему, могли мы сделать в этот решительный момент, когда перед лицом всего народа, который зачастую слишком доверчив, нас обвиняли в том, что мы стремимся помочь роялистам и вернуть в страну эмигрантов»?

Разве он не успокаивает Пале-Рояль и не обещает ему, что «прекрасное мгновение уже недалеко и готовятся сильные удары», когда на стр. 466 он пишет: «Порядочным людям нет никаких оснований впадать в отчаяние и думать, что победу одержит ПРЕСТУПЛЕНИЕ»? И на стр. 468: «Чем сильнее, смелее и резче меры, которые мы собираемся принять, чем сокрушительнее удары, которые мы собираемся нанести, тем больше мы нуждаемся в поддержке общественного мнения»?

Разве он не заявляет, что «близок час, когда все, кто покинул свою страну, чтобы сражаться против нее, вернутся назад и научат хорошо себя вести весь этот демократический сброд, которому вздумалось диктовать свои законы достопочтенному классу», когда он пишет на стр. 469: «Недалек тот час, когда родина примет опять в свое лоно тех своих сынов, которые могли заблуждаться по неведению или были приведены в справедливый ужас режимом, созданным некоторыми революционными деятелями... Да, она их примет в свое лоно, и это произойдет, пожалуй, еще раньше, чем предсказывают злые люди, желающие все отравить».

Достаточно ли очевидно это доказательство? Можно ли после этого еще считать неясными намерения фреронизма? Пожалуй, единственное еще остающееся темным место — это те «сокрушительные удары», которыми он нам грозит. Господи боже, что он под этим разумеет? Что готовит он нам? Что это за сокрушитель-

ные удары? Чего должны мы ждать от него? Что еще имеет он в виду, говоря о «сильных, смелых и резких мерах?» О, мы сейчас узнаем это от него же. Читайте его 59-й номер, вы найдете там прямой призыв к убийствам патриотов, под заглавием «Призыв к французской молодежи проснуться от летаргического сна и отомстить за смерть стариков, женщин и детей путем ИСТРЕБЛЕНИЯ убийц и душегубов». Понятно ли вам значение этого манифеста?.. Не нужно больших усилий для того, чтобы понять, что «французская молодежь» — это значит французские дворяне, отомстить за смерть «стариков, женщин и детей» означает отомстить за смерть заговорщиков, которые, конечно же, все невинны, ибо преступный заговор, по мнению крестника польского короля [130], или никогда не существовал, или вовсе не является преступлением. Наконец, призывать к «истреблению убийц и душегубов» означает призывать к Сицилийской вечерне * для всех, кого закон обязал участвовать в проведении революционных мер. А стало быть, и ты получишь сполна, прославленный тулонский каратель! Но посмотрите, как этот убийца приказывает убивать всех тех, с кем он был заодно да еще хвастался, что превзошел их в своих подвигах: «Где ваши руки? Где ваше мужество?» — говорит он, обращаясь к франтам. «О, слабые души, ленивые и робкие... будь еще в ваших сердцах хоть искорка жизни, если бы они были способны загораться иногда ненавистью к развращенным... тираны пали бы под ударами вашего законного гнева... К ОРУЖИЮ!..» Затем этот бешеный интриган, восхваляя уничтожение общества якобинцев с таким же пафосом, с каким Дон-Кихот изображал свои подвиги против ветряных мельниц, восклицает: «Ну что ж, Республика одобряет вас за это, но может ли она и впредь рассчитывать хотя бы на один такой же мужественный порыв?.. Молодые граждане, вас ждет великая судьба... Покажите же, что вы люди с душою, что вы самая храбрая молодежь во всей Европе!.. Вы уже закрыли клуб якобинцев, вы сделаете еще больше: вы их уничтожите».

Несколькими строками далее подлый «Оратор» пугает нас испанскими и итальянскими стилетами, т. е. трусливым убийством из-за угла. Это изобретение, вероятно, принадлежит небезызвестной Кабарюс. Отныне каждый патриот должен быть настороже, особенно в вечернее время, дабы не стать жертвой предательского удара. Вот как преступный Фрерон поучает на этот счет детей заговорщиков: «Если еще стоит жить, то лишь для того, чтобы мстить за твоего несчастного отца. Выжди благоприятный случай и сотнею ударов кинжалом пронзи того, в чьей груди зародилась преступная мысль убить твоего невинного отца».

---

* *Восстание 1282 г. в Сицилии против французского господства, сопровождавшееся резней французов.*

И этот совершенно явный план резни уже пытались осуществить на практике. Чтобы народ мог разобраться во всех этих чрезвычайно серьезных интригах, он должен быть полностью осведомлен обо всех их ответвлениях. Каждое утро вы можете пойти к Фрерону, на улицу Шабанэ, и вы увидите там ту элиту французской молодежи, которую он с таким пылом воодушевляет. Вы всякий раз увидите там 15—20, а то и больше только что расцветших юных франтов, прелестных юношей, которым едва перевалило за 15 лет, с великолепной шевелюрой и прекрасным цветом лица, из которых жизнь бьет ключом. Это и есть малое войско старого вожака с Горы, им обещаны все удовольствия при условии, что они выполнят все предписанные им акты доблести. Эта разнузданная компания получила, видимо, определенные инструкции относительно вечера 25-го. Они носились по разным районам Парижа и с криками: «Да здравствует Конвент!», «Долой убийц!» — врывались в дома многих патриотов, которых они бы, без сомнения, убили, если бы те оказались дома. Но, ах, сколь досадная неудача! Говорят, что почти всюду достаточно было присутствия нескольких санкюлотов, чтобы рассеять отряды любимчиков «Оратора», и так как мы приметили многих среди них, которые нам хорошо известны, и пообещали им присмотреть за ними и больше не упускать их из виду, то это, пожалуй, побудит их впредь быть осмотрительнее. О, подлые наемные убийцы, если, следуя приказу вашего повелителя, вы возьметесь за стилеты, то и у нас они окажутся. Но нет! Патриоты будут вас преследовать так, как они это делали всегда: они открыто, как надлежит храбрецам, нападут на вас, и вы трусливо обратитесь в бегство. Кто вы такие, чтобы стоять лицом к лицу с санкюлотами? Ваш старый Нарцисс сам определил вам цену, сказав: «Вы способны лишь на то, чтобы наслаждаться жизнью, думать об удовольствиях, рассуждать о достоинствах комедиантов и поваров, о преимуществах того или иного певца или портного. Ваши руки слишком слабы, чтобы держать оружие. Такие чувства, как благородное негодование свободного человека, гнев республиканца, вам незнакомы! Для вас они были бы слишком утомительны ... Вы мягче женщин, слабее стариков и более робки, чем дети. Ваш удел — это забота о вашей внешности, погоня за модой; души ваши столь же узки, как ваши одежды» (См. Фрерон, стр. 474 и 476).

Ну что ж, Фрерон, ты прав: вот он какой — твой народ; наш народ несколько иной. Сведи их лицом к лицу, мы отнюдь не возражаем. Если ты хочешь гражданской войны, ты ее получишь; мы принимаем вызов. Но оцени нашу лояльность, мы великодушно хотим тебя предупредить: если движение, которое ты провоцируешь, вспыхнет, оно обрушится на тебя и на твоих соратников. Санкюлоты ждут, они не упустят такой прекрасной возможности, это нужно, это необходимо, чтобы опять урезонить твою наглую клику и призвать ее к порядку. Ты велел своему народу быть готовым. Ты взывал: к оружию! Мы сказали то же нашему

народу. Наши рабочие и наши предместья уже построились. Они спрашивают, когда выступать. Вы сделали все для того, чтобы вызвать у них недовольство, оправдывающее это нетерпение. Поверьте, они хорошо во всем разбираются. Вы плохо судите о состоянии общественного мнения, ибо вы бываете только в изящных гостиных с вощеными полами и в будуарах. Подите-ка на чердаки, побродите по закоулкам, тогда-то вы увидите, как вами довольны! Как народ устал от вашего гнета! Вы увидите, что вы не можете обмануть его и скрыть ваши отвратительные замыслы! Разве народ обманывался насчет коварной политики, направленной к изгнанию большей его части из Парижа, дабы армия Френона могла драться в более для нее благоприятных условиях? Нет, народ сказал, что он не бросит своих братьев на произвол убийц, хотя было бы грубым заблуждением думать, что при любых обстоятельствах санкюлотов может оказаться недостаточно для того, чтобы дать отпор всем этим наглым бездельникам. Напрасно вы намереваетесь сменить начальников вооруженных сил, дабы обеспечить такое командование, которое было бы к вашим услугам (см. газеты от 22-го). Народ всегда народ, и он всегда будет на посту. В течение трех лет вояки вроде Лафайета вынуждены были прятаться под кучами мусора; если они оттуда вылезут, их загонят обратно.

Уверенность и бодрость должно внушать патриотам, что суетливо мечущиеся подлые клики никак не придут к соглашению между собой относительно формы правления, которое они хотят дать Франции. Один только пункт они установили окончательно: «Мы хотить иметь строй, при котором налицо угнетатели и угнетенные». По остальным вопросам нет единодушия. Одни хотят попросту короля, другие — единого и неделимого аристократизма, третьи желают аристократизма федеративного. Что это именно так, можно будет увидеть из описания конфликта разных движений, которое я сейчас дам. Высокий умственный уровень большинства моих читателей освобождает меня от необходимости указывать каждый раз, монархический или аристократический (той или иной разновидности) характер носит данное движение. В один и тот же день, 20 нивоза, и почти в одно и то же время можно было видеть, как кипели страсти вокруг всех этих форм тирании. Между тем в тот момент, как федерализм в лице Жан-Батиста Луве[131] выступил в Конвенте с нападками на 31 мая, чего уже не делали в течение некоторого времени, капетизм улыбался при виде того, как декретируют установление на вечные времена празднования годовщины Людовика обезглавленного *. Рабы старого двора видели в этом декрете как бы учреждение праздника нового святого Людовика, и у них появилась надежда, что вскоре последует новый декрет, предписывающий в недалеком будущем пересмотреть вопрос о том, какой должна быть судьба его сына. Они предположили, что в результате его могут направить к тем

* *Имеется в виду годовщина казни Людовика XVI.*

30 тыс. эмигрантов, которых Фрерон охраняет в департаментах Верхний и Нижний Рейн, и что не исключена возможность, что эти эмигранты единолично или совместно с теми, которые находятся по ту сторону Рейна, провозгласят его Людовиком XVII, чтобы от его имени сделать последние шаги для завершения контрреволюции. Эта вторая Вандея, которой, как мы уже говорили, «Оратор королевского народа» угрожает нам в своем 59-м номере, будет считать себя гораздо более сильной, чем первая: ведь она имела бы в своем распоряжении предполагаемого наследника престола собственной персоной, тогда как первая обладала только его изображением. В условиях свободы и уважения к правам народа это дело сына Тарквиния рассматривалось бы столь же торжественно и с таким же вниманием, как и дело самого Тарквиния [132]. Оно столь же важно. Но ныне, когда все решается путем импровизации, когда, по-видимому, не опасаются, что может наступить день, когда придется дать народу отчет о тех важных делах, которые он доверил своим представителям, я отнюдь не ручаюсь за то, что при ближайшем обсуждении не увильнут еще раз, с величайшим проворством, от этого «маленького» вопроса, представляющего национальный интерес, и о котором уже давно, быть может, заключен тайный договор между кабинетами Вены и Тюильри.

Однако, когда имеешь дело с народом, вкусившим свободы, не так-то просто установить тиранию. Я не представляю себе, чтобы при всей своей наглости и подлости патрицианская клика могла, не встречая препятствий, перерезать горло французской нации. Напрасно она старается. Несмотря на оковы созданного ею черного кодекса, несмотря на сочиняемые ею планы организации голода, несмотря на гнусные периодические издания, несмотря на наличие привилегированных убийц, несмотря на стопы выписываемых lettres de cachet, несмотря на бесчисленные бастилии, несмотря на повседневные интриги, независимость одержит верх и неколебимо утвердится на основах демократии. Посмотрите, с какими трудностями сталкивается эта партия, стремясь создать суд, состоящий из ее рабов [133]. Мурико, ты честный человек! Ты воспользовался подходящим предлогом, чтобы отказаться председательствовать в этой палате убийц, подчиненной страстям власть имущих (см. заседание от 19-го). Ты был предтечей заместителя председателя Прево, а также судей Тьерса, Рюба, Берс-Лерада, последовавших твоему похвальному примеру (заседание от 23-го). Да будут бессмертные имена ваши отмечены в анналах демократии, в анналах добродетели патриотической похвалой, более блистательной, чем все, печатаемые в «Бюллетене»!

...Пусть имена тех, у кого хватит гнусной наглости принять эти позорные посты после вашего отказа от них, будут навеки заклеймены в памяти свободных людей. Пожалуй, рабов на свете меньше, нежели мы предполагали, исходя из свойственной патриотизму бдительности. Этот трибунал никогда не сможет при-

ступить к исполнению своих обязанностей. Фавар, Шарль Пюти, Кроше, Перолон, Лерад-отец, окажетесь ли и вы подлинными республиканцами? Мы ждем вашего решения, чтобы отвести вам место или в Пантеоне истории, или в летописях презрения, хранящих имена продажных гонителей, наемных убийц, всякого рода подкупленных рабов.

Я вижу также признак слабости клики, стоящей ныне у власти, в том декрете Комитета общественного спасения, датированном 10 нивоза, но опубликованном лишь к 20-му, коим предусматривается шпионаж на трибунах Конвента. Это — прием очень наглый, но в то же время мелкий. Конечно, крайне унизительно для народа видеть, как его агенты вырабатывают уставы с целью окружить его доносчиками в то самое время, когда он, народ, приходит посмотреть, как ведут себя его агенты. Величайшая наглость — угрожать народу, когда он захочет осуществить естественнейшее из своих прав — право осудить или одобрить работу каждого из тех, кому он поручил ведение своих дел. Замечу еще, что этот прием по степени наглости превосходит ту уловку, к которой прибегали во времена господства Жиронды, а именно входные билеты, имевшие то же назначение, т. е. регулирование состава публики на трибунах исключительно по вкусу господствующей клики. Эта маленькая хитрость позволяла по крайней мере сохранить некоторые остатки приличия, некую видимость уважения к суверену, тогда как последнее жонглерство — это явное и грубое оскорбление. Однако, если дело доходит до таких крайностей, это предвещает агонию. Когда Жиронда заполняла трибуны с помощью входных билетов, она приближалась к своей кончине, и, несмотря на все старания, ей никогда не удавалось добиться того, чтобы аплодировали исключительно ей. Нынешней клике посчастливится не больше, чем той. Надзор и критика, которые она хочет изгнать отовсюду, сокрушат все барьеры; в этом уже можно было наглядно убедиться с тех пор, как был учрежден институт полицейских на трибунах. Это отнюдь не помешало здоровой части народа аплодировать только здоровым идеям здоровой части Конвента, смеяться над угрозами горсти любимчиков Фрерона и презрительно игнорировать эпитет «террорист», применяемый в качестве синонима слов «патриот» и «друг принципов». Этот эпитет закреплен в постановлении Конвента и хитроумно сближен с эпитетом «роялист». В действительности эта клика и организует подлинный т е р р о р и з м, делая вид, будто она стремится свергнуть какой-то другой терроризм. Но, бедняги, чем же вы занимаетесь! Делайте хорошо свое дело, и народ будет вас уважать, и вам не понадобятся специальные уставы, чтобы его сдерживать. Если же вы пойдете по противоположному пути, напрасно будете вы нагромождать один на другой уголовные законы; он их порвет. При всех ваших 100 тыс. карательных статей вы кажетесь мне весьма мелкими людишками. Право, вы возбуждаете во мне жалость, я не боюсь вас, вам не поработить мою страну.

Нет никаких оснований отчаиваться. То, что я сегодня узнал, подобно лучу света, возвещающему, что день свободы недалек и что угнетатели народа ставят сейчас все на карту. Повсюду на улицах, несмотря на крайний холод и на еще более крайнюю нищету, люди настойчиво повторяют призыв, вполне отвечающий требованиям времени: «Позаботимся о спасении государства!»

Все плуты бледнеют, заслышав этот призыв.

Право же, пора их сразить. Нельзя больше терпеть скандальное бесстыдство их клевретов. С некоторых пор, когда наблюдаешь за ходом заседаний, переходишь попеременно от презрения к их ничтожеству к возмущению их безнравственностью. Не это ли чувство преобладает, когда 24-го видишь поведение какого-нибудь Андре Дюмона в ответ на шиканье и свист, вызванные раболепной петицией секции Мон-Блан, явившейся «в полном составе» с требованием уничтожения якобинцев и террористов, — слова, столько раз повторяемые, что они уже сносились, как очень удачно заметил один из двух одинаково хороших «Amis du Peuple»? Молодчик Дюмон рассматривает эти возгласы неодобрения как совершенно непонятные и несправедливые. Он наносит оскорбление общественной нищете, заявляя, что если бы она действительно была столь велика, то не пришлось бы видеть лодырей, восседающих в законодательном зале. В народе, выражающем свое негодование по поводу злобной, ни на что не похожей и раболепной петиции, Дюмон видит лишь разбойников и фурий — тех же самых людей, что замышляли заговоры у якобинцев, участвовали в мятеже Коммуны, поднимали волнения в секциях (какая у него замечательная зоркость (!), как он тщательно повсюду следил за этими людьми!). Он предлагает ученейшую редакцию закона, направленного против трибун, и находит удачнейшее выражение: «завсегдатаи трибун»; это выражение шокирует всех, и приходится прибегнуть к другим талантам, при помощи которых удается наконец составить декрет, равноценный постановлению Комитета общественного спасения от 10 нивоза. Своими ораторскими выходками, своими ответами, которые он давал, когда председательствовал, а также своей перепиской, заслужившей похвалы, во время его пребывания в должности проконсула в департаменте Сомма он обессмертил себя, заняв место среди бездарных, самодовольных и тщеславных деспотов высшего класса.

Итак, 22 нивоза терроризм был узаконен, и какое-либо обсуждение пресловутого декрета, посредством которого наши уполномоченные проявили заботу о своей судьбе, стало почти невозможным. Чтобы положить конец клевете, будто некоторые из них вели столь широкий образ жизни, что невольно возникла мысль о том, не берут ли они взятки, было предложено и принято, что впредь к тем 18 франкам пособия в день, которые получает каждый сенатор, будет добавлено еще 18 франков. Когда демократия будет зиждиться на самом прочном фундаменте и народ будет

призван санкционировать законы, я уверен, он не выдвинет никаких возражений против этого закона, потому что, как сказал Лежандр, народ смотрит не на то, сколько он платит, а на то, как ему служат.

В частности, Лежандр ныне служит ему так хорошо, что народ не может жалеть о тех 18 франках, которые он собирается ему добавить. Со времени смерти своей любимой жены, которую Лежандр оплакивал даже в Конвенте, он бы не мог жить, по его словам, если бы его друзья в Париже ему не помогали, например актрисы Конта и Рокур, которые, следуя примеру дам Тальен и Бентаболь, в какой-то мере вдохновляют его и придают вносимым им проектам резолюций явный оттенок театральной декламации и отречения от верных принципов. Бентаболь, ответивший на мою клевету афишей, в которой он тоже доказывал, что он бедный человек *, Мерлен из Тионвилля, положение которого столь же плохое **, — это те, кто более всех отличались и более всех горячились в ходе прений по этому столь важному вопросу. Только Тальен, этот террорист из Бордо, на сей раз не решился принять участия в игре, вероятно, опасаясь, как бы ему не сказали: «Чего хочет от нас этот испанец? Разве это не мелочно со стороны Креза, он же Кабарюс ***, поднимать шум из-за несколь-

---

* Бентаболь вычеркнул два ноля из приданого своей жены, которое, мне казалось, я правильно оценил в моем 29-м номере. Он также отверг фамилию Шуазель-Гуффье, хотя меня уверяли и уверяют, что это и есть подлинное имя его нежной подруги. Меня заверяют также, что в соответствии с новым законом о разводе наш законодатель вступает уже во второй раз в брак с дворянством. Так или иначе, я согласен отметить ошибку и указать: вместо «графиня Шуазель-Гуффье» читайте «маркиза Роган-Шабо». Есть еще один пункт в афише маркиза Бентаболя — это завещание в мою пользу всего его имущества сверх 3 тыс. ренты. Я отклоняю это завещательное благодеяние. Я республиканец и всегда довольствуюсь имуществом, приобретенным моим трудом, избегая развращающего богатства. Но так как я уверен, что отказанное по завещанию имущество отнюдь не малое и я смогу использовать его для облегчения положения некоторых из моих страждущих братьев, то вот как я им распоряжусь. Я прошу санкюлотов сообщить мне имена людей из их среды, особенно сильно нуждающихся, я передам им свои права, включая право наложения печатей и производства описи имущества у Бентаболя, и обязую их разделить имущество на столько частей, сколько там окажется тысяч экю. Я надеюсь таким образом поставить на ноги некоторое число обездоленных семейств.

** Сей незадачливый сенатор, выступивший однажды в Конвенте с ложью в мой адрес, испытывает такие материальные затруднения, что за несколько дней до декрета о 36 франках пошел в сопровождении своего близкого друга графа Ливри приобрести у краснодеревщика на ул. Кур Мартен великолепный секретер стоимостью в 1 тыс. экю, чтобы поставить его у себя под еще более великолепными стенными часами с курантами, за которые было уплачено 6 тыс. ливров. Квартира, где размещена эта мебель, вполне достойна, чтобы поселить там очаровательную Солье, артистку Оперы, подругу обоих друзей, Ливри и Мерлена (Выдержка из скандальной хроники).

*** *В оригинале обыгрывается созвучие Crésus — Cabarus (Прим. переводчика).*

ких ассигнаций? Неужто зятю банка Сен-Шарль не хватает пиастров?» Все прочие милорды Конвента полагали возможным, не опасаясь скандала, вести себя не столь осторожно. Они доказывали, что у народа нет более неотложного дела, чем защита депутатов от нынешней удушающей нищеты, и приводили такой неотразимый аргумент, что прежде всего нужно думать о сохранении головы, а уже потом о сохранении тела. Непосредственно вслед за головой идут руки, т. е. административные чиновники, которые ныне считаются господами и не могут довольствоваться малым, как их предшественники санкюлоты. А тело, т. е. народ, стоит на последнем месте.

Примечательно, что эта идея поддерживалась в основном людьми, которых к этому меньше всего побуждало их личное положение, а противоположное мнение, сводившееся к тому, что следует прежде всего проверить, нет ли граждан, еще более бедных, чем уполномоченные народа с их 18 франками, было поддержано самыми бедными среди депутатов. Одна из причин этого, по-видимому, кроется в том, что санкюлот привык жить скромно, носить простую одежду и не испытывает потребности в содержанках; ему поэтому всегда хватает того, что он имеет. А так как он ближе к нравственности и добродетели, он легче переключает свои заботы на тех, кто значительно менее счастлив, чем он. Но кто же не поймет, что это предложение, выдвинутое богатыми членами Конвента, есть шарлатанский трюк, цель которого, попросту говоря, следующая: с одной стороны, рассуждали они, мы отчасти заставим замолчать злые языки, постоянно выражающие удивление по поводу нашего роскошного образа жизни; с другой — мы осуществим то, что составляет одно из главных средств контрреволюции, — обесценение ассигнатов. Ибо все это естественно даст возможность таким, как Камбон и Шарлье[134], заявлять, что сегодняшние 18 ливров стоят менее, чем 5 ливров 1790 года.

Несмотря на меры, принятые к тому, чтобы изгнать патриотов с трибун, их там оказалось еще достаточно, чтобы слышался продолжительный ропот, легко перекрывавший крики «браво», исходившие от немногочисленного отряда любимчиков. Но ропот — это еще ничего. Весь Париж, не присутствуя на заседании, заявил о своем порицании. Несостоятельные аргументы сторонников закона в защиту интересов бедных представителей народа никого не обманули. Эти сторонники полностью утратили свой авторитет; вопреки всем провокациям, вопреки всей нелепой болтовне народ сумел понять, что его друзьями являются те члены национального представительства, которые, будучи подлинными санкюлотами, отвергали всячески приманку, ставившую их выше необходимости разделить с народом его несчастья.

Внимательный наблюдатель, конечно, сопоставил декрет о 36 франках с оглашенным в тот же день во всех газетах постановлением Комитета общественного спасения, объясняющим

простому народу, как выпекать хлеб из картофеля. Еще одно издевательство над общественной нищетой! Ведь это значит прямо сказать беднякам: мы имеем все, что нам нужно, и это правильно, ибо мы — сливки человечества; а что касается тебя, жалкая чернь, пшеница не для тебя — ешь картофель...

Большое тебе спасибо, Комитет общественного спасения! Стоило подождать, чтобы получить от тебя этот ценный совет. До тебя все французы умели есть пшеничный хлеб; что ты сейчас намерен сделать с тем, который они ранее потребляли? Но я забыл, что не наше дело рассуждать перед лицом людей влиятельных и высокопоставленных. Придется подчиниться. Будем питаться корнями, подобно отшельникам, раз это предписано властью.

А ведь не это имел в виду Лесио, когда он сравнивал жертвы, приносимые нашими храбрыми израненными солдатами, с заслугами тех умных людей, которые требуют за эти заслуги никак не меньше 36 франков в день. Этот депутат заслужил благодарность всех патриотов, когда сказал правду о подлинном результате этого декрета, а именно о том, что он может повлечь за собой только дискредитацию ассигнатов и унижение Конвента; когда он сказал, что представители народа должны давать этому народу пример скромности; когда он добавил, что человеку незапятнанному, человеку, который хотел бы, чтобы его дом был построен из стекла, дабы все его дела были на виду, человеку, не обладающему богатством, надлежит напоминать Собранию эти принципы. Эти прекрасные истины не должны быть преданы забвению, и, хоть они и не одержали верх над усилиями клики, они оставили в сердцах подлинных республиканцев неизгладимый отпечаток, и их автор занимает место в ряду тех патриотов, на чью энергичную защиту народ может всегда рассчитывать.

Бентаболь-Роган-Шабо, мой благодетель Бентаболь, усмотрел в этих патриотических, благородных мыслях проявление существующего, как он утверждает, заговора, имеющего целью унижение Конвента. Итак, нам опять говорят о заговорах! Разве не так же говорили в те времена, которые теперь сильно осуждают? Я сто раз читал слова «заговор, направленный к унижению Конвента» в обвинительных актах Фукье-Тенвилля. Право же, мне кажется, что вернулось царствование Робеспьера!.. Неужто мы только заменили один терроризм другим? Какая задняя мысль тут скрывается? Господин де Бентаболь, дорогой мой завещатель, какие у вас реминисценции! Слово, которое вырвалось у вас как будто во сне, свидетельствует о том, что вы говорите так, как требует время, и что во времена другого революционного правительства вы тоже умели придерживаться того, что было принято; и вы стали говорить по-другому лишь тогда, когда это начало соответствовать вашим интересам. Но посмотрим, каким образом вы доказываете существование большого заговора. Вы ссылаетесь на газету Шаля[135]!.. Удачная

находка. Но посмотрим, на чем вы основываетесь? На том, что он называет вас термидорианской кликой. На том, что он говорит, что только аристократы хвалят термидорианскую революцию и что это неопровержимое доказательство того, что ее последствия отнюдь не благоприятны для народа. Наконец, на том, что, сравнивая эту революцию с революцией 31 мая, он говорит: революционные события следует оценивать только по их результатам; а так как нельзя отрицать, что события 31 мая дали народу демократические законы и Конституцию, а события термидора принесли ему пока только самую возмутительную нищету, наглое торжество аристократии, терроризм и самые жестокие притеснения патриотов, то ясно, что эта последняя хваленая революция дала до сих пор лишь самые плачевные результаты. Разумеется, если Шаль, Друг народа, позволяет себе такие речи, он заговорщик. Во всяком случае, свобода печати не для него. Де Бентаболь, защитник этой свободы, правильно сделал, выступив против него в роли общественного обвинителя. Мерлен из Тионвилля должен был бы еще резче выступить против него. А Адонис Фрерон проявил чрезмерную сдержанность, ограничившись всего лишь сожжением номера его газеты на следующий день в Пале-Рояль руками людей, принятых при его дворе; он должен был бы разыскать автора и сжечь его в том же костре, что и его листок.

По-видимому, опасаясь, как бы с ними не произошло нечто подобное, Одуен и Дюваль[136] покинули ряды честных защитников народа, где они с некоторых пор так хорошо дрались, что я простил им то, что представлялось мне отклонениями или ошибками с их стороны, за которые им от меня попало. Богатый народ расценил это дезертирство как крупную победу. Но пусть он не радуется, и пусть другой народ, наш народ, не отчаивается. Что до меня, то я не боюсь, что меня сожгут наглые бездельники, и эта уверенность у меня не оттого, что я от них скрываю свой адрес. Пусть сжигают мою газету, самые большие писатели всегда этого желали: ничто не создает большей популярности. Итак, я повторяю, с одной стороны, народу сибаритов, с другой стороны, подлинному народу, что первому не следует рассчитывать на большой успех, а второму не следует опасаться больших невзгод от бегства Одуена и Дюваля; да и не исключено, что мы их еще приведем обратно в наши ряды. В любом случае торжество истины отнюдь не зависит от численности ее защитников. Вечные принципы увлекают просто благодаря их естественной силе; они почти не нуждаются в том, чтобы о них напоминали французскому народу, ибо они навеки врезались в его душу. Из этого следует, что политические софизмы всех ораторов из числа «порядочных людей» весьма недолговечны. А так как нет амнистии для всех революционных деятелей, ничто не помешает выработке обвинительного акта по делу кровопийц Тулона, Марселя и Бордо. Первая комиссия 21-го сможет и дол-

жна будет собраться по делу Фрерона, Тальена и еще кое-кого. Так вечное правосудие одержит победу над хитростью и коварством своих врагов; народ с присущим ему спокойствием ожидает их последних преступных эксцессов, чтобы дать им еще раз почувствовать его мощь. Кроме того, народ может также рассчитывать на то, что у него есть дозорные и защитники, которых только смерть сможет оторвать от него. Преданность Деция — ничто, упорство Горация — все. Только тот солдат хорош, который умирает с оружием в руках. Я клянусь, что если родине суждено погибнуть, то и в последний ее день я буду сражаться за нее по-своему и последним встану, украшенный трехцветной кокардой, против шеренг рабов с их белыми кокардами. Если же злодеям удастся захватить меня раньше и они с величайшим злорадством предадут меня славной смерти на эшафоте, я готовлюсь к такой роли и такому поведению, какого не видели еще со времен создания Республики. И, если даже свобода будет уничтожена, одной лишь памяти об обстоятельствах моей гибели будет достаточно, чтобы во все времена напомнить о свободе и воскресить ее.

Гракх Бабеф, Трибун народа

В конце 27-го номера я обещал в следующем номере продолжить рассмотрение того вопроса, о котором там шла речь. Обстоятельства вынудили меня отложить это продолжение, я дам его при первой же возможности.

Подписка на эту газету принимается в Бюро, которое патриоты легко найдут. Аристократы же напрасно потратят время, пытаясь найти его. Подписная плата составляет 50 ливров за год, т. е. за 180 номеров, общим объемом 1440 страниц, или 25 ливров за шесть месяцев. Каждые два дня должен выходить один номер в половину печатного листа. Номера, объем которых превысит пол-листа, будут зачтены подписчикам в соответствии с их объемом, т. е. из расчета 1440 страниц на годичную подписку.

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека, Гракха Бабефа

№ 31

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

9 плювиоза III года Республики, единой и демократической
[28 января 1795 г.]

Чувства и настроения народа в отношении нынешнего правительства и правителей. Неуклюжесть и ложные расчеты последних. Крайний предел, куда клика, покровительствующая народу

богачей, неизбежно ведет подлинный народ. Учреждение этим последним сотен тысяч клубов. Аналитический протокол заседаний всех этих клубов: доказательства того, что там существует лишь одно мнение. И каково же оно? — Терроризм антитеррористов. Свобода мнений в секциях. Позорные ухищрения, с помощью которых там выпрашивают восхваления. Возмутительные злоупотребления властью, имевшие место в секции Гравийе. Здоровый дух в этой секции. Посягательства, доказывающие наличие явного заговора фреронистской клики против демократической Конституции 93 года. Всеобщая верность делу ее защиты. — Великий вопрос, откровенно поставленный «Трибуном народа»: нарушаются ли ныне права народа? Тот ли это случай и то ли это время, когда необходимо выполнять самый священный долг? Если народ отвечает утвердительно, как он может и должен действовать, чтобы восстановить свои права? Благоприятные для этой важной инициативы принципы, почерпнутые у маркиза де Ровера. Расчет сил и средств народа, все еще гарантирующих ему успехи. Условия амнистии для всех, кто занимал посты при узурпаторской власти. План мирного ВОССТАНИЯ. — Обоснование утверждения, помещенного в № 30, о том, что Кобленц имеет свой сенат в Париже. — Новый обзор возможностей, которые остались у народа в Конвенте.

Те, кого народ презирает, не могут долго стоять у власти. Если это правило верно, наши нынешние правители, а с ними народоубийственная партия, часть которой они составляют, Фрерон, Тальен и вся клика должны скоро выдохнуться. Трудно снискать не только более глубокое презрение, но и более сильную ненависть, чем они. Когда оба эти чувства сливаются в одно, то все обладающие некоторым опытом знают: каким бы прочно обоснованным ни казалось могущество властолюбцев, ничего не стоит свергнуть его. Когда все умы заранее хорошо настроены, когда совершилась моральная революция, когда каждый вполне убежден, что пришло время применить на практике принцип: сопротивление угнетению, — когда, наконец, рукам остается лишь исполнить то, что голова признала необходимым и неотложным... какие бы препятствия ни встали на пути, они будут вскоре преодолены. Ничто не может противостоять священному гневу народа, когда у него похищают свободу, которую он сумел познать и оценить.

Вот это-то неспособны понять нынешние угнетатели. Они, видимо, уверены, что раз Пале-Рояль, канцелярские шалопаи, фаты, клянущиеся «честным словом», узурпировавшие хлеб добрых людей и отцов семейств, говорят, что все хорошо, то это и есть общественное мнение и, стало быть, их господство утверждено навсегда. И, поскольку они всем командуют, поскольку у них всюду свои люди и почти некому им возразить; поскольку лакеи руководят всеми газетами, всеми учреждениями, всеми революци-

онными комитетами, всеми судами, всеми вооруженными силами; поскольку народ не имеет больше места для собраний, поскольку на своем единственном декадном собрании, еще оставленном ему, он имеет лишь право голосовать, чтобы на следующий день пойти воздавать лживую хвалу тому, что, как это часто сознают в глубине души, заслуживает лишь величайшего осуждения;... поскольку власть располагает бюллетенем, где поощряет низость всех ее лакеев; ... поскольку она располагает бастилиями; ... поскольку, не встречая сопротивления, она выпускает столько lettres de cachet, сколько ей заблагорассудится; ... поскольку она могла безнаказанно пытаться лишить граждан даже права выражать удовлетворение или недовольство ее действиями; ... поскольку по знаку этой власти враги народа установили терроризм, направленный против патриотов; ... поскольку истребление патриотов открыто проповедовалось и уже начало осуществляться; ... поскольку к тому же народ убивают посредством самого ужасающего голода и лишения его всех средств к существованию, поскольку покровительством пользуются только изменники и плуты; наконец, поскольку контрреволюция, поначалу совершавшаяся незаметно и украдкой, ныне завершается галопом и, не скрываясь, путем декретов, во весь голос, свободно провозглашаемых национальным представительством... клика тирании воображает, что все кончено, что французский народ навечно закован в цепи и что он не в силах разбить их.

Расчет этот столь же ложен, сколь ограничен ум заговорщиков. Пытаться убедить большинство в том, что все хорошо, заставляя меньшинство твердить это, значит обнаружить крайнюю слабость своих средств. Каковы бы ни были конечные цели Максимилиана Робеспьера, его действия, направленные к созданию иллюзии, были гораздо более верными. Его манера, прямо противоположная той, которой придерживаются наши нынешние заправилы, состояла в том, чтобы принуждать меньшинство соглашаться с тем, что все обстоит неплохо, раз масса не жалуется. Последнюю ничто к тому не побуждало, поскольку тогда она отнюдь не испытывала недостатка в предметах первой необходимости, поскольку работу было легко найти и каждый рабочий хорошо зарабатывал. Таким путем можно было добиться упрочения тирании. Это, пожалуй, и есть единственное средство ее упрочения, ибо большинство граждан, естественно, любят покой, рады уклониться от участия в делах и спокойно жить у своих домашних очагов: как только люди обретают там приятную и легкую жизнь, они охотно предоставляют управление тому, кто поддерживает такой порядок, и легко закрывают глаза на нарушения великих принципов, которые многим представляются чем-то столь отвлеченным и надуманным, что они не в состоянии понять, как важно сохранить самое глубокое уважение к этим принципам.

Но если вместо этого вы вынуждаете бóльшую часть общества задуматься над положением вещей, вы — самые неуклюжие из

тиранов. Когда вы, создавая нехватку и огромный рост цен и одновременно лишая меня работы, доводите меня до того, что я не могу добыть себе ни хлеба, ни дров, ни одежды, когда вы к тому же затыкаете мне рот, дабы подавить мои законные жалобы... вы на всех парусах мчите меня к порту отчаяния. Там самое естественное чувство вынуждает меня размышлять и обнаружить причину моих бед. Мне не нужно прилагать много усилий, чтобы обнаружить, что эта причина — вы ... потому что вы сосредоточили в своих руках все, потому что вы всем руководите, всем управляете и все регулируете. И тогда я возлагаю вину на вас, и только на вас. Я ищу средств исцеления, ибо человек, пока он дышит, стремится освободиться от болезни. Прежде всего я проникаюсь глубокой ненавистью и отвращением к причине моих невзгод, т. е. к вам. Ненавидеть, чувствовать омерзение к кому-то — это значит считать его своим врагом! Всякий раз, когда перед нами враг, мы ставим себе две задачи: во-первых, лишить его возможности продолжать причинять нам зло, во-вторых, отомстить за то зло, которое он нам причинил.

Вот в каком вы положении перед лицом 24 млн. человек, вы, группа, продавшаяся 1 млн. богачей, вы, патрицианская клика, вы, фреронисты, вы, деспотические правители, предатели народа, узурпаторы, попирающие его права, морящие его голодом, инквизиторы, тюремщики; одним словом — тираны.

Неужто вы думаете... что негодование 24 млн. человек ничего не значит! Неужто вы думаете... что одобрение 1 млн. богатых рабов может служить противовесом этому негодованию и может обеспечить неразрушимость, постоянство и безнаказанность вашей тирании!

Вам удалось разрушить все места народных собраний и совещаний. Вы лишили народ возможности свободно высказаться на ваш счет. Вы сумели даже подавить малейшее проявление неудовольствия, которое могло бы выражаться во время и перед лицом совершаемых вами гнусностей, что случается не так уж редко, ибо я почти никогда не ловлю вас на чем-нибудь ином. Но неужто вы думаете, что это вас очень подвинет вперед? Пока что вам лишь удается помешать тому, чтобы народ все громче роптал прямо вам в лицо, только и всего. Вы кажетесь мне такими же жалкими и слабыми, как малые дети; они, закрыв глаза руками, думают, что их никто не видит, и вы ведете себя точно так же. Чем больше я думаю об этом сравнении, тем более верным нахожу его. Вы, видимо, думаете, что если вы запретили в своем присутствии называть ваши преступления преступлениями, то все и будут считать вас честными людьми. Сколь велико ваше заблуждение! Вы только сосредоточили в одном месте взрывчатое вещество; мина тлеет, а когда лава долго кипит в молчаливых недрах земли, чем это кончается? Она взрывается.

Я уже говорил: если бы вы посещали не только великолепные притоны, не только надменные салоны щеголей и щеголих, если

бы вы были способны спускаться в скромные жилища самого большого класса общества, вы уже не могли бы закрывать глаза руками, и вы убедились бы, что недостаточно разрушить под покровом ночи Электоральный клуб и разогнать камнями членов Якобинского клуба, чтобы погасить те 100 тыс. живых светильников, которые позволяют различить каждое ваше движение и вести им счет, чем воспользуются в свое время и в должном месте.

Вы убедились бы, что ныне каждая хижина, каждый чердак — это клуб. Попробуйте же отправить вашу инквизицию во все эти бесчисленные убежища: у вас не хватит для этого шпионов, а ведь подсылать их только раз в декаду — значит делать лишь половину дела. Сколь мала добыча, недавно захваченная вашими альгвазилами, в лице двух патриотов, Камелена и Пети, арестованных при выходе с собрания секции Гравийе! * Что за полумера, эти ваши

---

* Этот случай заслуживает подробного изложения в перечне деяний нынешней тирании. Один раб, состоящий на содержании у временно правящей клики, выступил 20 нивоза в секции Гравийе с предложением пойти угодничать перед Конвентом. По этому поводу он хотел прочесть самый великолепный проект поздравительного обращения, какой когда-либо был занесен в «Бюллетень». Надо знать, что секцию Гравийе, как и все те, которые еще не согласились опуститься до низкой лести, унижающей республиканское достоинство, не оставляют в покое, подобно красавице, которую развратник упорно хочет лишить невинности. Эта секция уже в течение многих декад только и делает, что обороняется. Правящая клика явно придает большое значение победе над этой секцией именно потому, что встречает такое сопротивление со стороны ее членов. Чем большее сопротивление встречают наемные соблазнители, тем сильнее они лезут вон из кожи. Поэтому 20 нивоза они с бóльшим пылом, чем когда-либо раньше, уговаривали девственную секцию сдаться наконец. И глашатаи определенной части сената необычайно ласково сделали членам секции следующее приятное приглашение: *Идите же воскурить фимиам у ног тех, кто хочет, чтобы вы признали их своими победителями; они никогда не смогут считать себя таковыми, пока вы не согласитесь на это жертвоприношение, которого они так жаждут* (Сколь достойные законодателей приемы!). Собрание едва выслушало сладкую речь соблазнителя, а что касается предложенного им проекта речи, с которой секции предлагалось идти унижаться у барьера Конвента, то проект этот был освистан, опозорен и предан презрению, которое он заслужил. Пети и Камелен сочли долгом воспользоваться этим случаем, чтобы сказать, что уже немало низких куртизанов бесчестили звание граждан Республики, давая повод отметить их в новой французской газете (т. е. в «Бюллетене»), как имевших честь такого-то числа пойти на поклон *к их величествам*; они сказали, что секции Гравийе подобает идти в Конвент только с обращением, свидетельствующим, что народ требует возможности как можно скорее пользоваться демократической Конституцией 93 года. В глазах правящей группы коснуться этой струны означает, по-видимому, совершить преступление. Бдительные доносчики были тут как тут, чтобы все слышать. Они услышали эти кощунственные речи, и в следующую ночь оба преступника были арестованы. Они находятся в арестном доме Плесси. Это один из тех случаев, о которых полезно знать Парижу и всей Франции. В нем обнаруживаются три или четыре беззакония подряд. Прежде всего полезно убе-

банды убийц, расхаживающие по кафе и оскорбляющие патриотов! Разве это хорошо организованный террор? Нет. Разойдитесь по отдельным обществам, поставьте шпиона около каждого домашнего очага, и вы обеспечите себе таким образом много других подвигов. Всюду вы услышите эти слова из 10 заповедей демократии: правительство попирает права народа.

А все эти славные люди, санкюлоты, столь вами презираемые, непрестанно укоряемые вами крайним невежеством, они, видимо, не все невежды, если все они знают эти слова наизусть и если я вижу, что они столь же хорошо запомнили и другие, следующие за ними слова, т. е. слова о самом неотложном долге.

«Что ты такое говоришь?» — спрашивает меня инквизиция. Я ничего не говорю: это говорит народ.

А впрочем, я согласен с народом, и я готов принять на себя одного, если вы этого требуете, ответственность за те слова, которые я ему только что приписал.

Итак, я тоже говорю, что вы попирали и попираете каждый день права народа, а Кодекс наций гласит, что в таком случае у народа и у каждой части народа есть долг, который надлежит выполнить, что это самый неотложный долг и что этот долг — восстание[137].

Вот оно и сказано — великое слово. Как! Так ты смеешь проповедовать восстание? Это не я, говорю я вам; это Кодекс наций. Но ты как будто добиваешься его применения? Почему бы и нет, если большинство народа рассудило, что оно необходимо? Да что я говорю? Мне даже не нужно большинства народа. Достаточно части народа. А ведь я, один только я, тоже являюсь частью народа. Стало быть, я мог бы, строго говоря, ограничившись одним лишь собственным мнением о необходимости восстания, доказывать его обоснованность и призывать к нему во всеуслышание, не подвергаясь по закону никакому риску. С точки зрения принципов обоснование такой большой свободы заключается в том, что, с одной стороны, естественная склонность народов не замечать посягательств на их права и ловкость, с которой тираны умеют их поработить, создают возможность такого положения, когда один-единственный гражданин сумеет заметить покушение на свободу, а обстоятельства продиктуют ему необходимость призывать «к оружию!» против нарушителей; с другой стороны, эта возможность, эта большая свобода никогда не могут принести вреда, потому что, если у призывающего к восстанию нет для

диться в существовании могущественной клики, в глазах которой требование демократической Конституции составляет величайшее преступление. Сколь же велико ее заблуждение! Победа этой Конституции неизбежна. Все клики вместе взятые не смогут запугать массу народа, которая хочет только ее. Ее название превратилось в клич объединения всех, и даже «французская молодежь» оказалась вынужденной клясться демократической Конституцией в своем неистовом обращении, недавно наполнившем смрадом воздух Республики.

этого серьезных причин, он никогда не сможет увлечь своих сограждан на какой-либо ложный путь, ибо невозможно, чтобы один-единственный человек ввел целую нацию в заблуждение, указывая на опасность, являющуюся лишь плодом его воображения.

Но я утверждаю, что я сейчас не один. Со мною большинство народа, которое придерживается мнения, что именно сейчас или никогда следует сделать выводы, вытекающие из представления о самом неотложном нашем долге, поскольку факт *нарушения прав народа* не подлежит никакому сомнению.

Я надеюсь, что тем, у кого еще остаются какие-то сомнения на этот счет, достаточно будет прочесть мои последние номера, чтобы найти в них хорошо обоснованный *обвинительный акт* против клики, которая одна и составляет правительство.

Поскольку вполне точно установлен тот факт, что *есть основание для восстания*, остается лишь проверить, должен ли народ его совершить, может ли он его совершить и как ему надлежит его совершить.

Мне кажется, я вижу вокруг много людей, находящих весьма странным хладнокровие, с которым я, на их взгляд, рассматриваю подобную проблему. Сам же я нахожу очень странным их удивление, оно доказывает мне, что им далеко до настоящего республиканского уровня. Поскольку вопрос, о котором я говорю, касается самой важной статьи Декларации прав, то вполне естественно говорить о нем совершенно свободно.

Возвращаюсь, стало быть, к моим трем пунктам, подлежащим рассмотрению.

ДОЛЖЕН ЛИ НАРОД СОВЕРШИТЬ ВОССТАНИЕ?

В этом нет никакого сомнения, если он хочет избежать окончательной потери свободы и если он не может более сомневаться, что его права нарушены. Решение содержится в самой статье скрижали закона, гласящей, что в этом случае «это самый неотложный долг».

МОЖЕТ ЛИ НАРОД СОВЕРШИТЬ ЭТО ВОССТАНИЕ?

Кто может ему в этом помешать? Неужели вы думаете, будто оттого, что вы все узурпировали; оттого, что вы всюду насадили ваших гнусных приспешников; оттого, что во главе всех важных частей механизма военного и гражданского управления вы поставили отбросы нации; ... оттого, что вы вывели из строя все орудия, которые могли быть использованы в соответствующих обстоятельствах и в нужный момент для оказания сопротивления вашему подлому гнету... оттого, что посредством этого безнаказанного нарушения вы смогли приобрести некоторую силу против народа... неужели вы думаете, что поэтому цитадель вашей тирании неприступна? Это был бы первый случай, когда энергия и мужество могущественнейшей из наций изменили бы ей, натолкнулись бы на непреодолимые препятствия!.. Нет, народ, перед которым склоняются все троны, не может попасть под иго горсти низких тиранов! без средств! без идей! И не обладающих ника-

кими другими заслугами, кроме самомнения и смешного тщеславия!.. В конечном счете вы сами не смогли закрыть на это глаза:

Французский народ поклялся быть свободным, он объявил смертельную войну всякого рода тирании; его всемогущая воля смела интриганов и безумцев, пытавшихся оказать сопротивление... Его правосудие сумеет поразить всех людей, облеченных большими полномочиями и большим доверием, которые злоупотребили бы этим, какие бы посты эти люди ни занимали (речь председателя Конвента в день годовщины казни Капета).

Мы хорошо знаем, с какой целью маркиз де Ровер[138], достойный супруг графини д'Агу, один из изысканных и именитых среди патрицианской клики, повторяю, мы хорошо знаем, с какой целью он произнес эту чисто демократическую речь и какой смысл он в нее вкладывал. В его устах это богохульство. Это злоупотребление языком народа, злоупотребление самыми священными выражениями республиканского евангелия; подобными цветами прикрывают бездну, куда хотят обманом столкнуть народ. Но народ отнюдь не так глуп, как вам хотелось бы. Он осуществит то пророчество, которое вы изрекаете, не веря в него, он не даст себя обмануть; он не примет вас в качестве арбитров и посредников в той войне не на жизнь, а на смерть, которую, как вы правильно заметили, он поклялся вести против всякого рода тирании; он отнюдь не примет за тиранов тех, кого вам угодно будет так называть; он сумеет распознать подлинных тиранов, и, как вы опять-таки очень правильно заметили, его правосудие сумеет поразить всех людей, облеченных большими полномочиями и большим доверием, которые злоупотребили бы этим.

Сегодня, чтобы сопротивляться угнетению, народ располагает не меньшими средствами, чем в 1789 г., когда он нанес первый сильный удар монархической тирании. Тогда, как и сегодня, все административные посты, все военные должности были заняты ставленниками неограниченной власти; у народа не было никакого центра, вокруг которого он мог бы объединиться, никаких признанных руководителей, никакой организованности, способной дать ему возможность разбить свои оковы. При каждом движении, на каждом шагу, при малейшем усилии, направленном к этой цели, его, казалось, должны были остановить и бесповоротно обречь на полное бессилие. А между тем он все преодолел и показал всем глупым поборникам деспотизма, что та видимость колоссальной силы, которой обладает деспотизм, ничего не значит всякий раз, когда целая нация решается развернуть свою силу, которая одна лишь действительно величественна.

Ныне народ в гораздо большей степени, чем тогда, обладает сознанием той силы, которую он уже неоднократно применял.

Ныне нарушение его прав и достоинства доведено до гораздо более высокой степени, чем в то время. Отчаяние заставит действовать решительнее, чем тогда, ибо никто не может отрицать, что ужасающая нищета рабочего класса, т. е. основной массы народа, сейчас во сто крат выше той, на которую его обрекли 14 столетий рабства. Ныне народ, я в этом ручаюсь, встретит в лоне Конвента поддержку со стороны группы, объем которой заметно растет с каждым днем *.

Ныне этот рост сил должен привести к созданию значительного большинства, хотя бы из чувства самосохранения, которое испытает каждый представитель, видя, что день народа уже близок. Это обстоятельство заставит тех, кто до сих пор еще не проявил себя, тех, кто еще не выступал в пользу патрициата, продемонстрировать плебейскому колоссу достойные дела, способные искупить все грехи, дабы в тот великий день их можно было отличить от тех, кто входит в состав сената Кобленца, про который мы не без оснований сказали, что он, пожалуй, составляет большинство в Тюильрийском дворце**. Сегодня,

---

* С законодательной трибуны в последнее время хорошо выступали некоторые лица, которых, не в обиду им будь сказано, можно назвать новыми людьми для нашей революции. По тому, как они отстаивали народные принципы, было видно, что до сего времени им не хватало только мужества, для того чтобы хорошо защищать дело народа: они опровергли оскорбительное утверждение патрицианской клики, будто помимо кружка ее оракулов сенат состоит сейчас только из простофиль, которые слепо копируют действия остальных депутатов. Доказательства счастливого присоединения к делу защиты демократии, данные людьми, показавшими, что они выше всякой домашней птицы [*слово oison — означающее «простофиля», в прямом смысле значит «гусенок». — Перев.*], вызвали радость у патриотов и приступ бешенства у народа богачей и тех, кого он содержит. Злобные завывания последних не должны вызывать смущения ни у тех честных людей, которые таким образом вышли из своего пассивного состояния, проявив мужество в момент, когда грозит опасность, ни у всех остальных честных людей, которые склоняются к тому, чтобы последовать их примеру. Их стойкости достаточно, чтобы заставить замолчать всех фреронистов, миллионистов и термидорианцев.

** Это весьма грустное утверждение, к сожалению, более чем бесспорно. Что подразумевают под Кобленцом? Всех эмигрантов и врагов народа. Я доказал, что декрет от 18 нивоза означает для них генеральную амнистию, позволяющую им вернуться в лоно нации, где они пользуются защитой закона, чтобы обрушить на народ все беды, какие только может придумать самая крайняя злоба. Я доказал, что серия декретов, вырванных в течение менее одного месяца друзьями народа богачей, аристократического миллиона, образует почти полный кодекс контрреволюции. Я доказал, что никогда законодательство не убивало в столь буквальном смысле слова народную массу и не попирало все ее права, как эта самая серия декретов. Итак, если, с одной стороны, Кобленц, т. е. все враги народа, с некоторых пор осыпан милостями в нашем сенате и если, с другой стороны, там позорно предают народ, то я был прав, говоря, что сенат Кобленца, по-видимому, составляет большинство в Тюильрийском дворце. Если бы он не составлял там большинства, если бы это большинство состояло из депутатов — друзей народа, то ясно, что проходили бы только декреты, благоприятные для народа. Итак, я буду настаивать на сказанном мной до тех пор, пока депутаты — друзья на-

наконец, сенатская аристократия обнаружит гораздо больше, чем в 1789 г. обнаружил король Людовик, изменников в той среде, которую она считает своими верноподданными: встречаются еще (и мы их знаем) немало патриотов во всей этой толпе ставленников правительственных комитетов, людей, как мы это уже отмечали, заслуживших смертную казнь, по строгому смыслу Декларации прав, за соучастие в узурпации народного суверенитета, выразившееся в нарушении важнейшего атрибута этого суверенитета, каковым является избирательное право; однако большинство этих людей совершили это тяжелое преступление не из антипатриотических побуждений: большая часть их не обладали достаточными знаниями, чтобы быть в состоянии понять, что они нарушают столь великий принцип *, но они остались верны народу, они в его глазах будут достойны помилования, и даже те, кто грешил отнюдь не по неведению, захотят показаться таковыми, дабы тоже получить прощение; и все поспешат искупить свои заблуждения, действительные или мнимые, помогая народу отвоевать свой суверенитет и свои узурпированные права.

КАК НАРОДУ НАДЛЕЖИТ СОВЕРШИТЬ ЭТО ВОССТАНИЕ?

Мирным путем [139]. Даже еще более мирным, чем 31 мая. Это, пожалуй, несколько удивит некоторых людей, не ожидавших такого заключения: ибо слово восстание у многих ассоциируется с потоками крови и грудами трупов. Опыт говорит, что восстания могут происходить и по-иному. Я предлагаю совсем простой план. Некогда академии присуждали денежные премии (золотом) тем, кто лучше всех решал весьма незначительные проблемы. Я предлагаю благодарность Родины в виде премии тому, кто составит лучший проект обращения французского народа к своим депутатам дабы нарисовать яркую и правдивую картину мучительного состояния нации, описать то состояние, на которое она вправе была надеяться, все, что было сделано, чтобы ей это предоставить, и все, что остановило и останавливает успех этого дела; и все, что надлежит сделать, и все, что народ хочет, чтобы было сделано, ради того чтобы привести его к цели, каковой являются права всех людей

рода, отвергнув всякую пагубную слабость, беспечность или снисходительность, не объединятся и не выскажутся таким образом, чтобы я увидел результаты действий, прямо противоположные тем, которые мы видим сейчас.

* Для того чтобы некоторые идеи проникли как можно в большее число голов, требуется время. По-видимому, только сейчас распространилось понимание, что занимать должность, данную узурпаторскими властями, — значит совершить тяжкое преступление против народа. И для обновления состава Революционного трибунала, видимо, не находят больше рабов.

и общее счастье, ради чего он и совершил революцию.

После того как это торжественное обращение будет составлено, причем составлено в духе, соответствующем настроениям основной массы народа, ибо оно должно содержать в себе все, чего желает большинство, все, что у него на душе, я высказываюсь за то, чтобы оно было торжественно представлено собранию уполномоченных, сначала какой-либо частью народа, а затем все бо́льшим числом депутаций до тех пор, пока делегаты нации не поймут, что изложенные в нем пожелания и есть общая воля.

Общая воля должна быть законом.

Следовательно, было бы, бесспорно, законно превратить выраженную таким образом волю в закон.

И я не знаю, каким еще образом можно наиболее полно выразить общую волю.

Если никто другой тоже этого не знает, мой план восстания законен.

Я поднял этот великий вопрос с большой откровенностью. Хотелось бы, чтобы те, кто с таким жаром работает на контрреволюцию, действовали с такою же откровенностью.

Гракх Бабеф, Трибун народа

Замеченные опечатки

В темноте подвала при свете тусклой лампы очень неудобно править гранки. Это издание разделяет судьбу номеров Марата: они были полны типографских ошибок. Однако читатели-патриоты пожирали страницы «Друга народа»; и, принимая во внимание его положение, они сами услужливо исправляли опечатки, каждый со своей стороны. Они были хорошо вознаграждены за этот труд теми сильными и полезными истинами, которые они находили в газете Марата, несмотря на огрехи. Я прошу своих читателей быть столь же снисходительными ко мне. Впрочем, обещаю им впредь преодолеть препятствия, вызвавшие столько неразборчивых мест в последних номерах, которые я разъясняю в прилагаемых исправлениях [*следует длинный список опечаток, замеченных в 29 и 30-м номерах газеты*].

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека, Гракха Бабефа

№ 32

Цель общества — всеобщее счастье
(Декларация прав человека, ст. 1)

13 плювиоза III года Республики, единой и демократической
[1 февраля 1795 г.]

Гордиев узел контрреволюции. — Различие между Национальным конвентом и владеющей им кликой. — Резкое отличие результатов его трудов тогда, когда он предоставлен самому себе, от тех, когда им руководит клика. — Документы и сведения, способные послужить материалом для обвинительного акта против главных террористов, неустанно норовящих называть террористами других. — Специальный обзор заседания от 9 плювиоза в связи с тем, что там произошло, когда сочинение Лакруа было обвинено в роялизме. — Выступление Тальена с обвинениями против Трибуна народа и депутата Фуше. Тальен становится на защиту «французской молодежи», высказывается против 31 мая, в защиту Верньо, Бриссо, против Фрерона, против революционного правительства и в защиту Конституции. Ответ Фуше. Сильное впечатление, произведенное им на народ, занимавший трибуны, и на Конвент. Опровержение Трибуном каждого из обвинений Тальена. Прекрасное молчание Конвента в ответ на эти обвинения.

Чем больше размышляешь и чем больше наблюдаешь, тем лучше учишься делать то и другое.

Утешительные мысли приходят мне в голову! Когда я высказал одно смелое суждение, а именно, что, по-моему, партия 1 млн., сенат Кобленца составляют, пожалуй, большинство в Тюильрийском дворце, я исходил только из результатов его работ, и, как вы могли видеть (№ 31, стр. 320 *), я выводил свое заключение из того, что «серия декретов, вырванных в течение менее одного месяца друзьями народа богачей... образует почти полный кодекс контрреволюции», из того, что «никогда законодательство не убивало в столь буквальном смысле слова народную массу и не попирало все ее права, как эта самая серия декретов», из того, что «один лишь декрет от 18 нивоза означает для Кобленца генеральную амнистию, позволяющую всем нашим врагам вернуться в лоно народа, где они воспользуются защитой закона, чтобы обрушить на народ все беды, какие только может придумать самая крайняя злоба».

Вот из чего я выводил свое последнее заключение: «Если... Кобленц, т. е. все враги народа, с некоторых пор осыпан мило-

---

* *См. стр. 364 настоящего тома.*

стями в нашем сенате и если... там позорно предают народ, то я был прав, говоря, что сенат Кобленца, по-видимому, составляет большинство в Тюильрийском дворце. Если бы он не составлял там большинства, если бы это большинство состояло из депутатов — друзей народа, то ясно, что проходили бы только декреты, благоприятные для народа».

Общее правило, гласящее, что о причинах судят по их следствиям, позволяло мне рассуждать таким образом.

Новые размышления привели меня к несколько более приятным выводам, я счел возможным поручиться, что «народ встретит в лоне Конвента поддержку со стороны группы, объем которой заметно растет с каждым днем», и я высказал мнение (подкрепив его соображениями, которые я изложил), что вскоре «этот рост сил должен привести к созданию значительного большинства...»

Дальнейшие размышления привели меня к еще более приятному результату. Мне кажется, что я столкнулся здесь с исключением из общего правила, предписывающего судить о причине по следствию.

Мне кажется, что, вопреки результатам работ Конвента, благоприятным лишь для врагов народа, большинство представителей остается все же глубоко верным народу; и мне, пожалуй, удастся доказать, что эти идеи отнюдь не парадоксальны и не противоречивы.

Я начинаю с того, что отделяю Национальный конвент от клики, которая существовала в нем с самого начала; от клики, которая всегда была такой, какая она есть теперь; меняя в зависимости от обстоятельств методы своей деятельности, меняя в различные периоды своих главных деятелей, она преследовала всегда лишь одну цель — властвовать длительное время и обогатиться путем угнетения большинства, сохранения порабощения полезных и деятельных классов, в противовес которым клика стремилась присоединить к себе меньшинство, состоящее из праздных людей, стяжателей и спекулянтов, уже вкусивших всех общественных благ и выгод.

Вполне возможно, что Национальный конвент состоит из массы простых людей, чистых и благонамеренных, чуждых всякой интриге, всяким заговорам; из людей, желающих только добра, стремящихся только к общему счастью и осуществляющих его всякий раз, когда им не противодействуют, когда их не вводят в заблуждение интриги и коварство клики, которая постоянно старается приукрасить свои преступные посягательства, придавая им видимость справедливости и заботы об общих интересах.

Но тогда не правильнее ли будет сказать, что все доброе и похвальное, все сделанное Конвентом на благо народа это и есть его дело. А все то, что он принял вопреки вечным правам, республиканским принципам, интересам народа, все это у него выманила хитростью или вырвала клика, сумевшая им овладеть, сбить

его с пути, обмануть и скрыть различные ловушки, расставленные ею на пути его добрых намерений?

В самом деле, разве мы не видели, что Национальный конвент был всегда демократическим, когда он был предоставлен только самому себе? Что он всегда был верен интересам 24 млн. республиканцев? Что он всегда с уважением относился к правам народа? Разве мы не видели, как при любых обстоятельствах энергично проявлялась его твердая решимость обеспечить победу дела равенства? С другой стороны, мы видели постоянное сопротивление клики 1 млн. воле Конвента, ее заговоры, направленные к подрыву его популярности, ее интриги, направленные к тому, чтобы его унизить и распустить, ее стремление подражать манерам народа, имевшее целью ввести в заблуждение наивных людей, слабых и доверчивых. Мы видели наглость этой клики, ее гнет, навязывание ею Конвенту своих решений, ее связи, ее переписку с теми, кто постоянно вел войну против свободы, ее глубокую ненависть к санкюлотам.

Мы всегда имели возможность сопоставлять демократические добродетели Конвента с пороками и преступлениями клики.

Я почти всегда видел, что Конвент намерен действовать в высшей степени справедливо; но я слишком часто видел, как при всех своих чувствах справедливости, чувствительности, человечности он легко давал ввести себя в заблуждение свирепым страстям клики.

Конвент, несомненно, страстно хочет справедливости, справедливость живет в его сердце. А клика старается превратить его в орудие свой мести: месть — ее единственный закон.

Месть — чувство, присущее лишь тирании. Месть не поражает преступления: она нападает только на мужество несгибаемой добродетели. Только одно правосудие благоприятно для невинности, для патриотизма.

Если я продолжу сопоставление и сравню деятельность Конвента и клики в сфере практического применения принципов, то вот какие различия я нахожу.

Конвент уничтожил нищенство и почтил бедность. — Клика поддерживает нищенство и презирает бедность.

Конвент горячо занимался облегчением положения семей патриотов и защитников родины. — Клика заботилась только о возвращении родственникам и семействам врагов свободы и убийц народа их имущества.

Конвент искренно предан классу санкюлотов, которые его избрали и поддерживали, которые продолжают защищать его. Конвент желает их победы над их многочисленными врагами; в ряде декретов им обещаны свобода, равенство и счастье. — Клика хочет подавления народа, она чернит всех его друзей, всех его защитников; за их порывы, за их великодушную преданность она награждает их тюрьмами, нищетой и смертью.

Но звон цепей, в которые закованы патриоты, доносится до будуаров, где нежатся неверные представители народа, и в разгар их отвратительных оргий внушает им ужас.

Каковы настойчивые желания тех депутатов, в ком можно узнать Национальный конвент? — Справедливость для всех; сохранение республиканских принципов, республиканских реформ и учреждений, республиканской морали, республиканского духа, республиканского счастья.

Каковы желания и куда устремлены усилия клики? — Расправы с патриотами, эшафот для всех тех, кто подготовил и защищал революцию. Амнистия всем врагам свободы и равенства: всем эмигрантам, всем изменникам, всем заговорщикам. Война не на жизнь, а на смерть тем, кто освободил народ от его врагов; амнистия тем, по чьей вине погибли 400 тыс. солдат — граждан, обагривших землю свободы своей благородной кровью. Небрежение и презрение ко всем заслуживающим сочувствия семьям друзей демократической Республики; заботливость, сыновняя нежность ко всем вдовам палачей человечества. Отстранение санкюлотов от всех должностей; их замена дворянами; крики «держи вора», которыми клика преследует всех патриотов, в то время как все ее члены повинны в грабеже; родившись в бедности, они теперь кичатся наглой роскошью и выставляют напоказ скандальное зрелище всевозможных пороков, играя в азартные игры и предаваясь самому грязному разврату.

Эта же клика наглядно демонстрирует свою последовательность и полную беспристрастность, когда громко обвиняет людей, запятнанных кровью, и в то же самое время с яростью распускает трибунал, который не захотел убивать, не захотел пролить столько крови, сколько она требовала.

Есть одно соображение, понятное каждому. Клика обладает большим влиянием; стало быть, все преступники состоят у нее на жалованье и все они должны собраться под знаменем контрреволюции. Можно ли представить себе, чтобы человек, который в ходе революции совершил нечто предосудительное, оказался настолько глуп, чтобы сопротивляться клике? Нет, преступление слишком расчетливо, чтобы стать в ряды тех, кто терпит нужду и угнетение.

Клика также много кричит о растратах, якобы совершенных патриотами; но это обвинение столь туманно, что я до сих пор не смог увидеть ни одного доказательства. Вообще клика очень последовательно придерживается тактики, состоящей в том, чтобы, забегая вперед, обвинять честных республиканцев во всех собственных грехах. Обвинители патриотов сами почти все уличены в кражах, актах произвола и тиранических действиях *. Они уни-

* Говорят, что к такого рода преступлениям оказался причастен даже такой несгибаемый человек, как Л о р а н Л е к у а н т р, этот великий общественный обвинитель, самый неутомимый, самый гневный из всех, когда-либо занимавшихся этим делом, не исключая даже знаменитого

зили достоинство человека, подавили энергию патриотов, попрали их права и нанесли ущерб всем принципам.

Национальный конвент! Стань самим собою, и ты снова будешь творить благо народа, и народ благословит тебя, и все клики и все мятежники исчезнут.

Гракх Бабеф, Трибун народа

Фукье-Тенвилля. Уверяют, что представляется весьма возможным обнаружить целый перечень обвинений против этого строгого законодателя в обвинительном акте, составленном Жиле, общественным обвинителем трибунала Сены-и-Уазы, по делу Кутюрье. Утверждают, что эти обвинения уже подтверждены названным обвинительным актом, документами, послужившими ему основанием, показаниями Шарля Лакруа и показаниями самого Лорана Лекуантра. Утверждают, что нетрудно сообразить, какие мотивы могли побудить Шарля Лакруа принять постановления, противоречащие закону, проведенному им 10 июня 93 года. С другой стороны, там находят приказ министра Ролана, предоставляющий сыну Лорана Лекуантра двух лошадей из конюшен бывшего короля с уплатой по оценке: приказ фальсифицирован, вместо двух лошадей туда вписали трех да еще добавили «с полным снаряжением», что составляет разницу более чем в полтора раза, ибо известно, что́ представляло собою снаряжение таких лошадей. Это еще не все. Находят еще другой приказ, Версальского муниципалитета, где полностью вычеркнуты слова «по оценке». В трибунале Сены-и-Уазы Лекуантр мужественно заявил, что все было согласовано с Роланом, блаженной памяти министром, и что он уплатил. Но стоит ли говорить о таком пустяке? Ведь все сводится попросту к тому, что написали «три лошади» вместо двух. «В полном снаряжении», когда об этом не было ни слова в приказе. Никакой оценки. Вся операция проделана Кутюрье и Роланом, а Лакруа устранял все затруднения.

Другой грешок, который ставят в упрек боязливому и сугубо щепетильному Лекуантру. Пусть допросят Лекуантра, торговца в Версале, брата Лорана. Он расскажет, как честный и деликатный сенатор обокрал его и обокрал Республику. Он расскажет о том, как, после того как один из их братьев исчез и был внесен в список эмигрантов, Лоран Лекуантр сумел с изощренной ловкостью получить декрет Конвента, который ввел его во владение имуществом брата-эмигранта в ущерб Республике и в ущерб другому брату-торговцу, которого он с редкой порядочностью засадил в тюрьму, чтобы не дать ему жаловаться, в те времена, когда Шарль Лакруа был послан с миссией в департамент Сена-и-Уаза.

Но эти мелочи не могут служить серьезными доводами для обвинения против Лорана Лекуантра, так как он всецело заслужил благодарность правящей клики, показав, что его сердце столь же снисходительно к антипатриотизму и даже к роялизму, насколько он непреклонен в отношении ультрареволюционности. По крайней мере я надеюсь, что теперь мания поздравлений неизбежно выдохнется. Спешите же снова сюда, столь щедрые на поздравления секции (!) из Парижа, изо всей Республики, вплоть до тебя, великий град Бордо, — все, кто поспешил одобрить строгие меры Конвента против роялизма в лице проповедника Лакруа, рукоплещите теперь клике золотого миллиона за то, что этого человека оправдали, и за то, что его удостоили похвалы. Это вас научит не слишком торопиться с лестью. Прошли те времена, когда требовалось около года, чтобы облить полным презрением идола, которому недавно в экстазе воскуривали фимиам, и чтобы воздать безудержную дань восхищения тому, кого ранее хотели выбросить на свалку. Ныне, что ни день, то превозносят, то оплевывают одних и тех же кумиров, и льстецы едва успевают сочинять свои речи: ведь им приходится по одному и тому же поводу говорить то «да», то

На заседании от 10 плювиоза Кабарюс-Тальен выдал мне патент на известность, который, полагаю, я еще не заслужил. Я и сейчас так думаю, и скромность побуждает меня предать гласности соображения, склоняющие меня к тому, что мне преждевременно оказана чрезмерная честь.

«нет», пуская в ход все свое красноречие. Сколь позорно это заседание от 9 плювиоза! Оно может причинить гораздо больше вреда, чем даже сочинение Лакруа [140]. Не есть ли это первый алтарь, нагло воздвигнутый во славу монархии? Какое странное злоупотребление словами позволил себе этот Лоран Лекуантр, посмевший перед лицом всей Франции заявить, что республиканизм и роялизм — синонимы; в самом деле к этому сводится смысл его заявления, что «книга «Le Spectateur» представляется ему содержащей принципы ярко выраженного республиканизма». Какими же дураками надо считать людей из народа, чтобы отпускать такие махровые глупости! «Пожалуй, и 50 депутатов не прочитали сочинение Лакруа», — сказал Лекуантр. Ну что ж, его прочитали те граждане, которые не являются депутатами, и если только не декретировано окончательно, что все наши слова будут означать противоположное тому, что они означали ранее, никто не согласится с Лораном Лекуантром, будто сочинение его королевского протеже содержит принципы ярко выраженного республиканизма. Вы подчеркиваете ваше мнимое скрупулезное уважение к свободе печати. А почему же уверяют, что недавно вы дополнительно направили 80 шпиков по следам Трибуна народа? А почему же в то самое время, когда вы защищаете Лакруа, ваш Ребель [141] выступил с доносом на Трибуна народа, говоря, что Защитник прав человека гораздо опаснее, чем роялист. Этому нетрудно поверить: такой защитник очень опасен для клики, а между роялистом и ею дистанция не столь уж велика. Вы говорите также, «что не следует закрывать глаза на то, что если сенат направляет кого-либо в суд с тем, чтобы его судили в революционном порядке, то это оказывает на суд воздействие, роковое для невинного человека, и трудно представить себе, чтобы суд осмелился оправдать такого человека». Надо было еще добавить, что дискуссия, подобная той, что имела место на этом заседании, могла оказать на суд такое же воздействие, хотя и в ином смысле, и способствовать спасению Лакруа, будь он хоть 100 тысяч раз роялист. Но и то, что вы сказали, тоже правда, которая вырвалась у вас из уст вопреки вашей воле; поэтому самые хитрые из вашей среды во главе с Андре Дюмоном спешат скрыть смысл этих необдуманных слов. Не подлежит сомнению, что в те времена, когда люди еще рассуждали в соответствии с принципами, считалось, что свобода и безопасность людей перестанут существовать в тот день, когда власть, вырабатывающая законы, будет отдавать приказы той власти, которая эти законы проводит в жизнь. Но с каких это пор и по какому случаю вы стали столь щепетильны в вопросе о нарушении принципов? Разве не на много страшнее ваше влияние для тех, кого вы отправляете на суд людей, подобранных по вашему вкусу, после того как их уже судили вы и ваша Комиссия 21-го? Вернемся к заседанию. Ну, в самом деле, сколь преступно было со стороны Дюэма восклицать, «что роялизм и аристократия действительно торжествуют, что их резиденция — в Пале-Рояль, на спектаклях и всюду, где блистает французская молодежь Фрерона; что народ богачей объявил гражданскую войну народу санкюлотов в соответствии с прямым и определенным призывом Фрерона». Это было расценено как оскорбление народа, Конвента и молодежи, находящейся в армиях. Тщетно обвиняемый защищался, говоря, что он имел в виду только народ богачей и королевскую молодежь Фрерона. Так как теперь считают, что этот народ и эта молодежь и есть все, то упорно повторяют, что народ оскорблен, и требуют заключения оскорбителя в тюрьму Аббат-

Друг богатых граждан начинает с обличения меня «как великого преступника, выдвинутого вперед другими людьми, еще более преступными, чем он». Здесь я нахожу у него первую ошибку. Я не думаю, чтобы в его глазах мог быть больший преступник, чем я. Разве для порядочных людей существует преступление более тяжелое, чем «оскорбление величества»? А разве я не вывалял в сточной канаве королеву Кабарюс и ее августейшего супруга? Другие ведь только бросали им в лицо комки грязи. Конечно, я самый большой преступник.

ства. Такой приговор и был вынесен благодаря величайшим усилиям Барраса, лейтенанта отрядов «золотой молодежи», находящихся под командой капитана Фрерона, благодаря испанцу Тальену, благодаря Лежандру-Конта, благодаря Андре Дюмону де Буа-Руа, который вознамерился доказать нам, что вовсе нет двух народов: одного — богачей, другого — санкюлотов. Наконец Дюэм отправлен в Аббатство, и «французская молодежь» довольна. Все матерые роялисты тоже довольны, но их сторонники не чувствуют полной радости. Вопреки утверждениям пресмыкающихся газет, в Конвенте эта мера не встретила единодушного одобрения. Там заявляют во всеуслышание, что Дюэма наказали только за то, что он решительно вел борьбу против первой энергичной попытки воскресить роялизм. Меолль, Камбон, Шудье, Тирион, Тюрио, Монто, Рюан, Тайефер, Гастон [142] и многие другие высказались как сторонники демократии, что́ обещает образование в ближайшее время четко выраженной оппозиции клике, эксцессы которой пора остановить, поскольку им не видно конца. Глупые члены этой клики не замечают того, что они сами себя топят. Этому Дюэму, которого они в конечном счете смогли упрекнуть разве только в том, что он был врачом, они создали славу, какой он, быть может, без них никогда бы не приобрел. Они заставят народ размышлять о том, что с некоторых пор этот человек почти в полном одиночестве с большим мужеством защищает истинные принципы и что в данное время он жертвует собой ради них. Эти преследования только увеличат его энергию и еще больше привлекут к нему внимание народа. А какое мне дело до того, что Дюэм был врачом, раз он мужественно и честно защищает святое дело прав народа?

Мне также нет дела до того, что актер Лежандр был раньше мясником и искренним другом санкюлотов, если сегодня он всего лишь слуга комедиантки и гончая собака клики. Слушая Лежандра в тот день, когда Лекуантр выступил в защиту роялизма, можно было думать, что это разносчик «Оратора», выкрикивающий, надсаживая горло, «шапку» номера и делающий особое ударение на словах «три великих преступника» [143]. Почему три? Лоран Лекуантр говорил сначала о гораздо большем числе. Затем Станислав Фрерон захотел только четырех, и Конвент, поначалу заявивший, что не признает ни одного, постановил, что их было четверо, в соответствии с волей Станислава. Почему же сегодня речь идет только о трех? Поистине, вы сами не знаете, чего вы хотите. Станислав Фрерон, всецело направив подряд 50 номеров своей газеты на то, чтобы возбуждать народ против «четырех великих преступников», и убедившись затем, что этот кроткий, филантропический маневр, столь достойный морали законодателя, уже истрепан благодаря Каррье; отчаявшись, быть может, найти судей, присяжных и палача, угодных ему и его компании, в замену тех, кто вел себя не так, как они желали, Фрерон, говорю я, перестал издавать вопли против «четырех великих преступников». Он попросту призвал в 50-м номере французскую молодежь «выждать благоприятный момент и пронзить их сотней ударов кинжала». Поскольку французская молодежь, по-видимому, не захотела ничего делать в этом направлении, то усилия были обращены к созданию

Затем князь Тальен великодушно и мужественно встает на защиту «французской молодежи», «которая, как он говорит, ежедневно собирается в Пале-Рояль». По этому поводу он впадает в благородную и достойную ярость и решительно обвиняет меня в том, что я «возбуждаю общественное негодование против этой драгоценной молодежи». Князь прав. С тех пор как его сиятель-

---

новой орды наемных убийц. К 7 плювиоза еле удалось собрать половину нужного числа людей. Все равно. Набирают сколько можно добровольных рабов и декретируют, что они будут убивать в том составе, который имеется налицо, и как смогут. С этого-то времени Фрерон и возобновил свои вопли против «великих преступников», но уже не уточнял их число. Очень досадно, что народ уже не склонен столь послушно воспламеняться от голоса высокопоставленных декламаторов. О, боги, сколь холодным стал народ! Неужто он начинает уставать от бесконечных балаганных фарсов, в которых его заставляют участвовать? И разве он не прав, начиная понимать, что это не ведет ни к чему толковому? Я не знаю, право, можно ли сейчас составить аудиторию, которая, когда это понадобится, стала бы рукоплескать Революционному трибуналу. Но оставим заботу об этом Фрерону и его окружению: их изобретательность неиссякаема. Разве его друг и друг принципов, Лежандр, в то самое время, когда в интересах Лакруа велась кампания за принцип, гласящий, что недопустимо заранее воздействовать на общественное мнение или суд, не умудрился забыть этот же принцип в отношении «великих преступников», число которых он соблаговолил сократить до трех? Он, не колеблясь, осудил бы их единолично; и та крайняя ярость, в которую впадает этот мясник, свидетельствует, по-видимому, о том, что, если бы его попросили, он бы не стал особенно ломаться и уложил бы их ударом дубинки, как некогда делал это с быками. Чтобы подготовить себе помощников или подмастерьев из среды своих коллег, он прибегает к такой грубой хитрости: «Не бойтесь, — говорит он им, — помогите мне, только этих осталось прикончить, а затем закроем ворота боен».

Ну нет, господин колбасник, надо, чтобы вас тоже гильотинировали. Да, вас, вас самого. Есть одна история, рассказанная Маркандье [144], подробное изложение которой мы поместим в следующем номере; ее вполне достаточно для такого приговора.

Тальен, один из ваших добрых друзей, тоже должен быть гильотинирован. Не за то, что он женился на Кабарюс. Но если бы и не нашлось ничего другого, нам было бы достаточно, чтобы этого добиться, доказать, что в начале 1793 г. он проповедовал аграрную систему в своем «Ami des Citoyens», который он тогда называл «Ami des Sans-Culottes». Нам было бы достаточно доказать, воспроизведя буквальный текст этого издания, что он, действительно, добивался всего для санкюлотов и хотел взять у богатых почти все их имущество, чтобы щедро одарить этот «сброд». Нам было бы достаточно доказать, что этот несчастный парень, ныне великий апостол «порядочных людей», был террористом, разрушителем, поджигателем, ни в чем не уступавшим ни одному революционеру; доказательством этого может служить знаменитая концовка фразы из его постановления, принятого в Бордо 8 фримера II года: И ВСЕ ЖИЛИЩА БУДУТ ПРЕДАНЫ ОГНЮ. Я не буду останавливаться на вопросе о том, получил ли этот ужасный рескрипт какое-нибудь исполнение или нет. «Добрая воля считается действием» (пословица).

Фрерон-отступник, другой близкий друг Лежандра, тоже должен быть гильотинирован. Как так? Да тоже как террорист... как кровопийца, разрушитель, поджигатель! в ожидании того времени, когда я представлю уже обещанные мною ранее доказательства производившихся им

ство Фрерон, друг этого князя из Пале-Рояль, открыто обратился в 59-м номере к упомянутой молодежи с призывом взяться за кинжалы и воспользоваться ими против народа, я, всерьез взявший на себя обязанности друга народа, попросту говорю ему, что не может быть колебаний, что надо броситься на рыцарей кинжала и на их вождя Станислава. Я считаю, что это-то и остановило сих господ, которые уже начинали действовать; и эта террористическая мера, направленная против нового террора, привела к тому, что народ сохранил спокойствие, несмотря на непристойные проделки, которые эта прекрасная молодежь ежедневно позволяет себе, окопавшись в Пале-Рояль. Но в Антуанском предместье уже формируют отряд людей, вооруженных розгами, и в один из ближайших вечеров они отправятся, чтобы основательно выпороть всех этих повес.

Сиятельный Тальен добавляет, «что я делаю вид, будто забыл, что Пале-Рояль — то место, где впервые была воздана дань уважения свободе и где мужественный Камилл Демулен первый украсил себя национальными цветами». Я на это отвечаю, что преподобные отцы капуцины служили молебны у публичных девок и что на той же трибуне, где некогда были провозглашены права человека, Тальен и его друзья по клике топчут эти права в угоду контрреволюции.

Князь «обличает не мое периодическое издание, а человека, который является его автором». Правильно говорят, что никто не несет столько вздора, как великие мира сего, и что нет людей менее образованных, чем они. Скажите, пожалуйста, какая разница между обличением сочинения и обличением его автора?

Князь заявляет, «что никогда свобода печати не имела более преданного защитника, чем он». В таком случае я немедленно подаю прошение его сиятельству: «Ваше сиятельство, благоволите вмешаться, дабы приказали отменить ордер на арест, имеющийся против меня в Комитете общественной безопасности, за то, что я пользовался свободой печати».

гильотинад — по 200 в день, расстрелов — по 800 враз, — вот доказательства его революционных подвигов другого рода, совершенных в Марсельской коммуне.

«Выдержка из постановления за подписью Фрерона, изданного в Пор-де-ла-Монтань, 17 нивоза II года. — Статья I. Наименование Марсель, которое пока носит эта преступная коммуна, будет изменено. Национальному конвенту предложат дать ей другое наименование. Пока что она будет Без имени и будет носить такое наименование. — Статья II. Прибежища, где происходили собрания секций и Генерального комитета, будут сравнены с землей, и на том месте, где они находились, будет поставлен столб, напоминающий об их бунте».

В ближайшее время мы приведем все другие предписания и исторические обстоятельства, сопровождавшие постановление, под которым можно прочесть приказ о приведении его в исполнение, отданный господином маркизом де ла Пуапом, шурином Станислава Фрерона.

Нам нельзя ничего упустить, чтобы пополнить обвинительный акт против всех террористов, кровопийц и разрушителей городов.

Князь обличает «человека, который в своей обесчещенной газете. . .» — Вами, князь, но не народом. Вы утверждаете, что эта газета «не может удовлетворить даже пажей». Да, ни пажей вашего дворца, ни пажей других дворов, союзных с вашим. Ведь я выпустил второе издание 27, 28, 29, 30, 31-го номеров, от которых у меня не осталось ни одного экземпляра: я уверен, что, если ваши пажи не примутся за дело пораньше, им опять ни одного не достанется.

Князь начинает перечислять свои многочисленные обвинения. «Я возбуждаю народ к восстанию. Я ему изображаю эту меру, как безотлагательную в настоящее время. Я смею говорить, что Кобленц имеет своих представителей в Национальном конвенте; что, возможно, они составляют большинство в Тюильрийском дворце». Ваше сиятельство! Сразу видно, что при дворе совсем не знают о правах человека. Эти права гласят, что возбуждать народ к восстанию вовсе не преступление, что это может быть даже добродетелью в случае нарушения этих самых прав. Вопрос, стало быть, в том, доказал ли я, что такое нарушение налицо в настоящее время. Вот это-то и надо было рассмотреть прежде всего, князь; но для вашего ума, изнеженного наслаждениями, это, конечно, оказалось делом слишком утомительным. Более того, вы не поверите, ваше сиятельство, но я докажу, что даже если б оказалось, будто я ошибся, даже если бы не было действительного нарушения, то все же в соответствии с моими принципами, которые являются также принципами французского народа, мне не запрещено быть безумцем или человеком, чрезмерно недоверчивым. Вы должны были прочесть об этом в моем 31-м номере, раз вы его обличаете. Вы, власть имущие, с вашей особой юриспруденцией были бы, несомненно, способны покарать одержимого, если б он вопреки действительности кричал, что такой-то дом горит. Ну, а мы, свободные люди, действуем совсем по-другому. Мы не предаем сожжению того, кто поднимает ложную тревогу, крича: «Дом горит», — точно так же, как мы не гильотинируем того, кто ошибочно кричит: «Нарушают права народа». Тот и другой взволновали всех соседей. Но мы говорим: «Что тут плохого? Мы видим, что ничто не горит; огонь существует только в воображении этого человека, но если у него помрачение зрения, он не может нас этим заразить: стало быть, не следует наказывать его за то, что он болен. Если это даже так, то этот человек все же дал хорошее предупреждение. Это доказывает его преданность интересам сограждан, это доказывает, что он был бы огорчен, если бы с ними случилось недоброе. Лучше быть дважды разбуженным зря, нежели один раз не быть разбуженным при действительной опасности. Преступны те, кто усыпляет, кто скрывает опасность, кто говорит, что ее нет, зная, что она есть; такие люди, повторяю, преступны, потому что они изменники; потому что следует подозревать, что это они сами устраивают западни, чтобы столкнуть туда тех, кого они успокаивают, и ограбить их». Вот как, ваше сиятель-

ство, рассуждают у нас добрые люди. Да к тому же есть восстание и восстание. Свое я хочу закончить простою петицией. Неужто это может встревожить всех князей и сеньеров? Вы также находите дурным, что я говорю, «что Кобленц имеет своих защитников в Национальном конвенте». Светлейшее сиятельство! Неужто я задел ваше больное место? Вы почувствовали себя уязвленным? Я полагаю, что я растравил ваши раны, доказав в моих номерах, когда, где и как вы способствовали проведению законодательных милостей, коими недавно был осыпан Кобленц. «Что касается утверждения, что, быть может, большинство тех, кто находится в Тюильри, являются представителями Кобленца», то я выше объяснил, как это надлежит понимать. Отнюдь не принимайте это как факт, ваш Кобленц не может в конечном счете иметь большинство. Вы тешили себя, возможно, такой надеждой потому, что вам удалось выманить для него у большинства коекакие декреты. Это будет пересмотрено, так же как было пересмотрено многое другое. Это большинство вернется к нам. Оно признает свои ошибки и разберется в ваших заговорах. Оно вернется к нам, говорю я вам; оно к этому стремится, более того, и я не боюсь это сказать, оно в этом заинтересовано.

Князь обвиняет меня «в том, что я выступаю против системы правосудия, принятой Национальным конвентом». Известно, чтó его сиятельство понимает под «системой правосудия». Он имеет в виду принятую 18 нивоза генеральную амнистию для эмигрантов, многочисленные декреты, благоприятные для раззолоченного народа и убийственные для народа бедняков, обманом вырванные кликой князя у Конвента, который в дальнейшем не должен больше позволять себя обманывать посредством этих царственных махинаций и должен восстановить систему подлинного правосудия, исправив крупные ошибки, к которым его привела пòкладистость.

Князь обвиняет меня в том, что я — подставное лицо [145], и это его убеждение основано на типографских гранках, исходящих от меня и показанных ему Фуше. Фуше объяснил, что это гранки не моей газеты, а «Опровержения всех сочинений, направленных против 31 мая»; * это «Опровержение» Фуше доверительно показал Тальену в то время, когда еще не знали, что он князь. То, что его сиятельство превращает сегодня это сочинение, написанное в защиту 31 мая, в номер «Трибуна народа», несомненно, является злоупотреблением доверием и большой нечестностью с его стороны. Но поскольку давно известно, что люди двора обладают всеми пороками, это маленькое коварство его сиятельства нисколько не должно удивлять.

Затем князь впадает в страшный гнев. «Я добавляю еще одну тень, — говорит он, — к списку негодяев, стремящихся разжечь гражданскую войну и дающих страшный сигнал к ней». Вы опи-

* Этому сочинению не суждено быть забытым.

баетесь, синьор; я выступаю только за ВОССТАНИЕ, против клики, попирающей права народа, а есть разница между этим и гражданской войной. Я выступаю за упомянутое восстание на основании Декларации прав человека, и я имею право на это, пока вы не сожгли «эту торопливую мазню Робеспьера» (слова Фрерона, № 67, стр. 538). Я имею право на это, чтобы парировать ваш «Призыв к французской молодежи убивать, истреблять» (см. Фрерон, № 59), «убивать в законном гневе» всех, кого вам угодно называть «тиранами» (там же); чтобы парировать «призыв уничтожать всех, кого вам угодно обозначать наименованием «якобинцы» (там же); призыв «выждать благоприятный момент и пронзить их сотней ударов кинжала» (там же); призыв «доносить обо всех революционных комитетах... об участниках сентябрьской резни, об якобинцах и об избирателях по 40 су [146], о героях по 500 ливров и о революционной армии»; скажите сразу, обо всем народе, исключая только 1 млн. богачей (№ 67).

И Конвент хорошо понял это, и во время этих приступов ярости del Signor y Talliana y Cabarus из его лона прозвучали слова, которые продажные газеты и не подумали воспроизвести: «А Фрерон! А его блистательная молодежь!»

На это вы, князь, не смущаясь, ответили: «Если и другие люди проповедовали восстание, я буду столь же мужественно бороться с ними: я хочу, чтобы и они понесли наказание». Этому нельзя поверить. Два суверенных дома Фрерон-Руайю и Тальен-Руаяль не порвут так легко свой союзный договор.

«Не думайте, — продолжает наш августейший персонаж, — не думайте, что мы все еще живем в то время, когда достаточно было искусственно вызванного восстания и нескольких пушек, чтобы прийти требовать головы мужей, самым лучшим образом служивших стране, когда с чудовищными обвинительными актами ваши покровители приходили сюда приговаривать к смерти самых преданных депутатов». О, коварный князь! Вы намекаете здесь на 31 мая; вы хотите, чтобы вам простили ваше активное участие в этих событиях. Вы приходите проливать слезы на могилы Бриссо и Верньо, которых вы с ожесточением преследовали вплоть до самого подножья гильотины. Но друзья этих славных людей, «этих мужей, самым лучшим образом служивших стране», не забудут этого, они не смогут забыть, что в Бордо вы обрушили огонь, кровь и пламя на головы федералистов.

Вот как вы продолжаете: «Чудовища! Вы жалуетесь, что народ не пользуется больше своими правами. Но разве не вы их похитили у него с вашим революционным правительством!..» О, чудо! Как эти великие слова могли выйти из суверенных уст? Возможно ли!.. (о, мы не можем прийти в себя). Возможно ли, чтобы друзья народа оказались в согласии с будущими венценосцами! Мы это принимаем к сведению. Свержение революционного правительства! Это то, чего «Защитник прав человека» требует уже давно. Но, светлейший кастильянец! Меня беспокоит одно обстоя-

тельство. Я не знаю, захочет ли народ, чтобы именно вы имели честь осуществить эту меру.

Сколь вы, однако, прекрасны, когда, указывая на дарохранительницу, в коей хранится наша святая Конституция, вы говорите: «Мы объединимся со всеми добрыми гражданами вокруг этого священного ковчега». Как! Возможно, ли, чтобы вы не были заодно с вашим добрым другом и верным союзником князем Станиславом, который в этом ковчеге видит лишь «торопливую мазню»? Это невозможно! Невозможно!

Его испанское сиятельство не выводит никаких заключений против меня. Быть может, он надеялся привести в движение его польское сиятельство князя Станислава. Но и это влиятельное лицо из уважения к свободе печати также ничего не сделало. Друг 1 млн. граждан ограничился заявлением, что ему достаточно того, что он указал на меня своему раззолоченному народу. Это понятно. Это по смыслу то же, что и великолепные слова Руайю-Фрерона: «Выжди благоприятный момент и пронзи их сотней ударов кинжала»... Однако знайте, варварские императоры 1 млн. граждан, что вы отметили меня также в глазах 24 млн.! Вы сами не знаете, сколь значительным вы делаете меня в глазах этого великого народа, который вам никогда не удастся превратить в своих подданных. Я сохраняю для себя все отдельные доказательства этого. Если бы я их предал гласности, вы бы лопнули от зависти, а нам нужно оставить вас в живых, чтобы дать французскому народу и всему миру зрелище длительной кары, разящей великих предателей.

В заключение приведу ответ Фуше, который лишь немногие газеты, и это в порядке вещей, воспроизвели полностью:

«Республиканец обязан отчетом о своих связях только перед законом, и я готов это сделать, когда закон потребует этого от меня. Нет у меня ни одной связи, которая не оказала бы мне чести. Немало других людей поддерживают отношения с властью и с богатством, но, полагаю, еще не запрещено поддерживать отношения с угнетенной бедностью. Да, я поддерживаю отношения с Бабефом, и, поскольку Тальен сейчас указал Национальному конвенту на один такой факт, я должен сказать, что Бабеф действительно прислал мне гранки брошюры, опровергающей различные опубликованные сочинения, направленные против 31 мая, брошюры, так и не вышедшей в свет. Вся моя жизнь чиста. Человек силен, если он всегда честно служил народу и имеет мужество с гордостью заявить об этом перед лицом Национального конвента, в присутствии горсти заговорщиков и властолюбцев, которые сперва вдохновлялись в своей деятельности жаждой преступных наслаждений, а ныне хотят взбаламутить и расколоть нас, чтобы добиться безнаказанности».

Верноподданнические газеты умолчали также и о том, что этот прекрасный ответ был встречен аплодисментами на трибунах и возгласами: «Да здравствует Республика!» — и что вся Гора (на-

именование, которое не должно исчезнуть) встала, повторяя тот же возглас и с любовью обнимая оратора, который только что нанес клике такой удар.

Молчание Конвента в этом случае было весьма выразительным. Немедленное закрытие заседания окончательно характеризует создавшееся там настроение. Этим красноречивым молчанием Конвент дал понять, что было бы опасно продолжать дискуссию по этому исключительно серьезному вопросу. Что показала бы такая дискуссия? Что, с одной стороны, простой гражданин подвергся преследованиям за то, что выступал за восстание, законное, справедливое, необходимое, доказав это неоспоримым применением принципов к текущим обстоятельствам. Что, с другой стороны, член сената безнаказанно выступал за попрание всех свобод и всех прав народа, за восстановление самого возмутительного рабства, за убийства, за истребление всех граждан, оказывающих сопротивление этой убийственной для нации подлости. Своим выразительным молчанием Конвент показал, что́ он думает о том и о другом повстанце. Он показал, что он угнетен кликой первого * и что, разумеется, он может только стремиться выйти из состояния угнетения с помощью «Народного манифеста», предлагаемого вторым. Так я толкую волю Конвента. Не думаю, чтобы я ошибся.

Не будь сугубо политических мотивов такого молчания, я не сомневаюсь, что поднялись бы голоса, требующие предоставления свободы мужественному человеку, которого никакая опасность не останавливает, когда надо защищать неотъемлемые права человека. Эти люди воспользовались бы случаем, чтобы отомстить за попрание правительственными комитетами важнейшего из этих прав — свободы печати. Они спросили бы, до каких же пор превышающие свои полномочия комитеты будут считать себя выше Конвента, законов и принципов Республики? Они бы спросили, так ли уж необходимо возлагать на государственную казну содержание целой армии ищеек ради одного человека и постановлять, правда устно, что можно пожертвовать до полумиллиона на розыск второго Марата [147]? Они бы говорили, что надо предотвратить возможность гибели четырех альгвазилов, которых, как уже известно, я обещал убить властью, данною мне Декларацией прав. Но Конвент захотел применить к нам религиозное изречение: «Чем больше кара, тем больше заслуга», — и он правильно поступил, отдав предпочтение общественным соображениям над частными.

[Следует список опечаток к 31-му номеру].

Типография Трибуна народа.

---

* *Так у Бабефа.*

[ОБРАЩЕНИЕ К КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ] *

Париж, 21 плювиоза III года Республики,
единой и демократической [148]
[9 февраля 1795 г.]

Откровенное и лояльное рассмотрение вопроса, существовал ли заговор, разоблачаемый Комитетом общественной безопасности. — Оправдательные объяснения Бабефа по различным обвинениям, выдвинутым против него в этом докладе. — Доказательство того, что все его преступление — в защите Декларации прав и карают его за то, что он боролся с тем, кто на него нападал и призывал к резне граждан. — Обоснование того, что если и существовал заговор против Декларации прав, то только со стороны Фрерона, Оратора народа, а отнюдь не со стороны предместий, у которых не было никаких других намерений, кроме как оказать сопротивление преступным поползновениям Оратора.

Я благодарю вас, граждане представители народа, за то, что вы не отправили меня в одиночное заключение **. Я благодарю вас также за то, что вы не запретили доставлять в тюрьмы газеты, как это делалось при прежнем режиме. Из вчерашних газет я узнал то, что мне очень важно знать, — содержание доклада Матье [150], одного из ваших коллег, и все, что последовало за этим докладом.

Граждане, этот первый доклад Конвентом не был признан удовлетворительным, ибо он потребовал сделать другой; первый был сочтен неясным и пристрастным, ибо Конвент потребовал, чтобы второй доклад был точнее. Неправдоподобность мнимого большого заговора может быть обоснована только двумя аргументами — отсутствием достаточных доказательств его существования и отсутствием доводов, необходимых для того, чтобы сделать доказательства ясными, разительными, наглядными. В вашем первом докладе говорится обо мне, и это дает мне основание полагать, что и во втором может идти речь обо мне.

Вследствие этого я считаю необходимым обратиться к вам с несколькими объяснениями и уточнениями, которые, быть может, помогут вам в вашей работе, которые, быть может, поразят вас своей истинностью, которые, быть может, вызовут у вас дове-

---

* *На конверте следующая надпись:* «Документы, предназначенные служить доказательством по делу об обвинении в мнимом заговоре, выдвинутом Комитетом общественной безопасности на заседании 20 плювиоза».

** Примечание. Прошу понять меня правильно. Я хочу сказать только, что меня не посадили одного между четырех стен, что были добры поместить меня вместе с прочими угнетенными [149]. С другой стороны, здесь есть приказ, специально для меня одного, не разрешающий мне сноситься ни устно, ни письменно ни с родными, ни с друзьями. Эти два письма я предаю гласности контрабандно.

рие ко мне и покончат с тем предубеждением, которое вы, по всей вероятности, испытываете в отношении меня.

Я начну, граждане, с одной настоятельной просьбы, а именно, рассмотреть самым тщательным образом все мои бумаги, изъятые вами. Доклад Матье отнюдь не представляет меня, как одного из активных участников мнимого заговора, но изображает меня подголоском заговорщиков и выразителем их мнения. Если я был их подголоском, то, наверно, должны отыскаться какие-то следы этого в моих бумагах. Если их не окажется, следует полагать, что либо не было никакого заговора, либо, если даже таковой и существовал, я не имел к нему никакого отношения и отнюдь не был ни подголоском заговорщиков, ни выразителем их мнения.

Вслед за этим первым замечанием я позволю себе некоторые другие по ряду существенных пунктов доклада Матье. С откровенностью, характерной для всего, что я пишу, я не побоюсь сказать, что различные содержащиеся в этом докладе утверждения уж очень легкомысленно сформулированы. Ясность, с каковой я это сейчас докажу, дает мне уверенность в том, что Комитет откажется от них в своем новом докладе.

Первая выдвинутая против меня жалоба — это обвинение в том, что я назвал Конвент сенатом Кобленца. Я этого вовсе не писал. Я написал, как это сделал от себя роялист Лакруа, предположительно. Я написал, что если судить по некоторым декретам, которые отнюдь не представляются мне выгодными для народа, или по другим, которые кажутся мне благоприятными для эмигрантов, то можно было бы сказать, что защитники Кобленца составляют большинство в Национальном конвенте. Но я сказал в моем последнем, 32-м, номере, стр. 324 *, что признаю, однако, что масса представителей осталась глубоко верной народу.

Затем Матье заявляет, что я распространяю свою газету бесплатно. Я знаю, что многие патриоты покупали у моих продавцов по нескольку экземпляров и затем раздавали их своим друзьям. Можно ли это вменять мне в преступление?

Мое имя, Гракх, тоже стало одним из пунктов обвинения. Разве не декретирована свобода религиозных культов? Кто может обязать меня выбрать себе в качестве покровителя и примера для подражания христианского героя? Что плохого в том, если выберешь себе имя великого человека, а не малого?

Наконец, меня обвиняют в попытке подкупить моего жандарма, предлагая ему 30 тыс. ливров. Признаюсь, это обвинение превосходит возможности моего понимания. Я не могу представить себе, какой злодей мог это придумать. Как выразился один публицист, лучше уж было бы сказать прямо 30 млн. Но мое оправдание полностью содержится в тех словах, которыми многие голоса перебили докладчика: «Бабеф — санкюлот». При мне на-

---

* *См. настоящий том, стр. 368.*

шли 6 франков по прибытии в арестный дом. Я требую, чтобы пошли ко мне домой, там не найдут и четырех рубашек у каждого из нас: у меня, моей жены и моих троих детей; там не найдут и на 800 франков мебели и одежды [151].

Таковы, граждане, те простые ответы, которые мне достаточно изложить, чтобы опровергнуть представленные вам обвинения. Приятно, когда не находишь преступников. Вы, конечно, не хотите вернуть те времена, когда любили выискивать их. Воображать заговоры, тюремные или другие, — это была плачевная и жестокая мания некоего царствования, которое мы с вами ненавидим. Вы не можете, конечно, сетовать на того, кто вам поможет открыть, что не было никакого заговора там, где его предполагали.

Как было вам заявлено в связи с докладом Матье, «надо отыскать источник подстрекательств, указать, когда и кем они были предприняты впервые, дабы не смешать тех, кто были подлинными зачинщиками, с теми, кто только ответил им».

Правда едина. От чистого сердца никто не может ей сопротивляться. Вам ее сказал, эту правду, граждане, тот из ваших коллег, который выразился следующим образом: «Рассмотрены ли обстоятельства всесторонне и отыскали ли их первоисточник? Я смею заверить, что нет и что, напротив, подлинные зачинщики были оправданы. Первый подстрекатель тот, кто написал, что Декларация прав человека — торопливая мазня [152]; пусть же судят в равной мере Фрерона и Бабефа. Пасквилянт нападает на Конституцию, писатель отвечает этому пасквилянту, а разыскивают того, кто опровергает пасквилянта, того, кто выступает как защитник Декларации прав человека, арестовывают продавцов его газеты, преследуют его типографа, и таким образом свобода печати нарушается в интересах всех тех, кто ею злоупотребляет».

Да, граждане, рассмотрите дело непредвзято, и вы с этим согласитесь. Все мое преступление в том, что я выступил как защитник Декларации прав, в том, что я первый заметил, что на нее покушаются, в том, что я поднял тревогу по поводу этого великого преступления против свободы и что в самой этой Декларации я нашел принципы, позволяющие сопротивляться ее уничтожению.

Следует ли меня карать за то, что у меня душа закалена для борьбы за свободу? За то, что я глубоко страдаю, видя, как моя страна теряет свою свободу? За то, что не вотще я дал присягу защищать до самой смерти ту Конституцию, которую 1 млн. 200 тыс. моих братьев скрепили своей кровью и 25 млн. санкционировали единодушно и самым торжественным образом, с проявлениями величайшего и самого чистого энтузиазма?

Я заявляю еще раз вслед за одним из ваших коллег, выступившим на вчерашнем заседании. Если правам человека суждено стать лишь пустыми словами, если им

суждено быть уничтоженными, я не хочу больше жить.

Меня обвинили в призыве к восстанию. Как я призывал к нему? Я высказался за составление петиции, требующей гарантии Декларации прав человека и Конституции, поскольку я видел, что их собираются нарушать. Эта гарантия закреплена декретом от 20-го, принятым по предложению Гужона, каковой декрет обязывает комитеты следить за выполнением уже существующих законов и разрешает им преследовать и добиваться наказания тех, кто осмеливается нападать на Декларацию прав человека и поносить ее.

Если, граждане, этот декрет будет проведен в жизнь, он полностью удовлетворит все мои желания. Цель моей газеты будет достигнута. Великолепная Декларация прав, защите которой я себя посвятил, будет гарантирована. Не будет больше надобности в восстании-петиции. Фрерон должен понести наказание за выпады и оскорбления в адрес Декларации, а я заслуживаю похвалы за то, что защищал ее.

Признаюсь, граждане представители народа, что я был охвачен священным гневом при виде кощунственных усилий Фрерона вызвать презрение к правам человека. Я был возмущен его призывами к убийству, недвусмысленно выраженными в следующих фразах, произведших на меня неизгладимое впечатление: «Призыв к французской молодежи убивать, истреблять, сокрушать взрывами справедливой ярости всех тех, кого она считает тиранами». И другая фраза: «Подстереги удобный случай и нанеси 100 ударов кинжалом».

Члены Комитета общественной безопасности! Если вы были республиканцами, если вы ими остались, вдумайтесь в дух этих фраз. Отбросьте все предубеждения и посудите, какое действие подобные фразы и самое очевидное посягательство на права народа могут произвести на человека, в чьем сердце пылает священное пламя патриотизма. Если вы будете руководствоваться этим, я скоро буду оправдан. Если вы будете руководствоваться другим, вы принесете меня в жертву.

Но Конвент недавно воздал новую дань уважения Декларации прав, и все ваши действия будут, несомненно, соответствовать этому акту Конвента и определяться им. Вы, конечно, помните, что даже прежняя, королевская конституция гласила: критика действий установленных властей разрешается. Вы, конечно, в этой конституции обратите внимание на статью, ставящую свободу печати в ряд наиболее священных прав, тех, необходимость провозглашать которые предполагает наличие деспотизма или еще свежее воспоминание о нем. Вы, конечно, особенно примете во внимание то соображение, что я лишь мужественно выполнял клятву защищать эту Конституцию до смерти, данную всеми

французами. И тогда вы не замедлите прекратить нарушение принципа и наказание республиканца за то, что он энергично выполнял свой долг.

Почему бы мне, граждане, опасаться постоянно высказывать великие истины? Почему бы мне не надеяться, что они вас тронут? Среди вас, нынешних членов правительственных комитетов, нет ни одного, кто в прошлом не придерживался бы принципов, диаметрально противоположных тем, которые он как будто признает сегодня. Дань, которую вы воздали истинным народным принципам, показалась мне более естественной, менее вынужденной, чем дань, которую, как мне кажется, многие люди воздают сейчас доктрине аристократии, лишь следуя моде настоящего времени. Многие, казалось бы, чувствуют себя при этом стесненными. Мне кажется, что они попали в это положение не по своему желанию. Их туда толкнуло явное и весьма сильное влияние некоей партии. Мне кажется, что достаточно было бы небольшого усилия, чтобы вернуть их к их первоначальному состоянию, и что они тогда почувствовали бы себя лучше. Кто не поймет, сколь сладостно быть предметом общих благословений. В том первоначальном состоянии, о котором я говорю, люди не так легко верят в заговоры. Перенеситесь в это состояние, депутаты, и вы, быть может, увидите, как и я, что не было никаких заговоров в предместьях Антуан и Марсо. Вы увидите только один заговор — против Декларации прав и санкюлотов, и вы его найдете в газете Фрерона. Такова правда. Вооружитесь честностью, она проникнет в вас, она убедит вас, что никакого другого заговора нет. Мужественные жители обоих предместий хотели только оказать сопротивление этому заговору Фрерона. Они хотели только прийти жаловаться посредством петиции на оскорбительный выпад насчет *торопливой мазни* и на призыв к резне, исходящий от Оратора. Сопоставьте, рассмотрите все непредвзято, и вы увидите, что, в конечном счете, только об этом и можно говорить в вашем втором докладе.

Гракх Бабеф,
Трибун народа, Защитник прав человека

ПИСЬМО БЕНТАБОЛЮ[153]

Париж, 28 плювиоза III года Республики,
единой и демократической [16 февраля 1795 г.]

Гракх Бабеф к Бентаболю, представителю народа.

Ты, наверно, получил мое первое письмо[154]. Чтобы написать тебе второе, я снова одолеваю трудности изоляции, на которую осужден режимом угнетения. Странное дело! В той самой тюрьме, откуда апостол королевства, знаменитый Лакруа, может сноситься со всем миром и где он может принимать по 20 человек в день, защитник Декларации прав вынужден прибегать к ухищрениям,

чтобы передать несколько живых строчек демократическому миру.

Повторю тебе еще раз, Бентаболь, мы, люди прямые, жаждущие одной только свободы, считаем врагами лишь тех, кто является врагами принципов, и, едва лишь они снова становятся их друзьями, мы их тоже признаем за друзей. Одна из причин, почему я жалею, что нет у меня больше открытой газеты, сводится к тому, что я лишен возможности выразить подлинные восторги большинства французского народа при виде того, как ты окончательно отрекся от народоубийственной партии[155]. Один раскаявшийся грешник вызывает в небе больше радости, чем 80 праведных, пребывающих в вере истинной.

Я не благодарю тебя, но я тебе аплодирую от имени народа за нанесение этому подлому новому фрероновскому триумвирату, в чрезмерном сближении с которым тебя обвиняли, того твердого и энергичного удара на заседании от 27-го, от которого он не оправится. Я аплодирую тебе за то, что ты с копьем в руке мужественно встал на сторону народного ковчега, который отвратительный Оратор осмеливается осквернять своим нечистым дыханием.

Кто эти низкие сообщники убийцы свободы, которые приходят скрашивать его преступное посягательство? Кто эти пигмеи, бродящие вокруг моего друга... моей правой руки... моего заместителя... преемника Гракха в роли Трибуна народа, Защитника прав человека! Чего хотят эти козявки, когда они приходят жужжать вокруг Бентаболя, ставшего Гераклом с того момента, как он вооружен палицею тех же прав человека! Чего хотят они от него? Наверно, отвлечь его. Э, нет, вы не добьетесь этого, жалкие ничтожества... Человек, поднимающийся до возвышенной роли борца за вечные права, бойца, готового отомстить за все нападки на них, такой человек неизбежно сразу же становится гигантом, и нескольким пресмыкающимся не под силу запугать его. Не сворачивай с пути, Бентаболь; с высоты твоего мужества презирай этих низких змеенышей, которые шипят и ползают у твоих ног.

Брат мой, первый удар им нанесен, сохрани это преимущество, они от этого не оправятся. Да, преимущество. Поверь, что ты приобрел это преимущество на заседании 27-го, несмотря на видимую ничтожность заключительной части той важной дискуссии, которую ты возбудил. Впечатление остается, мой друг; перчатка брошена; весь французский народ это видел; это движение разбудило 24 млн. человек! Они пожелали быть, в случае надобности, твоими помощниками. Пусть какие-нибудь наглецы осмелятся вслед за осквернителем святынь Фрероном нападать на свод наших законов... Бентаболь, брось еще один клич, все наши люди уже предупреждены, ты увидишь, как сбегутся к тебе фаланги из 44 тыс. муниципалитетов. Тебе почти ничего не придется делать; народный колосс, еще более великий и более одухотворенный, чем ты, охватывает дерзких титанов, и они остаются одни, растерянные, в позоре совершенных ими преступлений.

И уже первая их попытка показывает, что они находятся в состоянии жалкой беспомощности. Все, на кого они рассчитывали, бегут от них. Они остаются одинокими на публичной площади, они выставлены там на всеобщее обозрение во всей их ужасной наготе, и окружают их только сообщники по антиреспубликанскому заговору.

Предоставьте же Фрерону полировать, обтесывать некоторые разделы Конституции, укреплять ее слабые места. Какой мастер ревизии! Великий боже! Сколько всяких улучшений могли бы ожидать от того, кто видит лишь торопливую мазню в Общественном договоре, пред которым преклоняются 24 млн. французов и все свободные люди мира! Какими счастливыми стали бы мы после такой полировки, такого обтесывания, такого укрепления, которые дано постичь только голове этого оратора, подобно тому, как только его смелая рука способна это выполнить! Ну, конечно, они слишком грубы, эти статьи, устанавливающие, что все люди равны; что цель общества — всеобщее счастье; что они никогда не должны допускать, чтобы их угнетала и унижала тирания; что общество подвергается угнетению, если угнетен хоть один из его членов; что каждый член угнетен, если угнетено все общество; что тот, кто узурпирует суверенитет, должен быть тут же предан смерти свободными людьми; что, если правители нарушают права народа, восстание является для всего народа и для каждой его части самым священным и самым неотложным долгом. Каждый знает, что с такими установлениями, установлениями, почерпнутыми из грубой природы, все счастливы, все свободны. С ними нелегко (как этого хотелось бы) затыкать людям рот, подавлять их, добиться такого положения, когда есть один раззолоченный миллион, 1 млн. угнетателей, и 24 млн. угнетенных. Напрасно шаг за шагом, постепенно, добиваться возможности повседневно нарушать эти установления. Если они будут существовать как составная часть свода принципов, обязательных для всех граждан государства, и как гарантия их прав, по-прежнему именуемых неотчуждаемыми, то люди постоянно будут объединяться вокруг этого оплота, и правители никогда не будут защищены от неприятностей; а произвол и деспотизм никогда не смогут осуществляться без волнений и помех. Можно пытаться терроризировать народную массу, можно даже посредством темниц и еще кое-какими способами заставить эту массу на некоторое время замолчать; но если в ее среде остается сей ковчег завета, окруженный общим благоговением и некиим религиозным уважением, то достаточно одного Гракха Бабефа, чтобы вывести толпу из апатии, чтобы объединить ее вокруг священного щита и чтобы повалить вас к ее подножию как дерзких негодяев. Разорвем, добавили мятежные Фре-

роны, разорвем этот документ — воплощение суеверия, пусть он не служит больше предлогом и точкой опоры для энтузиастов, гоняющихся за какой-то свободой, за каким-то химерическим равенством. Пока мы этого не сделаем, почти невозможно будет остановить крайнее возбуждение этих горячих голов, способных в одно мгновение наэлектризовать всех тех, кого, казалось нам, мы усыпили. Закуйте в кандалы какого-нибудь трибуна-мечтателя, заткните ему рот кляпом тирании, запретите ему любую связь с остальными смертными, лишите его возможности видеться с женой и детьми [1*]. Клевещите на него и не давайте ему возможности оправдаться [2*]. Что же, он будет кричать и все его друзья будут кричать об угнетении. Они докажут с Декларацией в руках, что вы нарушаете права человека, и вокруг этого человека объединится множество прозелитов, которые будут смотреть на него как на мученика за правду, за свободу. В качестве такового он будет выступать перед всеми судами. Он всегда будет вам отвечать, ссылаясь на права человека, он вас убьет, отнюдь не выходя из их круга. Посаженный в тюрьму, он, опираясь на эти права, будет всячески стараться нарушать ваши незаконные распоряжения и ставить это себе в заслугу [3*]. То, что ему удастся передать из ваших подземных тюрем, будет тем ценнее, чем больше трудностей ему пришлось испытать, чтобы пробиться сквозь ваши тройные стены, и он найдет тысячу сообщников для этих нарушений [4*]. И каждый из

[1*] Моя жена просила в Комитете безопасности разрешения на свидание со мною. Ей бесчеловечно отказали. Я нашел способ сообщить ей, что лучше подавить свои естественные чувства, чем унижаться до ходатайства у некоторых людей.

[2*] Известно, какая клеветническая афиша появилась в день моего ареста. Но не известно, что мои друзья, видя, что я лишен возможности ответить на нее, сумели, преодолев невероятные трудности, от моего имени распространить противоядие против этой пакости. Я узнаю чувства моих сограждан по тому пылу, с которым они накинулись на афишу-ответ.

По поводу этого небольшого оправдательного сочинения я могу высказать лишь одно сожаление. Я повторяю публике, что это сделано не мной, а моими друзьями. Я их за это искренне благодарю. Но я желал бы, чтобы при использовании отрывка из одного из номеров моей газеты, где упоминается Марат, его имя не было заменено именем Филиппо. Я не вычеркну ни одного слога из того, что я мог написать о Друге народа. Я отнюдь не из тех верующих, что воскуривают фимиам только божеству сего дня. Моя вера стойкая. Я никогда не впадал в идолопоклонство перед Маратом. Я никогда не возжигал, следуя моде, благовоний на его могиле. Я славил его искренне, от сердца, как достойного апостола демократии. Пока я буду существовать, я буду воздавать ему дань уважения, не обращая внимания на кощунства сброда рабов, которые первыми убрали бы свои алтари, если бы их партия потерпела крушение.

[3*] Это верно. Тот приказ, который запрещает мне (и только мне) сноситься с живыми людьми, я никогда не буду рассматривать как применение закона, а только как выражение нелепого каприза деспота. Я его нарушу, разве что я буду лишен этой возможности.

[4*] Я никогда не премину это сделать в любом месте, куда власти угодно будет меня отправить. До заключения в тюрьму я знал, что все тюрьмы населены патриотами. Теперь я в этом убедился воочию. Какой

его безошибочно действующих способов совращения будет соответствовать какой-то статье этой Декларации прав [5*]. Наконец, вы даже будете лишены возможности остановить эти следующие один за другим выпады; ибо, если он прекратит их, народ, хорошо знающий, что это может произойти только потому, что вы отрезали ему язык и связали правую руку или что вы его похоронили живым, стал бы волноваться, тревожиться и спрашивать вас, что вы сделали с его, народа, защитником [6*]. Тогда как, извратив под предлогом *полировки, обтесывания* эту статую Пигмалиона, которую порядочные люди, миллион людей полированных, находят слишком грубой, слишком простой, слишком чуждой тому искусству, которое искажает естественное, вы не встретите больше ничего, что бы вас стесняло, у вас будут развязаны руки. Этот *свод принципов*, вокруг которого сплачиваются все философские умы, все люди строгой нравственности, все честные существа, перестанет тогда быть пугалом, и ничто вас не встревожит, ничто не будет мешать вам править деспотически.

Это — великолепная комбинация, но она всего лишь прекрасная мечта аристократов. Перестаньте заблуждаться, развращенные глупцы, вы никогда не добьетесь уничтожения прав человека. Ломайте дерево, камень, мрамор, рвите пергамент или бумагу, на которых они начертаны, они останутся, эти незыблемые права, они переведены на все языки, они запечатлены в памяти всех людей; они исчезнут лишь вместе с 24-миллионным народом, который 1 млн. богатых никогда не сможет уничтожить.

Ты говоришь, ты, Тибодо [156], *что это плохая манера — спорить, ссылаясь на газеты.* Отсюда следует вывод,

---

трогательной сценой сопровождалось мое прибытие в ту из бастилий, которая расположена на ул. дез Орти. В два часа пополуночи я вхожу в камеру, населенную 20 узниками. Они внезапно пробуждаются: «Это — Бабеф; это — Трибун народа. Это — защитник Декларации прав». Все встают, окружают меня, жалеют меня, жалеют родину, которая теряет сильного противника ее жестоких врагов. С течением времени доброжелательность всех моих товарищей по несчастью не ослабевает. Каждый день я смущаюсь от множества выражений их симпатии. Если тирания пошлет меня в другое место, я уверен, что и там меня ожидают подобные утешения. Пусть она меня изолирует и свяжет мне руки и ноги, я сказал, что ее ждет. Она должна себя чувствовать более стесненной, чем я, и я вкушаю такие утешения, каких ей не дано знать.

5* Такие «способы совращения» надежнее, чем трата 30 тыс. франков на одного жандарма.

6* Я, очевидно, внушаю большое сочувствие, судя по вниманию, которое масса санкюлотов постоянно проявляет по отношению к моей семье. Обладая чувствительной душой, я испытываю удовольствие, выражая здесь свою благодарность всем честным гражданам. Но вы, злодеи, я отнюдь не огорчаюсь тем, что вы содрогаетесь от злобы, видя это. Каков результат всех ваших усилий меня унизить? Это никогда не подействует на народ. Он увидел во мне своего искреннего, своего верного друга, своего лояльного защитника. Это все, что ему нужно. В ваших клеветнических измышлениях он увидит лишь пристрастное озлобление, не ведающее, какие средства применить, чтобы лишить его самых твердых защитников.

что надо предоставить Фрерону свободно заниматься своей заговорщической деятельностью.

Неужели ты не знаешь, что этот ужасный отступник от дела свободы уже очень давно обладает титулом и властью предтечи контрреволюции?

Неужели ты не знаешь, что по какому-то почти необъяснимому волшебству все, что он предлагает, немедленно превращается в закон? Нет, ты не можешь не знать этого, поскольку ты признаешь, что «ты уже давно заметил, что Конституция подвергается нападкам и что во Франции существует антидемократическая партия» [7*].

Итак, раз эта партия существует, с ее интриганскими планами, с направлением и движением заговора надо знакомиться по газете Фрерона; в лице ее автора надо признать их руководителя и вдохновителя. Неважно, изложены ли эти планы мятежа против свободы, против неотчуждаемых, незыблемых прав народа в какой-либо газете или иным способом; важно, что измена существует, и глава заговорщиков, хотя он только пишет, тем не менее крупный изменник. Неважно, изложены ли методы заговора в публичном издании или в тайных записях. Наоборот, открытый мятеж внушает больше смелости сторонникам того, кто является его руководителем. Это позволяет думать, что он очень силен, раз не дает себе даже труда скрываться. Это всего только газета! Но это газета контрреволюционного бесстыдства [8*]. Тем более преступная, что обеспечила себе исключительную привилегию; и как бы широко ни проводить свободу печати, ее плотины прорваны с тех пор, как злоупотребляющая ею партия не предоставляет таких же возможностей противоположной партии. Следовательно, борьба с коварным автором такой газеты вовсе не является недостойной внимания всех друзей родины. Такая газета должна открыть глаза всей Республике. И ты поступаешь трижды правильно, Бентаболь, что не считаешь ниже своего достоинства разоблачать и преследовать ее.

Аплодируя твоему гражданскому мужеству, славный беглец из обманувшей тебя клики, патриоты хотели бы от тебя еще коечего. Было очень хорошо с твоей стороны потребовать, чтобы каждый член сената высказался за сохранение нашей бессмертной хартии. Но следовало настаивать на этом выводе. Что такое это двусмысленное «да», произнесенное большинством в пользу сохранения (Конституции 93 года)? Может ли оно удовлетворить французский народ, созерцающий обсуждение этого щекотливого вопроса? Не увидит ли он, что это «да» как бы вырвано силой

7* «Газета законов», 27 плювиоза.

8* Андре Дюмон обвиняет также наши газеты, т. е. газету Одуена, газету свободных людей, Друга народа и мою, в том, что они контрреволюционны. В определенном смысле это верно. Мы контрреволюционеры с точки зрения правящей клики. Но для тех, кто говорит на подлинно революционном языке, наша контрреволюция и есть революция.

обстоятельств в момент, когда каждый сенатор чувствовал себя прижатым к стене и вынужденным дать объяснения; в момент, когда ни один из них не мог безнаказанно выступить против нашего достойного и возвышенного Общественного договора? Не возрастут ли тревоги французского народа после речи Тибодо, тоже не отказывающего себе в нападках на некоторые статьи Декларации прав. Разве такие оговорки вяжутся с той гарантией, которая якобы была дана Конституции на том же заседании минутой раньше? Можно ли считать гарантией какое-то почти незаметное движение, след которого едва лишь сохранится в газетах? Казалось, более торжественная гарантия была дана на заседании 20-го, когда там было принято постановление, гласящее, что правительственные комитеты будут преследовать тех, кто осмеливается нападать на Декларацию прав и унижать ее. Однако именно в это время Фрерон высмеивал этот в высшей степени справедливый закон и мог его безнаказанно нарушать. На что же после всего этого может рассчитывать народ? И могут ли его тревоги уменьшиться при виде колебаний сената и принятого им на заседании 27-го решения уклониться от поименного высказывания, которое ты, Бентаболь, от него потребовал и необходимость которого диктовалась обстоятельствами?

Все не кончено еще, ты это наверно видишь, Бентаболь. Ты внес важнейшее из предложений. Но ты и твои коллеги-патриоты допустили его провал. Надо иметь мужество возобновить его. Если вы этого не сделаете, то, вместо того чтобы служить Республике, вы повергли бы ее в ужасную растерянность. Это означало бы, что вы лишь предали самой широкой гласности преступное предприятие Фрерона. Получилось бы так, что вы помогли бы ему в его желании поставить под вопрос: должна ли Конституция 93 года рассматриваться как постоянная и не подлежащая пересмотру. Да что я говорю? Вопрос этот поставлен перед лицом Республики главным приспешником контрреволюционного оратора. Не читал я разве этих страшных слов в речи корифея Дюмона[157]: «Вы воображаете, что те, кто вам говорит о Конституции, действительно хотят ее? Нет, если бы она была декретирована, они бы не захотели ее больше... Я требую, чтобы Конвент не соглашался больше, чтобы в его лоне постоянно говорили о Конституции, и оставил без внимания предложение Бентаболя»[9*]. Как могли французы слушать эти еретические высказывания, эти непростительные кощунства, не прийдя в самый неистовый гнев? «Если бы Конституция была декретирована»! Стало быть, правительствующий Дюмон считает, что она не декретирована? Бентаболь, это надо выяснить. Ты не можешь, не вызывая сомнений относительно твоих намерений, вести себя как ни в чем не бывало после того, как ты дал ввергнуть Республику

[9*] «Газета законов», 27 плювиоза.

в столь тяжкие сомнения. Ты должен добиться, чтобы ей торжественно сообщили, есть ли у нее Конституция или нет. Молчание Конвента в ответ на эти странные слова «если бы Конституция была декретирована»!.. его терпимое отношение к тем, кто ее унижает, называя «торопливой мазней», бесформенным и грубым наброском, который надлежит «полировать и обтесывать», приводят народ в пагубное состояние тревоги, и от тебя зависит вывести его из этого состояния. Андре Дюмон не хочет больше, чтобы в Конвенте произносились речи о Конституции. Это достаточное основание для того, чтобы патриоты хотели и желали, чтобы Конвент говорил о ней. А о чем же ему еще говорить? Неужто герой из департамента Сомма способен внушить свободному народу самые нелепые представления? Уж не он ли нам докажет, что, поскольку мы его избрали для участия в выработке для нас Конституции, он не должен больше говорить нам о ней, раз он убедил нас, что она у нас есть, и раз он достиг положения одного из полномочных правителей?

Возобнови атаку, Бентаболь, это необходимо, это главное. Нельзя быть защитником прав человека наполовину. Ты взял на себя этот почетный труд, надо его завершить, надо действовать как трибун народа, надо решиться бороться не на жизнь, а на смерть. Славный беглец, партия наших предателей расстроена твоим побегом. Надо видеть, до какой степени это ее ослабило. Смотри, как пресмыкающийся Фрерон извивается, чтобы заманить тебя обратно. Но оставайся на нашей стороне, ты здесь найдешь больше людей и больше пользы. Клика побеждена, мой друг, она побеждена. Все ее покидают, и вскоре она станет предметом общего презрения. Силы «французской молодежи» уже на исходе. Приспешники Станислава в крайнем изнеможении. Тальен мертв. Имя мясника Лежандра не произносится без того, чтобы в конце фразы не фигурировало имя Маркандье, и все предсказывают, что рассказ последнего в конечном счете обернется для Лежандра плохо. Начинают также предавать гласности подвиги революционера, «маратиста» Дюмона. Когда все эти колоссы пошатнутся, что от них останется?

Гракх Бабеф
Трибун народа, Защитник прав человека

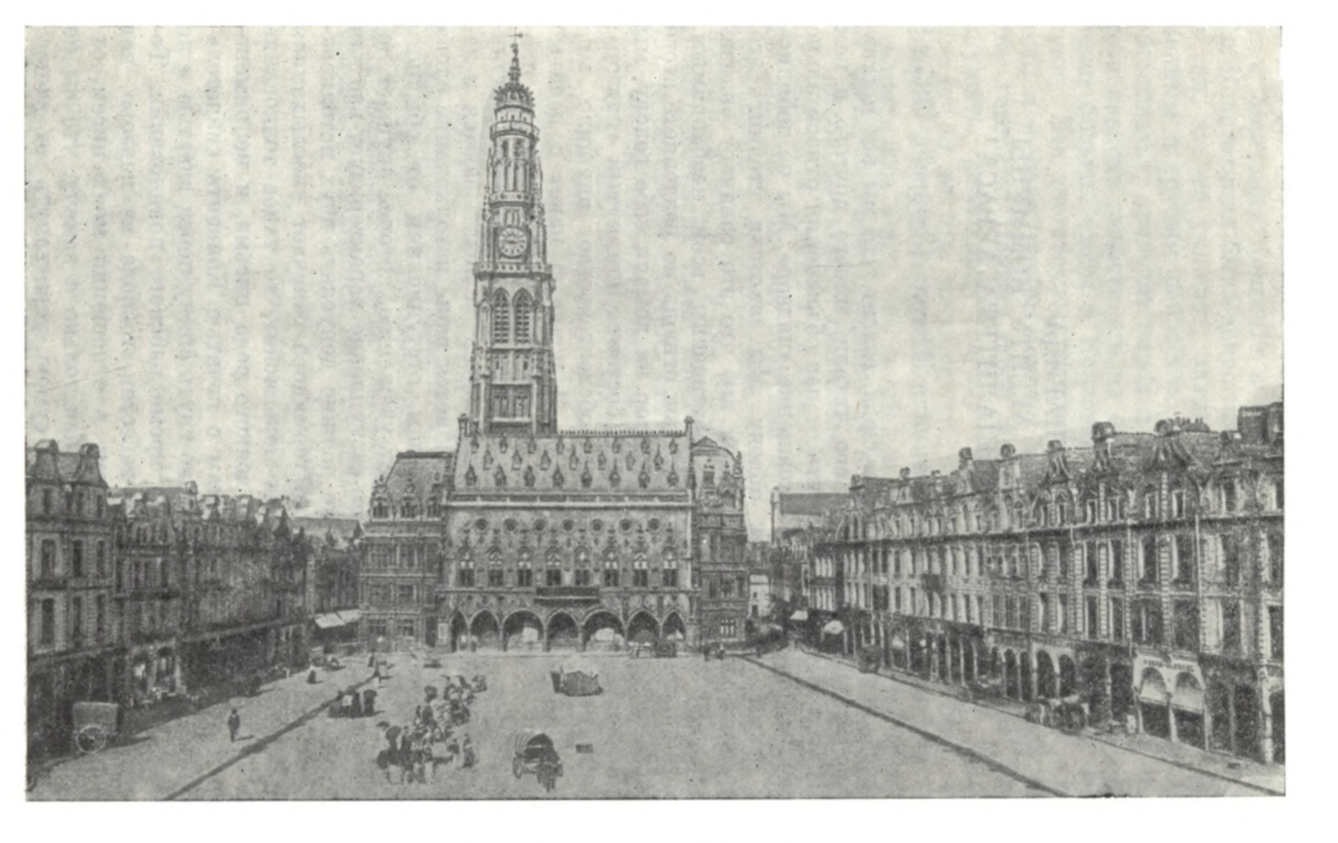
В АРРАССКОЙ ТЮРЬМЕ

ТРИБУН НАРОДА К НАЦИОНАЛЬНОМУ АГЕНТУ КОММУНЫ И ЧЛЕНАМ МУНИЦИПАЛИТЕТА АРРАСА[1]

14 жерминаля III года [3 апреля 1795 г.]

Приказ, коим мы водворены сюда, гласит, что мы все поставлены «под ваш надзор»; мы его читали, ничего другого в нем нет. Мы уже пытались получить от вас объяснения относительно того, как вы понимаете это выражение «надзор». Мы не добились от вас ответа по данному поводу. Мы захотели уточнить это. Мы спросили вас, не считаете ли вы, что это означает «надзирать» за тем, чтобы мы были обеспечены всем необходимым. В ответ вы дали нам понять, что вы отнюдь не разделяете этого мнения. А потому, как мы с тех пор ни ломали себе голову, мы так и не смогли решить, в чем же состоит упомянутый «надзор».

Сегодня одно неожиданное обстоятельство внушило мне мысль, что я понял, в чем дело. Я получаю пакет с печатью Национального конвента, а это со времени моего изгнания первое сообщение, доставленное мне почтою. Ряд признаков заставляет меня думать, что мои письма здесь распечатываются и задерживаются, что в этом и проявляется ваше истолкование слова «надзор»: по-видимому, нынешним отступлением от обычного беззакония я обязан только тому уважению, которое внушает печать Конвента. Уже самое это отступление характеризует вас как рабов. Одно и то же дело не должно допускать двух истолкований. Если «надзор» на языке термидора означает «неслыханная подлость», «нарушение тайны переписки», то такое толкование должно распространяться на всякого рода письма, и неприменение его к одним лишь письмам с печатью Конвента свидетельствует о людях, умеющих только гнуть спину перед властью и не ведающих других принципов, кроме рабского повиновения. Теперь, когда ваш секрет мне известен, господа из надзора, нет смысла действовать по-прежнему в отношении моих писем, откуда бы они ни исходили; ибо, как только я замечу, что вы не отказались от этой практики, я сумею ускользнуть от вашего надзора, пользуясь всегда, как некиим бесценным щитом, печатью Конвента.

Аррас. Вид ратуши (XVI—XVII вв.)

Тиранам пришлось бы плохо, если бы они не были уверены в том, что всегда найдут нужное число услужливых исполнителей их подлых приказов. Наши главные угнетатели захотели отослать меня подальше от Парижа, притом так, чтобы моя жена, мои дети и мои друзья не знали, что со мной сделали. Вследствие неуклонного рвения их подручных моя жена, мои дети и мои друзья пребывали до сих пор в состоянии мучительной тревоги, не имея решительно никаких сведений обо мне. Есть от чего прийти в ярость.

Но если что-то меня утешает, так это то, что преследующая меня власть находится при последнем издыхании... Народ устал от угнетателей... Да и последние признают, что не могут больше нести бремя своей пагубной олигархии... (если так говорят главари-колоссы, то что скажут хрупкие тростинки, их подручные!..). Народ опять занимает ту позицию и берет тот тон, которые ему подобают... Видя, что он переходит в наступление, его неверные агенты трепещут, особенно те, кто свою власть получил не по выбору народа... Скоро они лишатся ее и должны будут дать во всем отчет. Подлинный народ вернет себе свое достоинство, он взыщет со своих магистратов, он восстановит принципы во всей их силе и уже не позволит более их нарушить. С их помощью он приведет как крупных, так и мелких угнетателей к тому ничтожеству, из коего они никогда не должны были выходить.

Г. Бабеф

ПИСЬМО ФУШЕ

Аррас, 19 жерминаля III года Республики
[8 апреля 1795 г.]

Бабеф, Трибун народа
к Фуше из Нанта, Депутату Национального конвента [2]

Большинство людей говорят, что, когда живешь под гнетом тирании и самой подлой инквизиции, благоразумие требует ничего не доверять бумаге. Но те, кто никогда не колеблется между любовью к Родине и чувством самосохранения, те, кто лишь в могиле способен сложить оружие, не так уж внимательно прислушиваются к советам благоразумия. С другой стороны, человек, брошенный в одно из тех странных положений, когда писать — единственная возможность служить великим начинаниям, от которых страстный патриотизм уже не позволяет отказаться, без колебаний прибегает к этому средству. Наконец, когда человеку грозит все, может ли он опасаться еще большего?

Множество причин мешало мне написать моему другу с тех пор, как я в Аррасе. Первым препятствием, которое приходилось преодолеть, было распоряжение, запрещающее мне всякие сноше-

ния с внешним миром; второе заключалось в необходимости удостовериться, что мои письма доставляются тем окольным путем, по которому я их направлял. Рискни я написать тебе раньше, я мог бы тебя скомпрометировать. Затем мы ждали приближения революционного самопожертвования, на которое я возлагал свои самые заветные надежды; затем мы трепетали, читая одну из газет, внушившую нам опасение, что Фуше лично оказался под ударом; за этими страхами последовали другие, вызванные циркулировавшим здесь в течение нескольких дней слухом о принятии обвинительного декрета против 57 монтаньяров. Я свободно вздохнул лишь тогда, когда этот слух был опровергнут.

К тому же я еще занимался кое-какими начатыми ранее трудами, каковые, однако, в связи с последними, достойными сожаления обстоятельствами сейчас совершенно бесполезны и вовсе не ко времени. Похоже на то, что со дня моего ареста какой-то рок преследует все, что я хочу сделать. Мой первый номер 33-й был захвачен варварами в типографии. Я сделал второй в тюрьме Ла-Форс; выйдя оттуда, я его оставил патриотам Изоару, национальному агенту Марсельской коммуны, якобинцу Луа, Фоветти из Оранжа и другим; они обещали мне его напечатать; не думаю, чтобы они это осуществили. Здесь я сделал третий, под заглавием «Письмо Трибуна к Антуанскому предместью и ко всем санкюлотам Парижа» [3]. В него придется внести большие изменения в связи с катастрофой 12 жерминаля. Но это вовсе не значит, что я от него отказываюсь и что я выхожу из игры.

Идеи, которые меня волнуют, а также намерение написать заключительную часть к этому «Письму» побудят меня, мой друг, обменяться с тобой мыслями относительно недавно проигранного нами крупного сражения. Это бедствие может оказаться непоправимым. И ты, и я, да и все патриоты не должны закрывать глаза на то, что нам следует опасаться его последствий. Значит ли это, что мы должны впасть в уныние? Нет. Именно перед лицом великих опасностей раскрываются гений и мужество. К тому же среди всех наших напастей у нас есть и утешения. Говорят, будто нынешние властители решили быть гуманными и не приговаривать больше к смертной казни. Они решили приговаривать к ссылке тех, кого они считают самыми тяжкими преступниками. Что такое ссылка? Это — изгнание, это — почетная проскрипция, это — та кара, которую тираны Римской республики также обрушивали на самых пылких защитников свободы. Но изгнание не всегда убивает. Время меняет ход событий: из изгнания возвращаются, причем возвращаются победно и со славою. Перед нами примеры Цицерона и Павла Эмилия [4].

Подпись: Бабеф

НАЦИОНАЛЬНОМУ АГЕНТУ АРРАССКОЙ КОММУНЫ

Аррас, 29 жерминаля III года [18 апреля 1795 г.]

Гражданин! Исходя из того, что ты сказал от имени Генерального совета, придя к нам вчера утром, я полагал ненужным какое-либо новое ходатайство. Я полагал, что вопрос о нашем снабжении продовольствием улажен.

Наконец, я понял, что если мы будем требовать лишь то, что нам действительно необходимо, нам не придется столкнуться ни с какими умышленными затруднениями. Такое мнение сложилось у нас после беседы с тобой. Эта беседа позволяла думать, что нам остается только договориться с комиссаром Дебюиром и указать ему приблизительно, что представляется нам совершенно для нас необходимым. В соответствии с этим я вручил Дебюиру записку, копию которой прилагаю в конце настоящего письма. Я был крайне удивлен его серьезными замечаниями и пространными комментариями по поводу каждого пункта. На его возражения я дал, как мне кажется, подобающие ответы. Между тем часть затребованных мною вещей прибыла. Но все же нельзя не возмущаться при виде того, на какие бесконечные трудности наталкиваются наши разумные пожелания и что все это делается как бы скрепя сердце, как будто исполнители приказов правительства должны доставлять нам все это за свой счет.

Наши требования скромны. Прежние заключенные Бастилии, к которым мы приравнены почти во всех отношениях, получали больше, не будучи вынужденными просить об этом, а ведь мы ничем не хуже их. Посылаю тебе мое прошение, которое я вчера составил для Генерального совета. Оно вовсе не лишнее в связи с вопросом о расходах, понесенных нами за месяц. Возможно, что оно также понадобится, чтобы выторговать третью трапезу, поскольку мы пока с трудом добились только двух. Две чашки кофе по утрам показались гражданину Дебюиру чем-то весьма из ряда вон выходящим.

Будь мы пьяницами, мы требовали бы другой завтрак. Мы бы попросили лишнюю бутылку вина или несколько пинт водки. По правде говоря, гражданин, чувствуешь себя чрезвычайно неловко, когда приходится серьезно обсуждать подобный вопрос. Читая мое заявление, ты поймешь, как легко было бы при желании сделать очень смешную сатиру в прозе о великих затруднениях и о длительных обсуждениях, потребовавшихся Генеральному совету Аррасской коммуны, чтобы удовлетворить требования двух человек, о которых правительство сказало, что следует представить им то, чего они требуют. Постарайся, гражданин, избавить наконец муниципалитет от нашего дела. Между тем, что мы требуем, и тем, что мы уже получаем, разница не так уж велика. Сделай так, чтобы мы тебе более не докучали.

Привет и братство — Бабеф

Записка граждан Бабефа и Лебуа [5]

Две кровати	есть
Обед и ужин	есть
Завтрак, две чашки кофе или что-либо другое	нет
Свет	нет
Полотенца, кувшин для воды, ночные горшки	нет

ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ [6]

Аррас, арестный дом Боде, 1 прериаля III года Республики
[20 мая 1795 г.]

Гражданин!

Мое имя и мои принципы тебе не безызвестны... Я нахожусь здесь в заключении потому, что поверил статье 7 Декларации прав. Вот уже несколько дней суровость моего заключения весьма смягчилась, поскольку я разделяю его с твоим сыном. Когда, прибыв сюда, он назвал мне свое имя, ты понимаешь, зная мой характер, как горячо я встретил патриота и сына патриота, уже доказавшего свою добродетель, одного из тех, чье имя я давно ношу с большой любовью в своей душе. Мы сразу же стали делить один и тот же стол, одну и ту же кровать и стали неразлучны. Я не хочу льстить тебе, сочиняя панегирик твоему сыну, но я считаю его человеком, говорящим мало и, как это обычно бывает, думающим хорошо, рассуждающим умно и со всей прямотой подлинно республиканского характера.

Сегодняшняя юстиция бьет по нему под таким предлогом, который можно распространить на все, что носит подлинный отпечаток демократического духа. Действительно, этот предлог позволяет охватить многих людей. Но я уверен, что подлинный мотив преследований твоего сына заключается в том именно, что он сын своего отца, чей патриотизм возбудил у тиранов жадное стремление сделать его своею добычей, которую они выпустили лишь с явным сожалением. Тираны не упускают случая наброситься на все, что отмечено патриотизмом и добродетелью.

Я видел твое письмо к сыну, в котором ты советуешь ему быть осторожным и указываешь, что если вы с ним должны умереть за Республику, то пусть это будет по крайней мере с какой-то пользой для нее. Это, несомненно, означает, что в случае подлинной необходимости ты будешь готов пожертвовать собой и призовешь его последовать твоему примеру. Но когда возникнет такая необходимость? Когда мы сами, патриоты, сумеем ее создать. Пора бы уже это сделать, и потому я не могу об этом не думать. Ты сможешь об этом судить по прилагаемому *Проекту*. Настоящее письмо будет продолжением обзора нашего нынешнего плачевного положения, который я в нем набросал. Я всегда буду рад возможности обсудить этот вопрос с людьми, способными слушать с инте-

ресом и пониманием. Не имея возможности обращаться одновременно ко всей Франции, чтобы говорить ей о ее недугах и о способах их исцеления, я выбираю свою аудиторию, и пусть она малочисленна, но по крайней мере я уверен в добрых намерениях тех, кто ее составляет. О, если бы я мог оживить, питать, поддерживать с величайшей свободой священное пламя патриотизма, сделать его столь действенным, чтобы оно вскоре охватило все достойные этого сердца и чтобы оно сожгло, истребило трусливые и развращенные души, способные лишь ползать и преследовать добродетель.

То, что мы видим, заставляет кипеть негодованием наши человеколюбивые и благородные души, все порывы, все желания, все упорные усилия которых имели целью только счастье всех нам подобных. Что стало с первыми плодами наших огромных трудов, с теми плодами, которые сами по себе способны были поддерживать наше горячее стремление увеличить их число? На французский народ пала мерзость запустения. Горстка гадюк и прочих змей жестоко, безжалостно, безнаказанно терзает его чрево; она ведет его к смерти в длительных страданиях самой мучительной из пыток — голода. Боги мести! Существуете ли вы еще? О, нет, это невозможно. Вы не потерпели бы, чтобы преступление торжествовало и чтобы добродетель убивали. Бог рода человеческого — это сам человеческий род. Ну что же, люди! Будьте способны отомстить за нанесенную вам обиду, будьте способны отомстить за весь ваш род, за те гнусные оскорбления, которыми его осыпает горсть подлых злодеев. Сумейте еще раз собрать ваши молнии, низвергните их на эту шайку подлых мерзавцев, угнетающих Землю. Раздавим этих дерзких пигмеев, за которых мы, гиганты, мы, народ-суверен, должны будем краснеть и перед нынешним миром и перед грядущими веками, ибо слишком долго допускали их преступления.

О, друзья, о, вы все, патриоты! У вас, конечно, волосы стали дыбом от сообщений о свирепой резне в Лионе[7]. Но разве вас не охватывала дрожь, разве вы не должны были испытать еще большее негодование при виде обстоятельств, сопровождавших эти ужасные события. Очевидно гнусный Буассе[8] руководил ими, так как 5 флореаля он писал Конвенту, что он об этом предупрежден, но не имеет возможности помешать этому!.. 16 флореаля он снова написал Конвенту, чтобы сообщить, что все кончено, и чтобы всячески оправдывать, даже восхвалять эту жестокую резню!.. Тут же нашлись ораторы, чтобы сразу же после зачтения писем подтвердить перед всем сенатом законность мотивов, обосновывавших эти убийства!.. Чтобы использовать это как повод для жалоб на медлительность трибуналов и их недостаточную строгость в отношении всех патриотов, всех революционеров!.. Чтобы вскоре организовать отправление петиций, устанавливающих, что ссылка никуда не годится, что это слишком мягкое наказание для нас и что без всякого ущерба для нынешней

гуманности пора заняться приготовлением для нас эшафотов!.. В Лионе Буассе принял в театре обращение от молодых щеголей и убийц, нагло похвалявшихся своими преступлениями, призывавших этого депутата продолжать держать их под своей защитой, и они получили от него разрешение напечатать это обращение и разослать его по всем департаментам в качестве сигнала и повсеместного поощрения к таким же действиям.

Неудивительно, что эта свирепая акция уже дала определенные результаты. Мы уже видели письма из Парижа, сообщающие, что в Ниме и в Валансе эти варварские акты были повторены. Теперь, быть может, нечто подобное происходит и в Париже, ибо те же письма сообщают нам, что аналогичные намерения стоят там на повестке дня и что в течение трех дней вокруг арестного дома Плесси собираются толпы людей и угрожающие вопли заставляют заключенных опасаться, что в любой момент они могут пасть от руки трусов, которые и не пытались бы наброситься на нас, если бы мы были в состоянии защищаться. Для меня ярким лучом света стало своеобразное поздравление, недавно мне сделанное одним человеком, занимающим видную должность. Он сказал мне, что я могу быть спокоен и должен считать себя счастливым потому, что место моего заключения Аррас, так как он ручается мне, что в Аррасе никогда не произойдет ничего похожего на то, что было в Лионе. Этот человек, несомненно, коварен; у него к тому же и репутация такая. Я помню выражение его лица, его глаз, он так и сиял. На его лице можно было прочесть, что он упивается совершенным преступлением и питает чудовищную надежду, что омерзительному примеру вскоре последуют повсюду. Истинные мысли этого жалкого человека дают представление о том, к чему стремятся все ему подобные. Они будут удовлетворены лишь тогда, когда увидят нашу братскую могилу, когда осуществят гнусную клятву, содержащуюся в одном из куплетов их подлого «Пробуждения» [9], перебить всех патриотов. Вот почему они одновременно используют все средства для достижения этой преступной цели. Одних морят голодом, других убивают. Они хотят, чтобы никто из вас не ускользнул от них, о, жертвы, заточенные в тысячах бастилий. Вы, кто еще не подвергся заточению, тоже не избежите истребления. Если голод вас пощадит, вас поразит смертоносное железо. Списки подлежащих разоружению будут также списками тех, кто намечен в жертву всесожжению. После резни в местах заключения начнется резня в частных домах. Начнутся сицилийские вечерни [10], в этом не может быть сомнения.

Какие ужасные перспективы открываются перед нами со всех сторон! Я получил сегодня также письмо от моей жены. Вот те грустные слова, которые написаны ее рукою...*

---

* *На этом рукопись обрывается.*

ПИСЬМО ШАРЛЮ ЖЕРМЕНУ [11]

10 термидора III года [28 июля 1795 г.]

Генерал!

Пишу тебе снова, как и обещал в моем первом сегодняшнем письме, адресованном тебе. Целью письма, которое ты прислал мне сегодня утром, было получить от меня более или менее точные сведения, касающиеся создания Комиссии 12-ти. В то время, когда ты мне писал, ты, по-видимому, еще не читал никакого газетного отчета о заседании от 6-го. Но теперь ты, конечно, знаешь об этом столько же, сколько и я. Говоря откровенно, я полагаю, что Комиссия 12-ти создана с той самой целью, о которой сообщает Гилем в пересланном мне тобой письме. А значит не будет слишком самонадеянным ожидать вскоре нашего официального освобождения [12]. Нет необходимости пускаться в долгие дебаты о том, какие соображения продиктовали правительству это решение. Для каждого из его членов роялизм стал тревожной, грозной опасностью. Правительство нуждается в опоре, чтобы создать противовес силе роялизма, а эту опору оно может найти только среди открытых, закаленных, стойких патриотов.

Ну, что же, нам не мешает воспользоваться этим обстоятельством, это тоже ясно. Прежде всего выйдем на свободу; а потом уж мы будем знать, как надо ею воспользоваться. Неважно, придет ли она к нам тем или другим путем. Стало быть, раз мы договорились, что надо стараться получить ее, этим все сказано; после этого мы будем говорить только о том великом деле, которым мы займемся, когда мы ее получим.

Как ты правильно говоришь в письме от 5 термидора, обсуждение того, какими способами достигнуть цели, необходимо и весьма необходимо. Я согласен с тобою, что разъяснить, углубить, согласовать этот вопрос — дело отнюдь не пустое. Я думаю, что ты глубоко проникся нашими идеями и вполне согласен со мною; однако мне кажется, что в некоторых деталях твоя точка зрения отличается от моей. Так как для выполнения каждым из нас своей роли важно, чтобы мы на все смотрели и обо всем судили одинаково, давай объяснимся заранее и согласуем так точно основания нашей доктрины, чтобы никогда не было риска, что между нами может вкрасться раскол.

Это хорошо, что ты предвидишь все те возражения, которые враги рода человеческого не преминут выдвинуть против нашей системы, вернее против системы природы. Излагая эти возражения, ты вместе с тем их опровергаешь. Ты их опровергаешь довольно успешно, однако, на мой взгляд, ты оставляешь некоторые слабые, незащищенные места. Мне кажется, что нашим противникам было бы легко побить нас, если я не приду к тебе на помощь, противопоставив им нечто посильнее того, что ты выдвигаешь против них.

«Вы разрушаете торговлю, вы уничтожаете промышленность, вы утверждаете тунеядство; сельское хозяйство будет заброшено вследствие того, что великая семья окажется перед необходимостью мобилизовать многочисленные фаланги, чтобы завоевать и обеспечить свою независимость» [13]. Таковы возражения, которые ты предвидишь, и я думаю, что в самом деле трудно представить себе другие, заслуживающие того, чтобы их опровергали. Мы сейчас рассмотрим в отдельности каждое из только что изложенных.

«Вы разрушаете торговлю». Конечно, мы разрушаем торговлю, и мы это делаем вполне сознательно. Ты, мой друг, мой дорогой генерал, очень кстати напоминаешь нам о примере Ликурга, который в своей республике тоже разрушил торговлю и объяснил нам, что это — тончайший яд, используемый тиранами для того, чтобы привить порабощенным ими народам пагубное влечение к роскоши и пышности; ты привел нам также пример Тира и Карфагена, павших под бременем собственного величия вследствие крайностей роскоши, изнеженности, похоти и деградации человеческой личности, этих уродливых неизбежных порождений торговли. Но разве не можем мы добавить нечто более убедительное, более наглядное, попросту внимательно и пристально приглядевшись к уязвимым местам торговли, к ее результатам, к тому воздействию, которое она оказывает на большинство граждан, на ее свойство выкачивать пот почти из всех, дабы создавать золотые озера для очень немногих? Сторонники торговли говорят, что она должна все оживлять. Она должна доставлять пищу всем своим агентам, от рабочего, взращивающего и обрабатывающего сырье, до руководителя мануфактуры, управляющего большим производством, и купца, доставляющего готовые изделия в различные точки государства. Да, торговля должна это делать, но она этого не делает. Она должна доставлять пищу всем своим агентам, она должна доставлять ее равными долями, но она доставляет ее очень неравными долями. Я спрашиваю вас, кто такие эти 99 плохо одетых людей из 100, которых я встречаю на улице? Присмотревшись, я замечаю, что все они агенты торговли. Я вижу, что те, кто выращивает лен, коноплю, кто их обрабатывает, равно как и шерсть, кто прядет то и другое, кто делает полотно и ткани, кто обрабатывает кожи, отделывает обувь, почти все сами ходят без рубашки, без платья, без обуви. Я также вижу, что почти во всем нуждаются те, кто своими руками делает мебель, хозяйственные и ремесленные инструменты, строит дома и т. д. Если затем я наблюдаю то незначительное меньшинство, которое ни в чем не нуждается, я вижу, что его составляют все те, кто ни к чему не прикладывает рук, все те, кто только считает, комбинирует и постоянно придает все новые формы весьма старому заговору одной части против целого; я имею в виду тот заговор, посредством которого заставляют работать множество рук, но те, кому эти руки принадлежат, не получают плодов своей работы; эти плоды скап-

ливаются в огромном количестве в руках преступных спекулянтов, следящих за тем, чтобы они расходились только между их сообщниками, умеющими, подобно им самим, обзавестись денежными знаками, справиться с установленными по соглашению между ворами ценами всех вещей и сделать так, чтобы огромное множество рук, из коих все вышло, не могли ничего приобрести, ни к чему дотронуться или получили лишь пышную пену или тощую корочку. Трибун Гракх возмущен до бешенства при виде такого беспорядка. Он также говорит: торговля должна все оживить, она должна доставлять равное пропитание всем своим агентам. Но что же такое торговля? Давайте, определим ее самым точным образом. Разве это не совокупность всех операций по добыванию, обработке и распределению? Поэтому все, кто участвует в одной из этих операций, являются агентами торговли. Почему же первые агенты, те, кто делает работу созидательную, важнейшую, вознаграждаются меньше, чем последние, меньше, например, чем торговцы, занятые самой, на мой взгляд, второстепенной работой, т. е. работой по распределению? О, ответ очень прост. Все дело в том, что последние обманывают, а первые дают себя обманывать. Вот мы и открыли злоупотребления торговли. «Всякий обман должен быть уничтожен», — гласит вечная справедливость. Вот почему уничтожение торговли в том виде, в каком она ныне существует, входит в план Гракха, в этот план, устраняющий всякого рода злоупотребления. Стало быть, ясно, что мы уничтожаем только злоупотребления торговли, а не саму торговлю. Если, как мы сказали, торговцы, купцы — всего лишь агенты распределения, то, когда все работники производства будут отправлять на общий склад продукты своей индивидуальной работы в натуре и агенты распределения, работающие не на себя, а в интересах великой семьи, направят каждому гражданину его равную долю общей массы продуктов всей ассоциации в возмещение всего сделанного для их выработки, тогда, я полагаю, торговля не только не будет уничтожена, но и будет усовершенствована, ибо станет выгодной для всех; только это и есть хорошая торговля, торговля, освобожденная от всех злоупотреблений, выполняющая свое прямое предназначение, состоящее в том, чтобы все оживлять, доставлять равное пропитание всем ее агентам.

«Вы уничтожаете промышленность». С чего вы это взяли? Наши учреждения никого не перемещают, не расстраивают ничего из того, что есть. Все, что ныне делается, будет делаться и впредь, то, что каждый производит, будет производиться и дальше, и теми же лицами. Земледелец останется земледельцем; то же будет и со всеми другими работниками. Вся перемена будет состоять в том, что вместо того, чтобы каждый, как ныне, занимался своим промыслом ради своей малой Республики, все будут заниматься им в пользу большой Республики; вместо того, чтобы быть вынужденным ломать себе голову, придумывая, как бы мне обмануть моих ближних относительно важности выполняемой мной работы,

либо стараясь создать преувеличенное представление о ее ценности, либо присваивая большое количество материалов или рабочих рук, — вместо всего этого я работаю свободно и спокойно, чтобы сделать лишь то, что должен сделать один человек, будучи уверенным: то, что я делаю, доставит мне и моей семье все необходимое; наконец, вместо того, чтобы быть вынужденным обменивать работу моих рук, как в прошлом, на денежные знаки, иной раз превышающие, а в другой раз не достигающие уровня моих повседневных потребностей, я буду обменивать эту работу на все необходимые мне предметы и буду уверен в том, что эта же работа всегда доставит мне все, что мне нужно, даже в те промежутки времени, когда я не смогу работать, а именно: в детстве, во время болезни и в старости, — ибо общество, заинтересованное в том, чтобы быть справедливым, примет на себя обязанность в виде аванса взять меня на иждивение в моем нежном возрасте, во время моей нетрудоспособности, а также в моей старости с тем, чтобы я мог служить обществу в том возрасте, когда я нахожусь в расцвете сил. Где тот безрассудный человек, который сочтет недостаточным поощрением эту гарантию, что ни он, ни его дети никогда не испытают недостатка в чем-либо? Чего же большего можем мы желать от наших нынешних учреждений? Мы, конечно, ненасытны: наши замыслы обогащения не имеют границ, но это происходит потому, что сами наши учреждения таковы, что нет столь огромного состояния, которое не могло бы исчезнуть под воздействием неизбежных случайностей. Мы никогда не уверены в том, что наше потомство и мы сами застрахованы от нужды. Но мы неизбежно ограничим свое тщеславие, когда будем знать, как обуздать судьбу, когда у нас уже не будет больше никакой тревоги ни относительно нашей собственной участи в любую пору жизни, ни относительно участи всех наших потомков.

«Вы утверждаете тунеядство». Наоборот, именно его мы и уничтожаем. Предлагаемое нами равное распределение продукции всех объединенных промыслов основывается на обязательном равенстве вкладов, по крайней мере в той степени, в которой природа наделила каждого либо интеллектуальными, либо физическими способностями. Таким образом, поскольку одним из главных устоев ассоциации является обязательство сотрудничать, дабы иметь право получать, бездельники среди нас не смогут безнаказанно существовать. Закон объявит, что посягать на равенство есть тяжкое преступление и что пытаться получить свою долю, ничего не сделав для того, чтобы ее заработать, столь же серьезное посягательство на равенство, как и попытка получить долю двоих. Никому не будет позволено жить за счет других, в Республике не будет трутней. Совсем нетрудно будет установить за ними наблюдение, которое будет их сдерживать; и, внимательно рассмотрев этот вопрос, я предвижу, что в нашей системе уголовному кодексу не придется предусматривать другие случаи, кроме преступления против равенства, состоящего в нежелании работать; я также

предвижу, что судам не придется карать за другие преступления, кроме этого.

«Сельское хозяйство будет заброшено, вследствие того что великая семья окажется перед необходимостью мобилизовать многочисленные фаланги, чтобы завоевать и обеспечить свою независимость». Я нахожу, что ты достаточно на это ответил одним лишь напоминанием о мобилизации 1,5 млн. человек во Франции. Эта мобилизация вовсе не привела к упадку сельского хозяйства. Чтобы распространять противоположные взгляды, надо быть или злонамеренным, или неспособным усвоить, подобно парижанам, правильные представления о соотношении между численностью сельского населения и числом рабочих рук, необходимым для ведения сельского хозяйства. Людям, обладающим несколько более точными представлениями, известно, что, благодаря применению [сельскохозяйственных машин], таких как плуг и другие вспомогательные орудия, и благодаря тому, что объединение земельных владений в немногих руках привело повсюду к созданию крупных хозяйств, сейчас имеется рабочих рук в 10 раз больше, нежели их требуется для обработки земли, а кто видел и наблюдал деревню до революции, может сказать, сколько он видел людей, пребывающих в томительной праздности. Если бы сохранился старый порядок вещей, то после роспуска всех наших армий это явление повторилось бы, и в еще более устрашающем виде, с еще более катастрофическими признаками, ибо, вернувшись в свои деревни, наши солдаты образовали бы колоссальную массу работников, нуждающихся в занятии, чтобы заработать на жизнь, и не находящих этого занятия вследствие чрезмерной конкуренции.

Итак, нечего бояться, что земледелие будет заброшено. Если бы возникла необходимость произвести два или три набора в армию, то это не было бы даже заметно, так хорошо были бы всегда обработаны наши поля. Я тут ссылаюсь на граждан—земледельцев этого края, я обращаюсь к тем, кто со времени революции наблюдают мою бывшую провинцию, Пикардию, край, который является одной из житниц Франции; я их спрашиваю, кажется ли им, что равнины за последние шесть лет стали менее плодородными, менее покрытыми обильными хлебами, нежели до 1789 г., и видели ли они где-либо хоть одну пядь земли, оставленную в залежи? К тому же, как ты, вероятно, припоминаешь, я в своем плане разработал средства, как примирить в нашем святом предприятии мобилизацию огромных легионов с непрерывным проведением обработки земель: это один из вопросов, которым я уделяю особое внимание.

Ты очень правильно думаешь, и твое мнение точно совпадает с моим, относительно прекращения всякой торговли с нашими соседями на то время, пока не закончится дело обновления. Даже и после его завершения нам вовсе еще не нужно торговли одной нации с другой. Мы, конечно, сами обладаем, как ты это отмечаешь, тем, что нам необходимо, и мы должны быть достаточно

трезвыми и достаточно умеренными в наших желаниях, чтобы уметь обходиться без чужеземных излишеств. Они могли бы возродить у нас вкус к изнеженности и роскоши, и это бы нас опять погубило. Кроме того, государственная торговля могла бы привести к возвращению частной торговли и идей, порождаемых алчностью. Однако, как и ты, я хочу, чтобы мы не изолировались, как волки, от других жителей Европы, я хочу, чтобы мы отнюдь не стали неприступными для них, и я также согласен на то, чтобы они могли приезжать, наслаждаться зрелищем нашего счастья и увозить с собой прекрасное желание подражать нам; все это вопреки тому, что великий народ, одаренный некоторой мудростью, китайцы, дали нам пример знаменитой стены, будто бы не позволяющей иностранным порокам, иностранному властолюбию преступно приближаться к земле, искони являющейся убежищем для многих добродетелей. Но я хотел бы, чтобы мы явили восхищенному созерцанию других народов еще одну добродетель, которая выразилась бы в том, чтобы дать им, исключительно в виде дара, все наши излишки, и с искренним простодушием принять, только в качестве подарка, не требуя его, все, что они захотят нам предложить.

Это, конечно, великая идея — твоя надежда на воодушевление одного человека другим, на внезапное пробуждение к свободе большей части рода человеческого. Но надо еще посмотреть, что осуществимо. То, что ты предлагаешь, было бы осуществимо, если бы было возможно беспрепятственно пропагандировать достаточно продолжительное время, чтобы массе стала совершенно ясной та цель, в достижении которой она заинтересована. Но если бы ты захотел посвятить в это дело всю страну, прежде чем попытаться осуществить наш замысел, ты был бы задержан на первых же шагах теми, кто ныне располагает властью; ты, стало быть, был бы вынужден произвести через своих надежных исполнителей без предварительной подготовки умов в одну ночь, в один час, твой всеобщий пожар[14]. Но твоих надежных исполнителей приняли бы за разбойников, и с ними расправились бы попросту, как с поджигателями. Неважно, что они одновременно распространяли бы наш священный манифест. Его вовсе не стали бы читать, все умы были бы охвачены ужасом. С одной стороны, люди образованные, но чьи интересы враждебны нашей системе, использовали бы волнение, предубеждение, возмущение толпы против вооруженных факелами апостолов, они воспользовались бы этим, чтобы побудить повсюду срывать наш манифест; с другой стороны, непросвещенная толпа, действительно взволнованная только что упомянутыми мною действиями, слишком чуждая новым идеям реформации, особенно такой необычной, как наша, очень мало способная в одно мгновение проникнуться ими, конечно, всецело пошла бы на поводу у врагов равенства, а наш проект, похороненный при самом своем рождении во мраке забвения, оказался бы искаженным наемными предателями, находя-

щимися на службе у сильнейших, и дошел бы до потомства как одна из тех попыток, в которых нелепость и безумие сочетаются с неслыханно жестоким желанием осуществить переворот, разрушающий всякий разумный и справедливый порядок.

Тогда как, я думаю, при том способе, который я предлагаю, а именно поднять на восстание сперва только какой-нибудь небольшой район нашей страны, легче будет заставить местных жителей в короткое время оценить наши принципы, осуществить их там, привлечь там множество людей, которые станут их проповедниками и пропагандистами, и крики энтузиазма, которые они неизбежно вызовут, сразу привлекут на нашу сторону всю округу, и так, постепенно, я надеюсь, наша Вандея будет распространяться от одних к другим достаточно быстро, со всей желательной скоростью, чтобы не приходилось беспокоиться о сохранении и умножении достигнутых успехов и можно было располагать сроком, необходимым для создания временной администрации равенства.

Вот и все по поводу твоего письма от 5 термидора. Во всем изложенном есть, пожалуй, кое-что хорошее. Думаю, что спор, в который ты меня вовлек, заставил меня развить некоторые мысли, имеющие для нашей цели существенное значение, и они могут также быть хорошим материалом для манифеста. Так как это предмет отвлеченный, так как работа у нас не самая легкая, так как лишнего времени у нас не будет, когда надо будет заняться великим делом, и так как, с другой стороны, когда приходится разрабатывать второй раз тот же вопрос, не всегда получается так же удачно, как в первый раз, верни мне это письмо, когда вы с твоим учеником Гуйяром [15] прочтете его.

Ты мне сказал, что из Парижа тебе сообщили о шагах, предпринятых с целью твоего освобождения, и о том, что там на это надеются; мне пишут то же и обо мне. Ты мне говоришь, что, если ты выйдешь ранее меня, то зайдешь получить из моих рук трибуна аграрное крещение [16] и действенную благодать. Принято. Ты меня упрекаешь за глупости в моем письме от 9-го, ты прав. Ты меня пугаешь чернильницей сира Лебуа, у меня хватает веры, чтобы полагать, что тут большой опасности нет. Ты говоришь мне о своем ученике Гуйяре, которого ты с заметным успехом просвещаешь в аграризме, и он обещает привести нам других адептов; скажи ему, чтобы он сам потрудился написать мне об этом поподробнее. Ты мне рассказываешь о некоем неприятном чудаке, апологете великого Лебуа, состоявшем здесь в качестве его конюха, камердинера, парикмахера, банщика, брадобрея: этот лакей, переодетый в почетную одежду солдата, лишь потому столько болтает обо мне, что, когда он однажды имел наглость лечь на мою кровать, не сняв обуви, я, невзирая на свой малый рост, всерьез хотел надавать ему пощечин, во избежание чего он бросился к моим ногам, прося пощады. Наконец, ты мне говоришь о некоем плуте, именуемом Найе. Я в нем разобрался через четверть часа

после того, как впервые увидел его: он санкюлот, если угодно, но я схожусь близко только с людьми нравственными и обладающими здравым смыслом.

Привет в святом Равенстве

Г. Бабеф

БАБЕФ ГРАЖДАНИНУ ЛАНГЛЕ, ПРОКУРОРУ АРРАССКОЙ КОММУНЫ

Аррас, арестный дом, именуемый Бодс,
1 фрюктидора III года Республики [18 августа 1795 г.]

Гражданин!

Я лишь по необходимости докучаю Генеральному совету Коммуны и вам, я доведен до крайности, вынуждающей меня к роли назойливого просителя. Прошу вас довести до сведения Генерального совета следующие обстоятельства: на протяжении примерно трех месяцев ваши тюремные комиссары запрещали нам всякие сообщения, нас, Лебуа и меня, держали в изоляции, отказывая всем в разрешении видеться с нами.

А ведь существует уголовный кодекс, в котором ст. 14 раздела 8 гласит: «Родственники или друзья арестованного, имея на руках приказ муниципального чиновника, *который всегда обязан выдать таковой*, вправе требовать личного свидания с заключенным, и смотритель сможет отклонить это требование только на основании специального приказа Председателя суда или руководителя коллегии присяжных, занесенного в тюремный реестр, о содержании данного заключенного в одиночной камере».

Эти предписания вновь подтверждены в ст. 32 раздела 7 новой Конституции:

«Нельзя отказать в личном свидании с заключенным его родственникам и друзьям, имеющим на руках приказ гражданского чиновника, *который всегда обязан выдать таковой*, если только смотритель или надзиратель не представит постановление судьи, занесенное в тюремный реестр, о содержании арестованного в одиночном заключении».

Я потребовал применения этой статьи, как только она стала известна из газет. Я написал об этом гражданину Дебюиру, и с того дня моя изоляция от внешнего мира сразу прекратилась.

В последнее время гражданин Гонор[17], драгунский лейтенант, ранее находившийся в заключении в бывшем монастыре доминиканцев, а после освобождения пребывавший вследствие недомогания в госпитале Сен-Вааст, попросил и получил от гражданина комиссара Мерсье разрешение посещать меня в течение четырех дней, последний из которых истекал сегодня. Сегодня утром, не знаю, по каким мотивам и на основании какого распоря-

жения, стоящего выше закона, гражданин Гонор не был допущен в мою тюрьму.

На это нарушение я и жалуюсь и прошу вас, гражданин, передать мою жалобу без промедления Совету Коммуны. Я скажу, почему для меня важно видеть гражданина Гонора. Он на днях возвращается в Париж. Он любезно согласился доставить докладные записки, письма, инструкции, чтобы ходатайствовать в мою защиту. Лишать меня возможности свободного общения с ним — это значит лишать меня всяких возможностей представить доказательства моей невиновности и эффективно добиваться своего освобождения. Я убежден, что у Генерального совета отнюдь не может быть таких намерений, я также уверен, что достаточно будет представить ему изложенное выше и он прикажет поступить со мною по справедливости.

Привет и братство

Бабеф

P. S. Отмечу, что столь суровый режим применяется в тюрьме, где мы находимся, только к нам. Ко всем другим заключенным все приходят без пропуска, совершенно свободно.

ПИСЬМО ГЮФФРУА, ДЕПУТАТУ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНВЕНТА[18]

Аррас, арестный дом, именуемый Боде,
9 флореаля III года Республики [28 апреля 1795 г.]

Наши непосредственные отношения давно прекратились. С нашими косвенными отношениями дело обстоит иначе, ибо, как ты понимаешь, я не сомневаюсь в том, что это ты засадил меня сюда. Я никогда не склонялся ни к чьим ногам, и уж, конечно, не начну с тебя. Но я довожу до твоего сведения, что я все же имею желание восстановить между нами некоторую связь. Начать с того, что я в долгу: ты мне однажды написал, а я тебе еще не ответил. Ты сделал больше этого. Письмо, которое ты мне написал, ты напечатал и распорядился распространить его по Парижу в виде афиши[19]. Я не хотел явить всему народу зрелище скандальной борьбы между нами. Я промолчал, и ты с тех пор преследуешь меня молча. Я не буду отрицать, что я первый дал повод твоей злобе. Я откровенно признаю, что у нас с тобой обиды взаимные. Мы, революционеры, усвоили скверную привычку терзать друг друга при малейшем расхождении, которое у нас возникнет. Я говорю, что пора бы освободиться от этого дурного обыкновения, дела в результате пошли бы, пожалуй, лучше. В свое время мы спорили по поводу демократической Конституции 1793 года. Мы с моими сторонниками хотели ее, и мне казалось, что ты и твои сторонники ее не хотите. Сегодня я почти уверен в том, что вы

склонны согласиться с нами. Последняя речь Камбасереса об органических законах [20], мне кажется, прямо утверждает это. Если, случаем, мы согласны, зачем нам спорить? Конвент предложил всем, у кого есть какие-нибудь соображения по существу органических законов и по их совокупности, сообщить их членам комиссии, которой поручена выработка этих законов. Я обдумываю одну работу, посвященную этому вопросу, надеюсь закончить ее через несколько дней и хотел бы прибегнуть к твоему посредничеству для ее представления. Как знать? Ты был честным патриотом, и я хочу думать, что ты можешь и дальше быть таким. Я не считаю невозможным, чтобы мы опять пришли к соглашению делать доброе дело, а ты знаешь, что я всегда стремился к этому. Ты знаешь также, какое влияние на народ я приобрел за последнее время. Ты это знаешь, ибо ты один из тех, кого это влияние больше всего испугало, и вместе с другими членами правительства вы приняли столь серьезные меры, чтобы противодействовать этому влиянию. Если окажется, что ныне правительство хочет идти по правильному пути, если окажется, что между ним и нами возможно соглашение, это влияние, пожалуй, будет не бесполезно. Взвесь эти соображения и используй их по своему усмотрению в ожидании моего ближайшего, более пространного, послания, к которому будет приложена вышеупомянутая работа об органических законах.

Привет и братство

Г. Бабеф

ПИСЬМО ТИБОДО [21]

7 фрюктидора [24 августа 1795 г.]

То, что ты мне сообщаешь о моих явных врагах и об их непреходящем озлоблении, отнюдь меня не удивляет, и почти все это я знал еще до твоего письма. Чтобы получить об этом достаточно ясное представление, надо только подумать обо всех обстоятельствах дела, припомнить людей, сильнее всего уязвленных нанесенными мною ударами, посмотреть, какие посты они занимают сейчас у кормила государственной власти, и взвесить затем силу воздействия личных страстей на тех, для кого эгоизм — почти единственный философский принцип.

Ты мне советуешь молчать: я не нахожу этот совет достаточно разумным. Он диаметрально противоположен советам моей жены и детей, заклинающих меня написать тому-то и тому-то, тем самым людям, кого уязвили высказанные мною слишком резкие истины, чтобы попытаться смягчить их неприязнь. Люди, ничуть не более добродетельные, чем я, с отвращением отказались бы от подобного шага, сочтя его унизительным и повергающим справедливость к ногам преступления. Но я придерживаюсь иных принципов, и эти соображения меня отнюдь не остановят. Уроки про-

шлого достаточно ясно показывали нам, что роль непоколебимой добродетели, взятая на себя героями революции, ее Сиднеями[22], привела лишь к тому, что ускорила их гибель на эшафоте. До самого своего рокового конца они, несомненно, считали себя великими людьми и обладали уверенностью, которую я не могу оспаривать, что беспристрастная история, воздав должное уважение их памяти, щедро вознаградит их тем самым за несправедливость их современников. Но только это утешение они и могли извлечь из своей тщеславной добродетели. Напрасно старались они предстать перед окружающими в виде праведников и людей, совесть которых вполне чиста: на массы это не произвело никакого впечатления; их почитателями было лишь небольшое число мудрецов, а также людей, обладающих как честностью, так и проницательностью. Но этот противовес не был достаточно мощным, чтобы смутить негодяев, которые их убивали. Наглость этих последних только возросла от этого, что и ускорило их гибель, а энергия, мудрость — все драгоценные качества этих достойных уважения жертв были погребены вместе с ними и навсегда потеряны для человечества. Если бы они избрали не столь ясный и откровенный образ действий, они могли бы отсрочить свою смерть или даже вовсе избежать ее и оказать еще немало услуг своим согражданам. Когда у власти находятся мерзавцы, сама добродетель должна скрывать свое лицо; ее наиболее верные последователи должны хитрить, имея дело с лицемерами и жуликами; иначе первые никогда не смогли бы ничего противопоставить торжеству преступления, и оно постоянно одерживало бы верх над добродетелью. Эти принципы, или, если угодно, этот макиавеллизм правого дела, объясняют в мою пользу все то, что на первый взгляд могло бы показаться трусостью в поведении философа, выдававшего себя за человека очень строгих правил. Они показывают, что́ именно должны будут думать обо мне все порядочные люди, даже если они увидят меня распростертым у ног самой гнусной подлости. Во все времена они послужат к тому, чтобы оправдать меня от ложных или злостных истолкований некоторых из моих поступков.

Совет моей жены и моего сына продиктован супружеской, материнской и сыновней любовью, продиктован их положением; вполне естественно, что их совет отвечает их самым заветным желаниям, он дает им надежду вскоре увидеть меня. Изо всего высказанного ты можешь видеть, что я отнюдь не закрываю глаза на одну из главных трудностей — необходимость оказаться в положении униженного просителя перед людьми, которых я презираю и ненавижу. В моем письме к Гюффруа, вслед за которым я послал к нему свою жену, в письме, которое я почти буквально воспроизведу в набросках писем к Фрерону, Тальену, Изабо ...* (я предварительно покажу их тебе); в этом письме, говорю

* *Одно имя прочесть не удалось.*

я, я не только изображаю себя смиренным просителем, но и притворяюсь человеком, отрекшимся от своих идеалов, и дохожу даже до того, что, терзая свое воображение, излагаю, быть может даже несколько по-новому, идеи, которые по видимости оправдывают современную политическую систему. Ты это увидишь и, несомненно, втихомолку над этим посмеешься. Но вот вопрос: будут ли эти люди столь добры, чтобы позволить мне обвести их вокруг пальца? Не показал ли я себя человеком слишком добродетельным, чтобы они поверили в мою испорченность? Прием, который встретила моя жена у Ружиффа[23], подтверждает мои печальные предположения, хотя причиной его может быть и то, что Ружифф слишком занят своими личными делами, чтобы думать о других.

Ты советуешь мне молчать, но до каких же пор? Как ты, вероятно, догадываешься, мне уже очень надоела жизнь взаперти. Когда я задаю тебе вопрос, доколе молчать, я знаю, что ты, как и я, не можешь на него ответить. И я вспоминаю твое письмо, в котором ты сам говорил мне: кто может трезво разобраться в подобном хаосе, в этом нагромождении мерзостей? У кого хватит дерзости судить о его последствиях?

Но я хочу сказать, что в этой туманной неопределенности, в этой робкой неуверенности, которые в первую очередь позволяют предположить, что власть надолго сохранится в руках тех же людей *... и на этой глубокой усталости и глубокой степени истощения и порабощения народа; и на прочности, а также поистине изобретательной и запутанной сложности последнего здания тирании; и на острой нехватке людей, достаточно отважных, достаточно превосходящих остальных величием характера и силой воображения, чтобы осмелиться вступить в бой с колоссом угнетения, которому удалось возвыситься вопреки всем препятствиям и который утвердился, несмотря на мужество, просвещение и все великие добродетели, которые принесла с собой революция...** я хочу сказать, что в этом отчаянном положении я почти ничего не выигрываю благодаря терпению, и вот почему я чувствую сильный соблазн рискнуть и отправить сейчас мой «курс двуличия» монархам, которые нами управляют.

* *Обрыв з тексте.*
** *Обрыв в тексте.*

ТЕРРОРИСТЫ К ФУРОРИСТАМ* АРРАСА

в ответ на сочинение, подписанное Санлюк и озаглавленное: «Дело 19 термидора, или Точное описание притеснений, коим подвергают патриотов Арраса»[24]

15 фрюктидора III года [1 сентября 1795 г.]

> Это она (ассоциация так называемых добрых граждан) громкими криками призывает эмигрантов вернуться и принимает их в свое лоно. Это она составляет проскрипционные списки и обрекает кинжалам, называя «террористами», всех тех, кто служил революции. Это она обдумывает, как в ближайшее время уничтожить всех патриотов и восстановить монархию. Они ссылаются на справедливость и человечность, а сами попирают их (Шенье[25]. Доклад о Лионе. Заседание Конвента от 6 мессидора)

Аристократия, т. е. преступление, имеет своих историков. Если бы патриотизм, т. е. добродетель, не имел своих историков, споры между теми и другими представлялись бы в одном цвете, в том, который выгоден исключительно негодяям. Отомстим за преступления против правды, учиненные неким фурористским ублюдком, одним из тех двуногих чудовищ, которых контрреволюционная накипь выбросила в клоаку так называемых «порядочных людей».

Знаю, что я унижаю себя, поднимая перчатку, брошенную столь подлым бойцом. Но Геракл не считал недостойным пользоваться своею палицей, чтобы убивать пресмыкающихся. В Аррасе разница между членами когорты Иисуса** и членами общества Брута выразится в том, что одни постараются найти такое перо, за которое получают место в бастилиях, а другие, покопавшись в мусоре глупости, найдут жалкого писаку, способного лишь переносить на бумагу вздохи и нежные желания служанок.

Обрушимся с нашей высоты на этого пигмея и его тщедушных подручных, сокрушим одним ударом шайку последних разбойников. Мы придаем этому делу некоторое значение; я полагаю, что оно связано, больше чем можно думать, с насущными интересами республиканцев. Патриоты, проснитесь! Будьте внимательны к тому, что я сейчас скажу. Видите ли вы уже все свои преимущества? Вы нанесли поражение шуанству, и вот оно оглашает весь мир своими жалобами и стенаниями. Что же, когда ваши враги плачут и удручены, вы должны смеяться и быть бодрыми. Элегантные фурористы из Па-де-Кале убедились на опыте, что санкюлот остается санкюлотом, что он не забыл о том, что он — представитель большинства и что оно сильнее. Они убедились,

---

* *Неологизм Бабефа (от fureur — бешенство, злоба, ярость) (Прим. переводчика).*

** *Так назывались реакционные отряды, осуществлявшие белый террор после переворота 9 термидора.*

эти фурористы, в том, что эффект, произведенный их позолотой, галунами и галстуками, был очень кратковременным и что всегда достаточно будет одному нечесаному показать свою бороду, чтобы обратить в бегство десяток щеголей. Народ, ты подобен льву, ты всегда останешься самим собой, ядовитые змеи не смогут приблизиться к тебе, чтобы ужалить тебя, не подвергаясь опасности. Если когда-либо на какое-то время ты притворишься спящим, то это лишь для того, чтобы заманить эти зловредные существа. Они внезапно увидят твое подлинное пробуждение, и это будет для них мгновением их окончательного поражения и твоего вечного триумфа.

Я не только даю здесь опровержение слезливой поэмы в прозе, подписанной Санлюк, я использую ее как повод, чтобы увеличить силы и мужество солдат огромного и неистребимого народного легиона. Однако перейдем к обстоятельствам того, что в сочинении Санлюка называется делом 19 термидора, и обратимся к его причинам, ибо только таким образом можно получить удовлетворительное объяснение результатов.

Бетюн — сын покойного бывшего графа Бетюна; Бетюн — безбородый красавчик, скрывающий за прелестной отроческой внешностью глубочайшую преждевременную извращенность, всю безнравственность старого повесы; этот Бетюн — генерал когорты Иисуса и юных шуанов департамента Па-де-Кале. Не обладая никакими достоинствами или талантами, кроме наглого чванства, желая во чтобы то ни стало противопоставить неприятным, изнеженным манерам двора Антуанетты рыцарскую смелость времен Баяра, сей молодой дворянин после эфемерной победы партии раззолоченных все же довольно успешно исполнял свои обязанности. Правда, он располагал всем, что было нужно для этого. Растрачивая огромное состояние, прокучивая часть его в беспутстве и всех видах разврата, он всегда мог собрать вокруг себя все самое мерзкое и испорченное, что только может породить нравственное разложение.

Поэтому, когда этот паяц-гермафродит обосновался в Аррасе, он вскоре оказался в окружении некоего двора. Папенькины сынки, офицеры, отрекшиеся от республиканизма, образовали его гвардию, несколько солдат, недостойных этого наименования, и штатские без принципов составили его вспомогательный тыловой легион. Он швырял пригоршнями золото или, по крайней мере, ассигнаты этому проституированному войску, получавшему от своего начальника следующие инструкции, которые, впрочем, представляются связанными с некоей общей для всей Республики системой.

Носить множество опознавательных знаков, галунов и зеленых галстуков, дубинки, называемые «бей мошенников», рассеяться по улицам, кафе, кабаре, спектаклям и прочим общественным местам, оскорблять там всех [*пропуск слова*] проявления мнений, сочувственных патриотизму, возбуждать негодование республи-

канцев, доходя до открытого восхваления монархии, и в случае малейшего ропота прибегать к разного рода насильственным действиям в отношении добрых граждан с целью навсегда терроризировать их, в то же время совершенно неправильно обзывая их террористами, — такова была задача, поставленная перед подручными того молодого и благородного генерала, которого мы представили выше.

Его рать и он сам некоторое время пользовались возможностью спокойно и безнаказанно оскорблять все честное и добродетельное. Они остановились лишь тогда, когда мера была превзойдена.

Известно, что было время, когда когорты Иисуса по всей Республике устраивали яростные провокации во время спектаклей в театрах, ставших их владениями, их излюбленными сборными пунктами, распевая там гнусную песню «Пробуждение народа» богачей, народа 1 млн., угнетающего великий народ, насчитывающий 24 млн. Известно также, что подлинный народ в то время под действием некоего общего вдохновения сумел должным образом оценить это подлое и жестокое «Пробуждение» и решил заменить его навеки памятными песнями «Ça ira!» и «Марсельезой».

В Аррасе, как и в других местах, требование исполнить в театрах «Пробуждение аристократов и роялистов», с одной стороны, и «Марсельезу» и «Ça ira!», с другой, стали сигналом для серьезного объяснения между плебеями и патрициями.

Уже в течение многих дней партия модников терпела поражения и должна была отступить, пристыженная своею неудачей.

Наступило 19 термидора — день, когда эта элита человечества, эти сливки общества решили приложить крайние усилия, чтобы унизить мелюзгу, одержать еще одну победу над народной массой.

Бесстыдные самцы и самки выбрали этот день для выставления на всеобщее обозрение всех оттенков зеленого цвета, всевозможных галунов и прочих аксессуаров. Был здесь и юный генерал, облаченный в парадный костюм, его поборники окружали его. Но, с другой стороны, собралась и определенная группа друзей независимости, чтобы противостоять самой прекрасной молодежи в мире. Эта молодежь потребовала исполнения гимна победы привилегий над Равенством. Плебс требовал тех куплетов, которые воспламеняли его воинов героическим пылом и способствовали насаждению свободы на руинах угнетения. Та и другая сторона настаивают на своем, взаимно друг другу угрожают, вскоре начинается драка, но разряженной публике не потребовалось много времени, чтобы узнать, чего стоит оружие, когда оно в руках санкюлотов. Главные силы 1-го батальона обращаются в бегство перед этим оружием, но удалось поймать начальников, т. е. Бетюна и его штаб. Он состоял из Пети, тип[огра]фа, Тарже, младшего лейтенанта 3-го полка конных егерей, и бумагомараки Санлюка. Обстоятельства этого выступления «порядочных людей»

таковы, что совершенно очевидно, что они были трижды виноваты, а террористы десятикратно правы. А потому власти сочли нужным поместить в тюрьму Боде[26] штаб генерала Бетюна и его самого. Подчиненные получили только два-три дня заключения, а их начальнику дали пять дней. Вот и весь сюжет печальной иеремиады, щедро оплаченной Бетюном, который пожелал, чтобы она была составлена в стихах и прозе, и выбрал для этого услужливую и ловкую руку авантюриста Санлюка.

Но надо последовать несколько дальше за этим плакальщиком.

Я обойду молчанием эпитет «головорезы», которым он щедро награждает большинство жителей Арраса; этот варвар так плохо владеет языком, что, я предполагаю, он не знает значения слов.

Он утверждает, что у него вырывали волосы и что его осыпали ударами. Относительно этого я не буду его опровергать. Я видел, как у него вырывали волосы и как ему наносили удары, и я даже убедился в том, что эти чудовища гораздо выносливее обыкновенных людей. Пусть это послужит уроком ему подобным. «Зачем он пошел на эту галеру?»

Затем идет слово «воры», которым он также без всяких оснований награждает граждан Арраса. История с серьгами Пети и с бумажником его самого, Санлюка, причем бумажник, по его собственному утверждению, был ему возвращен, — это столь смешная и неуклюжая ложь, что невозможно, чтобы кто-либо ей поверил. Вдобавок все, кто имел возможность видеть Санлюка, говорят, что у него повадки разбойника. А такие люди воруют, но у них не украдешь.

Затем он говорит о том, какое дурное общество он встретил в Боде: Лебуа, Бабефа и других кровопийц того же рода. Бабеф, который якобы озаглавил свою газету «Трибун народа», приговорен, говорит он, к шести годам заключения. Как плохо осведомлен этот человек! Я не буду отвечать на эту глупость, но я остановлюсь на другом обвинении, которое всего важнее, мне кажется, уничтожить.

«Эти негодяи, — говорит он, — по нашем прибытии предлагали повсюду в тюрьме нарисовать гильотину, их прежнее оружие; мы, не колеблясь стерли в их присутствии изображение этого разрушительного орудия палачей, которых предали смерти».

В действительности эта гильотина была нарисована перед тюрьмой вскоре по прибытии этих господ неким Видье, стрелком 38-й полубригады, шалопаем, выгнанным из этой части спустя несколько дней за нарушения дисциплины. Этот Видье был завсегдатаем трапез и оргий Бетюна и компании во время их заключения в Боде. Мы вряд ли ошибемся, предположив, что его подучили нарисовать гильотину, так как это отвечало какому-то замыслу вдохновителей оргий; но дело не в этом, а в том, что все обстояло как раз наоборот и именно мы уничтожили следы этой милой проделки, даже не будучи к тому призваны штабом Иисуса; ибо, чтобы устранить подобные подозрения на наш счет,

достаточно дать представление о том, как выглядели при своем прибытии в тюрьму эти храбрые и доблестные рыцари.

Можно было подумать, что это четыре сына Эмона, только что потерявшие своего общего коня *. Встреченные нашими шутками и смехом по поводу столь плачевного злоключения, они решили, что попали в страну язычников. Бетюн лепетал, дрожа всем телом, Тарже имел такой вид, как будто его лишили лейтенантского звания, Пети что-то бормотал, Санлюк прятался за спины других. И лишь тогда, когда мы, сжалившись над этими несчастными, доказали им, что шутки, которые нам приписывают, дело рук их пособников, светских людей, они облегченно вздохнули и принялись осыпать нас любезностями, как люди, умеющие себя вести. Они опять почувствовали себя свободно и весело. Они **... одного из своих старых приспешников, Комартена, офицера стрелкового полка, незначительную личность, тратившую 1 тыс. франков в день. Не меньшая сумма была израсходована на протяжении всего времени пребывания в Боде, и, лишь опохмелившись, они подумали об опубликовании своей жалобы.

В ней есть одно последнее замечание, мимо которого нельзя пройти. Описывающий обижается на то, что во время спектакля, когда у них срывали галуны и развязывали галстуки, им кричали, «что при другом режиме хлеб был в изобилии, но, с тех пор как верх одержали щеголи, ничего не стало». Вы слышите, патриоты, как вам вменяют в преступление то, что вы высказываете несомненную истину, которую особенно важно утвердить в вашей памяти? Ну что же, раз эта докучливая жалоба пугает ваших врагов, повторяйте неустанно, что вы находитесь под властью самых жадных спекулянтов и пиявок тирании, каких когда-либо знала история. Подумайте о предстоящих первичных собраниях, вы должны меня понять с одного слова. Отстаивайте те позиции, которые вы уже отбили у достопочтенного миллиона, и, используя тот случай, когда народ на короткое время вернет себе свой суверенитет, сумейте выбрать нескольких новых представителей, которые были бы способны, благодаря своей добродетели, своим дарованиям, своему мужеству и превосходству характера над обыкновенными людьми, свести на нет все усилия, все покушения врагов народа и добиться полного возвращения ему его благоденствия и его свободы.

---

* *См. примечание на стр. 203 настоящего тома.*
** *Текст оборван.*

ОБРАЩЕНИЕ ТРИБУНА НАРОДА К ИНФЕРНАЛЬНОЙ АРМИИ[27]

Вставайте, дети Родины,
Настал день Народа

Аррас, 17 фрюктидора III года Французской республики
[3 сентября 1795 г.]

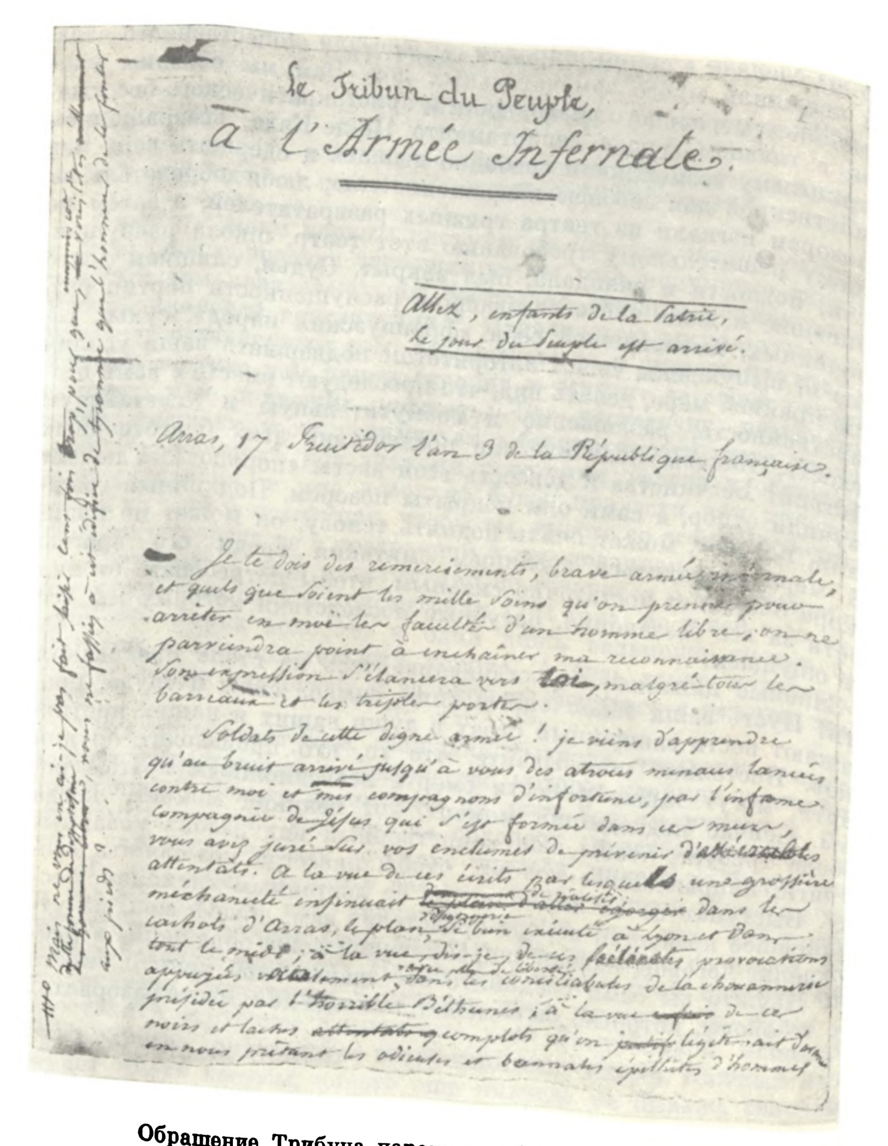
Я должен тебя благодарить, доблестная инфернальная армия, и, вопреки всем усилиям, прилагаемым к тому, чтобы убить во мне способности свободного человека, никому не удастся сковать мое чувство благодарности. Выражение этой благодарности устремится к тебе, невзирая на решетки и тройные двери.

Солдаты этой достойной армии! Я узнал, что, когда до вас дошел слух о свирепых угрозах, брошенных мне и моим товарищам по несчастью гнусной когортой Иисуса, возникшей в стенах этого города, вы поклялись на ваших наковальнях предотвратить эти гнусные покушения. При виде тех печатных изданий, в коих грубая злоба внушала, что надо осуществить и в застенках Арраса план резни, столь удачно выполненный в Лионе и повсюду на Юге; при виде этих мерзких провокаций, еще более открыто поддерживаемых на шуанских сборищах, возглавляемых отвратительным Бетюном; при виде этих грязных и трусливых заговоров, заранее оправдываемых тем, что нам приклеивают гнусные и пошлые эпитеты кровожадных людей, поборников гильотины; при виде того, наконец, что настал момент, когда эти призывы могут осуществиться, ибо к этому устремлены самые пламенные желания раззолоченных чудовищ, как они сами столь выразительно объявили в своем отвратительном гимне:

Устроить великую бойню
Всех этих ужасных каннибалов!..

вы, бойцы инфернальной армии! вы сами дали нам самую решительную гарантию того, что нам нечего опасаться, что под вашим неусыпным надзором мы можем спокойно слушать истошные вопли преступников в зеленых галстуках и что ваши руки, привыкшие гнуть железо, справятся с горсткой дерзких носителей галунов.

Дети Вулкана! Я благодарю вас во имя патриотизма, который мы пламенно защищаем и которому мы жертвуем собой. Только вам было под силу заставить замолчать наглую касту злейших врагов народа. Те, кто своими руками выковывает для наших воинов свободы оружие, которое несет гибель приверженцам тиранов за пределами нашей страны, должны внушить страх и внутренним тиранам. Так циклопы, ковавшие молнии для повелителя богов, одним своим присутствием приводили в ужас презренных пигмеев, бродивших вокруг Этны и по Лемносу.

Le Tribun du Peuple,

à l'Armée Infernale.

Allez, enfants de la Patrie,
le jour du Peuple est arrivé.

Arras, 17 Fructidor l'an 3 de la République française.

Je te dois des remerciements, brave armée infernale, et quels que soient les mille soins qu'on prenne pour arrêter en moi les facultés d'un homme libre, on ne parviendra point à enchaîner ma reconnaissance. Son expression s'élancera vers toi, malgré tous les barreaux et les triples portes.

Soldats de cette digne armée! je viens d'apprendre qu'au bruit arrivé jusqu'à vous des atroces menaces lancées contre moi et mes compagnons d'infortune, par l'infâme compagnie de Jésus qui s'est formée dans ce mur, vous avez juré sur vos enclumes de prévenir d'aussi lâches attentats. A la vue de ces écrits par lesquels une grossière méchanceté insinuait de visites d'égorger dans le cachot d'Arras, le plan si bien exécuté à Lyon et dans tout le midi; à la vue, dis-je, de ces scélérates provocations appuyées [illegible] dans les conciliabules de la chouannerie présidés par l'horrible Béthune; à la vue de ces noirs et lâches complots qu'on légitimait en nous prêtant les odieuses et bannales épithètes d'hommes

Обращение Трибуна народа к инфернальной армии

Нашими голосами свобода поздравляет вас с тем, что вы сделали для отдельных лиц, но она вам еще более благодарна за то, что вы сделали в самом широком смысле для общественного дела. Вы свершили много замечательных дел. Вам мы обязаны уничтожением морального разложения и аристократического бесстыдства в главном городе департамента Па-де-Кале, возвращением патриотизму возможности свободно дышать и одержать верх над убийственной для свободы извращенностью; любя добродетель, вы с позором изгнали из театра грязных развратителей, а затем по вашему решительному требованию этот театр, школа распущенности, подлости и скандала, был закрыт. Судьи, слишком долго терпевшие и даже способствовавшие распущенности партии раззолоченных, именовавшей себя «французский народ», судьи, говорю я, вынуждены своим авторитетом поддержать ваши усилия и, по крайней мере, делать вид, что преследуют вместе с вами безнравственность, разложение и возмутительную и угнетающую наглость. Каковы политические последствия этих благотворных действий? Бесчинства и дерзость всей касты «порядочных людей» получили отпор, а сами они покрыты позором. Подлинный гражданин, патриот, может опять поднять голову, он может по крайней мере насладиться зрелищем смятения среди его врагов. Вскоре он станет достаточно сильным, чтобы потребовать от них ответа за все беззакония, пагубные последствия которых мы все еще ощущаем.

Славные циклопы, не останавливайтесь на столь прекрасном пути! Пусть ваши закопченные лица, символ силы и труда, продолжают нести священный страх в души ваших и наших противников. Постоянно показывайте, что те, кто производит орудия смерти, могут также и нести смерть всевозможным врагам родины. Сейчас подходящий момент, тот великий момент, когда свобода требует, чтобы ваш воинственный вид разбил коварные интриги, направленные к тому, чтобы навсегда похоронить свободу. Выступая от ее имени и под ее достойным знаменем, бесстыднейшее коварство вскоре представит вам, друзья мои, на утверждение договор, навеки закрепляющий ваше обращение в рабство. Неужто вы сами соедините все звенья этой цепи и скуете себе те оковы, которые, быть может, никогда не сумеете разорвать?

ВТОРОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ИНФЕРНАЛЬНОЙ АРМИИ И САНКЮЛОТАМ АРРАСА

18 фрюктидора [4 сентября 1795 г.]

Эпиграф: Нам остаются лишь две альтернативы и т. д. № 11 Робеспьера [28]

В связи с моим первым письмом вы просите, патриоты, чтобы я подробнее обрисовал зловещие черты того монумента тирании, который вам предлагают под бесстыдно лживым наименованием Республиканской конституции [29]. Я полностью воспользуюсь правом, еще оставленным нам, рассмотреть ее и сказать, что мы о ней думаем, прежде чем нация скрепит и освятит ее своей печатью, которую нам надлежит уважать. Вы достаточно независимы, чтобы иметь смелость усомниться в безупречности этого произведения, рожденного под знаками угнетения, голода и общественного разорения, и мне довольно будет привести вам некоторые места из этой конституции, чтобы вы, вместе со всеми свободными людьми, отвергли ее с презрением и негодованием.

Граждане, в этой конституции не говорится о марке серебром, о которой шла речь в Конституции 1791 года; но в ней есть нечто лучшее — марка золотом, и одни лишь вельможи смогут быть избраны в законодательный корпус. А ведь вы-то поднимались 10 августа за равенство, и за него вы боролись в течение шести лет!

По этой конституции, граждане, выходит, что хотят возможно шире распространить то невежество, которое клеймят величайшим презрением. Вашим детям уже не дают больше учителей, оплачиваемых нацией: все, кто не обладает средствами, чтобы платить учителям, ничему не будут учиться, ничего не будут знать.

По этой конституции у вас нет одного короля, у вас их пять, и только один из них меняется каждые пять лет. Эта пятерка именуется исполнительной властью. Ее назначит не народ, а законодательный корпус [30]. Каждый из членов этой пятерки будет по очереди диктатором в течение трех месяцев. Он будет осуществлять верховное управление всей Республикой, исполнение всех законов, руководство вооруженными силами. Каждый король будет иметь костюм, какого еще никогда не бывало, гвардейцев в своей свите, национальный дворец и великолепное жалованье (так прямо и сказано в Конституционном акте). О, святое равенство 1793 года, где твои остатки!

По этой конституции вы будете иметь также в каждом департаменте вместо администраторов пять интендантов *.

По этой конституции ваш нынешний сенат вскоре станет не-

* *Интендант — глава провинциальной администрации при старом режиме.*

сменяемым, ваши предыдущие законодатели остаются, они продлевают почти неограниченно свои полномочия, поскольку каждые два года только треть из них уходит, но и эта треть может быть переизбрана[31], а всем известно, к чему приводит длительное пребывание на постах главных носителей власти.

По этой конституции у вас будут две палаты — верхняя и нижняя, палата пэров и палата общин. Отныне народ уже не будет утверждать законы; верхняя палата будет обладать правом вето. С таким же успехом можно было оставить его совету при Людовике XVI.

Таковы, республиканцы, некоторые из ужасных пятен, из убийственных для народа мерзостей этого проекта, который вам предлагают под названием свободной конституции. Если бы мы захотели перечислить все его уродства, потребовалась бы другая, бóльшая, работа. Но и того, что я вам указал, более чем достаточно, чтобы такие враги любой формы деспотизма, как вы, почтили это сооружение тирании одним только образом, — поправ его.

13 ВАНДЕМЬЕРА

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ-РЕСПУБЛИКАНЦЫ ГРАЖДАНИНУ АЛИ, НАЧАЛЬНИКУ ТЮРЬМЫ ПЛЕССИ [1]

Плесси, 13 вандемьера IV года Республики
[5 октября 1795 г.]

Гражданин, мы слышим призыв набата, и мы вправе испытывать живейшую тревогу в момент, когда решается, возможно, судьба и национального представительства, и Республики [2]. Заключенные-республиканцы живейшим образом в них заинтересованы. Если Конвенту грозит опасность, они готовы соорудить вокруг него защитный вал из своих тел, чтобы сражаться, умереть или победить рядом с народными представителями.

Вполне законное возбуждение, царящее среди заключенных, вызывает у них настоятельную потребность осведомиться об истинном положении дел и получить верную информацию, которая или успокоит их, устранив причины для волнений, или оправдает их твердую решимость пожертвовать собой для защиты Конвента.

Исходя из этих побуждений, заключенные-республиканцы посылают к тебе шестерых, из которых трое в сопровождении надзирателей или охраны должны отправиться в правительственные комитеты, чтобы выразить волю патриотов, мужество которых сковано в тюрьмах, и дать своим товарищам точный отчет о положении дел в Париже, о степени безопасности Конвента и о намерении правительства отказать нам или пойти навстречу нашим желаниям.

Мы не сомневаемся в том, что наш образ действий, столь похвальный сам по себе и вызванный критическими обстоятельствами, которые мы переживаем, не встретит ни малейшего возражения с твоей стороны. В противном случае на твои плечи легла бы слишком тяжелая ответственность.

Plessis, 13 Vendémiaire l'an 4e de la République.

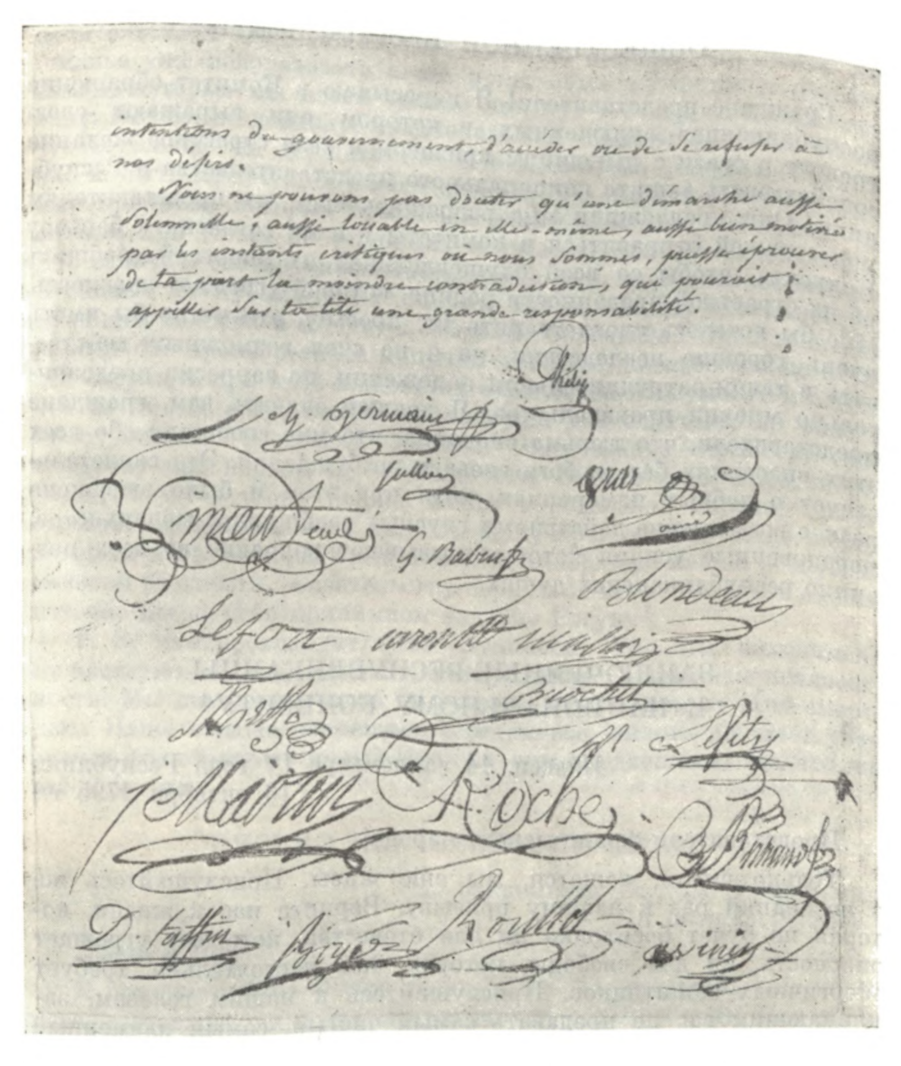
Les détenus républicains au C.en Haly, Concierge de la maison d'arrêt du Plessis.

Nous entendons dans ce moment, Citoyen, battre la générale, et nous avons droit de concevoir les plus vives allarmes quand une crise extrême peut-être décider du sort et de la représentation nationale et de la République. Les détenus républicains sont essentiellement liés à ces grands intérêts. Si la Convention était menacée, leur dessein est de voler auprès d'elle, pour lui faire un rempart de leurs corps, et pour combattre et vaincre ou mourir avec les Députés du peuple.

L'agitation trop légitime, qui règne parmi les détenus, leur fait éprouver l'impérieux besoin de connaître le véritable état des choses, et d'avoir un rapport fidèle qui puisse ou calmer leurs appréhensions en détruisant les motifs de leurs inquiétudes, ou justifier leur résolution prononcée de se dévouer à la défense de la Convention.

C'est d'après des considérations aussi puissantes, que les détenus républicains t'envoient six d'entre eux, parmi lesquels trois doivent aller aux Comités de gouvernement, accompagnés de porte-clefs ou de gardes, pour y exprimer le voeu des patriotes dont le courage est enchaîné dans les prisons, et pour venir rendre à leurs camarades un compte exact de la situation actuelle de Paris, de la Convention et de l'état de sûreté ou de danger de la

Первая страница Обращения республиканцев — заключенных тюрьмы Плесси от 13 вандемьера IV года (рукой Бабефа)

intentions du gouvernement, d'accéder ou de se refuser à nos désirs.

Vous ne pourrez pas douter qu'une démarche aussi solennelle, aussi louable en elle-même, aussi bien motivée par les instants critiques où nous sommes, puisse éprouver de ta part la moindre contradiction, qui pourrait appeller sur ta tête une grande responsabilité.

Конец Обращения с подписями заключенных. Среди первых подписавшихся Г. Бабеф, Ш. Жермен, М.-А. Жюльен

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ ПЛЕССИ — ГРАЖДАНАМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ НАРОДА, ЧЛЕНАМ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ [3]

Граждане представители! Я пересылаю в Комитет обращение республиканцев-заключенных, в котором они выражают свою тревогу в связи с нынешним кризисом и свое страстное желание содействовать защите национального представительства и Республики. Они предложили мне разрешить трем их представителям под стражей отправиться в комитеты и с их согласия к барьеру Конвента, чтобы со всей одушевляющей их энергией сообщить об их страстной преданности родине, которой угрожает опасность. Мне бы хотелось удовлетворить эту просьбу, что могло бы иметь очень хорошие последствия, но я не счел возможным действовать в таком затруднительном положении, не запросив предварительно мнения правительства. Я должен заявить вам, граждане представители, что тюрьма спокойна, что мне сообщили обо всех этих опасениях без особого гнева и возбуждения. Это свидетельствует о добрых намерениях, хотя при этом и было выражено резкое возмущение действиями гнусных сообщников монархистов, дерзновенные усилия которых вызывают волнение во всех подлинно республиканских душах.

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ-РЕСПУБЛИКАНЦЫ К НАЦИОНАЛЬНОМУ КОНВЕНТУ [4]

Плесси, 14 вандемьера IV года Республики
[6 октября 1795 г.]

Представители французского народа!

Только чудом, кажется, мы еще живы. Прислушайтесь же в последний раз к нашему призыву. Верните нас к жизни, которая не будет бесплодна ни для отечества, которому угрожает опасность, ни для свободы, которая так настоятельно требует энергичных защитников. Прислушайтесь к нашим голосам, заклинающим вас не предавать самый чистый, самый пламенный патриотизм на муки и позорную смерть, лишая нас возможности отдать свою жизнь в борьбе с врагами нашей страны. Избавьте нас от этого страшного положения, которое ежеминутно открывает перед нами печальную и душераздирающую перспективу пасть беззащитными от подлых ударов гнусных друзей Тарквиния.

Как описать вам ужасы, мучительные тревоги минувшей ночи! Барабаны, набат, пушки, шум сражения, страшная тишина, внезапно их сменившая; невозможность осведомиться о событиях, которые, как мы с трепетом ожидали, могли оказаться роковыми

для свободы, для национального представительства, для наших собратьев по оружию и для всех республиканцев... Такое состояние слишком ужасно, чтобы испытать его еще хоть раз.

В ответ на наше вчерашнее обращение, скрепленное почетным ручательством всех наших собратьев по оружию, вы почти решились уже использовать наши руки, наше мужество и разбить оковы, которые мы несем только потому, что дорого ценим свободу. Ночью, по докладу, предполагалось принять решение о том, чтобы больше не держать нас в бездействии, смертельном для нас и, быть может, для нашей страны. Мы понимаем настоятельные причины, которые помешали этому докладу. Но нужен ли он был при таких не терпящих отлагательства обстоятельствах? Что означает эта медлительность, когда речь идет о вашей защите и защите Республики? Кто же мы такие, что вы отказываетесь от нашей энергии в момент небывалой опасности? Представители народа! Не пренебрегайте кипучим рвением, которое мы не в силах сдержать при виде нынешних опасностей. Подумайте и о том, что случится, если, находясь взаперти, мы очутимся во власти прислужников роялизма, которые беспощадно принесут нас в жертву при первой же возможности. Вместо того чтобы жертвовать нами в угоду подлой мести королевской партии, предоставьте нам возможность пролить нашу кровь за отечество, перед которым мы постоянно преклоняемся; доверьтесь нашей республиканской честности, обязательству вернуться после победы в оковы, которое мы на себя принимаем подобно Регулу [5].

P. S. Что происходит? Что случилось? Где мы находимся? Существуют ли еще Конвент, Республика?.. Страшная неизвестность! Мы находимся здесь на острове, отрезанном от всех смертных. Наша стража запрещает сегодня все, вплоть до газет. Что значат эти странные меры? Что они нам предвещают? На что же мы обречены?

ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОМУ ЛИЦУ [6]

22 вандемьера IV года Республики
[14 октября 1795 г.]

Дорогой друг!

Я пришлю к тебе завтра своего сына. Ты ответишь мне через него, состоялось ли собрание патриотов, о котором ты мне сообщал, — Понса, Гарро, Дюваля, Антонелля, Бассаля, Жюльена, Меолля [7] и др., — и предприняли ли они в Комитете обещанные шаги. Организуй это, если еще не сделано. Наши два депутата явились еще сегодня утром, но обо мне они не подумали. Повидайся с Топино [8] и реши с ним окончательно вопрос о печатании. Повидайся также с Пареном [9] в кафе на ул. Нике, как и со всеми его друзьями, и ежедневно сообщай мне новости. Я на этом заканчиваю, я в плохом настроении, мои мысли путаются, и у меня нет времени объяснить тебе причины этого. Буэн [10] меня торопит [11].

МАНИФЕСТ ПЛЕБЕЕВ

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека, Гракха Бабефа

Проспект

ЦЕЛЬ ОБЩЕСТВА — ВСЕОБЩЕЕ СЧАСТЬЕ. Таков был мой девиз до того, как правительство свободного народа явило в отношении меня навеки памятное доказательство своего уважения к священному праву печати.

Эта цель общества, эта основная истина, мать всех принципов праведного человека, навсегда останется единственным факелом, при свете которого я по-прежнему буду идти вперед, после того как мои оковы разбиты пушками 13 вандемьера и я вновь могу вооружиться своим правдивым пером, служащим делу плебеев.

Цель Французской революции также — всеобщее счастье. Тот почетный труд трибуна, который я имел мужество взять на себя, возлагает на меня высокий долг указать французам путь, способный привести их к этой сладостной цели. Пусть они следуют за мной, и они достигнут ее, вопреки множеству расставленных на этом пути препятствий, вопреки всем козням, интригам и заговорам роялизма и патрициата.

После роковой реакции термидора патрициату и роялизму удалось повернуть народ к противоположной цели — ко всеобщему несчастью. Ныне народ достиг предела. Его положение слишком противоестественно, слишком ужасно. Давно пора положить этому конец. Тот, кто выступает как защитник подлинного народа и как самый беспощадный враг народа раззолоченного, обязан разъяснить 24 млн. угнетенных, как можно противодействовать, как можно продолжать революцию после того, как от нее отрекались, показать, что нет таких сил, какими бы грозными они ни казались, которые могли бы воспрепятствовать достижению истинной цели, единственно справедливой цели, цели всей общественной организации — общего счастья.

Мы тоже кое-что знаем о том, какими средствами приводят в движение людей. Их интересы — лучший рычаг. Последние тираны, организаторы голода, руководители массовых убийств прекрасно это знали. Они всячески внушали народу, что правление свободы — это уродливая химера, что, чем дольше пытались продлить его, тем больше сталкивались с ухищрениями рабства, с го-

лодом, преследованиями, смертью... что, стало быть, все заинтересованы в возвращении режима абсолютной власти. Мы тоже используем личные интересы людей, но мы это сделаем более честно, не столь незаконно, не столь ужасно. Мы докажем всем нашим согражданам, что свобода есть свобода... что Республика может и не быть соединением всех тираний, всех страшных бедствий... что народное правление должно и может обеспечить зажиточность и счастье каждого человека, ненарушимое благоденствие всех членов общества.

Те, кто клевещет на народ, утверждают, что он апатичен, малодушен и, следовательно, быть угнетенным — его неотвратимая судьба. Молчите, глупые властелины! Молчите и вы, подлые рабы! Народ вам докажет, что он отнюдь не беспечен. Он покажет вам окончательно, на что он способен, когда те, кто его просвещает, покажут ему, в чем *благо* революции... когда ему ясно и наглядно объяснят, чем в конечном счете должна все же быть для него эта революция, вопреки всем противодействиям врагов *всеобщего счастья*. Пред вашими изумленными, охваченными ужасом взорами народ обнаружит свое бесстрашие и чудодейственную силу, когда узнает, ради какой важной и величественной цели он это делает... когда узнает, что делает это ради того положения, которое он по праву должен занимать... когда он узнает (сорвем, наконец, все покровы и скажем, в чем *суть*), когда он узнает, что это делается ради того, чтобы гарантировать каждому члену общества *состояние устойчивого благоденствия, достаток для всех*, достаток прочный, не зависящий от бездарности, безнравственности и злой воли правителей... когда он узнает, что можно положить конец тому неустойчивому и всегда бедственному положению, в котором по воле тиранов всех времен томится большинство людей. Ни одна плотина тирании не будет тогда в состоянии противостоять бурному народному потоку, сметающему все на своем пути.

Таково учение, апостолом которого я объявляю себя во всеуслышание. Французы! Свободные и справедливые люди! Приготовьтесь следовать этому новому евангелию; я всегда буду апеллировать к вам, чтобы решить, чиста ли его мораль. Все вы, принявшие мои первые опыты, были слишком благородны и доброжелательны: я в них не изложил вам даже половины истины. Теперь я открою вам великие истины природы. Я обмакну свою дерзновенную кисть в краски исконной справедливости, первозданной правды. Республиканцы Севера и Юга, нет, нет, вы не впадете в уныние. Вы не снизойдете до восстановления короля или какой-либо другой тирании... вы не допустите, чтобы возобладало мнение, будто та или иная форма порабощения необходима для блага и спокойствия народов. Вы отнюдь не утомлены, как утверждают; вы это доказали не так давно. Эти же недавние события показали, что неверно также утверждение, будто вы уже не сильны. Несмотря на гнусные избиения, на

ужасные убийства, вы сохраняете свое превосходство над поборниками рабства. Вы не допустите поэтому, чтобы оно утвердилось в каком бы то ни было виде.

Не колеблясь, объединяйтесь вокруг моего щита. Мое острое копье вовсе не кинжал наемного убийцы, состоящего на жалованье у клики Аппия или у потомков Тарквиния. Что́ в сравнении с нами являют собой эти жалкие бойцы, механически подвизающиеся на общественной арене? Все они подобны продажным гладиаторам, которые ломали копья поочередно за все партии и всегда будут их ломать лишь во имя того, кто им больше заплатит. Что могут сделать против нас эти борцы-пигмеи, эти оруженосцы трона или патрициата? Нет, чтобы драться, подобно Гераклу, не следует быть наемником. Уже ранее говорилось, что я мечу громы. Это потому, что я столь же независим, как повелитель богов. Мне вернули мой колчан, мои стрелы, и из них еще ударят гром и молнии. Я с гордостью ручаюсь за то, что с вами, друзья-патриоты, я сумею стереть в прах, уничтожить в несколько минут и Атласа, и прочих гигантов — всех проповедников и воинов, с таким рвением стремящихся завоевать души на сторону либо раззолоченного миллиона, либо короля Франции и Наварры.

Защитникам народа и самому народу должна быть чужда та дипломатия, претендующая на макиавеллистическую мудрость, та лицемерная политика, подобающая лишь тиранам, к которой прибегают в последнее время патриоты и которая лишила их прекраснейших плодов победы 13 вандемьера. Размышления, основанные на множестве примеров, привели меня к убеждению, что истина должна быть только ясной и неприкрытой. Правду надо говорить всегда, надо предавать ее гласности, осведомлять весь народ о том, что касается его важнейших интересов. Всякие окольные пути, всяческое притворство, всевозможные доверительные беседы в узком кругу или среди так называемых корифеев ведут лишь к удушению энергии, к тому, что общественное мнение блуждает, колеблется, впадает в неуверенность, беспечность и раболепство, а это позволяет тирании беспрепятственно укрепляться. Неизменно руководствуясь убеждением, что ничего великого нельзя достичь иначе, как вместе со всем народом, я полагаю также, что для того, чтобы что-нибудь вместе с ним сделать, необходимо говорить ему обо всем, постоянно показывать ему, *что́ надо делать*, и не столько бояться неудобств гласности, используемых ловкими политиками, сколько полагаться на огромную силу, всегда берущую верх над всяческой политикой... Надо учесть, сколько сил теряется, если оставить общественное мнение в состоянии апатии, без пищи и без цели, и сколько их приобретается, если возбуждать его активность, просвещая его и указывая ему определенную *цель*.

Гракх Бабеф

P. S. Моя газета будет выходить нерегулярно, пять-шесть раз в месяц и даже чаще. Объем номеров отнюдь не будет одинаковым: в зависимости от важности тем и обстоятельств в каждом из них будет больше или меньше страниц. Все разумные читатели поймут, что столь серьезная и зрелая работа не может измеряться аршином и выполняться наспех, подобно тому, как делают свою рутинную работу газетчики, охотящиеся за новостями, и торговцы всякой пустой болтовней.

Подписная плата за три месяца, из расчета пять номеров в месяц, по 32 страницы в каждом, размером in-8^0, составит 125 ливров для Парижа и департаментов. Вследствие огромного и непредвиденного вздорожания материалов и рабочей силы просьба к подписчикам, внесшим ранее меньшую сумму, восполнить ее до 125 ливров, иначе придется высылать им лишь те номера, которые ими оплачены. Если случится, что мы вдруг окажемся в состоянии противодействовать чудовищному разбою, не признающему никаких пределов, то мы обязуемся сделать соответствующую скидку нашим подписчикам.

Просьба к ним не брать квитанций на почте, а вкладывать ассигнаты в свои письма.

Подписка принимается в Париже, у гражданина РОША, ул. Фобур-Оноре, на углу ул. Елисейских Полей, № 29.

34-й номер этой газеты, которая отнюдь не похожа на все другие, вышел в свет 15 брюмера. Он содержит первые очерки тех великих откровений природы, тех ярких красок первоначальной правды и справедливости, которые со времен революции еще не блистали во всей их чистоте перед глазами людей!..

Их живительный блеск должен довершить ее, эту революцию! Он должен положить конец господству преступления, ужасному состоянию нищеты и позора, под которым мы изнываем, и, наконец, утвердить демократию, плебейскую систему, на непоколебимых основаниях.

Одного этого номера, первого после того, как закончилось гнусное преследование его автора, оказалось достаточно, чтобы все газеты, продавшиеся либо роялизму, либо патрициату, либо правительству, уже раструбили на всю Францию имя Трибуна. Это имя достигло ушей всех. Враждебные вопли всех врагов равенства и всеобщего счастья — достаточная похвала тому, кто осмеливается принять звание мстителя за права человека.

Типография Трибуна народа

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека, Гракха Бабефа

№ 34*

Цель общества — всеобщее счастье (Декларация прав человека (1793 г.), стр. 1)

15 брюмера IV года Республики [6 ноября 1795 г.]

О новых намерениях и новых боевых приготовлениях Трибуна народа. — Его взгляд на нынешнее положение вещей. — Убийственная дороговизна, узаконенный страшный разбой, направленный против народа. — Правдивое изображение дурного настроения общества. — Мотивы, побудившие последних тиранов к этому стремиться. — Апатия народа. Ее причины. — Народ привели к убеждению, что республиканский режим во все времена может быть только режимом страшных и непрестанных бедствий. В результате его заставили всерьез желать возвращения господства одного человека. — Избежать подобной участи, воодушевиться, зарядиться новой энергией народ сможет лишь в случае, если дать ему наглядное, подтвержденное опытом доказательство того, что только подлинно республиканское правление принесет ему благосостояние и счастье. — Первые общие соображения относительно этой истины. — Необходимость говорить народу обо всем. Дипломатия и политика — не те средства, с помощью которых можно построить народное государство на его подлинной основе. — Трибун бросает взгляд на недавнее прошлое и на множество цепей, выкованных для народа с тех пор, как он, Трибун,

---

* Мои старые читатели потребуют у меня 33-й номер, который не вышел в свет, потому что был в рукописи захвачен инквизицией, когда меня арестовали. Обещаю безотлагательно вновь напечатать этот номер, он того, пожалуй, заслуживает... Он содержит весьма полный обвинительный акт против термидорианских реакционеров!.. История требует этого. В связи с этим самым 33-м номером будет небесполезно и уместно рассказать здесь один случай, показывающий, как тяжело ему пришлось. Мне удалось его разыскать у типографа, в виде гранок, ускользнувших от внимания сбиров. Когда меня отправляли из Ла-Форс в ссылку в Аррас, я сумел их передать, как величайшую ценность, в руки, которые я считал достойными хранить это. Изоар, бывший прокурор Марсельской коммуны, и слишком хорошо известный Эрон, из коих первый был впоследствии убит в Эксе [1], а второй и поныне прозябает в застенках соседнего с Парижем департамента, были теми, кто принял от меня это доказательство моего доверия. Я не знал, как они с ним поступили. Лишь несколько дней назад я узнал, что сразу после моей отправки они выпустили его столь большим тиражом, что это обошлось им в 2 тыс. франков, но инквизиция, разведав об этом, наложила арест на все это издание, включила его в Индекс, использовала как основание для ссылки издателей... и я, таким образом, оказался безвинной причиной смерти бедного Изоара. О, правление инквизиторов! О, режим бастилий! Сколь гнусны твои подвиги!.. Сколько злодеяний наполнит твои летописи!

был выведен из строя. — Он видит возможность найти пути к спасению лишь в обращении к источнику зол. Он не может говорить о нынешних бедствиях, не вспоминая об их причинах. — Подлинные и величайшие беды всякой нации всегда являются следствием ее внутреннего строя. — Мотив и цель революций вообще и французской в частности. — Война бедных и богатых. — Естественные первоначальные права. — Необходимость, логика вещей, побуждающие восстановить их, когда они слишком искажены. — Пути и способы достижения этого. — Усилия и успехи, достигнутые с 1789 г. вплоть до термидора II года Республики, в деле борьбы за всеобщее счастье — цель общества. — Катастрофа термидора. Ее бедственные последствия. — Стремления всех тех, кто способствовал разорению, голоду и умерщвлению Франции вследствие термидорианской контрреволюции. — Нынешняя эпоха. Вандея по всей Республике. — Доклад о 13 вандемьера. — Заговоры роялистов и патрициев, все еще продолжающиеся. Их силы. План сопротивления и верные средства для победы над ними. — О необходимости научить всех патриотов пользоваться этими средствами. Они заключаются в искреннем союзе всех честных сенаторов с плебейской кастой; в возвращении к принципам добродетели и к народному учению, исповедовавшимся до 9 термидора; в постоянном возвращении к единственному основополагающему принципу всякой справедливой политики: цель общества — всеобщее счастье. — Великий вопрос: какая конституция является конституцией Франции, Конституция 1795 года или Конституция 1793 года? — Доказательства того, что Конвент торжественно запретил провозглашение какой-либо иной конституции, кроме Конституции 1793 года. — Доказательства того, что общее дело и бывший Конвент могут быть спасены только путем восстановления Конституции 1793 года. — Мнимая государственная тайна в письме депутата Армонвилля. Очевидное намерение снова бороться с преступлением путем террора и возродить первооснову добродетели — демократию. — Обращение к солдатам и ко всем французским плебеям. Независимая газета Трибуна должна стать для них объединяющим началом и знаменем, с которым они смогут отныне уверенно двигаться вперед. — Призыв к избранникам народа помочь этому движению. — Обязательство вести народ к земле обетованной.

Трибун народа свободен[2]. Правительство имело глупость отпустить его; посмотрим, куда заведут его последствия этого неосторожного шага *.

---

* Я говорю так только на основании вероятности, почти очевидности, что правительство Конвента, только что окончившее свое существование, и законодательное правительство, только что начавшее свою работу, — это одно и то же, поскольку ими руководят те же люди, та же система, тот же дух.

Как это я сказал, что я свободен? Я не свободен. Я по-прежнему в заточении. Я лишь переменил тюрьму. Я ушел из одной неволи, чтобы самому приговорить себя к другой — добровольной. Эта последняя, я полагаю, хорошо охраняется и недоступна для варваров.

Это самоосуждение было необходимо. Родина хочет, чтобы я ей служил. Она жаждет услышать грозные раскаты моего голоса, разящего преступление, которое ныне стоит у власти, она ждет моих зажигательных речей, способных заставить бесчисленную фалангу угнетенных подняться против угнетения. Я не могу двух слов сказать, не совершив сразу же преступления против тирании. Вчера деспотизм оправдал меня, сегодня я сделался бы его сообщником, если б я не стал преступником в его глазах. Народ Франции! Я никогда не предам тебя. Я померюсь силами со всеми твоими угнетателями. Я открыто объявляю себя в состоянии войны с ними. Новоявленный Ахилл, я хочу один противостоять им... дерзко выдержать, защищенный моей неуязвимостью, все их удары, от первого до последнего. Вы, вспомогательные легионы бесстрашных плебеев! Будьте готовы следовать за мной... пусть ваши бесчисленные ряды образуют грозный фронт, противостоящий горстке правителей-узурпаторов, подлых организаторов ужасного и непрестанного голода, виновников максимальных бедствий, гнусных изобретателей ни с чем не сравнимой системы порабощения — апогея позора и унижения...

Народ! Вздохни... узри, узнай своего вожатого, своего защитника. Преступление господствует!.. Ему предоставлена свобода действий!.. Ты стонешь под игом гнуснейшего рабства!.. И никто не имеет смелости повести тебя на борьбу со всеми этими злодеяниями?.. Твой Трибун без колебаний встанет во главе твоих отрядов. Тот, чей арест ты искренно оплакивал в плювиозе III года, когда другое угнетение еще не смело наносить свои сильные удары *... Тот, в ком тирания видела мощь, равную ее собственной мощи и до такой степени опасную для нее, что, если бы ей не удалось подло захватить этого человека врасплох и заковать его в цепи, она, вероятно, никогда не решилась бы и не смогла бы накинуть петлю на шею Республике; ... тот, наконец, чьей пламенной душе, чьему неизменному мужеству цепи деспотизма дали лишь новую закалку, решительно выступает против слабой банды жалких твоих противников... Звание Трибуна народа признано народом. Его намерения, цели, его неподкупность отнюдь не вызывают подозрений: ни одно из его начинаний не будет дезавуировано. Выходите, властолюбивые тираны, он идет на встречу

* Почти все республиканцы говорят мне, что тогда, видя во мне единственного человека, способного устрашить усмирителей и остановить исполнение их адских замыслов, они по-настоящему плакали горькими слезами, узнав о том, что орда патрициев захватила меня в плен. Есть что-то трогательное в этом сочувствии праведных! Надо признать, что добродетель таит в себе немалое удовлетворение.

с вами. О, могучий гений свободы! Ты сделал так, чтобы преступная власть впала в заблуждение относительно того, кто является мстителем за твое дело. Они не сумели понять, негодяи, всю ту опасность, которая для них заключена в этом звании Трибуна, в этом имени Гракха и в этом возвышенном девизе: цель общества — всеобщее счастье. Они не поняли, что смельчака, окружающего себя подобными эмблемами, следует задушить. Они не поняли... какие безмерные обязательства этот отважный человек принимал на себя перед всем человечеством. Народы Земли! Воспользуйтесь их ошибкой. Глашатай полной и неограниченной истины, которая со времен образования общества еще никогда не была показана вашим восхищенным взорам, он существует; ...он живет ради того, чтобы оживить вас. Ибо в некотором смысле вы умерли... Он вас воскресит. Он сорвет завесу с великих тайн, с помощью которых вас держат в цепях и во мраке, в омерзительном, постыдном состоянии томительного прозябания. Он заставит вас проснуться... проявить энергию, на сей раз спасительную, подлинную, внушительную энергию, не идущую ни в какое сравнение с той, что была проявлена во всех предыдущих ваших движениях... Он поведет вас к счастью... Все нации, слушайте! Особенно ты, французская нация, скорее и внимательнее прислушайся.

Кто эти оптимисты, эти мнимые патриоты, с некоторых пор, после 13 вандемьера, после того как французский сенат был вынужден меньше угнетать плебеев, дабы превратить их в оплот против патрициата, оглушительно кричащие: «Все идет к лучшему в этом лучшем из миров»? Что значит «идет к лучшему»? Я понимаю, что это можно говорить тогда, когда весь народ счастлив. Между тем я не вижу признаков того, чтоб это осуществилось ни в близком, ни в далеком будущем. Все идет хорошо!.. Бездумные льстецы! Разве фунт хлеба не продается по-прежнему по 16 франков, фунт мяса — по 20, фунт масла — по 50, буассо * картофеля — по 60, фунт свечей — по 40, пара башмаков — по 200 франков, отрез сукна на костюм — за 1 тыс. экю, сажень дров — за 1,5 тыс. ливров?.. Где признаки того, что учреждения, узаконившие самый ужасный разбой, самое ужасное удушение плебейского большинства, что эти учреждения можно будет скоро сменить? Где гарантия этого?.. Не в тех ли нескольких паллиативных законах, которые были предложены некоторыми дезертирами из партии угнетенных, нуждавшимися в восстановлении своей популярности для спасения своих голов. Эти незначительные смягчения не могут меня удовлетворить; но я к тому же уверен, что они не будут проведены в жизнь. Да и как это возможно перед лицом достигших nec plus ultra макиавеллевских учреждений, когда создается самое аристократическое правительство, какое когда-либо видели? Когда создается под осквернен-

* *Старинная мера сыпучих тел.*

ным названием республиканских учреждений тройная олигархия, трехпалатный деспотизм с 755 членами[3]? Когда создается... правительственная машина, направляемая бешеной злобой против народа, и возглавляют ее люди, чья жестокая натура заставила их ненавидеть народ с неслыханной силой... и которые позаботились, чтобы проведение в жизнь их неронова кодекса было доверено самым отвратительным, самым бесчеловечным исполнителям?

Увы, эти потуги на веселье, вызванные временными перерывами в ужасных судорогах французского народа, далеко не выражают общих настроений. Те, кто способствовал этому кратковременному забвению общих страданий, безучастны к делу народа и смогли вызвать подъем страстей, но не сердец. Клика льстецов образовалась из людей, сводивших личные счеты с той партией, которую, видимо, хотели свергнуть и которой они приписывали всю вину за перенесенные ими страдания. Что же касается пассивной массы народа, которой не приходилось ни мстить за какие-либо конкретные дела, ни стремиться удовлетворить какие-либо местнические страсти, которая не подвергалась пыткам в застенках, а лишь страдала от голода в своих лачугах; той массы, которая оставалась равнодушной ко всем предлогам, какими пользовались всевозможные группировки для оправдания своих стычек, но с полным основанием раздражалась при виде того, что эти ссоры бесконечно затягиваются и не ведут ни к чему, кроме продления ее изнурительных страданий... так вот, что касается этой массы, бессмысленно и даже опасно дольше умалчивать о том, что она вынуждена говорить: «Что нам до того, что победят те или другие негодяи? И в том и в другом случае мы все равно окажемся под властью преступления. Нам сказали, что республика — это великолепно. Мы этому поверили, поверили до такой степени, что ради нее согласились на сверхъестественные усилия. Опыт не подтвердил этих чудесных обещаний, которыми поработили нашу волю и наши действия. Где же оно, то благо, которое нам принес новый режим? Да ведь он не выдерживает сравнения со старым. Одна ли голова у деспотизма или 700 голов — это все равно деспотизм. Мы на опыте убедились, что тирания короля все же в тысячу раз лучше сенатской тирании... Ну, да! нельзя не испытывать желания сказать это: МЫ ЖИЛИ ГОРАЗДО ЛУЧШЕ ПОД ВЛАСТЬЮ КОРОЛЯ...»

Не будем больше закрывать глаза на то, что именно так сейчас рассуждает и к таким выводам приходит большинство народа, который постоянно обманывают и старательно поддерживают в этом политическом безумии все эмиссары и приспешники честолюбцев и рабов, рассчитывающие на то, что добиться повсеместного провозглашения этого унизительного желания — значит обеспечить его осуществление. И в самом деле, от такого вывода до решения, которое толпа, поощряемая подобным образом в своих устремлениях к тому, что будет ее позором и крайним падением, может принять при первом подходящем случае, при первой воз-

можности, а люди, стоящие у власти, постараются создать и ускорить эту возможность, — расстояние очень коротко.

Поскольку мы сочли должным строго придерживаться правила ничего не скрывать от самих себя, то не надо впредь закрывать глаза на что бы то ни было. Прежде чем говорить о средствах исцеления наших ран, необходимо глубоко исследовать их. Разве не очевидно и не бесспорно для всех, кто не сочтет за труд смотреть на вещи непредвзято, что мы дошли до такого состояния апатии и беспечности, при котором теперь было бы гораздо легче разбудить энергию большинства для восстановления трона Капетов, нежели для укрепления здания Республики в том виде, какой оно сейчас имеет? И если предположить, что существуют два этих течения, и предоставить большинству свободу выбора, я ничуть не сомневаюсь, что верх возьмет движение за восстановление абсолютной власти одного человека.

Ужасное извращение общественной морали! Так ли уж трудно установить его причину? Нет! Достаточно обратиться к событиям недавнего прошлого и вспомнить следующие слова:

«Они всячески внушали народу, что правление свободы — это уродливая химера, что чем дольше пытались продлить его, тем больше сталкивались с ухищрениями рабства, с голодом, преследованиями, смертью... что, стало быть, все заинтересованы в возвращении режима абсолютной власти» (Последний проспект Трибуна).

Что же делать, чтобы остановить поток, готовый прорвать слабые плотины, пока еще защищающие фундамент величественного народного здания от наводнения? Неужели еще надеются поднять дух народа высокопарными словами, абстракциями, различными идеями, в которых больше блеска и пафоса, нежели солидности и истинности? Неужто думают еще, что народ может быть охвачен страстью к воображаемой свободе, к химерическому равенству? Нет, нет, это средство помогло один раз, но теперь оно уже не пригодно. Доверчивый и искренний, народ принял сперва эти возвышенные слова «свобода», «равенство» за то, что они действительно представляют. Но, негодяи! Теперь я к вам обращаюсь... после того как, захватив руководство высоким революционным движением, вы показали народу, что даете этим выражениям значение прямо противоположное указанному в словаре, энтузиазм, который они ранее внушали народу, сменился, в полном соответствии с вашими человеконенавистническими желаниями, равнодушием и даже ненавистью... ваше двуличие не позволяет этим словам вызывать какие-либо иные чувства... Но вы, искренние друзья родины, не думайте, что у вас нет более никаких средств для ее спасения! Мы далеки от такой крайности, и я вам объявляю, что главные, лучшие средства, быть может наиболее действенные, все еще полностью в вашем распоряжении. Они должны были быть пущены в ход в первой же схватке; тогда это не было сделано; надо это сделать сейчас. Это простые сред-

ства. Они сводятся к тому, чтобы раз и навсегда сделать для всех глубоким и неискоренимым убеждением следующую великую истину: *что счастье принадлежит по праву всем людям, что целью их общественного объединения является обеспечить каждому навечно его необходимую долю, что крайне легко основать учреждения, способные установить этот прекрасный порядок, и что этого можно достигнуть только при республиканском правлении.* Мы это докажем. И мы покажем, как сделать, чтобы путь к этой истинной цели, к общественному счастью, не был очень долгим. Тираны, заправляющие всем, используют личные интересы для того, чтобы посредством разных обманов изобразить народную систему в отвратительном виде. «Мы тоже используем личные интересы людей, но для того, чтобы возбудить любовь к этой системе. Но мы используем их более честно, не столь незаконно, не столь ужасно, как делают эти гнусные реформаторы, эти законники-человеконенавистники. Мы докажем всем нашим согражданам, что свобода есть свобода... что Республика может и не быть соединением всех тираний, всех страшных бедствий ... что демократическое правление может и должно обеспечить зажиточность и счастье каждого человека, ненарушимое благоденствие всех членов общества».

Я написал эти слова в Проспекте, предшествовавшем выходу в свет этого номера. Так как я должен был здесь повторить те идеи, которые в этих словах содержатся, я воспроизвожу их буквально, ибо есть мысли, которые хорошо и удачно излагаешь только один раз. Исходя из того же соображения, я, желая развить ту мысль, *что не стоит прибегать к хитрости, когда хочешь делать революцию для вящего блага народа,* опять воспроизвожу со скрупулезной точностью другое место из того же Проспекта:

«Защитникам народа и самому народу должна быть чужда та дипломатия, претендующая на макиавеллистическую мудрость, та лицемерная политика, подобающая лишь тиранам, к которой прибегают в последнее время патриоты и которая лишила их прекраснейших плодов победы 13 вандемьера. Размышления, основанные на множестве примеров, привели меня к убеждению, что истина должна быть только ясной и неприкрытой. Правду надо говорить всегда, надо предавать ее гласности, осведомлять весь народ о том, что касается его важнейших интересов. Всякие окольные пути, всяческое притворство, всевозможные доверительные беседы в узком кругу или среди так называемых корифеев ведут лишь к удушению энергии, к тому, что общественное мнение блуждает, колеблется, впадает в неуверенность, беспечность и раболепство, а это позволяет тирании беспрепятственно укрепляться. Неизменно руководствуясь убеждением, что ничего великого нельзя достичь иначе, как вместе со всем народом, я пола-

гаю также, что для того, чтобы что-нибудь вместе с ним сделать, необходимо говорить ему обо всем, постоянно показывать ему, что надо делать, и не столько бояться неудобств гласности, используемых ловкими политиками, сколько полагаться на огромную силу, всегда берущую верх над всяческой политикой... Надо учесть, сколько сил теряется, если оставить общественное мнение в состоянии апатии, без пищи и без цели, и сколько их приобретается, если возбуждать его активность, просвещая его и указывая ему определенную цель».

Брошу ли я сейчас грустные взоры в прошлое, чтобы, стеная над судьбою моей несчастной родины, созерцать нагромождение цепей, выкованных убийцами свободы с возмутительной поспешностью во время моего гибельного изгнания? О, не будь я выведен из строя трусливой хитростью, не постыдившейся противопоставить свое коварство моей мужественной прямоте, сколько страшных материалов я собрал бы для истории или, вернее, сколько злодеяний я бы пресек, своевременно вызвав законное негодование и энергичное сопротивление всех моих братьев! Оставим до другого раза подробный перечень всех направленных против народа тяжелых преступлений, всех повседневных подлостей, которые я мог бы ярко и полно изобразить за девять месяцев, проведенных мной в тюрьмах и в вынужденной бездеятельности. Вскоре я предприму обзор событий начиная с описания великой эпохи термидора и дам при этом перечень множества злодеяний. Но прежде я должен обратиться к одной гораздо более отдаленной дате. Я не смогу объяснить никаких последствий, не смогу высказать никакого мнения относительно средств исцеления, не исследовав первопричины. Избрав такой путь, я не смогу скоро перейти к сегодняшним делам. Мне очень жаль, что я, таким образом, не удовлетворю тех нетерпеливых читателей, которые во всякой газете ищут только свежих новостей. Рекомендую им для того, чтобы скорее получить удовлетворение, «Journal du Soir», издаваемый Этьеном Фейяном, или «Courrier des Français» продолжателя газеты аббата Понселена [4].

Это злополучное пристрастие к последним новостям немало способствовало отвлечению внимания французов от тех дел, которых им не следовало бы никогда упускать из виду. А совершенно исключительное внимание, которое они имели обыкновение уделять сообщениям о наших успехах или неудачах за рубежом, слишком часто отвлекало их от того, что происходило внутри страны, между тем как это гораздо важнее... Ибо многочисленная нация всегда сильна, и внешние опасности не могут представлять для нее серьезной угрозы. Это доказано на опыте Рима и Франции. Одна одержала верх над заговором всей Европы, другой не устрашился даже нападений всего мира. Но оба с полным основанием боялись внутренних раздоров, недоразумений, междоусобиц их различных сект. У обоих этих народов борьба разгорелась между двумя главными партиями, одна из

которых была заинтересована в сохранении тирании, тогда как счастье другой зависело от свободы. У обоих народов разразилась открытая война между патрициатом и плебсом. В конечном счете в Риме победило богатое меньшинство. И у нас оно близко к победе. Оно предпринимает последние энергичные усилия. Если мы не обратим на это самого серьезного внимания, большинству народа недолго останется жить, все будет непоправимо погублено.

Не будем закрывать глаза на истину. Что такое вообще революция? Что такое, в частности, Французская революция?

Это — открытая война между патрициями и плебеями, между богатыми и бедными [5].

Теперь мы подошли к главному вопросу. Рассмотрим некоторые его стороны.

Когда дурные и несправедливые учреждения доводят нацию до того, что ее большинство оказывается разоренным, униженным, изнемогающим под тяжким бременем; когда существование большинства становится столь мучительным, что оно больше не в состоянии выдержать, тогда обычно и вспыхивает восстание угнетенных против угнетателей. Угнетение, которое испытывают люди, и становится причиной того, что они приходят в движение, трогаются с места, стремясь улучшить свое положение. Естественно возникают мысли о первоначальных правах людей. Их обсуждают, размышляют о том, каковы эти права в естественном состоянии и какими они должны быть при переходе в общественное состояние. Легко соглашаются с тем, что природа создала всех людей равными в правах и потребностях; что это равенство должно быть неотъемлемым и неприкосновенным; что при переходе к общественному состоянию судьба отдельного человека ни в коей мере не должна ухудшаться; что гражданские учреждения не только не должны посягать на общественное счастье, которое возможно только при сохранении этого равенства, но и должны гарантировать его нерушимость.

Рассмотрев таким образом то, что должно бы было быть, перейдем к рассмотрению того, что есть.

Мы обнаруживаем, что большинство членов общества лишены своих прав и нуждаются в самом необходимом. Не требуется долгих исследований, чтобы убедиться: если наиболее здоровая, наиболее трудолюбивая, наиболее многочисленная часть народа нуждается в самом необходимом, то это отнюдь не по вине природы. Природа никогда не бывает неблагодарной, она никогда ни в чем не отказывает всем своим детям... Не ее это вина, если они неправильно распределяют между собой ее дары. Не ее вина, если одни столь преступны и дерзки, что грабят, а другие столь слабы и глупы, что дают себя грабить. Стало быть, ясно, что то, чего не хватает большинству, имеется в и з л и ш к е у меньшинства. Следовательно, это меньшинство образует в государстве касту захватчиков, узурпаторов. Члены этой касты говорят вам, что они доби-

лись ограбления большинства своих братьев законным путем. Но вскоре было обнаружено, что это стало возможно только при помощи ужасных учреждений, утвержденных правительствами. Тогда стали изучать деятельность этих правительств и установили, что они являются сообщниками патрициев-захватчиков. Вскоре с несомненностью выясняется, что ограбление большинства может быть лишь следствием согласованного действия законов, создавших эти учреждения. Эти-то законы и дали возможность горстке людей захватить все. Но в таком случае эти законы не что иное, как страшный кодекс разбоя, они отнюдь не могут легализировать присвоение общих богатств бандой захватчиков, которая исключительно ими распоряжается. Даже не обращаясь к причинам, достаточно рассмотреть следствия. Бесспорно, что если полезнейшая часть нации оказывается лишенной собственности, то такое положение вещей могло быть результатом лишь ряда комбинаций, которые были осуществлены благодаря законам, благоприятствующим стяжанию и честолюбию. Это — человеконенавистнические законы. Они могут уничтожить первоначальный Общественный договор, который естественно гарантировал сохранение, навечно и неизменно, достаточного удовлетворения потребностей всех и всякого члена общества. Стало быть, надо требовать осуществления этой гарантии первоначального договора. Есть две вещи, против которых следует восстать — против законов, утвердивших нарушение первоначального договора, и против последствий этого нарушения. Надо восстановить эти священные учреждения, навсегда обеспечивающие полноту прав и потребностей каждому члену великой семьи.

Можно не сомневаться, что именно таков смысл провозглашенного во Франции в 1789 г. манифеста, содержащего объявление войны. Такова торжественная декларация плебеев патрициям и серьезный пролог восстания и революции.

Эта война плебеев и патрициев, или бедных и богатых, существует не только с того момента, когда ее объявляют. Она извечна, она начинается с тех пор, как общественные учреждения способствуют тому, что одни забирают все, а другим ничего не остается. И до тех пор пока не последует обнародование манифеста, патрициат, по-видимому, почти совсем не опасается плебейского восстания. Богатым кажется, что, делая вид, будто они чувствуют себя в безопасности, и внушая бедным, будто их состояние неизбежно вытекает из законов природы, они создают наилучший барьер против каких-либо начинаний со стороны бедноты. Но, когда восстание провозглашено, борьба принимает острый характер и каждая из борющихся партий использует все средства, чтобы добиться победы.

Плебс ставит себе на службу все добродетели: справедливость, человеколюбие, бескорыстие.

Патрициат призывает к себе на помощь все пороки: хитрость, двуличие, коварство, алчность, надменность, честолюбие.

У великого народа большой процесс между угнетателями и угнетенными разбирается только при посредстве адвокатов. И поскольку известно, что от моральных качеств адвокатов может зависеть, какая партия победит, то при выборе их каждая из партий старается привлечь на свою сторону возможно большее число защитников, способных создать благоприятные для этой партии условия.

В самом деле, если среди депутатов сумма добродетелей превосходит сумму пороков, справедливость должна восторжествовать. Если же сила преступления берет верх над силой справедливости, происходит обратное.

Применяя эти соображения к Французской революции, я нахожу там полную историческую аналогию. Во всех декларациях прав, за исключением Декларации 1795 года, начинают с утверждения первейшего, наиболее важного принципа вечной справедливости: цель общества — всеобщее счастье. Затем многократно повторяют, как необходимое следствие, следующую аксиому: целью революции также является общее счастье, поскольку революция имеет задачей возврат общества к его цели. До определенного времени были сделаны большие шаги и осуществлено значительное и быстрое продвижение к этой цели. Затем началось движение в обратном направлении — против цели общества, против цели революции, к общему несчастью и к счастью только немногих. Уточним, какое это было время. Осмелимся сказать, что, несмотря на все препятствия и сопротивление, революция шла вперед до 9 термидора и что с тех пор она стала отступать.

Скажем ли мы после этой первой крайней дерзости нашего независимого пера, скажем ли мы, что во время катастрофы термидора[6] равновесие добродетелей было нарушено вследствие падения тех из адвокатов народа, в которых можно было бы видеть людей, сильнее всех желавших общего счастья? Мы не нанесем такой обиды сенату 1792 года. Поскольку он был избран самым демократическим образом и плебейской массе, дотоле угнетенной, презираемой, игнорируемой, была при этом предоставлена самая широкая свобода, можно быть уверенным, что она должна была выбрать и выбрала чрезвычайно большое число справедливых и благонамеренных людей. Но надо признать со всей откровенностью: наиболее здоровой части сенаторов не хватало просвещения, ибо бедность того слоя, из которого почти все они вышли, не дала им возможности получить блестящее образование. Однако дух свободы и равенства ввел в их среду некоторых из тех людей, которые чрезвычайно возвышались над другими обширностью своих знаний и своим человеколюбием. Чистота их намерений, соединенная с красноречием, нашла отклик в сердцах всех честных и искренних людей. Сила правды, престиж справедливости обеспечили им огромное влияние на умы всех добродетельных людей. Столь долго игнорируемые, забытые положения об основ-

ных и неотъемлемых правах человека благодаря им приобрели новую жизнь; бесспорность этих положений стала очевидной для всех. Софизмы порока нисколько не задели оснований того монумента общественного счастья, который эти люди восстанавливали.

Но порок рассчитал, что есть единственное средство поколебать эти устои здания всеобщего счастья. Это средство заключалось в том, чтобы уничтожить главных архитекторов. Наблюдая наивность и доверчивость большинства простых рабочих, наши новоявленные Геростраты сказали себе: сколь восхищенно эта толпа созерцает созданный ее руководителями план совершенной демократии, сколь приходит в экстаз от этой теории и с жаром помогает его исполнению... столь же легко будет, как только главные устои храма не будут его больше поддерживать, убедить эту толпу простых исполнителей заметить в нем мнимые недостатки и побудить их собственными руками свергнуть это сооружение, воздвигнутое такой дорогой ценой. Можно использовать один предлог, чтобы сильно умалить его значение. Конечно, опытный садовник, обладающий широким кругозором, понимает, что необходимо беспощадно отсекать все лишние ветви, выкапывать все ядовитые растения, нарушающие порядок на грядках. Наоборот, множество посредственных земледельцев не признают такого рода жертв; некоторое отвращение ко всякому разрушению побуждает их беречь и скопление дичков, которые портят почву, истощают ее. Разве мало у нас таких людей, людей с мелкими идеями, противников возрождения? Мы знаем и в нашем ареопаге таких, которые вполне искренно сожалели об уничтожении этого питомника сорняков, чьи плоды — смертельный яд для зарождающейся демократии. А теперь перейдем от метафоры к действительности. Разве так уж трудно внушить большинству простосердечных сенаторов чувство жалости ко всем контрреволюционерам, сраженным мечом народного правосудия?

В этом и заключалась система, усвоенная перед и после 9 термидора. Уже тогда решили заставить общественное мнение признать, что контрреволюция — это выдумка; что никогда не было никаких врагов народа; что все, кого покарали, как таковых, были несчастными жертвами; что все, кто способствовал их наказанию, были палачами; что народ, одобрявший их казнь, состоял сплошь из людоедов.

Прежде чем перейти к детальному рассмотрению пагубных результатов термидорианской реакции, закончим рассказ о том, как легко она была совершена, изобразив людей, которые ее совершили. Краски для этой картины мы позаимствуем у тех самых людей, которые, сумев правильно оценить значительную часть членов Национального конвента, заставили ее отклониться от правильного пути, а теперь, после того как добились от нее всех актов постыдного предательства, способствовавших их победе, презирают ее, оплевывают и хотят выкинуть, как ненужную старую рухлядь.

Роялисты из первичного собрания секции Лепелетье в одном из своих обращений, посланных до катастрофы вандемьера департаментам и армиям, написали: «В Национальном конвенте есть категория людей, от поведения которых зависит, на чьей стороне будет большинство. Не обладая ни достаточной энергией, чтобы активно участвовать в событиях, ни талантами, необходимыми для того, чтобы правильно судить о них, они дают себя увлечь призывами добродетели и внушениями общественного блага, когда добродетель и любовь к общественному благу обладают влиянием на умы, и позволяют дерзости и преступлению угнетать себя, когда преступление и дерзость объединяют свои силы, чтобы их запугать».

Отвлекаясь от смысла, который вкладывается в такие слова, как «добродетель» и «любовь к общественному благу», «дерзость» и «преступление», мы согласны с роялистами секции Лепелетье.

Да, бараноподобная часть Конвента помогла вырыть ту страшную пропасть, в которую свободная Франция пала, где она томится и блуждает начиная с 9 термидора, потому что эта часть Конвента подпала под влияние дерзости и преступления и позволила себя угнетать.

Я предвижу, что здесь те читатели, которым не терпелось услышать от меня высказывания на тему о наших нынешних затруднениях, могут выразить неудовольствие по поводу того, что я необдуманно нарушаю молчание относительно вопросов, еще окутанных предрассудками. Я отвечаю этим людям, что, прежде чем дойти до конца этого номера, они смогут убедиться: мое длинное предисловие необходимо и невозможно совершить великое благо, не провозгласив предварительно великих истин.

Где найти достаточно черные краски, чтобы изобразить плачевное падение, последовавшее за термидором?.. Выпущенные из тюрем заговорщики занимают все должностные кресла, откуда они изгоняют добродетельных демократов, и отправляют их вместо себя в бастилии... Антинародные заговоры этих врагов свободы преподносятся как безобидные или даже похвальные действия, либо их существование ставится под сомнение... Наказание части виновных изображается как ряд убийств невинных людей.

... Общественное мнение развращается из-за широчайшей свободы, предоставленной проповедникам преступления, в то время как для апостолов справедливости и принципов конституционная гарантия свободы печати становится коварной западней... Республиканская мораль и все правила, наиболее достойные уважения, наиболее охраняющие права народов, оплевываются, высмеиваются, попираются... Правительство стало добычей, послушным и трусливым орудием в руках самой подлой части нации, утопающего в золоте меньшинства, постоянно плетущего заговоры против народа... Простоватые и чересчур бесхитростные сенаторы, ранее участвовавшие в столь великих делах, следуя призывам добродетели и внушениям общест-

венного блага, теперь позорят себя под влиянием дерзости и преступления, разбивая то, что было делом их же рук... Они санкционируют роспуск собраний, осуществлявших народный контроль... Они терпят формирование по всей Республике этих гнусных легионов из сторонников шуанов... Они декретируют амнистию и возвращение эмигрантов, всех предателей, всех заговорщиков... Они возвращают им все их имущества... Таким путем они разоряют большинство нации вследствие упадка доверия к республиканской денежной системе, обеспечение которой сводится на нет... Они нарушают торжественные обещания более чем заслуженного вознаграждения всем защитникам родины... Они сводят на нет прекрасные законы о помощи детям, старикам, калекам, всякого рода неимущим. Они попирают и другой столь популярный закон, карающий за ненасытную жадность и за варварскую злобу. Они допустили организацию самого ужасного и всеобщего голода среди подлинного изобилия... Они покровительствовали фанатизму... Они дали свободу действий роялизму... Они допустили позорное истребление патриотов в тюрьмах и других местах... Наконец, на развалинах кодекса мудрости, продиктованного самим духом свободы, с восторгом утвержденного 24 млн. людей, в шестилетних боях завоевавших закрепленные в нем принципы; на обломках, повторяю, этого общественного договора, отданного на разграбление вандалам, они позволили воздвигнуть новый кодекс, который республиканцы называют чудовищным и который не вполне отвечает вкусам роялистов только потому, что им хотелось бы перейти сразу, без всяких промежуточных ступеней, к сладостному режиму власти одного человека...

Каким оружием пользовались враги народа, чтобы побудить этих чересчур простых людей, облеченных законодательной властью, совершить подобный убийственный переворот? Одной только низкой лестью. Шесть месяцев воскуривания приторного фимиама почти полностью притупили обоняние тех, кого важность выполняемых ими обязанностей должна была бы держать возможно дальше от яда похвал. Тысячи льстивых адресов следовали один за другим, заполняя собой «Бюллетень», и это были исключительно восхваления любого антинародного мероприятия реакции. И этих грубых методов обольщения было достаточно, чтобы всех этих людей, которых я продолжаю обвинять только в наивности, а не в сознательной злой воле, держать в состоянии ослепления до тех пор, пока наши несчастья не дошли до предела.

После того как мы восстановили ход событий, приведших к нашим несчастьям, посмотрим, каковы их результаты как для французского народа, так и для его Национального конвента. Посмотрим, какую награду уготовила сенаторам орда богачей и патрициев за угодливость, с которой они помогли ей организовать общее несчастье. Расскажем, что на самом деле означали

события 13 вандемьера, доклад о которых был представлен комитетами Конвента в столь неполном виде. Опишем это столь замечательное событие нашей революции. Посмотрим, получили ли свое развитие все вытекающие из него следствия. Все это составляет часть нашей главной темы — истории войны богатых и бедных. Все это направлено к выявлению того, что скрывается в душе первых и какой развязки могут ждать народ и те, кто его представлял и представляет, если те и другие не постараются как можно быстрее поставить мощный барьер всем преступным поползновениям. В заключение мы постараемся изложить некоторые соображения относительно средств исцеления.

Они уже не осыпали больше похвалами Конвент, эти коварные враги Республики! Уже достаточно давно, еще до 13 вандемьера, они получили от него все, чего они хотели! .. Больше им от него нечего было ждать! ... Что хотели они с ним сделать? Что уготовили они народу? .. Я не стал бы, подобно Будену[7], черпать улики в той афише Божанси, в которой были следующие слова: «Для обеспечения внутреннего спокойствия Франции нужен король, даже если его трон будет плавать в крови 2 млн. человек; кроме того, Париж должен быть разрушен до основания, а его жители преданы мечу». В свое время я не считал эту афишу такой уж антиреспубликанской. Это была сатира, ядовитая, хотя и грубая. Для того чтобы разобраться в намерениях новой лиги, поднявшейся на завоевание власти, я располагаю другими данными, более надежными и, полагаю, более убедительными.

Речь идет о подлинных сочинениях заговорщиков, в которых они сами полностью себя разоблачили. В них и надо суметь разглядеть то, что указывает, к какой цели направлены их усилия.

Этот разбор обнаруживает шесть намерений, которые народ богачей задумал осуществить одно за другим, чтобы добиться бесповоротного закрепления рабства французского народа:

1. Бесчестный разгон Национального конвента.
2. Захват власти «порядочными людьми».
3. Истребление всех членов Конвента.
4. Истребление 2 млн. активных республиканцев.
5. Торжественное провозглашение монархии и полное восстановление привилегированных сословий старого режима.
6. Низведение остальной части народа, которой милостиво будет сохранена жизнь, к рабству, более страшному, чем любое порабощение, известное нам из анналов всемирной истории.

Мы докажем и подтвердим документами правильность каждого из этих утверждений.

1. Разгон Конвента. Здесь весьма уместно вспомнить басню о вороне и лисице. До тех пор пока батальоны Шаретта и Стофле[8] не были укомплектованы, организованы и приведены в движение во всех 86 департаментах, т. е. до того момента, когда уже не надо было скрывать, что Вандея повсюду имеет связи, постоянно раздавались пошлые комплименты в адрес высокого

сената: «Вы феникс среди жителей сих лесов» [9]. Нельзя не испытывать чувство стыда, вспоминая, с каким дурацким самодовольством принимались эти пошлости. Что их сменило, когда сыр упал? Загляните во все газеты раззолоченной публики: «Le Courrier républicain», «Le Courrier Français», «La Quotidienne», «Le Messager du Soir», «L'Accusateur Public», — вы найдете там на каждой странице такие исполненные учтивости и остроумия эпитеты: «Клика несменяемых, депутатишки Конвента, национальные воры, временщики, бесчестные опекуны, властолюбивые интриганы, свирепые проконсулы, народные деспоты, человеконенавистнический Конвент, тираническая власть, чудовищная и бессовестная, и т. д.» Сей перечень можно было бы дополнить сотней других, столь же крепких выражений, но это потребовало бы слишком большого терпения *.

Люди «комильфо» отлично знали, что этот прием, унижение, есть лучший способ вырвать власть из рук, в которых она еще находится. За этой тактикой скоро последовала другая, где уже не скрывается больше вполне конкретное намерение: «Конвент — старая кокетка, которая должна увидеть в зеркале общественного мнения, что она уже ослабла и одряхлела. Напрасно она обижается, ей пора уйти... еще день-другой, и у тиранов не будет иной защиты, кроме чувства ужаса, внушаемого чудовищем даже тогда, когда оно повержено». Это категорическое заявление одного из главных глашатаев касты раззолоченных, аббата Понселена («Courrier républicain» от 25 фрюктидора), неоднократно повторяли на разные лады. Тон этому весьма ясному манифесту Понселен задал еще накануне, патетически заявив: «Преступление и наглая власть не дремлют...Штыки к их услугам, и торжествующее преступление надеется распорядиться ими для удовлетворения своей ярости» («Courrier républicain» du 22). На следующий ** день он заявляет: «Им придется уйти или объясниться» («Courrier républicain» du 24). «Близок достопамятный день, когда французский народ стряхнет иго жестоких угнетателей... Было бы преступлением оставлять на своих постах депутатов, оказавшихся трусами или убийцами... Пусть Конвент уйдет, или пусть Париж заявит, что это не более, как тираническое и мятежное собрание... Подлецы думают нас запугать, но пусть они трепещут!..» (Idem, 26). «Первичные собрания Парижа! С удвоенной энергией выступайте против тиранов...идите в Конвент, но не к его барьеру, это Конвенту следовало бы предстать пред вашим барьером; идите в зал заседаний Конвента, смешайтесь с его депутатами и требуйте объяснений», и т. д., и т. д., и т. д. («Courrier républicain» du 27). На следующий день: «Все та же ненависть к тирании, все то же желание скорее увидеть ее свержение («Courrier républicain» du 28) ***. Здесь вызывает удивление без-

* См. любой номер «Courrier républicain» за фрюктидор.

** *Так у Бабефа.*

*** *Ссылка на источник в середине цитаты поставлена Бабефом.*

мерпая самоуверенность наших тиранов». На следующий день: «Тираны от души смеются, глядя на то, как эти добрые первичные собрания доброго города Парижа поднимают страшный шум из-за того, что депутаты не подчиняются сразу же их приказу убираться вон» («Courrier républicain» du 29).

Вскоре послышались голоса добровольных подпевал грозного аббата, спешивших хором отвечать на каждую фразу его молитвы: «Пусть нам не предлагают, — пишет «La Quotidienne» от 29 фрюктидора, — вступать в компромисс с преступлением; мы поклялись вести смертельную войну с разбойниками. Конвент похож на кокетку, желающую страхом удержать любовников, которых она уже не может удержать любовью». Затем эта газета варьирует свои интонации и то, подражая грозному пророку несчастья, предвещающему последний суд, восклицает (первый день санкюлотиды): «Последний час преступления пробил на часах Франции и мира», — то (2 санкюлотида) с ликованием пересказывает изящное заявление человека, по-видимому, одаренного большим остроумием: «Убирайтесь вон, кутилы», — и от свадьбы * прямо переходит к похоронам сената, которому сочиняет эпитафию, начинающуюся такой строкой: «Конвент приближается к своему последнему часу». Ободренный такой поддержкой, г-н Понселен (5 санкюлотида) снова затягивает свой страшный припев: «Скоро революционные Катилины падут с курульных кресел, или же я, новый Цицерон, пойду на казнь». Он соблаговолил также напечатать рядом с собственными сочинениями благочестивые строки комиссаров коммуны Манта, распространяемые ими в секциях Парижа и составленные в следующих выражениях: «Мы сумеем помочь вам свергнуть тиранию деспотов. Они обманули наше доверие, их декреты становятся недействительными; пусть они их впредь не издают».

2. План захвата власти «порядочными людьми». Его легко было угадать по их газетам, а тактика этих людей обеспечивала им возможность успеха. Широко практиковавшиеся травля и грубое обращение с «террористами» в первичных собраниях были отличным средством добиться того, чтобы люди из простого народа не могли нигде удостоиться звания выборщика, а когда завершилось образование корпуса выборщиков, то стало ясно, что это первая ступень, гарантирующая сильным мира сего верную возможность достижения всех высших постов в государственном управлении. Все печатные органы сословия «порядочных людей» приходили в экстаз, узнав об избрании их знаменитых любимцев. С большим пафосом было возвещено об избрании в выборщики господ Лакретеля, Дюссо, Лагарпа, Шово, Больс, Ладевеза, Мишо, Николя, Фьеве, Виже, Брусса де ла Фушре, Шерона, Рише-Серизи, Понселена, Морелле, Катр-Мера, Ансона, Бонньера, Билькока, Сюара, Порталиса, Делакруа [10], ав-

* *Непередаваемая игра слов: La noce означает и свадьбу, и кутеж (Прим. переводчика).*

тора «Spectateur Français» и т. д., и т. д. А сколько было поощрительных речей, обращенных к департаментам, чтобы побудить их выбрать столь изысканных людей? Сколько жалобных звуков можно было слышать, когда оказывалось, что случайно где-то избирательный жребий пал на каких-то людей из черни? Дело в том, что борьба велась не за место у руля государства, не за право всего лишь вести его по пути, указанному Конституцией. Имелось в виду произвести достопамятные изменения всей формы правления. Конвент распознал, хотя и с некоторым опозданием, это намерение и его неизбежные ужасные последствия. Еще до того, как народ богачей объявил устами своих подголосков, что «ни один тиран не мог бы придумать лучшего способа предложить Конституцию, утверждающую рабство, и обманом добиться ее одобрения народом, чем представив ее ранее на одобрение состоящих при нем вооруженных сил» (Речь Лакретеля, обращенная к Тальену, см. «Courrier républicain» от 21 фрюктидора); до того, как автор «La Quotidienne» (28 фрюктидора) взял на себя труд обратить наше внимание на занятное мнение, высказанное одной личностью из породы «порядочных» на первичном собрании секции Лепелетье: «За неимением лучшего и опасаясь худшего, я принимаю Конституцию...»; до того, как «Courrier Français» (30 фрюктидора) весьма любезно квалифицировал эту Конституцию, как «новый всеобъемлющий талисман ... палладиум... верный залог нашего наивысшего счастья»; до того, как глава всех этих светлых умов, общественный обвинитель Серизи (№ XII) воззвал ко всем чувствительным душам в следующих жалобных выражениях: «Несчастные жертвы двух конституций, сколоченных интригой и преступлением, из коих и одной хватило бы, чтобы вас умертвить, ныне корыстные и подозрительные руки предлагают вам третью, столь же нелепую и не менее убийственную, подобную тем сказочным чудовищам, которые представляют оба пола...», повторяю, еще до всех этих предельно откровенных заявлений Конвент, по-видимому, убедился, что все, что есть лучшего во Франции, так же мало ценит его шедевр от 1795 г., как и шедевры 1791 и 1793 гг. Конвент, по-видимому, убедился, что он мало выиграл, пожертвовав в этом новом произведении самыми драгоценными правами народа, которые были гарантированы второй из трех конституций и которых он не должен был бы касаться; он убедился, что даже эта кощунственная сделка со всей гнусной ордой привилегированных отнюдь не удовлетворит их жадности и надменности. Конвент, по-видимому, убедился, что его злополучная угодливость привела лишь к тому, что он оказался между недовольными патриотами и недовольными врагами свободы и что пресловутая Конституция не нравится ни тем, ни другим.

Очевидно это-то и побудило Конвент, дабы избежать стыда стать вынужденным свидетелем замены слова «республика» словом «трон», прибегнуть к приему столь же запоздалому, сколь и

возмутительному по сути своей. Он дал врагам родины в руки страшное оружие, предложив декретами от 5 и 13 фрюктидора[11] переизбрание большинства нового законодательного корпуса исключительно из среды Конвента. И только потому, что явные признаки показали патриотам, что если бы в нынешних злосчастных обстоятельствах, изменить которые они не в силах, был бы создан совершенно новый законодательный корпус, то между ним и прежним законодательным корпусом не могло бы быть никакого сравнения; что если еще можно верить в существование каких-то остатков патриотизма и демократии, то их можно было найти только в Конвенте; что если еще оставалась какая-то возможность сохранить свободу, то она состояла в том, чтобы не выпускать государственного управления из рук, которые его держали, — только в силу этих причин самые горячие друзья принципов согласились нарушить их ради спасения родины. Этим они мотивировали одобрение ими тех декретов, подобно тому как одобрение ими Конституции, которую они ненавидели, они мотивировали своим стремлением хоть что-то сохранить от республиканского правления.

И только потому, что другие, столь же явные признаки показали роялистам, сколь выгодно им ополчиться против упомянутых двух декретов, они и стали лицемерно взывать к тем самым принципам, над которыми всегда откровенно насмехались, и обосновывать ссылкой на эти принципы свой отказ одобрить эти декреты, в то время как Конституцию они одобрили совершенно механически, ибо, какая бы она ни была, она им была безразлична: они отлично знали, что́ они с нею сделают, как только власть будет полностью в руках их достопочтенной касты. Достойно сожаления, что Конвент, вместо того чтобы прибегать к плохому лекарству, после того как болезнь уже укоренилась, не пресек ее своевременно: а он мог это сделать, если бы не открыл перспективы своего полного или частичного отказа от власти до тех пор, пока силы патриотов не имели бы превосходства над дерзостью партии роялистов. И даже тогда не следовало бы допустить такой Конституции, как та, которую нам предложили: мы докажем в этом номере, что она не нравится и не будет нравиться никому. Но в то время опустошения, учиненные патрицианским коварством, так распространились, преступление так широко пустило всюду корни, предпринятые им шаги представлялись столь серьезными, столь тщательно и глубоко согласованными, его планы — столь продуманными, обширными и упорными, что обладатели власти почувствовали, как она ускользает у них из рук; они поняли, что им одним ее не удержать, что они не сумеют помешать ее переходу в руки королевских варваров и что если они срочно не призовут на помощь всех мужественных людей, то все безнадежно погибло.

3. Истребление Конвента. Такой приговор, сформулированный очень ясно и напечатанный крупным шрифтом, можно

было прочитать в публичных ведомостях патрициата. И он, несомненно, был и осуществлением огромного, страстного и долго подавляемого желания отомстить, и естественным следствием ранее принятых мер, и необходимым условием для устранения малейшего остатка опасений, что режим, который задумали установить, встретит какое-либо сопротивление. Приговору, как полагается, предшествовал обвинительный акт. Он был страшен как перечнем тех, кого он стремился охватить, так и крайне малым числом допускаемых им исключений: «Если бы победила Жиронда, она была бы такой же, как Гора, одна была не лучше другой». В таком духе начал свои рассуждения один из печатных органов этой секты, которого немедленно поддержали его коллеги, столь же беспощадные, столь же враждебно относящиеся ко всем партиям: «Что это за рабская и трусливая нация, которая медлит и трепещет перед горсткой негодяев, хотя презирает их еще больше, чем ненавидит? Нет такого преступления, которого бы они не совершили, как они сами признают. И еще серьезно обсуждается вопрос, будут ли они продолжать править, т. е. продлится ли на этой несчастной земле царство чумы, войны, голода и проскрипций». Таково сладостное вступление «Courrier Français» от 5 санкюлотиды, который в этом же номере, чтобы еще более усилить тот самый обвинительный акт, использовал коммуну Манта, комиссары которой изрекли на первичных собраниях Парижа следующие громоподобные слова: «Мы докажем фактами, что все эти узурпаторы причастны либо своим преступным молчанием, либо данными ими страшными советами, либо ужасным примером ко всем злодеяниям их гнусных собратьев, павших на эшафоте. Мы пойдем и дальше, мы докажем, что Конвент прежде всего повинен в величайшем преступлении против нации, и т. д., и т. д.»

Таким образом, всему Конвенту предъявляются те самые обвинения, которые немного раньше, по словам тех же обвинителей, были направлены лишь против нескольких негодяев, стремившихся ввести Конвент в заблуждение или терроризовать его. Теперь отказались от подобной снисходительности: «Когда жестокое и кровожадное меньшинство обрекало нас на голод, цепи и смерть, большинство этому не мешало». Это писал 28 фрюктидора «Messager du Soir». Прошло, стало быть, то время, когда, казалось, Конвенту обещали, что в награду за крайнее рвение в деле смягчения судьбы жертв «царства террора» его не будут упрекать в слабости за то, что он не оказал сопротивления покушениям, направленным против «порядочных людей». Да, это время прошло: «Все члены Конвента совершали преступления или допускали их совершение, все грабили или позволяли грабить, воровали или позволяли воровать». Так утверждал «Le Courrier Poncelin» от 29 фрюктидора. Делать или допускать, чтобы делали, с его точки зрения, одно и то же. А его молочный брат «Le Courrier Français» в письме некоего г-на Жоге депутату Будену, напе-

чатанном в номере от 5 санкюлотиды, высказывал такое же мнение: «Чтобы быть невинным, недостаточно не совершить преступления, надо помешать его совершению, если есть возможность. Еще больше требуется от каждого носителя власти: он становится соучастником преступления, если он оттягивает его наказание, если он задерживает законный ход общественного возмездия... Кесарю кесарево... Конвент весь несет ответственность за сентябрьскую резню».

Но тогда санкюлотизм мог бы обратиться к сенату и сказать ему: Выходит так, Национальный конвент, что 9 термидора с его долгими дополнительными днями — события, которые, как говорилось, все искупили, полностью исправили все, что достопочтенные классы могли бы поставить тебе в упрек; что то рвение, с каким ты в течение без малого целого года старался все исправить, вознаградить их за все неприятности, испытанные ими в тот период, когда искоренялись злоупотребления, пороки, безнравственность и коррупция, — выходит, что все это было зря! О, сколь неблагодарны сильные мира сего! Сколь несчастны те, кто полагается на их слова! Стало быть, прошло время, когда тебе кое-что прощали? Молчание — знак согласия: таков жестокий аргумент, который ныне подлецы выдвигают против тебя, после того как они долго притворялись, будто думают, что ты повинен лишь в заблуждениях или в том, что был под впечатлением террора. Ты видишь, как их коварство сказывается и в том, что они стремятся переложить на тебя свои собственные преступления: «Война, проскрипции», — говорят они. Но это они и их друзья сделали неизбежными и войну, и проскрипции; а они обвиняют всю революцию в этих двух мерах, без которых ее победа была бы невозможна. Они говорят также о голоде. Но какое право имеют они говорить об этом? Почему они крадут у плебеев даже их жалобы? Предатели! Эти притворные слезы, коими они себя украшают, — лишь неуклюжее подражание тем кровавым слезам, которые по их вине избороздили впалые щеки народа. Они говорят о голоде! Но это они его организовали... их жестокие души ликовали при виде его... он помог им разжиреть на наших жалких крохах и оскорблять наши взоры зрелищем новой Капуи!.. Конвент, они тебе ставят в упрек этот голод! Но не они ли вырвали у тебя, пользуясь твоей слабостью, твоей готовностью удовлетворить все их желания, те декреты, которые предоставили неограниченную свободу спекуляции, ажиотажу, ростовщичеству и стяжанию? Нет, санкюлоты никогда не были столь коварны по отношению к тебе. Они не вменяли тебе в преступление те благодеяния, которые ты им оказывал! Они не ставили тебе в упрек закон о максимуме! Верни им этот столь необходимый закон. Они не станут, подобно роялистам, упрекать тебя за тот голод, истинной причиной которого была отмена этого декрета.

И другие пункты обвинения: если ты сам не делал, ты видел, как другие делали; если не ты сам, то члены твоей семьи; если

ты не крал, то давал красть другим; а также заявление, что Конвент в целом отвечает за сентябрьские убийства, — все это говорит о твердой решимости любой ценой обосновать обвинительный приговор.

Что же, добрые люди! Ведь они способны выискивать ваши преступления еще во чреве ваших матерей, задолго до вашего рождения. Послушайте только: «После подлости, проявленной мятежным меньшинством Законодательного собрания, когда оно хладнокровно перешло к очередным делам в ответ на предложение доблестного Шерона пойти всем защищать заключенных, судимых орлеанским трибуналом, которым грозила смерть, или умереть вместе с ними, всякий справедливый человек полагал, что этому меньшинству место только на галерах. И что же? Я нахожу его в полном составе, образующим ядро Конвента» («Courrier républicain» от 5 санкюлодиты). Конвент на галеры! Это еще довольно скромно для г-на Понселена того времени, который уже в течение 15 дней непрерывно вопил: «Распните их, распните их!» Ибо, судя по тому, что он заявляет 24 фрюктидора, он ставит в вину Конвенту всеобщую нищету, и он добавляет, что «надо ясно выразить желание освободиться наконец от преступных виновников всех этих бедствий». А 29 фрюктидора: «Только путем новых преступлений могут они отсрочить момент своего ухода с поста, являющегося их единственной защитой от кары за уже совершенные ими преступления...» И после повторного упрека в организации голода, в одном из тех порывов, которые у искренних апостолов какого-либо учения порождаются подлинным пылом, он восклицает: «Пусть только нам дадут оружие... тогда пробьет час свободы, тираны окончат свое существование».

По этому же вопросу Рише-Серизи высказывался еще более громоподобно. В данном случае он поистине оправдал свое звание, и даже звание общественного обвинителя-устрашителя.

Он восклицает в 12 номере: «Это мужество, которое вы сегодня демонстрируете с такой гордостью, почему его не было у вас вчера, когда кровь лилась, когда вы могли ее остановить, когда мы громко кричали, взывая к вашей власти, к власти, вами узурпированной! Трепещите, глупые тираны! Разве не видите вы, что в наших глазах ваша единственная защита — в вашей слабости? Если же вы не считаете себя трусами, если вы немедленно не признаетесь в собственной трусости своему суверену, вы погибнете, как убийцы; другого выбора у вас нет или ваш конец близок! Как же вы осмеливаетесь предписывать народу, чтоб он увековечил ваши полномочия и продолжал видеть своих палачей и свое вечное бесчестие? Но если народ и мог временно впасть в заблуждение, если на какое-то время вы могли внушить страх 20 млн. людей, то кто захотел бы сесть рядом с вами, не остановив тут же всех ваших действий требованием дать отчет о состоянии общественной казны и ответить за кровь Авеля? Разве вы не видите, что ваша гибель была бы неизбежной? Бегите, несчаст-

пые! Оставьте нам, я согласен, я даже требую этого, некоторых из вас, кого окружает и защищает уважение общества, и кто достоин иметь иных коллег. Вы мне говорите, что только вы подлинные республиканцы. Молчите, безумные! Смотрите, как бы вас не услышал французский народ: если так, то вы мятежники, и вы дважды заслужили смерть».

А затем снова пошли сверхдоносы и сверханафемы. В Немуре было принято постановление о том, что прежние депутаты, как только они уйдут со своего поста, будут посажены на скамью подсудимых, чтобы отчитаться во всех совершенных преступлениях, во всех растраченных имуществах, и т. д., и т. д. (см. «Courrier Français» от 28 фрюктидора). Другое постановление, секции Театр-Франсе, осуждающее всю депутацию Парижа, за исключением доблестного Дюссо[12], гласило, что «все участвовали в преступлениях 2 сентября и 31 мая и ни один не поднял голоса против деспотизма». А обращение секции Тампль к армиям и департаментам содержало следующее восклицание: «О боги, хранящие французов! Пусть козни злодеев, стремящихся разжечь огонь гражданской войны, обрушатся на их собственные головы!».

Все эти угрозы со стороны достопочтенной клики нельзя было рассматривать как простую фанфаронаду. Обстановка, вне всякого сомнения, была совершенно неподходящей для того, чтобы по отношению к подобным врагам ограничиваться одним лишь презрением; добавлю, что для этого и сейчас еще не пришло время, ибо они по-прежнему существуют. Они отнюдь не разбиты полностью, они отступают, но обдумывают новые планы атаки. Если Вандея была и остается опасной, то и они опасны, и более чем очевидно, что они с нею заодно, что они часть того же заговора. Они действуют в том же духе и ради той же цели. Повторить ли мне здесь страшную истину, которой обязательно должны проникнуться все, кто еще остается другом родины, дабы знать, сколь мощным должно быть их сопротивление? Повторить ли мне здесь, что Вандея уже не просто очаг мятежа, окруженный остальными частями Франции, оставшимися полностью верными и поднявшимися против Вандеи подобно колоссу? Вандея теперь повсюду. Эта Вандея распространилась повсеместно после 9 термидора, а затем те, кто ранее только сочувствовал ей, ощутили, что находятся под особым покровительством законов. Вполне очевидно, что теперь Вандею надо искать среди того класса «порядочных людей», который так заискивал перед властью, когда ему нужно было что-нибудь от нее получить, а ныне чувствует себя достаточно сильным, чтобы выступать в роли ее дерзкого соперника. Если вооруженные батальоны этой Вандеи 86-ти департаментов еще не действуют открыто против батальонов Республики, подобно тому, как это происходит собственно в Вандее, то они уже стоят наготове, полностью сформированные, даже вполне обученные, с заранее назначенными командирами и штабами. Эти батальоны готовы вступить в действие, как только

это понадобится, и Шаретт может рассчитывать на боевой задор и верность всех *провинций*. А пока что завязывается и разгорается моральная борьба и на Юге *верноподданные* продолжают все больше и больше теснить внутренних мятежников, вовсе не желающих иметь короля, а самые просвещенные деятели святой лиги уже принялись формировать своего рода дипломатические советы, способные противостоять *так называемой* республиканской власти, и ищут способы подорвать ее последние основы. Если эта картина верна, если она соответствует заявлению Гарро на заседании 20 фрюктидора, что из переписки следует, будто «роялисты и эмигранты составляют почти повсюду большинство и знамя мятежа поднято, по крайней мере тайно, в $^{2}/_{3}$ департаментов»; если все это, повторяю, хоть в какой-то мере заслуживает доверия, то как не испытывать беспокойства? Мне кажется, не следует с явным пренебрежением относиться к тому центральному дипломатическому совету, который соперничает с национальной властью и состоит из роялистских вожаков парижских секций. Я повторяю здесь и часто буду повторять, что полезно сообщать правду, даже если она против нас, ибо, когда речь идет о подготовке сопротивления вражеской атаке, она помогает нам правильно рассчитать меры по обороне. Итак, возвращаясь к нашему королевскому дипломатическому совету, я говорю, что его поведение свидетельствует о наличии характера, последовательности, цельности взглядов, а также упорства и решительности, которые не предвещают кратковременного бунта или возврата к полному спокойствию после неудачи. Секция Лепелетье, принявшая наименование секции Марс (см. «Messager du Soir» от 29 фрюктидора), эта секция (в данном случае, как и в других, мы имеем в виду ее заправил, сторонников вандейцев и шуанов, которые одни играют там какую-то роль) начала с обращения от 20 фрюктидора, в котором она гарантировала своим членам самую полную свободу мнений... Та же секция объявила себя затем постоянно заседающей до образования нового законодательного корпуса и учредила центральный комитет для поддержания связи со всей Республикой... Влияние этой секции так выросло, что принятое ею решение о непрерывности заседаний было воспроизведено секциями Театр-Франсе, Брута, Реюнион, Пляс-Вандом, Тюильри, Хлебного рынка... Секция Нор осмелилась заявить, что все исходящие от Конвента законы будут переданы ее председателю, который доложит о них первичному собранию для решения вопроса о том, как с ними быть... Секции Фобур-Монмартр и Елисейских Полей, не считаясь с декретом от 21 фрюктидора, объявившим преступным посягательством на суверенитет народа и на внутреннюю безопасность Республики всякую переписку первичных собраний между собою, а также с армиями, устраивают братанье с армией, стоящей под Парижем, и получают от нее обещание ни в коем случае не идти на этот город. Борзописец Понселен делает по этому случаю следу-

ющее замечание: «Видно, что декрет оценен так, как он того заслуживает...» Секция Фиделите заявила, что она образует с армией единый союз против узурпаторов власти, посягающих на суверенитет народа... Секция Арсенала, тоже попирая этот декрет, приняла обращение к солдатам расположенного под Парижем лагеря, к которому присоединились все прочие секции... Та же секция объявила, что будет считать недействительными все постановления, не содержащие особой ссылки на декреты от 5 и 13 фрюктидора... Секция Театр-Франсе приняла особое обращение к армиям и департаментам... Та же секция объявила, что представители Парижа в Конвенте утратили ее доверие. Секция Лепелетье приняла меры для проведения огромной работы по проверке голосования всех первичных собраний Республики, чтобы иметь возможность удостовериться в точности подсчета, произведенного комитетом декретов Конвента... Секция Бон-Нувель наложила вето на декрет от 21 фрюктидора, который, по ее мнению, препятствует свободным сношениям граждан между собою... Секция Тампль тоже приняла обращение к армиям и департаментам... Секция Брута постановила, что коммуны, не упоминающие о декрете от 5 фрюктидора, будут считаться отвергшими его... Секция Хлебного рынка приняла постановление привлечь к судебной ответственности инициаторов закона от 21 фрюктидора, а равно тех, кто осмелится приводить его в исполнение... Секция Прав человека в обращении к 47 другим секциям обзывает членов Конвента «тюремщиками», «подлыми тиранами», стремящимися сделать так, чтобы в одной части Франции не знали, что́ делается в других, и добавляет, что она-то сумеет найти обходной путь... Наконец, секция Лепелетье объявила, что в будущий законодательный корпус она не выберет ни одного из членов Конвента... Та же секция предложила всем первичным собраниям Парижа присоединиться к обращению, которое «La Quotidienne» от 4-го дополнительного дня объявила шедевром красноречия; это обращение, по словам газеты, полностью срывало все покровы с интриг и махинаций депутатов и поистине было манифестом народа, объявившего тирании войну... (см. все эти документы в роялистских газетах от 22 фрюктидора и от 4-го дополнительного дня)... Во всем этом видна несомненная дерзость и даже сила, и естественно было ожидать, что те, кто уже столько сделал, сделают еще столько же.

Отчетность Национального конвента была главной мишенью наступающих роялистов. Именно с этой стороны они намеревались обрушиться на него. Конвент, по словам Рише-Серизи, должен дать отчет о состоянии «общественной казны и ответить за кровь Авеля». Это означало, что вся пролитая кровь заговорщиков есть кровь Авеля, и поскольку все 100 тыс. Авелей были невинными, как это более чем наполовину признал сам Конвент, приняв решение об аннулировании конфискации их имуществ, рассматривавшейся как справедливое возмещение убытков, при-

чиненных государству их мятежом; поскольку, повторяю, все 100 тыс. Авелей-заговорщиков оказались невинными, их заговор становился справедливым и законным. Этот заговор, с его бесчисленными разветвлениями, имел целью контрреволюцию; следовательно, революция была несправедливой и незаконной: следовательно, общественная казна, употребленная на отражение справедливой контрреволюции и на защиту несправедливой революции, была употреблена плохо; следовательно, те, кто ее таким образом употребил, должны нести ответ за это, равно как и за кровь Авеля, т. е. всех контрреволюционеров. «Le Messager du Soir» от 30 фрюктидора подтягивал в унисон такого рода заявлениям, требуя «отчитаться за имущество невинно истребленных» и наказать тех, кто «расстреливал или допускал расстрелы». «Этот отчет, — продолжает тот же оракул в своем вещании от 4 санкюлотиды, в статье, имеющей форму диалога, — этот отчет, который Конвент должен представить, и есть одна из причин того, почему он хочет остаться у власти. Этому должен наступить конец, и я страшусь этого конца».

Эта банда бесноватых роялистов не скрывала, что она намерена помиловать лишь крайне незначительное число наших сенаторов. 23 фрюктидора Понселен заявил: «В этом собрании нет невиновных, разве лишь колокольчик председателя». 24 фрюктидора он был несколько менее безжалостным: «Все это собрание, за несколькими исключениями, состоит из убийц или из трусов, допускавших, чтобы нас убивали». И, вслед за тем он печатает письмо из Орлеана, где перечисляются имена добродетельных и безупречных счастливцев: Ланжюине, Делаэ, Саладен, Ларивьер[13] и несколько других. Это более или менее совпадает с подсчетом г-на обвинителя Рише[14], который, отметив, что малое число избранных из среды Конвента незаметно сводится к нулю, полагает, что, подобно тому как в геометрии нужно четыре неприметных знака, чтобы образовать одну точку, он вправе объявить о семи или восьми праведных, кои своей выдержавшей все испытания добродетелью заслужили, чтобы французский народ взял их под свою защиту. Утверждали, что Буасси, Фермон, Ровер, Байель, Дульсе[15] были теми неподкупными, чьи имена пополнили блаженный и кратчайший список непорочных.

Ни Тальен, ни Фрерон уже не были более бессмертными героями термидора. Республиканец Понселен подчеркнул это в своем выпуске от 20 фрюктидора. Они не избегнут общей проскрипции, подготовляемой роялистами. Фрерона, чьи наемные убийцы волокли Марата по сточным канавам, теперь самого таскают по отхожим местам на страницах «La Quotidienne» от 2 санкюлотиды. Секция Фиделите приняла особое постановление, чтобы обречь Лежандра на величайшее презрение. И «La Quotidienne» тоже посвятила ему письмо, где его называют сообщником Дантона и изображают запятнанным кровью и одним

из бесноватых виновников событий 31 мая; при этом не забывают об ударе кулаком, который он напес Ланжюине, и о его предложении осудить всех апеллирующих. Те же снисходительные газеты неустанно возвращаются к событиям 2 сентября в связи с Тальеном и даже с Лувe[16], а первому ставят также в упрек смерть Кюсси и Бирото[17]. Одна из этих газет даже украсила себя рисунком, изображающим Тальена, запертого в окрашенной в черное комнате, с гильотиной из красного дерева, повторяющего следующие слова: «Души Кюсси, Верньо[18], Бирото, души 2 сентября, простите меня». Но напрасно он умолял об этом прощении. Ему не простили даже его совсем недавних слов: «Мы устроим заговор против заговорщиков». Перед лицом этих несгибаемо строгих господ все, что не является подлинно королевской добродетелью, не может выдержать испытания. Я видел, как проходили чистку отдельные люди, в пользу которых, как мне казалось, кое-что могло быть сказано. Вот как они вышли из этой проверки. Сначала Шенье и Луве. Их сравнили одного с Робеспьером, другого с Маратом и обещали им такую же судьбу (см. «Courrier républicain» от 19 фрюктидора). Ждут только другой Юдифи-Корде, чтобы совершить возмездие над Олоферном-Луве. Затем идет Редерер[19]; ему ставят в упрек его ошибки, его отождествляют с Луве, изображая его террористом. А вот те, кто не был в составе собрания: Лагарп[20] — его обвиняют в том, что он содействовал первым успехам революции; Талейран — это конституционный интриган, слишком большой демагог; Монтескью[21] — его называют спекулянтом и обвиняют в том, что, находясь в Альпийской армии, он следовал за кликой Жиронды, которая не лучше, чем клика Горы. Теперь снова обратимся к сенату. «Все они внушают такой же ужас, как чудовище, даже после того, как оно повержено» («Courrier républicain» от 23 фрюктидора). «Пусть они трепещут на своих тронах, эти народные деспоты» (та же газета от 20 фрюктидора). Помилованными оказываются только Фермон, Буасси, Ломон[22], Ланжюине, Ровер, Байель, Ларивьер, Дульсе; это все те же семь-восемь праведников, о которых говорил Серизи. «Если бы, — говорит один из его соратников, — все мерзавцы-депутаты могли быть похожи на этих немногих честных людей, то декрет о переизбрании $^2/_3$ Конвента не вызвал бы такого негодования». Он, однако, добавил, отдавая должное Кадруа[23] и Буассе[24]: «...именно им мы обязаны истреблением террористов на Юге».

Следовательно, было признано, что, хотя Конвент и думал, будто много сделал для отличнейшей и элегантнейшей части французской нации, на самом деле он не сделал для нее ничего. Конвент постоянно отходил от революции после 9 термидора. Это было в какой-то мере оценено, ему в свое время была выражена даже благодарность. Но ныне полагают, что этого недостаточно, чтобы считать его безупречным. Что же от него требуется? Понселен в номере от 5-го дополнительного дня дал ответ на этот вопрос:

«Воин, который в бою не чувствует себя в силах противостоять вражескому огню, уступает свое место более храброму... чтобы не быть повинным в преступлениях Революционного трибунала, надо было воспротивиться его учреждению или уйти».

Рассуждение сильное! Убедительное! Не допускающее возражений!.. Как это люди, способствовавшие учреждению Революционного трибунала, не предвидели, что этот трибунал окажется бесполезным, ибо невозможно было найти где-либо лиц, повинных в контрреволюции, а если бы они нашлись, то это действие нельзя было бы с должным основанием рассматривать как преступление?

4. Истребление 2 млн. активных республиканцев. Оно было бы вполне естественным следствием истребления сенаторов, ибо те, кто мстит за королей, и сами короли полагали бы недостаточным для обеспечения своего покоя и восстановления своей власти истребление только тех, кто носил тоги и сидел в курульных креслах. Они знали, что в этой новой Республике есть и среди тех, кто вовсе не заседал на Капитолии, целый рассадник людей, которые питают закоренелую ненависть к тирании и могут быть очень для нее опасны. Мы не должны оставаться в неведении относительно их намерений, хотя бы уже потому, что, будучи еще очень далеки от полного осуществления своих королевских проектов, они уже выдали нам кровавый аванс. Обширная гекатомба в несчастных южных областях, все еще дымящаяся кровью, — это страшный первый шаг, способный внушить сомнение в том, удовольствовалась ли ярость каннибалов монархии тем числом жертв, которые мы указали: даже такого количества республиканской крови было бы, пожалуй, недостаточно для утоления жажды их свирепых душ, для успокоения алчных теней казненных заговорщиков и злодеев. Страшная инквизиция безжалостно разыскивала бы и предавала смерти всех, принявших мало-мальски активное участие в революционном движении с 1789 г. К тому же газеты наших врагов не хотели оставить у нас каких-либо сомнений на этот счет, они соблаговолили заранее нас предупредить. Послушаем одну из них: «Кто это хвастает своей принадлежностью к патриотам 1789 года? Это они открыли путь несчастий и преступлений, по которому мы идем в течение пяти лет; это они несут ответственность за всю пролитую кровь, за всех погибших на эшафоте, за все злодеяния, запятнавшие Францию».

Перелистаем газету Понселена от 30 фрюктидора: «Мы не перестанем преследовать мятежников, анархистов, всех, кто в течение пяти лет окутывал Францию трауром, устраивая беспрестанную резню. Мы будем топтать ногами их трупы, или же они будут плясать свою гнусную Марсельезу на наших могилах». Послушаем одну газету, о которой мы еще совсем не говорили, и мы увидим, что она довольно хорошо оправдывает свое название — «Ami de la Paix» («Друг мира»). Послушаем, как в номере от

1 санкюлотиды она выражает единодушное опасение «порядочных людей». как бы не ускользнул от расправы кто-нибудь из секты демократов: «Правительство открыто защищает террористов. Оно допустило, чтобы негодяи, спасшиеся от тюрьмы в Амьене (Венсан и Жоффре), нагло показывались на улицах Парижа и даже на трибунах Конвента. Туда собираются все освобожденные бандиты, они идут туда, чтобы аплодировать Горе и выкрикам всяких Тальенов и Луве». Другая газета писала: «Вся Франция проклинает «истинных патриотов», и они находят поддержку только у своих сообщников-депутатов».

5. Торжественное провозглашение монархии и полное восстановление привилегированных сословий старого режима.

Этот последний акт, несомненно, должен увенчать все дело: по плану реставраторов монархии он намечался на то время, когда будут завершены подготовительные меры, над проведением которых, как мы показали выше, они с таким жаром трудились. Близится момент, когда будет торжественно провозглашено восстановление французской монархии, а вместе с ней будет восстановлено прежнее деление на сословия и весь старый режим в целом. Поскольку мы исходим из предположений, что нынешняя затея друзей короля окажется всецело успешной, из этого следует, что Людовик XVII или XVIII будет обязан своей драгоценной короной исключительно благородным усилиям его славных рыцарей, неустанным махинациям прислужников лжи и суеверия и в дополнение к этому услугам всех тех, кто сохраняет память о кое-каких привилегиях, которыми некогда пользовался под сенью злоупотреблений скипетра. И его величество не преминет скрепить своей подписью сделку, которую в свою очередь не преминут ему предложить его верноподданные при его восхождении на престол, и восстановит их, как и себя, в соответствующих правах, почетных, полезных и преимущественных, в том объеме и в той же форме, в каких они существовали до нашествия мятежных цареубийц и каннибалов.

Дон Кихоты монархии, сражаясь за нее, действовали с некоторой ловкостью, чтобы обмануть суровых республиканцев. Они оказались достаточно находчивыми, чтобы использовать случай действительного нарушения священного права суверенитета народа, изобразить негодование по поводу действий правительства, повинного в этом нарушении, хорошо разыграть роль энергичной оппозиции, каковой должен бы был быть сам народ в этом случае и в других, весьма частых случаях, когда совершались подобные нарушения. Справедливости ради надо признать, что никогда в защиту принципов свободы народов никто не выступал более талантливо, что никогда сопротивление тираническому нарушению не проявлялось с таким жаром и мужеством в самый момент этого нарушения и перед лицом самих нарушителей, между тем как последние могли противопоставить своим против-

никам весьма грозную силу. Роялисты, несомненно, высказали тогда нашим правителям множество таких истин, которые не должны быть дезавуированы патриотами, вернее, которые патриоты сами должны были бы высказать в тех обстоятельствах. Эти вопли против несменяемости, против переизбрания строго соответствовали принципиальной линии! Сопротивление нарушениям было прямой обязанностью республиканцев! Защитники двора подняли вопрос об этом законном сопротивлении; они его подняли так кстати, так своевременно, так ловко подстраиваясь под нужный тон, что скрытая за этим западня не была бы замечена, если бы не постоянно внушаемое этими бравыми людьми недоверие, если бы не проницательность, еще сохранившаяся у некоторых патриотов, и то обстоятельство, что преступление не может не выдать себя так или иначе. Демократы понимали, что им бы следовало настаивать вместе с «порядочными людьми» на полном удалении Конвента, если бы обстоятельства были благоприятны для победы патриотизма и если бы в первичных собраниях было достаточно сил, чтобы обеспечить избрание новой легислатуры, состоящей из членов, проникнутых подлинно гражданским духом. Но они видели, что, наоборот, аристократия пользуется чрезвычайно большим влиянием, благодаря особому и исключительному покровительству, которое ей оказывают со времен термидора, и что это обеспечило бы ей, в случае полного переизбрания Конвента, чисто монархическое представительство, которое немедля посадит на трон одного из отпрысков Тарквиния и, смиренно простершись пред ним, удалится. Поэтому с полным основанием было решено, что, как бы серьезны ни были ошибки, которые республиканцы вправе поставить в упрек Конвенту, все же следует поддержать его в этом критическом положении, ибо его члены должны, хотя бы по соображениям личной безопасности, защищать целостность Республики, использовать новую сессию для исправления своих ошибок и вернуть патриотизму его силу, с тем чтобы не ставить его до такой степени под угрозу, чтобы он был больше способен сам постоять за себя, когда опять придет время избрания новых представителей народа. Как я уже говорил, преступление само себя предает, и в поведении благовоспитанных людей нетрудно было заметить торчащие уши подлости. Эти мнимые апостолы, столь пламенно, столь ревностно и столь, казалось, искренне защищавшие от нарушений принцип суверенитета народа, в то же время сами нарушали его возмутительнейшим образом, изгоняя подлинных, искренних патриотов из первичных собраний путем всякого рода оскорблений и бесчестия. Затем в их газетах на видном месте печатались патетические выступления, образцы красноречия, просвещенные дискуссии, в коих право суверенитета было развито во всей чистоте демократической морали; и тут же рядом под действием зуда, побуждавшего говорить о предмете самых заветных желаний, который казался столь близким, помещались доказательства того, что

наши новоявленные борцы за дело свободы — в действительности лишь неуклюже маскирующиеся лакеи короны.

Я здесь приведу эти доказательства — самое интересное в моем номере, поскольку предыдущие материалы касались лишь причин, а эти проливают свет на результаты; это — прямые и вещественные доказательства наличия заговора, который должен вызвать тревогу во Франции, несомненного и серьезного замысла вернуть нам короля.

Если бы я увидел, как республиканец, возмущенный тем, что сенаторы готовы осуществить свои намерения с помощью штыков, пишет, подобно «Courrier républicain» от 25 фрюктидора: «Правительство ощетинилось штыками, но оно недолго будет располагать ими: они в руках наших братьев и наших друзей. И французы никогда не станут янычарами султанов», — я счел бы это поучительным. Но я не хотел бы видеть, как тот же человек пишет 17 того же месяца: «Говорят о прокламации Людовика XVIII, свидетельствующей, по-видимому, о большой умеренности этого государя. Те, кто с ним встречался, находят в нем добродетели, предвещающие человека, способного сделать свою страну счастливой».

Мне не внушают также доверия намерения того, кто, с одной стороны, пищет: «Суверенный судья выражает свою волю, а преступник подсчитывает голоса» («Courrier Français» от 26 фрюктидора), а с другой — потчует нас аллегорической сказкой, смысл которой в том, что «лилия и роза были украшением сада. Внезапно их стебли были сломаны. Их место заняли ядовитые растения, и уничтоживший их узурпаторский вихрь безнаказанно господствует в саду. Но еще в этом году лилия и роза должны опять расцвести» («Courrier Français» от 25 фрюктидора).

Скорее сорвем покровы, скрывающие заветные желания всех этих господ.

«Надо было дать королевству идти своим ходом (будто бы говорил крестьянин, беседуя со своим священником). Когда убивают пастуха, что будет со стадом? Оно становится добычей и собак, и волков: вот вам и республика» («Courrier Français» от 21 фрюктидора).

«Предадим забвению 10 августа. Мы кое-как отметили его годовщину. История рассудит, каковы были люди, совершившие эту революцию, почему они ее совершили и каковы были ее жертвы и ее результаты» (La Quotidienne).

Недавно кто-то спорил со мною, утверждая, что никто не посмеет порицать этот великий день. Этот кто-то не хотел принять в соображение, что во Франции умеют быстро действовать.

«Мария Тереза де Бурбон[25] — дочь несчастного Людовика XVI, жертва, вызывающая сострадание. Это — самая совершенная принцесса Европы. Ее несчастья склонили к ней все чувствительные сердца. Шарлотта! — говорят ей в одной очень красивой оде, — не все французы удушили в себе при-

роду... Люди находят смехотворным предложение обмена этой вызывающей сострадание жертвы на четырех военнопленных, бывших депутатов» («Courrier Français» от 21 и 30 фрюктидора, «Messager du Soir» от 1 санкюлотиды).

Равным образом горячий интерес проявляется в отношении Мадам д'Орлеан, господ де Пантьевр, Монпансье и Божоле[26] («Courrier Français» от 21 фрюктидора).

То же в отношении принца и принцессы де Конти[27] («La Quotidienne» от 3 санкюлотиды).

«Некоторые люди, выступающие в качестве республиканцев, похваляются тем, что они патриоты 89-го года. Но разве эти республиканцы не знают, что патриоты 89-го года поклялись сохранить конституционную монархию?» («La Quotidienne» от 28 фрюктидора).

«Высокопарное восхваление мудрых реформ королевского правительства Дании, которое, говорят, ничуть не хуже весьма республиканского правительства Франции» («Courrier Français» от 28 фрюктидора).

«Похоже на то, что народ устал от своего суверенитета» («La Quotidienne» от 29 фрюктидора).

Очень важно замечание, «что в Париже было подано от 400 до 500 голосов за короля» («La Quotidienne» от 29 фрюктидора).

«Любопытно, что французы в течение столетия ставили в упрек англичанам то, что они казнили Карла I, а теперь сами заслужили упрек от англичан, погубив Людовика XVI» («Messager du Soir», 1 санкюлотида).

«О, афиняне! Когда мы, подобно вам, будем наслаждаться покоем под правлением Периклов, я возьмусь найти тысячи французов, способных сравняться с вашим Алкивиадом» («Courrier républicain», 1 санкюлотида).

«Под властью королей мы не были столь несчастны; действуя вопреки здравому смыслу, можно добиться того, что мы будем желать возврата монархии» («La Quotidienne», 3 санкюлотида).

«La Quotidienne» от 4 санкюлотиды. В статье, озаглавленной «Bulletin de St.-Cloud.», рассказывалось о том, как «несколько сенаторов обедали с гетерами в апартаментах, где приятно было чувствовать под ногами паркет, по коему хаживала некогда королева, которую они имели удовольствие послать на эшафот, чтобы занять ее место, если представится возможность».

Все это, конечно, бесстыдные науськивания. Но они выглядят слабыми по сравнению с безудержной дерзостью пылкого апостола трона и фанатика монархии, который без церемоний бил стекла и открыто требовал возвращения короля. Это — автор «Ventriloque» («Чревовещателя»), газеты, состоящей целиком из разглагольствований на тему о нехватке и дороговизне предметов первой необходимости, что используется им как предлог, тогда как подлинная суть его газеты, ее постоянный мотив — это возвращение единственного господина и повелителя. Мы увидим сей-

час, какой скандальный характер принимали эти разнузданные провокации, свободно чинимые на глазах у агентов республиканского правительства, и довольно странно, что в подобных обстоятельствах оставался без применения закон, все еще не отмененный, закон справедливый и нужный, карающий смертью за прямые предложения восстановить власть тирана.

«При короле мой живот никогда не был обречен на ту диету, которую он вынужден терпеть сейчас, и из этого он заключает, что король лучше, чем Конвент. Я буду скоро говорить так же, как мой живот» («Ventriloque», N 1).

«Вместо 750 королей и 500 тыс. царьков, ими порожденных, лучше иметь только одного короля, как в прошлом. Пусть исчезнет эта грязная, зловонная и прожорливая порода королей и царьков, и мы опять будем, как и в прошлом, весь год с хлебом: наши жены и наши дети получат хлеб» (Idem).

«Несомненно, что 750 королей — это 750 бичей рода человеческого, прожорливых, разрушительных, опустошительных. Должен быть только один. Единственый король, облаченный всей полнотой государственной власти, заинтересован в том, чтобы ее удержать и наблюдать за ее сохранением» (Idem).

«Нет, депутаты, мы больше не можем вас сохранить: нам нужен король, вы это хорошо понимаете» (Idem).

«Неужто вы для того лишили нас нашего короля, отняли у нас наш монархический режим, чтобы наносить нам подобные обиды и оскорбления? О, неразумные деспоты, верните нам этого короля, верните нам эту спасительную монархию, или скоро мы сами ее вернем» («Ventriloque», N 2).

«Иеремиада на тему о восстаниях июня и июля 1789 года*, о штурме Версаля и похищении короля парижанами, о ночи с 5 на 6 октября, о заключении короля в Тюильри, а затем, а затем, и т. д., и т. д.» (Idem).

«Чем возобновлять режим террора, все равно обреченный на провал, лучше сделайте над собой, если нужно, усилие ради людей, откажитесь от вашей мании суверенитета, потрудитесь для восстановления короля. Ибо король-самодержец один только может дать нам хлеб, обеспечить нас им. И вы увидите тогда, что весь народ, помня лишь о благодеяниях, которыми он будет себя считать обязанным вам, простит вам ваши преступления».

«Ибо, не заблуждайтесь на этот счет, вы не можете помешать восстановлению монархического строя, французы жаждут этого. Вы так же не можете помешать нам вернуть нашего короля, как вы не могли бы помешать нам взять кусок хлеба, находящийся в нашем распоряжении. Вы держите хлеб под стражей, как вы держали нашего юного короля. Но ваше царствование кончилось с его смертью[28]. Тот король, который ему наследует, Людовик XVIII, свободен, независим и вне досягаемости ва-

* *В оригинале опечатка — 1739 года.*

ших ударов. Мы призываем его. Он не останется глухим к нашим призывам. Вопреки вам, мы откроем ему наши границы. Его сердце и его объятия откроются навстречу нам. Хоть мы и не достойны этого, он примет нас под крыло свое. Мы увидим, как возродится и засияет ярким блеском слава французской нации, ныне омраченная преступлениями тысяч людей, которые никогда не заменяли нам короля. Все они вместе взятые не обладали хотя бы даже одной из добродетелей, украшающих и отличающих короля, а эта добродетель в том, что он кормит свой народ, т. е. держит свободными и открытыми все каналы снабжения народа продовольствием» («Ventriloque», N 3).

«Однако мы можем сказать в наше оправдание, если оно еще возможно, что большинство французов сохранили по отношению к своему королю чувства любви и верности, которые террор заставлял скрывать, и что долгое время боялись возбудить ярость палачей, которые нас мучают. Но они совершили столько преступлений, они показали себя способными на такие подлости... Этот пожирающий нас голод, против которого мы восстаем, — завершение их коварной и разрушительной системы: после этого нам не приходится уже ни с чем считаться» («Ventriloque», N 4).

«Нам нужен король, а вам (депутатам) — ступени к виселице» (Idem).

«Уходите, и все будет хорошо. Ибо к нации вернется ее порядочность, ее деньги и ее король» («Ventriloque», N 6).

«Они не такие уж враги монархии, чтобы, изгоняя само слово, не стремиться овладеть существом; убив нашего короля, они создали пять королей. Правда, они их фабрикуют таким образом, что каждый может питать надежду в свою очередь стать одним из них. Стало быть, это скорее зависть, соперничество, чем отвращение к монархии» (Idem).

«Надлежит запретить всем легислатурам выбирать пять голов, чтобы увенчать их короной верховной исполнительной власти, если только вообще эти пять голов не попадут на гильотину раньше, чем достигнут короны» («Ventriloque», N 7).

Вот более или менее полное собрание самых разительных мерзостей, напечатанных в последнее время поборниками восстановления трона. Бросается в глаза, с какой дерзостью проповедуются эти гнусности, и до какой степени эта дерзость делает явными тайные намерения, исполнение которых не собираются откладывать в долгий ящик.

6. Низведение остальной части народа, которой милостиво будет сохранена жизнь, к рабству, более страшному, чем любое порабощение, известное нам из анналов всемирной истории.

Об этом новом состоянии французов, подчиненных новому игу королей, дворян, духовенства и других привилегированных всевозможных степеней, мы можем только строить предположения, зная характерные особенности этой разновидности рода человече-

ского, а также то, что недавние события внушили им вполне обоснованные опасения и научили их принимать все меры предосторожности, чтобы тирания не ускользнула из их рук еще раз; поэтому у нас и нет бесспорных письменных указаний, позволяющих составить себе точное представление о том роде рабства, который нам предназначают в данном случае. В этом вопросе преступная партия держала себя более скрытно, чем в каком бы то ни было другом. Она не дала нам пока никаких явных указаний, позволяющих предвидеть, какой режим она предназначает для простого народа при новом царствовании. Ее осторожность в этом вопросе дошла до того, что она рисовала только обольстительные картины. Прокламация Людовика XVIII не была кровожадной, она предвещала верноподданным если не курицу в каждом горшке, то все же золотые горы. Но мы издавна знаем, чего стоят обещания королей и вельмож. Мы помним, с какой кротостью они нами руководили до тех пор, пока не получили от нас страшного урока, показавшего, на что мы способны. Мы знаем также, что их принципом была аксиома Макиавелли (они полагали, что испытали ее истинность на своей шкуре и что, следовательно, необходимо возобновить ее действие), «что лучшее средство не допустить того, чтобы народ стал опасным, — это держать его в состоянии крайней нужды»; и совсем недалеко ушли те времена, когда эта ужасная доктрина постоянно применялась, хотя короли еще и не восстановлены, хотя их влияние осуществляется в нашем правительстве, по крайней мере по видимости, только через посредство их лакеев, и это обстоятельство поневоле заставляет задуматься над тем, что было бы, если бы в правительство входили не лакеи, а сами хозяева и их власть была бы прямой, абсолютной, независимой?.. Все эти рассуждения подтверждают мои предположения, которые, мне кажется, позволяют сделать вывод, что египетское пленение, положение крепостных в самую начальную пору феодального варварства и негров при варварстве современном — все это лилии и розы по сравнению с той системой жестокости, которую богатое воображение новых победителей не замедлило бы создать.

Вот доклад, какого не было сделано в Конвенте по этому вопросу. А между тем такой доклад помог бы составить суждение о том, как следует щадить всю касту богачей, и мой доклад может лишь вызвать удивление по поводу того, как бережно Конвент продолжает обходиться с этой столь коварной кастой после подавления измены 13 вандемьера.

Я описал очень старую болезнь общественного организма французов начиная с 1789 г., когда ему хотели прописать первые сильнодействующие лекарства. Я обозрел все этапы курса лечения. Я отметил те из них, когда ближе всего подошли к способам радикального исцеления. Я отметил случай зловещего рецидива и подробно разобрал произведенные им опустошения. Я рассмотрел также те этапы, которые должны были с неизбежностью по-

следовать, и постепенно обратил взоры всех, кто интересуется судьбой родины, к угрожающим нам сейчас крайним опасностям. Я займусь вопросом о радикальных средствах исцеления, но я лишь коснусь его, ибо развернутое изложение не уместилось бы в рамки одного номера.

Поскольку я решил выступить здесь от имени всех патриотов и для этого постараться уловить, в чем заключается их общее мнение, и точно передать его; поскольку я принципиально решил отбросить всякие тактические соображения и говорить всем все, я не счел нужным в заключение указывать в качестве единственного средства спасения тесное и раболепное единение истинных республиканцев с теми, кто остается у власти, и поддержку всего, что они делают, чтобы управлять. Так как то, что я только что сказал, пожалуй, звучит довольно резко, и поскольку очень резкие вещи должны подаваться с некоторыми предосторожностями, читатель, вероятно, заметит, что конец моей последней фразы звучит как преамбула и, следовательно, несколько темно. Я постараюсь сделать это более ясным.

Читатель мог заметить, как в этой статье я проводил ту мысль, что все истинные патриоты должны сплотиться вокруг членов Конвента в такой момент, когда роялизм прилагает все усилия, чтобы их изгнать, не без оснований рассчитывая извлечь из этого величайшую для себя выгоду. Я доказывал, что единственный ресурс патриотизма заключается в том, чтобы продлить их полномочия. Я не отвергал всех упреков, которые роялисты делали членам Конвента. Я даже дал понять, что многие из этих упреков, и даже самые серьезные обвинения, составляют часть тех, которые высказываются и самыми искренними республиканцами. Равным образом я ничего не сказал такого, что давало бы основание думать, будто я отвергаю все то неодобрительное, что можно сказать о так называемой *конституции Буасси д'Англа*[29].

С точки зрения патриотов и этой газеты, сплотиться вокруг правительства, против происков любителей монархии отнюдь не значит объединиться со слепым раболепным подобострастием вокруг конституции д'Англа, которая, как я это вскоре покажу, вовсе не является, что бы о ней ни говорили, французской конституцией.

Это объединение патриотов вокруг Конвента, отвергнув которое, Конвент погиб бы безвозвратно, может стать прочным и привести к благодетельным результатам только при условии, что те депутаты, кто сохранит свои посты в правительстве, вновь станут, более чем когда-либо, делегатами народа; т. е. лишь поскольку они со всей определенностью вернутся к той системе, к тем актам мудрости, гения, величия, возрождения и добродетели, которыми блистал Конвент в прекрасную пору своей славы.

Это устойчивое объединение возникнет лишь в том случае, если самая здоровая часть бывшего Конвента снова заслужит то

наименование Горы, которое королевские газеты опять столь охотно дают ей в последние два месяца.

Оно возникнет лишь в том случае, если большинство честных депутатов согласятся признать всенародно, что они дали себя запугать дерзости и преступлению и что они решили опять следовать призывам добродетели и внушениям общественного блага, как это было до 9 термидора *.

Оно возникнет лишь в том случае, если честные представители народа в любом новом положении, в которое они могут попасть, под любым новым политическим наименованием, которое они могут оказаться вынужденными принять, вспомнив наконец о своем долге и размышляя о том, что они его не выполнили по отношению к французской нации, используют предоставленный им новый срок для исправления своих ошибок и бед народа.

Оно возникнет лишь в том случае, если они в дальнейшем не будут надолго оставлять патриотов в состоянии неизвестности, создавая впечатление, будто лавируют между двумя партиями и хотят подавить одну и другую и править, опираясь только на военную силу. Если бы было твердо установлено, что их намерения и в самом деле таковы, это привело бы республиканцев к решению спасаться самим, собственными силами.

Наконец, это объединение возникнет лишь в случае, если, невзирая на всякие конституции д'Англа, представители суверенного народа вернутся на свои посты с тем, чтобы на сей раз окончательно обратиться и безостановочно продвигаться к святому, главному, вечному, бесспорному социальному принципу наций, столь кощунственно нарушенному в представленном нам последнем проекте политического свода законов: цель общества — всеобщее счастье.

Я обещал доказать, что конституция д'Англа вовсе не французская конституция. Сейчас время заняться этим.

В качестве первого доказательства я приведу то, которое дает докладчик, изучавший протоколы. Согласно этому докладу 800 тыс. человек одобрили проект конституции. Это отнюдь не большинство нации, насчитывающей 25 млн. человек.

Установлено и общеизвестно, что 10 августа 1793 г. на Марсово поле прибыло ровно 8 тыс. делегатов от первичных собраний, имевших при себе протоколы об одобрении конституции того года. Каждый делегат мог считаться представляющим примерно 600 голосующих, что дает в итоге 4 млн. 800 тыс. голосующих. Таким образом, если при утверждении конституции считать за правило, что из двух предложенных текстов предпочтение отдается тому, который получил больше голосов, из этого вытекает, что только Конституция 1793 года продолжает быть французской Конституцией.

---

* См. выше, стр. 16 [*стр. 444 настоящего тома*].

Все помнят, какое негодование вызвало в свое время поведение Саладена[30], разославшего в несколько департаментов две конституции, 1791 и 1793 гг., с таким объявлением: «Выбирайте». Все помнят, что не меньшее негодование вызвало предложение Лакруа[31], знаменитого проповедника роялизма, ныне депутата законодательного корпуса, который тоже требовал послать первичным собраниям королевскую Конституцию 1791 года, демократическую Конституцию 1793 года, и третью, аристократическую, конституцию, которую он предлагал и которая имела много общего с Конституцией 1795 года. Он хотел, чтобы возобладала та из трех, которая соберет больше голосов. Но даже в соответствии с этим предложением, Конституция 1793 года выиграла спор с Конституцией 1795 года, и поистине неслыханно, чтобы требовали отдать предпочтение той, которая собрала меньше голосов.

А если рассмотреть по существу эти 800 тыс. голосов, поданных за Конституцию 1795 года, воспроизводя обстоятельства, при которых они были поданы, то становится ясно, как их следует оценивать.

Эти 800 тыс. голосов состоят в большей части из голосов роялистов и в малой части из голосов патриотов.

Посмотрим, чего стоят голоса роялистов и чего стоят голоса патриотов.

Роялисты ненавидят и презирают Конституцию, насмехаются над ней и одобряют ее лишь потому, что, какова бы она ни была, при том, как они ее хотят использовать и сколько времени они собираются дать ей существовать, она для них безразлична. У них цель более важная — овладеть правительством, использовать выборы для того, чтобы обеспечить передачу всей власти народа в руки их коалиции. И они отлично знают, что они сделают с Конституцией, как только они этого достигнут.

Патриоты находят, что эта конституция противоречит всем принципам равенства и свободы, за которые они боролись в течение шести лет. Но самые энергичные из них в тюрьмах, а остальные находятся под ужасным гнетом роялистов, и это не позволяет патриотам пойти на первичные собрания, где они, впрочем, не располагают ни достаточной силой, ни достаточной свободой мнений, чтобы можно было дискутировать, раскрыть пороки Конституции, чтобы можно было поставить вопрос, а законно ли предлагать новую Конституцию, когда есть Конституция, единодушно одобренная народом, который отнюдь не требовал ее исправления и, наоборот, энергично и торжественно требовал ее проведения в жизнь? В таком положении патриоты чувствуют необходимость за что-то ухватиться, будь то хотя бы тень Республики, чтобы воспрепятствовать разрушительным замыслам роялизма — вот смысл их одобрения.

Так что ни одна, ни другая сторона — ни поборники монархии, ни ревнители свободы — никто не одобрил ее искренне.

К тому же сами роялисты говорят, что они не уверены в правильности подсчета 800 тыс. одобрений, хороших или плохих.

В доказательство моего утверждения, что эта Конституция никак не может считаться Конституцией французов, мне следовало бы рассмотреть ее во всех деталях, дабы выявить ее существо. Эта работа увлекла бы меня далеко, и я откладываю ее до другого номера. Здесь мне достаточно будет заявить, что, поскольку конституция явно и неизбежно построена на безнравственном принципе, гласящем, что «цель общества — счастье богачей, интриганов и честолюбцев», она (свободный человек без колебаний это скажет) отвратительна.

Но мне предстоит доказать две вещи. Во-первых, что Конвент не имел права предлагать французской нации эту конституцию богатых и аннулировать Конституцию 1793 года. Во-вторых, и это вытекает из первого, что Конституция 1793 года, получившая одобрение 4 млн. 800 тыс. голосов, поданных совершенно свободно, а не 800 тыс. голосов, поданных неохотно и неискренне, продолжает оставаться, независимо от первого доказательства, единственно существующей.

Конвент не имел права аннулировать Конституцию 1793 года и предлагать другую. В обоснование этого положения я сошлюсь на «Moniteur», отчеты о заседаниях 27 плювиоза, 4 и 5 жерминаля III года; я нахожу там следующие выступления, прения и постановления:

Заседание 27 плювиоза

Бентаболь: ...Я разоблачаю пред вами газету Фрерона, в которой содержатся нападки на Конституцию и попытки подорвать доверие и уважение к этому произведению, создание коего стоило стольких трудов; к произведению, принадлежащему 1 млн. 200 тыс. солдат, проливающих кровь за родину... Ее изображают как творение нескольких негодяев. Разве это не самый вероломный способ, какой можно употребить, чтобы ее очернить? Каждый из нас должен высказаться за сохранение этой Конституции! [32] (Все члены встают и восклицают: Да! Да!)

Андре Дюмон: ...Неужели вы думаете, что те, кто с такой тревогой говорит вам о Конституции, действительно хотят Конституцию? Нет, если они столь бесстыдны, чтобы сеять здесь ложную тревогу, то это потому, что они стараются внушить, будто те, кто совершил революцию 9 термидора, не хотят республиканской Конституции. Почитайте газетных писак, Бабефов, универсальные газеты и газеты свободных людей *, этих столь ревностных защитников Конституции, вы на каждом шагу найдете там контрреволюцию [33].

---

* *Т. е. газеты Одуена («Journal Universel») и Дюваля («Journal des hommes libres de tous les pays»).*

Одуен: ...Тебе до них далеко.

Андре Дюмон: ...Граждане, отбросим всякие подозрения относительно намерения уничтожить Конституцию. Известно ли вам, кто эти люди, высказывающие притворные подозрения и произносящие коварные речи? Это те, кто не хочет мира, кто хочет, чтобы мы постоянно пребывали в состоянии волнения. Вы присягнули Конституции, народ ее одобрил, и не в ваших намерениях, равно как не в вашей власти, что-либо в ней изменить (Собрание одновременно встает в знак согласия).

Лежандр: ...Говорят о Конституции. Да кто собирается нападать на Конституцию? Пустые предлоги!..

Заседание 4 жерминаля

Клозель[34]. Было бы опасно не отметить ошибки, допущенной Сиейесом[35]. Ни один народный представитель не может иметь сомнений относительно правомочности Конституции 1793 года. Если бы она не была подлинным выражением воли народа, разве после 10 термидора, когда Франция и Национальный конвент стали свободными, мы не услышали бы жалоб на нее? Хотя у нас есть и должна быть свобода мнений, я требую, чтобы эмигрантам, за которыми наблюдают со всех сторон, не позволяли говорить, что Французская республика не имеет Конституции (аплодисменты).

Госсюэн:[36] ...Я прошу слова в защиту демократической Конституции 1793 года.

Несколько членов: Нет спора о Конституции, никто на нее не нападает.

Лежандр: Поставить под вопрос правомерность Конституции значит уничтожить ее (дружные аплодисменты).

Сиейес: ...Мне сейчас приписывают намерение, которого у меня нет. Говорят, что я хотел уничтожить Конституцию. Я не говорил о Конституции 1793 года. Если у меня спросят мое мнение о Конституции, я скажу, что, поскольку ее приняли не в этом зале, а в народных собраниях, она достойна уважения и не может подвергаться нападкам. Таково мое мнение.

Заседание 5 жерминаля

Закон об охране государственного порядка, об обеспечении общественной безопасности, республиканского правления и национального представительства.

Раздел I. Ст. 1. Подстрекательства к ограблению частных или государственных имуществ, к насильственным действиям против отдельных граждан, к восстановлению монархии, к восстанию против местных властей, против республиканского правитель-

ства и национального представительства, мятежные возгласы на улицах и в других общественных местах, направленные против суверенитета народа и одобренной народом Конституции 1793 года и национального представительства, попытки проникновения в Тампль и сношений с содержащимися там заключенными суть преступления.

Ст. 2. Обвиняемые в этих преступлениях будут арестованы и судимы обычным уголовным судом. Если присяжные признают их виновными, они будут приговорены к высылке...

Это вызовет большое удивление у будущего историка и явится одним из важных обстоятельств, позволяющих правильно оценить Конвент! Эти неоднократные единодушные высказывания в пользу сохранения Конституции 1793 года! Эти торжественные обещания никогда не нарушать ее! Эти законы, карающие тех, кто осмелился бы дерзко поднять голос против нее! А между тем всего лишь несколько месяцев спустя тот же самый сенат собственными руками опрокинул это народное сооружение, чтобы заменить его сводом установлений, предельно суровых для самого полезного и самого многочисленного класса и предельно мягких для бесполезных и избалованных детей фортуны! При рассмотрении этого кодекса порабощения, которое я собираюсь предпринять, я не буду останавливаться, подобно роялистам, на одних только пунктах о пяти королях исполнительной Директории, на цивильных листах этих королей, предусматривающих 10 тыс. 983 ливра в день, или 4 млн. 8 тыс. 800 ливров в год, каждому из них, и на 462 ливрах в день, или 245 тыс. 333 ливрах в год, каждому члену законодательного совета*. Если бы свобода и счастье народа не были, независимо от этих темных сторон, пятнающих Конституцию, законным образом похоронены в других статьях, то к этим можно было бы еще отнестись терпимо. Но утешает то, что гарантии Конституции 1793 года, эти законы, направленные против тех, кто мог на них посягнуть, не были нарушены большей частью французских демократов, как, казалось, они были нарушены деспотической кликой сената. Раз доказано, что республиканское большинство вовсе не голосовало за Конституцию 1795 года, — значит это большинство остается верным, остается сердечно привязанным к Конституции 1793 года, которая одна может гарантировать равенство и свободу, которая одна целиком и полностью соответствует своему главному и основополагающему принципу: цель общества — всеобщее счастье.

Тем лучше, если правда, как нас уверяют, что и само правительство, и довольно значительная часть несменяемого сената сохраняют в душе привязанность к демократической Конституции; что они ожидают только окончания господства угнетающей их клики, чтобы воздать этой Конституции должную дань уважения; и что заветный секрет правительства содержится

* Письмо Петиона из Шартра, отца бывшего мэра Парижа.

в следующем письме д'Армонвиля [37], которое я здесь передам, не исказив тех прекрасных выражений, в которых оно составлено, и лишь слегка исправив некоторые окончания слов и знаки препинания, вместо того чтобы развлекаться подчеркиванием его плохой орфографии, как это делает «Courrier républicain» в номере от 2-й санкюлотиды.

Армонвиль к Бертрану Левье и другим товарищам по несчастью, жертвам фуроризма

«Париж, 21 фрюктидора III года Республики

Друзья, вы знаете, что Конвент открыл глаза на жестокое поведение фуростов и неоднократно объявлял себя защитником патриотов, угнетаемых под наименованием террористов, которое дается всем республиканцам, даже воинам свободы. Доказано, что фуристы называют террористами только тех, кто терроризировал эмигрантов, королей, роялистов, папистов, спекулянтов, скупщиков — в общем всех врагов народа. Вот, как я понимаю, в чем ваши и мои грехи. Мне посчастливилось больше, чем вам, я избежал этого потока контрреволюции, который мог продлиться лишь очень короткое время, ибо его эксцессы, направленные против Конвента, дошли до предела, и Конвент решил не допустить, чтобы вас истребили, или сгноили в тюрьмах, или сделали жертвами юридического убийства в соответствии с преступными желаниями этих людей, жаждущих крови всех республиканцев. Да, друзья мои, вы и все те, кто разделяет вашу судьбу, полностью заслужили уважение Конвента. Все его члены поклялись быть вашими покровителями и защитниками. Он поклялся поспешить к вам на помощь и разбить ваши цепи, а не цепи растратчиков и воров. Судить вас можно только по уголовному кодексу, который вас оправдывает, ибо наши преступления — это только преступления против врагов Республики. Но их пора миновала. Конвент устал быть игрушкой в руках этих чудовищ. Они вызывают у него ужас, он вступил с ними в смертный бой. Несколько дней тому назад такой бой был дан эмигрантам, неприсягнувшим священникам и присягнувшим, но отрекшимся от присяги. Пересылаю вам две газеты, чтобы утешить вас, закованных в цепи, которые будут вскоре торжественно разбиты, к стыду и бесчестию всех ваших врагов-антипатриотов, расстроенных тем, что не могут упиться вашей кровью, как они злорадно предвкушали. Но, к счастью, их нападение сорвалось, оно не повторится больше. *После такого опыта мы будем настороже. Конвент понимает и будет понимать, что, для того чтобы справедливо управлять, надлежит устрашить злодеев, роялистов, папистов, кровопийц народа и что нельзя править демократично без такого терроризма, единственно дозволен-*

ного и законного: иначе будут только несправедливость и голод, только самая ужасная тирания и рабство для добрых граждан, подобные тем, которые уже очень давно существуют. Но этот опыт оказался также необходимым и полезным для французов, каждый из которых в отдельности еще недостаточно революционен. По-моему, это время будет благоприятно и для них, и для революции. К несчастью, оно не могло обойтись без жертв, которые, конечно, со временем будут возмещены; пусть угнетенные не жаждут отомстить своим угнетателям, которые заслуживают лишь презрения со стороны республиканцев или же настоящей и серьезной борьбы, если она будет спровоцирована роялистами.

Да, друзья мои, потерпите. Конвент основательно остановил контрреволюцию. Ваша неволя не может быть длительной. Ваше дело — дело Конвента, дело наших армий, наконец, общее дело всех республиканцев. Нас всех хотят истребить, потому что мы все — патриоты. Ну что ж! Мы будем спасаться все вместе. В ближайшие дни республиканский удар, спровоцированный нашими врагами, будет нанесен. Вскоре они будут сокрушены, и восторжествует Республика, равно как и все патриоты.

Братский демократический привет всем вам, жертвам фурористов.

Подписано: Армонвиль, представитель народа.

Я призываю вас быть терпеливыми перед лицом преследований, возбудивших к вам любовь и благодарность родины, которая вскоре торжественно провозгласит вашу невиновность, подвергшуюся преследованиям под властью фуроризма».

Это великодушное mea culpa * надлежало бы иметь мужество произнести всем честным членам Конвента. Надлежало бы признать со всей искренностью и простодушием Армонвиля, что со времен пресловутого термидорианского периода они были обмануты. Надлежало признать вместе с ним, что та оценка, которую они давали своему прежнему поведению, была ложной и что она была вырвана у них злоумышленным коварством. Надлежало сказать вместе с ним, что опыт научил их осторожности и что этот опыт окажется в будущем полезным для народа. Надлежало признать вместе с ним, что они допустили совершение контрреволюции и что угрожающие им лично опасности вынудили их признать необходимость остановить ее. Надлежало вместе с ним заметить неотложность устранения обид, нанесенных добродетели, патриотизму. Надлежало признать вместе с ним, что необходимо устрашить преступление и вернуться к ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ правлению,

* *Mea culpa (лат.) — признание своей вины, раскаяние (Прим. переводчика).*

единственно подобающему возрожденным французам, единственно достойной награде за их длительные труды, за их славные республиканские подвиги, к единственному правлению, которое они всегда стремились получить и которого они уже было добились.

Патриоты! Многочисленные демократы, рассеянные по всей этой обширной Республике! Сосредоточьте ваше внимание на моей независимой газете. После кораблекрушения я предлагаю вам эту спасательную доску. Ухватитесь за нее. Сплачивайтесь все вокруг этого пассажирского судна демократии. Корабль недалеко. Он испытал некоторые поверхностные повреждения, но остается целым и невредимым в самом главном. Терпение! Мне достаточно нескольких рейсов, чтобы всех вас туда доставить. Объединимся же, еще раз образуем внушительный грозный союз против негодяев. Вернем на землю добродетели. Придем на помощь слабым и обездоленным.

Вспомним, что мы совершили революцию лишь для того, чтобы исправить беды, удручающие мир, чтобы поставить каждого человека на то место, которое принадлежит ему по праву, чтобы устранить беспорядки и общую нищету, порожденные отвратительными учреждениями, чтобы восполнить ужасную нехватку, от которой страдает большинство, и уничтожить угнетательский избыток у меньшинства, чтобы достигнуть цели общества, заключающейся во всеобщем счастье. Да, цель этой революции — достаток для всех, образование для всех, равенство, свобода, счастье для всех. Такова наша цель. Вот то, чего мы уже почти достигли; вот то, чего мы должны опять достичь. Солдаты свободы! Нельзя допустить, чтобы данные вам торжественные обещания не были выполнены... нельзя лишить вас вознаграждения, заслуженного с такой доблестью и ценой пролитой крови!... Дети, жены, старцы, увечные, неимущие, вы тоже получите то вспомоществование, которое и вам было обещано и является лишь справедливым вознаграждением для одних и государственными ссудами для других. Сильные мужи! Крепкие и полные энергии руки! Вы освободитесь от мысли, что в возмещение за ваши столь полезные для общества труды вы можете не получить даже того, что вам необходимо для пропитания.

Пусть все возрождается, пусть все воодушевляется и вспылает новым огнем от приближения этого нового подъема патриотизма, столь долго отвращаемого от его подлинной цели. Пусть всякое уныние рассеется при виде нового плана действий, гарантирующего, что мы пойдем к ней кратчайшей дорогой и больше не будем сбиваться с пути.

А вы, представители народа, думайте только о том, чтобы помогать этому движению, а отнюдь не мешать ему. Это для вас единственное средство спасения. Прислушивайтесь к голосу народа и будьте лишь исполнителями его воли. Вы услышите, как он говорит вам, что хочет всеобщего счастья; помогите завоевать его законным путем. В награду за это народ простит

вам то, что вы были одно время исполнителями воли фальшивого народа, народа меньшинства, жестокого врага огромного бесчисленного народа, того народа, которому мы обязаны всем и который заслуживает всего. В награду за это подлинный народ спасет вас от зубов прожорливого и плотоядного народа, злоба которого продолжает подспудно угрожать вам, несмотря на все некогда полученные им от вас благодеяния. Какие бы предосторожности вы ни приняли против его бешенства, не воображайте, что вам не грозят больше его укусы; не думайте, что вы сможете от него спастись без помощи и без постоянной поддержки подлинного народа. Мы вам это уже указали: фальшивый и угнетательский народ обладает весьма широкими и весьма многочисленными мятежными силами. Его бешенство достигло высшей точки, и вместе с мыслью о безвозвратных потерях, ожидающих его в случае поражения, оно доведет его до свершения самых крайних и ужасных действий. Представители этого фальшивого народа обладают немалыми способностями, они их полностью исчерпают, прежде чем окончательно откажутся от своих катастрофических проектов. Они все испытают для осуществления своих разнообразных угроз, направленных против вас. Они вам бросили следующую угрозу, которую они отыскали у Монтескье: (богатый) народ придет в бешенство, — или другую: наказание последует сразу за нарушением общественного мнения («порядочных людей»). Вы сможете смеяться над этими угрозами лишь тогда, когда вы искренне призовете к себе плебейские массы, бесчисленные и неукротимые фаланги санкюлотов. Но заметьте, что на серьезную помощь с их стороны вы можете рассчитывать лишь при условии, если вы им обеспечите, если покажете им на близком расстоянии, ту обетованную землю, которую в противном случае они вскоре окажутся в состоянии завоевать с другими Моисеями.

Гракх Бабеф

ТРИБУН НАРОДА,

или Защитник прав человека[38], Гракха Бабефа

№ 35

Цель общества — всеобщее счастье (Декларация прав человека (1793 г.), ст. 1)

Заговор против трибуна. Фуше из Нанта во главе заговора. Цель заговора — лишить Трибуна того доверия, в котором он нуждается, чтобы служить народу. Исходя из этого, он считает это нападение весьма важным делом, и свою защиту он ведет тщательно и широко. — Причины этого заговора. Он берет свое начало с того момента, когда Трибун отказался продаться прави-

тельству и писать в его духе и под его цензурой. — Какими средствами пользовался Фуше, чтобы восстановить против 34-го номера «Трибуна народа» завсегдатаев кафе, всякого рода группы и газеты всех партий, а именно: народные, правительственные, патрицианские и роялистские. — Правда в лицо экс-депутату Нанта. Пара слов Шарлю Дювалю, который, хотя и признает Трибуна истинным республиканцем, называет его неосторожным. Пара слов Реалю и Меэ, которые обращаются к нему только с бранью. Пара слов Жакену, который его называет роялистом. — Доказательства того, что Дюваль сам себя не очень понимает, что Меэ и Реаль, как адвокаты «порядочных людей», не заслуживают большого внимания и что Жакен — всего лишь низкий раб. — Особый бой с Лебуа, Другом народа. Это дело небольшое. Оно лишь дает повод напомнить о Гракхах, действовавших 1 прериаля, и о героической кончине мученика Жозефа Лебона. — Луве (Часовой) выходит на арену. Он не вполне уверен относительно того, кого он должен разоблачать в лице Трибуна. Он колеблется, назвать ли его террористом или роялистом, каковыми, по его словам были Марат и Робеспьер, или ловким лжецом, или сумасшедшим. — Единодушные воззрения второстепенных газетных писак. — Наивность и простота патриотов, говорящих во всеуслышание, что провозглашаемые Трибуном истины живут в сердцах у них у всех, но что это их тайна и что не следовало так рано ее разглашать. — Трибун доказывает, что у них никогда не было тайн; что опасно только, чтобы они казались имеющими тайну или сами думали, что она у них есть; что разумная политика состоит в том, чтобы осведомить народ обо всем, чего они хотят, и вместе с народом вступить в борьбу со всеми силами угнетения. — Трибун разглашает мнимую тайну и доказывает, что он поступает правильно. — Трибун объявляет, что его настоящий номер, быть может, будет последним. — Точное воспроизведение нашего ужасного положения. Воскрешение славных покойников, подтверждающих, что только полное обнародование всей истины может помочь нам выйти из этого положения. — Важный переход. Заметка о «L'Orateur Plébéien». История этой газеты. Чем она должна была быть и чем она стала. Постыдное отступничество ее редактора. — Как патриоты сами не прекращают критику Конституции 1795 года? Как ее объявили чисто аристократической в английском парламенте? — Об исполнительной Директории и о расточаемой ей лести. Трибун, продолжая руководствоваться принципами, высказывает мнение, что, если только ее члены не последуют примеру Агиса и Клеомена, все они заслуживают смерти. Трибун не столько критикует господствующую Конституцию, он не столько предлагает восстановление свергнутой Конституции... сколько взывает к плебейским установлениям. — Философское созерцание нынешней эпохи. Это один из тех больших периодов, отмеченных в Книге Времен, в ходе которых малое число колоссальных состояний поглотило множество

малых, вследствие чего неизбежны переворот в системе собственности и общее восстание бедного большинства против богатого меньшинства. — Необходимость появления трибунов, чтобы первыми бить тревогу и возглашать всем эти великие истины. — Сопоставление положения в Риме во время ухода на Священную Гору и избрания трибуном Луция Юния, называемого Брутом, с нашим положением. Какие речи произносил он тогда, обращаясь к народу и к его угнетателям? Римские плебеи не находили эти речи слишком неосторожными. Поведение в сходных обстоятельствах других трибунов народа, оказавшихся достойными этого звания: Кассия Висцеллина, Терентилия Арсы, Сиция Дентата, Канулея, Ицилия, Манлия Капитолийского, Лициния Столона и Секстия, обоих Гракхов и Рулла. — Трибуны Франции, предшественники автора настоящей газеты. Они не требовали аграрного закона. Они лучше поняли истинную систему общественного счастья, состоящую только в подлинном равенстве. Каким образом фактическое равенство, которое на практике было удачно осуществлено великим трибуном Ликургом, а в теории очень темно изложено посредственным трибуном Иисусом Христом, несколько уточнено Жан-Жаком Руссо и Дидро, каким образом оно стало предметом возвышенных усилий трибунов Робеспьера, Сен-Жюста, Армана из Мёзы и Антонелля. — Принципы этой системы единственно верны и единственно бесспорны. Даже люди, наименее строгие в вопросах морали, были вынуждены воздать им дань уважения. Речи в ознаменование их памяти, произнесенные Рейналем, Тальеном и Фуше из Нанта. — Сжатое изложение великого Манифеста, который надлежит провозгласить для восстановления подлинного равенства. Необходимость для всех несчастных французов уйти на Священную Гору или образовать некую ПЛЕБЕЙСКУЮ ВАНДЕЮ.

Гракх Бабеф к Фуше из Нанта[39]

Париж, 17 брюмера IV года Республики

ГРАЖДАНИН,

«Защитникам народа и самому народу должна быть чужда та дипломатия, претендующая на макиавеллистическую мудрость, та лицемерная политика, подобающая лишь тиранам, к которой прибегают в последнее время патриоты и которая лишила их прекраснейших плодов победы 13 вандемьера. Размышления, основанные на множестве примеров, привели меня к убеждению, что истина должна быть только ясной и неприкрытой. Правду надо говорить всегда, надо предавать ее гласности, осведомлять весь народ о том, что касается его важнейших интересов. Всякие окольные пути, всяческое притворство, всевозможные доверительные беседы в узком кругу или среди так называемых корифеев ведут лишь к удушению энергии, к тому, что общественное мнение блуждает,

колеблется, впадает в неуверенность, беспечность и раболепство, а это позволяет тирании беспрепятственно укрепляться. Неизменно руководствуясь убеждением, что ничего великого нельзя достичь иначе, как вместе со всем народом, я полагаю также, что для того, чтобы что-нибудь вместе с ним сделать, необходимо говорить ему обо всем, постоянно показывать ему, что надо делать, и не столько бояться неудобств гласности, используемых ловкими политиками, сколько полагаться на огромную силу, всегда берущую верх над всяческой политикой... Надо учесть, сколько сил теряется, если оставить общественное мнение в состоянии апатии, без пищи и без цели, и сколько их приобретается, если возбуждать его активность, просвещая его и указывая ему определенную цель» [1*].

Я считаю необходимым воспроизвести здесь эти аргументы, гражданин, ибо именно ты — причина всей той шумихи, которая поднята против меня и против моего бедного 34-го номера. Это твои подручные появлялись вчера вечером всюду, где находились патриоты, и старались всех настроить против этого сочинения. Я повторяю тебе эти аргументы, ибо я льщу себя надеждой, что они стоят всех тех, посредством которых ты хотел бы ослабить мой главный принцип: в момент крайней опасности тот, кто стремится лишь к благу народа, не должен прибегать к уловкам.

Вероятно, я не обращу тебя в свою веру. Я на это и не притязаю. Но, быть может, и тебе не следовало бы пытаться проклинать меня или, что почти то же, навлекать на меня проклятия моих братьев только потому, что тебе не удается приобщить меня к своей вере. Ты не должен считать себя непогрешимым, так же как и я на это не претендую. Еще меньше тебе следует рассчитывать на твои обычные средства, т. е. на уловки и хитрости, которые ты считаешь необходимыми для обеспечения победы справедливости над беззаконием. Ты тем менее, повторяю, должен рассчитывать на эти средства, что, если согласиться с тобой в том, чем ты гордишься, а именно, что в течение последних 15 месяцев ты постоянно интриговал в пользу демократии, то злосчастный опыт доказывает, что твои усилия отнюдь не увенчались успехом. Стало быть, весьма вероятно, что ты взял неправильное направление. Стало быть, ты не можешь осуждать меня за то, что я пытаюсь идти совсем иным путем. Стало быть, ты не должен столь решительно притязать на то, чтобы давать мне уроки, и на право чернить меня повсюду, если я не хочу тебе подчиниться.

Одно время слишком много говорили, будто ты мой ментор. Я слишком горд, чтобы позволить такому представлению утвер-

---

[1*] Обстоятельства заставили меня воспроизвести эту тираду. Но я надеюсь, что содержащиеся в ней истины столь важны, что не вызовут чувства пресыщения.

диться в общественном мнении. Если ты надеялся, что эта лживая выдумка врагов народа может стать реальностью, ты ошибся. Я готов принять от своих сограждан советы в любом количестве. Но я не хочу, чтобы это превращалось в наставления. Знаешь ли ты, что наша длившаяся два или три часа беседа 14 брюмера была несколько похожа на это? Потрудись припомнить, как ты играл роль наставника, а меня ставил в положение наставляемого. Мое самолюбие страдало от этого!..

И в самом деле, какое унижение для того, кто считал себя просветителем своей страны, видеть, что другой старается просветить его самого, убеждая в предпочтительности своих идей! Есть люди, превосходно умеющие излагать мысли других; признаюсь, я не из их числа. Во взятом напрокат наряде я ни на что не похож. Я одет только тогда, когда я в своем собственном платье, и я первый сам бы себя не узнал, если бы вздумал рядиться в самые прекрасные, но чужие перья.

Стало быть, гражданин Фуше не имел оснований настраивать против меня вчера вечером завсегдатаев всех патриотических кафе. Я очень рад тому, что тремя часами ранее у меня были такие свидетели, как Антонелль [40] и два других гражданина; они могут засвидетельствовать все его предварительные действия, упреки в мой адрес за то, что перед сдачей в печать я не представил ему свой номер на цензуру; он добавил, что в награду за некоторые сокращения он получил бы для меня подписку на 6 тыс. экземпляров от исполнительной Директории, что мне следовало идти по стопам Меэ и Реаля, которые, по его мнению, и суть настоящие люди нынешнего момента, и что он, Фуше, взялся бы уплатить те 4 или 5 тыс. ливров, в какие обойдется печатание моего номера, при условии, чтобы он вышел в свет только после его цензорской проверки.

Ты очень разбогател, Фуше. Когда меня отправили в ссылку на Север, я счел возможным доверить своих детей твоему покровительству. Они пришли к тебе. Ты им дал однажды 10 франков. В этом выразилось все твое сочувствие к семье достойной уважения жертвы патрициата. Сегодня ты готов пожертвовать от 4 до 5 тыс. франков для заглушения некоторых истин. Это гораздо ближе твоему сердцу.

Год назад, при тогдашнем правительстве, делами печати ведал другой человек, а не ты: это был Лантена [41]. Он мне писал. Я сохраняю его письма и могу представить предложения, сходные с твоими, которые он делал мне более вкрадчиво и более деликатно, чем ты. Ты мне не писал; но ты говорил со мною в присутствии Антонелля и компании. Я даю тебе тот же ответ, что и Лантена. Мне не нужен ни цензор, ни корректор, ни суфлер: я предпочитаю быть преследуемым, если нужно. Я не хочу настраиваться в унисон ко всяким Меэ, и я буду упорно доказывать, вопреки тебе, что пришло время, когда *любую правду следует говорить*.

Ты можешь плести заговоры с нынешним правительством: известно, что всякое правительство плетет заговоры. Я, со своей стороны, заявляю, что я тоже участвую в заговоре. Но отнюдь не в твоем.

Тебе его не уничтожить, сколько бы ты ни направил своих шпионов.

Если бы это послание могло быть прочитано патриотами, я бы им сказал здесь: вспомните, что год назад я был более прав, чем все якобинцы вместе взятые. Я громко требовал утверждения тогдашней Конституции. Если бы они тогда требовали того же, они бы спасли народ и самих себя. А они, наоборот, долгое время выступали против меня, они постоянно прилагали усилия к отсрочке введения в действие этой Конституции. Наконец, они признали, что я оказался более прозорливым, чем они, и они присоединили свои голоса к моему. Устами Барера и Одуена они потребовали срочного установления конституционного порядка. Но было уже поздно. Несколько дней спустя их общество погибло, оно было уничтожено. Их требование поэтому уже не имело силы.

Теперь не время медлить. Прошло то время, когда можно было выжидать. Говорят, что надо дать созреть общественному мнению. Оно уже достаточно созрело. Народ слишком сильно страдает от своих бед, дошедших до крайности; он не может их больше терпеть. Самое верное средство помочь ему — это повести его на бой с его врагами, со всеми, кто причиняет ему страдания.

Заставлять его ждать дальше — это значит добиваться того, чтобы с каждым днем возрастала разрушительная сила, опустошающая нашу страну с устрашающей скоростью, отправляющая по очереди каждого из нас на смерть, на медленные и жуткие мучения.

Горе тому, кто сохраняет хладнокровие и проповедует терпение при виде столь бедственного зрелища.

Та крайняя активность, с которой ты, Фуше, препятствуешь моим патриотическим усилиям, не может помешать мне предать гласности это письмо. То, о чем здесь идет речь, слишком важно и для родины, и для моей чести. Это письмо подтвердит в глазах патриотов те наблюдения над тобою, которые у них имеются. Ты в сношениях и с теми, кто за, и с теми, кто против. Ты вкрадываешься во все партии. Ты не высказывался в моменты опасности. Ты удержался на поверхности при всех проскрипциях и только иногда делал вид, что тебя преследуют: люди не знают, что о тебе думать.

Прояви же себя теперь, чтобы отомстить за нанесенное последней Конституции оскорбление. Случай для этого представляется прекрасный. Ты никогда не проронил ни слова в защиту демократической Конституции. Каким актом мужества с твоей стороны, со стороны всех, кто захочет поддержать тебя, будет громкий вопль против тех, кто посягнет на шедевр 11-ти[42].

Друзья мои, правительство вас поддержит! Когда надо было защищать народную Конституцию, правительство было против вас: поэтому вы благоразумно промолчали.

Подпись: Г. Бабеф

Нетрудно видеть, какие обстоятельства были причиной появления этого письма. Мой 34-й номер произвел в полном смысле этого слова революцию. Едва он появился, едва успели его прочитать, как он был признан поджигательским, ультрареволюционным, факелом анархии и яблоком раздора, брошенным в среду патриотов. В тот же день и на следующий в группах, в кафе, в газетах только и слышно было имя Трибуна народа и эпитеты: мятежник, бунтарь, возмутитель спокойствия, смутьян — сыпались на него так же, как всегда сыпались на всех трибунов, ибо он хотел быть таким, какими они были почти все, начиная с того, кто совершил уход на Священную гору [43], и кончая теми, кто начал продаваться под властью Опимия, убийцы Гракхов [44].

Откуда такая горячность? Единственно потому, что этим делом занялся Фуше из Нанта.

А почему он занялся им? Очевидно, потому, что он заинтересован, чтобы общественное мнение было информировано только в правительственном духе; потому что он вознамерился быть моим суфлером и моим корректором в награду за 6 тыс. абонементов для Директории; и потому, что я не захотел ни суфлерства, ни корректорства, ни подкупа.

Этот случай представляет для общества больший интерес, чем можно было бы думать. Вот почему, несмотря на мое отвращение ко всему, что похоже на личные выпады, несмотря на мое твердое решение не превращать эту газету в арену для полемики, я безусловно обязан разгромить софизмы, могущие произвести опасное воздействие на умы патриотов, и опровергнуть клевету, способную лишить меня части того доверия, которое я должен сохранить в интересах родины.

Та часть интриги, которая касается причин, породивших стремление заключить со мной сделку, и методов, которыми пытались ее заключить, уже известна. Мне остается разоблачить те мелкие происки, к которым прибегали после провала этих переговоров, чтобы сделать одиозным все, что я напишу, раз уж они потеряли надежду заставить меня писать так, как они этого хотели.

Я еще ударю по подручным горлодерам, послушно выполнявшим в кафе и других местах инструкции, полученные ими от главного переговорщика. Я должен также наказать борзописцев, угодливо постаравшихся облечь в красивые фразы мнимые обвинения, предъявленные мне человеком, которому, видимо, предстоит впредь возглавлять бюро общественного мнения.

Мы их знаем, этих подручных, выполнявших свою задачу с таким рвением. Когда-то они выполняли функции, более достой-

ные друзей свободы. Некоторые из них были нашими друзьями. Мы их простим, если они докажут, что были обмануты. Но мы назовем их во всеуслышание, мы нарядим их в один из тех новых костюмов, которые, будучи сработаны нашими руками, нескоро снашиваются, если мы убедимся, что они рабски служили интриге, соблазненные приманкой какой-либо личной корысти.

Шарль Дюваль[45], Жакен[46] и ты, Меэ[47], странный патриот 89 года, подойдите ближе, я вас испепелю. Не подходите все сразу, чтоб лучше разобраться с каждым. Сначала вы, Шарль Дюваль.

Вы говорите, гражданин, после выражения раскаяния по поводу великолепного объявления о возобновлении «Трибуна», которое вы любезно поместили в вашем 7-м номере от 14 брюмера; вы говорите, что «вы не боитесь заявить, что ваше мнение о нашем номере есть мнение всех истинных друзей Республики и что все дезавуируют неосторожные высказывания, способные вновь зажечь факел раздоров, помочь роялизму и погубить родину...» Далее, что «вы обвиняете во всеуслышание, что вы дезавуируете от имени патриотов эту неосторожную газету, которая может стать факелом гражданской войны...»

Я сейчас приму от каждого из вас ваши обвинения. После этого я вам сразу отвечу. Подойдите, Жакен.

В вашей «Journal du Matin, de la république française», которую вы печатаете на ул. Никез, в 12-м номере вы пишете, «что наш номер — бесстыднейший и крайне мятежный памфлет; что каждая его строка продиктована ненасытной жаждой анархии; что роялизм возлагает большие надежды на этот новый факел раздора; что «Общественный обвинитель» («L'Accusateur Public») и мнимо «Республиканский курьер» («Courrier républicain») меньше сделали для контрреволюции, чем мы, и вы награждаете нас роскошным эпитетом неистового агитатора черни».

Минутку терпения. Отойдите в сторонку. Ваша очередь, толстый, тяжелый и неповоротливый Меэ.

Вот что вы изобразили на бумаге в вашем «Patriote de 89» от 17 брюмера.

«Будь я роялистом, я нашел бы хороший способ поднять курс моих акций, я бы сделал так, чтобы шуаны могли в один прекрасный день заявить с трибуны: «Террористы поднимают голову; вы более не можете сомневаться в существовании их подлого сговора. Они провоцируют уничтожение Конституции, которую вы декретировали. Они во всеуслышание требуют Конституции 93 года: один из их журналистов недавно отчетливо сформулировал такое предложение и т. д.» Будь я роялистом, я бы сделал или распорядился сделать тот отвратительный номер, который только что вышел в свет за подписью Гракха Бабефа».

Право же, господа, вы неплохо спелись друг с другом! Различные верования сливаются, и, судя по разительному сходству ваших фраз, видно, что если мы обходимся без суфлеров, то у вас

дело обстоит иначе. У вас заметно большое влияние нынешней морали, восхитительные принципы которой можно изложить в следующих словах: мир, согласие, покой, отдохновение, несмотря на то, что мы почти все умираем с голоду; но после шести лет усилий, направленных к завоеванию свободы и счастья, окончательно решено, что народ потерпит поражение; вы пришли к заключению, что надо всем пожертвовать ради спокойствия меньшинства; что большинство существует в сей юдоли лишь для того, чтобы обеспечивать меньшинству радости жизни. Оно должно все терпеть и не жаловаться; оно не должно ни в чем противоречить избранному классу, который не должен слышать ни малейшего ропота, между тем как этому классу угодно принять меры к тому, чтобы вскоре $^3/_4$ народа были вычеркнуты из числа живых.

«Сейчас не время горячить умы, — говорите вы. — У нас есть правительство, надо дать ему время проявить себя». Я отвечаю, что у народа тоже нет больше времени для того, чтобы умирать с голоду, обходиться без дров и без одежды. Я говорю, что он продал свои последние тряпки, чтобы поесть, что он не может больше есть, потому что ему больше нечего продавать, и что тем не менее цены на все предметы самой первой необходимости становятся все более и более недоступными; я говорю, что все это не может продолжаться и что позволительно жаловаться на правительство, если оно не способно немедленно изменить это жестокое положение вещей; я говорю, что раз оно не может этого сделать, то позволительно искать выход из положения и указать его.

Но вернемся к вашей критике, Шарль Дюваль, и остановимся на ваших собственных словах: «Надо объединиться, — говорите вы, — надо утвердить Республику; надо позаботиться о снабжении и о счастье народа; надо подавить скупку и ажиотаж, уничтожить роялизм и фанатизм, которые порождают повсюду новые Вандеи...»

Господи боже!!.. А чем же мы занимаемся? Именно всем этим и заполнена наша газета. Покажите мне в ней хоть одну строку, которая не была бы направлена к тому, чтобы *утвердить Республику, гарантировать снабжение и счастье народа, подавить скупку, уничтожить роялизм и фанатизм*. Вы к нам несправедливо придираетесь и предписываете нам делать то, что мы уже сделали. Редактор «Газеты свободных людей», да читали ли вы наш номер?

В статье, следующей за той, где вы нас критикуете, вы заявили: «Для того чтобы правительство пало, нет надобности в *перевороте*. Если оно дурное, если при нем права народа нарушаются или игнорируются, если при нем нет равенства, являющегося единственной целью разумной революции, если, наконец, при нем общественная и личная свобода уничтожены и, следовательно, счастье народа сведено на нет, тогда общественное мнение не окажет ему поддержки, и оно рухнет само собой; восстание умов

станет всеобщим и нанесет ему смертельный удар. Общественное мнение господствовало и всегда будет господствовать в мире».

На сей раз мы и спорим, и соглашаемся. Ваше если допускает, мне кажется, предположение, что наше правительство может быть дурным; что ПРАВА НАРОДА ПРИ НЕМ МОГУТ БЫТЬ НАРУШЕНЫ ИЛИ ИГНОРИРУЕМЫ; что РАВЕНСТВО — ЕДИНСТВЕННАЯ ЦЕЛЬ РАЗУМНОЙ РЕВОЛЮЦИИ — может при нем отсутствовать, что, наконец, общественная и частная свобода может быть при нем уничтожена и, следовательно, счастье народа сведено на нет.

Если вы допускаете такую возможность, вы должны признать, как необходимое следствие из этого, право превращения предположения в уверенность, право рассмотрения вопроса, является ли правительство, о котором идет речь, действительно дурным или нет. Но мне кажется, что при таком рассмотрении неизбежно придется начать с учреждений, составляющих основу этого правительства. Но это приводит вас вместе со мной к необходимости и полной возможности совершенно свободного рассмотрения основ политической машины. А между тем на предыдущей странице вы меня порицаете за то, что я это сделал. Вы утверждаете, что всякое дурное правительство только потому, что оно дурное, рухнет само по себе, под действием неблагоприятного для него общественного мнения, ибо тогда восстание умов станет всеобщим и нанесет ему смертельный удар.

Шарль Дюваль! Вы меня милостиво признаете добрым республиканцем с чистыми намерениями. Я со своей стороны думаю о вас то же самое. Но если вы не колеблетесь назвать меня неосторожным, я вправе сказать, что вы не сильны в логике. Если бы для свержения дурных правительств достаточно было, ограничившись тем, что они дурные, дождаться, чтобы общественное мнение перестало к ним благоволить, это было бы очень удобно: ничего не надо было бы предпринимать, чтобы способствовать их свержению, достаточно было бы лишь терпения, и уже давным-давно в мире были бы только хорошие правительства. Франция не оставалась бы 14 веков под железной ферулой монархии, и мы бы не мучились голодом под жестокой и варварской властью патрициата в течение последних 15 месяцев.

Общественное мнение господствовало и всегда будет господствовать в мире. Нет ничего более верного, чем эта аксиома. Но уж раз вы разыскали ее у Максимилиана Робеспьера[2*], который, кстати сказать, знал эти вещи не хуже нас с вами, мне кажется, вам не следовало оставлять без внимания то, что он добавляет, «что за общественным мнением, как за королевами, ухаживают и его часто обманывают... что види-

[2*] «Letters à mes commettans», N 6, p. 241.

мые деспоты нуждаются в этой невидимой государыне для укрепления своей собственной власти и что они делают все для того, чтобы ее привлечь на свою сторону... что горе тому народу, который наставляют лишь те, кто заинтересован в его гибели, и что должностные лица народа, став фактически его хозяевами, вдобавок объявляют себя и его воспитателями».

В заключение я скажу вам, Дюваль, что если не можешь как следует обосновать свои мысли, то не стоит рассуждать в таком наставительном тоне и с таким самонадеянным видом. С другой стороны, мне кажется, вам не подобает говорить в столь высоком стиле; вам, никогда не подвергавшемуся преследованиям ... вам, всегда столь осторожному, что вы никогда не привлекали к себе внимания Неронов, Мариев, Сулл...[48] вам, никогда не проявлявшему мужества больше, чем вам приказывали... вам, молчавшему всякий раз, когда этого требовала ваша личная безопасность... вам, всегда громко кричавшему по поводу преступлений поверженного врага, но никогда не выступившему лицом к лицу против преступления, облеченного властью. Вправе ли вы после этого объявлять себя Старейшиной свободных людей? Как смеете вы провозглашать от имени всех патриотов неодобрение или, вернее, анафему сочинению, которое вы бессильны опровергнуть и которое вполне сходно со всеми теми, которыми я ранее заслужил ненависть и преследования тирании и любовь всех честных людей, восхищавшихся моей самоотверженностью. Не потому ли вам неприятно видеть нас сильными и великими, что сами вы слабы и ничтожны? Вас унижает наше возвышение, и вам хотелось бы низвести нас до вашего уровня. Мы, наоборот, хотим поднять вас до своего уровня, в противном случае с генеральского чина, на который вы, видимо, претендуете, мы вас переведем на положение простого стрелка или одного из тех отбившихся от своей части солдат, которые то уходят, то возвращаются, то идут вперед, то бегут, смотря по тому, существует опасность или нет. Впрочем, примите к сведению, что ваша партия, быть может, не наша партия и, следовательно, ваше учение не должно быть тождественным нашему. Вы, по-видимому, собираете вокруг себя только республиканцев — титул банальный и весьма двусмысленный, вы, стало быть, довольствуетесь тем, что проповедуете какую-нибудь республику. Что касается нас, мы объединяем всех демократов и плебеев, эти наименования имеют, конечно, более определенный смысл. Наши догматы — это чистая демократия, это безупречное и безоговорочное равенство.

Я отнюдь не буду так долго распространяться о г-не Меэ, бывшем гражданине Фельэмези, бывшем шевалье де ла Туше, бывшем достойном секретаре его светлости князя де Сальма. Достаточно будет, если я скажу этому рослому и толстому человеку, что ему отнюдь не следовало бы ставить под вопрос то, что является фактом. Всем известно, что он роялист и шуан, что после Фре-

рона он всегда был у них вторым трубачом начиная с 9 термидора и что он и его достойный коллега Реаль, эти два сапога — пара, никогда не переставали быть с ними: недаром уверяют, что Реаль недавно предложил Корматену[49] свои услуги в качестве защитника, подобно тому, как он их предложил в свое время «Французскому наблюдателю» («Spectateur Français») Делакруа. Известно, что отвратительный Меэ, который находит мой номер отвратительным, показал себя способным перед моим осуждением всячески поносить меня в своем «Ami des Citoyens» устами Тальена и что, между тем как он там провозглашал заимствованный у Лустало принцип, использованный им в виде эпиграфа: «Для счастья людей, для сохранения конституции и свободы, необходима непримиримая война между писателями и представителями исполнительной власти», — он в то же самое время встал на сторону исполнительной власти против меня — человека, который действительно вел с ней войну. Поэтому все убеждены, что Меэ, глава и корифей шуанов и роялистов, не говорит правды, когда он утверждает, что, будь он роялистом или шуаном, он бы делал то, что делаю я. Я утверждаю, что он не преминул бы это сделать, если бы надеялся на успех.

Убирайтесь, вы, Жакен с улицы Никез, некогда мне слушать вас и спорить с вами. Вы лишь жалкая копия тех, кому я только что дал аудиенцию. Вы не стоите того, чтобы я занимался вами отдельно. Из того, что я им сказал, вы можете отнести на свой счет все, что вам угодно[3*].

[3*] Мне пришлось бы фехтовать слишком долго, если б я стал подробно отвечать всем богатырям, нападающим на меня. Даже мой товарищ по ссылке, гражданин Лебуа[50], Друг народа, и тот бросил мне перчатку в 80-м номере от 9 брюмера в виде адресованного ему письма из Арраса, подписанного А... П..., что означает Антуан Потье, бывший государственный обвинитель при уголовном суде департамента Па-де-Кале. В этом письме Антуан Потье сообщает Рене-Франсуа Лебуа, будто я публично заявил в Аррасе о последнем, что он либо роялист, либо продался правительству. Насчет роялиста это неправда. Насчет того, что продался правительству, я не отрицаю, что выразил некоторое подозрение в этом. Я основывался на том, что в своем проспекте, вышедшем в свет незадолго до 1 вандемьера, Лебуа, говоря о Конвенте, прибегал к самой низкой лести. Он утверждал, что Конвент был всего лишь только обманут; что он делал зло, вовсе этого не желая; что голод и резня, и преследования патриотов, и узурпация всех прав народа должны быть отнесены на счет разбойников, которые ввели его в заблуждение; но что корабль сейчас у берега; что ущерб будет возмещен; что если нынешние представители оказались плутами, то не следует из-за этого их сменять, так как нельзя быть уверенным, что во всей французской нации удастся найти людей, которые были бы меньшими плутами, чем они; что надо следовать примеру развратного народа Капуи, внявшего совету коварного и хитрого Пакувия и по той же причине, т. е. из-за невозможности найти добродетельных людей, отказавшегося от решения покарать угнетавших его сенаторов и давшего себя полностью поработить... Признаюсь, все эти странные заявления восстановили меня против Лебуа, и я не мог воздержаться от указания моим друзьям, что я подозреваю его в сговоре с власть имущими.

. . . .

Я дошел до этого места своей рукописи, когда мне на глаза попались газеты от 18, 19 и 20 брюмера, из которых я узнал, что все секты периодистов, будь то правительственные, патрицианские или королевские, разом набросились на меня. Что за вакханалия? Что за адский шум?.. Как могло случиться, что я задел одновременно и патриотов, и представителей «золотого» миллиона, и правительство, и друзей короля? Какую же религию исповедую я сам? Все партии затрудняются это определить.

Первые номера его газеты не дали мне оснований изменить свое мнение. Всюду я узнавал там правительственную окраску. Однако я возлагал вину за это на его сотрудников. Я немного примирился с ним, когда в 85-м номере я заметил какую-то перемену, когда я увидел, как он защищает память Гракхов, действовавших 1 прериаля, высказывает откровенное мнение о патрицианской конституции, заявляет, что Конституция 93 года есть воля трудового народа и что другая взяла верх над нею лишь по праву сильнейшего. Еще больше примирился я с ним, когда в последние дни увидел, что его преследуют одновременно со мной и на тех же основаниях.

Я тогда же отказался от замысла, в котором он меня обвиняет не без основания, убедить одного патриота выпустить другое издание «Ami du Peuple», параллельно с издаваемым Лебуа. Был даже подготовлен к печати проспект. Мы изменили его заглавие, и так возник «L'Orateur Plébéien» [51].

Я воздаю должное Лебуа, хотя он меня всячески поносил. Но я считаю необходимым представить доказательства того, что его обвинения необоснованны.

Я будто бы громогласно обвинял якобинцев, говорит он, а затем я же их защищал.

Я нападал на якобинцев, которые после 9 термидора не хотели требовать вместе со мною и с Электоральным клубом немедленного введения в действие Конституции 93 года: я доказывал, что это — единственное средство, способное предотвратить реакцию. Я стал защищать якобинцев, когда они выступили с этим требованием, хотя было уже поздно.

Я продажен и всегда готов возглавить ту партию, которая мне больше заплатит.

Это изрядно нелепое обвинение. Посмотрите на мое имущество, мое платье, мою мебель, платье и мебель моих детей, вспомните мое поведение в вопросе о 6 тыс. абонементов исполнительной Директории. Посмотрите также, есть ли какие-либо изменения принципов во всех моих речах.

Я назвал Жозефа Лебона палачом Севера, а затем предложил себя в качестве его защитника [52].

Обманувшись относительно 9 термидора, я обманулся, в частности, и в отношении Лебона, будучи введен в заблуждение его убийцей Гюффруа. По просьбе последнего, в чьей типографии печаталась моя газета, я опубликовал обращение аррасских шуанов, которых я считал добрыми патриотами. В этом обращении Жозеф Лебон изображался людоедом, безжалостно пролившим потоки невинной крови. Когда позднее мне доказали, что Лебон был справедливым мстителем за угнетенный народ, который он любил, который он носил в своем сердце... о, да, я предложил отправиться в Амьен, из моей аррасской тюрьмы, чтобы, сделав все возможное, вырвать его из рук убийц. Никогда не забуду я возвышенных слов, которые он написал своей добродетельной супруге незадолго до смерти: «Эшафот — это покойная подушка, и праведник,

Караульный Луве[53], заказав для своей газеты письмо из Версаля, в котором меня обвиняют в якобинизме и роялизме, и сам на следующий день пространно рассуждал обо мне и заключил примерно так, что я очень похож на роялиста. Он уверяет, что Робеспьер и Марат были роялистами, а я с ними соревнуюсь. Реаль и Меэ того же мнения, но не могут договориться между собою. 18-го они меня ставят рядом с Рише-Серизи[54] и объявляют меня столь же опасным, как и он, а 20-го я уже не более как человек с бредовым и бешеным воображением, слог которого целиком состоит из *грубостей, длиннот и тривиальностей*. Вдобавок мои выражения отмечены *шокирующей неопрятностью*, как будто я когда-нибудь претендовал на пуризм, на академический язык или на стиль хорошего общества, как г-н шевалье Меэ де ла Туш. Да если бы я смог спасти народ, то какое мне дело до того, что при этом пострадал бы синтаксис или что я сказал бы ему правду на диалекте предместья Марсо?.. Гражданин Луве по началу так меня не унижает, он представляет меня как *ловкого самозванца*, который, взявшись *писать для простонародья, по-видимому, не совсем к этому неспособен*, но в конечном счете и он все же не уверен в том, что я не сумасшедший.

Сколько затруднений! Сколько сомнений! Сколько колебаний, чтобы решить, что представляет собой человек, уже столь много давший знать о себе... ставший жертвой поразительных преследований, причины которых наверняка всем известны... и проповедующий лишь то учение, которое и навлекло на него эти преследования!

Демократы!.. Неужто вы уже не помните, что я торжественно обязался блюсти следующее великое и полезное правило: «Да будет немедля предан смерти свободными людьми тот, кто узурпирует суверенитет народа» [4*]?

Да, это верно, но . . . .
Я знаю все, что вы хотите сказать. Позвольте произнести несколько слов, прежде чем ответить вам на это.

Я еще раз обращаю ваше внимание на то удивительное обстоятельство, что представители четырех открыто существующих во Франции партий единодушны в осуждении меня и в утверждении, что я вношу раскол в государство. Мы увидим это тождество мнений у представителей всех сект.

засыпая на ней, уходит от всех преступлений, свидетелем которых ему пришлось быть». Зрелище того, как этот достойный уважения мученик идет на казнь в сопровождении толпы друзей в трауре, придавших его роковому последнему пути характер триумфального шествия... поднявшихся вместе с ним вплоть до самого места казни... делает честь патриотам Амьена, и последние моменты жизни Жозефа Лебона оставят в памяти образ не менее привлекательный, чем образ Сократа, пьющего цикуту.

4* См. «Трибун народа», № 28, стр. 249, т. II [*см. стр. 300 настоящего тома*].

Реаль и Меэ — бесспорно сторонники ПАТРИЦИАТА. Они это более чем достаточно доказали своей постоянной верностью «порядочным людям». И Меэ, и Реаль заявили, «что я нападаю на опорный пункт патриотов, на центр их единения и что я стремлюсь всех разделить и разрушить самые заветные надежды всех, кто хочет утверждения Республики и демократии» [5*] (мимоходом заметим, что слово «демократия» неплохо выглядит под пером господ Реаля и Меэ, если только нет некоторого противоречия в том, чтобы произносить это слово, называя себя в то же время другом Конституции 1795 года).

Луве и его «Sentinelle» вместе с «Courrier de Paris», несомненно, главные поборники ПРАВИТЕЛЬСТВА, ибо существование первого из них тесно связано с его сохранением, а другой воздает ему величайшую хвалу в одном из своих последних номеров [6*]. И «Courrier de Paris» вместе с Луве говорят: первый, «что народу надлежит наблюдать за своими друзьями, за своими новыми трибунами», а второй, «что я ловкий самозванец, который, подобно Марату и Робеспьеру, выдает себя за террориста, чтобы тем лучше служить роялизму».

Нельзя оспаривать право «Journal des Français» и газеты Перле[55] на звание защитников монархии, поскольку один уже доказал, что является преемником аббата Понселена[56], а последний тоже сказал в своем номере от 20 брюмера, «что Луве следовало бы приберечь немного своей ненависти для террористов за счет той, которую он питает к роялистам, численность коих в его воображении крайне преувеличена». А Перле заявляет по поводу моего номера, «что надлежит открыть глаза на угрожающие опасности». Со своей стороны, «Journal des Français» предупреждает, «что Народные трибуны, Друзья народа, Плебейские ораторы соревнуются друг с другом в возбуждении стихийных сил, волнующих людей, и что это предвещает новый кризис» [7*].

Наконец, Шарль Дюваль — генерал свободных людей всех стран. Он уже давно занимает этот пост, и ни один, хотя бы и самый доблестный, человек не может его оспоривать у него. Это равноценно посту вождя ПЛЕБЕЕВ. Я еще, по-видимому, совершенно не знаю, каким надо быть, чтобы угодить этому обществу, ибо Шарль Дюваль тоже утверждает, что я нарушаю общественный порядок.

Так к какой же секте принадлежу я? К какой же я принадлежу касте, если патриции, сторонники правитель-

---

[5*] «Journal des Patriotes de 89», 20 Brumaire.

[6*] См. «Le Courrier de Paris», 20 Brumaire.

[7*] «L'Orateur Plébéien», вероятно, шокированный или боясь оказаться скомпрометированным, из осторожности поспешил до времени разрешиться от бремени и 21 брюмера в своем 1-м номере, который должен был выйти лишь 1 фримера, отвести всякое подозрение в каком-либо тождестве взглядов со мною. Мы еще вернемся к этому в дальнейшем.

ства, роялисты и плебеи одинаково не хотят меня? Если все одинаково порицают и отвергают меня? Со стороны первых трех сословий меня это вполне устраивает, но я ревниво оберегал видное место, завоеванное мною в последнем. Мне казалось, что оно гарантировано мне одобрением народа и моей очень длительной опалой... Кто же мог меня лишить его? Что я такого сделал? Если бы только один Шарль Дюваль меня отвергал!.. Но полковника, видимо, поддерживает и часть солдат. Я приведу два письма, которые это подтверждают.

Опубликование этих доказательств поведет к тому, что меня опять назовут неосторожным и, пожалуй, обвинят в измене за раскрытие самой глубокой тайны патриотов или, по крайней мере, тех, кто считает себя таковыми.

Эх, до чего же они просты, эти патриоты!.. Что же это за тайна, которой, как им кажется, они владеют? Я согласен на то, чтобы они меня убили, если я не докажу им, что никакой тайны у них нет и что все зло, от которого мы страдаем, происходит от того, что они делают вид, будто она у них есть.

Вот к чему сводятся великие хитрости этих бравых патриотов.

Они всюду расхаживают, громко разговаривая и думая, что говорят тихо: по кафе, по разного рода группам и в других местах, где собираются люди. И там в присутствии шпиков, доносчиков, которые, конечно, изображают себя ультрапатриотами, они рассуждают так: «Нужна тактика. Патриоты должны стать политиками. Мы хорошо знаем, что все права народа нарушены и узурпированы. Мы хорошо знаем, что он порабощен и несчастен. Но мы можем спасти его лишь постепенно. Будем делать вид, что мы приемлем узурпаторское правительство. Таким образом мы усыпим его бдительность, но затаим в душе наше отрицательное отношение к нему. Мы постараемся увеличить численность нашей партии, постепенно отвоевывая общественное мнение, и, как только мы будем достаточно сильны, мы обрушимся на виновников угнетения». Все это говорится с уверенностью, что никто этого не слышит, а между тем это секрет всем известный: наивность и ослепление доходят до того, что эти люди сами себя убеждают в том, что это секрет... что правители ничего об этом не знают, что ничто к ним не просачивается, что они пребывают в совершенном неведении... что они не принимают никаких мер предосторожности против последствий этого плохого подражания Макиавелли... что неверно, будто мы имеем дело с людьми, способными противопоставить хитрости свою хитрость, против плута быть плутом вдвойне. О, какое это великолепное дело — политика!

Что же происходит на самом деле? А то, что правительство, которое все это видит, притворяется, будто ничего не видит, и пока ни во что не вмешивается. Та часть обоих сенатов, которая хочет восстановления монархии, равно как и та, которая хочет утверждения аристократической тирании, находит, что эта

тактика патриотов их вполне устраивает. Вот как рассуждают те и другие. Они говорят, что этой горсти демократов и революционеров, которая еще не выдохлась и образует среди народа санкюлотов единственное звено, продолжающее заниматься государственными делами, надо предоставить возможность изощряться, сколько им угодно, в своем притворстве и так называемой дипломатии, состоящей в том, чтобы не выступать с жалобами на правительство и обманывать себя ложным ожиданием момента, благоприятного для того, чтобы его свалить. Эти господа рассчитывают также, быть может не без оснований, что этот момент может никогда не наступить, и вот почему: патриоты, с их системой молчанья и скрыванья, обманывают самих себя. Они верят, как я уже сказал, в то, что правительство ничего не знает об их надеждах и намерениях. На самом деле оно все знает.

Патриоты верят также в то, что народ знает их секрет, что он лелеет его вместе с ними и примкнет к ним, когда они этого захотят. А между тем именно для народа, которому уже ничего больше не сообщают, который не слышит больше никакого ропота против тех, кто им управляет, именно для него секрет остается секретом. Он его не знает. Он привыкает страдать молча. Он становится совершенно равнодушным и чуждым общественным делам. Он тяжелеет до такой степени, что уже теряет способность опять увлекаться ими. Он отдаляется от этой горстки активных патриотов, и те, одинокие и покинутые, превращаются в маленькую, очень маленькую группку осторожных, которой пренебрегают, потому что ее слабость делает ее ничтожной и бессильной. Так эта прекрасная политика патриотов оборачивается против них самих.

Правительство всемерно способствует этой изоляции, этому отделению активных патриотов от народа. Оно одобряет тактику молчания. Оно также поддерживает апатию и отдаление народа от всего, что имеет отношение к государственному управлению. Оно постарается также рассеять остатки патриотов, постоянно пребывающих в движении. Оно согласится даже предоставить им должности в государственных учреждениях, с тем чтобы они не образовывали больше объединений, которые могли бы представлять опасность, а стали бы людьми, привязанными к правительству и к существующему общественному порядку.

Наконец, благодаря тому, что не будет больше публиковаться никаких бурных нападок на носителей власти, народ, и без того утомленный и бездумный, подавленный нищетой, которая будет непрестанно углубляться, станет думать только о хлебе. Он позволит создавать все, что угодно, не чиня никаких препятствий. Именно поэтому наши господа рассудили, и, пожалуй, довольно правильно, что им никогда не придется больше опасаться народного движения. Именно поэтому они могут быть уверены, что будут спокойно царствовать над обузданной народной массой.

Именно поэтому они могут рассчитывать на то, что абсолютный деспотизм, аристократический или королевский, легко сможет обосноваться и укрепиться навеки.

И все это будет результатом нашей пресловутой тактики, нашей несравненной политики! . . . .

Здесь я предлагаю читателю сделать небольшой перерыв. Призываю его также к особому вниманию и спокойствию. Это ему понадобится для того, чтобы оценить то важное, что мне остается ему сообщить... Нечасто выпускают газеты вроде этой; и уже совсем нечасто делают номера вроде настоящего. При более критических обстоятельствах это было бы невозможно. Наконец, нельзя было бы действовать таким образом, если бы исполнительная власть подписалась у вас на 6 тыс. экземпляров.

И, когда пишут так, как я писал и собираюсь впредь писать, то нет надобности писать долго. Или станешь вскоре полезным, чрезвычайно полезным, или же станешь совершенно бесполезным, рискуя не быть более полезным никогда. Это мое сочинение будет, быть может, моим последним сочинением. Как бы я этого хотел!

Говорят о роялизме. Было сказано, что я, быть может сам того не желая, оказал услугу роялизму, заставив снова опасаться тех, кого прозвали **террористами**, и тем отвлекая внимание от истинной опасности, которую представляют поборники монархии. Но роялизм к нам гораздо ближе, чем думают. Он — в этом ужасном, искусственно созданном голоде и всеобщей нужде, которые нас окружают. Он — в том самом молчании, которое вы, патриоты, храните, видя столько преднамеренных преступлений вокруг. Народ, я это уже не раз говорил, видит в Республике и республиканцах лишь нищету и угнетение! Как же можно хотеть, чтобы он не проникся к ним отвращением? Монархисты, которые все время начеку, нашептывают ему, что монархия даст ему спокойствие, мир и изобилие! Как же можно хотеть, чтоб он не отдал ей предпочтения? Разве молчать, не противореча монархистам и не указывая на те стороны системы народного правления, которые заставляют предпочесть ее трону, не означает наилучшим способом служить монархии?

Я указал на эти притягательные стороны, когда обязался перед народом «показать путь ко **всеобщему счастью**; быть его проводником до конца, вопреки противодействию патрициата и роялизма... показать ему, в чем **благо** революции... доказать ему, что она может и должна иметь конечным результатом **достаток и счастье, удовлетворение потребностей всех людей**» (см. мой «Проспект»).

Это принятое мной обязательство было встречено с горячим восторгом, и кем бы я был, и что можно было бы сказать обо мне, если бы я его не выполнил? Нет, я хочу доказать, что я взял его на себя всерьез.

Но как мне его выполнить, если я буду стеснен в средствах? Как я могу достигнуть успеха, если я буду ограничен в главном из средств писателя — в абсолютной независимости моего пера?

Максимилиан Робеспьер, сей человек, который будет должным образом оценен в веках, — и это будущее суждение вправе предвосхитить мой свободный голос, — скажет вам, можно ли исполнять роль, столь важную, как моя, если мысль закована в цепи.

«Секрет свободы, — говорит он, — заключается в просвещении людей...[8*]

Во все времена те, кто правит, стараются захватить в свои руки газеты и все другие средства управления общественным мнением[9*]. Только поэтому слово «газета» стало синонимом романа, и сама история превратилась в роман[10*]... Правительство не только берет на себя заботу о просвещении народа; оно ее резервирует для себя как исключительную привилегию и преследует всех тех, кто осмеливается с ним конкурировать[11*]... По этому можно судить, какими преимуществами пользуется ложь по сравнению с правдой. Ложь путешествует на казенный счет, она летит со скоростью ветра, она в мгновенье ока проносится по самому обширному государству; она одновременно находится в городах и в селах, во дворцах и хижинах; она пользуется всеми удобствами, ей всюду угождают; ее осыпают ласками, милостями и ассигнациями[12*]. Правда, наоборот, ходит пешком и медленно; она с трудом перебирается на свой счет из города в город, из деревни в деревню; ей приходится скрываться от ревнивых глаз правительства; она должна избегать чиновников, полицейских агентов и судей[13*]; ее ненавидят все клики. Все предрассудки и все пороки набрасываются на нее и оскорбляют ее. Глупость игнорирует или отталкивает ее. Хотя она сияет божественной красотой, злоба и честолюбие утверждают, что она чудовищно уродлива. Лицемерная умеренность называет ее фанатичной и подстрекательской; ложная мудрость зовет ее дерзкой и сумасбродной; коварная тирания обвиняет ее в на-

---

8* «Lettres à mes commettans», N 6.

9* Я это понял, когда мне предложили 6 тыс. абонементов.

10* Молодой человек, выпускающий «L'Orateur Plébéien» и берущийся давать советы, по-видимому, знает это. Ибо на стр. 8 своего 1-го номера он вменяет мне в преступление то, что я не хочу превратить свою газету в роман. По его мнению, мне бы следовало приноровиться к обстоятельствам, примениться к требованиям текущего момента и действовать в согласии с другими республиканскими журналистами. Я еще вернусь к этим выражениям, они очень интересны.

11* Я это хорошо знаю.

12* Что и произошло бы с романом, который требовали от меня в обмен на 6 тыс. абонементов.

13* Такова и судьба моего Трибуна, ибо он не роман. Но ничего! Мы сделаем так, чтобы наша правда преодолела все препятствия на своем пути, и, несмотря на трудности и затяжки, она придет.

рушении законов и потрясении общества [14*]. Цикута и кинжал — обычная плата за ее спасительные уроки. За те услуги, которые она стремится оказать людям, ее нередко награждают эшафотом. Она счастлива, если в своем трудном походе встретит несколько просвещенных и добродетельных людей, которые дадут ей убежище до тех пор, пока время, ее верный покровитель, не отомстит за нанесенные ей оскорбления» [15*].

[14*] Таковая история моего «Трибуна».

[15*] Это, конечно, убедительнее, чем аргументы газеты «L'Orateur Plébéien», историю которой, полагаю, уместно будет здесь изложить, а равно объяснить, чем она должна была быть и чем стала.

Находясь в тюрьме Плесси, я познакомился там с молодым человеком, не лишенным способностей и показавшимся мне тогда проникнутым самыми строгими принципами демократии и плебейской доктрины. Это было незадолго до 13 вандемьера, когда каждый угнетенный республиканец со дня на день ждал, что его оковы будут разбиты. Мы говорили о газетах, которые следует немедленно начать выпускать. Мы договорились с ним, что, как только я вернусь к выполнению своих обязанностей трибуна, он будет проповедовать в том же тоне и создаст газету, которая недавно и появилась под заглавием «L'Orateur Plébéien». Мы согласовали проспект. Я предложил ему эпиграф, он его принял. Я не диктовал всех фраз этого проспекта, но подсказал дух его и с удовлетворением отметил в нем достоинство, характер и идеи. Я не ожидал, что увижу затем 1-й номер, в котором нет ничего, одни только слова, трусость и ничего не значащие пустяки. Не понимаю, почему, публикуя эти бесполезные пустяки, он решил сначала заявить, что будет писать анонимно, а затем прикрылся плащом Эва Демайо [57]. Эв Демайо — совсем еще новое имя на политическом горизонте, но тот, кому оно принадлежит, не выйдет из неизвестности, одолжив его молодому человеку, который в определенной мере проституировал заглавие «L'Orateur Plébéien». Плебейский! Понимаете ли вы весь смысл этого слова, вдохновитель Эва Демайо? Врагов всеобщего счастья оно испугало, и потому в своей яростной критике они вас приравняли ко мне и поставили рядом со мной. Вы не почли для себя честью такое нападение на вас? У вас не хватило мужества выдержать его! Вы быстренько приготовились к отступлению. Вы начали с трусливого комментария к вашему божественному эпиграфу, который вы таким образом лишили всей его красоты и возвышенности! Вы дали ему объяснение, в котором нет здравого смысла, и сделали решительно все, чтобы убедить, что вы его совершенно не понимаете или что вы не достойны такого эпиграфа. Вы делаете газету в точности так, как этого требовали от меня (за 6 тыс. экземпляров), и я не стану отрицать, что вы их уже можете получить вместо меня. Титул Плебейский, которым вы себя облекли, это исполненная наглости ложь: вы не более чем республиканец сего момента. Но кто мог предполагать, что вы еще будете меня критиковать и читать мне наставления? Вы великодушно воздаете должное моим намерениям и принимаете во внимание мои прошлые заслуги; но мое нынешнее поведение вы называете необъяснимым безумием. Но сумасшедшие всегда называли безумием то, что они находили необъяснимым! Но те, кто способен видеть, что у меня есть цель, и цель в высшей степени справедливая и законная, и что я неплохо продвигаюсь к этой цели, не находят меня ни юродивым, ни сумасбродом... По вашему, я служу роялизму, сам того не зная. О, не унижайте же меня так! Я готов письменно заявить, что если я и служу роялизму, то вполне сознательно. Вы меня еще обвиняете в том, что я подвергаю опасности судьбу Республики строками, правда муже-

Ну что же! Какими бы опасностями ни сопровождалось обнародование правды, но, поскольку она столь достойна уважения сама по себе и поскольку она способна принести столько добра, мы не перестанем жертвовать собою ради нее. Поборники аристократической системы и те патриоты, которых они сумели обмануть, пишут, что мы образуем партию неосторожных. Что касается меня, то я, со своей стороны, говорю, что они составляют

ственными и которые стали бы благотворными в критические моменты... Так значит мои аргументы очень увлекательны, если я способен подвергнуть опасности судьбу Республики? Не станете же вы предполагать, что вся Республика может быть введена в заблуждение необъяснимым безумием? Затем если, по-вашему, мои мужественные строки могли бы быть благотворными в критические моменты, то я спрашиваю вас, не являются ли таковыми те, что мы сейчас переживаем? Далее, тем самым вы признаете, что все же разделяете мое мнение и желаете того, чего желаю я. Следовательно, вы также выдаете в печатном издании, и притом весьма неуклюже, мнимый секрет патриотов. Вы еще более его выдаете, говоря, что надлежит приноровиться к обстоятельствам и примениться к требованиям текущего момента.

«Иначе говоря, — скажет аристократия, — этот человек того же мнения, что и другой, с той только разницей, что он полагает, будто еще не время». Но вы должны же видеть, что ваши запутанные обороты куда хуже моих ясных фраз. Народ вас не слышит, а меня слышит. Стало быть, я его бужу, а вы будите только его врагов, которым вы предоставляете время, чтобы они могли отбить наступление народа, и в результате его время никогда не придет. Тогда как я их оглушаю, нагоняю на них страх и, право же, возможно, что именно мне обязаны кое-какими мерами, которые начинают принимать, чтобы снабдить Париж хлебом.

Вы говорите также о гражданской войне... как будто у нас ее нет! Как будто война богатых с бедными не есть жесточайшая из гражданских войн! Особенно когда первые действуют во всеоружии, а другие — без защиты. Вы не хотите гражданской войны! И поэтому вы хотите, чтобы народ терпеливо умирал от голода, холода, нищеты!.. О, дайте ему лучше все возможные войны... Пусть лучше он выступит и в равном бою померяется силами с теми, кто его убивает. Такая война скоро приведет к благоприятному для него концу, и она положит конец страданиям большинства. Чтобы лучше гарантировать победу, надлежит, говорите вы, действовать ловко, медлить... Медлить! Хитрить! Могу ли я хитрить и медлить, если я 48 часов ничего не ел? Если, вставая утром, я не знаю, что мне раньше отнести продать, мои старые поношенные штаны, или мою рубашку, или мой ветхий сюртук или жалкое одеяло? А быть может, все это продать сразу? И я не знаю, не придется ли к этому еще что-нибудь добавить, чтобы получить ту огромную сумму, которая необходима, чтобы прожить один день? А если, что еще гораздо хуже, мне уже нечего больше продавать?.. Дом горит, а когда вам говорят, что для тушения пожара, конечно же, нужна вода, вы с бранью отвечаете, что совсем не в этом дело, что надо делать политику! Мы на пылающем вулкане, а вы нам проповедуете терпение!.. О вы, умеющие терпеть и так замечательно делать политику, я восхищаюсь вашим хладнокровием. Думаю, что вы никогда не испытали лишений, уж больно легко вы о них говорите. Мне думается, что вид моего брата, страдающего рядом со мной, произвел бы на меня достаточно сильное впечатление и побудил бы к более ускоренным решениям. Но нет, у нас хотят искоренить последние остатки жалости, и мы скоро начнем пожирать друг друга.

партию усыпителей. Вожаки этой последней хотят приучить народ воздавать хвалу тому, что недостойно похвалы, потому что они знают, что необразованный народ находится во власти привычки и если склонить его к уважению того, что они желают упрочить, они надежно закрепят свою власть; тем более, что они рассчитывают на ту усталость от всяческих проповедей и отвращение к ним, которое в конечном счете стал испытывать народ

Вы говорите к счастью, а я говорю к несчастью, если эти исполненные правды мысли не окажут никакого влияния. Вы это утверждаете потому, что, по-вашему, моя газета изолирована, и патриоты ее не одобряют. Помолчите-ка лучше: если только у вас не купят 6 тыс. экземпляров, у меня всегда будет 100 читателей на одного вашего. Моя газета будет изолирована только от вашей и ей подобных, до тех пор пока вы не станете более достойны того заглавия, которое вы имели смелость принять. Вы высокопарно объявляете о себе, чтобы занять трибуну, где вашему взгляду как будто представляются священные тени Гракхов. Вы обещаете подражать их примеру и их самоотверженности, бросить вызов наглой и узурпаторской власти, заслужить, подобно им, преследования и смерть... А когда вы замечаете опасения, что вы, пожалуй, способны сдержать эти обещания, вы торопитесь с опережением на декаду покаяться в вашей первоначальной дерзости. О, теперь вам нечего бояться, никто не сочтет вас слишком опасным! Ведь вы приложили невероятные усилия к тому, чтобы извратить слова Тиберия и помешать людям думать, будто у вас хватит добродетели, чтобы проникнуться его словами в буквальном их смысле. Вы с полным основанием написали, что ваш 1-й номер есть достаточный ответ всем, кто мог бы обвинить вас в желании быть слишком последовательным подражателем обоих Гракхов. Но почему же вслед за этим вы хотите (подобно другому человеку, о котором я уже говорил), чтобы, поскольку вы так малы, я не поднимался выше вас? Пусть Трибун, намекаете вы, равняется по другим республиканским журналистам. Иначе говоря: мы — пигмеи, карлики, и мы не потерпим, чтобы кто-либо был выше нас ростом. Ну, нет!.. Я не собираюсь скрючиваться ради того, чтобы вам угодить. Что до меня, то сыновья Корнелии [58] — мои подлинные покровители; я не стану говорить, как это делаете вы, что они являются таковыми лишь до известной степени. Мое перо никогда не было только республиканским, оно было и всегда будет демократическим, плебейским. А это вовсе не одно и то же, слышите вы??? Правильно говорят, что среди патриотов не должно быть расколов. Но вы первые изолируетесь, и вы правильно поступаете. Между демократами, плебеями не должно быть разделения; но что касается просто республиканцев, они не входят в состав семьи: это ублюдочная порода, ее догматы допускают тысячу изменений, которые портят чистоту первоначальной морали и в результате которых исчезают строгие принципы равенства. Бог, разгневавшись, сказал однажды Адаму: Уходи, я тебя отвергаю. Я обращаюсь к вам с такими же словами и, подобно ему, добавляю: Возвращайся лишь тогда, когда очистишься.

Я жду ваш 2-й номер. Он должен скоро появиться, если, как вы это сделали в 1-м, вы и в нем заполните три страницы тем, что было уже вами напечатано обо мне в газете Шарля Дюваля (этот 2-й номер уже вышел раньше нашего, и, пожалуй, 3-й тоже нас опередит, ибо я замечаю, что ничто не может сравниться с плодовитостью АНТИПЛЕБЕЙСКОГО ОРАТОРА. Я называю его так без колебаний. Он себя показал во всей своей красе во 2-м номере. Низменная лесть перед Директорией, пошлые любезности в адрес всех партий, фигури-

в результате прискорбного опыта. Прав был тот аристократ или роялист из Версаля, который в письме к Луве написал, что те, кто хочет опорочить нынешнюю правительственную систему, ничего бы не имели против тех, кто атаковал бы ее прежде, чем она приобретет силу, достаточную, чтобы самостоятельно оказать сопротивление нападающим[16*]. Предоставьте этому правлению возможность завоевать доверие, и, если деспотизм окажется достаточно ловким, чтобы дать немного хлеба народу, оно укрепится на веки вечные. Сумейте же с самого начала оценить эту систему по достоинству. Имейте мужество сразу назвать ее настоящим именем и сказать народу, что вы о ней думаете. Докажите ему затем, что демократия, которую он хочет завоевать, даст ему не просто кусок хлеба, но и полный достаток, даст все, что ему необходимо... и вы можете быть уверены, что ваша система одержит верх над системами различных ваших врагов и вы обеспечите победу народа над самим собою.

Примите во внимание, что именно в настоящий момент три партии — роялизм, аристократия и демократия — изыскивают все возможные средства, чтобы вырвать друг у друга победу над народом. Та из трех, которая в ближайшем времени сможет гарантировать лучшее положение вещей и лучше других заранее докажет, что сумеет осуществить такую гарантию, наверняка одержит победу.

Но не надо откладывать. Надо помнить, что мы на посту, что народ ждет с нетерпением, что он действительно не может больше долго ждать и что он может принять опрометчивое решение в пользу любой из партий.

Пусть же это будет в пользу народной партии! Пусть демократы привлекут народ на свою сторону. Для этого пусть они докажут народу, что патриции, богатые будут его всегда держать в состоянии глубокого ничтожества. Пусть они наглядно покажут ему ту истину, что лишь демократия может обеспечить его счастье, что лишь она может сразу положить конец тому состоянию крайней нищеты, которую он не в силах больше терпеть. Пусть ему это докажут не медля, и народ, хотя и погруженный в глубокий сон, тотчас же воспрянет, станет опять самим собою и будет заодно со своими защитниками.

ровавших на политической арене начиная с 1789 г., — такова та широкая область проституирования, в которую бросился наш странный ОРАТОР. Пусть он там резвится, сколько ему угодно, заниматься им дальше значило бы загрязнить наше перо). Вот что значит работать сразу в нескольких газетах[59]. К тому же то, что вы пишете, столь ценно, что вы правильно поступаете, печатая это два раза кряду. Так как вы обыкновенно оказываете своим материалом большую помощь «Journal des hommes libres», я мог бы, со своей стороны, дать вам совет: вы поместили в конце вашего 1-го номера статью, которая уже была напечатана у Дюваля, теперь вы могли бы дать ему начало того же вашего номера, чтобы и ему было чем заполнить ближайший номер своей газеты.

[16*] «Sentinelle», 15 Brumaire.

Быстрота действий тем более необходима, что, как уверяют, роялизм в состоянии организовать движение под предлогом борьбы с этим ужасным голодом, этим разбоем всеобщей дороговизны, которые им же самим созданы! Мы должны упредить его, и поэтому нельзя терять времени.

Честолюбцы всех партий! Вы еще раз окажетесь лжецами. Ваши планы потерпят провал, и их крайняя жестокость ускорит конец ваших беспримерных злодеяний.

Патриоты! Вы несколько обескуражены, я позволю себе сказать, что вы несколько малодушны! Вас пугает то, что вас мало, и вы страшитесь неудачи. Но вы недавно видели, и все, что вы продолжаете видеть, говорит вам, что нельзя больше отступать. Победить или умереть! Вы не забыли, что такова наша клятва. Ваши враги побуждают вас ввязаться в драку, и я тоже! Действуя в этой драке не так, как этого хотели бы они, вы используете последнее оставшееся средство спасения родины. Поэтому я заставлю вас, наперекор вам, если нужно, быть смелыми. Я вас заставлю вступить в борьбу с нашими общими врагами... Свободные люди! Я вовсе не неосторожен... вовсе не действую преждевременно... Вы еще совсем не знаете, как и куда я хочу идти. Вы это скоро поймете по направлению моего движения. И тогда вы одобрите его, или вы не демократы. У нас сначала будет мало работников, это верно [17*]; но скоро мы их соберем столько, сколько нужно... Патриоты! Я сейчас выдам до конца то, что вы называете вашим секретом [18*], и я утверждаю, что тем самым я буду

17* См. второе письмо, примечание на стр. 82 [*см. стр. 501 настоящего тома*].

18* Существует ли такой секрет? Я уже доказал, что нет и что все патриоты говорят на улице то, что «L'Orateur Plébéien» напечатал: «Что их действия строго соответствуют обстоятельствам и требованиям текущего момента». Но я еще лучше доказываю это другим способом. Не правда ли, что все патриоты некогда восторженно приветствовали произведение Антонелля «Замечания о праве гражданства»? [60] Не правда ли, что в этом сочинении Антонелль обнажал аристократический характер и пороки проекта Конституции 1795 года и, сопоставляя этот проект с народностью и принципами высшей справедливости Конституции 1793 года, показывал огромные преимущества последней? Не правда ли также, что и после введения в действие новой Конституции патриоты не опровергли своего суждения о сочинении Антонелля и что они продолжают говорить о нем с прежним энтузиазмом?.. Стало быть, мы видим, что патриоты сегодня по-прежнему одобряют то, что одобряли, и отвергают то, что отвергали тогда, когда было опубликовано сочинение Антонелля. Стало быть, мы видим, что все оценивают это замечательное творение 11-ти так же, как и мы, и что, как это хорошо сказал (стр. 4) сам автор «Замечаний о праве гражданства», мы подчиняемся этому навязанному нам пакту лишь с тем, чтобы нарушить его, как только сможем, или чтобы быть повешенными, если нас на этом поймают. Те, кто по-прежнему одобряет сочинение бывшего мэра города Арля, уже одним этим высказываются об обеих конституциях столь же ясно, как я, говорящий во всеуслышание. И сам Антонелль столь же виновен, как и я, поскольку не отказывается от того, что он написал в свое время. Ибо до тех пор, пока Антонелль после введения

способствовать вашему спасению. Вы помните о двух письмах, о которых я говорил выше. Я их опубликую. Они исходят от двух человек, которых я уважаю и которые могли бы обидеться на мою нескромность лишь в том, я уверен, невозможном случае, если я этим не помогу спасению родины.

Конституции 1795 года не пришел униженно подписать свое отречение и заявить: «Я признаю, что ошибся», — это будет равносильно тому, как если бы он определенно заявил: «Я отнюдь не заблуждался». Если терпят то, что он остается верным своим тезисам, то почему мне нельзя пользоваться такой же возможностью? Ведь еще не уничтожен принцип, гласящий, что «закон одинаков для всех». И почему, если нас ранее лишали права высказать наше мнение о Конституции, еще раз лишать нас этого права после ее введения? Впрочем, похоже на то, что никогда нельзя будет и никогда не захотят прекратить критику Конституции. Один член английского парламента недавно выступил с такой критикой, которую мы позволяем печатать в наших газетах. Как же можно позволять это и в то же время находить дурным, что я тоже критикую? Или не надо позволять с э р у Д ж е н к и н с о н у, члену палаты общин британского парламента, выступать в роли критика, или же надо это разрешить и мне. Мы увидим, что критика сэра Дженкинсона не уступает моей.

Оратор сопоставляет мнения, преобладавшие во Франции в 1793 г., с теми, которые господствуют сейчас.

«В 1793 году, — говорит он, — провозгласили, что все люди равны, что единственной основой представительства является население, а не собственность; что восстание является священным долгом; что эти принципы надлежит провозгласить во всех других государствах и что те, кто их примет, получат помощь и поддержку со стороны французских армий. Учреждена была система клубов для поддержания и распространения этих принципов.

Но каковы же мнения во Франции в 1795 году?

Собственность объявлена основой представительства, и все те, кто не платит прямого налога, а равно все лица, состоящие на положении челяди, лишены избирательного права.

К тому же будущее правительство должно носить смешанный характер; предусматривается разделение легислатуры и в в е д е н и е с в о е г о р о д а АРИСТОКРАТИИ».

Вот суждение неопровержимого свидетеля о природе нашего правления. Французы совершили революцию, чтобы свергнуть невыносимое иго а р и с т о к р а т и и, а революция завершается тем, что возвращает им а р и с т о к р а т и ю.

«Если бы не бедствия войны, — говорит несколько дальше Дженкинсон, — демократические убеждения не были бы так скоро уничтожены. В этих принципах есть что-то столь чарующее для н и з ш и х к л а с с о в о б щ е с т в а, что только опыт, а также результаты действия этих принципов могут заставить от них отказаться».

Здесь не место доказывать английскому оратору, что пагубные последствия влекут за собой отнюдь не демократические принципы, а противоположные им.

Поэтому член парламента и не уверен в том, что его утверждение будет принято и что те демократические мнения, о которых он говорит, совершенно исчезли из сердца французов. Ибо в двух местах своей речи, касаясь этой конституции, которую он определяет как аристократическую, он выражает сомнение в том, сможет ли она удержаться. В одном месте он говорит: «Если конституция в самом деле будет введена в действие», а в другом: «Мы сможем сделать вывод о наступлении мира т о л ь к о, к о г д а м ы у в и д и м, ч т о ф р а н ц у з с к а я с и с т е м а п р а в л е н и я в в е д е н а в д е й с т в и е».

В следующем примечании я привожу текст этих двух писем [19*]. Патриоты! Я все сделал для того, чтобы показать, какой **ненавистью** к аристократическому строю, заковавшему нас в цепи, вы **одержимы**, и сделать для всех совершенно очевидным, что все ваши чаяния сводятся к возвращению демократии, уже ранее вами завоеванной. Я это сделал, ибо я убежден, что **пришло время** начать бой между вами и коварными врагами этой справедливой системы. Теперь вы будете вынуждены завязать этот бой! Этого я и хотел. Вы будете вынуждены это сделать, говорю я, потому что ваши враги не могут больше заблуждаться, а сами вы не можете больше скрывать, чего **мы хотим**. У нас нет больше задних мыслей. Я был и остаюсь убежденным в том, что если мы упустим этот момент для вступления в бой, то мы ненадолго сохраним надежду вновь завоевать то состояние свободы и счастья, ради которого мы принесли столько жертв.

Пламенные друзья мира не должны заключать из этих последних слов, что они являются положительным условием или средством немедленного прекращения войны. Сэр Дженкинсон любезно заявляет, что, если б он только мог, он потребовал бы гораздо более высокую плату за мир: «Мне было бы еще приятнее, — говорит он, — увидеть восстановление династии Бурбонов на троне и возвращение эмигрантам их имущества». Какая откровенность! И в то же время какой луч света!

Не следует также думать, что нельзя будет добиться такого же мира с другой конституцией, кроме той, которая почти одобрена вышеупомянутым членом парламента. Господин Фокс [61], который, по-видимому, также не склонен верить в наше отречение от демократических убеждений, успокаивает нас на сей счет: «Министры задают себе вопрос: уверены ли мы в том, что новая конституция просуществует больше восьми дней или месяца? Но тогда за ней последует какая-нибудь другая, и придется ее тщательно рассмотреть, прежде чем можно будет вступить в переговоры; таким образом, мы будем иметь дело с бесконечными проволочками, и это будет вечная война». Но вот что на это отвечает Фокс: «Среди всех своих волнений и перемен французы всегда сохраняли верность договорам; и **хотя бы они завтра изменили свою конституцию, хотя бы они ее меняли семь раз в неделю**, я буду готов вести с ними переговоры» (Выдержка из «Moniteur»).

19* 18 брюмера. Меня восхищает твой пыл и огорчает твое сумасбродство: Я тебя и уважаю, и порицаю... **Наши цели, наши желания совершенно совпадают**, а наши взгляды расходятся... Я могу ошибаться, но я желаю, чтобы результатом твоих трудов были общественное счастье и твое личное... Я тебя искренно люблю, и хоть я не согласен с тобою, но убежден в чистоте твоих намерений. **Подписано** Л...

19 брюмера. Твой 1-й номер был прочитан в обществе патриотов, ставших, подобно тебе, жертвами своей любви к свободе. Я пишу тебе от их имени. Мы трепетали, читая места, содержащие нападки на Конституцию 1795 года... Мы знаем, каковы наши беды, эту Конституцию мы оцениваем так же, как ты. Но... ты поступил неосторожно, напечатав то, что мы все знаем. Друг мой, **время еще не настало**... Берегись... ты должен сохранить себя для своих сограждан; ты должен просвещать народ, который ты любишь, но ты должен принять во внимание, и т. д. Не пренебрегай мнением тех, кто проливал слезы по поводу твоего заточения и т. д., и т. д. **Подпись** Б....

Пусть правительство, которому республиканцы расточают лесть и которое патриции и роялисты ненавидят от всего сердца, пусть это правительство оправдает надежды одних и воздаст по заслугам за ненависть других. Пусть оно не препятствует, а поможет действиям, необходимым для восстановления народа во всех его правах. Пусть члены исполнительной Директории найдут в себе достаточно добродетели, чтобы подорвать свое собственное установление. Пусть они это сделают с охотой и пусть первыми клеймят презрением это громоздкое, крайне аристократическое сооружение, это гигантское учреждение, которому всегда трудно было бы устоять, потому что оно слишком уж сильно противоречит тем принципам, что побудили нас совершить революцию. Пусть они отбросят всю эту пышность, всю эту венецианскую помпу, это почти королевское великолепие, оскорбляющие наши взоры, ибо мы уже привыкли восхищаться лишь тем, что просто и отражает строгое равенство. Пусть они защищают, а не преследуют апостолов демократии и дадут им возможность свободно проповедовать ее святую мораль [20*]. Пусть они покажут себя столь же великими, как Агис и Клеомен в сходных обстоятельствах... [21*]

. . . .

Еще минуту внимания!.. До сих пор мы только отвечали на упреки, что мы якобы напрасно выступали, ссылаясь на великие принципы, в защиту поруганной свободы и нарушенных прав народа. Мы были вынуждены написать чуть ли не целый том, чтобы доказать, что говорить о восстановлении демократии — отнюдь не преступление и что отнюдь не является нескромностью

[20*] В этом случае я получил бы 6 тыс. абонементов, а роль Фуше из Нанта стала бы благородной.

[21*] Известно, что в Спарте было два царя, или два члена исполнительной Директории. У нас их пять, что соответствует бóльшим размерам территории Французской Республики. Агис и Леонид царствовали вдвоем. Агис, хотя и царь, принялся за восстановление превосходных и весьма популярных учреждений Ликурга, исчезнувших под действием коррупции и времени. Его коллега Леонид препятствовал этим похвальным начинаниям. Между обоими царями возникла довольно длительная война. Агис потерпел поражение и погиб. Его жена, Агиатис, вышла замуж за Клеомена, сына Леонида, врага и палача ее первого супруга. Но она сумела зажечь в душе Клеомена пламенное желание довести до конца то благородное дело, которому Агис положил начало. Клеомен добился осуществления этого замысла. Лакедемоняне обрели в нем нового Ликурга и опять стали пользоваться благодеяниями обожаемой демократии.

Есть ли Клеомены и Агисы в нашей Директории? Если есть, пусть они выскажутся и заставят замолчать Леонидов. Лишь при этом условии они могут искупить преступление, совершенное ими, когда они приняли должность, само учреждение которой означает узурпацию суверенитета народа. Если все они Леониды, то они все, исходя из принципов Республики, заслуживают смерти. Казнь Людовика XVI была мотивирована лишь тем, что он был королем. Всякого, кто им является под каким бы то ни было наименованием, должен ждать такой же конец.

говорить об этом именно сейчас. Теперь пора перейти к существу дела. Пора заговорить о самой демократии; определить, что мы разумеем под этим и чего мы от нее ждем, наконец, согласовать со всем народом способы ее установления и сохранения.

Ошибаются те, кто думает, что меня волнует лишь вопрос о замене одной конституции другой. Мы нуждаемся больше в учреждениях, чем в конституциях. Конституция 1793 года лишь потому была встречена приветствиями всех честных людей, что она подготовляла путь учреждениям. Я перестал бы ею восхищаться, если бы она не могла быть средством достижения этой цели. Любая конституция, оставляющая в действии старые учреждения, несправедливые и убийственные для людей, не может вызвать у меня энтузиазма. Любой человек, призванный возродить людей, который будет с трудом тащиться по старой колее предшествующих законодательств, варварски увековечивающих деление на счастливых и несчастных, не будет в моих глазах законодателем, он не внушит мне уважения.

Начнем же с создания хороших учреждений, плебейских учреждений, и мы сможем быть уверены в том, что за этим последует хорошая конституция.

Плебейские учреждения должны обеспечить всеобщее счастье, равное благосостояние всех членов общества.

Вспомним вновь некоторые из основных принципов, развитых в нашем последнем номере на тему «Война богатых и бедных». Такого рода повторения отнюдь не надоедают тем, кто этими вопросами интересуется.

Мы установили[22*], что полное равенство вытекает из первоначального права; что общественный договор не только не должен нарушать этого естественного права, но и должен гарантировать каждому, что это право никогда не будет нарушено; следовательно, никогда не должно быть таких учреждений, которые благоприятствовали бы неравенству, жадности, которые позволяли бы отнимать необходимое у одних ради образования излишков у других. Что, однако, произошло обратное: что в обществе возникли нелепые соглашения, защищающие неравенство, допускающие ограбление большинства меньшинством; что в некоторые периоды эти убийственные социальные правила приводят в конечном результате к сосредоточению почти всех богатств в руках нескольких человек; что мир, естественно существующий, когда все счастливы, в эти периоды неизбежно нарушается; и так как большинство народа не может более существовать, будучи лишено буквально всего и встречая со стороны тех, кто все захватил, лишь безжалостность и жестокость, то все это ведет к эпохе великих революций, к достопамятным периодам, предсказанным в Книге судеб и времен, когда становится неизбежным общий переворот в системе собственности, когда восста-

[22*] Трибун народа, № 34, стр. 11 и след. [*см. настоящий том, стр. 440 и след.*].

ние бедных против богатых становится необходимостью, которую ничто не может одолеть.

Мы доказали, что в таком положении мы и находились к 1789 г. и что именно поэтому тогда вспыхнула революция. Мы доказали, что после 1789 г., а особенно после 1794 и 1795 гг., нагромождение общественных бедствий и угнетения сделало особенно неотложным величественное выступление народа против его грабителей и угнетателей.

В таких обстоятельствах нужны трибуны, которые первыми предостерегут и пробудят всех своих страждущих братьев. Те, кто первым проявляет достаточно энергии, чтобы напасть на угнетателей, получают признание со стороны угнетенных. Таким был Луций Юний, называемый Брутом, первый трибун Рима [23*], во время ухода народа на Священную гору. То жалкое состояние, до которого тогда римляне были доведены бесчеловечностью их патрициев, не может все же идти в сравнение с нынешним нашим положением, которым мы также обязаны не меньшему варварству наших богачей. Римляне были переобременены долгами, и кредиторы обращали их в рабство. Но эти долги доказывают, что по крайней мере римляне еще получали какое-то вспомоществование от тиранической касты, и если последняя обращала их в рабство, то по крайней мере она обязывалась давать им пропитание. Нас же отнюдь не заставляют делать долги, а довольствуются тем, что принуждают нас расстаться с последней одеждой; нас не обращают в рабство, а предпочитают, когда у нас уже ничего не осталось, предоставить нам умирать от голода!

Еще до 1 прериаля кровью, смешанной со слезами, была нарисована печальная картина удручающих нас бед.

«Истощенные нуждой, — сказано в одном из обращений женщин Парижа, — мы уже не можем держаться на ногах... Мы долго терпели, чтобы никто не мог сказать, будто мы сами виновны во всех наших несчастьях, чтобы не дать злобе никакого повода для клеветы на нас. Но мы не можем больше спокойно переносить ту пытку голодом, которая нас терзает... Мы не можем больше оставаться бесчувственными свидетелями того, как расчеты честолюбия и алчного стяжательства с каждым днем приближают нашу гибель... Мы не можем больше смотреть на то, как наши дети умирают на наших иссохших грудях; они высасывают только кровь, а не молоко, которое природа назначила им в пищу! — П р а в и т е л и! В л а с т ь и м у щ и е!.. Взгляните на этих несчастных матерей, чьи дети, пораженные бедствием голода, умерли прежде, чем они должны были ро-

---

[23*] Обычно славят только двух Брутов: того, кто изгнал Тарквиниев, и того, кто заколол Юлия Цезаря [62]. Странно, что меньше говорят о том, кто, возглавив народ на Священной горе, добился отмены долгов, учреждения трибуната и осуждения Кориолана [63] к изгнанию.

диться! Вспомните наших родителей, наших друзей, наших братьев, унесенных голодом! Пойдите к их многочисленным могилам. Они кричат вам из гробов: «Нас убил голод! Мы умерли в ужасных муках отчаяния и гнева!.. Скажите нашим детям, чтобы они следовали за нами; пусть они не терпят тысячу смертей вместо одной, которую им предназначила природа!!!» Это поколение кончается до времени!.. Поколения, которые должны были сменить его, останавливаются в своем развитии и отбрасываются назад!.. Силы людей всех возрастов истощаются и гаснут!.. Боль и горячка тяготеют над нами и подрывают здоровье почти всех граждан!.. Чума, всегда следующая за голодом, унесет нас тысячами!!!»

Этот документ останется потомству как свидетельство невообразимых преступлений, он поставит наших организаторов голода и наших палачей на первое место среди всех убийц, которых знает история человечества.

Нужно ли приводить еще одно подтверждение нашего неизменно ужасного положения? Передадим нашим потомкам очень точное его описание, которое содержится в афише, расклеенной на стенах домов Парижа и подписанной «Патриоты 89 года».

«Народ чувствует, — говорится там, — как нужда раздирает его внутренности. Он уже продал свою мебель, одежду, вещи своих детей, для того чтобы продлить на несколько часов жизнь, которая его покидает. Скупой владелец зерна отказывается дать своим ближним, даже за золото, недостающее им пропитание. Бедный умирает, находясь рядом с изобилием, которое принадлежит не ему и до которого он не смеет, не может дотронуться. Богатый и пресыщенный скупщик возлежит на мешках муки, которые его жадность спокойно собирает среди всеобщей нужды... Гнусный спекулянт возлежит на кучах золота и ассигнатов, ценность которых он подрывает, чтобы прибрать их к рукам, и которые являются плодом его повседневного разбоя и его всепожирающей жадности. Ужасный голод, созданный опустошительной политикой контрреволюции, уносит в могилу и нынешнее поколение, и тех, кто еще не родился. Ценность ассигнатов почти сведена на нет вследствие ухищрений заговорщиков и махинаций убийственного ажиотажа, дозволенного или терпимого. Цены всех товаров выросли во сто крат. Но цена честного труда отнюдь не выросла в такой пропорции. Среди граждан, сумевших пережить опустошения голода и общее истощение, лишь тот, кто обладает скромным доходом, чувствует себя сраженным. Он лишен средств. Ему остаются только отчаяние и смерть.

Доколе же будет длиться бешенство врагов народа? Доколе правосудие будет изгнано с территории свободы? Доколе будет оно оставаться немым и бессильным?»

Вы, огласившие этот столь полезный запрос, вы не напрасно это сделали. Мы можем вам ответить.

«Доколе, — спрашиваете вы, — может длиться молчание правосудия? Доколе будет длиться бешенство врагов народа?».. До тех пор, пока народ не станет тем, чем он был повсюду и во все времена, когда благодаря своей доблести он проявлял себя достойным одержать победу над своими врагами и обеспечить торжество правосудия, которое он любит. До тех пор, пока он не перестанет закрывать рот тем, кто хочет выступать в его защиту. До тех пор, пока он не перестанет называть неосторожными людей, отдающих все свои силы, чтобы объявить беспощадную войну тем, кто его угнетает.

С каких это пор осмеливаются проповедовать эту странную доктрину молчания в то самое время, когда тирания становится все более наглой и отвратительной. С каких пор утверждают, что надо молчать, между тем как наши беды достигают предела? Когда убийцы народа разят его особенно беспощадно?.. Этого требует политика! Это какая-то новая политика. Обычно именно крайности бесстыдного варварства угнетателей выводили народы из их естественного спокойствия, и тогда они попирали своих тиранов. Искупительные истины, способствующие освобождению, никогда не разделяли друзей отечества, они смущали только фальшивых патриотов; и приходилось считать таковыми тех, кто хотел заглушить эти истины. Они увеличивали число патриотов, ибо открывали всем страждущим путь к спасению. Ранее никто никогда не боялся показать цель, к которой стремился. Римляне нисколько не скрывали, что хотят получить землю, чтобы иметь возможность жить. Их отнюдь не смущали вопли, козни и софизмы патрициев. Их нельзя было убить этой дурацкой аксиомой: уважение к собственности. Они знали, как на это ответить: уважение к той собственности, которая достойна уважения. Своей декларацией, своими всегда открытыми, совершенно гласными выступлениями они, по крайней мере, способствовали росту своей партии, потому что каждый видел, куда он стремится, и каждый, движимый собственными интересами, охотно помогал достижению этой цели. Но если мы ничего не хотим открыть, если мы не показываем ничего, что может заинтересовать массы, если они не видят впереди ничего, что походило бы на благоденствие после уничтожения тирании, то как вы хотите, чтобы они решились выступить против нее и поколебать ее? Почему и во имя чего должны люди горячиться?

Несчастные французы! Откройте несколько томов истории, и вы увидите, боялись ли когда-либо те люди, что больше всех заслужили ее похвалу и наше восхищение, говорить абсолютную правду каждый раз, когда на род людской обрушивалось абсолютное же угнетение.

Рим был в 268 году его эры примерно тем, чем является Франция в четвертом году Республики. Но проповедовали ли в то время догмат молчания и терпения, осторожности и посто-

янства?.. Нет. Является Кассий Висцеллин и указывает прямо на самое больное место. Хоть и патриций, он первый выступает с предложением аграрного закона. «Крайне несправедливо, — восклицает он, — что столь мужественный римский народ, повседневно подвергающий свою жизнь опасности ради расширения границ республики, томится в позорной бедности, между тем как сенат и патриции одни пользуются плодами его завоеваний... Плебеи! — добавляет он, — только от вас зависит одним ударом покончить с той нищетой, до которой вас довела жадность патрициев». Речь эта, по словам Верто[64], была принята народом с пламенным восторгом. Только подлый Аппий и его подручные (эти Луве, Реали и Меэ того времени) обзывали Кассия роялистом, как нынешние Аппии обзывают меня.

В 283 году положение народа было столь же мучительным. Но сенатор Эмилий отнюдь не столь осторожен, чтобы остаться лишь свидетелем и скрывать свое негодование. Он выражает это чувство с большой силой: «Римляне! Право, я не знаю ничего более несправедливого, чем богатство отдельных лиц, нажившихся на добыче, взятой у врага, между тем как остальные граждане стонут в бедности и нищете. Дошло до того, что бедные плебеи боятся иметь детей, ибо могли бы оставить им в наследство лишь свою нищету. Вместо того чтобы каждому обрабатывать свой участок земли, они вынуждены ради хлеба насущного работать как рабы на землях патрициев. Такая рабская жизнь не способствует укреплению мужества римлян!.. Невозможно сохранить мир и единение между гражданами свободного государства, если благое действие закона не приблизит условий жизни бедных к условиям жизни богатых и если завоеванные у неприятеля земли не будут разделены поровну».

Послушаем Терентилия Арсу, трибуна. Он выступает столь же ясно и столь же энергично, когда проводит закон, получивший его имя. Он не обращает внимания на брань щеголя Цезона, достойного сына старого скупца и лицемера Цинцината, которого могли славить только дураки или плуты и который, будучи диктатором, показал себя лишь жестоким эгоистом, надменным ханжой и врагом народа.

А теперь послушаем старого солдата. Это Сиций Дентат. Его речь может служить образцом для наших воинов, прославившихся преодолением опасностей и одержанными победами. Мотивы, лежащие в основе этой речи, поражают своим сходством с теми, которые могли бы приводить наши защитники. Предоставим слово Сицию:

«Вот уже 40 лет я ношу оружие. Я принимал участие в 26 сражениях. У меня 45 ран, и все спереди. В одном бою я получил 12 ран. Я получил 14 гражданских венков за спасение в боях жизни стольких же граждан. Я получил 3 стенных венка за то, что шел первым, когда мы брали крепости приступом. Мои генералы дали мне еще 8 венков за то, что я отбил у врагов знамена

наших легионов. В своем сельском доме я храню 80 золотых ожерелий, более 60 браслетов, золоченые копья, великолепное оружие и ратную сбрую как свидетельство и награды за победы, одержанные мной в отдельных сражениях, в передовых отрядах армий. Между тем со всеми этими почетными оценками моих заслуг нисколько не посчитались. Ни я, ни многие храбрые солдаты, добывшие для республики ценой своей крови лучшую часть ее территории, не владеем ни малейшей ее частью. То, что мы завоевали, стало добычей нескольких патрициев, у которых нет других заслуг, кроме мнимого благородства их происхождения и громкого имени. Ни один из них не мог бы обосновать документами владение этими землями; быть может, они государственные имущества считают своей собственностью, а плебеев — подлыми рабами, недостойными получать часть богатства республики? Но пришло время этому великодушному народу взять свою судьбу в собственные руки, и он должен тут же показать путем немедленного издания закона о разделе земель, что в поддержке предложений своих трибунов он проявит не меньше твердости, чем в сражениях с врагами государства».

Когда, дабы уклониться от справедливых требований народа, его стараются удалить за пределы страны, начав внешнюю войну, чтобы этим отвлечь его, поднимается трибун Канулей и, обращаясь к сенату, смело заявляет: «Говорите о войне сколько вам угодно; изображайте в ваших посредственных речах объединение и силы наших врагов еще более грозными; прикажите, если хотите, перенести ваш суд на площадь, чтобы там производить набор солдат; я заявляю, что этот народ, столь вами презираемый, которому, однако, вы обязаны всеми вашими победами, больше нельзя будет завербовать, что никто не явится, чтобы взять в руки оружие, и вы не найдете ни одного плебея, который согласился бы рисковать своей жизнью ради надменных господ, согласных подвергать нас опасностям войны, но желающих лишить нас наград за доблесть и самых сладких плодов победы».

В сходных обстоятельствах другой трибун, Ицилий, сумел сказать народу следующие слова: «Ваших подлинных врагов ищите только в Риме. Величайшая война, в которой вам надо выстоять, это та, которую сенат уже давно ведет с римским народом».

А Манлий, не являвшийся трибуном, но желавший сделать столько же, как если бы он был им; Манлий Капитолийский, тоже оклеветанный аристократией, обвинившей его в стремлении стать царем, и который, по-моему, был лишь жертвой своего бескорыстного рвения, не достоин ли и он быть вашей путеводной звездой, французы, в тех мрачных обстоятельствах, в коих вы пребываете? Оцените должным образом его речь в защиту бесспорной справедливости раздела государственных земель и необходимости установить строгое равенство между всеми гражданами одного и того же государства: «Вы никогда не спра-

витесь с таким возвышенным делом, — сказал он, — если спеси и скупости патрициев вы будете противопоставлять только жалобы, ропот и тщетные речи. Пришло время освободиться от их тирании».

Нужны ли вам, мои сограждане, другие примеры, диктующие линию вашего поведения? Вот еще одно выступление трибуна Секстия, которое, конечно, тоже могло бы сойти за неосторожное. Однако именно результатом этой неосторожности было принятие закона Лициния, названного по имени его первого автора, Лициния Столона, коллеги Секстия. Это прекраснейший из когда-либо принятых в Риме законов, наконец-то ограничивший чудовищное неравенство. Но послушаем того, кто лучше всех выступил, чтобы убедить принять этот закон: «Столь большое неравенство между гражданами одной и той же республики, — говорил Секстий, — и есть причина того, что народ стонет под бременем ростовщиков и что мы видим повседневно, как свободных людей тащат в тюрьму, закованных в цепи, как рабов. И не надо тешить себя надеждами, что богатые хоть немного умерят свою жадность или патриции хоть немного смягчат тираническую власть над нами и нашим имуществом, если только народ не окажется достаточно смелым, чтобы избрать должностных лиц исключительно из своей среды, которые и станут выразителями его нужд и защитниками его свободы».

Я бы никогда не кончил, если бы решил привести все речи, способные поднять дух людей, имеющих несчастье быть угнетенными. Казалось бы, в этом не должно бы было быть нужды, и гнет сам по себе должен быть достаточным стимулом. Однако я должен указать, в качестве ободряющего примера, бессмертное предложение первейшего из трибунов — человека, который больше всех внушает мне восхищение и уважение. Я говорю о внуке великого Сципиона, о Тиберии Гракхе, о том, кого негодяи тех времен тоже оклеветали, приписав ему тайное стремление к короне, облеченное в форму якобы глубокой заботы о народе; и я хочу сказать о том, какими странными путями он к этому шел: «Дикие звери, — говорил он, — имеют берлоги и пещеры, где они могут спрятаться, тогда как граждане Рима не имеют ни крыши, ни хижины, чтобы укрыться от ненастья, и, лишенные жилья и постоянного местопребывания, блуждают как несчастные изгнанники у себя на родине. Вас называют господами и повелителями всего мира. Какие вы господа! Какие вы повелители! Вы, кому не оставили даже пяди земли, которая могла бы послужить хоть для могилы!» [65]

Уж, конечно, я не стану извращать глубокий смысл этой драгоценной речи, и дай бог, чтобы народ всецело проникся ею и сумел наконец извлечь из нее пользу! Дай бог, чтобы адвокатам и потокам красноречия не удалось исказить ее важное значение! И болтун Цицерон, выступающий против Рулла, последнего поборника Гракхов, нравится мне не больше, чем

«L'Orateur Plébéien», когда он извращает их учение, вопреки своему эпиграфу.

«Значит, вы добиваетесь аграрного закона?»[66] — воскликнут тысячи голосов «порядочных людей». Нет, мы хотим большего. Мы знаем, какой неодолимый аргумент будет нам противопоставлен. Нам скажут, и вполне справедливо, что аграрный закон продержался бы не более одного дня, что на следующий день после его установления возродится неравенство. Те трибуны Франции, которые нам предшествовали, лучше поняли, в чем заключается правильная система общественного счастья. Они поняли, что оно может стать реальным только при учреждениях, способных обеспечить и сохранить в неизменном виде подлинное равенство.

Подлинное равенство не есть химера. Практический опыт его был удачно осуществлен великим трибуном Ликургом. Известно, как он добился учреждения этой великолепной системы, при которой общественные обязанности и выгоды были равно поделены, достаток стал уделом всех и никто не мог приобрести излишков.

Все честные моралисты признали этот великий принцип и стремились подтвердить его. Те, кто наиболее ясно провозгласил этот принцип, и были, на мой взгляд, наиболее достойными уважения людьми и самыми выдающимися трибунами. Еврей Иисус Христос лишь в слабой степени заслуживает этого звания[67], ибо выразил эту максиму слишком неясно: «Возлюби ближнего своего, как самого себя», — сказал он. Это правильное изречение, но отсюда не вытекает с достаточной ясностью, что первейший из всех законов гласит: ни один человек не имеет права притязать на то, чтобы кто-либо из ему подобных был менее счастлив, чем он сам.

Жан-Жак лучше уточнил этот же принцип, написав: для того чтобы общественное состояние усовершенствовалось, надо, чтобы каждый имел достаток и никто не имел избытка[68]. Эта короткая фраза, на мой взгляд, элексир «Общественного договора». Его автор выразил это столь внятно, как только было возможно в то время, когда он писал, и этих немногих слов достаточно для тех, кто способен понять.

Дидро тоже вполне недвусмысленно высказывается о сущности единственно правильной, соответствующей требованиям справедливости, общественной системы[69]: рассуждайте сколько вам угодно о лучшей форме правления, говорит он, вы ничего не добьетесь, пока не уничтожите основы алчности и честолюбия. Нет надобности специально объяснять, что при лучшей форме правления надлежит исключить для всех управляемых возможность стать богаче или обладать большей властью, нежели любой из их собратьев; что получение справедливой, равной и доста-

точной доли всех благ должно стать разумным пределом для жадности и честолюбия каждого человека.

И Робеспьер говорит нам, что такова суть всякого договора, основанного на справедливости, на первоначальных правах или законах природы. Цель общества, говорит он в своей Декларации прав [24*], всеобщее счастье, т. е., очевидно, равное счастье всех людей, которые рождаются равными в правах и потребностях. И несколько дальше излагается еще одно правило вечной морали: Не делай другим того, чего ты не хотел бы, чтобы делали тебе. Иначе говоря: « Делай другим все то, что ты хотел бы, чтобы делали тебе; заботься о том, чтобы каждый из остальных был так же счастлив, как ты сам желаешь быть, чтобы, следовательно, он был совершенно равен тебе, ни больше, ни меньше».

А когда эти неоспоримые истины захотели все же оспоривать, разве не во всеоружии высшего разума выступил Сен-Жюст, беря их под двойную защиту в своем замечательном обращении к вам, всегда угнетенным санкюлотам: «Подлинная сила на Земле — это бедняки, они вправе разговаривать как хозяева с теми правительствами, которые ими пренебрегают».

Религия строгого равенства, которую мы осмеливаемся проповедовать всем нашим обездоленным и голодным братьям, даже им покажется, пожалуй, непривычной, хотя она и вполне естественна; она покажется им, повторяю, пожалуй, новой по той причине, что мы так привыкли к нашим старым, варварским и извращенным учреждениям, что нам уже трудно постичь другие, более справедливые и более простые. Но пусть они знают, что я отнюдь не являюсь первым проповедником этой религии. Арман из Мёзы [71] полностью завершил свое поприще в Конвенте. Он здравствует и поныне и действует в одном из двух советов. Поверите ли, что в газете Одуена от 26 апреля 1793 г. запечатлен текст трижды замечательной речи Армана:

«Люди, которые захотят придерживаться истины, признают, что после завоевания политического равенства, т. е. равенства в правах, самым естественным и самым активным является желание обрести подлинное равенство.

Больше того, без этого желания или надежды на подлинное равенство равенство в правах было бы лишь жестокой иллюзией, которая вместо обещанных ею благ обрекла бы на танталовы муки самую многочисленную и самую полезную часть граждан.

24* Декларация прав 1793 года целиком составлена Робеспьером. См. в протоколе заседания якобинцев от 21 апреля 1793 г. представленный им проект Декларации прав, который клуб постановил одобрить, напечатать и отослать в Конвент. Сравните этот проект с окончательно принятым текстом Декларации, и вы убедитесь, что ни одно слово не было изменено [70].

Я добавлю, что первоначальные общественные учреждения даже и не могли иметь другой цели, кроме установления подлинного равенства между людьми; и еще скажу, что в морали не может быть более нелепого и более опасного противоречия, нежели равенство в правах без подлинного равенства. Ибо если я обладаю каким-либо правом, то лишение меня этого права на деле есть несправедливость, и несправедливость возмутительная.

Откажемся от всех этих метафизических различий, этих развращающих и лживых творений тщеславия и эгоизма. Существует вечная истина, и пора всем добровольно воздать ей должное, иначе придется делать это по необходимости, причем можно опоздать; истина эта заключается в том, что равенство в правах есть дар природы, а не благодеяние общества: это одно из прав человека. Но так как права человека игнорировали и равенство в правах часто не могло дать слабым людям подлинного равенства, без которого первое не имело никакого значения, то они объединились, чтобы обеспечить друг другу пользование на деле равенством в правах: это одно из прав гражданина.

...Если в естественном состоянии люди рождаются равными в правах, они не рождаются равными на деле; ибо сила и инстинкт, данные им тоже природой, создают между ними очень большое фактическое неравенство, несмотря на равенство в правах: но их объединение и их общественные учреждения не могут и не должны иметь иной цели, кроме осуществления на деле этого равенства в правах путем защиты слабого против угнетения со стороны более сильного и путем обращения на общую пользу труда и умения отдельных людей.

...Самое пагубное и жестокое заблуждение, в которое впали Учредительное собрание, Законодательное собрание и Национальный конвент, рабски следуя по стопам предшествовавших им законодателей, состоит в том, что... они не обозначили границ права собственности и оставили народ без защиты от жадных спекуляций бездушного богача.

Не будем стремиться обнаружить, допускают ли законы природы существование собственников и не имеют ли все люди равных прав на землю и ее плоды; нет и не может быть у нас никаких сомнений относительно этой истины.

Важно знать и ясно определить, что, если в общественном состоянии соображения общей пользы допустили существование права собственности, они должны были также его ограничить, а не оставлять его осуществление на произвол собственника; ибо, если допустить существование этого права без всяких мер предосторожности, человек, который в естественном состоянии вследствие своей слабости оказывался под гнетом более сильного, в общественном состоянии попадет в такую же беду.

То, что в первом состоянии было слабостью, во втором — стало бедностью. В первом он был жертвой более сильного; во втором — он жертва богатого и интригана. И общество не только не будет для него благом, оно, наоборот, лишит его естественных прав, с тем большей несправедливостью и жестокостью, что в естественном состоянии он мог, по крайней мере, бороться за свое пропитание с дикими зверями, тогда как люди, более жестокие, чем звери, лишили его этой возможности посредством тех же общественных связей, так что не знаешь, чему больше удивляться: неблагоразумной бесчувственности богатого или добродетельному терпению бедняка.

Между тем на этом-то терпении и покоится общественный порядок; на этом терпении спокойно возлежит сластолюбивый богач; следствием этого добродетельного и великодушного терпения является то, что бедняк, всю жизнь гнущий спину над землей, в конце дней своих находит на ней свой покой лишь для того, чтобы ее больше не увидеть, да еще счастлив, что, таким образом, пришел конец его бедам. И неужели в награду за такие добродетели мы оставим его во власти наших варварских учреждений и осмелимся продлить их притеснения и злоупотребления!

Напрасно говорят, что бедняк пользуется, как и богатый, равенством перед законом; это лишь политическое обольщение.

Человеку, страдающему от голода и других неудовлетворенных потребностей, нужно не абстрактное равенство: оно у него было и в естественном состоянии. Ибо, повторяю, оно вовсе не дар общества, и если этим ограничить права человека, то лучше бы ему оставаться в естественном состоянии, отыскивая свое пропитание и борясь за него в лесах и на берегах морей и рек.

...Первое и самое опасное, хотя и самое безнравственное, из возражений — это мнимое право собственности в принятом его смысле. Право собственности! Но что же это такое? Понимать ли под этим неограниченную возможность располагать ею по своему усмотрению? Если так, то, заявляю во всеуслышание, это означает допущение закона силы, это нарушение воли общества, это значит призвать людей к осуществлению естественных прав и вызвать распадение политической организации. Если же не так понимать право собственности, то какова же будет мера и граница этого права? Ибо в конце концов какая-то граница должна же быть. Надеюсь, вы не ожидаете, что ею будет умеренность собственника?..

...Хотите ли вы искренне счастья народа? Хотите ли вы, чтобы он был спокоен? Хотите ли вы связать его неразрывными узами с успехом революции и установлением республики? Хотите ли вы положить конец его беспокойствам и внутренним волнениям? Объявите сегодня же, что основой республиканской конституции французов будет ограничение права собственности...

Сейчас революцию надо делать не в умах; не там надо добиваться ее успеха; она уже давно там свершена и совершенна. Но надо, чтобы и в вещах свершилась наконец полностью эта революция, от которой зависит счастье рода человеческого. Для народа, для всех людей никакого значения не имеет перемена в мнениях, которая может им доставить только мысленное счастье. Можно, конечно, восторгаться такой переменой мнения; но подобные духовные наслаждения подходят только для умников и людей, пользующихся всеми дарами фортуны. Им-то легко упиваться свободой и равенством: народ тоже выпил их первую чашу с наслаждением и восторгом, он тоже испытал опьянение. Но смотрите, что будет, когда пройдет это опьянение и, успокоившись и почувствовав себя несчастнее прежнего, он объяснит это обольщением нескольких мятежников и вообразит, что стал игрушкой страстей или доктрин и честолюбия нескольких человек. Высокий нравственный уровень народа есть лишь прекрасная мечта, которую надлежит осуществить, и вы можете это сделать, только совершив в вещах ту же революцию, которую вы совершили в умах».

А почему бы нам не предоставить нашему брату Антонеллю принять на себя ту порцию брани и ненависти, которую все друзья и защитники собственности не преминут вылить на зачинателей и глашатаев идей нивелира и циркуля? Не останутся безнаказанными следующие строки, написанные им в его «Observations sur le droit de cité»:

«Природа не создавала собственников, так же как она не создавала дворян. Природа создавала только ничем не владеющие существа, равные в потребностях, как и в правах. Когда общество создавалось, оно должно было утвердить и признать это равенство прав, именно по причине очевидного равенства потребностей и явной тождественности вида. Развитие гражданского состояния не могло нанести никакого законного ущерба этому равенству прав; наоборот, оно могло только еще лучше доказать его справедливость и необходимость.

В каждом хорошо устроенном обществе надо было никогда не упускать из виду заботу о том, чтобы не только не допустить колебания или искажения этого святого учения, но и, наоборот, укреплять все его основы, дабы вопреки прожорливой жадности и презрительной спеси никто не нуждался бы, по крайней мере, в необходимом...

Территория страны находится в основном в общинном владении; она, таким образом, представляет нераздельную собственность суверенного народа, всей массы французов, которые ее занимают и живут ее плодами...

Территория равным образом питает и тех, кто имеет, и тех, кто не имеет арпанов земли. Все вместе образуют нацию, подлинного собственника этой территории, которой никто не может его лишить».

Надо полагать, что принципы этой системы подлинного равенства с очевидностью представляются единственно справедливыми, единственно бесспорными, ибо даже люди, наименее строгие по части морали, по-видимому, некиим образом вынуждены воздать им дань уважения. Рейналь[72], который, разумеется, отнюдь не решительный апостол плебейской доктрины, заявил, говоря о Батавах (том I, книга 2-я), об их угнетении под властью штатгальтеров, об их упадке и о средствах возвращения к прежнему величию: «Преимущество бедного и угнетаемого народа заключается в том, что ему нечего терять, кроме жизни, которая ему в тягость», — это слова, исполненные глубокого смысла и содержащие целый план освобождения для народов, в этом нуждающихся.

Вероятно, любопытно будет видеть, что мы можем также сослаться и на Тальена в подкрепление системы строжайшего равенства. В самом деле, поскольку мы сохраняем все, что было написано, мы обнаружили в газете, которую Тальен издавал в марте 1793 г., под заглавием «L'Ami des Sans-Culottes» [73], следующие уравнительные принципы:

«Приготовимся с подобающим свободным людям спокойствием обсуждать новый проект конституции, которую Национальный конвент вскоре предложит Республике... Примем во внимание, что она должна стать в будущем кодексом всего мира; что она должна быть основана только на принципах свободы и РАВЕНСТВА; что она должна обеспечить народу осуществление всех его прав; что без всех этих условий она неприемлема и должна быть отвергнута, а поведение недостойных представителей народа, которые составили бы такой проект, должно было бы вызвать негодование» («L'Ami des Sans-Culottes» Тальена, № 70).

«Нам нужна НАРОДНАЯ КОНСТИТУЦИЯ, А НЕ МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ГАЛИМАТЬЯ... В Лавале республиканцы поклялись на своих саблях умереть, защищая права человека, а также полное и абсолютное равенство» (Ibidem).

«Путем приведения законов к предписанному природой равенству и постоянной защитой достоинства плебеев трибуны подготовили и осуществили процветание государства» («L'Ami des Sans-Culottes» Тальена, № 71; цитата из Мабли).

«Много говорят об анархии. Я отвечаю, что она прекратится, как только представители Республики перестанут плести заговоры против свободы. Я отвечаю также, что она прекратится, как только уменьшится неравенство состояний» (Ibidem).

«ПЕРЕОБРЕМЕНИТЬ НАЛОГАМИ БОГАТЫХ, ОБЛЕГЧИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ БЕДНЫХ, УНИЧТО-

ЖИТЬ БЕДНОСТЬ, ИСПОЛЬЗУЯ ОПАСНЫЕ ИЗЛИШКИ БОГАТЫХ, — вот весь секрет революции» (Ibidem).

«Ж.-Ж. Руссо начертал вам ваш путь, следуйте его указаниям: Общественное состояние, — сказал он вам, — выгодно людям лишь постольку, поскольку все они имеют что-нибудь, и никто из них не имеет ничего лишнего» (Ibidem).

«Когда те, кто обкрадывает государство, вместо того чтобы нагло выступать в качестве собственников обширных владений, отправятся в тюрьмы в ожидании наказания, предусмотренного за совершение преступлений и нечестное поведение, тогда народ будет пользоваться ДОСТАТКОМ, который он заслужил своей энергией и своими добродетелями» («L'Ami des Sans-Culottes», N 72).

Наконец, Фуше из Нанта заслуживает нашего величайшего восхищения, когда в своем постановлении, принятом в Невере 24 сентября II года[25*], он в нескольких словах подтверждает наше святое и возвышенное учение:

«Принимая во внимание, что первым долгом народных представителей должны быть усилия, направленные к скорейшему восстановлению прав народа, обеспечению уважения к его суверенитету и признанию его всемогущества;

принимая во внимание, что равенство, которого народ требует, за которое он проливает кровь со дня революции, не должно быть для него обманчивой иллюзией;

принимая во внимание, что все граждане имеют равные права на блага общественной организации; что возможности их потребления должны находиться в соответствии с их умением и тем рвением, с которым они посвящают себя служению родине;

принимая во внимание, что ТАМ, ГДЕ ЕСТЬ СТРАЖДУЩИЕ, ЕСТЬ И УГНЕТАТЕЛИ, враги человечества;

принимая во внимание, что территория Республики еще являет зрелище нищеты и богатства, гнета и несчастья, привилегий и страданий и что права народа там попираются;

постановляем:

все увечные и престарелые граждане, а также неимущие сироты получат жилье, пропитание и одежду за счет богатых жителей соответствующих кантонов: пятна нищеты будут уничтожены. — Нищенство запрещается, равно как и праздность. — Здоровым гражданам будет предоставлена работа и т. д.».

О, сколь прекрасную роль играл Фуше... Пусть он к ней вернется, и мы будем друзьями!

[25*] *Так в тексте. Об особенностях революционного календаря см.: Г. Бабеф. Сочинения, т. 2, стр. 504.*

Но если он к ней и не вернется, это не помешает победе той системы установлений, которую он отстаивал, и эта система должна наконец тоже иметь свою исполнительную власть [26*].

[26*] Очень печально, что в наши дни все те, кто хочет превратить в ремесло дело просвещения народа, до такой степени унижают эту достойную профессию, что теперь нельзя указать ни одного, кто хоть сколько-нибудь приблизился бы к тем великим истинам и великим принципам, которые мы проповедуем. Почему они кажутся уже не модными, тогда как ранее они были в моде? Однако ведь не все же их апостолы умерли? Куда девалась их энергия? Их мужество? Почему они скрываются? Их слабость, их недостойное отступление необычайно способствовали гибели родины. На фоне этого общего отступничества утешительно видеть единственную героическую фигуру: это редактор «L'Ami des Lois». Друзья равенства с удовлетворением читали следующие строки в этой превосходной газете:

«Каждый день удивляешься тому, насколько патриоты потеряли свою былую энергию. О, конечно, от несчастий, унижений и преследований, которым они подвергаются в течение 15 месяцев, увяли их души, и ныне это усугубляется нищетой и отсутствием самого необходимого. Они совершили революцию и надеялись пожать ее плоды.

Революция обернулась против них, и их положение стало не лучше, а хуже, чем было прежде.

Аристократия, в тысячу раз более тираническая, нежели аристократия дворянства и духовенства, нагло села им на шею: аристократия спекулянтов и плутов.

Почему бы не сказать это вслух? Крайность подобных страданий сделала правду очевидной для всех, и нет сейчас человека, достаточно бесстыдного, чтобы осмелиться отрицать, что мы томимся под гнетом деспотизма, самого жестокого и унизительного, самого невыносимого для свободных людей — деспотизма торговцев...

...Вы долгое время выступали с разглагольствованиями против тех, кто, как вы говорили, хочет обогащения бедных за счет богатых, но вы мирились и миритесь повседневно с несправедливостью, бесконечно более возмутительной — с обогащением богачей за счет бедняков.

...Нравственное состояние подорвано до такой степени, что воруют открыто, и зло достигло такого уровня, что приходится либо умирать с голоду, либо следовать примеру других.

...И как же может сохраниться какая-то нравственность у народа, где все граждане — банкроты по отношению друг к другу!» («L'Ami des Lois» от 18 брюмера).

«Важнейшее из всех прав заключается в том, что земля, на которой я живу, должна давать мне пропитание. Общество связывает осуществление этого права лишь с одним условием, а именно, что это пропитание будет платой за мой труд. В самом деле, для общества ценны все виды труда. Его блеск и сила образуются из объединения всех талантов и всех промыслов. Почему тот, кто обрабатывает железо, при помощи коего другой пашет землю, тот, кто строит дом, в коем пахарь живет, и амбар, куда он складывает свое зерно, тот, кто прядет и ткет полотно и сукно, коими пахарь одевается, и т. д., почему бы им не иметь права на плоды поля, которое возделывает земледелец? Разве они не становятся совладельцами этого поля, давая ему своего рода аванс в виде труда, без которого он не может обойтись? Разве гарантируемая законом индивидуальная и частная собственность есть что-либо иное, как установление определенного удобного порядка, при котором отдельным людям будет, если можно так сказать, предоставлено выполнение того рода работы, которая должна кормить всех остальных».

Ну что ж, мы не совсем одни выступаем в защиту нашего великого дела. Мужайся, Друг законов! Защищай и ты со всей энергией великие первоначальные принципы, и будем действовать в согласии.

Давно пора. Пора народу, попираемому и истребляемому, выразить более величественно, более торжественно и более общо, чем когда-либо ранее, свою волю, чтобы были уничтожены не только пятна, не только побочные стороны нищеты, но и само ее существование.

Пусть народ провозгласит свой Манифест[74]. Пусть он даст в нем определение демократии, такой, какую он хотел бы иметь, такой, какая она должна быть, исходя из строгих принципов. Пусть он в нем докажет, что для тех, кто обладает избытком, демократия означает обязанность восполнить то, чего не хватает людям, не имеющим достатка; что весь дефицит у этих последних происходит только от того, что те, другие, их обокрали. Обокрали на законном основании, если угодно; т. е. с помощью разбойничьих законов, которые при последних режимах, как и при более древних, допускали всякие плутни; с помощью законов, подобных всем действующим поныне; с помощью законов, по которым я, чтобы жить, вынужден постоянно продавать что-нибудь из предметов обихода и нести мои последние тряпки ко всем ворам, которых эти законы защищают! Пусть народ объявит, что он требует возвращения всего украденного, всех этих позорных конфискаций, которым богачи подвергли бедных. Такое возвращение будет, конечно, столь же законно, как и возвращение имущества эмигрантам. Путем восстановления демократии мы хотим, во-первых, вернуть себе свои лохмотья и старую мебель и, во-вторых, добиться того, чтобы те, кто их у нас отобрал, были бы впредь лишены возможности возобновить подобные злодеяния. Затем мы хотим посредством демократии добиться того, к чему, как мы показали, стремились все, кто способен постигнуть какую-либо правильную идею.

Надлежит ли для восстановления прав рода человеческого и прекращения всех наших бед совершить уход на СВЯЩЕННУЮ ГОРУ, или создать ПЛЕБЕЙСКУЮ ВАНДЕЮ? Пусть все друзья Равенства подготовятся и считают себя предупрежденными! Пусть каждый проникнется несравненной красотой этого начинания. Освободить евреев из плена египетского! Вести их в землю Ханаанскую!.. Была ли когда-нибудь экспедиция, более достойная воспламенить великим мужеством? Будьте уверены, бог Свободы защитит тех Моисеев, которые захотят руководить ею. Он нам это обещал, не прибегая к посредничеству Аарона, в котором мы и не нуждаемся. Он нам это обещал без чудесного явления в неопалимой купине. Оставим все эти чудеса, все эти глупости. Внушения республиканских божеств проявляются очень просто, под покровительством природы (верховного бога), в сердцах республиканцев. Итак, нам открылась та истина, что в то время, как новые Иисусы Навины будут вести бой на равнине, не испытывая нужды останавливать солнце, многие законодатели, вместо одного, как было у евреев, окажутся на подлинно плебейской

Горе. Они там начертают под диктовку вечной истины десять заповедей святой человечности, санкюлотизма, незыблемой справедливости. Под прикрытием сотен тысяч наших копий и наших пушек мы провозгласим первый подлинный Свод законов природы, который никогда не следовало нарушать.

Мы дадим ясное объяснение того, что такое всеобщее счастье, эта цель общества.

Мы докажем, что удел каждого человека не должен ухудшиться с переходом от естественного состояния к общественному.

Мы дадим определение собственности.

Мы докажем, что земля ничья, что она принадлежит всем.

Мы докажем, что все, что отдельный человек захватывает сверх необходимого для его пропитания, является воровством у общества.

Мы докажем, что пресловутое право отчуждения есть гнусное, человекоубийственное преступление.

Мы докажем, что наследование по семейному праву является не меньшим злодеянием; что оно изолирует друг от друга членов общества и превращает каждую семью в маленькую республику, неизбежно интригующую против большой Республики, и это ведет к утверждению неравенства.

Мы докажем, что, когда имущество члена общества недостаточно для удовлетворения всех его повседневных потребностей, это есть результат похищения его природной личной собственности захватчиками общих благ.

По этой же причине все, что член общества имеет свыше необходимого для удовлетворения его повседневных потребностей, является результатом ограбления им других сочленов по обществу и неизбежно лишает этих сочленов их доли в общих благах[27*].

Что самые тонкие рассуждения бессильны противостоять этим непреложным истинам.

Что превосходство таланта и предприимчивости является лишь химерой и благовидным обманом, который всегда служил заговорщикам в их кознях против равенства.

Что различия в оценке и значении произведений человеческого труда покоятся лишь на представлениях о них некоторых людей, сумевших навязать эти представления другим.

Что совершенно ошибочно на основе этих представлений рабочий день того, кто делает часы, оценивается в 20 раз выше рабочего дня того, кто пашет землю.

Что, однако, вследствие этой ложной оценки заработок рабочего-часовщика дает ему возможность приобрести достояние 20 работников плуга, которых он, таким образом, экспроприирует.

[27*] Улучшенное общественное состояние. «Пусть у всех будет достаток, и ни у кого не будет излишка». Ж.-Ж. Руссо. Это изречение заслуживает самого серьезного внимания.

Что все пролетарии стали таковыми лишь в результате установления, в различных вариантах, подобного соотношения во всех других отраслях; причем повсюду оно основывалось исключительно на той разнице в оценке, которая возникла в силу общественного предрассудка.

Что нелепо и несправедливо притязать на большее вознаграждение тому, чья работа требует более высокого уровня умственного развития, большего прилежания и напряжения ума; что это нисколько не увеличивает вместимости его желудка.

Что нет никаких оснований притязать на вознаграждение, превышающее удовлетворение личных потребностей.

Что только общественный предрассудок придает особую ценность умственному развитию; нужно еще, возможно, выяснить, не заслуживает ли ее в той же мере природная сила, физический труд.

Что только люди умственных занятий дали столь высокую оценку произведениям своего мозга; можно не сомневаться, что если бы это зависело от людей физического труда, они установили бы, что заслуги рук не меньше, чем заслуги головы, а усталость всего тела равна усталости той его части, которая занята размышлением.

Что без этого необходимого уравнения более смышленым, более предприимчивым дается патент на ограбление, право беспрепятственно обирать тех, кто менее одарен этими качествами.

Что именно таким образом в общественном состоянии было разрушено, опрокинуто имущественное равновесие, ибо убедительно доказано наше великое положение: *добиться обладания излишком можно, только сделав так, чтобы у других не было достатка.*

Что все наши общественные установления, все наши взаимоотношения являются лишь актами непрестанного разбоя, освящаемого абсурдными и варварскими законами, под сенью которых мы заняты только тем, что обираем друг друга.

Что наше общество плутов вследствие того, что в нем заложены такие скверные основы, порождает всевозможные пороки, преступления и несчастья, против которых тщетно объединяются некоторые честные люди, объявив им войну; они не могут победить, потому что нападают не на зло в самом его корне, а применяют лишь паллиативы, которые они находят среди ложных идей, вызванных нашей общей развращенностью.

Что из всего сказанного ясно: все, чем владеют те, чья собственность превышает их индивидуальную долю в общественном имуществе, является кражей и узурпацией.

Что, следовательно, справедливо отобрать у них это.

Что даже тот, кто доказал бы, что в состоянии благодаря своим природным способностям сделать столько же, сколько делают четверо, и на этом основании потребовал бы вознаграждения за четверых, был бы все же заговорщиком против общества,

ибо уже одним этим поколебал бы его равновесие и разрушил бы драгоценное равенство.

Что благоразумие повелительно требует от всех членов общества укрощать такого человека, преследовать его как общественное бедствие, обязывать его делать только то, что производит один, чтобы он мог требовать вознаграждения, причитающегося только одному человеку.

Что только род людской ввел это губительное различие в оценке заслуг и только он поэтому испытывает лишения и бедствия.

Что никто не должен испытывать недостатка в том, что природа дает всем, производит для всех; если этот недостаток является неизбежным следствием природных бедствий, то эти лишения в равной мере должны переносить все.

Что произведения мастерства и умения становятся, таким образом, общей собственностью, достоянием всего общества с того момента, как изобретатели и труженики их создали; потому что они основаны на предшествующих достижениях мастерства и умения, которыми пользовались новые изобретатели и труженики при своих новых открытиях.

Что, поскольку приобретенные знания являются общим достоянием, они должны в одинаковой мере распределяться между всеми.

Что только в силу злонамеренности, предрассудков или по недомыслию можно оспоривать истину, что такое равное распределение знаний между всеми сделало бы всех людей почти равными по способностям и даже по талантам.

Что образование противоестественно, когда оно основано на неравенстве и является исключительным достоянием только части общества; ибо тогда оно становится в руках этой части машиной, оружием, с помощью которого она сражается против другой части, безоружной, и, следовательно, без труда усмиряет ее, обманывает ее, грабит ее, порабощает ее самым позорным образом.

Что нет более важной истины, чем та, которую мы уже однажды приводили и которую провозгласил один философ: *рассуждайте сколько вам угодно о лучшей форме правления; вы ничего не добьетесь, пока не уничтожите основы алчности и честолюбия.*

Что, следовательно, общественные учреждения должны вести к этой цели, они должны навсегда отнять у каждого надежду стать более богатым, более влиятельным, превосходящим своими знаниями кого-либо из своих сограждан.

Что, точнее говоря, надлежит *обуздать судьбу*; сделать каждого из членов общества независимым от удачи, от счастливого или неблагоприятного стечения обстоятельств; *обеспечить каждому человеку и его потомству, сколь бы многочисленно оно ни было, достаток и ничего, кроме достатка*; и навсегда уничтожить все возмож-

ности для того, чтобы кто-либо мог получить свыше положенной ему доли в произведениях природы и труда.

Что единственный способ достигнуть этой цели состоит в том, чтобы установить общее управление; уничтожить частную собственность, прикрепить каждого человека, соответственно его дарованию, к мастерству, которое он знает; обязать его сдавать в натуре плоды своего труда на общий склад и создать простую администрацию распределения, администрацию продовольствия, которая, ведя учет всех сограждан и всех изделий, распределит последние на основе строжайшего равенства и распорядится доставить их по месту жительства каждого гражданина.

Что такое правление, осуществимость которого доказана на опыте, поскольку оно применяется к 1 млн. 200 тыс. человек в наших 12 армиях (что возможно в малых размерах, возможно и в больших), что такое правление есть единственное, которое может обеспечить счастье для всех, неизменное, безоблачное, всеобщее счастье, цель общества.

Что при таком правлении исчезнут межевые столбы, изгороди, стены, замки на дверях, ябеды, тяжбы, кражи, убийства — все преступления; суды, тюрьмы, виселицы, наказания, отчаяние, вызываемое всеми этими бедствиями; зависть, ревность, ненасытность, спесь, обман, двуличие, наконец, все пороки; не будет больше (и это, конечно, самое важное) червя постоянно грызущей каждого из нас тревоги относительно того, что ждет нас завтра, через месяц, через год, в старости, что ждет наших детей и внуков.

Таково сжатое изложение того страшного Манифеста, который мы предложим угнетенному большинству французского народа; мы даем ему первый набросок этого Манифеста, чтобы народ мог его заранее постичь. Народ! Пробудись к надежде, стряхни с себя оцепенение... Развеселись при виде того, как грядет счастливое будущее! Друзья королей! Расстаньтесь с мыслью, что страдания, коими вы удручаете народ, окончательно поставят его под иго единого властителя. А вы, патриции! богачи! республиканские тираны! откажитесь и вы, одновременно и разом, от ваших угнетательских махинаций по отношению к этой нации, которая еще не совсем забыла свои клятвы в верности свободе. Ее взорам открывается перспектива более радостная, нежели все то, чем вы ее завлекаете. Преступные властители! в тот самый момент, когда вам кажется, будто вы можете пригнуть этот добродетельный народ к земле своей железной дланью, он даст вам почувствовать свое превосходство, он освободится от узурпированной вами власти и сбросит цепи, в которые вы его заковали, он вернет себе свои священные первоначальные права. Вы слишком долго играете на его великодушии; вы слишком долго издеваетесь над его страданиями...

«Народ лишен энергии, — говорите вы, — он страдает и умирает, не смея жаловаться». Летописи Республики не будут запят-

наны таким позором. Память о французах не перейдет к потомству, отягощенная таким унижением. Да будет это произведение сигналом, да будет оно молнией, которая оживит и возродит всех, преисполненных некогда пылом и мужеством! Всех, кто горел когда-то пламенем во имя общественного блага и полной независимости. Пусть народ почерпнет оттуда подлинную идею РАВЕНСТВА! Пусть эти слова: равенство, равные, плебейская доктрина станут кличем объединения всех друзей народа. Пусть народ подвергнет обсуждению все эти великие принципы; пусть развернется борьба вокруг знаменитого вопроса о подлинном равенстве и вокруг вопроса о СОБСТВЕННОСТИ! Пусть он вкусит на сей раз его мораль, пусть оно зажжет в нем огонь, который будет гореть до полного завершения его дела! Пусть он низвергнет все эти старые варварские учреждения и пусть заменит их учреждениями, продиктованными природой и вечной справедливостью. О, да, все страдания народа достигли предела; хуже уже быть не может! Только полный переворот может избавить от них! Пусть же эта жестокая война между богатым и бедным примет наконец менее подлый характер! Пусть она не будет более отмечена постоянной дерзостью одной стороны и постоянной трусостью другой. Пусть бедняки ответят наконец своим обидчикам!.. Воспользуемся тем, что они нас довели до крайности. Двинемся вперед без лишних слов как люди, обладающие сознанием своей силы. Пойдем смело к РАВЕНСТВУ. Пусть будет нам видна цель общества, пусть будет видно общее счастье.

О, коварные или невежественные люди! Вы кричите, что необходимо избежать гражданской войны? Что никоим образом не следует сеять раздоры в народе?.. А может ли быть более возмутительная гражданская война, нежели та, где на одной стороне сплошные убийцы, а на другой — только беззащитные жертвы? Разве можно объявить преступником того, кто хочет вооружить жертвы, чтобы они защищались от убийц? Не лучше ли такая гражданская война, где обе стороны могут защищаться друг от друга? Пусть, если угодно, обвиняют нас в сеянии раздоров. Тем лучше: уж лучше раздоры, чем ужасное согласие, при котором душат голодающих. Пусть стороны вступят в бой; пусть вспыхнет бунт, и каким бы он ни был, всеобщим или частичным, немедленным или более поздним, во всех случаях мы будем удовлетворены! Пусть Священная гора или плебейская Вандея возникнет либо в каком-то одном месте, либо во всех 86 департаментах! Пусть создаются заговоры против угнетения, большие или малые, тайные или явные, на 100 тыс. тайных собраний или лишь на одном; все равно, только бы возникали заговоры, только бы угнетателей ни на мгновение не покидали отныне страх и угрызения совести. Мы дали громогласный сигнал, так, чтобы он дошел до многих, дабы увеличить число наших сообщников; мы разъяснили им, почему им следует действовать, и дали неко-

торое представление о способе действия, и мы почти уверены в том, что заговоры возникнут. Пусть тирания испытает, способна ли она преградить нам путь... Говорят, народ не имеет руководителей. Пусть же они появятся, и народ сразу разобьет свои цепи и завоюет хлеб для себя и для своих потомков. Повторим еще раз: все страдания достигли предела; хуже быть не может; только полный переворот может исправить положение!!! Итак, пусть все смешается!.. Пусть все стихии спутаются, смешаются и столкнутся между собою!.. Пусть все ввергнется в хаос, и пусть из хаоса изыдет мир новый и возрожденный!

«После тысячи лет давайте изменим эти грубые законы».

Париж, 9 фримера IV года Республики

Г. Бабеф, Трибун народа.

P.S. Моя газета будет выходить нерегулярно, пять-шесть раз в месяц, и даже чаще. Объем номеров отнюдь не будет одинаковым — в зависимости от важности тем и обстоятельств, в каждом из них будет больше или меньше страниц. Все разумные читатели поймут, что столь серьезная и зрелая работа не может измеряться аршином и выполняться наспех, подобно тому как делают свою рутинную работу газетчики, охотящиеся за новостями и торговцы всякой пустой болтовней.

Подписная плата за три месяца, из расчета пять номеров в месяц, по 32 страницы в каждом размером in-8°, составит 125 ливров для Парижа и департаментов. Вследствие огромного и непредвиденного вздорожания материалов и рабочей силы просьба к подписчикам, внесшим ранее меньшую сумму, восполнить ее до 125 ливров, иначе придется высылать им лишь те номера, которые ими оплачены. Если случится, что мы вдруг окажемся в состоянии противодействовать чудовищному разбою, не признающему никаких пределов, то мы обязуемся сделать соответствующую скидку нашим подписчикам.

Просьба к ним не брать квитанций на почте, а вкладывать ассигнаты в свои письма.

Подписка принимается в Париже, у гражданина РОША, ул. Фобур-Оноре, на углу ул. Елисейских Полей, № 29.

Типография Трибуна народа

ПРИЛОЖЕНИЯ[1]

[ВЫПИСКИ ИЗ «ЦЕПЕЙ РАБСТВА» МАРАТА]

Марат **Декларация прав**
Цепи рабства

Власти, их разделение, 39.

Представители — их честолюбие, их эгоизм, любят родину только для себя, 42.

Суверен. Как депутат с ним обращается, постепенно унижает его, 44.

Как он становится добычей правительства, когда он уже ни во что не вмешивается, 48, 263.

Сопоставить разделы «Суверен» и «Правительство».

Праздники. Для какой цели, 51. (Напомнить о Руссо, о 20 вандемьера и о 25, когда нанесли удар по Обществам.) И 173.

Права народа. Как постепенно и незаметно им наносят ущерб, 97. Как заставляют принять революционные правительства, там же и 265, 313, 318.

Народные собрания. Народные общества. Как тираны заинтересованы в их подавлении, 125.

Интриганы, подосланные в народные собрания, 124.

Несменяемость. Как достигают этого путем ущемления обществ, 125.

Должности. Тираны их замещают порочными людьми, 126.

Слепая беспечность народа, 141. Трусость народа, 148. См. Писатели.

Необходимость надзора, 141.

Наблюдающие писатели, там же.

Неограниченная свобода печати, 142. Сочинения Одуена, 149. Тирания общественного мнения, 175. Презирать ее, 176, 177, 206, 310.

Обращения. Почетные отзывы. Опубликование в «Бюллетене», 149, 315.

Народ. Против него используют его самые [тяжелые ошибки], как одобрение гильотины, 158.

Правители. Кое в чем уступают, когда к тому вынуждены, 159. Но следует требовать все сразу. И 206. И сопоставить с писателями (слово).

Сопоставить суверена с правительством. Правительство говорит как хозяин, до какого срока, 281. Террор (310). Шпионаж (310). Уважение к представительству, 311.

Добродетели презираются, пороки обожествляются, 182, 183. Злоупотребление словами, такими, как: правительство — тирания, узурпация суверенитета, рабство, покорность; благочиние и дисциплина — рабское преклонение перед произвольными приказами; сопротивление власти — верность принципам; восстание — сопротивление угнетению; мятежные речи — требование прав человека; заговор — требования их прав и т. д.

Роскошь (не упустить из виду этот вопрос, 262).

Робеспьеризм *... 322.

[ВЫПИСКИ ИЗ «ПИСЕМ К МОИМ ИЗБИРАТЕЛЯМ» М. РОБЕСПЬЕРА]

Республика или монархия. Одни эти слова не обеспечивают благоденствия, 1—7, 2—65, 1—5,6.

Мнения. Их столкновения не следует опасаться, 1—37.

Суд общественного мнения. Робеспьер принимает на себя обязательство приносить свои жалобы только ему, 1—42. Опасность отдать общественное мнение в распоряжение носителей власти, 2—54.

Общественное настроение. Кто должен им руководить, 2—53.

Декларация прав. Дань уважения, которую он ей воздает, 1—60.

Свобода личности, 2—85.

Военная дисциплина, 2—1.

Интриги и порча характера, 3—1.

Враги. Поспешность в борьбе с теми, кто не представляет больше опасности, 3—122.

Личности. Невозможность не назвать их, обличая клики, 3—123.

Право цензуры, 5—224.

Свобода печати, 5—225. Избегать законов против нее, 3—131.

Народные общества, 5—236. Портрет якобинцев, сделанный Лафайетом, неверный тогда и верный теперь, 319—7. Доброжелательное описание их организации Робеспьером, 7—320.

Смешение властей, 11—524. Полномочия Конвента, 5—212.

Важная дилемма: способен ли Конвент спасти Родину, 11—530.

Первичные собрания. Опровержение аргументов тех, кто опасается подобных собраний, 11—532.

Деспотизм сената, 11—538, 5—197.

Заговор представителей народа против народа, 11—541, 2—52, 53.

Представители народа. Кем они являются по отношению к народу, 1—6.

Марат. Суждение, которое выносит о нем Робеспьер, 1—36.

---

* *Несколько слов не разобрано.*

Марат. Его речь, в которой он признает, что предлагал диктатуру, 2—62.

Клика Жиронды, ее преступления, 3—117 и следующие.

Суверенитет народа, 3—123.

Общественная нищета. Мнение Робеспьера по этому поводу, 9—438.

Правительство. Когда оно опасно для народа, 1—9 и весь номер.

Первое заседание Конвента, вернуться к этому, 1—17.

Петиция Ролана о департаментской страже, оглашенная на втором заседании Конвента, 1—31, принята, 34.

Мнение Робеспьера, 2—68. Письмо Ролана об агитаторах, 92—2.

Дебаты о сохранении за Роланом поста министра, 3—139 до 142.

Яркий анекдот о бегстве Себастьяна Лагранжа со своего поста прокурора-синдика департамента Марна в Шалоне, 1—33.

Ребекки обвиняет Робеспьера в стремлении к диктатуре, 1—36.

Луве обвиняет Робеспьера в том, что он деспотически навязывает свое мнение в Якобинском клубе, 4—152.

Принципы. Их сохранение — самое большое благо для свободных народов, 5—202.

Завоевание всего мира, 5—203.

Петиция 15—20 против муниципалитета Парижа, 5—221. Культ, 8.

Выборы. Право голосования. Свобода этого права, 9.

Продовольствие, 9.

[К ИСТОРИИ КОНВЕНТА]

Петиция Луве с требованием помилования Капета, 82. Письмо из Кемпера (Финистер) от Кервелегана, Орно и Маре о создании департаментской стражи, 83. Фермон, Ланжюине, Барбару призывают департаментскую стражу. Послания Ролана. Марсельцы в Париже, их предложения, 86. (Фермон, председатель в декабре, 86). 50 чрезвычайных курьеров 2 января отправлены в департаменты, с тем чтобы доставить тревожные послания, бить в набат, распространять слухи, что жизнь депутатов под угрозой, требовать внушительной департаментской стражи для их защиты и роспуска Конвента под смехотворным предлогом, будто депутатов хотят перерезать и будто они заседают под угрозой кинжалов, 91, стр. 6. Гаде, Верньо и Жансонне состояли в переписке с тираном до 10 августа, 93, стр. 8. Полномочия Конвента, его право судить Людовика XVI, 95, стр. 7. Позиция Жиронды в этом процессе, 96. Робер поддерживает департаментскую стражу, 97, стр. 5. Там же. Рабо, стр. 6. Верньо, председатель 13 января. Резкая критика Парижа со стороны Барбару, Бюзо, 97, стр. 7. Предложение заседать в другом месте, там же. Депар-

тамент Парижа поддерживает создание департаментской стражи, там же. Марат защищает себя; обвинения его врагов — сумасброд, желчный сумасшедший, кровожадное чудовище, подкупленный злодей, 98, стр. 7. Картина Национального конвента 16 января № 100, тогда он был совершенно иной. Любой декрет, посягающий на его права, недействителен, незаконен, и можно воспротивиться его исполнению даже с оружием в руках; позиция Марата в вопросе о виновности тирана, 101—8. Барбару, автор обращения к народу, отдает приказ марсельцам явиться вооруженными к Конвенту, 104, стр. 5. Рабо — председатель 28 января. Жирондисты господствуют во всех комитетах, 115. Назначение Бернонвиля, 116. Вар создает вооруженную силу, 120. Жирондисты снова возвышаются после процесса тирана. Оправдание Парижской коммуны Маратом, 123, стр. 3. Конституция Кондорсе, 26 февраля, 126. Бреар — председатель. Петиция секции 21 Марселя с требованием, чтобы Конвент оставил свой пост и заявил об окончании своей миссии (20 февраля, 128). Суд над тираном. Марат заявляет, что Конвент создан также, чтобы изменить Конституцию. Налог на богачей, 21 февраля, 129. Извечный проект разрушения Парижа, там же, стр. 6. Марсель отвергает Барбару и присоединяется к Парижу, 132, стр. 4. Знаменитое предложение Марата повесить скупщиков на дверях их лавок, 133, 25 февраля. Дело против Марата, вызванное этим предложением, 136, 137, 138. Преторианская гвардия из департаментов действительно прибыла в Париж в полной уверенности, что Конвент заседает под ножом убийц, 134. Барбару уличен в том, что отдал приказ завладеть Конвентом, 134. Махинации жирондистской клики с целью вызвать нехватку продовольствия, 136. Аграрный раздел имуществ духовенства, 138. Замечание по этому поводу, 139, стр. 9. Жансонне — председатель, 143. Поражение в Бельгии 8 марта, 143. Мобилизация населения Парижа, там же. Создание революционного трибунала по предложению Ленде, 144. Горса выступает в связи с предложением Ленде, нападение на его типографию, 144, стр. 3. Декрет, запрещающий депутатам выступать в качестве журналистов. Предложение Тюрио и Делакруа, 144. Обновление состава министров, 144. Марсельцы, которых Барбару заставил прибыть в Париж, уже разожгли гражданскую войну в Лионе, 150, стр. 8. Собрание в Епископстве, декрет против него, внесенный секцией Майль 2 апреля. Дюмурье вне закона — лавровый венок и 100 тыс. экю тому, кто избавит от него Республику, 3 апреля. Секции Бют-де-Мулен, Арсенала и Библиотеки *......... против клуба в Епископстве, заседание 4 апреля. Воззвание Дюмурье к солдатам, там же. Армия в 40 тыс. человек, предназначенная окружить Париж, там же. Обвинительный декрет против Марата, 19 апреля, 172, 179. О сопротивлении угнетению, там же. Заявление Дюмурье, свидетельствующее о его

---

* *Неразборчиво.*

сообщничестве с Жирондой, о его намерении идти на Париж и Гору, там же, стр. 6. Марат подстрекает к восстанию против Болота, там же, стр. 8, 19 апреля. Предложение Жиронды созвать первичные собрания, чтобы выяснить, кто из депутатов пользуется доверием, 174. Петиция Парижа об отзыве 18 перечисленных лиц, 174. 6 млн. на секретные расходы, теперь это делается без декретов во избежание скандала, 174. Комиссия 12-ти, 205. Она дает приказания секциям Майль, Бют-де-Мулен и Библиотеки и т. д., те же, которые и т. д., там же 205. Адрес Конвента 2 июня. «Париж — передовой часовой», — заявил Дантон, 2 июня — Верньо. Весь Конвент 2 июня. Признать заслуги Парижа, предложение Верньо, там же, состав Комиссии 12, 207. Эр, Кальвадос, Арденны, 222, Юра, 222, против Парижа. Лион, куда отправился Бирото, постановил, что он с 29 марта не признает более Конвента. Бордо действовал в том же духе и отступил.

Санкция народом законов, 94, стр. 5. О личности Марата, 84, стр. 7.

КОММЕНТАРИИ

ПОСЛЕ 9 ТЕРМИДОРА

1 «Газета свободы печати» («Journal de la liberté de la presse») издавалась Бабефом после его возвращения в Париж во время термидорианской реакции. Первый номер газеты вышел 17 фрюктидора II года (3 сентября 1794 г.). В течение фрюктидора—вандемьера было опубликовано 22 номера газеты. С 23-го номера, от 14 вандемьера, газета стала называться «Трибун народа, или Защитник прав человека» («Le Tribun du Peuple ou le défenseur des droits de l'homme; en continuation du Journal de la liberté de la presse»).

Первые 22 номера Бабеф подписывал как Камилл Бабеф, а «Трибун народа» — Гракх Бабеф. Финансовую помощь в издании газеты Бабефу оказывал член Конвента, термидорианец Гюффруа, в типографии которого газета печаталась. С 27-го номера, в связи с резкой критикой термидорианского Конвента, Гюффруа лишил газету своей поддержки. Номер вышел в конце вандемьера с помощью Электорального клуба (см. прим. 11). После этого в издании газеты наступил более чем двухмесячный перерыв. 28-й номер вышел только 28 фримера III года (18 декабря 1794 г.). Бабефу удалось после этого издать еще четыре номера газеты. Последний из них был опубликован 13 плювиоза, за несколько дней до ареста Бабефа. Издание газеты было возобновлено Бабефом осенью 1795 г. после его освобождения из тюрьмы, вслед за подавлением попытки контрреволюционного переворота 13 вандемьера IV года. Эти последние номера войдут в четвертый том Сочинений.

2 Фрерон Луи-Мари-Станислав (1754—1802) — в первые годы Великой французской революции один из видных деятелей демократического движения; издавал газету «Оратор народа» («Orateur du peuple»), был близок к Марату, который поддержал его кандидатуру в Конвент от Парижа (в его списке кандидатов Фрерон стоял вслед за Робеспьером, Дантоном и Бийо-Варенном). Как член Конвента Фрерон посылался в миссии (в частности, в Марсель и Тулон), где проявил беспощадность и жестокость. Был отозван после этого в Париж. Стал одним из организаторов и виднейших деятелей термидорианской реакции. В первые недели после 9 термидора Бабеф относился к Фрерону положительно — для 1-го номера своей газеты он избрал эпиграф из речи Фрерона в Конвенте 7 фрюктидора в защиту неограниченной свободы печати. Через месяц (в 26-м номере от 19 вандемьера и особенно в 27-м от 22 вандемьера) Бабеф резко выступил против Фрерона. Фрерон, ставший главарем банд «золотой молодежи», осуществлявших белый террор, настолько себя скомпрометировал, что после роспуска термидорианского Конвента не был переизбран в Совет 500. При Наполеоне, которого он поддерживал, был в 1802 г. послан с экспедицией на Сан-Доминго, где через несколько месяцев умер от тропической лихорадки.

3 Мерлен (из Дуэ) Филипп Антуан (1754—1838) — юрист, член Учредительного собрания, где был руководителем феодального комитета; его дея-

тельность подвергалась критике Бабефа (см. *В. М. Далин.* Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785—1794). М., 1963, стр. 400). Член Конвента; был докладчиком законодательного комитета по вопросу о пересмотре приговора по делу Бабефа о так называемом «подлоге». Видный деятель термидорианской реакции. При Директории — министр юстиции и одно время член Директории. При Наполеоне — генеральный прокурор кассационного суда; граф Империи.

4 Одуен Пьер-Жан (1764—1808) — редактор газеты «Journal universel»; член Конвента и Совета 500; после 9 термидора защищал в своей газете позиции Якобинского клуба. Бабеф в первых номерах «Газеты свободы печати» подвергал критике его позицию, но уже в 29-м номере «Трибуна народа» одобрительно отзывался о «мужественном Одуене».

5 Бабеф имеет в виду памфлет Жана-Клода-Ипполита Меэ де ла Туша, выпущенный им в типографии Гюффруа 9 фрюктидора (под псевдонимом Фельэмези — Felhémési) «Охвостье Робеспьера, или Об опасности свободы печати» («La queue de Robespierre ou les dangers de la liberté de la presse»). Памфлет был направлен против Барера (см. ниже, прим. 50), Колло д'Эрбуа (см. ниже, прим. 55) и Бийо-Варенна (см. ниже, прим. 17), виднейших деятелей Комитета общественного спасения при Робеспьере, поддержавших переворот 9 термидора, но сразу же подвергшихся ожесточенным нападкам со стороны правых термидорианцев. О дальнейшей судьбе Меэ см. прим. 47 к разд. V.

6 С середины 80-х годов и все первые годы революции Бабеф неизменно одобрительно отзывался о Робеспьере. Такую же оценку он давал ему в 1795—1797 гг. Но даже в первые недели после 9 термидора, во время самой ожесточенной кампании против Робеспьера, Бабеф счел нужным в первом же номере своей газеты взять под защиту всю деятельность Робеспьера до лета 1793 г.

В ЦПА ИМЛ сохранились выписки из изданий Робеспьера «Защитник конституции» («Le Défenseur de la Constitution») и «Письма к моим избирателям» («Lettres à mes commetants»), сделанные Бабефом в первые недели после переворота 9 термидора (см. ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 459). На эти издания Робеспьера Бабеф неоднократно ссылался в своей газете и в своих брошюрах.

7 В 1793 г. Бабеф высоко оценил проект Декларации прав, предложенный Робеспьером на заседании Якобинского клуба 21 апреля 1793 г. (см. *Г. Бабеф.* Сочинения, т. 2. М., 1976, стр. 378—379) и повторял этот отзыв в номерах «Трибуна народа», вышедших в конце 1795 г.

8 Кондорсе Жан-Антуан-Никола-Коришот (1743—1794), маркиз — математик и философ. До революции — секретарь Французской Академии наук; член Законодательного собрания и Конвента; один из руководителей жирондистов; автор проекта конституции, предложенной жирондистами и отвергнутой Конвентом. На произведения Кондорсе, в частности «Жизнь Тюрго», Бабеф ссылался в своей философской тетради.

9 Упоминание о Кромвеле в первом номере газеты, как и о прочих деятелях Англии XVII в. в других произведениях Бабефа, свидетельствует о его знакомстве с историей английской революции.

10 Гюффруа Арман-Бенуа-Жозеф (1742—1801) — аррасский адвокат до революции; состоял в переписке с Дюбуа де Фоссе; прокурор-синдик аррасского дистрикта в 1791 г.; был близок к Робеспьеру; депутат Конвента, издатель газеты «Le Rougyff». Видный деятель термидорианской реакции.

11 Электоральный клуб — Народное общество, заседавшее в помещении Епископства, где собирались парижские выборщики (électeurs), и получившее поэтому такое название; существовало еще в 1793 г. (см. о нем: *A. Soboul.* Les sans-culottes parisiens en l'An II. Mouvement populaire et le gouvernement révolutionnaire. 2 juin 1793—9 Thermidor An II. Paris, 1958). Весной 1793 г. оно, по-видимому, перестало существовать.

После 9 термидора оно возродилось и объединило наиболее левых деятелей парижского секционного движения. Бабеф после возвращения в Париж сразу же принял деятельное участие в Электоральном клубе (см. Введение); по мнению А. Матьеза, он стал его «подлинным вдохновителем» (*A. Mathiez.* La réaction thermidorienne. Paris, 1929, p. 87). Полный текст петиции Электорального клуба от 30 термидора был опубликован Бабефом в 13-м номере его газеты. Двумя основными требованиями электоральцев были свобода печати и восстановление выборного Парижского муниципалитета (коммуны), распущенного после 9 термидора.

12 Прюдом Луи — издатель газеты «Парижские революции» («Les révolutions de Paris»), которую Бабеф высоко ценил (см. *Г. Бабеф.* Сочинения, т. 2, стр. 428—431, 476 и др.). После 9 термидора занимал реакционную позицию.

13 Сохранившиеся отзывы Бабефа о Камилле Демулене (1760—1794) носят по преимуществу положительный характер (см., например, 17-й номер «Газеты свободы печати»).

14 Макиавелли Никколо (1469—1527) — знаменитый флорентийский политический деятель, публицист и писатель. В бумагах Бабефа, захваченных при аресте в 1796 г., сохранились его выписки из «Рассуждений по поводу первой декады Тита Ливия» Макиавелли (см. «Pièces saisies dans le local qu'occupoit Baboeuf. . .», v. II, p. 70—71).

15 Лекуантр Лоран (1742—1805) — член Законодательного собрания и Конвента от Версаля; термидорианец. Вслед за памфлетом Мез де ла Туша «Охвостье Робеспьера» выступил 12 фрюктидора в Конвенте против «преступлений семи членов бывших комитетов» — Барера, Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа (членов Комитета общественного спасения), Вадье, Амара, Вуллана и Давида (членов Комитета общественной безопасности). Однако Конвент отверг сперва предложение Лекуантра о возбуждении преследований против этих семерых, определив его выступление как клеветническое. 17 фрюктидора, как раз в тот день, когда вышел первый номер газеты Бабефа, Якобинский клуб, по предложению Карръе, исключил из своего состава Лекуантра, а также Фрерона и Тальена, как вдохновителей предложения Лекуантра. Решение о преследовании Барера, Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа и Вадье было принято Конвентом позднее, после восстановления в его составе жирондистов. В последние месяцы термидорианского Конвента Лекуантр отошел от его правого крыла (см. «Трибун народа», № 29). После жерминальского восстания Лекуантр был арестован.

16 Дюфурни Л. П. (1739—1795—?) — инженер; видный деятель демократического движения в Париже в годы революции; председатель Директории существовавшего тогда Парижского департамента. После 9 термидора выступал в Якобинском клубе совместно с Реалем (см. стр. 64 настоящего тома) в защиту свободы печати, но против петиции секции Музея, поддержанной Бабефом.

17 Бийо-Варенн Жан-Никола (1759—1819) — до революции адвокат, во время революции один из виднейших деятелей демократического движения, член совета Коммуны 10 августа, депутат Конвента от Парижа (его кандидатура поддерживалась Маратом), с сентября 1793 г. член Комитета общественного спасения. Был в числе тех участников переворота 9 термидора, которые рассчитывали, устранив Робеспьера, сохранить режим революционного правительства. После переворота подвергся нападкам термидорианцев как представитель «робеспьеристского охвостья». В ночь, когда было подавлено восстание 12 жерминаля (1 апреля 1795 г.), был арестован и сослан вместе с Барером и Колло д'Эрбуа.

18 Петиция дижонского якобинского общества была зачитана в Конвенте 29 фрюктидора. В ней содержалось требование опубликования имен «подозрительных», освобожденных после 9 термидора, и лиц, по чьему на-

стоянию они были освобождены, удаления дворян и бывших священников со всех постов, ограничения свободы печати на время войны и т. д. Петиция дижонских якобинцев нашла поддержку ряда других Народных обществ в провинции, стремившихся к сохранению революционной диктатуры (см. *A. Mathiez*. La réaction thermidorienne. Paris, 1929, p. 55).

[19] «Цепи рабства» (Chaines de l'esclavage) — произведение Марата, впервые опубликованное им в Англии в 1774 г.; на французском языке было им издано в марте 1793 г., незадолго до смерти (см. *Ж. П. Марат*. Избранные произведения, т. I. М., 1956). В первые недели после 9 термидора Бабеф внимательно изучал «Цепи рабства». В ЦПА ИМЛ сохранился его конспект этой книги (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 449), впервые публикуемый в настоящем томе (см. стр. 525—526). В своей газете и брошюрах Бабеф неоднократно ссылался на «Цепи рабства».

[20] «Оратор народа» — газета Фрерона, который возобновил ее издание с 25 фрюктидора (11 сентября 1794 г.). Благожелательное отношение Бабефа к этой газете вскоре сменилось резкой ее критикой (см. выше прим. 2). — «Друг граждан» — газета Тальена (см. ниже прим. 25), в 1793 г., издававшего газету «Друг санкюлотов».

[21] Сегье Антуан-Луи (1726—1792) — юрист, видный деятель парижского парламента. Известен своими реакционными взглядами; требовал запрещения «Энциклопедии» и сожжения произведений французских философов-материалистов.

[22] Отец Фрерона Эли-Катрин (1719—1771) издавал журнал «L'Année littéraire» («Литературный год»), противник просветителей, с ним вел резкую полемику Вольтер.

[23] Салавилль Жан-Батист (1775—1832) — демократический журналист; в 1794 г. редактировал газету «Annales patriotiques», основанную в 1789 г. С. Мерсье. Занимал независимую позицию; критиковал закрытие Якобинского клуба. После возвращения в Конвент Мерсье, примыкавшего к жирондистам и подвергавшегося тюремному заключению, Салавилль был удален из газеты. Бабеф в 29-м номере «Трибуна народа» протестовал против отстранения «мужественного и мудрого Салавилля».

[24] Мерлен (из Тионвилля) Антуан Кристоф (1762—1833) — до революции адвокат, в первые годы революции деятель клуба Кордельеров, депутат Законодательного собрания (от деп. Мозель), где принадлежал к крайне левому крылу («Трио кордельеров»), и Конвента. Стал одним из наиболее видных деятелей термидорианской реакции. На следующий день после покушения на Тальена выступил в Конвенте с речью (ее имеет в виду Бабеф), содержавшей резкие нападки на Якобинский клуб «рыцарей гильотины», как организаторов покушения, и потребовал закрытия клуба. Впоследствии составил крупное состояние и отошел от политической деятельности.

[25] Тальен Жан-Ламбер (1767—1820) — сын дворецкого, в начале революции был секретарем у Ламетов, секретарь Совета Коммуны 10 августа. Марат поддерживал сперва кандидатуру Тальена в Конвент от Парижа, но затем отказался от этого, поскольку поведение Тальена на собрании выборщиков его «возмутило», показав, что он принадлежит к числу «жадных интриганов, ищущих постов и боящихся их упустить» (*Ж. П. Марат*. Избранные произведения, т. 3, стр. 128). Поведение Тальена в Конвенте, куда он был избран от деп. Сена и Уаза, полностью подтвердило характеристику Марата. Посланный с миссией в Бордо, Тальен проявил большую жестокость. Будучи отозван в Париж, стал одним из организаторов термидорианского переворота.

В ночь с 23 на 24 фрюктидора (с 9 на 10 сентября 1795 г.) на Тальена было произведено покушение. Покушавшийся не был найден, а Тальен отделался незначительными царапинами. Тем не менее это покушение было использовано против Якобинского клуба (за неделю до

покушения исключившего Тальена из своего состава), будто бы подославшего «убийц».

Бабеф, обращавшийся в 1793 г. по совету Шометта (см. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2, стр. 380—382) в редакцию издававшейся Тальеном газеты «Друг санкюлотов» и ставивший тогда эту газету за ее передовую социальную программу в пример даже Марату, в первые недели после 9 термидора положительно отзывался о Тальене, но очень скоро глубоко в нем разочаровался, как и во Фрероне.

26 Здесь и в ряде следующих номеров Бабеф называет так Якобинский клуб, так как большинство членов клуба накануне и в самый день 9 термидора поддержало Робеспьера. Иронический тон Бабефа объясняется тогдашним его положительным отношением к антиробеспьеристскому перевороту, впоследствии им пересмотренным.

27 По всей вероятности, Бабеф, как и некоторые его современники, отрицательно относился к Сорбонне, считая ее учреждением, где царят реакционные взгляды.

28 «Л» — вероятно, якобинский депутат Рене Левассер из Сарты (около 1747—1834), по профессии медик; «К» — Каррье Жан-Батист (1754—1794), член Конвента (см. прим. 57); «Б» — вероятно, Бурдон.

29 В 1789 г. Бабеф неоднократно положительно отзывался о Мирабо (см. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 1, стр. 244, 280—281).

30 О Дюфурни см. прим. 15; Бабеф имеет в виду его выступление 27 термидора в Якобинском клубе в защиту неограниченной свободы печати.

31 Сартин Антуан-Раймон-Жан-Габриель (1729—1801) — глава парижской полиции в 1759—1774 гг., позднее морской министр; в 1790 г. эмигрировал. Ленуар Жан-Шарль-Пьер (1732—1807) был его преемником в парижской полиции.

32 Об отношении Бабефа к Ж. П. Бриссо (1754—1793) см. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2, стр. 296, 309.

33 Лустало Элизе (1762—1790) — адвокат, в начале революции один из наиболее выдающихся демократических журналистов, редактор «Парижских революций» — газеты, за которой очень внимательно следил Бабеф.

34 Реаль Пьер-Франсуа (1757—1834) — адвокат, участник демократического движения, в 1792—1793 гг. заместитель прокурора Парижской коммуны. Накануне 9 термидора был арестован. После переворота занимался журналистикой. Выступал защитником на процессе Нантского революционного комитета, а в 1797 г. — на процессе Бабефа в Вандоме. Стал бонапартистом и активно участвовал в подготовке переворота 18 брюмера. Пользовался полным доверием Наполеона и выполнял его особо секретные поручения, член Государственного совета, одно время префект парижской полиции, граф Империи.

35 Секция Музея, возглавлявшаяся Легрэ (см. ниже прим. 83), огласила в Конвенте петицию, содержавшую те же требования, что и петиция Электорального клуба (см. выше прим. 11).

36 После 9 термидора секциям было запрещено собираться чаще одного раза в декаду.

37 Бийо-Варенн резко выступил против петиции Электорального клуба, видя в ней продолжение агитации эбертистов против революционного правительства весной 1794 г. По его предложению петиция была передана для расследования в Комитет общественной безопасности.

38 Бодсон Жозеф (род. в 1765 г.) — по профессии гравер и ювелир. Активный деятель секционного движения в Париже; член совета Коммуны 10 августа; заместитель мирового судьи секции Пон-нёф. Весной 1794 г. как близкий к эбертистам был арестован. После 9 термидора — один из руководителей Электорального клуба. После оглашения петиции клуба

в Конвенте был арестован. Освобожден по амнистии в 1795 г., в следующем, 1796, году стал агентом тайной бабувистской организации. Был в числе обвиняемых на Вандомском процессе, но сумел скрыться. В бумагах Бабефа при аресте было обнаружено очень интересное его письмо к Бодсону о Робеспьере и эбертизме, которое будет опубликовано в четвертом томе настоящего издания.

[39] Амар Ж. П. А. (1755—1816) — член Конвента от деп. Изер, один из руководителей Комитета общественной безопасности, после 9 термидора подвергался преследованиям как представитель «робеспьеристского охвостья», был арестован и сослан после восстания в жерминале, в 1796 г. был связан с бабувистским движением, привлекался по Вандомскому процессу, но был оправдан.

[40] Вадье Марк Гийом Алексис (1736—1828) — депутат Учредительного собрания и Конвента, член Комитета общественной безопасности и его председатель. После 9 термидора, хотя Вадье и выступал против Робеспьера, подвергался преследованиям, подлежал ссылке, но скрылся. В 1796 г. был арестован за связь с бабувистской организацией, был осужден на Вандомском процессе. При Реставрации был изгнан из Франции; вместе с группой членов Конвента находился в Брюсселе, где и умер. В эмиграции дружил с Буонарроти.

[41] Фукье-Тенвилль Антуан Кентен (1746—1795) — до революции юрист, член совета Коммуны 10 августа, общественный обвинитель в Революционном трибунале, выступал на процессе дантонистов и эбертистов. Был арестован после 9 термидора, предан суду и казнен в мае 1795 г. После 9 термидора было принято решение о реорганизации Революционного трибунала. Противники Барера приписывали ему предложение вновь ввести Фукье-Тенвилля в состав трибунала.

[42] Ссылки на знаменитого голландского юриста Гуго Гроция встречаются также в теоретической тетради Бабефа «Философский свет».

[43] На стр. 2—7 8-го номера газеты Бабефа было напечатано «Письмо издателю Газеты свободы печати» за подписью Ведере. В архиве сохранилось еще одно письмо Ведере, полученное Бабефом уже в то время, когда издание газеты было приостановлено. На этой корреспонденции рукой Бабефа проставлен заголовок: «Как утерли нос медикам без практики, или Отчаяние Дюэма». Дальше идет вычеркнутая строка: «Левассера, Кофиналя, Лантена и Гильотена». К этой второй статье Ведере Бабеф сделал приписку: «В ожидании возобновления выхода моей газеты «Трибун народа», которое произойдет вскоре, я буду публиковать превосходные произведения, которые доставили мои корреспонденты в то время, как я вынужден был приостановить издание. Кто скрывает то, что может содействовать благу Родины, — преступник. Поступим же, как очень хорошо сказал Фрерон: «Мысль, как подлинный Протей, вырывается из всех уз, из всех цепей, которыми хотят ее связать»» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 450).

[44] Эпиграф из Плутарха свидетельствует о том, что Бабеф был знаком с «Жизнеописаниями».

[45] «Од.» — Одуен, «Бар.» — Барер, «Бий.» — Бийо-Варенн.

[46] «Кол.» — Колло д'Эрбуа (подробнее см. ниже прим. 55), «Бур.» — Бурдон (подробнее см. прим. 86).

[47] Мерлен (из Тионвилля) выступил 24 фрюктидора в Конвенте, после покушения на Тальена (см. прим. 25).

[48] Lit-de-Justice — особо торжественное заседание парламента в присутствии короля, созывавшееся, в частности, для того, чтобы сломить сопротивление парламента, когда тот отказывал в регистрации какого-либо королевского акта.

[49] Дюмон Андре (1765—1836) — до революции февдист, депутат Конвента от деп. Сомма; был во враждебных отношениях с Бабефом (см. *Г. Бабеф.*

Сочинения, т. 2, стр. 352—353); во время своей миссии в деп. Сомма проводил чистку администрации; позднее один из наиболее активных и ожесточенных деятелей термидорианской реакции. В вандемьере III года его выступление против петиции Электорального клуба подверглось резкой критике Бабефа. При Наполеоне — супрефект.

50 Барер де Вьезак Бертран (1755—1841) — член Учредительного собрания и Конвента. В первые годы революции занимал шаткую политическую позицию; был близок к «Социальному кружку»; в 1791 г. после раскола якобинцев перешел к фейянам; одно время являлся председателем их клуба; Марат охарактеризовал его, как «ничтожного человека, лишенного добродетели и характера» (*Ж. П. Марат.* Избранные произведения, т. III, стр. 125). В Конвенте снова примкнул к якобинцам; один из руководителей Комитета общественного спасения. Поддержал переворот 9 термидора, но сразу же подвергся нападкам со стороны правых термидорианцев; после поражения жерминальского восстания был сослан. Позднее поддержал переворот 18 брюмера, но не принимал участия в политической деятельности. При Реставрации находился в изгнании в Брюсселе.

51 В 10 и 11-м номерах «Газеты свободы печати» было опубликовано обращение Народного общества Арраса, направленное против Барера. Вероятно, эта публикация была инспирирована Гюффруа.

52 Лебон Жозеф (1765—1795) — до революции священник; член Конвента; был в миссии в деп. Па-де-Кале; сыграл большую роль при обороне Камбрэ; подвергался обвинениям в чрезмерной жестокости; был отозван Конвентом и снова возвращен; при обсуждении вопроса о действиях Лебона его защищал Барер; запись о его выступлении 21 мессидора II года (9 июля 1794 г.), сделанная уже во время термидорианской реакции, сохранилась в архиве Бабефа (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 439). В октябре 1795 г., после судебного процесса, Ж. Лебон был казнен. К тому времени Бабеф давно изменил свое отношение к нему. Еще во время пребывания в аррасской тюрьме Бабеф вел переписку с семьей Лебона. С неизменным сочувствием отзывался он о нем и позднее (см., к примеру, стр. 488 настоящего тома). Близко стоявший к Лебону Александр Дарте стал виднейшим деятелем бабувистской организации и был казнен в Вандоме вместе с Бабефом.

53 Под Флерюсом, маленьким городком в Бельгии, на левом берегу Самбры, 8 мессидора II года (27 июня 1794 г.) произошло сражение французской революционной армии с австрийскими войсками. Победа французов имела чрезвычайно большое значение. Она обеспечила им вторичное завоевание Бельгии, которая оставалась уже в их руках до окончания войн. Энгельс считал, что победа при Флерюсе обеспечила решительный перелом в развитии революционной войны.

54 Луше (1755—1813) — депутат Конвента от деп. Аверон; на заседании 9 термидора Луше, до того мало известный, предложил принять декрет об обвинении Робеспьера, после чего Робеспьер был арестован и на следующий день казнен. После переворота Луше продолжал, однако, отстаивать принцип революционного правительства. 29 фрюктидора (15 сентября) он огласил в Конвенте петицию дижонского якобинского общества (см. выше прим. 18). С этим и связана заметка Бабефа в 11-м номере его газеты против Луше.

55 Колло д'Эрбуа Жан-Мари (1750—1796) — до революции актер и драматург; активный деятель демократического движения в годы революции; член совета Коммуны 10 августа; депутат от Парижа в Конвенте; член Комитета общественного спасения; был в миссии в Лионе вместе с Фуше, где принимал жесткие меры после подавления восстания. Стал противником Робеспьера; председательствовал на заседании Конвента 9 термидора; к нему был обращен последний призыв Робеспьера: «Председатель убийц, дай мне слово». После переворота так же, как Барер

и Бийо-Варенн, сразу подвергся нападкам правых термидорианцев. В жерминале был отправлен в ссылку, где и скончался.

[56] Каррье Жан-Батист (1756—1794) — юрист, член Конвента от деп. Канталь; якобинец. Был в миссии для подавления вандейского восстания. В Нанте (октябрь 1793 г. — февраль 1794 г.) проявлял чрезмерную жестокость в отношении вандейцев. Позднее его обвиняли, хотя сам Каррье это категорически отрицал, что по его распоряжению в Луаре топились баржи с контрреволюционерами. По настоянию М.-А. Жюльена, представителя Комитета общественного спасения, жаловавшегося Робеспьеру на действия Каррье, он был отозван в Париж. Поддержал термидорианский переворот, но решительно настаивал на продолжении политики революционной диктатуры. По его предложению из Якобинского клуба были исключены Фрерон и Тальен. В отместку правые термидорианцы (хотя сами они в своих миссиях проявляли еще бо́льшую жестокость) начали кампанию против Каррье, требуя лишения его депутатской неприкосновенности, чего они в конце концов и добились.

[57] Дюэм Пьер Жозеф (1758—1807) — медик; член Законодательного собрания и Конвента. В первые месяцы термидорианской реакции последовательно и стойко отстаивал якобинские принципы; один из руководителей так называемой «Вершины» («La crête»); после 12 жерминаля был арестован и сослан. При Наполеоне — военный врач. В первых номерах своей газеты Бабеф писал о Дюэме иронически; позднее отзывался о нем очень одобрительно (см. «Трибун народа», № 32).

[58] Бабеф имеет в виду Леонара Бурдона (1751—1807) — в 1792 г., после 10 августа, комиссар одной из наиболее демократических секций Парижа — Гравийе; член Конвента от деп. Луара; поддержал термидорианский переворот, но остался сторонником якобинских принципов; после 12 жерминаля арестован. При Наполеоне — главный директор военных госпиталей.

[59] Руайю Тома-Мари (1743—1792) — аббат, реакционный журналист, основатель газеты «Друг короля».

Малле дю Пан Жак (1749—1800) — уроженец Женевы; с 1784 г. жил во Франции; издатель журнала «Mercure de France»; монархист. С 1793 г. — снова в Швейцарии, а с 1798 г. — в Англии. В 1884 г. были опубликованы интересные донесения Малле австрийскому правительству о событиях во Франции («Correspondance inédite de Mallet du Pan avec la Cour de Vienne»).

[60] Мори Жан-Сюффран (1746—1817), Казалес Жан Антуан Мари (1758—1803), Вирье (1754—1792) — правые депутаты Учредительного собрания, требовавшие судебного преследования Марата.

[61] О секции Музея см. выше прим. 35.

[62] Реакционная газета «Деяния апостолов» («Les actes des apôtres»), основанная Ф.-Л. Сюло (1757—1792), издавалась в первые годы революции при участии Ривароля. В 119-м номере «Деяний апостолов» без ведома Бабефа было напечатано его письмо в следственный комитет Учредительного собрания (см. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2, стр. 493).

[63] Питт Уильям-младший (1759—1806) — канцлер казначейства (1782), министр финансов (1783); глава английского правительства (1784—1801) в период войн Англии против Французской революции.

Кобург Фридрих (1737—1815) — князь; командовал австрийскими войсками, вторгшимися на территорию Франции в 1793—1794 гг.; вел переговоры с Дюмурье о его переходе на сторону Австрии; при Флерюсе командовал войсками интервентов, потерпевших поражение (см. прим. 53).

«Агенты Питта и Кобурга» — обычное обвинение, которое выдвигалось во Франции в те годы против людей, подозреваемых в контрреволюционных намерениях.

[64] Фэйо Жозеф-Пьер-Мари (1751—1799) — депутат Конвента от деп. Вандея; якобинец; о его демократических выступлениях в Конвенте одобрительно отзывался Жорес (см. *J. Jaurès*. Histoire socialiste de la Revolution française, v. III, V. Paris, 1970, 1972). После 9 термидора был одним из руководителей «Вершины»; сопротивлялся политике правых термидорианцев; был арестован после прериальского восстания.

[65] Дюкенуа Эрнест-Доменик-Франсуа-Жозеф (1748—1795) — депутат от деп. Па-де-Кале в Законодательном собрании и Конвенте; якобинец; подвергался нападкам со стороны Эбера; в его защиту выступил в Якобинском клубе Робеспьер. После 9 термидора выступал против правых термидорианцев; в день восстания 1 прериаля в Конвенте высказался в поддержку восставших; один из обвиняемых на процессе шести «последних монтаньяров»; был приговорен к смертной казни и вместе с другими осужденными мужественно покончил самоубийством.

Монестье Бенуа (1745—1819) — депутат Конвента от деп. Пюи-де-Дом, противник правых термидорианцев, подвергался преследованиям после прериальского восстания.

[66] Тео Катрин — женщина, по-видимому, не вполне нормальная, объявившая себя «богоматерью». Имела кружок приверженцев. Вадье (см. прим. 40) пытался использовать процесс, возбужденный против Тео, для дискредитации культа Верховного существа и Робеспьера.

[67] В 5-й день санкюлотиды (21 сентября 1794 г.) депутат Трельяр от имени Комитета общественного спасения сообщил в Конвенте о письме депутатов Серра и Оги, находившихся с миссией в Марселе. По их распоряжению был арестован один из деятелей Народного общества, Рейнье. Толпа отбила арестованного. Тогда депутаты Конвента вызвали войска из Тулона, произвели обыск в помещении местного Якобинского клуба, предписали произвести чистку его состава и объявили Рейнье вне закона. Правые термидорианцы, добивавшиеся закрытия Якобинского клуба в Париже, попытались преувеличить значение событий в Марселе, изображая их как восстание, организованное марсельскими якобинцами.

[68] Ленде Жан-Батист-Робер (1746—1825) — депутат Законодательного собрания и Конвента, член Комитета общественного спасения, один из руководителей экономической политики Конвента. Поддерживал термидорианский переворот. По поручению обоих комитетов (общественного спасения и общественной безопасности) выступил в Конвенте в четвертый день санкюлотиды (20 сентября 1794 г.) с докладом об общем положении Франции. Ленде попытался придать своему выступлению примирительный характер с тем, чтобы удовлетворить все группы в Конвенте. После прериальского восстания был арестован. В 1799 г., в последний год существования Директории, был министром финансов.

[69] 8 фрюктидора Якобинский клуб направил в Конвент возглавляемую Рессоном (см. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2, стр. 510) делегацию с адресом, в котором поддерживалось предложение о публикации списков освобожденных «подозрительных» и тех, по чьему предложению произошло это освобождение. С решительными возражениями против этого предложения и выступил 9 фрюктидора в Конвенте Мерлен из Тионвилля.

[70] Гране (1758—1821) — администратор деп. Буш-дю-Рон в 1790 г.; член Законодательного собрания и Конвента; противник термидорианской реакции; 16 жерминаля Конвент принял решение об его аресте.

Мор (1743—1795) — до революции торговец-бакалейщик; якобинский депутат от деп. Йонна; противник правых термидорианцев; после прериаля, когда против него было возбуждено следствие, покончил самоубийством.

Луа Жан-Батист — адвокат; член Учредительного собрания и Конвента.

Лакомб Сен-Мишель (1751—1812) — член Законодательного собрания и Конвента, с 1793 г. генерал революционной армии; генеральный комиссар артиллерии при Наполеоне.

Руайе Жан-Паскаль (1761—1819) — член Законодательного собрания и Конвента; активный деятель термидорианской реакции.

Бейль Моиз-Антуан-Пьер-Жан (1760—1815) — депутат Конвента, якобинец; был одно время членом Комитета общественной безопасности.

71 Бассаль Леон (1752—1802) — до революции священник; член Законодательного собрания и Конвента от деп. Сена и Уаза; после 1795 г. с правительственными поручениями был в Швейцарии и Италии; в 1799 г., во время провозглашения французскими войсками Неаполитанской республики, играл видную роль в ее правительстве.

72 Критическое отношение к Лафайету Бабеф выразил еще в 1790 г. в своем «Письме депутата от Пикардии» (см. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2, стр. 118—122).

73 Петион де Вильнев Жером (1753—1794) — член Учредительного собрания, где примыкал к крайне левому крылу; о его деятельности в Собрании Бабеф неоднократно отзывался очень одобрительно (см. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2, стр. 52, 81, 258—259 и др.); с ноября 1791 г. — мэр Парижа, член Конвента, жирондист. В июле 1792 г. Петион был устранен с поста мэра Парижа за то, что не противодействовал жирондистскому выступлению 20 июня, когда толпа проникла в королевский дворец; это отстранение Петиона вызвало демонстрации протеста, о которых и упоминает Бабеф.

74 Лепелетье де Сен-Фаржо Луи-Мишель (1766—1793) — президент парижского парламента до революции; член Учредительного собрания и Конвента; автор плана государственного образования, который высоко ценил Бабеф; был убит монархистом в январе 1793 г.

Его брат Феликс Лепелетье был активным участником бабувистского движения и близким другом Бабефа.

75 В 18-м номере «Газеты свободы печати» (от 6 вандемьера) уже отчетливо сказывается недоверие и критическое отношение Бабефа к термидорианскому большинству Конвента в связи с его политикой ущемления народных прав, преследования наиболее левых секций в Париже (секции Музея и др.) и Электорального клуба.

76 Бабеф имеет в виду республиканскую демонстрацию 17 июля 1791 г., расстрелянную парижским муниципалитетом. Об отношении Бабефа к этому расстрелу см.: *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2, стр. 476.

77 Мабли Габриель-Бонно (1709—1785) — французский мыслитель, оказавший большое влияние на формирование коммунистических взглядов Бабефа. Сама формула общества «совершенного равенства» была заимствована Бабефом у Мабли, на которого он часто ссылался, вплоть до своей последней защитительной речи на Вандомском процессе.

78 Призыв: «После того как погубили столько невинных, пощадим виновных...», — очень характерен для Бабефа, который еще в июле 1789 г. возражал против народного самосуда (см. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 1, стр. 232). Бабеф в этом вопросе занимает позицию, отличную от эбертистов и «бешеных».

79 Бабеф имеет в виду выступление Дюфурни (см. выше прим. 16) и Реаля (см. прим. 34) 28 и 29 термидора (15 и 16 августа) в Якобинском клубе за неограниченную свободу печати, но против петиции секции Музея.

80 «A.B.J.G. — депутат Национального конвента». — Гюффруа (см. выше прим. 10).

81 Дюссо Жан-Жозеф (1769—1824) — журналист, одно время связанный с Фрероном. Бабеф имеет в виду его памфлет «Фрагмент для изучения истории Национального конвента после 10 термидора и до разоблачения Лекуантра» («Fragment pour servir à l'histoire de la convention nationale

depuis le 10 Thermidor jusqu'à la dénonciation de Lecointre»), опубликованный 29 фрюктидора.

82 22-й номер «Газеты свободы печати» ошибочно датирован 10 вандемьера, так же как и предыдущий, 21-й номер.

83 Легрэ Франсуа-Венсан — участник взятия Бастилии, активный деятель парижского секционного движения, член революционного комитета секции Музея; член совета Коммуны 10 августа; был арестован 2 термидора II года (20 июля 1794 г.) за агитацию против Комитета общественного спасения, освобожден после переворота (12 термидора). По его предложению секцией Музея была принята петиция, зачитанная в Конвенте 30 термидора; председатель Электорального клуба; после представления Конвенту новой петиции 7 вандемьера (опубликованной Бабефом в 22-м номере его газеты), Легрэ по постановлению Комитета общественной безопасности от 19 вандемьера (10 октября 1794 г.) был снова арестован и освобожден 29 фримера III года (20 декабря 1794 г.); снова был арестован 25 вантоза (15 марта 1795 г.) и освобожден лишь 12 вандемьера IV года (3 октября 1795 г.) (см. *A. Soboul*. Les sans-culottes parisiens... Paris, 1958, p. 991—993).

84 Бабеф, целиком поддерживавший политические требования Электорального клуба, категорически отверг его предложение в петиции 7 вандемьера о ликвидации максимума. Как и предвидел Бабеф, эта отмена (осуществленная Конвентом 4 нивоза III года — 24 декабря 1794 г.) привела к резкому обострению инфляции и катастрофическому ухудшению положения трудящихся масс.

85 20 июня 1789 г. депутаты третьего сословия, объявившие себя Национальным собранием, вынуждены были из-за закрытия помещения, где происходили их заседания, собраться в зале для игры в мяч. На заседании 23 июня им предложено было разойтись, в ответ на что Мирабо заявил: «Мы собрались здесь по воле народа, и мы покинем свои посты, только подчиняясь силе штыков».

86 Бурдон Франсуа-Луи (1761—1798) — депутат от деп. Уаза в Конвенте; якобинец; после падения Робеспьера, чему он содействовал, 11 термидора вновь открыл Якобинский клуб; в дальнейшем эволюционировал вправо, стал одним из руководителей правых термидорианцев, наиболее себя дискредитировавших; после окончания работ Конвента не был переизбран в Совет 500. После переворота 18 фрюктидора был сослан в Гвиану, где и умер.

87 Начиная с 23-го номера (от 14 вандемьера) газета Бабефа выходила под названием «Le Tribun du Peuple ou le défenseur des droits de l'homme; en continuation du Journal de la liberté de la presse. Par Gracchus Babeuf».

88 Валерий Публикола — римский консул, проводивший реформы в интересах плебеев; ум. в 503 г. до н. э.

89 Бабеф стал называть себя Камиллом с 1790 г. Но, как он объяснил в 23-м номере, имя Камилла, бывшего римским диктатором в IV в. до н. э., перестало его удовлетворять, поскольку Камилл стремился к примирению между патрициями и плебеями (при нем началось сооружение храма Согласия). Уже в 1793 г. Бабеф иногда называл себя Гракхом.

90 Имя Камилла носил Демулен (1760—1794), имя Анаксагора принял Шометт (1763—1794), Анахарсиса — Жан-Батист Клоотс (1755—1794) — прусский барон, приветствовавший Французскую революцию, называвший себя «Оратором человечества»; член Конвента. Все трое были казнены весной 1794 г.

91 Агис — спартанский царь в III в. до н. э. Бабеф полагал, что он осуществил ряд преобразований, содействовавших восстановлению законов Ликурга. Марк Юний Брут — республиканец, один из убийц Юлия Цезаря.

92 Бабеф не носил, вопреки тому, что он пишет, имени Жозеф-Туссен-Никез. Его настоящее имя, согласно сохранившемуся акту о рождении, Франсуа-Ноэль.

93 Бабеф имеет в виду праздник, связанный с перенесением останков Марата в Пантеон (5-й день санкюлотиды II года — 21 сентября 1794 г.). Четыре с половиной месяца спустя, в разгар термидорианской реакции (20 плювиоза III года — 8 февраля 1795 г.), тело Марата было удалено из Пантеона.

94 С 1 вандемьера Андре Дюмон (см. прим. 49) был избран очередным председателем Конвента.

95 О выступлении Р. Ленде см. прим. 68.

96 Камбасерес Жан-Жак-Режи (1753—1824) — юрист, до революции советник счетной палаты в Монпелье, в начале революции — президент уголовного трибунала в деп. Эна; член Конвента, где примыкал к «Болоту»; после 9 термидора проявил большую активность; с именем Камбасереса связан ряд постановлений термидорианского Конвента, направленных на ограничение народной инициативы и вызвавших критику Бабефа. После роспуска Конвента член Совета 500. В 1799 г. был министром юстиции, участвовал в подготовке переворота 18 брюмера; с декабря 1799 г. — второй консул. При наполеоновской империи занимал ряд видных государственных постов.

97 Инар Анри-Максимен (1751—1825) — до революции предприниматель; член Законодательного собрания и Конвента от деп. Вар; один из видных жирондистов; после восстания 31 мая находился под арестом; во время термидорианской реакции вместе с другими жирондистами был восстановлен в правах члена Конвента и вел себя очень активно; член Совета 500; барон наполеоновской империи.

98 В 26-м номере газеты Бабеф впервые подверг критике Фрерона. Все содержание номера, направленного против большинства термидорианского Конвента, вызвало протест Гюффруа и привело к разрыву его отношений с Бабефом. Этот номер газеты был последним, печатавшимся в типографии Гюффруа.

99 В ЦПА ИМЛ сохранились два листка рукописи Бабефа — его речь в Электоральном клубе (ф. 223, д. 452). Первый листок, на котором стоит цифра 4, мы не публикуем, так как он практически полностью совпадает с текстом, опубликованным в 27-м номере «Трибуна народа» (см. стр. 170—171 данного тома). На втором листке стоит цифра 15. Судя по этим цифрам, сохранилась только небольшая часть речи, которая послужила одним из поводов для приказа об аресте Бабефа. Неизвестно, была ли она произнесена лично или только зачитана. Поскольку в рукописи упоминается об аресте Легрэ (см. прим. 83), ее можно датировать примерно 21—22 вандемьера.

Письмо, упоминаемое Бабефом, было адресовано ему Лантена.

100 На заседании 18 вандемьера было одобрено составленное Камбасересом, избранным 16 вандемьера очередным председателем Конвента, обращение к французскому народу: «Projet d'adresse au Peuple, contenant les principes autour desquels tous les Français doivent se ranger» («Проект обращения к народу, содержащего принципы, вокруг которых все французы должны объединиться»). Это обращение, по мнению Бабефа, окончательно лишавшее французский народ его суверенных прав, вызвало возмущение Трибуна народа. В ЦПА ИМЛ (ф. 293, оп. 1, д. 499) сохранились его выписки из этого обращения Конвента и набросок плана ответа на обращение («Adresse à faire»). Бабеф, судя по сохранившимся в архиве материалам (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 451, 452 и 453), выступал по этому поводу в Электоральном клубе. Текст ответа Бабефа на обращение Камбасереса Р. Легран обнаружил в исторической библиотеке Парижа (M. 810, f° 612 à 617 — Assemblée électorale. Adresse des défenseurs des droits de l'homme réunis en société populaire, dite ci-devant

électorale, séante au Museum. Au peuple de Paris et de toute la République»). Эта рукопись печатается в томе по тексту, опубликованному Р. Леграном (*R. Legrand.* Les manuscrits de Babeuf conservés à la bibliothéque historique de la ville de Paris. — «AHRF», 1973, N 4, p. 575—588).

101 23 вантоза II года (13 марта 1794 г.) по предложению Сен-Жюста был принят декрет против заговорщиков. Не следует смешивать этот декрет с известными декретами, предложенными Сен-Жюстом 8 и 13 вантоза, о перераспределении имуществ «подозрительных».

102 Гийомар Пьер-Мари-Огюстен (1757—1826) — член Конвента от деп. Котдю-Нор, одно время член Комитета общественной безопасности, якобинец. Позднее — член Совета 500 и Совета старейшин.

103 План ответа на обращение Камбасереса, сохранившийся в ЦПА ИМЛ (см. примеч. 100), написан на правой стороне того же листа, на левой стороне которого сделаны выписки, публикуемые нами в Приложениях, из «Цепей рабства» Марата. Среди этих записей есть ссылка на страницу 141 из «Цепей»: «Sécurité aveugle des Peuples, 141, Lâcheté des peuples. 148. — V. Ecrivains. Nécessité de la surveillance. 141». На этот текст Марата Бабеф и ссылается в своем ответе.

104 Филиппо Пьер (1754—1794) — юрист, член Конвента от деп. Сарта, был в миссии для подавления Вандейского восстания; осужден по процессу дантонистов.

Дюбуа де Крансе Эдмон-Луи-Алексис (1747—1814) — депутат Учредительного собрания и Конвента, занимался вопросами реорганизации армии, термидорианец.

105 Бабеф имеет в виду Конституцию 1793 года. Термидорианский Конвент решился на ее отмену только к осени 1795 г., после подавления прериальского восстания. Бабеф высоко ценил демократический характер Конституции 1793 года.

106 27-й номер «Трибуна народа» датирован 22 вандемьера, однако, по всей видимости, он вышел позднее, поскольку в конце номера помещены речь Бабефа на заседании Электорального клуба 22 вандемьера (она была лишь зачитана, так как Бабеф уже скрывался от ареста) и постановление клуба от 27 вандемьера о напечатании этого номера газеты. После опубликования 27-го номера в издании «Трибуна народа» наступил почти двухмесячный перерыв.

107 Бабеф имеет в виду свой проект Обращения к народу в ответ на адрес Конвента от 18 вандемьера. Оно не было опубликовано и сохранилось только в рукописи (см. выше прим. 100).

108 Бабеф как бы предвидел свою судьбу. Он был казнен через два с половиной года — 28 мая 1797 г.

109 О роли женщин в событиях 5—6 октября 1789 г. Бабеф писал еще в 1789 г. в своей «Лондонской корреспонденции» (см. *Г. Бабеф.* Сочинения, т. 1, стр. 250—276).

110 Бабеф своевременно принял меры предосторожности. За арестом Легрэ последовало постановление Комитета общественной безопасности 22 вандемьера II года (13 октября 1794 г.) об аресте Бабефа. Текст этого постановления гласил: «Комитет постановляет, что гражданин Бабеф будет немедленно арестован и препровожден в Люксембургскую тюрьму, где должен находиться впредь до нового распоряжения, и что его бумаги будут опечатаны. На гражданина Плойе возлагается обязанность исполнить это постановление (A. N., F^7 4276/1). На этом постановлении есть подписи Коломбеля, Левассера. Клозеля, Ребеля, Бурдона из Уазы и др. Этот приказ не был выполнен. Бабефу удалось скрыться, что видно из доклада Плойе Комитету общественной безопасности (F^7 4278/35-а) от 23 вандемьера. После этого, 26 вандемьера, Комитет принял решение «немедленно освободить гражданина Бабефа и снять

печати с его вещей» (F^7 4278/33). Однако через неделю, после появления 27-го номера газеты, вновь встал вопрос об аресте Бабефа.

Этому решению предшествовало письмо депутата Калона от 2 брюмера III года на имя Мерлена из Тионвилля, бывшего тогда членом Комитета общественной безопасности: «...Я не знаю, позволяют ли дела Комитета общественной безопасности уделить внимание статье «Электоральный клуб», напечатанной в газете, которую я тебе пересылаю (очевидно, 27-й номер «Трибуна народа». — *В. Д.*)... Обязанность Комитетов, как мне кажется, наказать этого отвратительного человека, который осмелился кощунствовать против Национального конвента. Важно проявить бдительность...» Это письмо Мерлен передал в Комитет общественной безопасности (A. N. F^7 4278/31). Комитет вынес новое решение об аресте Бабефа, и Мерлен из Тионвилля защищал это постановление на заседании Конвента 3 брюмера. Но Бабефу и на этот раз удалось избежать ареста.

111 Возможно, что Бабеф снова получил работу в продовольственной комиссии, но точных сведений об этом нет.

БАБЕФ ПРОТИВ ТЕРМИДОРИАНСКОГО КОНВЕНТА

1 Эта рукопись хранится в ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 1, д. 455). Впервые была опубликована в 1885 г. Ж. Лекоком с приложением ряда документов о Бабефе под заголовком: «Манифест Гракха Бабефа» (G. Lecocq. Un manifeste de Gracchus Babeuf. Paris, Librairie des Bibliophiles. Rue Saint-Honoré. MDCCCLXXXV). Лекок не указал, где хранился изданный им текст и от кого он был получен. «Мнение гражданина с трибун» публикуется по рукописи, хранящейся в ИМЛ. Это последний бабефовский документ (3 ноября 1794 г.), связанный с Электоральным клубом. По-видимому, репрессии Конвента, аресты Легрэ и Бодсона, изгнание клуба из помещения, временное прекращение выхода «Трибуна народа», уход Бабефа в подполье — все это привело к прекращению деятельности Электорального клуба.

2 После выхода 27-го номера «Трибуна народа» Бабеф вынужден был на некоторое время прекратить выпуск своей газеты. Он издал тогда четыре брошюры. Первая из них «Хотят спасти Каррье...» («On veut sauver Carrier. On veut faire le procès au comité révolutionnaire. Peuple, prend garde à toi») вышла, судя по упоминаемым в брошюре фактам и датам, во второй половине брюмера III года, не ранее 12 брюмера.

3 О Ж.-Б. Каррье см. прим. 56 к разделу I. 22 фрюктидора в Париже начался процесс нантских федералистов, готовившийся еще до 9 термидора. После смены состава Революционного трибунала процесс закончился через неделю полным оправданием всех федералистов. Каррье выступал на этом процессе свидетелем. После решения Якобинского клуба об исключении Тальена и Фрерона, принятого по предложению Каррье, в термидорианском Конвенте и печати усилилась кампания против Каррье и Нантского революционного комитета, предавшего суду федералистов. 22 вандемьера было принято решение о предании Революционного комитета суду. Однако на начавшемся процессе обвиняемые потребовали привлечения к судебной ответственности Каррье, как главного виновника применения террора в Нанте. Но сразу же после 9 термидора Конвент восстановил неприкосновенность своих членов. Правые термидорианцы добились тогда в начале брюмера установления новой процедуры в случае возникновения обвинений против депутатов. Если три комитета (общественного спасения, общественной безопасности и законодательный) признавали обвинения вескими, Конвент должен был выделить комиссию в составе 21 депутата для разбора этих обвинений. Выводы комиссии должны были представляться на рассмотрение Конвента. Каррье явился первой жертвой этой новой процедуры. 21 брю-

мера (11 ноября 1794 г.) комиссия представила свой доклад. Брошюра Бабефа была издана, по-видимому, до этого доклада, направленного против Каррье, который был арестован. 3 фримера (23 ноября 1794 г.) он был предан суду, а 26 фримера (16 декабря), по его приговору гильотинирован. Процесс Каррье явился серьезным успехом правых термидорианцев.

[4] О комиссии двадцати одного (21-го) см. в предыдущем примечании.

[5] О Гийомаре см. прим. 102 к разд. I.

[6] Лежандр Луи (1752—1797) — до революции мясник; деятель демократического движения в Париже и клуба Кордельеров, депутат Конвента; друг Дантона; правый термидорианец; позднее — член Совета старейшин.

[7] О Дюэме см. прим. 57 к разделу I.

[8] Филиппо (см. также прим. 104 к разделу I), будучи в миссии в Вандее, разошелся во взглядах с другими представителями Конвента, в частности с Шудье (см. ниже, прим. 32) и был отозван; казнен по процессу дантонистов. Дюбуа де Крансе (см. прим. 104 к разделу I) во время термидорианской реакции выступил с личными нападками на Бабефа (см. 29-й номер «Трибуна народа»).

[9] Тронжоли-Филипп был председателем уголовного трибунала деп. Нижняя Луара, участник федералистского восстания. Главный обвиняемый на процессе нантских федералистов; был оправдан. Выступил на процессе с очень тенденциозными обвинениями в адрес Каррье. Бабеф ссылается в своей брошюре на показания Тронжоли и других федералистов. Однако в другой своей брошюре о Каррье, изданной позднее, в ее заключительной главе Бабеф подверг законному сомнению правдивость показаний нантских федералистов (см. стр. 278 настоящего издания).

[10] Каррье был членом Конвента от деп. Канталь.

[11] Брошюра была Бабефом подписана, хотя 3 брюмера Комитет общественной безопасности принял решение об его аресте и Бабеф находился на нелегальном положении.

[12] «Битые платят штраф...» («Les battus payent l'amende ou les Jacobins jeannots») — вторая брошюра Бабефа, не датированная. Судя по содержанию, издана, вероятно, в конце брюмера III года (не ранее 22-го). Непосредственным поводом к ее появлению послужили события 19—22 брюмера. Группы «золотой молодежи», которые Фрерон натравливал на якобинцев, 19 брюмера атаковали здание Якобинского клуба и забросали его камнями. Эти демонстрации повторились и на следующий день. Ссылаясь на это, термидорианский Конвент 22 брюмера принял решение о закрытии Якобинского клуба. Поддерживая в своей брошюре это решение, Бабеф в то же время доказывал в ней необходимость сохранения Народных обществ, в частности Электорального клуба. Именно такова была «контрабандная» цель брошюры.

[13] Лано Антуан Жозеф (1757—1806) — адвокат, якобинец, член Конвента от деп. Коррез; противник правых термидорианцев; был арестован в термидоре III года.

[14] Фэйо — см. прим. 64 к разделу I.

[15] Бабеф неоднократно упоминает в своих работах имя героя романа Сервантеса. Довольно часто он упоминает также книги Вольтера, Мольера, Бомарше.

[16] Дюбаран — Барбо дю Барран Жозеф-Никола (1761—1816) — член Конвента от деп. Жер, якобинец; был членом Комитета общественной безопасности; противник термидорианской реакции; был арестован после подавления прериальского восстания.

[17] Гастон (1757—1836) — член Законодательного собрания и Конвента от деп. Арьеж, якобинец, противник правых термидорианцев.

[18] Активная якобинка, посещавшая заседания Конвента; подвергалась нападкам в газете Фрерона «Оратор народа» и оскорблениям во время нападений на Якобинский клуб. Жена якобинца Жана Огюстена Крассу (1755—1829), депутата от о. Мартиники в Конвенте; впоследствии он был арестован как противник термидорианской реакции.

[19] Бабеф имеет в виду декрет Конвента, принятый 25 вандемьера, согласно которому Народным обществам и клубам запрещалось объединяться между собой, вести переписку, подавать коллективные петиции и т. д. В записях Бабефа из «Цепей рабства» есть упоминание об этом законе от 25 вандемьера.

[20] Фрерон был исключен из Якобинского клуба 17 фрюктидора (см. прим. 2 к разделу I).

[21] В выписках из произведений Робеспьера, которые Бабеф сделал в первые недели после 9 термидора, есть такая запись: «Народные общества, 5—236. Портрет якобинцев, сделанный Лафайетом, неверный тогда и верный теперь, 319—7. Доброжелательное описание их организации Робеспьером, 7—320» (см. настоящий том, стр. 526). Эта запись полностью и была использована Бабефом в его брошюре.

[22] «Путешествие якобинцев...» («Voyage des jacobins dans les quatre parties du monde, avec la constitution mise à l'ordre du jour par Audoin et Barrère) — третья из брошюр, изданных Бабефом зимой 1794 г. Написана, по-видимому, в конце брюмера (уже после закрытия Якобинского клуба 22 брюмера) или в начале фримера.

[23] «Секретный бюллетень» — какой-нибудь антиякобинский памфлет. Возможно, что это вымысел Бабефа для оживления содержания его брошюры.

[24] Максимилиан Робеспьер был уроженцем провинции Артуа.

[25] В секции Кенз-Вен находилось убежище для слепых.

[26] Весь смысл и этой брошюры, хотя Бабеф и оправдывал закрытие Якобинского клуба, состоял в отстаивании необходимости Народных обществ.

[27] Кадруа (из Ланд) Поль (1751—1813) — депутат Конвента; один из наиболее правых термидорианцев, осуществлявший белый террор; впоследствии член Совета 500; один из руководителей монархической группы, разогнанной Директорией 18 фрюктидора.

[28] Бабеф имеет в виду декрет о революционном правительстве, принятый Конвентом 14 фримера II года (4 декабря 1793 г.).

[29] Свое обещание возобновить издание «Трибуна народа» Бабеф выполнил: 28-й номер «Трибуна» появился 28 фримера III года (18 декабря 1794 г.).

[30] Последняя из брошюр, изданных Бабефом зимой 1794/95 г. «О системе уничтожения населения...» (Du système de dépopulation, ou la vie et les crimes de Carrier. Au citoyen Caron, homme de loi»), не датирована. Заголовок брошюры на титульном листе был несколько иным: «La vie et les crimes de Carrier, député du Cantal. Son procès, celui du Comité Révolutionnaire de Nantes et la révélation de l'affreux système de dépopulation inventé par le Décemvirat. Par Gracchus Babeuf». Написана она была, судя по содержанию, во фримере III года, во время процесса Каррье. Однако, судя по показанию в парижской полиции владельца типографии Ж. Б. Карена, рукопись была им приобретена и издавалась за его собственный счет; по его словам, она должна была выйти в свет «сегодня» (т. е. 14 нивоза III года — в день его допроса) (A. N., F^7 4276). Возможно, в этом запоздалом выходе в свет одна из причин резкого расхождения между первыми главами «Системы уничтожения населения», содержащими исключительно резкие обвинения Робеспьера и революционного правительства, и заключительной главой, в которой террор по существу оправдывался необходимостью дать отпор неслыханным жестокостям контрреволюционеров, особенно в Вандее. На это про-

тиворечие в брошюре Бабефа первой обратила внимание Г. С. Черткова, которая дала ему и свое объяснение (см. *Г. С. Черткова*. Гракх Бабеф после 9 термидора (август 1794—март 1795). — Французский ежегодник. 1971. М., 1972, стр. 298—303).

Рукописи всех четырех брошюр не сохранились. Публикуются по по печатному тексту брошюр, находящихся в Парижской Национальной библиотеке.

81 О Филиппо см. прим. 104 к разделу I и прим. 8 к разделу II.

32 Шудье Пьер-Рене (1761—1838) — юрист, общественный обвинитель в трибунале дистрикта Анжер, член Законодательного собрания и Конвента от деп. Мен-и-Луара, посылался Конвентом в миссии для подавления вандейского восстания, при этом держался другой линии, чем Филиппо (см. выше прим. 8). Противился термидорианской реакции; был арестован после 12 жерминаля; в 1796 г. был связан с бабувистским движением. Жорес называл Шудье «мужественным и честным человеком» (*J. Jaurès*. Histoire socialiste de la Révolution française, v. II. Paris. 1970. p. 694). Точно так же А. З. Манфред, характеризуя «Мемуары» Шудье, отмечает, что «свидетельства Шудье, одного из самых чистых якобинцев, бесстрашного противника термидорианцев, особенно ценны для этого времени» (*А. З. Манфред*. Наполеон Бонапарт (изд. 2-е). М., 1973, стр. 94).

83 Лекинио Мари-Жозеф (1755—1814) — юрист; член Законодательного собрания и Конвента от деп. Морбиан; посылался с миссией в Вандею для подавления восстания; как противник термидорианской реакции, в термидоре III года был выведен из состава Конвента и подлежал аресту, но скрылся. Бабеф чрезвычайно внимательно изучил произведения Лекинио, посвященные Вандее. В ЦПА ИМЛ сохранился составленный им список страниц из книги Лекинио, которые он предполагал использовать в «Жизни Каррье» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 457).

34 Эро де Сешель Мари-Жан (1759—1794) — до революции генеральный адвокат парижского парламента; депутат Законодательного собрания и Конвента от Парижа. Один из основных авторов Конституции 1793 года. Был членом Комитета общественного спасения. Осужден по процессу дантонистов. Бабеф неоднократно ссылается на его письмо к Каррье от 29 сентября 1793 г.

35 Вестерман Ж.-Ф. (1751—1794) — до революции солдат; в начале революции как руководитель левого муниципалитета в Гагенау (Верхний Рейн) был арестован; пользовался тогда поддержкой Марата; позднее полковник и генерал. Был в армии Дюмурье и выполнял его секретные поручения; затем переброшен в Вандею; по его приказу был арестован Ж. Россиньоль (см. ниже прим. 62). В 1792—1793 гг. Марат резко изменил свое отношение к Вестерману; называя его «авантюристом», он писал: «Мой долг полностью разоблачить вас, и я оставлю вас в покое только у подножия эшафота» («Le Journal de la République française», N 96, 12 janvier 1793). Вестерман был казнен по процессу дантонистов.

36 Каррье 14 августа 1793 г. как член Конвента был послан представителем при Западной армии; в октябре он прибыл в Нант; отозван из миссии 20 плювиоза II года (8 февраля 1794 г.).

37 О Лебоне см. прим. 52 к разделу I.

38 После восстания 10 августа и низвержения монархии Исполнительный совет Законодательного собрания разослал по департаментам своих комиссаров, среди которых было много деятелей демократического движения Парижа.

39 Карра Жан-Луи (1742—1793) до революции служил у молдавского господаря, у кардинала Рогана и в королевской библиотеке; после революции — журналист, сотрудничал в газете Мерсье «Annales patriotiques». В 1792 г. Бабеф посылал ему из Руа корреспонденции для «Annales»; в 1793 г., после своего бегства в Париж, Бабеф обращался за поддерж-

кой к Карра, который стал тогда членом Конвента (см. *Г. Бабеф.* Сочинения, т. 2, стр. 505). Казнен по процессу жирондистов.

40 Брошюра Вилата, близкого к Бареру («Les causes secrètes de la Révolution du 9 Thermidor» — «Тайные причины революции 9 термидора»), появилась 13 брюмера III года. А. Матьез считал, что «Вилат очень часто отклоняется от истины» (см. AHRF, 1928, р. 218—219).

41 Кутон Жорж Огюст (1755—1794) — депутат Законодательного собрания и Конвента; был членом Комитета общественного спасения; ближайший единомышленник Робеспьера, казненный вместе с ним 10 термидора II года (28 июля 1794 г.).

42 Бабеф многократно цитировал эти слова Руссо из «Общественного договора». Эту мысль он считал «эликсиром Общественного договора» (см. ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 307; ф. 317, д. 767; см. также 35-й номер «Трибуна народа»).

43 Слова Бабефа в 28-м номере «Трибуна народа», что он в своих брошюрах «контрабандно» проводил некоторые свои идеи, могут быть отнесены и к этим страницам его памфлета. Первые три пункта, которые он приписывает Робеспьеру, выражают его собственные социальные идеи.

44 Даже в этом самом антиробеспьеровском из всех своих памфлетов Бабеф с похвалой отзывается о социальных пунктах «политического плана Робеспьера». В 1791 г. в письме к Купе (см. *Г. Бабеф.* Сочинения, т. 2, стр. 279) Бабеф высказывал убеждение, что Робеспьер является скрытым сторонником «аграрного закона». Он высоко оценивал Декларацию прав Робеспьера, оглашенную им 21 апреля 1793 г. в Якобинском клубе. Позднее, в 1796 г., в 40-м номере «Трибуна народа» Бабеф писал, что Робеспьеру принадлежал план создания «действительного равенства» в ходе революции. Этот номер «Трибуна народа» будет опубликован в четвертом томе настоящего издания.

45 Эти слова, взятые Бабефом и в качестве эпиграфа к 15-му номеру «Газеты свободы печати», в действительности, как указал М. Домманже («Pages choisies», р. 187), принадлежали Сен-Жюсту. См. также 35-й номер «Трибуна народа», где Бабеф правильно указывает автора этих слов.

46 Рейналь Гийом-Тома-Франсуа (1713—1796) — французский политический мыслитель, автор очень популярной «Философской истории обеих Индий». Бабеф, высоко оценивавший Рейналя (см. *Г. Бабеф.* Сочинения, т. 2, стр. 206), как показывает его замечание, читал эту книгу.

47 «Аграрные поселения» — вероятно, Бабеф имеет в виду коммунистические общины. Напомним, что уже в 1785 г. он выдвигал проект «коллективных ферм» (см. *Г. Бабеф.* Сочинения, т. I, стр. 63 и след.).

48 Жансонне Арман (1758—1793) — адвокат; в 1789 г. — прокурор-синдик Бордо; депутат Законодательного собрания от деп. Жиронда; был послан в 1791 г. в Вандею, где познакомился и сблизился с генералом Дюмурье (1739—1823), бывшим тогда в Нанте командующим войсками. Депутат Конвента, Жансонне стал одним из лидеров жирондистов и был казнен в октябре 1793 г.

49 В июле 1792 г. монархистами во главе с Бодри д'Ассоном было совершено нападение на Брессюир (Bressuire) — центр кантона Шатильон-на-Севре (деп. Дё-Севр). Это нападение было отбито. Сын Бодри д'Ассона в 1793 г. стал активным участником вандейского мятежа.

50 Ла Руери (А.-Ш. Тюффен маркиз де) — 1756—1793 — руководитель контрреволюционного заговора на северо-западе Франции (в деп. Иль и Вилен) летом 1792 г. Действовал по непосредственным указаниям эмигрантского центра в Кобленце. Заговор был раскрыт, и выступление не состоялось. Заговор Ла Руери предшествовал вандейскому мятежу, вспыхнувшему в марте 1793 г.

51 Бриссо Жан-Пьер (1754—1793), Жансонне (см. прим. 48), Барбару Шарль-Жан-Мари (1767—1794), Бюзо Франсуа-Никола-Леонар (1760—1794), Верньо Пьер Виктюрньен (1753—1793), Гаде Маргерит-Эли

(1753—1794), Дульсе де Понтекулан Луи Гюстав (1764—1853), Дефермон Жан (1752—1831), Инар Анри-Максимен (см. прим. 97 к разделу I), Кондорсе — (см. прим. 8 к разделу I), Ласурс Марк-Давид (1763—1793), Пеньер Жан-Огюстен (1766—1821), Петион (см. прим. 73 к разделу I) — руководители жирондистов.

52 Дюбуа де Крансе — см. прим. 104 к разделу I и прим. 8 к разделу II.

53 Упоминание римского историка Тацита, как и «Записок о галльской войне» Цезаря (см. ниже), Плутарха, Верто и работ Мабли о римской истории, свидетельствует о далеко не поверхностном знакомстве Бабефа с историей Древнего Рима.

54 Бабеф имеет в виду памфлет Камилла Демулена «Histoire des Brissotins ou Fragment de l'histoire secrète de la Révolution et des six premiers mois de la République». Paris, 1793. (История бриссотинцев, или Фрагмент тайной истории Революции и шести первых месяцев Республики. Париж, 1793).

55 Сообщения в Конвенте о военных успехах обычно по поручению Комитета общественного спасения делал Барер. Эти его речи получили ироническое наименование «карманьол».

56 Термидорианский Конвент 12 фримера III года принял решение об амнистии участникам вандейского мятежа в месячный срок при условии сдачи оружия. Слова Бабефа «этого месяца» дают основание предположить, что памфлет писался им во фримере (декабрь 1794 г.).

57 16 мая 1793 г. вандейцы потерпели поражение под Фонтене.

58 Филиппо (см. прим. 104 к разделу I и прим. 8 к разделу II) посылал жалобы Комитету общественного спасения летом и осенью 1793 г. Его доклад в сентябре 1793 г., направленный против Ронсена и Венсана, послужил поводом для выступления Фабра д'Эглантина в Конвенте с требованием их ареста. Донесения Филиппо носили, как указывал Жорес, тенденциозный характер (*J. Jaurès.* Histoire Socialiste de la Révolution française, t. VI. Paris, 1972, p. 370—371). В ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 1, д. 457) сохранился отрывок рукописи Бабефа, посвященный этому конфликту. Возможно, что Бабеф писал его для «Жизни и преступлений Каррье», но потом отказался от намерения осветить этот конфликт.

59 Кетино (1757—1794) весной 1793 г. командовал республиканскими войсками в районе Бресюир. Был близок к Дюмурье. После начала мятежа в Вандее 2 и 4 мая сдал вандейцам Бресюир и Туар. Был судим Революционным трибуналом и казнен.

60 Мену Жак-Франсуа де Буссари (1750—1810) — барон, генерал, вел военные операции в Вандее. Марат требовал его отстранения. Руководил подавлением прериальского восстания в Париже в 1795 г.; вел себя очень двусмысленно во время реакционного выступления в вандемьере того же года и был отстранен от командования. Участник египетского похода; был оставлен Наполеоном в Египте; после поражения французской армии капитулировал и принял мусульманство.

61 Тюнк (Tuncq) (1746—1800) — военный, был капитаном, в мае 1793 г. получил командование бригадой и был назначен генералом. Пользовался поддержкой депутатов Конвента, Гупийо де Фонтене (см. ниже прим. 65) и Бурдона из Уазы, добивавшихся отстранения Россиньоля и Ронсена. Как военный руководитель действовал неудачно.

62 Россиньоль Жан-Антуан (1759—1802) — рабочий-ювелир; участник штурма Бастилии и всех народных движений в Париже в первые годы революции; был близко связан с Маратом. В начале восстания в Вандее был послан туда во главе дивизии, состоявшей из парижских добровольцев; по приказу Вестермана был арестован; в Париже его защищали Марат и Робеспьер; был освобожден и снова стал в Вандее командующим армией; первый генерал-«плебей». Оценка Россиньоля, как военного руководителя, противоречива. При термидорианской реакции он был аресто-

ван. В 1796 г. примкнул к движению Бабефа; был одним из руководителей военной организации. При Наполеоне, после взрыва «адской машины», сослан на Коморские о-ва, где очень скоро умер от тропической лихорадки (см. *В. Далин*. Люди и идеи. М., 1970, стр. 96).

63 Ронсен Шарль Филипп (1751—1794) — до революции солдат и литератор; участник взятия Бастилии; деятель клуба Кордельеров. После 10 августа был главным интендантом при армии Дюмурье и успешно справился со своими обязанностями; помощник военного министра Бушотта. Весной 1793 г. был направлен вместе с Россиньолем в Вандею; его действия там подвергались критике. Осенью 1793 г. стал командующим революционной армией, был в Лионе. По требованию дантониста Фабра д'Эглантина 17 декабря 1793 г. подвергся вместе с Венсаном аресту (см. выше прим. 58), был освобожден по настоянию клуба Кордельеров 2 февраля 1794 г. Весной 1794 г. снова арестован и казнен вместе с эбертистами 4 жерминаля III года (24 марта 1794 г.).

64 Французский гарнизон немецкой крепости Майнц, занятой одно время французской революционной армией, после мужественной обороны сдался весной 1793 г., получив право сохранить оружие и участвовать во Франции в военных операциях внутри страны, но не на Западном фронте против австрийских и прусских войск. Переброска майнцского гарнизона в Вандею в значительной мере содействовала перелому в военных действиях.

65 О Бурдоне из Уазы см. прим. 86 к разделу I. Гупийо де Фонтене Жан-Франсуа-Мари (1753—1823) — член Законодательного собрания и Конвента от деп. Вандея; был там в миссии совместно с Бурдоном; в противовес Ронсену и Россиньолю они поддерживали Тюнка.

66 Лешель (1760—1793) — до революции простой солдат, в 1791 г. — доброволец; стал бригадным генералом в 1793 г. и командующим Западной армией; был очень скоро смещен ввиду непригодности. В позднейших военных операциях в Вандее выдвинулись как военные руководители генералы Клебер, Марсо, Гош, Журдан и другие, которые к декабрю 1793 г. добились поражения вандейцев.

67 Венсан Франсуа-Никола (1767—1794) — письмоводитель у прокурора накануне революции, один из видных деятелей клуба Кордельеров. В апреле 1793 г. был назначен секретарем военного министерства и играл в нем большую роль; вместе с Ронсеном был арестован в декабре 1793 г. и освобожден в феврале. Казнен в марте 1794 г. по процессу эбертистов. О роли Ронсена и Венсана в 1793—1794 гг. см.: *A. Soboul*. Les sans-culottes parisiens en l'An II.

68 Сантерр Антуан Жозеф (1752—1809) — пивовар, участник штурма Бастилии и октябрьских дней 1789 г., пользовался одно время большой популярностью. После 10 августа командующий парижской национальной гвардией; весной 1793 г. был в Вандее. При Директории и Наполеоне занимался скупкой национальных имуществ и поставками для армии.

69 Утверждение Бабефа, что летом 1793 г. существовал «план организации голода» в Париже, осуществлявшийся Гара и Пашем, не соответствует действительности. Однако все факты, сообщаемые Бабефом о его роли в продовольственной администрации Парижской коммуны, о борьбе с Гара и об участии в секционном движении в августе 1793 г. вполне подтверждаются документами, сохранившимися в архиве Бабефа и опубликованными во 2-м томе его Сочинений.

70 Гара Жозеф Доминик (1749—1833) — адвокат парламента до революции; член Учредительного собрания; министр юстиции в 1792 г. после Дантона; министр внутренних дел в 1793 г. О конфликте с Гареном и парижской продовольственной администрацией Гара сам рассказывает в своих мемуарах. В августе 1793 г. оставил в связи с этим конфликтом министерство внутренних дел и стал работать в комиссии по вопросам просвещения. Член Совета 500 и Совета старейшин; граф Империи с 1808 г.

[71] Паш Жан-Никола (1746—1823) — швейцарец; до революции сотрудник Ролана в бытность его инспектором мануфактур; работал с Роланом позднее в министерстве внутренних дел; военный министр в октябре 1792 г. — феврале 1793 г.; затем мэр Парижа; при термидорианской реакции был арестован и предан суду (см. *A. Sée*. Le procès de Pache. Paris, 1911). Обвинения Бабефа против Паша неосновательны; во время своего ареста в ноябре 1793 г. Бабеф сам обращался за помощью к Пашу. Во время Вандомского процесса Паш опубликовал брошюру в защиту обвиняемых. О деятельности Паша положительно отзывался К. Маркс.

[72] Собрание комиссаров секций было, действительно, распущено по решению Конвента от 25 августа 1793 г. Предложение о роспуске было внесено Тальеном. Доклад Бабефа этому собранию был представлен, и план его сохранился в архиве. Председателем собрания, позднее казненным, являлся архитектор Кошуа. А. Матьез считал его «ролацдистом» (см. *А. Матьез*. Борьба с дороговизной и социальное движение во время террора. М., 1928).

[73] Бабеф имеет в виду обвинение Лекуантром «робеспьеристского охвостья» (см. прим. 15 к разделу I).

[74] Кюстин Адам Филипп (1740—1793) — граф, участник американской войны за независимость; член Учредительного собрания; командовал армиями в 1792—1793 гг. Операции Кюстина велись сперва успешно. В 1793 г. после того, как он стал главнокомандующим Северной армии, потерпел ряд неудач. Его отстранения требовали Марат и Робеспьер. 22 июля был снят с командования, а 28 августа 1793 г. казнен по приговору Революционного трибунала.

[75] Восьмая глава «Жизни и преступлений Каррье» написана пристрастно и очень односторонне на основании показаний и воспоминаний противников политики революционного правительства. В заключительной главе своего памфлета Бабеф сам указал на неточность этих свидетельств, умалчивавших об исключительных жестокостях вандейцев, вызывавших ответные репрессии республиканцев.

[76] Гулен наиболее резко выступал на процессе Нантского революционного комитета, настаивая на привлечении Каррье к судебной ответственности.

[77] Фуке и Гийом Ламберти командовали ротой им. Марата, выполнявшей, если верить показаниям, особые поручения Каррье.

[78] Треуар Бернар-Тома (1754—1804) — моряк и коммерсант до революции; член Конвента от деп. Иль-э-Виллен, противник Каррье.

[79] Гриньон — генерал, один из командующих войсками в Вандее. В термидоре III года был смещен с командования.

[80] Тюрро — генерал, в Вандее стоял во главе 12 «адских (инфернальных) колонн». 17 мая 1794 г. был отстранен за слишком жестокое подавление мятежников. При термидорианской реакции подвергался аресту. После казни Бабефа воспитывал двух его младших сыновей.

[81] В этих строках Бабеф полностью поддерживает социальную политику Каррье, направленную против крупной буржуазии Нанта, одного из основных центров французской торговли, в том числе и работорговли. М. А. Жюльен, настаивавший перед Робеспьером на отзыве Каррье из Нанта, также признавал эти его заслуги: «Следует воздать Каррье справедливость в том, что на первых порах он раздавил негоциантизм, со всей силой громил меркантилистский, аристократический и федералистский дух» (ЦПА ИМЛ, ф. 317, оп. 1, д. 760).

[82] В этой части своей брошюры Бабеф совершенно справедливо подчеркивает пристрастность и неправдоподобность показаний Тронжоли (см. выше прим. 9). Однако в своей более ранней брошюре «Хотят спасти Каррье», написанной еще в брюмере, Бабеф без всякой критики ссылался именно на эти показания.

83 28-й номер «Трибуна народа» вышел 28 фримера III года (18 декабря 1794 г.) после двухмесячного перерыва. К этому времени во взглядах Бабефа, в его оценке значения переворота 9 термидора произошел серьезный перелом.

84 Бабеф имеет в виду газету Тальена, которая в 1793 г. выходила под названием «Друг санкюлотов», а в 1794 г., после возобновления, стала называться «Друг граждан».

85 Удаление останков Марата из Пантеона под давлением фреroновской «золотой молодежи» действительно произошло через полтора месяца, 20 плювиоза III года (8 февраля 1795 г.).

86 Усиление термидорианской реакции сказалось в том, что 18 фримера, по предложению Мерлена из Дуэ, в Конвент была возвращена группа жирондистских депутатов, исключенных 3 октября 1793 г. Эта группа состояла из 67 депутатов, в свое время подававших протест против решений Конвента 31 мая—2 июня об исключении 22 лидеров жирондистов. При обсуждении предложения Мерлена к списку 67 восстановляемых депутатов было добавлено еще 4. Все восстановленные явились на заседание Конвента 19 фримера, и от их имени Жан Дюссо (1728—1799), как старейший, сделал заявление, о котором и пишет Бабеф, что они против всякой мести и репрессий по отношению к тем, кто был причиной их изгнания из Конвента и тюремного заключения. Однако на этом борьба за возвращение в Конвент жирондистов не закончилась. Восстановление осужденных 31 мая лидеров жирондистов, оставшихся в живых, в том числе Инара, Ланжюине, Луве и других, означало полное осуждение событий 31 мая и всей политики, проводившейся Конвентом после победы этого восстания. Бабеф этому категорически противился.

87 Горса Антуан Жозеф (1752—1793) — журналист, член Конвента, жирондист, был казнен по процессу жирондистов. Горса Мадлен-Руде, его вдова, занималась издательской деятельностью.

88 Жире-Дюпре Жозеф-Мари (1769—1793) — журналист, виднейший сотрудник газеты Бриссо «Французский патриот»; член Конвента, жирондист; был казнен.

89 «Двенадцать депутатов, заключенных в Пор-Либр...» («Les douze représentants du Peuple détenus à Port-Libre à leurs collègues siégeant à la Convention nationale et à tous les citoyens français») — обращение 12 жирондистских депутатов, в том числе Дюссо, Марбо, Дону и других, содержавшихся в тюрьме Пор-Либр, с требованием их освобождения и восстановления в Конвенте.

90 Ив Баралер — псевдоним Жана-Батиста-Моиза Жолливе (1753—1818), бывшего членом Законодательного собрания. Автор изданного вдовой Горса памфлета «Rappelez vos collègues («Возвратите ваших коллег»), в котором выдвигалось требование возврата в Конвент всех жирондистов. При Наполеоне Жолливе был префектом. Восстановление в Конвенте всех жирондистов, поставленных вне закона после 31 мая—2 июня, произошло 18 вантоза III года (8 марта 1795 г.).

91 Ко времени появления 28-го номера «Трибуна народа» максимум фактически перестал осуществляться, а через несколько дней (4 нивоза III года — 25 декабря 1794 г.) был и формально ликвидирован постановлением Конвента.

92 20 фримера (10 декабря 1794 г.) вслед за возвращением жирондистов, в Конвент явилась делегация жен и детей казненных жирондистов с просьбой о возвращении их имуществ. Конвент принял решение о приостановке распродажи имуществ этих лиц. Однако Лекуантр (см. прим. 15 к разделу I) решительно оспорил это постановление, видя в нем шаг к возвращению всех конфискованных за годы революции земельных имуществ. При поддержке других депутатов Лекуантр добился 22 фримера отмены принятого накануне постановления и принятия решения о том, что впредь в Конвенте не должны обсуждаться никакие требо-

вания пересмотра постановлений о конфискации имуществ, осуществленных в годы революции. Бабеф одобрительно отозвался об этом выступлении «мужественного (brave) Лекуантра». В архиве ЦПА ИМЛ сохранились его выписки из газет по этому поводу (ф. 223, оп. 1, д. 456).

93 Галлетти Ж.-Ф. — журналист, издававший «Journal des lois», в котором сотрудничал Дюбуа де Крансе (см. прим. 104 к разделу I и прим. 9 к разделу II). В 811 и 814-м номерах «Journal des lois» Дюбуа-Крансе выступил против Бабефа, неверно изложив его биографию (см. 29-й номер «Трибуна народа» — стр. 333—335 настоящего издания).

94 Барбару Шарль-Жан-Мари (1767—1794), Бюзо Франсуа-Никола-Леонар (1760—1794), Лесаж Дени-Туссен (1758—1796), Ланжюине Жан-Дени (1755—1827) — члены Конвента, вошедшие в список «поставленных вне закона» после 31 мая.

95 Решительный противник возвращения всех осужденных жирондистов, Бабеф написал памфлет, о котором он здесь и упоминает: «Опровержение всех сочинений, направленных против 31 мая» («Réfutation de tous les écrits dirigés contre le 31 mai»). В ЦПА ИМЛ сохранились подготовительные работы Бабефа для этой брошюры (см. ф. 223, оп. 1, д. 459), однако сам памфлет не сохранился. Бабеф ознакомил с ним Фуше, который подтвердил это на заседании Конвента 10 плювиоза. По совету Фуше Бабеф отказался от мысли об издании этого памфлета.

96 Якобинский клуб был закрыт по решению Конвента 22 брюмера III года (12 ноября 1794 г.). В тюрьме Тампль содержался в то время сын Людовика XVI, которого монархисты прочили на престол в случае реставрации монархии как Людовика XVII. Он скончался в заключении 20 прериаля (8 июня 1795 г.).

97 По процессу Нантского революционного комитета и Каррье (см. выше прим. 3) все подсудимые были оправданы, кроме Каррье, Пинара и Гран-Мезона. Правые термидорианцы считали приговор слишком мягким и требовали его пересмотра.

98 27 фримера Лежандр выступил против предложения о восстановлении в Конвенте группы жирондистов, поставленных после 31 мая «вне закона», напомнив, что они «кружили по департаментам с кинжалами в руках» (*A. Mathiez.* La réaction thermidorienne. Paris, 1929, p. 128). Возможно, что Бабеф одобрительно отозвался именно об этом выступлении Лежандра.

99 Раффе — крупный бакалейщик; накануне 31 мая командовал батальоном национальной гвардии секции Бют-де-Мулен, поддерживавшей жирондистов. Жирондисты прочили его на пост командующего парижской национальной гвардией.

100 Грегуар Анри (1750—1831) — священник, депутат Учредительного собрания, где был на левом крыле; конституционный епископ, член Конвента, голосовал за казнь Людовика XVI. Бабеф, вероятно, имел в виду выступление Грегуара 1 нивоза III года с предложением о восстановлении свободы отправления конституционного культа. Дополнительная часть 28-го номера «Трибуна народа» (стр. 251—256 — во французском издании) была отпечатана отдельно в форме афиши под заголовком: «№ 28 bis Supplément au Tribun du Peuple».

101 29-й номер «Трибуна народа» датирован «Du premier au 19 Nivôse, l'an 3 de la République une et démocratique» (с 1 по 19 нивоза III года Республики, единой и демократической — 21 декабря 1794 г. — 8 января 1795 г.). Бабеф по-прежнему оставался в это время на нелегальном положении. 12 нивоза комитет в третий раз отдал распоряжение об его аресте, но его снова не удалось разыскать.

102 Малуэ Пьер Виктор (1740—1814) — интендант флота до революции, член Учредительного собрания, монархист; еще в мае 1789 г. был охарактеризован Робеспьером, как «человек, наиболее подозрительный и ненавист-

ный для всех патриотов». После появления памфлета Марата «С нами покончено» («C'en est fait de nous») 31 июля 1790 г. Малуэ потребовал в Собрании привлечения к судебной ответственности Марата и К. Демулена за оскорбление короля. При наполеоновской империи Малуэ стал бароном; при Людовике XVIII занимал пост морского министра.

103 «L'an 2440» («2440 год») — социальная утопия, автором которой был С. Мерсье; в свое время Бабеф ее высоко оценил. Мерсье был в числе 71 депутата, восстановленного в Конвенте 18 фримера III года. Как издатель газеты «Annales Patriotiques» после своего возвращения он отстранил Салавилля (см. прим. 23 к разделу I) и привлек к редактированию газеты реакционного журналиста Анжа Питу.

104 Можно предположить, что известные надежды на «добродетельную» часть Конвента возникли у Бабефа в связи с его сближением с Фуше (1759—1820), будущим знаменитым наполеоновским министром полиции. При каких обстоятельствах произошло это знакомство и временное сближение Фуше с Бабефом неизвестно, но, вероятно, Фуше знал о назревавшем в Париже народном недовольстве и, считаясь с возможностью нового восстания, сблизился с Бабефом, учитывая растущее влияние «Трибуна народа».

105 «Отец Жерар» («Père Gérard») — альманах, который издавался Колло д'Эрбуа и был переведен на ряд языков.

106 16 фримера III года Конвент по предложению Буасси д'Англа в целях экономии принял решение о замене поденной оплаты (salaire à la journée) сдельной оплатой (salaire aux pièces).

107 Пуант Ноэль (1755—1825) — рабочий-оружейник, член Конвента от деп. Луара. Во время обсуждения закона об отмене максимума выступил с обличением термидорианской реакции, при которой «террор лишь перешел в другие руки». Бабеф приводит слова Пуанта, предостерегавшего против того, что отмена максимума ухудшит положение народа: «Богатые торговцы... грозят, что скоро будут продавать продукты питания бедняку на вес ассигнатов».

108 Клозель Жан-Батист (1746—1803) — депутат Законодательного собрания и Конвента, активный деятель термидорианской реакции, член Комитета общественной безопасности.

109 7 нивоза Мерлен из Дуэ предложил начать процедуру обвинения против Барера, Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа и Вадье. Предложение на этот раз было принято, и создана Комиссия 21-го для разбора предъявленных им обвинений. Доклад Комиссии был зачитан 12 вантоза Саладеном. К тому времени обвиняемые находились уже под домашним арестом, а в ночь после подавления жерминальского восстания отправлены в ссылку без всякого суда.

110 Речь идет о монархистской брошюре профессора права Жака Венсана Лакруа (1743—1832) «Французский наблюдатель во времена революционного правительства» («Le Spectateur français pendant le gouvernement révolutionnaire»). Якобинец Дюэм (см. прим. 57 к разделу I) на заседании 8 нивоза выступил с обвинением Лакруа и его брошюры. Конвент принял решение об аресте Лакруа и предании суду. Однако 2 вантоза трибунал его оправдал. Лакруа стал позднее членом Совета 500. Бабеф упоминает о нем в 32-м, 34-м и 35-м номерах «Трибуна народа».

111 Армонвилль Жан-Батист (1756—1808) — ткач из Реймса; депутат Конвента от деп. Марна. Имел обыкновение появляться на заседаниях Конвента в красном колпаке. 9 нивоза, когда Армонвилль в колпаке поднялся на трибуну Конвента, чтобы объяснить свое участие в протестах против закрытия Якобинского клуба, правые термидорианцы, в том числе Клозель, потребовали, чтобы он снял свой колпак — «знак якобинцев». Армонвилль надел его тогда на бюст Марата (см.: *Г. Лоран*. Рабочий депутат Конвента Жан Батист Армонвилль. Л.—М., 1925).

112 Жиро-Пузоль Жан-Батист (1753—1822) — член Конвента от деп. Пюи-де-Дом, термидорианец, весной 1795 г., будучи в миссиях на Юге Франции, содействовал проведению белого террора.

113 15 нивоза Конвент принял постановление о снятии секвестра с имуществ проживавших во Франции подданных государств, воюющих с Францией. Исключение было сделано для имуществ испанского банка Сен-Шарль, директором которого являлся отец Терезы Кабарюс. Тереза Кабарюс (род. 1773 г.) — жена маркиза де Фонтене, эмигрировавшего из Франции. Во время террора находилась в тюрьме в Бордо, где с ней познакомился Тальен, бывший тогда в миссии в Бордо. После 9 термидора Тальен добился освобождения Терезы Кабарюс, ставшей его женой. Кабарюс приобрела большое влияние в верхах термидорианского общества. Когда влияние Тальена упало, она расторгла свой брак с ним. По мнению Матьеза, исключение из снятия секвестра, сделанное для банка Кабарюса, было продиктовано противниками Тальена.

114 Бентаболь Пьер-Луи (1756—1798) — адвокат, в первые годы революции был близок к Марату. Весной 1790 г. в «Друге народа» Марат рекомендовал Бентаболю посетить Бабефа в тюрьме в то время, когда тот находился в Консьержери. Член Конвента, якобинец. Один из активных деятелей термидорианской реакции. Однако весной 1795 г. после восстановления жирондистов в Конвенте Бентаболь вместе с еще некоторыми термидорианцами (Тюрио, Лекуантр, Гупийо де Фонтене и др.) несколько «полевели». 22 плювиоза Бентаболь добился отклонения предложения бывшего жирондиста Байеля о высылке из Франции всех «террористов». Этим объясняется, что Бабеф, арестованный 19 плювиоза, обратился из тюрьмы 28 плювиоза с открытым письмом к Бентаболю. Позднее Бентаболь был членом Совета 500.

115 Тальен сделал заявление о своем браке с Терезой Кабарюс, о котором упоминает Бабеф, на заседании Конвента 11 нивоза III года (31 декабря 1794 г.).

116 Куртуа Эдм Бонавентур (1754—1816) — член Законодательного собрания и Конвента от деп. Об; правый термидорианец; автор доклада о документах, обнаруженных у Робеспьера после его казни. Документы эти были Куртуа искажены.

117 В деле Бабефа (A. N. F^7 4276) сохранился протокол допроса жены Бабефа от 14 нивоза. На все требования сообщить, где находится ее муж, которого полицейским не удалось арестовать, она отвечала, что местожительство Гракха Бабефа ей неизвестно и что «приблизительно три с половиной месяца назад (т. е. со времени приказа об аресте 22 вандемьера. — *В. Д.*) ее муж перестал жить дома из страха быть арестованным вследствие доноса Гюффруа».

118 На заседании Конвента 18 нивоза обсуждался вопрос о тех жителях деп. Нижний Рейн, которые эмигрировали из Франции вместе с австрийской армией. Часть депутатов Конвента пытались легализовать их возвращение во Францию вместе с другими эмигрантами. Мерлен из Дуэ от имени законодательного комитета внес предложение, одобренное Конвентом, обязать все местные административные органы выслать всех эмигрантов, незаконно вернувшихся на территорию Франции.

119 Чтобы смягчить впечатление от всех реакционных мероприятий, осуществленных после 9 термидора, Конвент 19 нивоза принял решение объявить национальным праздником день казни Людовика XVI. Впервые он проводился 2 плювиоза III года (21 января 1795 г.).

120 Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (160—230 н. э.) — теолог, родился в Карфагене; отрекся от язычества и признал христианство. Возглавил секту монтанистов и был сожжен.

121 «Пять откупов» — компании откупщиков, пользовавшихся монопольным правом на продажу соли и взимания соляной подати — габели.

122 Об Одуене и отношении к нему Бабефа в первые месяцы термидорианской реакции см. прим. 4 к разделу I.

123 Антоний Падуанский (1195—1231) — францисканский монах, виднейший проповедник.

124 Приведенный Бабефом эпиграф был Бриссо заимствован у доктора Джебба (см. *M. Dommanget*. Pages choisies de Babeuf. Paris, 1953, p. 200, n. 2.).

125 Кобленц — центр французской контрреволюционной эмиграции на германской территории.

126 Баррас Поль-Франсуа-Жан-Никола (1755—1829) — депутат Учредительного собрания и Конвента; один из видных деятелей термидорианской реакции. После роспуска Конвента член Директории (1795—1799); при Реставрации был в изгнании, в Брюсселе.

127 Мерлен из Дуэ был докладчиком от трех комитетов: общественного спасения, общественной безопасности и законодательного.

128 Луи-Станислав-Ксавье — брат Людовика XVI, впоследствии — король Людовик XVIII; Луи-Филипп — сын герцога Орлеанского; после июльской революции 1830 г. — французский король. Бабеф путает его с графом д'Артуа, вторым братом Людовика XVI, впоследствии королем Карлом X.

129 Шаретт — офицер до революции; один из руководителей вандейского мятежа. Не довольствуясь декретом об амнистии 12 фримера, представители термидорианского Конвента вели дальнейшие переговоры с вандейцами и Шареттом, приведшие к соглашению 29 плювиоза, которое затем Шаретт грубо нарушил во время монархистской экспедиции в Кибероне в июне 1795 г.

130 Фрерон был крестником польского короля Станислава Лещинского, поселившегося во Франции после низложения с престола.

131 Луве де Куврэ Жан-Батист (1760—1797) — до революции литератор, автор известного романа «Похождения кавалера Фоблаза». По поручению Ролана в 1792 г. издавал газету-плакат «La Sentinelle» («Часовой»). Член Конвента, жирондист, был осужден. Возвращен в Конвент вместе с другими жирондистами. Позднее был членом Совета 500.

132 Тарквиний считается последним римским царем (534—510 гг. до н. э.).

133 Недовольные слишком мягким, по их мнению, приговором по процессу Каррье и Нантского революционного комитета, правые термидорианцы добились назначения нового состава трибунала. Однако выдвинутый кандидатом в президенты трибунала Мурико отказался от этого поста; 19 нивоза президентом был назначен Ажье — юрист, известный своей умеренностью.

134 Камбон Пьер Жозеф (1756—1820) — член Законодательного собрания и Конвента, руководитель финансовой политики Конвента. Марат в мае 1793 г. характеризовал его как «очень хорошего патриота». Хотя Камбон и поддерживал переворот 9 термидора, но в дальнейшем противился термидорианской реакции. После подавления жерминальского выступления был арестован. Во время 100 дней был депутатом. Умер в изгнании, в Бельгии.

Шарлье (1754—1797) — до революции адвокат; депутат от деп. Марна в Законодательном собрании и Конвенте, термидорианец.

135 Шаль Пьер Жак Мишель (1753—1826) до революции был священником; член Конвента от деп. Эндр и Луара, журналист, сотрудничал в газете Лебуа «Друг народа» («L'Ami du peuple»); после жерминальского восстания был исключен из Конвента и подвергся аресту. См. о нем в 35-м номере «Трибуна народа».

136 Дюваль Шарль (1750—1829) — депутат Законодательного собрания и Конвента, якобинец, противился термидорианской реакции. До декабря

1795 г. редактировал газету «Journal des hommes libres de tous les pays» («Газета свободных людей всех стран»), занимавшую демократическую позицию.

137 Весь 31-й номер «Трибуна народа» посвящен был защите идеи мирного восстания — народной демонстрации, которая должна предъявить Конвенту свои требования. Именно такого плана действий, хотя и недостаточно организованно, придерживались участники жерминальского выступления. Совершенно очевидно, что только арест помешал участию Бабефа в этом подготовлявшемся им выступлении.

138 Ровер де Фонвиель Жозеф-Станислав-Франсуа-Ксавье-Алексис (1748—1798) — маркиз; член Законодательного собрания и Конвента от деп. Буш-дю-Рон. Одно время был близок к Марату. Будучи в миссиях Конвента, проявлял большую жестокость. Стал одним из виднейших руководителей термидорианской реакции. За связь с монархистами при Директории после переворота 18 фрюктидора V года был выслан в Кайенну.

139 Бабеф категорически настаивал на мирном характере восстания, подчеркивая, что оно не должно сопровождаться «потоками крови и грудами трупов».

140 О Лакруа и его памфлете «Le Spectateur français...» см. выше прим. 110.

141 Ребель Жан-Франсуа (1747—1807) — до революции адвокат в Эльзасе; член Учредительного собрания и Конвента от деп. Верхний Рейн, термидорианец, был позднее членом Директории (1795—1799), одним из руководителей ее внешней политики.

142 Меолль Жан-Никола (1757—1826) — адвокат; член Конвента от деп. Нижняя Луара, позднее — член Совета 500; умер в изгнании. О Шудье — см. выше прим. 32; Тирион Дидье (1763—1815) — адвокат в Меце, член Конвента от деп. Мозель; был арестован после прериальского восстания. Тюрио Жак-Алексис (1753—1820) — до революции адвокат; депутат от деп. Марна в Законодательном собрании и Конвенте; был близок к Дантону; подлежал аресту после жерминальского восстания, но скрылся; при Наполеоне — заместитель прокурора кассационного суда. Монто Луи-Мари-Бон (1754—1842) — член Законодательного собрания и Конвента от деп. Жер, подвергался преследованиям при термидорианской реакции. Рюан Пьер Шарль (1750—1808) — депутат Законодательного собрания и Конвента от деп. Нижняя Шаранта, противник правых термидорианцев; был арестован после 12 жерминаля. Тайефер Жан-Гильом (1763—1835) — медик, член Законодательного собрания и Конвента от деп. Дордонь, якобинец, подвергался преследованию и изгнанию при Реставрации. О Гастоне см. выше прим. 17. Бабеф называет депутатов Конвента, сопротивлявшихся термидорианской реакции; большинство из них подверглись преследованиям после подавления жерминальского и прериальского выступлений. Этот перечень имен показывает, насколько хорошо Бабеф был знаком с расстановкой сил в Конвенте.

143 «Три великих преступника» — Барер, Бийо-Варенн, Колло д'Эрбуа. Вадье к тому времени скрылся.

144 Маркандье Рош (1767—1794) — журналист, был одно время секретарем и сотрудником К. Демулена; казнен 24 мессидора II года (12 июля 1794 г.). Каков был характер связей между Маркандье и Лежандром, Бабеф не объяснил, так как после 32-го номера наступил перерыв в издании газеты.

145 Тальен в своем выступлении 10 плювиоза III года (29 января 1795 г.) в Конвенте против Бабефа заявил: «Этот человек является только манекеном, выдвинутым вперед, но здесь находится человек, который с ним говорил, у которого была корректура произведения Бабефа, исправленная им собственноручно (*с места:* «Назови его!»). Это — Фуше». Впоследствии, в брюмере IV года, когда Бабеф был освобожден и возоб-

новил издание «Трибуна народа», он опубликовал в 34-м номере письмо к Фуше, раскрывавшее суть их взаимоотношений (см. стр. 478—481 настоящего тома).

146 «Избиратели по 40 су» — лица, посещавшие собрания секций и получавшие за это по 40 су в период якобинской диктатуры. Это установление позволяло участвовать в работе секций представителям неимущих слоев общества.

147 Как видно из архивных документов, сохранившихся в деле Бабефа, полиция действительно усиленно искала в эти дни Бабефа. Были подвергнуты допросу владельцы типографий, в которых печатались произведения Бабефа (A. N. F^7 4276), а также продавцы его газеты, и это позволило напасть на след Бабефа. 17 плювиоза III года (5 февраля 1795 г.) Комитет общественной безопасности издал новый приказ об его аресте: «Комитет общественной безопасности постановляет, что гражданин Бабеф, называющий себя Гракхом, призывающий к мятежу, убийствам и смещению Национального собрания, будет немедленно арестован и схвачен, где бы он ни был обнаружен; обязует административную комиссию полиции в течение трех дней выполнить этот приказ». Под постановлением стоят подписи Бурдона из Уазы, Лежандра, Ровера и др. (A. N., F^7 4278/29). 19 плювиоза (7 февраля 1795 г.) предписание это было приведено в исполнение. Бабеф был помещен в тюрьму, и 24 плювиоза состоялся его допрос (F^7 4276/18). Это был, вопреки неточным утверждениям ряда биографов Бабефа, его первый арест за время термидорианской реакции. После ареста издание газеты прекратилось. Бабеф подготовил 33-й номер и передал лицам, обещавшим его издать, но осуществить это свое намерение им не удалось. Тем не менее, когда осенью 1795 г. Бабеф возобновил издание газеты, он выпустил очередной номер как 34-й. Рукопись 33-го номера не обнаружена.

148 В полицейском деле сохранилась рукопись, где имеется надпись рукой Бабефа: Заголовок, который следует поставить в начале всей брошюры.

Письмо Гракха Бабефа Комитету общественной безопасности по поводу мнимого заговора предместий Антуан и Марсо.

Второе письмо Бабефа Бентаболю по поводу его возвращения к правому делу (Titre à mettre en tête de la brochure entière Lettre de Gracchus Babeuf au Comité de Surêté générale sur la prétendue conspiration des faubourgs Antoine et Marceau.

Autre lettre de Babeuf à Bentabolle sur son retour à la bonne cause» (A. N., F^7 4276/14). На первой странице рукописи имеется дата: «21 плювиоза III года». По-видимому, эту рукопись, написанную в тюрьме, Бабеф собирался издать, но она была перехвачена тюремной администрацией. Рукопись сохранилась в копии, однако с вставками и исправлениями, сделанными рукой Бабефа. Публикуется впервые.

149 Арест Бабефа был осуществлен инспектором полиции Вандервеллем, за что тот получил обещанное полицией вознаграждение (см. *R. Cobb.* L'arrestation de Babeuf à Paris, le 20 pluviôse an III. — «AHRF», 1961, N 165). Однако дата 20 плювиоза (8 февраля 1795 г.), приводимая Р. Коббом, представляется неточной, поскольку 20 плювиоза в Конвенте от имени Комитета общественной безопасности Матье (см. ниже примеч. 150) сообщил об уже состоявшемся аресте Бабефа.

150 Матье Жан-Батист-Шарль (1763—1833) — юрист; член Конвента от деп. Уаза, был членом законодательного комитета и участвовал в выработке Конституции 1793 года; во время термидорианской реакции одно время являлся членом Комитета общественной безопасности, от имени которого сделал в Конвенте 20 плювиоза III года (8 февраля 1795 г.) сообщение о раскрытии заговорщиков и аресте Бабефа. Позднее был членом Совета 500. После 18 брюмера — член трибунала. При Реставрации подвергся изгнанию. Вернулся во Францию после июльской революции.

151 В сообщении Матье говорилось, в частности, по поводу Бабефа: «Так называемый Бабеф, нарушитель законов и подделыватель документов

(faussaire), узурпировавший имя Гракха, арестован; он уже больше не в состоянии призывать граждан к восстанию, что он непрерывно делал на протяжении последнего месяца. Вы не удивитесь, когда я вам сообщу, что этот человек пытался подкупить жандарма, который его арестовал, и предложил ему 30 тыс. ливров, если он его освободит. Вы не будете также удивлены, если я сообщу, что жандарм, по фамилии Лабр... ответил презрительным молчанием на это гнусное предложение» («Moniteur» (réimpression), t. 23, p. 415—416). Конвент декретировал благодарность жандарму. Показание Лабра сохранилось в следственном деле Бабефа. Как и указал Бабеф в своем письме Комитету безопасности, это показание являлось чистейшим вымыслом. При обыске у Бабефа было обнаружено только шесть франков.

152 Фрерон, начавший уже тогда кампанию против Конституции 1793 года, охарактеризовал ее в своем «Ораторе народа», как «торопливую мазню Робеспьера». В якобинской части Конвента и в демократических кругах Парижа это заявление вызвало еще тогда, до жерминальского восстания, возмущение.

153 Обращение Бабефа к Бентаболю печатается впервые по рукописи, сохранившейся в его полицейском деле (A. N., F.[7] 4276/15). Рукопись датирована 28 плювиоза III года (16 февраля 1795 г.).

154 Первое письмо Бентаболю не сохранилось. Бентаболь (см. выше прим. 114) — один из видных деятелей термидорианской реакции, в январе—феврале 1795 г. занял более демократическую позицию. 22 плювиоза (10 февраля 1795 г.) он решительно выступил в Конвенте против предложения о разоружении всех бывших якобинцев. Это выступление, вероятно, явилось поводом для первого письма Бабефа.

155 Обращение к Бентаболю по поводу его возвращения к правому делу вызвано было резким выступлением Бентаболя в Конвенте 27 плювиоза (15 февраля 1795 г.) против Фрерона: «Я разоблачаю газету Фрерона, в которой он нападает на Конституцию». Бентаболь возмутился той же фразой Фрерона о Конституции 1793 года как о «торопливой мазне», против которой выступал Бабеф, и потребовал от каждого члена Конвента высказаться за сохранение Конституции («Moniteur», t. 23, p. 477). Бентаболь был позднее членом Совета 500, но на новый срок не переизбран. Вскоре после этого скончался в бедности.

156 Тибодо Антуан (1765—1854) — юрист; член Конвента от деп. Вьенна, занимавший впоследствии ряд видных постов при Наполеоне I, при июльской монархии и Наполеоне III. Выступил на заседании Конвента 27 плювиоза сейчас же вслед за Бентаболем в защиту Фрерона, указав, что не следует составлять суждения на основании отдельных номеров газет. В заключение своей речи Тибодо заявил: «Читайте газетных писак, Бабефов, универсальные газеты и газеты свободных людей (газеты Одуена и Ш. Дюваля. — *В. Д.*) — вы увидите в них контрреволюцию на каждой странице» («Moniteur», t. 23, p. 478).

157 Андре Дюмон (см. прим. 49 к разделу I) выступил на том же заседании Конвента в защиту мероприятий Комитета общественной безопасности.

В АРРАССКОЙ ТЮРЬМЕ

1 Бабеф прибыл в Аррас 25 вантоза III года (15 марта 1795 г.) и был помещен в тюрьму Боде, где находился до 24 фрюктидора (10 сентября), когда он вновь был направлен в парижскую тюрьму. Как и в Париже после своего ареста в плювиозе, Бабеф был подвергнут особому надзору, ему были запрещены свидания и сношения с внешним миром. Тем не менее Бабефу удалось быстро установить связь с другими тюрьмами в Аррасе, а также с аррасскими и парижскими демократами. В дальнейшем его тюремный режим был смягчен.

[2] Свое письмо к Фуше, написанное уже после подавления жерминальского выступления, Бабеф переслал жене в Париж. Она собиралась его передать. Однако, как сообщила Бабефу 5 флореаля (24 апреля 1795 г.) г-жа Шометт (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, д. 303), «верные друзья посоветовали нам не делать этого, так как полагают, что он стал перебежчиком в одну из клик». Рукопись письма к Фуше не сохранилась. Мы печатаем его по тексту, впервые опубликованному В. Адвиеллем.

[3] Отрывок из этого обращения был опубликован в каталоге рукописей, предназначенных к продаже Э. Шараве (см. Введение). Полный текст обращения не обнаружен.

[4] Цицерон Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.) — знаменитый римский оратор и государственный деятель. Содействовал поражению Катилины и добился его казни без суда и только на основании решения сената. Когда сторонники Катилины добились позднее закона, направленного против тех, кто осуществляет смертную казнь без суда, Цицерон предпочел отправиться в изгнание в Фессалонию, откуда, однако, вернулся через 18 месяцев и был торжественно встречен сенатом у ворот Рима. В «Трибуне народа» Бабеф упоминал неоднократно имя Цицерона, упрекая его в малодушии и болтливости.

Павел Эмилий (230—160 гг. до н. э.) — римский политический деятель и военачальник. Одержал ряд побед в иллирийских войнах. После этого долго не занимал никаких должностей. В 60-летнем возрасте был назначен главнокомандующим римскими войсками, отправлявшимися в Македонию. Одержал блестящую победу над македонцами.

[5] Лебуа Рене-Франсуа — владелец типографии в Париже; с сентября 1794 г. начал издание демократической газеты «L'Ami du peuple» («Друг народа»), в которой активное участие принимал Шаль (см. прим. 135 к разделу II). В начале 1795 г. был арестован и препровожден в аррасскую тюрьму. Одно время находился в одной камере с Бабефом, но их личные отношения испортились. Ш. Жермен, единомышленник Бабефа, находившийся в другой аррасской тюрьме, как видно из их переписки, пытался содействовать их примирению. После освобождения Лебуа возобновил издание своей газеты. Бабеф относился к ней сперва отрицательно, но позднее пересмотрел свою позицию.

[6] Имя парижского корреспондента Бабефа не установлено. Письмо, датированное 1 прериаля (день, когда началось второе выступление парижских предместий), свидетельствует о том, что Бабефу удалось установить связь с Парижем и что он пересылал туда свои обращения. Об этом говорит и письмо г-жи Шометт, которая сообщила Бабефу, что «прочитала его письмо патриотам» и просила: «Присылайте письма почаще, как вы это обещаете, и старайтесь присылать что-нибудь более короткое, а мы это напечатаем» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, д. 303).

[7] Первые расправы с политическими заключенными в лионских тюрьмах имели место 14 плювиоза III года (2 февраля 1795 г.). Расправы, о которых пишет Бабеф, происходили в Лионе 5 и 15 флореаля (24 апреля и 4 мая 1795 г.), когда контрреволюционеры ворвались в тюрьмы и убивали находившихся там политических заключенных. Упоминаемая Бабефом расправа в Ниме происходила 5 вантоза (23 февраля).

[8] Буассе Жозеф Антуан (1748—1813) — представитель деп. Дром в Конвенте, якобинец; деятель термидорианской реакции. Был в миссии в деп Рона во флореале III года. Как сообщает Кучинский (*A. Kuscinski.* Le dictionnaire des conventionnels, v. I. Paris, 1916, p. 65), «заключенных республиканцев в Лионе убивали в присутствии Буассе; он не мог или не хотел приостановить бойню». После докладов, посланных Буассе в Конвент об этих расправах, он был отозван. Был позднее членом Совета старейшин; при Наполеоне — инспектор мер и весов в деп. Дром.

[9] Бабеф имеет в виду контрреволюционный гимн «Le réveil du peuple contre les terroristes» («Пробуждение народа против террористов»), написанный в 1795 г. композитором Гаво на слова Буригена де Сен-Марка. В нем содержался куплет, прямо призывавший к физической расправе с «террористами»:

«Oui, nous jurons sur votre tombe
Par notre pays malheureux
De ne faire qu'une hécatombe
De ces cannibales affreux».

(«Клянемся на вашей могиле, во имя нашей несчастной родины, устроить великую бойню этих ужасных каннибалов»).

[10] См. подстрочное примечание на стр. 346.

[11] Жермен Шарль (род. 1770 г. — год смерти неизвестен) к началу революции служил в армии солдатом. Участвовал в боях в 1792—1793 гг., получил звание офицера. Был арестован в 1793 г., провел несколько месяцев в тюрьме. После освобождения — участник парижского демократического движения. Был снова арестован, находился в парижской тюрьме вместе с одним из руководителей «бешеных», Варле. Был отправлен в Аррас, где оказался под влиянием коммунистических взглядов Бабефа. Хотя Бабеф и Жермен находились в различных тюрьмах, они сблизились и между ними установилась интенсивная переписка. В личном фонде недавно скончавшегося Мориса Домманже сохранилось 49 писем Жермена к Бабефу (в копиях, сделанных В. Адвиеллем). К сожалению, уцелело только одно письмо Бабефа от 10 термидора III года (28 июля 1795 г.). Мы воспроизводим это письмо, представляющее исключительный интерес для характеристики коммунистических взглядов Бабефа, по тексту, впервые опубликованному В. Адвиеллем (и позднее М. Домманже). Со слов «сельское хозяйство будет заброшено» это письмо печатается по собственноручному оригиналу Бабефа, хранящемуся в ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 2, д. 307). Начало письма в московской коллекции отсутствует.

После освобождения в 1795 г. Жермен принял активное участие в «заговоре во имя равенства». На Вандомском процессе оказался одним из главных обвиняемых и был приговорен к ссылке. Отбывал ее на островах Пеле, Олерон и в Гвиане. Вернулся во Францию только в 1814 г. По сведениям М. Домманже, Жермен, вступив в брак, стал состоятельным человеком, но не порвал связи с бывшими бабувистами и оказывал материальную поддержку Буонарроти (см. *M. Dommanget*. Un leader babouviste méconnu: Charles Germain. — In: Sur Babeuf et la conjuration des Egaux. Paris, 1970, p. 304—325). Ж. Дотри (Dictionnaire du mouvement ouvrier français, t. 2) оспаривает это сообщение, считая, что эти сведения относятся к другому Жермену, однофамильцу Шарля.

[12] После высадки англичанами 9 мессидора III года (27 июня 1795 г.) экспедиции монархистов на полуострове Киберон (десант был разгромлен окончательно 2—3 термидора) в политике Директории наметился перед лицом явной роялистской опасности некоторый сдвиг влево. В связи с этим у заключенных республиканцев появились надежды на освобождение, о чем и пишет Бабеф. Гилем (Guilhem) был заключенным в Аррасе, вел переписку с Жерменом и Бабефом. Позднее, в 1796 г., был тайным агентом 5-го округа бабувистской организации в Париже.

[13] Приведенные Бабефом здесь и далее слова в кавычках взяты из письма к нему Жермена от 5 термидора, в котором Жермен опровергал предполагаемые аргументы противников «системы равенства».

[14] Жермен в своем письме выражал надежду, что все общественное преобразование можно будет осуществить «при помощи надежных испол-

нителей в одну ночь, в определенный час... Я хотел бы, чтобы внезапное воскрешение равенства произошло так, чтобы, когда утренняя заря покажется на нашем горизонте, она осветила бы только что освободившихся людей, каждого на своем участке земли, который придется на его долю после победы народа» (см. *M. Dommanget*. Op. cit., p. 313). Бабеф с присущим ему реализмом и осторожностью, как и в 1791 г. в своих письмах к Купе (см. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2, стр. 274—275), предостерегал Жермена против подобных утопических иллюзий о возможности преобразования «в одну ночь, в один час» и выдвинул свой проект «плебейской Вандеи».

15 Гуйяр (Гулар) Ф. — политический заключенный, находившийся вместе с Жерменом в аррасской тюрьме и ставший сторонником коммунистических идей Бабефа. В ЦПА ИМЛ сохранилось письмо Гуйяра к Бабефу от 9 фрюктидора III года (ф. 223, оп. 2, д. 310).

16 «Аграрное крещение» — речь идет о коммунистических идеях, которые Гуйяр (будущий тайный агент одного из парижских районов в бабувистской организации) воспринял под влиянием Ш. Жермена. Терминов «социализм» и «коммунизм» в то время еще не существовало. Поэтому эти идеи иногда называли «аграрными» (agrairiennes), имея в виду идею «аграрного закона», но в понимании ее Бабефом, т. е. в коммунистическом смысле (см. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2, стр. 274—280).

17 Гонор одно время находился в тюремном заключении в Аррасе вместе с Жерменом. Вскоре Бабеф порвал с ним личные отношения и в своем письме к Жермену объяснил этот разрыв: «Я не оспариваю его революционных заслуг, я не оспариваю его намерений, но я утверждаю, что он совершенно не благоразумен в своих действиях» (см. *M. Dommanget*. Op. cit., p. 24, 32). Позднее Бабеф заподозрил Гонора в провокации, о чем свидетельствует его речь на Вандомском процессе.

18 Письмо к Гюффруа (см. прим. 10 к разделу I) было опубликовано Э. Шараве в журнале «La Révolution française», 1885, t. VIII, p. 733—736. Оригинал письма не сохранился, мы печатаем его по журнальному тексту. Дата «9 флореаля», данная письму в публикации Шараве, судя по всему, ошибочна. Сопоставление этого письма с письмом Бабефа к Тибодо от 7 фрюктидора (см. настоящий том, стр. 410—412), а также с письмом к Бабефу его жены от 21 термидора (см. ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 464) позволяет отнести данное письмо к термидору III года. Мотивы, по которым Бабеф обратился с письмом к своему политическому противнику, изложены им в письме к Тибодо.

19 После разрыва с Бабефом Гюффруа опубликовал свое письмо к нему в виде афиши под названием «Soufflet à l'imposture par la presse libre» («Пощечина клевете со стороны свободной печати»). Письмо Гюффруа было опубликовано А. Оларом в 1929 г. в журнале «La Révolution française».

20 Термидорианское большинство Конвента враждебно относилось к демократической Конституции 1793 года. Оно не решалось, однако, даже в январе—феврале 1795 г. открыто поставить вопрос о ее пересмотре. Поэтому предварительно было принято предложение, обоснованное в речи Камбасереса, о дополнении Конституции органическими законами. Только после подавления выступлений парижских предместий была создана комиссия по выработке новой конституции.

21 Тибодо — служащий продовольственной администрации Парижской коммуны (не следует путать его с Антуаном Тибодо — см. прим. 156 к разделу II). После ареста Бабефа зимой 1793 г. вместе с другим сотрудником этой администрации, Добом, принимал ближайшее участие в хлопотах об освобождении Бабефа и оказывал материальную помощь его семье. Письмо к Тибодо, хранящееся в ЦПА ИМЛ, было впервые опубликовано Г. С. Чертковой (см. Французский ежегодник 1970. М., 1972, стр. 219—222; «AHRF», 1974, № 217, p. 430—433).

[22] Сидней Алджернон — видный демократический деятель английской революции XVII в., казненный в годы реставрации Стюартов. Известен своим трактатом «Рассуждения о правительстве», изданным посмертно.

[23] Ружифф — литературный псевдоним Гюффруа (его анаграмма). С июля 1793 г. и до 9 прериаля II года (29 мая 1794 г.) Гюффруа издавал газету «Rougiff ou le Franc en vedette» («Ружифф, или Франк на страже)», которую он вел в ультрареволюционном направлении, близком к эбертистскому. После подавления эбертистов Гюффруа, лишившийся материальной поддержки военного министерства, прекратил издание газеты, а во время термидорианской реакции резко повернул вправо.

[24] Памфлет Бабефа написан во время его пребывания в тюрьме в связи со столкновением 19 термидора в аррасском театре между реакционерами, требовавшими исполнения контрреволюционного гимна «Пробуждение народа против террористов» (см. выше прим. 9) и демократами, настаивавшими на исполнении «Марсельезы» и «Ça ira». Провокационное поведение реакционеров привело к аресту на несколько дней четырех из них, во главе с Адрианом Жозефом Амели Гисленом, сыном казненного графа Бетюна. Арестованные были приведены в тюрьму Боде, где находился Бабеф. Один из арестованных, Санлюк, опубликовал после освобождения брошюру «Affaire du 19 Thermidor. telle qu'elle s'est passée, ou relation exacte des vexations qu'on fait éprouvés aux patriotes à Arras», на которую и ответил Бабеф.

[25] Шенье Мари-Жозеф (1764—1811) — литератор; член Конвента от деп. Сена и Уаза, термидорианец. Выступал 6 и 25 мессидора (24 июня и 13 июля 1795 г.) с докладами в Конвенте о расправах в лионских тюрьмах. Впоследствии член Совета 500 и Трибуната при Наполеоне.

[26] Боде — тюрьма в Аррасе, где находился Бабеф и куда были заключены четверо роялистов во главе с Бетюном. В ЦПА ИМЛ сохранилось стихотворение Бабефа «La reception» («Прием»), в котором описывается встреча «шуанов» в тюрьме Боде.

[27] Термин «инфернальная армия» Бабеф, видимо, заимствует из практики Вандеи, где для борьбы с мятежниками иногда организовывались отряды, носившие название «адских (инфернальных) колонн». Обращение к «инфернальной армии» свидетельствует о том, что Бабефу удалось установить прочные связи с аррасскими демократами и санкюлотами. В качестве эпиграфа Бабеф дает две перефразированные строки из «Марсельезы». Обращение это впервые было опубликовано В. Адвиеллем. Мы печатаем его по оригиналу, сохранившемуся в ЦПА ИМЛ.

[28] Текст печатается по рукописному черновику, хранящемуся в ЦПА ИМЛ. Бабеф имеет в виду № 11 «Писем к моим избирателям» («Lettres à mes commetants») Робеспьера.

[29] Второе обращение к санкюлотам Арраса посвящено Конституции 1795 года, утвержденной термидорианским Конвентом 5 фрюктидора III года (22 августа 1795 г.). На 20 фрюктидора (6 сентября) были назначены первичные собрания для утверждения этой новой Конституции, уничтожавшей демократические основы Конституции 1793 года.

[30] Конституция 1795 года предусматривала создание двухпалатной системы и высшего органа исполнительной власти, Директории, из пяти членов. Список кандидатов в Директорию должен был намечаться Советом 500, а избрание по этому списку членов Директории должно было осуществляться Советом старейшин.

[31] Вместе с Конституцией на утверждение первичных собраний поступили два дополнительных декрета Конвента от 5 и 13 фрюктидора (22 и 30 августа). Согласно этим декретам, новые органы законодательной власти должны были состоять не менее чем на 2/3 из прежних членов Конвента. Если же выборы не обеспечат такого состава законодательного корпуса, то декретом 13 фрюктидора предусматривалось собрание уже избранных членов для доизбрания недостающих к 2/3 бывших членов Конвента и

для их последующей кооптации. Таким образом, декреты предусматривали, как и указывал Бабеф, несменяемость большинства членов термидорианского Конвента. Именно эти декреты встретили ожесточенную оппозицию и слева, и справа, со стороны монархистов, рассчитывавших собрать большинство на предстоящих выборах. Они и явились главным поводом, вызвавшим контрреволюционный мятеж в Париже 13 вандемьера IV года (5 октября 1795 г.).

13 ВАНДЕМЬЕРА

1 Бабеф вместе с Ш. Жерменом 24 фрюктидора (10 сентября) были переброшены из Арраса в Париж, в тюрьму Плесси. Здесь он познакомился с рядом будущих видных деятелей «заговора во имя равенства», в том числе Буонарроти. Среди заключенных в Плесси находился также робеспьерист Марк Антуан Жюльен (1775—1848), с которым Бабеф тогда сблизился. В архиве М.-А. Жюльена, хранящемся в ЦПА ИМЛ (ф. 317), был обнаружен ряд документов, характеризующих поведение Бабефа в дни вандемьерского мятежа, в том числе три документа, написанных рукой Бабефа. Они публикуются в настоящем томе (см. *В. Далин.* Люди и идеи. М., 1970, стр. 46—51).

2 Как писал 13 вандемьера (5 октября 1795 г.) в своем дневнике Жюльен (ЦПА ИМЛ, ф. 317, д. 807), «весь день в Париже бил набат; под вечер стали слышны пушки; издалека доносился шум сражения. Вдруг наступила страшная тишина. Приближалась ночь. Гудел набат... Мрачное и глубокое беспокойство заметно было на лицах заключенных». В этой обстановке по инициативе Бабефа было решено потребовать в Конвенте хотя бы временного освобождения заключенных, чтобы предоставить им возможность личного участия в борьбе за сохранение Республики. К начальнику тюрьмы Али была направлена делегация, в которую входили Бабеф, Жюльен и Тюрро. Текст обращения был написан собственноручно Бабефом. Под заявлением подписались несколько десятков узников Плесси. В числе первых подписей — Шарль Жермен, М.-А. Жюльен и Бабеф.

3 Бабеф подготовил также проект письма от имени Али в Комитет общественной безопасности. Текст его также сохранился в фонде Жюльена (ЦПА ИМЛ, ф. 317, д. 803). Как сообщает Жюльен, делегация вновь посетила Али в ночь с 13 на 14 вандемьера.

4 Не получив ответа на обращение, переданное через Али, Бабеф утром 14 вандемьера (6 октября 1795 г.) составил обращение непосредственно к Конвенту. Оно публикуется по оригиналу (ЦПА ИМЛ, ф. 317, д. 805).

5 Регул — римский полководец, консул в 256 г. до н. э. Потерпел поражение в первой Пунической войне и попал в плен к карфагенянам. Был ими отпущен в Рим для мирных переговоров и дал обещание вернуться, если римляне отвергнут предложение мира. После возвращения Регул был казнен карфагенянами.

6 После подавления вандемьерского мятежа началось освобождение республиканцев-заключенных: так М. А. Жюльен был освобожден 21 вандемьера (12 октября 1795 г.). Однако Бабеф еще некоторое время продолжал оставаться в заключении и усиленно добивался своего освобождения, о чем свидетельствует публикуемое в томе его письмо от 22 вандемьера неизвестному адресату, сохранившееся в ЦПА ИМЛ.

7 Понс из Вердена (1759—1844), Гарро Пьер Ансельм (1762—1819), Шарль Дюваль (1750—1829), Жан Бассаль (1752—1801), Жан Меолль (1757—1824) — якобинцы, члены Конвента, занимавшие левую позицию в 1795 г. Понс и Гарро в 1794 г. помогли хлопотам об освобождении Бабефа; Ш. Дюваль был редактором демократической «Газеты свободных людей» («Journal des hommes libres»). Антонелль Пьер Антуан (1747—1817) — маркиз; в 1790 г. — мэр города Арля; депутат Законодательного собрания

от деп. Буш-дю-Рон; в 1793 г. — присяжный парижского революционного трибунала; сотрудник демократических газет, участник бабувистского движения, член тайной директории, фигурировал в качестве обвиняемого на Вандомском процессе, но был оправдан. После Реставрации поддержал Людовика XVIII (см. его брошюру «Le dernier rêve d'un vieillard» — «Последняя мечта старика»).

[8] Топино-Лебрен — художник; присяжный в парижском Революционном трибунале; впоследствии был близок к бабувистскому движению; казнен в 1801 г. по обвинению в покушении на Наполеона.

[9] Парен Пьер-Матье (1755—1801) — участник взятия Бастилии, член клуба Кордельеров, генерал революционной армии, в бабувистском движении один из руководителей военной организации, впоследствии стал осведомителем Фуше и министерства полиции.

[10] Буэн Матюрен — видный деятель парижского секционного движения в годы революции; мировой судья; в движении Бабефа — тайный агент одного из округов; в 1801 г. отправлен в ссылку, где и погиб.

[11] Ко второй декаде вандемьера относятся еще два письма, из которых сохранились только отрывки (в каталоге рукописей Шараве). Одно из них, от 17 вандемьера, адресовано депутату Т. (?): «Я приветствую тебя, мой друг. После поворота в делах, вызванного событиями 13-го [вандемьера], больше чем когда-либо в порядке дня стоит вопрос о моем освобождении». Другое письмо, от 18 вандемьера, было адресовано Бабефом упомянутому выше Топино-Лебрену: «Болото гниет, жирондисты гниют, термидорианцы прогнили. Соединяйте их, как хотите, но их взаимное брожение в конечном счете приведет только к гнили... Народ может спасти только сам народ, но как мы можем помочь ему исцелить свои беды, если от него упорно будут скрывать их причины» (см. *V. Daline*, *A. Saitta*, *A. Soboul.* Inventaire des manuscrits et imprimés de Babeuf. Paris, 1966, p. 110—111).

МАНИФЕСТ ПЛЕБЕЕВ

[1] Изоар был убит в тюрьме Экса монархистами.

[2] Бабеф был освобожден 26 вандемьера (18 октября 1795 г.). 29 вандемьера Жюльен писал в дневнике о встрече с Бабефом: «Вечером я встречаю Бабефа, который лично повидал всех революционеров и прощупал умы, народ, предместья... Он вернулся недовольный и потеряв надежду». На следующий день они вновь встретились: «30 утром я снова с ним беседую. Что мы можем сделать? Что может сделать честный и чистый человек!» (ЦПА ИМЛ, ф. 317, д. 767). В начале брюмера Бабеф опубликовал проспект «Трибуна народа», в котором он начал открытое изложение своей коммунистической доктрины, видя в этом единственное средство для преодоления апатии в народных массах. 15 брюмера IV года (6 ноября 1795 г.) Бабеф опубликовал 34-й номер своей газеты. К тому времени (26 октября) Директория вступила в исполнение своих обязанностей. Бабеф сразу же занял враждебную по отношению к ней позицию.

[3] В состав первой палаты входило по Конституции 1795 года 500 человек, в Совет старейшин — 250. К этим 750 депутатам Бабеф добавляет 5 членов Директории.

[4] Понселен де ла Рош-Тильяк Жан-Шарль (1746—1828) — до революции священник, после революции — реакционный журналист, издатель газеты «Le Courrier Français», переименованной позднее в «Le Courrier républicain», а после 9 термидора вновь принявший первоначальное название. Этьен Фейян — монархический журналист.

[5] В этом определении римской истории и Французской революции, как «открытой войны между патрициями и плебеями, между богатыми и

бедными», проявляется чрезвычайно редкое для той эпохи понимание Бабефом роли классовых конфликтов и противоречий.

6 Через полтора года после переворота 9 термидора Бабеф, определяя его как «катастрофу», дает совершенно точную историческую характеристику значения этого события.

7 Вероятно, в тексте опечатка, имеется в виду Боден Пьер-Шарль-Луи (1748—1799) — в первые годы революции мэр Седана, член Законодательного собрания и Конвента от деп. Арденны; позднее член Совета старейшин.

8 О Шаретте см. прим. 129, разд. II; Стоффле Никола (1751—1796) — один из руководителей вандейских мятежников.

9 Бабеф приводит строчку из басни Лафонтена «Лиса и ворона».

10 Лакретель Шарль (1766—1855); о Дюссо Жан-Жозефе см. прим. 81, разд. I; Лагарп Жан-Франсуа (1739—1803) — редактор «Mercure de France»; Шово-Лагард Клод-Франсуа, адвокат, защитник Марии-Антуанетты, редактор «Journal de Perlet»; Болье Клод-Франсуа (1754—1827) — реакционный журналист; Ладевез Николь (1767—1829) — сначала жирондистский, позднее монархический журналист; Мишо Жозеф-Франсуа (1767—1839) — реакционный журналист, редактор газеты «Quotidienne»; Фьеве Жозеф (1767—1839); Виже Луи-Жан-Батист-Этьен (1758—1830) — бывший секретарь графини Прованской; Брусс де Фушре (1767—1807) — реакционный журналист; Рише-Серизи Жан-Тома (1764—1803) — после 9 термидора издавал реакционную газету «Accusateur Public», стал монархистом, активный участник мятежа 13 вандемьера, был арестован и освобожден, после переворота 18 фрюктидора подлежал аресту, но эмигрировал, позднее выполнял поручения Бурбонов; Морелле Андре (1727—1819) — бывший аббат, литератор, позднее член Совета 500; Катр-Мер де Квинси Антуан (1755—1849) — активный участник мятежа 13 вандемьера; Ансон Пьер Юбер — член Учредительного собрания, примыкавший к его умеренному крылу; Билькок Жан-Батист-Луи (1765—1829) — адвокат; Сюарр Жан-Батист-Антуан (1734—1817) — литератор; Порталис Жан-Этьен-Мари — член Совета 500, занимал впоследствии государственные посты при Наполеоне; о Лакруа см. прим. 110 к разд. II — Бабеф перечисляет имена выборщиков 1795 г., получавших наибольшую поддержку реакционной печати.

11 О декретах 5 и 13 фрюктидора см. прим. 31, разд. III.

12 О Жане Дюссо см. прим. 56, разд. II.

13 Ланжюине Жан-Дени (1755—1828) — адвокат до революции, член Учредительного собрания и Конвента от деп. Иль и Вилен, был близок к жирондистам, впоследствии член Совета старейшин, при Наполеоне — сенатор и граф, при Реставрации — пэр; Делаэ Жак Шарль Габриель (1761—1819) — член Конвента от деп. Нижняя Сена, примыкал к жирондистам, хотя стоял и правее их, был в числе осужденных членов Конвента 3 октября 1793 г., скрылся от ареста, участник вандейского восстания, член Совета 500, подлежал аресту после 18 фрюктидора, но скрылся, при Наполеоне преследовался как роялист; Саладен Жан-Батист-Мишель (1752—1812) — юрист, после революции был прокурором-синдиком (см. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2), депутат Законодательного собрания и Конвента от деп. Сомма, видный деятель термидорианской реакции, впоследствии член Совета старейшин, после 18 фрюктидора скрылся от преследований; Ларивьер Анри-Пьер-Франсуа-Иоахим (1761—1838) — член Законодательного собрания и Конвента от деп. Кальвадос, имел монархические симпатии, во время якобинской диктатуры скрылся от преследований, весной 1795 г. был восстановлен в Конвенте, требовал ареста всех членов правительственных комитетов в 1793—1794 гг.; член Совета 500, подлежал аресту после 18 фрюктидора, но скрылся, эмигрировал — все перечисленные Бабефом депутаты Конвента принадлежали к крайне правому его крылу.

[14] Рише-Серизи издавал газету «Общественный обвинитель», см. выше прим. 10.

[15] Буасси д'Англа Франсуа-Антуан (1756—1826) — депутат Учредительного собрания и Конвента от деп. Ардеш; незадолго до 9 термидора восхвалял Робеспьера, видный деятель термидорианской реакции, был докладчиком комиссии, выработавшей Конституцию 1795 года, член Совета 500, граф наполеоновской империи, пэр при Реставрации; Фермон Жак (1752—1831) — юрист, член Учредительного собрания и Конвента от деп. Иль и Вилен, был в списке депутатов, объявленных вне закона 2 июня 1793 г., скрылся от преследований, весной 1795 г. был восстановлен в Конвенте, член и председатель Совета 500, граф Империи; о Ровере см. прим. 138 к разд. II; Байель Жак Шарль (1762—1843) — адвокат, член Конвента от деп. Нижняя Сена; подлежал аресту 3 октября 1793 г., но скрылся, в декабре 1794 г. был вместе с бывшими жирондистами восстановлен в Конвенте, впоследствии член Совета 500 и Трибуната, но Наполеон его удалил; Дульсе де Понтекулан Луи-Гюстав (1764—1853) — военный, депутат Конвента от деп. Кальвадос, был арестован 3 октября 1793 г., восстановлен в Конвенте в марте 1795 г., член Совета 500, был в ссылке после переворота 18 фрюктидора, при Наполеоне — префект, граф, при Реставрации — пэр.

[16] О Луве см. прим. 131 к разд. II.

[17] Кюсси Габриель (1739—1793) — депутат Учредительного собрания и Конвента от деп. Кальвадос, был в списке 22 жирондистов, подлежавших аресту 2 июня 1793 г., скрылся, но был арестован в Бордо и опознан Тальеном и Шабо, после чего был казнен в Париже; Бирото Жан-Бонавентур-Блэз-Иларион (1758—1793) — адвокат, член Конвента, видный жирондист и участник федералистских мятежей, был казнен в присутствии Тальена. Тальену приписывалось также участие в сентябрьских событиях 1792 г. в Париже.

[18] Верньо Пьер Виктюрньен (1753—1793) — член Законодательного собрания и Конвента от деп. Жиронда, один из лидеров жирондистов, был казнен после 2 июня.

[19] Редерер Пьер-Луи (1754—1835) — граф, член Учредительного собрания; входил в клуб фейянов, прокурор-синдик Парижского департамента в 1792 г., принадлежал к числу умеренных деятелей революции, стал бонапартистом, при Наполеоне занимал ряд видных государственных постов, член Государственного совета и сената, в бытность Жозефа Бонапарта неаполитанским королем — министр финансов в Неаполе, пэр при Июльской монархии.

[20] О Лагарпе Жане Франсуа (1739—1803) см. выше прим. 10.

[21] Монтескью (1730—1798) — до революции командовал бригадой; член Учредительного собрания; в годы революции руководил Южной и Альпийской армиями, но был смещен и переехал в Швейцарию.

[22] Ломон Клод-Жан-Батист (1748—1829) — член Законодательного собрания и Конвента от деп. Кальвадос, придерживался монархистских взглядов, после 13 вандемьера был арестован, член Совета старейшин, был сослан после 18 фрюктидора.

[23] О Кадруа см. прим. 27, разд. II.

[24] О Буассе см. прим. 8, разд. III.

[25] Мария Тереза Шарлотта Бурбон — дочь Людовика XVI, после брака с сыном графа д'Артуа (будущего короля Карла X) герцогиня Ангулемская.

[26] Герцогиня Орлеанская — Луиза Мария Аделаида (1747—1793) — жена герцога Орлеанского (Филиппа Эгалите, т. е. «Филипп-Равенство»), бывшего членом Конвента, казненного в годы террора; Пантьевр Луи (1725—1793) — герцог Бурбон, тесть герцога Орлеанского; Монпансье Антуан Филипп (1775—1807) — герцог, второй сын Филиппа Эгалите; Божоле Луи-Шарль, младший сын Филиппа Эгалите.

27 Конти Луи-Франсуа-Жозеф (1734—1814) — принц; его жена — Фортуната д'Эсте, дочь моденского герцога Франца III д'Эсте.

28 Сын Людовика XVI, которого монархисты называли Людовиком XVII (1785—1795), скончался в заключении в июне 1795 г.

29 См. выше прим. 15.

30 О Саладене см. выше прим. 13.

31 О Лакруа см. прим. 110 к разд. II.

32 Бабеф приводит здесь выдержку из той самой речи Бентаболя в Конвенте 27 плювиоза, которая вызвала его письмо к Бентаболю из парижской тюрьмы 28 плювиоза, см. прим. 148, разд. II.

33 В отчете «Moniteur» эта фраза приписывается не Андре Дюмону, а Антуану Тибодо.

34 О Клозеле Жане-Батисте см. прим. 108 к разд. II.

35 Сиейес Эммануэль Жозеф (1748—1836) — видный деятель Французской революции; член Учредительного собрания и Конвента, Совета 500. Член Директории, участник переворота 18 брюмера, входил в состав первого временного консульства, сенатор.

36 Госсюен Констан Жозеф Этьенн (1758—1827) — член Законодательного собрания и Конвента от деп. Нор; впоследствии член Совета 500 и Законодательного корпуса при Наполеоне.

37 Об Армонвилле — см. прим. 111 к разд. II.

38 35-й номер «Трибуна народа» вышел 9 фримера IV года (30 ноября 1795 г.). В нем Бабеф опубликовал свой «Манифест плебеев».

39 Как видно из письма г-жи Шометт (см. прим. 2 к разд. III), Бабеф уже в аррасской тюрьме получил сведения об изменении политической позиции Фуше. Встреча с ним в Париже после освобождения Бабефа привела к их полному и окончательному разрыву. В письме Бабеф дает точную и верную характеристику Фуше, хотя раньше он и питал по отношению к нему некоторые иллюзии.

40 Об Антонелле см. прим. 7 к разд. IV.

41 Лантена Франсуа (1740—1799) — медик; был близок к г-же Ролан и жирондистам. Член Конвента; после событий 31 мая — 2 июня Лантена хотели включить в список поставленных вне закона, но его спас Марат. Во время термидорианской реакции Лантена было поручено влиять на прессу, и в связи с этим он вступил в переписку с Бабефом. Осенью 1794 г. Бабеф в проекте речи в Электоральном клубе, обещая сделать «важное разоблачение» (см. настоящий том, стр. 154), ссылался на письмо Лантена, не называя его имени. Но в публикуемом в настоящем томе (см. стр. 480) письме к Фуше он это имя указал.

42 «Шедевр 11-ти» — Конституция 1795 года, проект которой был выработан Комиссией 11-ти.

43 Бабеф имеет в виду Луция Юния Брута (V в. до н. э.), по преданию, первого плебейского трибуна в Риме, добившегося упразднения долгов.

44 Опимий Луций — римский консул, возглавивший партию противников Гая Гракха, расправившуюся с ним.

45 О Ш. Дювале см. прим. 136 к разд. II и 7 к разд. IV; о газете, редактировавшейся Дювалем, см.: *M. Fayn.* Le Journal des hommes libres de tous les pays. — «AHRF», 1975, N 220; *idem.* The Attitude of the Journal des Hommes libres Towards the Babouvists. — «International Review of Social History», 1974, pt. II.

46 Жакен — журналист, издавал «Утреннюю газету» («Journal du Matin»).

47 Меэ де ла Туш (см. прим. 5 к разд. I) совместно с Реалем (см. прим. 34 к разд. I) издавали осенью 1795 г. «Газету патриотов 1789 года» («Journal des patriotes de 1789»), субсидировавшуюся Директорией. После 1799 г., когда «Газета свободных людей» перешла в руки Фуше, Меэ де

ла Туш был одно время ее редактором. Дальнейшая судьба Мeэ неясна. Некоторое время при Наполеоне он был в ссылке. Затем отправился в Англию, где связался с эмигрантами, по-видимому выполняя миссию Фуше. При Реставрации возобновил литературную деятельность, но вскоре вынужден был покинуть Францию; вернулся только в 1819 г. Умер в нищете в 1826 г.

48 Марий Гай (156—86 гг. до н. э.) — римский военачальник, семикратно избиравшийся консулом; Сулла Люций Корнелий (132—78 гг. до н. э.) — римский консул и диктатор. Оба — политические деятели Рима в переходный период гражданских войн, предшествовавших установлению империи. Марий и особенно Сулла известны беспощадными расправами со своими противниками.

49 Корматен Пьер-Мари-Фелисите, барон Дезоте; был полковником королевской стражи; один из руководителей монархистских и вандейских мятежников. Реаль собирался выступить его защитником на суде в 1795 г. Как указывает Бабеф, Реаль собирался защищать и Лакруа, автора монархистского памфлета «Le Spectateur Français» (см. прим. 110 к разд. II).

50 О Лебуа см. прим. 5 к разд. III; позднее (в частности, в 40-м номере «Трибуна народа») Бабеф давал положительную характеристику Лебуа и хвалил его за отказ от сотрудничества с Директорией.

51 Газета «Плебейский оратор» («L'Orateur plébéien») выпускалась М.-А. Жюльеном после его освобождения. Как пишет Бабеф, договоренность об этом издании была достигнута между ним и Жюльеном еще во время их пребывания в тюрьме Плесси. Однако Жюльен сразу отклонился от того политического курса, который был им намечен совместно с Бабефом. На первых порах он еще поддерживал с бабувистами связи, но позже порвал их полностью и даже утверждал, что заговор «может послужить только на пользу монархистам» (ЦПА ИМЛ, ф. 317, д. 872). Жюльен все же был включен в список лиц, подлежавших аресту в связи с заговором. В своем протесте Жюльен писал: «Какой честный человек, прочитав последние номера «Плебейского оратора» (Директории было известно, что я руковожу его редакцией)... мог включить меня в список заговорщиков!» (там же). В 1836 г. Буонарроти писал о Жюльене: «...уже давно я знаю слабость его мыслей и избыток тщеславия. Это бывший поклонник Максимилиана [Робеспьера], которого он, вероятно, никогда не понимал» («AHRF», 1955, N 133).

52 О Лебоне см. прим. 52 к разд. I. В первых номерах «Газеты свободы печати» Бабеф опубликовал письмо из Арраса с резкими нападками на Лебона; письмо это отражало мнение Гюффруа, ставшего после 9 термидора злейшим противником Лебона. С изменением позиции Бабефа в оценке термидорианского переворота он пересмотрел и свое отношение к Лебону. В аррасской тюрьме Бабеф установил связь с женой Лебона и его сторонниками в Па-де-Кале. В ЦПА ИМЛ сохранилось письмо жены Лебона (ф. 223, оп. 2, д. 309) от 2 фрюктидора (19 августа 1795 г.) в ответ на письмо к ней Бабефа от 26 термидора (не уцелевшее). В одном из своих писем того времени жена Лебона сообщила, что «все друзья (ее мужа. — *В. Д.*) находятся в постоянной связи с Бабефом» (см. «AHRF», 1934, № 63). Бабеф выражал готовность отправиться в Амьен, чтобы выступить свидетелем на процессе Лебона. В защитительной речи на Вандомском процессе Бабеф весьма сочувственно говорил о Лебоне.

53 О Луве см. прим. 131 к разд. II.

54 О Рише-Серизи см. выше прим. 10 и 14.

55 Перле Шарль-Фредерик — реакционный журналист; издатель «Le Journal de Perlet».

56 О Понселене см. выше прим. 4.

57 Эв Антуан-Франсуа известен под именем Демайо (род. в 1747 г.), до революции — актер и драматург, в годы революции — активный якобинец.

При Наполеоне подвергался преследованиям. Принимал деятельное участие в первом заговоре генерала Мале (1808) и был причастен и ко второму заговору (1812). В 1814 г. опубликовал воспоминания о своем пребывании в тюрьмах.

58 Сыновья Корнелии — Тиберий и Гай Гракхи.

59 М.-А. Жюльен сотрудничал не только в «Плебейском ораторе», но и в «Газете свободных людей» (в ЦПА ИМЛ в фонде Жюльена сохранился список его статей, опубликованных в этой газете). Эти статьи Жюльен нередко печатал одновременно и в «Плебейском ораторе». Бабеф отмечает это обстоятельство.

60 Имеется в виду брошюра Антонелля «Observations sur le droit de cité», в которой дана была критика Конституции 1795 года.

61 Фокс Чарлз Джеймс (1749—1806) — лидер радикального крыла английских вигов.

62 Луций Юний Брут (VI в. до н. э.) — по преданию, основатель римской республики, содействовавший изгнанию последнего римского царя, Тарквиния, первый консул республики. Марк Юний Брут (85—42 гг. до н. э.) — глава заговора против Цезаря, заколовший его (44 г. до н. э.), позднее потерпевший поражение в борьбе против продолжателей дела Цезаря и лишивший себя жизни. В годы Французской революции считался образцом республиканской добродетели.

63 Кориолан Гней Марий (V в. до н. э.), по преданию, руководил римлянами при взятии Кориол, подвергся преследованиям за неправильный раздел добычи, перешел на сторону противников римлян — вольсков; предводительствовал ими при осаде Рима, но в конце концов был убит вольсками как изменник.

64 Верто Рене-Обер (1655—1735) — аббат, историк, наибольшей известностью пользовался его труд «Histoire des révolutions de la république romaine» («История революций в Римской республике»), вышедший в 1719 г. и неоднократно переиздававшийся.

65 Судя по всему, излагая события римской истории, Бабеф опирался на книгу Верто (см. предыдущее примечание). Так, при изложении деятельности Кассия Висцеллина Бабеф пользуется 1-м томом книги Верто (6-е издание, 1757, стр. 242—260). Хронологические даты, называемые Бабефом, совпадают с датами, указанными Верто. Также по Верто Бабеф излагает, с небольшими отступлениями, речь консула Эмилия, деятельность трибуна Терентилия Арсы, речь Сиция Дентата и Манлия (то же издание, т. I, стр. 310—311, 403—405; т. II, стр. 257). Однако Бабеф расходится с Верто в оценке деятельности Манлия. По Верто (т. II, стр. 274) Бабеф излагает и речь Секстия. Но в заключительном предложении об избрании консула Бабеф заменяет слово «консул» словом «магистраты» (должностные лица). В изложении речи Тиберия Гракха Бабеф также следует тексту Верто (т. II, стр. 342). Труд Верто, вероятно, привлек к себе внимание Бабефа потому, что в нем очень подробно освещена борьба за «аграрный закон» в Римской республике.

66 Об отношении Бабефа к «аграрному закону» и о его понимании этой идеи см. вводную статью ко 2-му тому Сочинений. В 1786 г. в пространном письме к Дюбуа де Фоссе Бабеф высказался против этой идеи (см. *Г. Бабеф*. Сочинения, т. 1, стр. 92, 97—98). В 1789 г. в «Постоянном кадастре» (см. там же, стр. 298, 310—311), как и в письме к Купе от 10 сентября 1791 г. (*Г. Бабеф*. Сочинения, т. 2, стр. 274—280), Бабеф ее поддерживал, но вкладывал в нее другое содержание, нежели те ее сторонники, которые отстаивали передел земель в частную собственность. В 35-м номере «Трибуна народа» Бабеф разъясняет, что он и его единомышленники добиваются большего, чем «аграрный закон», — общества «совершенного равенства».

67 В «Новом жизнеописании Иисуса Христа» (см. *Г. Бабеф.* Сочинения, т. 2, стр. 426—428) Бабеф изложил свое отношение к Христу, резко отличное от позиции Ж.-Ж. Руссо и Эбера.

68 Бабеф придавал очень большое значение этой мысли Руссо, сформулированной им в «Общественном договоре» (9-я глава 1-й книги «Le Contrat social»). Он привел ее в 1791 г. в своих заметках «Хроника. Об аграрном законе» (см. *Г. Бабеф.* Сочинения, т. 2, стр. 478) и повторял ее многократно. Вероятно, ее он имел в виду в своей речи на Вандомском процессе, когда указывал, что «несколько слов» Руссо стоят иногда «целых томов» (см. *V. Advielle.* Histoire de Gracchus Babeuf..., v. 2, p. 46).

69 Бабеф, как и большинство его современников, приписывал Дидро «Кодекс природы», написанный Морелли, в котором излагались его коммунистические идеи. Это объясняется тем, что «Кодекс природы» был включен в издание сочинений Дидро, вышедшее в 1772—1773 гг. в Лондоне и Амстердаме. Это издание осуществлялось без участия Дидро, но он не протестовал против включения «Кодекса». Бабеф ссылался на Дидро и в своей речи на Вандомском процессе. Только в 1841 г. Вильгардель установил, что автором «Кодекса природы» являлся Морелли, а не Дидро. Бабеф, как считал В. П. Волгин, ознакомился с «Кодексом природы» только в годы революции, вполне вероятно после 9 термидора. В более ранних его произведениях влияние идей Морелли еще не прослеживается.

70 Бабеф придавал большое значение речи Робеспьера 21 апреля 1793 г., в которой был изложен его проект Декларации прав человека; в нем указывалось, что право собственности должно быть ограничено обязанностью уважать права всех остальных членов общества и не наносить ущерба их безопасности, их свободе, их существованию и их собственности (см. *Г. Бабеф.* Сочинения, т. 2, стр. 378). Однако замечание Бабефа в 35-м номере, что Конвент не внес изменений в проект декларации Робеспьера, неточно: редакция пункта о собственности была изменена. Бабеф сам указал на это в 40-м номере «Трибуна народа».

71 Арман (из Мёзы) Жан-Батист (1751—1816) — адвокат до революции; член Конвента. Его речь 17 апреля 1793 г. вышла отдельным изданием — «Quelques idées sur les premiers éléments du nouveau contrat social des Français... proposées à la séance du 17 avril 1793» («Некоторые идеи о первоосновах нового общественного договора французов... изложенные в заседании 17 апреля 1793»). Бабеф ознакомился с этой речью по газете Одуена. Это показывает, насколько внимательно он читал прессу и как привлекало его внимание все, что касалось социальных проблем. Речи Армана из Мёзы уделил большое внимание и Жорес (см. «Histoire socialiste...», t. 6, p. 44—53). Позднее Арман, как и отмечает Бабеф, стал термидорианцем; был членом Совета 500. При Наполеоне — префект деп. Нижний Рейн.

72 О Рейнале см. прим. 46 к разд. II. До революции и в начале ее Бабеф восторженно отзывался о Рейнале (см., например, *Г. Бабеф.* Сочинения, т. 2, стр. 206). В данном месте Бабеф имеет в виду «Философскую историю обеих Индий», написанную Рейналем в сотрудничестве с Дидро.

73 О Тальене см. прим. 25 к разд. I и прим. 84 к разд. II.

74 «Манифест плебеев», «первый подлинный кодекс природы», Бабеф написал еще во время своего пребывания в аррасской тюрьме. Он переслал этот проект Ш. Жермену, который принял его восторженно: «Твой план, — писал он, — является кодексом, который провозгласили бы сами Гракхи, если бы только подлые Аппии... их не задушили». Жермен разделил этот проект Бабефа на 35 пунктов, считая, что «каждый из этих пунктов подлежит отдельному обсуждению» (см. *V. Advielle.* Op. cit., v. 1, p. 142—143). В таком виде этот документ Бабефа распространялся в аррасских и парижских тюрьмах. Он сохранился в личном фонде М.-А. Жюльена (ЦПА ИМЛ, ф. 317, л. 767) под названием «Notes ou

questions qu'on pourrait traiter d'agrairiennes» («Заметки или вопросы, которые можно назвать аграрными»). При ближайшем сравнении выяснилось, что этот аррасский текст «Манифеста плебеев» мало чем отличается от окончательного текста, опубликованного Бабефом в 35-м номере «Трибуна народа» (см. *В. М. Далин.* К истории «Манифеста плебеев». — В сб.: История социалистических учений. М., 1964). «Манифест» является произведением, в котором коммунистические идеи Бабефа нашли свое наиболее ясное и четкое изложение.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1 Публикуемые в приложениях к III тому заметки Бабефа относятся к осени—зиме 1794/95 г. Заметки Бабефа при чтении «Цепей рабства» Марата (см. прим. 19, разд. I) сделаны на левой стороне того же листа бумаги, на правой стороне которого содержится бабефовский проект обращения по поводу адреса 18 вандемьера III года (9 октября 1794 г.), принятого Конвентом по предложению Камбасереса. Их можно поэтому датировать сентябрем—октябрем 1794 г. Примерно к тому же периоду относятся и записи Бабефа, сделанные им при чтении «Писем к моим избирателям» Максимилиана Робеспьера. Более позднего происхождения заметки Бабефа по поводу борьбы в Конвенте между якобинцами и жирондистами. Они относятся, очевидно, к декабрю 1794 г. — январю 1795 г., когда после восстановления жирондистских депутатов в Конвенте началась кампания с целью дискредитации событий 31 мая—2 июня 1793 г., после которых якобинцы пришли к власти. Бабеф был решительным противником этой кампании. Он написал брошюру о 31 мая, с которой ознакомил Фуше (см. прим. 95, разд. II), высказавшегося против ее опубликования. Рукопись этой брошюры не сохранилась. Публикуемые нами записи являются, очевидно, подготовительными материалами к этой брошюре. Е. В. Киселева, сличившая эти записи с газетой Марата, пришла к заключению, что почти все они сделаны на основании этой газеты. Газета Марата с сентября 1792 г. (после созыва Конвента) выходила под названием «Journal de la république française. Par Marat, l'Ami du peuple, Député à la Convention nationale». Все три документа хранятся в ЦПА ИМЛ (ф. 223, д. 449, 459). Публикуются по оригиналу впервые. Записи носят черновой характер, кое-где не поддаются расшифровке или расшифрованы предположительно.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЛЕ 9 ТЕРМИДОРА

БАБЕФ ПРОТИВ ТЕРМИДОРИАНСКОГО КОНВЕНТА

В АРРАССКОЙ ТЮРЬМЕ

13 ВАНДЕМЬЕРА

МАНИФЕСТ ПЛЕБЕЕВ

Гракх Бабеф

СОЧИНЕНИЯ,

т. III

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства Н. Ф. Лейн
Художник А. А. Кущенко
Художественный редактор Ю. П. Трапаков
Технический редактор Л. Н. Золотухина
Корректоры С. А. Андреева, Ф. Г. Сурова

Сдано в набор 6/IV 1977 г.
Подписано к печати 21/VI 1977 г.
Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 36,62. Уч.-изд. л. 42. Тираж 34 000.
Тип. зак. 296. Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, Профсоюзная ул., д. 94 а

1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

2 р. 90 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГРАКХ БАБЕФ • СОЧИНЕНИЯ

3